

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

06
У

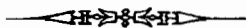
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

VI

06

ДРОБЕДИНО

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Том VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — 1952

7.5686

БМБ
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
ВНЕШНЯЯ ДЕЛЫ СССР

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

СТАТЪИ

И. Н. Мельникова

ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ НА ЗАКАРПАТСКОЙ УКРАИНЕ В 1921—1924 гг.

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала могучее влияние на подъем революционного и национально-освободительного движения во всем мире. Социалистический переворот в России открыл широкие возможности и действительные пути для освобождения угнетенных народов от ига империализма, чем «значительно облегчил угнетенным народам Запада и Востока дело их освобождения, втянув их в общее русло победоносной борьбы с империализмом»¹.

Октябрьская революция вызвала волну массовых революционных выступлений пролетариата в странах Западной и Центральной Европы, дала толчок к развитию национально-освободительной борьбы угнетенных народов. «Октябрьская революция,— говорит И. В. Сталин,— является первой в мире революцией, которая послужила для рабочих и солдат Запада живым спасительным примером и толкнула их на путь действительного освобождения от гнета войны и империализма»². Под воздействием Октябрьской социалистической революции в 1918—1919 гг. произошли революционные восстания и выступления в Германии, Венгрии, Австрии и других европейских странах. Но огромное революционизирующее влияние Великой Октябрьской социалистической революции ни в коей мере не ограничивается временем, непосредственно следующим за Октябрем 1917 г. Мировое значение Октябрьской революции, как указывал И. В. Сталин в своей работе «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», состоит не только в том, что она является великим почином одной страны в деле прорыва системы империализма и первым очагом социализма в капиталистических странах, но также и в том, что она составляет первый этап мировой революции и могучую базу ее дальнейшего развертывания³. «Советская Россия неминуемо должна была превратиться и действительно превратилась в знаменосца мировой пролетарской революции, в центр стягивания передовых революционных сил Запада и Востока»⁴.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 166.

² Там же, стр. 164.

³ См. там же, т. 6, стр. 400.

⁴ Там же, т. 4, стр. 243.

Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции постоянно возрастало по мере укрепления Советской власти, развития Советского государства, его успехов в построении нового, социалистического общества. Созданное Октябрьской революцией Советское государство, первое в мире государство пролетарской диктатуры, стало могучим оплотом мирового революционного движения, маяком, освещающим трудящимся всех стран путь к освобождению от капиталистического рабства. И. В. Сталин в своей гениальной работе «Международный характер Октябрьской революции», написанной к десятилетию Октября, говорил о значении воздействия Октябрьской революции на развитие борьбы международного пролетариата против капитализма, за диктатуру пролетариата: «Теперь уже нельзя рассматривать трудящиеся массы мира как «слепую толпу» бродящую в потёмках и лишённую перспектив, ибо Октябрьская революция создала для них маяк, освещающий им дорогу и дающий перспективы. Если не было раньше **всесветного** открытого форума, откуда можно было бы демонстрировать и оформлять чаяния и стремления угнетённых классов, то теперь такой форум имеется в лице первой пролетарской диктатуры»¹.

1. ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ НА ЗАКАРПАТСКОЙ УКРАИНЕ И ОСНОВАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Влияние идей Великой Октябрьской социалистической революции и опыта социалистического строительства Советского государства имело решающее значение для развития международного революционного движения после 1917 г. Огромное, неопределимое значение имели идеи Октябрьской революции и успехи советского социалистического строительства для развития революционного движения и на Закарпатской Украине.

Октябрьская социалистическая революция освободила от социального и национального гнета все народы бывшей царской России, и среди них украинский народ, который благодаря победе Октября смог при братской помощи великого русского народа, под руководством партии большевиков создать свое национальное украинское государство — Украинскую Советскую республику. Украинский народ, став на советский путь, «...добился, наконец, осуществления своей вековой мечты, создав свое национальное украинское государство и положив этим начало новой и, действительно, славной эпохе своей истории»².

Великая Октябрьская социалистическая революция и создание украинского Советского государства вызвали на Закарпатье, как и в других западно-украинских землях — Западной Украине (Восточной Галиции) и Северной Буковине, мощный подъем революционного движения за национальное и социальное освобождение трудящихся, за воссоединение с Советской Украиной. Но осуществлению стремления закарпатских украинцев к воссоединению с братским украинским народом воспрепятствовали американские и англо-французские империалисты, которые оказали поддержку чешской буржуазии в насильственном включении Закарпатской Украины в состав Чехословакии, представлявшей собой буржуазное государство «нацио-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 10, стр. 246—247.

² В. М. Молотов. Речь на юбилейной сессии Верховного Совета УССР, посвященная тридцатилетию Советской Украины, «Правда», 25.I 1948 г.

нальной победы чехов»¹. Прямое содействие чешским империалистам в порабощении закарпато-украинского народа оказали закарпато-украинские буржуазные националисты, не желавшие видеть Закарпатье в составе Украинского Советского социалистического государства.

Закарпато-украинские трудящиеся не примирились с насильственным включением Закарпатской Украины в состав буржуазного Чехословацкого государства и продолжали революционную борьбу за свое социальное и национальное освобождение, за воссоединение с Советской Украиной. Большой силы революционное движение на Закарпатской Украине достигает летом и осенью 1920 г., во время успешного наступления Красной Армии против белополяков. В декабре 1920 г. рабочие Закарпатья участвовали во всеобщей политической забастовке пролетариата Чехословацкой республики. Своим декабрьским выступлением пролетариат Закарпатской Украины включился в общий пролетарский революционный фронт Чехословакии, связал себя узами боевой классовой солидарности с чешскими и словацкими рабочими².

Битва между пролетариатом и буржуазией, происходившая в Чехословакии в декабре 1920 г., закончилась поражением рабочих. Чехословацкий пролетариат в то время еще не имел своей подлинно революционной партии, способной повести его на решительную борьбу против господства буржуазии, и поэтому действовал недостаточно решительно и организованно. «Марксистская левая», представлявшая наиболее революционную часть социал-демократии, переживала еще этап формирования и становления и не могла осуществлять настоящее революционное руководство пролетарской борьбой.

Чешская империалистическая буржуазия мобилизовала против революционного пролетариата все силы государственного аппарата и с помощью правой оппортунистической части социал-демократии, открыто перешедшей в лагерь контрреволюции, подавила выступление пролетариата. Предательство правых социал-демократов, внесших раскол и дезорганизацию в рабочее движение и вступивших в союз с буржуазией, было основной причиной, приведшей к декабрьскому поражению чехословацкого пролетариата.

Одержав победу над пролетариатом, чешская буржуазия приступила к упорчению своего господствующего положения в республике. С помощью правых социал-демократов она повела решительное наступление на революционные завоевания пролетариата, на жизненный уровень трудящихся города и деревни, усилила экономический и политический гнет на национальных окраинах.

Но буржуазия рано торжествовала победу. Пролетариат Чехословакии извлек серьезные уроки из своего декабрьского поражения. Главным из этих уроков было сознание того, что только под руководством подлинно революционной партии, партии нового типа, пролетариат может успешно бороться против капиталистического господства, за свое освобождение. Следствием этого было революционизирование пролетариата и образование в 1921 г. коммунистической партии Чехословакии. В состав коммунистической партии Чехословакии вошла и краевая коммунистическая организация Закарпатской Украины, выросшая из Международной (Интернациональной) социалистической партии Подкарпатской Руси.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 61.

² См. И. Н. Мельникова. Установление диктатуры чешской империалистической буржуазии в Закарпатской Украине в 1919—1920 гг. «Ученые записки Института славноведения», т. IV, стр. 84—114.

Международная социалистическая партия Подкарпатской Руси была образована в марте 1920 г. путем слияния разрозненных социалистических организаций Закарпатья. Ядро партии составили передовые рабочие и крестьяне — активные участники венгерской социалистической революции, а также бывшие военнопленные, возвращавшиеся из России на родину агитаторами и пропагандистами революционного опыта великой русской революции. В числе их был активный участник Октябрьской революции рабочий из Великого Бычкова Иван Локота, ставший одним из организаторов коммунистического движения на Закарпатской Украине. В создании международной социалистической партии Подкарпатской Руси участвовали также венгерские коммунисты, эмигрировавшие из Венгрии на Закарпатье после падения венгерской советской республики и установления в стране террористического режима кровавого палача Хорти.

Преобладающее влияние и руководящее положение в международной социалистической партии сразу приобрела левая, коммунистическая часть, направившая работу партии по революционному пути, указанному III Интернационалом. Партия быстро завоевала авторитет среди рабочих и трудящихся крестьян Закарпатья, поднимая их на борьбу против чешской империалистической оккупации, за Советскую власть, за воссоединение с Советской Украиной. Партийные органы — газеты «Правда» (позднее переименованная в «Карпатську правду»), издававшаяся на украинском языке, и «Munkás Ujság» («Рабочая газета»), издававшаяся на венгерском языке, разоблачали перед трудящимися действительную сущность «демократизма» буржуазного чехословацкого правительства и предательские действия местных закарпатских буржуазных националистов, содействовавших оккупантам в установлении буржуазно-помещичьего ига и национального гнета на Закарпатской Украине, знакомили трудящихся с революционным опытом русских рабочих и крестьян, призывали следовать их примеру. II Чрезвычайный конгресс (съезд) международной социалистической партии, состоявшийся в Ужгороде 20—21 июня 1920 г., во время всеобщей политической забастовки пролетариата Закарпатья, организованной международной социалистической партией в знак протеста против назначения чехословацким правительством агента американского империализма Жатковича губернатором Подкарпатской Руси, послал приветствие Советской России и официально объявил о присоединении партии к Коммунистическому Интернационалу. В то же время съезд обратился с призывом к чешской социал-демократической партии осуществить организационное объединение революционных сил пролетариата всей республики в единой Чехословацкой революционной социал-демократической партии, стать во главе борьбы за освобождение трудящихся, за социализм. Резолюция съезда заканчивалась призывами: «Да здравствует Ленин! Да здравствует Советская Россия! Вся власть Советам рабочих и крестьянских депутатов!»¹

Первым шагом международной социалистической партии Подкарпатской Руси к объединению с революционными социалистическими организациями Чехословакии было установление сотрудничества с левым крылом социал-демократической партии Словакии. 29—30 июня 1920 г. в Кошицах состоялся Объединенный съезд революционной части словацкой социал-демократической партии и международной социалистической партии Подкарпатской Руси, большинство которого высказалось за присоединение к

¹ «Правда». Орган Международной интернациональной социалистической партии Подкарпатской Руси, № 9—10, 3 июня 1920 г.

III Интернационалу¹. Начатое объединение революционных социалистических организаций Словакии и Закарпатской Украины было завершено на съезде в Любохне, состоявшемся 16—17 января 1921 г. 149 делегатов Любохнянского съезда представляли 241 205 политически организованных пролетариев Словакии и Закарпатской Украины. В качестве гостей на съезде присутствовали представители «марксистской левой» чешской и немецкой социал-демократических партий.

Съезд в Любохне организационно оформил создание «марксистской левой» как самостоятельной политической партии пролетариата Словакии и принял решение о присоединении к III Интернационалу. В резолюции съезда говорилось: «Съезд пролетариата Словакии и Закарпатской Украины, собравшийся 16 января 1921 года в Любохне, выражает свое полное согласие с принципами III Интернационала и от имени организованного пролетариата Словакии и Закарпатской Украины заявляет, что его наивысшим желанием и долгом является присоединение ко всему мировому пролетариату, объединенному в III Интернационале». Заявив о своем согласии с программными условиями Коммунистического Интернационала, съезд выразил надежду, что это же сделают все левые социал-демократические организации Чехословакии и что предстоящий в Праге съезд чехословацкой социал-демократической левой заложит основу создания единой революционной пролетарской партии в Чехословацкой республике. Съезд в Любохне принял решение о создании временного Исполнительного комитета из представителей левых социалистических организаций всех национальностей Словакии и Закарпатской Украины, которому поручалось вести подготовительную работу к участию в предстоящем Пражском съезде и внести на его обсуждение вопрос о переименовании партии и принятии названия «коммунистической»².

Состоявшийся в Любохне съезд левых социалистических организаций Словакии и Закарпатской Украины явился важным этапом на пути к созданию коммунистической партии Чехословакии.

Международная социалистическая партия Подкарпатской Руси развернула активную деятельность за объединение пролетариата в единых, революционных организациях, разоблачая перед рабочими предательство правопортунистической «русской социал-демократической партии», существовавшей на субсидии чехословацкого правительства и являвшейся прямой агентурой чешской буржуазии. О росте влияния Международной социалистической партии в рабочих массах свидетельствует состоявшийся в апреле 1921 г. съезд красных профсоюзов Закарпатской Украины, на котором были обсуждены вопросы об экономическом и политическом положении на Закарпатье и о задачах борьбы за улучшение жизненного положения пролетариата. Съезд высказался за присоединение к III Интернационалу, одобрил решение, принятое на съезде левых социалистических организаций Словакии и Закарпатской Украины в Любохне. Профсоюзный съезд не закончил свою работу, так как по приказу властей был разогнан за «антигосударственную пропаганду»³.

¹ Закарпатский Облгосархив (ЗОГА), ф. 29, ед. хр. 40, лл. 35, 38—48; «Robotnícká povíno», № 118, 29 июня 1920 г.

² V. K o p e c k ý. Třicet let KSČ Praha, 1951, стр. 13—14; M. G o s i o r o v s k ý. Prispěvok k dejnám slovenského robotníckeho hnutia. Bratislava, 1951, s. 135—141. I. V e s e l ý. Lubichia — kolébná komunistického hnutia na Slovensku. «Tvorba» roč XX, № 3, Praha, 1951, s. 59.

³ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 143, л. 99.

Несмотря на полицейский террор, революционные рабочие продолжали борьбу за пролетарское единство. В Перечине, Сваляве, Великом Бычкове, Солотвине и других промышленных районах Закарпатья на собраниях, организуемых международной социалистической партией, рабочие клеймили предательство правых социал-демократов, вносящих раскол в пролетарские ряды, и единодушно высказывались за программу III Интернационала, за создание коммунистической партии¹.

1 мая 1921 г. в городах и селах Закарпатской Украины, несмотря на военное положение и строгое запрещение чехословацкими оккупационными властями проведения первомайских демонстраций, состоялись многолюдные митинги и демонстрации трудящихся. Только в Великом Бычкове и Солотвине в демонстрации участвовало около 5000 человек. Первомайские демонстрации состоялись также в Ужгороде, Чопе, Сваляве, Берегове, Долгом, Великом Севлюше, Хусте, Середнем, Перечине, Туре Быстрой и Великой Березне. Первомайские демонстрации на Закарпатской Украине проходили под лозунгами: «Да здравствует Советская Россия и Советская Украина! Да здравствует III Интернационал! Да здравствует мировая социалистическая революция и власть трудящихся! Да здравствует Коммунистическая партия Чехословакии и Подкарпатской Руси!»²

Революционный пролетариат Закарпатской Украины считал создание коммунистической партии Чехословакии неотложным делом. Накануне открытия в Праге съезда чехословацкой социал-демократической левой, на котором должен был обсуждаться вопрос об образовании коммунистической партии, орган международной социалистической партии — газета «Правда», выражая мысли и стремления революционных рабочих и беднейших крестьян Закарпатья, писала: «Уже довольно нерешительной тактики. Долой соглашательскую политику. Революционные рабочие Подкарпатской Руси с начала своей организационной работы крепко и нерушимо стоят за III Интернационал. И нет такой силы, которая смогла бы их свернуть с этого единственно революционного пути. На днях в Праге состоится конгресс Чехословацкой социал-демократической партии (левой), и пролетариат, а также крестьяне Подкарпатской Руси, решительно ожидают от этого конгресса, чтобы он без всяких оговорок и без колебаний всему революционному пролетариату ЧСР объявил о немедленном основании коммунистической партии»³.

Съезд чехословацкой социал-демократической левой, состоявшийся в Праге 14—17 мая 1921 г., единодушно принял «21 условие» Коммунистического Интернационала и провозгласил образование «Коммунистической партии Чехословакии». Здесь же на съезде в коммунистическую партию Чехословакии вошла и Международная социалистическая партия Подкарпатской Руси, объединившаяся ранее, на съезде в Любохне, с левой социал-демократической партией Словакии.

В октябре 1921 г. на Объединительном съезде в Праге произошло слияние Чехословацкой компартии с немецкой компартией, образовавшейся в Либереце в марте 1921 г. Так завершилось образование единой коммунистической партии Чехословакии⁴.

Создание коммунистической партии в Чехословакии, как и в других

¹ «Правда». Орган Межд. интерн. социал. партии Подкарп. Руси, № 16, 22 апреля 1921 г.

² «Правда». Орган Межд. интерн. социал. партии Подкарп. Руси, № 18—19, 13 мая 1921 г.

³ Там же.

⁴ V. Корескү. Ук. соч., стр. 16—31.

странах, было результатом революционизирования пролетариата и всех трудящихся, результатом могучего влияния Великой Октябрьской социалистической революции, ознаменовавшей неизбежную победу ленинизма над социал-демократизмом в мировом революционном движении.

Указывая на эту сторону всемирно-исторического значения Октябрьской революции, И. В. Сталин писал: «Октябрьскую революцию нельзя считать только революцией в области экономических и общественно-политических отношений. Она есть вместе с тем революция в умах, революция в идеологии рабочего класса. Октябрьская революция родилась и окрепла под флагом марксизма, под флагом идеи диктатуры пролетариата, под флагом ленинизма, который есть марксизм эпохи империализма и пролетарских революций. Она знаменует поэтому победу марксизма над реформизмом, победу ленинизма над социал-демократизмом, победу III Интернационала над II Интернационалом»¹.

Создание коммунистической партии Чехословакии и ее краевой организации на Закарпатской Украине имело огромное значение для развития революционного движения на Закарпатье. В коммунистической партии трудящиеся Закарпатской Украины имели теперь вождя и организатора революционной и национально-освободительной борьбы.

2. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗАКАРПАТСКОЙ УКРАИНЫ В ГОДЫ ПОСЛЕВОЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА (1921 — 1922 гг.)

Образование после первой мировой империалистической войны новых буржуазных национальных государств, одним из которых была Чехословакия, «не установило и не могло установить мирного сожительства национальностей, не устранило и не могло устранить ни национального неравенства, ни национального гнёта»², так как угнетение национальных меньшинств являлось неперемнным условием существования этих государств, основывающихся на частной собственности и классовом неравенстве. Национальное угнетение выразалось в экономическом, политическом и культурном закабалении национальных меньшинств империалистической группой буржуазии господствующей нации.

Захваченную насильственным образом Закарпатскую Украину чешская империалистическая буржуазия стала превращать в свою внутреннюю колонию, используя при этом методы экономического ограбления, военной диктатуры, политического и национального гнета.

Откровенно колонизаторская политика буржуазного чехословацкого правительства на Закарпатской Украине ярко обнаружилась во время послевоенного экономического кризиса 1921—1922 гг., являвшегося следствием крайнего обострения всех капиталистических противоречий и начавшегося в период мировой империалистической войны общего кризиса капиталистической системы.

Чехословацкая республика, унаследовавшая от распавшейся Австро-Венгерской империи свыше $\frac{3}{4}$ ее промышленных предприятий и лишь $\frac{1}{5}$ часть ее территории, с самого момента своего образования была поставлена перед тяжелой экономической проблемой громадного несоответствия между

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 10, стр. 248.

² И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 17.

объемом своего промышленного потенциала и возможностями сбыта. Внутренний рынок мог поглощать лишь около 40% отечественных промышленных товаров¹. При общем послевоенном хаосе экономических отношений в капиталистическом мире и растущей дефляции это неминуемо привело чехословацкую промышленность к тяжелому экономическому кризису.

Чешская финансовая и промышленная буржуазия, занимавшая господствующее положение в государстве, стараясь найти выход из кризиса, предприняла экономическое наступление на слабо развитые в промышленном отношении национальные окраины. Проводимые в эти годы правительством мероприятия в области промышленности, транспорта, финансов, внутренней и внешней торговли и т. п. укрепляли позиции чешского финансового капитала, предоставляли ему широкую возможность экономического закабаления нечешских областей и, прежде всего, Словакии и Закарпатской Украины. На экономике этих областей особенно губительно сказались результаты дефляции, повлекшей за собой свертывание «излишней» промышленности. Укрепляя собственные позиции в экономике республики, крупные чешские промышленники настойчиво добивались дальнейшей аграризации Словакии и Закарпатской Украины, рассматривая их как рынки сбыта своих товаров, источники сырья и дешевых рабочих рук. В годы кризиса на Закарпатской Украине закрылось много мелких и средних промышленных предприятий. Серьезные экономические трудности для закарпатской промышленности создались в связи с установлением в Чехословакии высоких железнодорожных тарифов. При отсутствии в Закарпатье шоссейных дорог и водных путей сообщения владельцам предприятий приходилось затрачивать большие средства на железнодорожную транспортировку грузов. Чрезвычайно тяжело на экономике Закарпатья отразилась проводимая чехословацким правительством политика в области внешней торговли — отказ от заключения торгового договора с Венгрией, сокращение путем строгого регламентирования ввоза и вывоза и введение системы разрешительных лицензий в торговле с Польшей и Румынией. В условиях тяжелого послевоенного экономического положения в Европе резко сократились возможности экспорта в Австрию и Германию. Между тем крупнейшие промышленные предприятия Закарпатья — заводы химической переработки древесины — работали до войны преимущественно на экспорт. Их продукция поступала на венгерский рынок, а также вывозилась в Австрию, Германию, Италию, Польшу, Румынию. В самой Чехословацкой республике в 1921—1922 г. могло потребляться только 5% химических продуктов, получаемых на заводах в Перечине, Сваляве и Великом Бычкове². Неизбежным следствием этого было резкое сокращение производства на деревообделочно-химических предприятиях. Продолжительное время стоял завод «Бантлинов» в Перечине, фабрики «Сольва» в Сваляве и «Клотильда» в Великом Бычкове работали с большими перебоями. Число рабочих на этих предприятиях сократилось по сравнению с довоенным временем в 1921—1922 гг. с 8000 чел. до 1000 чел. Почти в два раза сократилось число рабочих в Солотвинских соляных копях, объем производства которых снизился на 80%. Тяжелый кризис переживала лесная промышленность. В Закарпатье, где леса, занимая около 50% всей площади, составляют главное богатство края,

¹ «Чехословацкая республика», Прага, 1924, стр. 97—127; «Первый торгово-промышленный справочник Чехословакии», Прага, 1920; «Czechoslovakia», 1924, s. 87, 166.

² I. Nečas. Promysel Podkarpatskoj Rusi. «Podkarpatská Rus» (New York, 1924, s. 83), Praha, 1923.

ряд промышленных предприятий стоял из-за недостатка топлива и сырьевой древесины, а население остро нуждалось в дровах. Из 28 деревообделочных предприятий в 1921 г. работали только 14. С потерей венгерского и румынского рынков резко сократилось производство минеральных вод. Некоторые из отраслей местной промышленности, не выдержавшие конкуренции с развитой промышленностью чешских областей, приходили в полный упадок; так было, например, с металлообрабатывающими предприятиями в Фридешеве, Кобылецкой Поляне и Долгом, ранее поставлявшими свои изделия на румынский рынок. Сначала эти заводы более чем вдвое сократили свое производство (число занятых на них рабочих к 1921 г. уменьшилось с 500 до 240 чел., заводы работали два дня в неделю), а потом и вовсе захирели, превратившись в небольшие мастерские. Еще более печальная участь постигла стекольные заводы в Требушанах и Нижних Верещках, совершенно прекратившие производство¹. Чехословацкое правительство, оказывавшее всяческую поддержку чешским промышленникам, не только не помогало восстановлению и развитию промышленности на Закарпатской Украине, а, наоборот, ослабляло промышленный потенциал этой области, что нашло отражение в таких фактах, как консервирование нескольких лесопильных заводов, ставших собственностью государства, и демонстрация крупных деревообделочных предприятий, оборудование которых было вывезено в Чехию². Охраняя интересы чешского капитала, правительство взяло курс на дальнейшую аграризацию Закарпатской Украины.

Вся тяжесть экономических бедствий, связанных с промышленным кризисом, обрушилась прежде всего на плечи трудящихся. В результате сокращения производства сильно увеличилась безработица. Даже по официальным данным, опубликованным правительственной газетой «Prager Presse», число безработных на Закарпатье к началу 1922 г. превышало 15 тыс. человек³. В действительности это число было бы во много раз больше, к тому же оно непрерывно увеличивалось за счет разорявшихся безземельных и малоземельных крестьян. К концу 1923 г. безработными были 90% рабочих Закарпатской Украины. Почти все они были лишены каких-либо государственных пособий⁴.

Буржуазия использовала обстановку кризиса для усиления эксплуатации пролетариата. Закон о 8-часовом рабочем дне на Закарпатье не соблюдался. Ссылаясь на экономические затруднения — сокращение вывоза, высокие железнодорожные тарифы, недостаток топлива и сырья, валютные колебания и т. п., — предприниматели, угрожая закрытием предприятий, ухудшали условия труда рабочих, снижали зарплату, производили массовые увольнения. Фирмы, владевшие химическими заводами «Бантлин», «Сольва» и «Клотильда», в марте — апреле 1922 г. закрыли свои предприятия на 2—3 месяца. Работа была возобновлена только 1 июня, при увольнении большого числа рабочих и сокращении зарплаты на 15—20%. То же самое проделало и «Химическое и лесопромышленное акционерное общество» в Долгом, уволив с лесопильного завода и лесопромыслов около

¹ ЗОГА, ф. 24, ед. хр. 64, л. 30; ф. 29, ед. хр. 38, лл. 21, 29, 101, 103, 133, 159; ед. хр. 142, л. 12; ед. хр. 143, л. 53 и др.

Nečas Promysel Podkarpatskoj Rusi.

«Всі до бою за краще життя на Подкарпатті» — подпольная брошюра краевого комитета КПЧ, 1934 г.

² ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 134, л. 210.

³ «Prager Presse», 3.V 1922.

⁴ «Rude pravo», 15.VI 1924, № 140.

900 человек и понизив зарплату оставшимся рабочим. Массовые увольнения и снижение зарплаты проходили повсеместно¹. При этом промышленники наступали на пролетариат единым фронтом. Было объявлено, что с 1 июня 1921 г. заработная плата будет снижена на 20% по всему Закарпатья². Совершенно очевидным было то, что предприниматели использовали неблагоприятную экономическую ситуацию для увеличения своих прибылей. На это вынуждены были обратить внимание и чешские власти на Закарпатье. По этому поводу в официальном донесении о положении в Марамарошской жупе, на территории которой были расположены великобычковский химический завод «Клотильда», солотвинские соляные копи и много других промышленных предприятий, в марте 1922 г. сообщалось: «Кризис в здешней промышленности до сих пор продолжается. Помимо чисто экономических причин к большим увольнениям рабочих существуют также причины социальные, которые привели предпринимателей к этому шагу. Капиталисты хотят таким образом достичь снижения заработной платы рабочим. Речь идет об экономической борьбе двух классов»³.

Громадный избыток рабочих рук на Закарпатье, создававшийся в результате слабого развития промышленности и большой нужды крестьян в земле, чехословацкое правительство использовало для превращения Закарпатской Украины в источник дешевой рабочей силы, используемой для внутренних промышленных областей Чехословакии, а также поставляемой в другие капиталистические страны. В 1920 г. в Ужгороде было основано специальное «Ведомство труда», деятельность которого заключалась главным образом в размещении закарпатского сельскохозяйственного сезонного пролетариата в западных областях Чехословакии, а также отправке его по специально заключенным соглашениям в Германию, Францию, Австрию и другие страны Европы⁴. Кроме того, приехавшая в Ужгород по приглашению Жатковича «миссия» американских коммерсантов отправляла рабочих и крестьян в Америку для работы на свинцовых рудниках и фермерских плантациях⁵. Некоторое число сельскохозяйственных рабочих ежегодно уезжало из Закарпатья на заработки в Венгрию и Югославию⁶. Показателен тот факт, что население Закарпатья, составляя всего 3,5% населения республики, давало ежегодно свыше 16% общего числа эмиграции из Чехословакии⁷.

Одним из главных результатов дефляции было снижение зарплаты и страшный рост дороговизны. Цены на основные продукты питания по сравнению с довоенным уровнем выросли в Чехословакии в 10 и более раз (на хлеб — в 14 раз, на картофель — в 33, на мясо — в 24 и т. д.⁸). Это не могло не привести к резкому снижению общего жизненного уровня трудящихся Закарпатья. Крайне тяжелым оставалось продовольственное положение. При общем упадке сельского хозяйства, небольшом проценте земли, используемой под пашню (менее 20%)⁹ и самых низких урожаях в рес-

¹ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 142, лл. 12, 121—123; ед. хр. 143, л. 53; ед. хр. 106, лл. 103, 104; ед. хр. 114; л. 145; ед. хр. 109, л. 144.

² ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 105, л. 105.

³ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 143, л. 99.

⁴ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 595, л. 72.

⁵ «Rude pravo», 17 декабря 1921 г., № 295.

⁶ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 151, л. 61; ед. хр. 143, л. 184.

⁷ В. Анучин и А. Спиридонов. Закарпатская область М., 1947, стр. 84.

⁸ «Rude pravo», 3/VIII 1922 г., № 179.

⁹ «Statistische Übersicht der čechoslovakischen Republik», Praha, 1930, s. 65.

публике (по зерновым культурам, например, урожай был почти в 4 раза ниже, чем в Чехии)¹ на Закарпатье, даже в самые урожайные годы, надо было ввозить 6000—7000 вагонов зерна, что составляло $\frac{2}{3}$ потребности края в хлебе². Мероприятия правительства по оказанию так называемой «государственной продовольственной помощи» населению Закарпатья ограничивались привозом небольшого количества кукурузной муки, к тому же часто совершенно негодной к употреблению, и спекулятивным операциям учрежденного для закупки продовольствия за границей «Зернового ведомства». В 1921 г., в результате сильной засухи продовольственное положение стало особенно тяжелым. Крестьянам Верховины собранного хлеба хватило всего на 2—3 месяца. О тяжелом материальном положении Закарпатья свидетельствовал тот факт, что процент смертности здесь был почти в 2 раза выше, чем в Чехии, причем 40% умирало от туберкулеза и эпидемических заболеваний³.

Колонизаторская политика буржуазного чехословацкого правительства на Закарпатской Украине не менее ярко иллюстрируется и бедственным положением сельского населения. На Закарпатье, где почти 90% крестьян были безземельными и малоземельными (70% крестьянских хозяйств имели участки размером не более 2 га и 18% — размером от 2 до 5 га), а громадные земельные латифундии принадлежали государству и крупным частным владельцам, необходимость неотложного проведения земельной реформы ощущалась острее, чем в любой другой части Чехословацкой республики⁴.

Тем не менее чехословацкое правительство не делало ничего для того, чтобы утолить земельный голод закарпатского крестьянства. Земельную реформу оно использовало для укрепления на Закарпатской Украине экономических и политических позиций чешского капитала. По закону 1920 г. на Закарпатье подлежала отчуждению земельная площадь, включая леса и пастбища, примерно в 4000 000 кадастровых угров, или 230 000 га, из этого числа:

пашни 65 000 к. угр., или 37 000 га
леса и пастбищ 335 000 к. угр., или 193 000 га

Но тут же освобождено было от конфискации, согласно § 11 закона о земельной реформе

пашни 17 000 к. угр., или 9800 га
остальной земли 35 000 к. угр., или 20 200 га

Всего 52 000 к. угр., или 30 000 га

Таким образом, для проведения земельной реформы на Закарпатье был определен земельный фонд в 348 000 г. угров, или 200 000 га

в том числе пашни — 48 000 к. угр., или 27 000 га
остальной земли — 300 000 к. угр., или 172 000 га⁵

¹ «Statistisches Jahrbuch der čechoslovakischen Republik», Praha, s. 38.

² ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 595, л. 8.

³ «Statistisches Jahrbuch der čechoslovakischen Republik», Praha, 1938, s. 36—40.

⁴ См. И. Н. Мельникова. Установление диктатуры чешской империалистической буржуазии в Закарпатской Украине в 1919—1920 гг. «Ученые записки Института Славяноведения», т. IV, стр. 95

⁵ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 595, л. 43.

Но эта земля вовсе не предназначалась крестьянам. Значительная часть земли перешла в ведение чехословацкого Министерства земледелия и использовалась для увеличения государственного земельного фонда, хотя и без того в 1921 г. государству принадлежало на Закарпатье 363 681 га, или половина всей обрабатываемой земли и пастбищ (из общего количества 600 036 га)¹. Увеличение государственного земельного фонда на Закарпатье чехословацкое правительство проводило с целью дальнейшего укрепления экономических и политических позиций чешской буржуазии в этом оккупированном крае.

Проведение земельной реформы на Закарпатье правительство намечало двумя этапами. В 1920—1923 гг. осуществлялся первый этап — так называемый «малый план раздела», по которому для раздела предназначалось всего 53 980 кат. угров, что составляло менее $\frac{1}{5}$ части определенного для реформы земельного фонда. Из этого количества земли 450 000 крестьянских хозяйств получили в собственность всего 14 839 кат. угров, или 27,5%. Земля, составлявшая остальные 72,5%, предназначалась Министерству земледелия, колонистам и частично оставалась в собственности крупных помещиков². Чехословацкое правительство основывало в Закарпатье так называемые «образцовые хозяйства», лишая закарпатских крестьян земли во имя «обучения их высокой земледельческой культуре». Около 20 000 кат. угров отводилось для колонизации. Лучшие земли в долине по венгерской границе «из стратегических соображений» заселялись чешскими кулаками и легионерами, причем надел, отводимый чешскому колонисту, составлял примерно 15 га, в то время как закарпатский крестьянин, которому удавалось приобрести надел, получал не более 1,5 га³. Исключения делались лишь для небольшой группы зажиточных крестьян, получавших землю из колонизационного фонда. Цены на землю, определяемую Министерством земледелия к продаже, во много раз превышали действительную стоимость земли. Поэтому крестьянин, покупавший участок, сразу попадал в тяжелую долговую кабалу. Очень незначительное количество земли Министерством земледелия выделяло крестьянам во временное пользование. Но условием такой аренды были крайне невыгодными для крестьян. Максимум арендных цен установлен не был. Чаще всего крестьянину приходилось отдавать в счет арендной платы значительную долю урожая. Это тяжелое для крестьян условие земельной аренды, узаконенное в 1922 г. изданием закона о натуральной аренде⁴, вместе с сохранявшейся еще коблиной и роковиной, являлось по существу феодальной повинностью закарпатского крестьянина в пользу государства, помещиков и униатской церкви. Проведение земельной реформы к тому же лишало крестьян значительной части той земли, которой они фактически пользовались раньше. Примером может служить село Великая Добронь. По закону о земельной реформе в распоряжение Земельного ведомства перешло имение, землей которого раньше пользовались на правах аренды 350 мелких крестьянских хозяйств. Раздел был произведен так, что 320 бедных крестьян совсем лишились земли и только 30 получили карликовые участки размером 0,5—1 угров⁵. Вся остальная земля попала в руки колонистов и кулаков — сторонников аграрной партии.

¹ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 595, л. 8.

² «Rude pravo», 12.VIII 1924, № 189.

³ «Rude pravo», 12.VIII 1924, № 189; «Подкарпатская Русь за годы 1919—1936», Ужгород, 1936, стр. 49.

⁴ Закарпатский Облгосархив, ф. 29, ед. хр. 143, л. 99.

⁵ «Rude pravo», 12.VIII 1924, № 189.

Проводимая буржуазно-помещичьим чехословацким правительством земельная реформа усиливала социальную дифференциацию крестьянства, вела к дальнейшему разорению крестьянских масс и в то же время к росту и обогащению кулацкой верхушки.

Обезземеленное, разоряемое повинностями и долгами государству, банкам и ростовщикам закарпатское трудовое крестьянство жило в беспросветной нужде. Для характеристики тяжелого положения крестьянства чрезвычайно показательны рост налогового бремени. Если в 1919 г. все население Закарпатья платило налогов 9 млн. крон, то в 1921 г. сумма налогообложения выросла до 55 млн. крон.

Не сделав ничего для улучшения положения трудящихся масс Закарпатья, для экономического подъема края и выполнения обещанной программы «автономного устройства», чехословацкое правительство вместе с тем еще более усилило на Закарпатской Украине оккупационный режим, опиравшийся на силу военной диктатуры. Вся власть на Закарпатья попрежнему оставалась в руках Гражданского управления — бюрократического оккупационного аппарата, возглавляемого вице-губернатором Эренфельдом. Правда, в апреле 1921 г. «исчез» губернатор. Ставленник американского империализма Жаткович отказался от звания «подкарпатского губернатора» и решил возвратиться в Америку. Жаткович был ловким авантюристом, состоявшим на службе у американских миллионеров. Он сыграл подлую роль по отношению к закарпато-украинскому народу, явившись одним из ревностных исполнителей разработанного заправилами Уолл-стрита и одобренного на мирной конференции в Париже злодейского плана империалистического закабаления Закарпатской Украины. Перед отъездом в Америку Жаткович разыграл гнусную комедию борьбы «за справедливость», «за автономию Подкарпатья», направив в Прагу несколько меморандумов, в которых излагалась программа «национальной автономии», принятая в 1918 г. буржуазными деятелями закарпатской эмиграции в Скрантоне (США) на конгрессе «Американской национальной рады русинов» под диктовку правительства Соединенных Штатов Америки¹. Напомнив о несоблюдении Чехословакией статей Сен-Жерменского договора, касающихся положения Подкарпатской Руси, и угрожая Праге международным скандалом, Жаткович сумел получить от чехословацкого правительства солидную денежную сумму (около 2 млн.), как вознаграждение «за услуги и молчание», и уехал в Америку². Закарпатско-украинская буржуазия попробовала использовать отъезд Жатковича в своих интересах, рассчитывая получить кое-что от чехословацкого правительства в области расширения своих экономических и политических прав. В апреле 1921 г. в Прагу прибыла депутация закарпато-украинских буржуазных партий. Переговоры, которые она вела с правительством, касались главным образом вопроса автономного устройства Закарпатья. Чехословацкое правительство, заинтересованное в получении возможности использовать местные буржуазные партии для укрепления своего господства на Закарпатья, и в первую очередь для борьбы с революционным движением, обещало в ближайшее время рассмотреть вопрос о созыве автономного сейма и возможностях осуществления других пунктов «автономного устройства»³.

¹ См. И. Н. Мельникова. Как была включена Закарпатская Украина в состав Чехословакии в 1919 г. «Ученые записки института славяноведения», т. III, 1951, стр. 114, 117.

² Закарпатский Облгосархив, ф. 29, ед. хр. 134, л. 222.

³ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 112, л. 28; «Slovenský vychod». 24. IV 1921; «Lidové noviny», 24. IV 1921.

2 Ученые записки, т. VI

ВНИМАНИЕ
СЛУЖБЫ
СОВЕТСКОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА

Эти обещания нисколько не мешали чехословацкому правительству и далее укреплять свой оккупационный режим на Закарпатской Украине. Ни о каких демократических порядках, обещанных чехословацким правительством в 1919 г., не было и речи. Население Закарпатской Украины не было допущено к выборам в Национальное собрание Чехословакии в 1920 г. как «политически незрелое». По этой же «причине» чехословацкое правительство отложило на неопределенное время выборы в «автономный сейм». Больше того, не были проведены даже выборы местных органов самоуправления, сельских старост. Снизу доверху, с села до управления краем, господствовала безраздельная, ничем не ограниченная власть чешских чиновников и жандармов. Последним отводилась особо большая роль в установлении чешских «демократических порядков» на Закарпатской Украине. В официальном отчете о 10-летней деятельности чехословацких учреждений на Подкарпатской Руси в 1928 г. признавалось, что с самого начала «не было ни одного отдела государственной администрации, которому бы не требовалась помощь и поддержка жандармерии»¹. В марте 1919 г., еще до официального включения Закарпатской Украины в состав Чехословакии, в Ужгород вступил первый отряд чешской жандармерии, а в 1921 г. на Подкарпатье было уже 10 000 жандармов². В течение ряда лет чехословацкое правительство сохраняло на Закарпатье режим военной диктатуры, используя его для борьбы против революционного движения. Запрещение собраний, рабочих организаций, стачек и демонстраций, жесткая цензура, аресты и расстрелы,— все средства политического террора использовались чешскими оккупационными властями в борьбе против коммунистической партии, ставшей во главе революционного движения трудящихся.

Послевоенный экономический кризис чрезвычайно ухудшил жизненное положение трудящихся и неминуемо вел к обострению классовых противоречий, к росту стихийного движения народных масс против гнета капитализма, к росту революционных настроений и идей. «Война,— писал В. И. Ленин в 1920 г.,— принесла неслыханное обострение всех капиталистических противоречий, и в этом источник того глубочайшего революционного брожения, которое разрастается...»³.

Положение трудящихся масс Закарпатской Украины было особенно тяжелым ввиду того, что кроме социального, классового угнетения они подвергались и национальному гнету, оказавшись в неравноправном положении угнетенного национального меньшинства в составе буржуазной Чехословацкой республики, а «двойной пресс угнетения не может не революционизировать трудовые массы угнетённых национальностей, не может не толкать их на борьбу с основной силой самого угнетения — на борьбу с капиталом»⁴.

3. РАЗВИТИЕ МАССОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В 1921 — 1923 гг.

В годы послевоенного экономического кризиса на Закарпатской Украине разгорались классовые бои. На наступление буржуазии пролетариат ответил массовыми забастовками и демонстрациями в защиту своих экономических прав. Эти забастовки и демонстрации вскоре вышли за рамки чисто

¹ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 706, л. 27.

² ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 706, л. 108; ф. 29, ед. хр. 134, л. 209.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 199—200.

⁴ И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 345.

экономических задач и вместе с крестьянскими выступлениями вылились в широкое политическое движение против господства буржуазии и помещиков, за социальное и национальное освобождение трудящихся Закарпатской Украины. Движение это возглавила молодая коммунистическая партия Чехословакии, имевшая свою краевую организацию на Закарпатье.

Весной 1921 г. на Закарпатье начались массовые забастовки за повышение заработной платы. Одними из первых выступили рабочие химического завода и деревообделочных предприятий в Сваляве, потребовав заключения коллективного договора и повышения зарплаты на 25%¹. В марте начали забастовку рабочие-виноделы в Севляшском и Береговском округах, предъявившие владельцам виноградников требование соблюдать закон о 8-часовом рабочем дне и увеличить дневную зарплату с 35 до 60 крон. В забастовке участвовало около 6000 рабочих. По призыву компартии к бастующим виноделам присоединились рабочие других предприятий Севляшского и Береговского округов. Предприниматели привезли штрейкбрехеров из Румынии и Венгрии, но бастующие не допустили их к работе. Тогда организация капиталистов «Союз виноделов» обратилась за помощью к вице-губернатору Эренфельду, требуя принятия мер для предотвращения «большевистского переворота». И только после прибытия в районы забастовки войск, забастовка была сломлена². Во второй половине мая начали забастовку рабочие соляных рудников в Солотвино (Акна-Слатине). Забастовка проходила организованно, под руководством забастовочного комитета и закончилась частичной победой рабочих. 6 июня администрация подписала соглашение с рабочими, обязавшись соблюдать закон о 8-часовом рабочем дне, аккуратно выплачивать зарплату, признать избранный рабочими заводской комитет, которому солекопы поручали контроль за организацией труда на предприятии, принять на работу всех участвовавших в забастовке³.

Все эти, как и многие другие, забастовки были организованы левыми революционными профсоюзами, которыми руководили коммунисты. 5 июня 1921 г. в Ужгороде состоялся конгресс профсоюзов. Конгресс обратился к пролетариату Закарпатья с призывом усилить борьбу против наступления буржуазии на жизненный уровень рабочих, расширять стачечное движение. Важным мероприятием для дальнейшего развития профсоюзного движения было избрание конгрессом Краевого совета профессиональных союзов⁴.

Одновременно с ростом стачечного движения пролетариата на Закарпатской Украине развивалось крестьянское движение. Закарпатское крестьянство, начинавшее понимать, что земельная реформа, проводимая «демократическим» правительством, является обманом, поднималось на борьбу за землю. В 1921 г. имел место ряд крестьянских выступлений в различных округах Закарпатья. Крестьяне делили помещичью и государственную землю, занимали пастбища, выгоняли из сел чешских чиновников и сборщиков налогов. В ряде мест дело доходило до вооруженных столкновений крестьян с войском и жандармерией. Так, в июне 1921 г. восстали крестьяне села Арданова Мукачевского округа. Жители Арданова и соседних сел еще задолго до войны выкупили у венгерского правительства за большую сумму часть лесных угодий у Грабовой Горы, расчистили их и превратили

¹ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 109, л. 144; ед. хр. 130, л. 67.

² ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 105, лл. 211, 215; ед. хр. 109, лл. 134—136; «Правда», Ужгород, 1.IV 1921, № 12—13.

³ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 109, лл. 140, 141, 156—166.

⁴ «Правда», Ужгород, 11.VII 1921, № 23.

в пастбища. Но с занятием Закарпатья чехословацкими войсками эта земля была отобрана у крестьян в собственность государства, крестьянам строго запрещалось выгонять скот на лесные пастбища и даже собирать хворост в лесу. Жители Арданова протестовали против этого беззакония и притеснений, чинимых им окружным лесничеством, писали жалобы в Мукачево, Ужгород, Прагу. Потеряв всякую надежду на то, что их протесты будут удовлетворены, крестьяне Арданова решили сами возвратить себе пастбища. 21 июня, обезоружив лесных урядников, они выгнали скот в лесные посадки и на луга и начали делить землю. Вооружившись ружьями, вилами и топорами, крестьяне не пустили в село жандармов. Когда на следующий день из Мукачева был направлен в Арданово усиленный отряд жандармерии, на помощь ардановским крестьянам пришли вооруженные крестьяне из сел Меденице и Сильце Иршавского округа. Окружное управление запросило помощь у вице-губернатора, сообщив, что ожидается наступление восставших крестьян на город Мукачево. Из Гражданского управления было получено распоряжение сосредоточить все имеющиеся в округе жандармские силы в районе Арданова и привести в полную боевую готовность мукачевский гарнизон. Для подкрепления посланных в Арданово жандармов туда была направлена рота пехоты. Чешские жандармы и легионеры учинили кровавую расправу над восставшими крестьянами, были убитые и раненые. 19 участников восстания было арестовано и отправлено в мукачевскую тюрьму. Все население ушло в лес, оставаясь там до окончания судебного следствия¹.

Чехословацкие власти были уверены, что расправа, произведенная в Арданове, послужит «суровым предостережением и для остальных сел Подкарпатской Руси»². Но, несмотря на жестокие репрессии, крестьянское движение на Закарпатье продолжало развиваться. За ардановскими событиями последовали выступления в Должанском округе, где крестьяне восьми сел разделили землю, принадлежавшую крупному помещику Телеки, и заняли пастбища в селе Ставном на Верховине³. Все более частыми становились вооруженные выступления крестьян против чешских оккупационных властей.

События, происходившие на Закарпатской Украине, становились известными и за пределами Чехословакии. Так, польская газета «Курьер Варшавский» по этому поводу в августе 1921 г. писала: «Революционное настроение в Подкарпатской Руси приняло весьма важный характер. Население всюду восстает против войска с оружием в руках. В Мукачево прибыл отряд кавалерии. Весь гарнизон наготове. Часть украинского населения с оружием в руках ушла в горы. Местами произошли упорные столкновения. В нескольких таких столкновениях чешские отряды понесли значительные потери»⁴.

Стачечная борьба рабочих и крестьянские выступления составляли основу революционного движения, особенно усилившегося на Закарпатской Украине во второй половине 1921 г. К этому времени коммунистическая партия на Закарпатье, оформившаяся организационно как составная часть коммунистической партии Чехословакии, активизировала свою деятельность среди пролетариата и трудящегося крестьянства. Коммунистическая агита-

¹ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 106, лл. 103—104; ед. хр. 100, лл. 6—10.

² ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 706, л. 33.

³ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 84, лл. 37, 134.

⁴ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 106, л. 126.

ция находила все более благоприятную почву в трудящихся массах города и села.

Пролетариат Закарпатской Украины приветствовал образование коммунистической партии Чехословакии. На многих митингах и собраниях, проходивших после майского Пражского съезда, революционные рабочие выражали свое одобрение принятым на съезде решениям и требовали, чтобы Чехословацкая коммунистическая партия следовала лозунгам Коммунистического Интернационала и твердо стояла на революционном пути¹.

Большое влияние приобрела коммунистическая партия в промышленном районе Солотвино (Акна-Слатина). На рабочих собраниях провозглашался лозунг борьбы за диктатуру пролетариата. Солекопы солотвинских рудников создали свой Рабочий совет и под его руководством упорно боролись за 8-часовой рабочий день, повышение зарплаты, рабочий контроль над производством². Недаром из Гражданского управления Подкарпатской Руси посылались правительству тревожные сообщения о том, что «Акна-Слатина является вторым Кладно»³. Особенное беспокойство у чешских оккупационных властей вызывало проникновение коммунистической агитации в Акна-Слатинский гарнизон. В воинских частях распространялись коммунистические листовки, проводились митинги. Солдаты отказывались выполнять приказания командования и выступать против рабочих. В конце июля воинское командование вывело из Солотвино гарнизон и воинскую полицию, как «зараженные большевизмом»⁴. Вслед за этим начальник штаба оккупационных войск сообщил главнокомандующему военному диктатору Пари и вице-губернатору Эренфельду о том, что из-за опасения дальнейшего распространения большевистской пропаганды в войсках, он не считает возможным направление в Акна-Слатину нового гарнизона и рекомендует усилить там жандармскую команду⁵.

Министерство внутренних дел Чехословакии потребовало от Гражданского управления Подкарпатской Руси принятия решительных мер против распространения влияния коммунистической партии в Солотвинском районе, который пражская буржуазная газета «Lidové noviny» назвала «опасным коммунистическим гнездом»⁶.

Революционные настроения и влияние коммунистической партии росли и в других районах Закарпатья. Все больший авторитет завоевывали коммунисты среди рабочих химической и деревообделочной промышленности в Свалявском округе. 12 июля 1921 г. рабочие Свалявы провели двухчасовую политическую забастовку протеста против политического террора, увольнения и ареста коммунистов⁷. В Долгом в ряды коммунистической партии вступали металлисты, деревообделочники, лесорубы, сельские батраки. Руководителем местной коммунистической организации был рабочий-литейщик Иосиф Демко. Окружной начальник сообщал в Гражданское управление о том, что «почва для коммунистической агитации в Должанском округе очень благоприятная»⁸. Подобные сообщения в Гражданское управление поступали со всех концов Закарпатья.

¹ «Правда», Ужгород, 4/VI 1926, № 20—22.

² ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 84, л. 89; ед. хр. 109, лл. 156—166.

³ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 133, л. 69.

⁴ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 84, л. 131; ед. хр. 133, л. 63.

⁵ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 133, л. 71.

⁶ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 106, л. 156; «Lidové noviny», 1.IX 1921.

⁷ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 84, л. 89; ед. хр. 105, лл. 116—117.

⁸ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 84, л. 132.

Влияние коммунистической партии росло и среди трудового крестьянства Закарпатья. В селах создавались организации коммунистической партии, крестьяне читали издаваемую Краевым комитетом КПЧ газету «Правда», на страницах которой много писалось о том, как получили землю крестьяне в Советской России. Особенного подъема достигли революционные настроения крестьян в пограничных восточных районах, близких к Советской Украине. Так, в официальном сообщении властей о политическом положении в Хустском округе летом 1921 г. сообщалось, что «большинство населения настроено коммунистически»¹.

Буржуазные правители Чехословакии отдавали себе ясный отчет в том, какую большую угрозу империалистическому господству чешской буржуазии на Закарпатской Украине представляет рост влияния коммунистической партии и развитие революционного движения, и поэтому обрушили против коммунистической партии жестокий полицейский террор. Ссылаясь на действующий в Закарпатье закон о военном положении, оккупационные власти запрещали коммунистической партии проведение митингов, собраний и демонстраций. В апреле 1921 г. был разогнан съезд профсоюзов, в августе запрещено проведение Краевого съезда коммунистических организаций, на котором должны были присутствовать руководители коммунистической партии Чехословакии².

Коммунистические газеты «Правда» и «Munkás Ujsag» подвергались строгой цензуре, а их распространение преследовалось, о чем говорят хотя бы следующие факты: в марте 1921 г. были арестованы полицией все подписчики газеты «Правда» в Сваляве; 14 ноября в Грушове были конфискованы все номера «Правды», полученные по почте, хотя они и были до этого проверены цензурой; в Рахове коммунист, распространявший «Правду», был оштрафован на 200 крон и т. д.³ Власти незаконным образом конфисковывали партийное и профсоюзное имущество, как это было, например, в Хустском округе, где все помещения коммунистической партии и красных профсоюзов были заняты полицией. В Солотвино у рабочих был отнят их Рабочий дом. Члены коммунистической партии подвергались преследованиям. В паспорте секретаря Велико-Бычковской коммунистической организации Иосифа Бойчука, кроме фотографии, имелись отпечатки пальцев правой руки и сделанная чиновниками окружного управления пометка: «Иосиф Бойчук есть член коммунистической партии!»⁴ Сельскохозяйственные рабочие из села Тересуль Илья Шаш и Василий Мацол были избиты жандармами и посажены на 25 дней в тюрьму только за то, что они являлись членами коммунистической партии⁵. Подобные факты можно привести в огромном количестве. Производились массовые аресты участников забастовочного движения и крестьянских выступлений. В ряде случаев деятельность коммунистической партии совершенно запрещалась, и ее организации вынуждены были переходить на нелегальное положение (в 1921 г. — в Солотвино и Великом Бычкове)⁶.

Все это делалось по прямому указанию правительства «демократической» Чехословакии. Осенью 1921 г. на официальное сообщение в Прагу о политическом положении на Закарпатье последовал ответ министра внутренних

¹ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 133, л. 77.

² ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 84, л. 131.

³ «Rude pravo», 16.XII 1921.

⁴ «Rude pravo», 22.XII 1921.

⁵ «Rude pravo», 16.XII 1921, № 294.

⁶ «Rude pravo», 17.XII 1921, № 295.

дел Чехословакии вице-губернатору Подкарпатской Руси Эренфельду. «Решительное наступление против организаций коммунистической партии одобряем»¹.

В то же время чехословацкое правительство оказывало всемерную поддержку так называемой русской социал-демократической партии, являвшейся агентурой буржуазии, и отпускало ей денежные субсидии на ведение оппортунистической раскольнической деятельности среди закарпатского пролетариата. Еще при основании этой партии в 1920 г. сам президент Масарик выдал ее руководителю социал-предателю Пузе, действовавшему в тесном контакте с правым руководством чешской социал-демократии, 50 000 крон. Кроме того, тогда же Пуза получил от губернатора Жатковича большую сумму в американских долларах². С 1922 г. «русская социал-демократическая партия» стала получать регулярно от вице-губернатора Подкарпатья из государственных средств 25 000 крон в месяц³, расходуя их на содержание своего аппарата, печать, пропаганду, на обман и подкупы рабочих. Местные организации социал-демократической партии также получали материальную поддержку от капиталистов, владельцев промышленных предприятий. Буржуазия была так щедра потому, что она видела в «русской социал-демократической партии», свою прямую агентуру и рассчитывала на то, что эта партия своей оппортунистической деятельностью задержит рост классового сознания пролетариата и развитие революционного движения. Именно такую роль прислужников буржуазии выполняли все соглашательские партии II Интернационала. «Практически доказано, — говорил В. И. Ленин, — что деятели внутри рабочего движения, принадлежащие к оппортунистическому направлению, — лучшие защитники буржуазии, чем сами буржуа»⁴.

Но как ни старалась «русская социал-демократическая партия» выполнять свою угодническую роль по отношению к чехословацкому правительству, результаты ее деятельности были ничтожными: она не имела сколько-нибудь значительного влияния среди пролетариата Закарпатья. Рабочие с презрением клеймили платных агентов буржуазии, изгоняя их из своих рядов.

Террор и преследования, которым подвергали чешские оккупационные власти коммунистическую партию, еще более усиливали симпатии к ней трудящихся масс. Рабочие и крестьяне видели в коммунистической партии своего организатора и руководителя в борьбе за социальное и национальное освобождение.

Политика национального угнетения, проводимая чехословацким правительством на Закарпатской Украине, вызывала недовольство различных слоев населения, ввиду чего политическая обстановка в Подкарпатской Руси становилась все более напряженной. В адрес президента и правительства Чехословакии сыпалась меморандумы от различных подкарпатских партий, из городов и сел, в которых указывалось на нетерпимость сохранения в крае режима военной и чиновничьей диктатуры, выдвигались требования демократизации всей общественной жизни, осуществления автономии, проведения выборов в сейм и органы местного самоуправления, принятия мер к налаживанию экономической жизни, ускорения проведения земельной

¹ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 106, л. 157.

² «Rude pravo», 17.XII 1921, № 295.

³ «Rude pravo večernik», 18. IX 1923, № 212.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 206.

реформы, снижения налогов, оказания продовольственной и материальной помощи населению и т. п.

Сложную обстановку на Закарпатье поспешила использовать венгерская реакция в интересах своих реваншистских планов. С трибуны венгерского Национального собрания стали произноситься речи, содержавшие прямое требование возвращения Закарпатья в состав Венгрии. «Партия венгерских русинов» из Будапешта направила жалобу в Лигу Наций о нарушении Чехословацкой республикой условий Сен-Жерменского договора о Подкарпатской Руси¹.

Чехословацкому правительству было крайне нежелательно, чтобы действительное положение на Закарпатье стало известно в международных кругах.

Беззакония, творимые в Подкарпатской Руси, вызывали все большее возмущение внутри страны. Даже на страницах буржуазной печати стали появляться довольно подробные сообщения о положении в Закарпатье и высказываться предположения, что если правительством не будут приняты срочные меры, то «на Подкарпатской Руси произойдут события, которые потрясут всю республику до основания»². Левые депутаты чехословацкого парламента требовали, чтобы была послана специальная комиссия из представителей всех политических партий для ознакомления с политическим положением на Подкарпатской Руси³.

Чтобы несколько успокоить общественное мнение, правительство сделало вид, что намерено заняться вопросом о Подкарпатской Руси. В августе 1921 г. на Закарпатье ездил председатель Кабинета министров Черны, а в сентябре Закарпатье посетил сам президент Масарик со свитой правительственных чиновников.

По-разному готовились к приезду «президента-освободителя» буржуазия и трудящиеся Закарпатья. Коммунистическая партия обратилась к трудящимся Закарпатья с воззванием, в котором разоблачала ложь и лицемерие хваленого масариковского «демократизма», а также преступную роль социалистов — продажных слуг буржуазии и призывала трудящихся не участвовать в торжествах по случаю приезда президента: «Пусть почувствует президент Масарик, — говорилось в воззвании, — что трудящееся население Подкарпатской Руси его не чествует, так как знает, что все его слова о свободе, равенстве и братстве есть обман и ложь из уст господ и их прислужников»⁴. Буржуазные партии готовились к вручению президенту поздравительных адресов и петиций об автономии. Министерство внутренних дел дало указание Гражданскому управлению Подкарпатской Руси принять меры к тому, чтобы во время пребывания Масарика в Ужгороде не произошло ничего «непредвиденного». Полицейские власти получили распоряжение не пропускать никого в Ужгород без специальных пропусков. Газетам было запрещено публиковать какие-либо сообщения о приезде президента⁵.

Масарик прибыл в Ужгород из Словакии 22 сентября. Чешские оккупационные власти устроили ему помпезную встречу — въезд в город открывался триумфальной аркой, звонили все церковные колокола, стреляли орудия, шпалерами выстроились чешские и французские войска. И все это

¹ «Zahraniční politice», Praha, 1922, s. 469—472.

² ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 114, л. 109.

³ Там же.

⁴ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 103, л. 65.

⁵ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 85, л. 48; «Rude pravo», 17.IX 1921, № 218.

происходило без народа. В тот же день Масарик принял приветствовавшие его делегации: военного диктатора-французского генерала Пари с его штабом, вице-губернатора Эренфельда с чиновниками, униатское духовенство, представителей местной буржуазии. «Народ» представляли несколько сельских старост из кулаков, специально привезенных для этого из украинских сел. Верховинских же крестьян, прошедших более сотни километров пешком для того, чтобы увидеть президента и сказать ему, как бедствует крестьянство на Верховине, в Ужгород не пустили и отправили назад, а по возвращении на место арестовали.

В ответ на приветственные речи Масарик заявил: «Чехословацкая республика хочет честно выполнить мирный договор, но для этого надо сначала поднять Подкарпатскую Русь культурно и экономически, а потом провести автономию»¹. Официальная чехословацкая печать, а впоследствии и буржуазная чешская историография оценили эти слова, как программу правительства². В действительности это было лишь лицемерное заявление, использовавшееся затем в течение многих лет чехословацким правительством для оправдания оккупационного режима на Закарпатской Украине. Уезжая из Ужгорода, Масарик пообещал, что правительство займется подготовкой к осуществлению автономии, если получит поддержку от руководства различных политических партий³.

Во время поездки по Словакии и Подкарпатской Руси президент не пожелал встретиться с народом, но ему все-таки довелось узнать, как оценивают «демократические порядки» в чехословацком государстве трудящиеся этих двух угнетенных областей. От имени трудового народа краевые комитеты компартии Словакии и Подкарпатской Руси направили президенту Чехословацкой республики Масарику открытое письмо, в котором была дана действительная картина социального и национального порабощения трудящихся масс в «демократической» Чехословакии. В письме выражалась решимость трудящихся продолжать борьбу за освобождение от гнета капитализма⁴.

В октябре 1921 г., в дни трехлетнего юбилея Чехословацкой республики, коммунистическая партия провела на Закарпатье собрания трудящихся под лозунгами борьбы против господства буржуазии, за социалистическую республику. На этих собраниях рабочие и крестьяне Закарпатской Украины выражали также горячие симпатии к Советской России и протестовали против антисоветской политики буржуазно-помещичьего чехословацкого правительства Бенеша⁵.

В октябре 1921 г. Бенешем был подписан указ о мобилизации чехословацкой армии, под предлогом осложнения положения на чехословацко-венгерской границе⁶. В то же время на территории Подкарпатской Руси чехословацкое командование формировало воинские части из остатков разгромленной петлюровской армии, снабжая их оружием и обмундированием⁷. В связи с этим обстоятельством и общей антисоветской направленностью политики правительства Бенеша, трудящиеся Закарпатской Украины отнеслись к указу о мобилизации, как к очередному враждебному замыслу чехословацкой буржуазии против Страны Советов. Выходившая на Закарпатье

¹ «Карпато-русский вестник», 25.IX 1921 г.

² См. сб. «Podkarpatská Rus», Bratislava, 1936.

³ Masaryk. «Cesta demokracie», II, s. 136.

⁴ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 113, лл. 103—104.

⁵ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 134, л. 159.

⁶ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 106, л. 215.

⁷ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 100, л. 65.

коммунистическая газета «Munkás Ujság», разоблачая империалистическую внешнюю политику Бенеша, писала, что он «одним глазом посматривает на Венгрию, а другим глазом нацеливает свой обух против Советской России»¹. Рабочие и крестьяне Закарпатья отказывались подчиняться указу о мобилизации, не являлись на призывные пункты, а в ряде мест, как это было, например, в селе Вышкове Хустского округа, с оружием в руках выступали против жандармов и легионеров, производивших набор призывников².

Осенью 1921 г. на Закарпатской Украине усиливается стачечное движение, разгорается борьба крестьян за землю.

Коммунистическая партия Чехословакии придавала большое значение развитию революционного движения на Закарпатской Украине. В ноябре 1921 г. члены Центрального Комитета коммунистической партии Чехословакии во главе со Шмералем объехали все Закарпатье, побывали в промышленных районах и верховинских селах. 30 ноября они выступили на большом рабочем собрании в Ужгороде. В своей речи Шмераль разоблачил лживые заявления чешской буржуазии о ее якобы «освободительной миссии» по отношению к Подкарпатской Руси: «Лицемерное пражское правительство, лицемерная чешская буржуазная печать говорят и пишут о Подкарпатской Руси, как о земле освобожденной... В действительности на каждом шагу мы наталкиваемся на отношения и факты, свидетельствующие о том, что нынешний здешний режим является режимом на оккупированной земле... Так, как управляют здесь, не могло бы управлять буржуазное государство в области, которая является частью его собственного организма. Такой режим, и с точки зрения буржуазной, представляется лишь как управление чужой областью, на управление которой Чехословакия получила мандат»³. Шмераль сказал, что здесь нет даже буржуазной демократии, относительно которой у коммунистов нет никаких иллюзий. То, что творится на Закарпатье, является позорным скандалом, так как в крае «господствует диктатура буржуазии, диктатура бюрократии, диктатура войска»⁴. Характеризуя общее политическое положение в Чехословацкой республике, Шмераль подчеркнул, какое громадное значение для развития революционного движения имеет создание коммунистической партии Чехословакии, которая будет бороться за свободу всех народов, за уничтожение всякого социального и национального гнета. Говоря об исключительно важном значении развития революционного движения на Закарпатской Украине, Шмераль указал, что в условиях Закарпатья коммунистическая партия может и должна стать решающей политической силой, потому что она будет иметь огромную поддержку революционно настроенного рабочего и крестьянского трудового народа: «Живущие здесь украинские рабочие и мелкие земледельцы всем своим складом и образом, всем своим существом близки к типу русских революционеров». Шмераль указал, что своим географическим положением Подкарпатская Русь связывает пролетариат Западной и Центральной Европы с революционным Востоком — с Советской Россией. В заключение своей речи Шмераль выразил надежду, что коммунистическая организация и революционные рабочие и крестьяне Закарпатья составят один из передовых отрядов коммунистического движения в Чехословакии⁵.

¹ «Munkás Ujság», 19.XI 1921; ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 104, л. 130.

² ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 706, лл. 34—35.

³ «Rude právo», 6.XII 1921.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Возвратившись в Прагу, делегация КПЧ направила чехословацкому правительству свою интерпеляцию о положении на Закарпатской Украине. Все факты, приведенные в интерпеляции, говорили о том, что буржуазное чехословацкое правительство проводит на Закарпатье оккупационную, империалистическую политику, лишая закарпато-украинский народ экономических, политических и национально-культурных прав, в результате чего трудящееся население края поставлено в невыносимо тяжелые условия. В интерпеляции говорилось о крайне тяжелом экономическом положении Закарпатья — развивающемся промышленном кризисе, громадном росте безработицы, общем упадке сельского хозяйства, бесплодности мероприятий по земельной реформе и страшном безземелии крестьянства, росте налогов, дороговизны, тяжелом продовольственном положении, о политическом терроре, запрещении собраний, стачек, демонстраций, полицейском произволе, преследовании коммунистической партии и т. д. Указывая на недопустимость сохранения таких порядков на Закарпатье, коммунисты заявляли правительству, что «ключ к действительному освобождению Подкарпатской Руси — в социальном освобождении бедного сельскохозяйственного народа, и в первую очередь, — в радикальном разрешении земельного вопроса — передаче земли, лесов, пастбищ трудовому сельскохозяйственному населению»¹.

После того, как эта интерпеляция была опубликована газетой «Rude pravo» и стала известной общественности республики, чехословацкое правительство уже не могло скрывать того, что творилось на Закарпатской Украине. Вся чехословацкая печать стала обсуждать «подкарпато-русскую проблему». Новый председатель Кабинета министров Бенеш, назвавший заявление Шмерала «бомбовой интерпеляцией», в январе 1922 г. спешно выехал на Закарпатье, якобы для того, чтобы лично убедиться «основательны ли обвинения», предъявленные коммунистами правительству. На самом деле Бенеш спешил в Ужгород для того, чтобы сговориться с местными буржуазными политическими партиями и заручиться их поддержкой в дальнейшем проведении намеченной чехословацким правительством политики на Закарпатской Украине, политики, отвечающей интересам чешского капитала.

Бенеш пробыл на Закарпатье 5 дней. Все это время ушло на официальные приемы и торжественные церемонии. На ознакомление с действительным положением вещей у премьера времени «не оказалось», и он довольствовался официальными информацией, полученными от вице-губернатора и других чешских чиновников. В Гражданское управление были приглашены руководители местных политических партий — республиканской земледельческой партии, русской трудовой партии, карпато-русского земледельческого союза, земледельческой автономной партии, русской хлеборобской партии, партии центральной русской народной рады, а также русской социал-демократической партии. Республиканская земледельческая партия, основанная при участии Швеглы и являвшаяся филиалом чешской аграрной партии, и русская социал-демократическая партия, существовавшая на получаемые правительственные субсидии, всецело поддерживали политику чехословацкого правительства. Остальные партии, представлявшие политические организации различных групп закарпатской буржуазии, готовы были поддерживать пражское правительство, но при этом добивались удовлетворения своих национально-автономных требований. С ними-то и повел переговоры Бенеш о перспективах дальнейшей политики правительства на Закарпатье.

¹ «Rude pravo», 17.XII 1921, № 295.

Пообещав, что в ближайшем будущем будет начато осуществление программы автономии, отменена военная диктатура и проведены выборы в парламент, сейм и органы местного самоуправления, Бенеш предупредил, что выборы потребуют тщательной подготовки. «Мы должны предвидеть,— сказал он,— что будет после выборов».

Бенеш призывал присутствующих так «организовать народ», чтобы ни правительство, ни местные политические партии при выборах «не постигла никакая неожиданность»¹. Смысл этого предупреждения был совершенно ясен. Чехословацкое правительство и местная закарпатская буржуазия должны были взаимно помочь друг другу в борьбе с нараставшим революционным движением трудящихся Закарпатской Украины.

Бенеш использовал свой приезд в Закарпатье также для установления тесного контакта с закарпатской униатской церковью. Приняв епископа Паппа, Бенеш пообещал ему полную поддержку правительства в борьбе против «схизматического террора»², т. е. в борьбе против принимавшего все более широкие размеры народного движения за разрыв с униатской церковью и переход в православие. Бенеш не без основания считал, что униатскую церковь следует рассматривать как главную реакционную силу на Закарпатье. Чехословацкому правительству было хорошо известно, что в мае 1921 г. в Ужгород приезжала делегация словацкого католического духовенства во главе с Глинкой для переговоров с руководством униатской церкви о совместной борьбе против «схизмы» (православия) и большевизма³.

По возвращении в Прагу, Бенеш официально заявил, что, по его мнению, положение на Подкарпатской Руси следует считать «вполне нормальным» и что противоположные мнения «исходят от врагов государства»⁴.

Это заявление вызвало возмущение всей демократической общественности Чехословакии. «Как пришел господин председатель Совета министров к известному и успокаивающему убеждению о положении в Подкарпатской Руси?» — спрашивал в своей статье, помещенной в «Rude pravo», профессор Пражского университета Герлик. На этот вопрос отвечала вышедшая в Ужгороде коммунистическая газета «Правда»: «Председатель Совета министров на Подкарпатской Руси много слышал, мало видел и еще меньше проверил. Говорил с начальством и с так называемыми лидерами партий, даже еще не созданных, говорил с депутациями, пришедшими к нему на поклон. Говорить с угнетенным народом, рабочими, крестьянской беднотой он не имел времени, так как все его время заняли разговоры с другим лагерем. Бенеш не видел хижин на Верховине, хлеб, испеченный из господской (полученной по «продовольственной акции». — И. М.) муки, голодную жизнь. Не мог проникнуть в тайны управления, довольствовался информацией властей. Поэтому мы верим и понимаем, что сообщенные им сведения «успокаивающие»⁵.

Первым результатом поездки Бенеша на Закарпатье явилось созванное в Ужгороде 16 января 1922 г. совещание четырех местных буржуазных партий, выступавших с программой автономии — русской хлебоборобской партии, русской трудовой партии, карпато-русского земледельческого союза и земледельческой автономной партии, обсудившее предложение Бенеша о

¹ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 160, лл. 4—5.

² ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 160, л. 7.

³ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 133, л. 14—16.

⁴ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 160, л. 122.

⁵ «Правда», Ужгород, 15.I 1922.

«консолидации политических сил». Была образована комиссия для выработки условий объединения и программы будущей «русской земледельческой автономной партии», которая отстаивая автономию, в то же время установила бы сотрудничество с чехословацким правительством¹.

По поводу этих планов «политической консолидации» коммунистическая газета «Munkás Ujság» писала: «Теперь делают опыт объединения русских партий... Если такое объединение может быть прочным, господа обратятся к тому, чтобы подружиться с остальными реакционными партиями, чтобы создать блок против «мятежников», использовать его, противопоставив «опасному» народу... Это программа Бенеша, Каминского, Волошина и остальных»². Газета в том же номере писала, что выдвигаемый буржуазными партиями на первый план вопрос об автономии является главным для буржуазии, а не для трудящихся: «Народу нужна земля, рабочему работа, народ хочет сам решать свою судьбу».

Коммунистическая партия указывала трудящимся также на то, что чехословацкое правительство использует сложные национальные отношения на Закарпатье для того, чтобы расколоть пролетариат, ослабить силу революционного движения, что с этой же целью чешская буржуазия щедро субсидирует лжесоциалистические партии: «Политика Бенеша состоит в том, чтобы прежде всего сломить стоящие в единой классовой борьбе коммунистические массы Подкарпатя, расколоть единство пролетариата и вместо этого создать и поддерживать лжесоциалистические партии, потом назначить выборы, консолидировать силы буржуазии и отрезать крылья революционной партии»³.

Задуманный Бенешем план «консолидации» политических партий закарпатской буржуазии имел своей целью создание на Закарпатье такой коалиции, на которую могло бы опереться чехословацкое правительство. В правительственных кругах с большим вниманием отнеслись к сообщению о состоявшемся в Ужгороде совещании. В Совете министров было намерение создать в парламенте из представителей различных партий пятичленную комиссию для решения «карпато-русского вопроса». В печати даже назывались кандидаты в такую комиссию от народно-социалистической, республиканской и социал-демократической партий⁴.

1 февраля 1922 г. Бенеш вызвал в Прагу вице-губернатора Подкарпатской Руси Эренфельда. Его информация о политической ситуации Подкарпатской Руси была заслушана на заседании «Пятерки» — неконституционного органа, состоявшего из руководителей народно-социалистической, аграрной, национально-демократической, народной и социал-демократической партий и являвшейся «вторым правительством» Чехословацкой республики. «Пятерка» сошлась на том, что осуществление автономии Подкарпатской Руси — дело не столь близкого будущего, а пока что речь должна идти только о «постройке» (подготовке) такой автономии⁵. Предпринятые Бенешем шаги относительно переговоров с буржуазными политическими партиями Подкарпатя, выдвигавшими требования автономии, были одобрены. Ожидался приезд представителей этих партий в Прагу.

Лидеры буржуазных политических партий Закарпатя прибыли в Прагу во второй половине марта 1922 г., ознакомившись предварительно с пред-

¹ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 160.

² «Munkás Ujság», 26.I, 1922; ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 160, л. 186.

³ «Munkás Ujság», 26.I 1922.

⁴ «Slovenský Denník», 20.I 1922; ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 160, л. 189.

⁵ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 160, л. 252.

ложенной правительством программой подготовки автономии. Начатые переговоры не привели ни к каким результатам, так как чехословацкое правительство не спешило идти навстречу автономным стремлениям закарпатской буржуазии, дав лишь обещание, что выборы в сейм и парламент будут проведены «как только позволят политические отношения Подкарпатской Руси»¹.

Переговоры между чехословацким правительством и закарпато-украинской буржуазией об «автономном устройстве» ничего не могли дать трудящимся Закарпатской Украины. Автономия, которой так добивалась закарпато-украинская буржуазия, должна была привести к усилению ее классовых позиций, к укреплению ее господства над трудящимися массами, а это означало для рабочих и крестьян Закарпатья усиление двойного гнета — чехословацкой и «своей» закарпатской буржуазии.

Коммунистическая партия указывала трудящимся, что только революционной борьбой они могут добиться улучшения своего положения, и поднимала рабочих и крестьян на борьбу против капиталистического гнета.

В 1922 г. в обстановке продолжавшегося экономического кризиса усиливается рабочее стачечное движение. Условия жизни пролетариата становились все более невыносимыми, все более увеличивалось несоответствие между заработной платой и ростом цен, а при таком положении «рост возмущения рабочих, рост революционных настроений и идей, рост стихийных массовых стачек неизбежен»².

Особенно упорно боролись за свои жизненные права рабочие-химики и деревообделочники Свалявы. Свалявский химический завод и ряд связанных с ним деревообделочных предприятий принадлежали фирме «Сольва» — акционерному объединению австрийских и венгерских капиталистов, контролируемому Пражским коммерческим банком. Пользуясь кризисом и колоссальной безработицей на Закарпатье, фирма систематически ухудшала условия труда рабочих, из месяца в месяц снижая заработную плату. Союз химических рабочих потребовал от дирекции завода заключения коллективного договора. Но предприниматели отказались вести какие-либо переговоры с рабочими. В апреле 1922 г. под предлогом ремонта оборудования фирма закрыла завод и уволила всех рабочих, оставив без куска хлеба более 1000 рабочих семей. Вскоре было объявлено, что фирма намерена к 15 мая частично возобновить работу на предприятии, с понижением зарплаты на 25%. Рабочие отказались работать на таких условиях и направили свою делегацию в окружное управление с просьбой вступить в переговоры с дирекцией завода об отмене объявленных условий. Управляющий заводом Шнитц заявил в окружном управлении, что фирма не отступит от своих условий и что, возобновляя частично работу, она будто бы преследует лишь единственную цель — уменьшение безработицы. Окружное управление вполне удовлетворилось таким объяснением и в свою очередь объявило, что все рабочие, не приступившие к работе на условиях, предлагаемых фирмой, будут лишены пособий по безработице. В ответ на это рабочие «Сольвы» объявили забастовку. Одновременно началась забастовка на лесопильном заводе в Поляне. Предприниматели вызвали против рабочих жандармерию³. В это же время начали забастовку за повышение зарплаты и 8-часовой рабочий день рабочие Марамарош-Солотвино. По просьбе дирекции рудников окружное управление направило в Солотвино

¹ «Карпато-русский вестник», 2.IV 1922, Ужгород.

² В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 197.

³ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 198, лл. 91—93, 96; ед. хр. 182, лл. 11—15, 91; «Rude pravno», 19.VII 1922.

отряд жандармов и обрушило против рабочих полицейские репрессии: были запрещены рабочие собрания, появление на улицах после 21 часа, произведены аресты рабочих-коммунистов. С помощью войск и жандармерии управление рудников сломало стачку. Рабочим удалось только добиться обещания о соблюдении 8-часового рабочего дня¹. Пользуясь поддержкой государственного аппарата, капиталисты сломали майские стачка на многих других предприятиях.

Все эти поражения пролетариата в стачечной борьбе объяснялись прежде всего тем, что рабочие не были еще достаточно организованы для того, чтобы противостоять объединенному наступлению капиталистов и аппарата буржуазного государства.

Но молодая коммунистическая партия уже поставила перед собой задачу сплочения и организации классовых сил пролетариата и делала первые шаги для ее осуществления.

1 мая 1922 г. коммунистическая партия вывела тысячи трудящихся на первомайские демонстрации². В конце мая Краевой Комитет КПЧ принял решение о проведении на Закарпатье 1 июня 24-часовой всеобщей забастовки, митингов и демонстраций протеста против наступления буржуазии на жизненный уровень трудящихся.

Чехословацкие власти приняли меры к тому, чтобы сорвать организованное выступление закарпатского пролетариата. Находящаяся на службе у чехословацкого правительства русская социал-демократическая партия агитировала рабочих не принимать участия в забастовке. Во всех окружных центрах, где ожидалась демонстрация и собрания, были усилены и приведены в боевую готовность воинские гарнизоны, жандармские и полицейские команды.

Утром 1 июня, когда началась забастовка, войска и жандармерия получили приказ разогнать все митинги и демонстрации, не стесняясь в применении оружия. В Мукачеве легионерами заняты были жупанское управление, электростанция, государственная табачная фабрика, выставлены патрули на всех улицах. Несмотря на все эти приготовления властей в забастовке приняли участие рабочие всех мукачевских предприятий, кроме электростанции, занятой войсками. Но митинг провести не удалось из-за большого скопления войск³. В Берегове жандармы, пытавшиеся разогнать демонстрацию рабочих, должны были отступить и вызвать подкрепление. Против демонстрантов были посланы легионеры, вооруженные пулеметами, и отряд конной жандармерии. Жестокая расправа над демонстрантами была произведена в Грушеве, где войско стреляло в рабочих, женщин и детей, в результате чего были убитые и много раненых.

В центре Закарпатья — Ужгороде, несмотря на провокационные действия жандармерии и полиции, коммунистическая партия сумела провести многолюдный митинг трудящихся. На митинге выступил с большой речью депутат чехословацкого парламента от коммунистической партии Таусик, охарактеризовавший экономическое состояние и политическое положение всей Чехословацкой республики и Закарпатской Украины. Оратор призвал пролетариат Закарпатья к классовой солидарности и совместной со всем чехословацким пролетариатом борьбе против диктатуры буржуазии. Остановившись на внешнеполитическом положении, оратор указал, что Малая Антанта, в которой такую активную роль играет буржуазное чехословацкое правительство, является военно-политическим союзом империалистов, на-

¹ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 182, лл. 104—108.

² ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 143, л. 183.

³ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 182, лл. 60—65.

правленным против Советской России, что пролетариат всех стран должен объединить свои силы для поддержки Советской России. «Русский пролетариат стоит твердо, и мы можем целиком на него положиться!» — эти слова оратора потонули в лозунгах: «Да здравствует III Интернационал!», «Да здравствует Советская Россия и пролетариат всего мира!» Вслед за Таусиком выступил редактор центрального органа КПЧ «Rude pravo», рассказавший присутствующим на собрании ужгородским рабочим о том, что во время своей поездки в мае по Закарпатью он видел, как на всех фабриках и заводах бастовали рабочие и что только силой войск и жандармерии предпринимателям удалось задушить стачки и вынудить рабочих приступить к работе по сниженным тарифам. Выступившие на митинге рабочие говорили о своей решимости бороться против буржуазии, за улучшение экономического положения пролетариата: «Лучше погибнем в борьбе, чем от голода!»

На митинге была принята резолюция протеста против наступления буржуазии на трудящихся, против военно-чиновничьей империалистической диктатуры, установленной чешской буржуазией на Закарпатской Украине. В резолюции требовалось, чтобы чехословацкое правительство упразднило режим военно-чиновничьей диктатуры на Закарпатье, начало борьбу с безработицей и обеспечило пособиями безработных, ввело в действие на Закарпатье социальное законодательство, изданное в Чехословакии. В резолюции также выдвигались требования безотлагательного осуществления земельной реформы и проведения выборов. Свидетельствуя свою преданность революционному делу и свои симпатии к Советскому государству, рабочие Ужгорода закончили резолюцию словами: «Да здравствует Коммунистический Интернационал! За здравствует Советская Россия!»¹

Развитие стачечного движения и особенно всеобщая июньская забастовка 1922 г., в которой участвовали тысячи рабочих, имело большое значение для революционизирования трудящихся масс Закарпатской Украины, ибо только массовое стачечное движение в условиях капиталистического гнета в состоянии «настоящим образом разбудить, расшевелить, просветить и организовать массы, воспитать в них полное доверие к руководящей роли революционного пролетариата»².

С основанием коммунистической партии Чехословакии в рабочем движении все большее значение стали играть левые профсоюзы, заявлявшие о принятии революционной программы Красного профинтерна. Но правое социал-демократическое руководство Чехословацкого профсоюзного объединения продолжало отстаивать реформистскую линию Амстердамского Интернационала и объявило войну сторонникам Красного профинтерна, исключая целые профсоюзные организации, стоявшие за революционные методы борьбы, из республиканского профсоюзного объединения. Этим было положено начало расколу профсоюзного рабочего движения в стране.

Борьба между сторонниками революционной тактики и реформистами разгорелась и в профсоюзных организациях на Закарпатской Украине. В 1921 г. левыми профсоюзами был образован Краевой профессиональный Совет, принявший на себя руководство стачечным движением.

В июле 1921 г. во Врутках (Словакия) собрался съезд левых революционных профсоюзов Словакии и Подкарпатской Руси, имевший целью определить отношение к раскольническим действиям реформистского проф-

¹ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 182, лл. 52—57.

² В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 170.

союзного руководства и наметить направление дальнейшего развития профдвижения в соответствии с интересами широких масс пролетариата. Съезд решительно высказался за революционную линию Красного профинтерна и заклеил предательскую раскольническую тактику амстердамского руководства. Съезд обратился к пролетариату Словакии и Подкарпатской Руси с призывом бороться за революционное единство пролетарских рядов: «Не дайте разбить единство профсоюзного движения, на раскольнические действия отвечайте усиливающимся объединением и солидарностью на интернациональной основе ... Этим наилучшим образом будут разбиты намерения Амстердама, и в конце концов на одной стороне окажутся амстердамцы — оппортунистические вожди, а на другой стороне — единый, объединенный в боевом организационном центре пролетариат. Да здравствует единый боевой фронт! Да здравствует Красный Профессиональный Интернационал!»¹ На съезде был избран объединенный Профессиональный совет левых профсоюзов Словакии и Подкарпатской Руси.

Реформистское руководство амстердамцев исключило из профсоюзного объединения все организации, участвовавшие во Врутецком съезде, усугубив этим еще в большей степени свою преступную политику раскола рабочих рядов.

Предательской раскольнической тактике социал-реформистского руководства профсоюзного объединения коммунистическая партия противопоставила тактику борьбы за единство рабочего движения. 22 октября 1922 г. в Праге собрался Чрезвычайный профсоюзный съезд. Участвовавшие в нем революционные профсоюзы сделали еще одну попытку добиться единства в профсоюзном объединении, но амстердамцы, имевшие у руководства подкупленную буржуазией реакционную профсоюзную бюрократию, «всегда готовую отдать профсоюзы в услужение империализму»², категорически отвергли всякие предложения о единстве и довели дело до окончательного раскола. Перед красными профсоюзами теперь стояла задача организационно объединиться, создать свой революционный профсоюзный центр и под его руководством продолжать борьбу за единство пролетариата. Пражский съезд принял решение об объединении всех левых революционных профсоюзов Чехословакии в Международный всепрофессиональный союз (MVS) и присоединении к Красному профинтерну³. С этого времени и на Закарпатской Украине организационно оформились красные профсоюзы, действовавшие под руководством коммунистической партии⁴. Их влияние особенно быстро росло среди самой многочисленной категории закарпатского пролетариата — лесных и сельскохозяйственных рабочих.

Учиненный реформистским руководством раскол профсоюзов нанес большой удар по рабочему движению, ослабил силы пролетариата в тот тяжелый момент, когда требовалось максимальное укрепление пролетарского единства для отражения наступления буржуазии. Перед коммунистами стала важная задача — вести упорную борьбу за завоевание на свою сторону рабочих масс, находившихся еще под влиянием оппортунистических социал-демократических вождей, бороться за боевое пролетарское единство, помня указание, сделанное В. И. Лениным молодым коммунистическим партиям капиталистических стран на II Конгрессе Коминтерна о необходимости со-

¹ «Rude pravo», 4.VII 1922, № 153.

² И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 295.

³ «Rude pravo», 28.X 1922, № 253.

⁴ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 421; «Рабоче-крестьянский календарь «Карпатской правды» на 1925 год».

трудничества революционного авангарда рабочего класса с отсталыми рабочими. «...Если это сотрудничество не будет систематически осуществляться,— говорил В. И. Ленин,— тогда коммунистическая партия ничего не собит, и тогда не может быть и речи о диктатуре пролетариата»¹.

Одной из важнейших задач коммунистической партии была работа среди трудящихся масс крестьянства, вовлечение их в революционную борьбу. В. И. Ленин в тезисах по аграрному вопросу ко II Конгрессу Коминтерна с особой силой подчеркивал, что пролетариат должен выступить как авангард всех трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за свержение эксплуататоров, а это невыполнимо «без внесения классовой борьбы в деревню, без объединения трудящихся масс деревни вокруг коммунистической партии городского пролетариата, без воспитания первых последних»². Проведение «систематической и планомерной агитации в деревне» являлось одним из 21 условий, признание которых было неременным для всех партий, входивших в Коминтерн.

На Закарпатской Украине, где крестьянство составляло подавляющую массу населения и где почти 90% крестьянских хозяйств были пролетарскими, полупролетарскими и мелкими, поставленными капитализмом в условия «особой забитости, распыленности, часто полусредневековой зависимости»³, работа в деревне, постоянное разоблачение перед трудящимися крестьянами подлинной сущности угнетательской политики буржуазного «демократического» государства и насквозь лживых демагогических лозунгов буржуазных и социалистических партий, длительное и настойчивое воспитание крестьянских масс в духе доверия к пролетариату, готовности активно участвовать в революционной борьбе, имели особо важное значение в деятельности коммунистической партии. Перед коммунистической партией стояла задача убедить трудящиеся массы деревни в том, что им «нет спасения иначе, как в союзе с коммунистическим пролетариатом, в беззаветной поддержке его революционной борьбы за свержение ига помещиков (крупных землевладельцев) и буржуазии»⁴.

Краевая коммунистическая организация Закарпатской Украины с самого своего основания уделяла значительное внимание работе среди трудящихся масс крестьянства. Влияние коммунистической партии становилось все более решающим фактором в развитии революционного крестьянского движения.

Большое значение для революционирования крестьянских масс имело развитие рабочего стачечного движения, рост экономической и политической борьбы пролетариата.

Прямое влияние на развитие крестьянского движения стал оказывать руководимый коммунистами Красный профессиональный союз лесных и земледельческих рабочих, в который входило большое число сезонных рабочих, связанных с селом. Союз выступал в защиту интересов беднейшего крестьянства, батраков. В мае 1922 г., под руководством профсоюза лесных и земледельческих рабочих, крестьяне в Береговском округе, до этого в течение долгого времени безрезультатно требовавшие наделения их землей, захватили имение помещика Роберта Земинского, разделили 300 к. угров (171 га) земли, вспахали ее и засеяли⁵. Летом 1922 г. упорно продолжали

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 213.

² Там же, стр. 130.

³ Там же, стр. 139.

⁴ Там же, стр. 129.

⁵ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 169, л. 22.

борьбу за землю крестьяне Должанского округа, захватившие обширные пастбища венгерского помещика Телеки. Окружной начальник сообщил вице-губернатору, что без постоянного присутствия войска одними имеющимися в округе жандармскими силами он не в состоянии прекратить «крестьянское своеволие» и воспрепятствовать насильственному отчуждению земли¹. Большой размах крестьянского движения в Должанском округе объяснялся прежде всего тем, что среди крестьян большую работу проводила коммунистическая организация села Долгого, ядро которой составляли рабочие лесопильного завода.

Еще летом 1921 г. начальство Бережской жупы информировало Гражданское управление: «Волнения, происшедшие в имени графа Шандера Телеки в связи с земельной реформой явились результатом коммунистической агитации... Коммунистическая агитация распространилась среди крестьянства в такой мере, что к коммунистам в последнее время присоединилось около 1000 человек...»²

Главным лозунгом, с которым шли коммунисты в крестьянские массы, был лозунг революционной борьбы за землю. Формами революционного крестьянского движения в это время были массовые протесты против грабежа крестьян, проводимого под видом «аграрной реформы», изгнание из сел чешских чиновников и сборщиков налогов, захват помещичьих и государственных земель. В ряде случаев, как мы уже указывали, имели место вооруженные выступления крестьян.

Говоря о крестьянском движении на Закарпатской Украине в 1921—1922 гг., нельзя не указать на борьбу крестьян против униатской церкви. Эта борьба выражалась в своеобразной форме — массовом переходе украинских народных масс в православную веру. В основе этого движения, принявшего очень широкий размах, лежали два момента — социальный и национальный.

На протяжении более двух с половиной столетий³ униатская церковь была в руках венгерских помещиков и буржуазии орудием социального и национального угнетения трудящихся масс Закарпатской Украины. Насильно навязанная православному населению Закарпатья униатская религия использовалась мадьярскими поработителями прежде всего для того, чтобы разрушить веру закарпатских украинцев в национальное единство с украинским народом, живущим на Востоке, в возможность национального освобождения. Униатская церковь верно служила мадьярскому государству, а государство в свою очередь вознаграждало ее земельными владениями и правом получать с крестьян «коблину» и «роковину». Эти привилегии, дававшие возможность жестоко эксплуатировать крестьянские массы, униатская церковь стремилась сохранить и после развала Австро-Венгерской монархии. Но трудящиеся решительно потребовали уничтожения этих позорных остатков феодального угнетения и чехословацкое правительство вынуждено было издать в 1920 г. закон об отмене «коблины» и «роковины». Однако никакого практического значения этот закон не имел, так как его осуществление откладывалось на неопределенное время до созыва «сейма Подкарпатской Руси»⁴. Такая нерешительность, а вернее нежелание чехословацкого правительства посягать на экономические привилегии униатской церкви объяснялась весьма просто: буржуазно-помещичье чехословацкое

¹ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 145, лл. 34—35.

² ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 105, лл. 116—117.

³ Уния была введена на Закарпатье в середине XVII в.

⁴ «Zbirka zakonů a nařizení statů Československého», 1920, s. 622.

правительство рассчитывало использовать униатскую церковь при осуществлении своих планов социального и национального угнетения трудящихся масс Закарпатской Украины и поэтому покровительствовало униатскому духовенству.

Укреплению союза между чехословацким государством и униатской церковью противодействовали народные массы. С первых же дней насильственного присоединения Закарпатья к Чехословакии крестьянские массы повели решительную борьбу против униатской церкви, захватывая церковные земли, отказываясь выполнять повинности по «коблине» и «роковине», выгоняя из сел попов-униатов и объявляя о своем возвращении в «православную веру отцов». В 1921—1922 гг. движение это приобрело настолько массовый характер, что целые села (как, например, Великие Лучки, Иза, Монастырец, Теремля, Горинчево, Калина, Керещки, Бедевя, Завидово, Канора, Акна Рахово и т. д.)¹ порвали с униатской церковью, захватили униатские храмы и превратили их в православные. Униатское духовенство обратилось за помощью к правительству и получило от него поддержку. Глава чехословацкого правительства Бенеш, обещавший во время своего приезда в Ужгород епископу Паппу полную поддержку в борьбе против «схизматического террора»², слово свое сдержал. Гражданское управление получило указание от правительства в каждом случае «насилия над церковным имуществом» высылать в села войска и жандармерию для «наведения порядка»³. Оккупационные власти жестоко подавляли выступления крестьян против униатской церкви, не один раз чешские легионеры и жандармы учиняли в селах кровопролития, как это произошло, например, в селах Бедевле, Дулове, Ракошине и т. д.⁴ Но этот террор против православного населения не мог задушить стихийного народного движения. Закарпато-украинское крестьянство упорно продолжало бороться против униатской церкви.

К концу 1922 г. положение трудящихся масс Закарпатской Украины стало особенно тяжелым. Экономический кризис все еще продолжался, росла безработица, жизненный уровень пролетариата катастрофически падал. Крестьянству, не получившему ни земли, ни обещанной продовольственной помощи, предстояло прожить суровую, голодную зиму. Прошел почти год со времени посещения Бенешем Закарпатья, а ни одно из его обещаний относительно изменения порядков на Закарпатье, не было выполнено. В сентябре 1922 г. на смену кабинету Бенеша пришло правительство агрария Швеглы, но и оно не собиралось что-либо делать для облегчения положения закарпато-украинских трудящихся. 23 ноября 1922 г. коммунистическая партия еще раз поставила в парламенте вопрос о положении на Закарпатской Украине. Группа коммунистических депутатов, возвратившаяся из поездки по горным районам Закарпатья, сообщила, что на Верховине голодают 150 000 крестьян. В подтверждение этого коммунисты привели факты ужасающих бедствий, виденных ими на Верховине, где хлеба у крестьян едва хватает на 2 месяца после сбора урожая, а остальное время люди питаются похлебкой из зелени и лепешками из дикого каштана, не зная вообще, что такое мясо, масло, сахар, где свирепствуют болезни и дети пухнут от голода. Коммунисты потребовали от правительства оказать немедленную помощь голодающей Верховине, ассигновав на это 40 млн.

¹ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 613, лл. 2—33.

² ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 160, л. 7.

³ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 706, л. 59.

⁴ «Rude pravo», 17. XII 1925, № 294; ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 186, л. 59.

кром, наделить верховинских бедняков землей и пастбищами, помочь населению одеждой, обувью, медикаментами. В заключение коммунистические депутаты потребовали, чтобы был установлен срок проведения на Закарпатье выборов в органы сельского самоуправления, а также в сейм и парламент¹.

Это заявление коммунистов в парламенте стало известно всей общественности Чехословакии. Трудящиеся республики требовали от правительства отменить режим военной диктатуры на Закарпатье, оказать экономическую помощь населению края. Даже в буржуазной печати появлялись вынужденные признания того, что политика, проводимая правительством на Закарпатской Украине, «компрометирует чехословацкую республику в глазах всего мира».

В условиях все более ухудшавшегося положения трудящихся масс, усиления классового и национального гнета на Закарпатской Украине росло революционное движение. В 1923 г. бастовали солекопы в Солотвине, рабочие кирпичных заводов в Берегове, химики в Сваляве, деревообделочники в Чинадееве, лесорубы Хустского округа, требуя повышения зарплаты, сокращения рабочего дня, принятия мер к уменьшению безработицы². Некоторые из стачек заканчивались частичной победой рабочих. Так, рабочие спичечной фабрики «Вулкан» в Чинадееве в результате успешно проведенной забастовки в июне 1923 г. добились заключения коллективного договора, повышения зарплаты, специальной оплаты за сверхурочную работу и установления 8-часового рабочего дня³.

Все больший размах приобретала борьба трудящихся масс крестьянства Закарпатья, требовавших земли и пастбищ, продовольственной помощи, снижения налогов, запрещения экзекуций, отмены режима военной диктатуры.

Чехословацкое правительство посылало для подавления крестьянских выступлений войска и жандармерию. 28 октября 1923 г. оккупационными войсками было учинено кровопролитие в селе Дулове, крестьяне которого выступили против оккупационного режима и униатской церкви. В результате бесчинств жандармерии среди крестьян были тяжело раненные и убитые⁴.

События в Дулове вызвали еще большее возмущение трудящихся Закарпатской Украины оккупационным режимом, установленным чешской империалистической буржуазией при прямой поддержке местной закарпатской буржуазии и правых социал-демократов.

4. ПОБЕДА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ НА ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ В 1924 ГОДУ

Рост революционного движения на Закарпатской Украине заставил чехословацкое правительство прийти к выводу, что далее сохранять в Закарпатье военное положение крайне опасно. В 1923 г. был опубликован указ об отмене режима военной диктатуры. За этим должны были последовать давно обещанные выборы в органы местного самоуправления и парламент.

В качестве предварительной подготовки к выборам в парламент правительство решило в сентябре 1923 г. провести на Закарпатье сельские выборы. Официально о сроке выборов было объявлено только за две недели.

¹ ЗОГА. «Дай боже смерти!» Восклик верховинских голодающих людей в Подкарпатской Руси. Речь, произнесенная в чехословацком парламенте, 23 ноября 1923 г. Издание ЦК КПЧ.

² Г. Піддубний. Чехословачина, 1931, с. 205; ЗОГА, ф. 29, 1923.

³ ЗОГА, ф. 29 (Канцелярия вице-губернатора Подкарпатской Руси, 1923 г., № 1512 и № 2233).

⁴ «Rude pravo», 17.X 1924, № 245.

Это был специальный маневр, рассчитанный на то, что коммунистическая партия в такой короткий срок не сумеет подготовиться и потерпит поражение. В то же время республиканская земледельческая (аграрная) партия — главная опора правительства на Закарпатье, в течение нескольких месяцев тайно готовилась к выборам, расходуя на это большие средства. Согласно положению о выборах, каждая партия, принимавшая в них участие, должна была представить список своих кандидатов в каждом селе. Понятно, что за короткий двухнедельный срок такие списки могли быть составлены только для небольшого количества сел, и только аграрная партия, давно готовившаяся к выборам, располагавшая всем аппаратом управления, имела списки по всем селам. Аграрная партия выступила перед выборами с демагогическими обещаниями о проведении правительством в ближайшее время земельной реформы и этим старалась привлечь на свою сторону крестьянство. Путем подкупов, демагогии и шантажа ей удалось собрать на выборах 111 000 голосов. Социал-демократы получили 19 000 голосов, «хлеборобская партия» — 10 000, мадьярская христианско-социалистическая партия — 4000, чешская национально-социалистическая партия — 2600, трудовая партия — 1600. Коммунистическая партия, не имевшая ни времени, ни средств для подготовки к выборам, выставила свои списки только в 80 селах и собрала 16 000 голосов. Но чехословацкие власти утвердили выборы только в 39 селах, отдавших голоса коммунистам, в остальных были назначены старосты по кандидатскому списку аграриев¹.

Результаты сельских выборов, ни в коей мере не выражавших подлинной воли закарпато-украинского населения, «вдохновили» чехословацкое правительство, и оно решилось провести на Закарпатье 16 марта 1924 г. выборы в чехословацкий парламент (предусмотрительно назначив их на год раньше общереспубликанских выборов, предстоявших в 1925 г., чтобы в случае победы антиправительственных сил иметь возможность не позднее, чем через год, устроить повторные выборы). Буржуазное чехословацкое правительство рассчитывало посредством выборов в парламент придать «конституционную форму» своей колонизаторской политике на Закарпатской Украине.

Прежде чем объявить о выборах, правительство отозвало из Закарпатья своего вице-губернатора, правого социал-демократа Эренфельда, с именем которого был связан режим военной диктатуры. Но это вовсе не означало каких-нибудь существенных перемен в военно-бюрократической оккупационной машине. На пост вице-губернатора был назначен не меньший реакционер, А. Розсыпал, бывший австрийский чиновник, уже успевший проявить свой полицейский талант, будучи окружным начальником в Кладно. Правительство полагало, что приобретенный Розсыпалом в Кладно опыт борьбы с чешским революционным пролетариатом будет им использован против революционного движения закарпато-украинских трудящихся. В пустовавшее в течение 2½ лет кресло губернатора Подкарпатской Руси был посажен Антон Бескид, буржуазный адвокат и крупный землевладелец, оказавший большие услуги чешской буржуазии еще в 1919 г., при подготовке насильственного захвата Закарпатской Украины и получивший за это от чехословацкого правительства щедрую награду — 2000 угров плодородной земли. Формально отменив режим военной диктатуры, правительство было уверено, что Бескид и Розсыпал, имея в своем распоряжении большой ок-

¹ «Rude pravo», 26.VIII 1923, № 199; 18.III 1924, № 66; ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 121, л. 43.

купационный аппарат, сумеют сохранить этот режим, пользуясь утвержденным чехословацким парламентом в марте 1923 г. реакционным «Законом об охране республики», фактически отменившим записанные в конституции демократические свободы и открывавшим буржуазии неограниченные возможности для атаки на революционно-демократические силы.

О предстоящих выборах в парламент было объявлено в декабре 1923 г. В положениях о выборах говорилось, что Подкарпатская Русь получает право послать в парламент 13 депутатов — 9 в сейм и 4 — в сенат. Уже этим грубо нарушался п. 5 § 13 конституции республики, по которому Подкарпатская Русь должна была быть представлена в Национальном собрании Чехословацкой республики числом депутатов соответственно количеству населения и размерам территории. Территория Закарпатской Украины составляла $\frac{1}{10}$ часть территории Чехословакии (12 600 км² : 140 000 км), а население $\frac{1}{20}$ часть (725 357 чел. : 14 716 000 чел.). Следовательно, из общего числа 300 мест депутатов сейма и 150 — сенаторов Закарпатская Украина должна была получить 15 мест в сейме и 7—8 в сенате. Таким образом, «Положение о выборах» устанавливало для Закарпатской Украины избирательное число в среднем в $1\frac{1}{2}$ раза выше, чем во всей республике.

Чтобы обеспечить выгодные для себя результаты выборов, чехословацкое правительство поставило целью создать на Закарпатье политический блок партий правительственной ориентации. Чешским аграриям, располагавшим большими материальными возможностями, еще ранее удалось подкупить несколько местных буржуазных партий и создать одну «республиканскую земледельческую партию», ядро которой составил земледельческий союз Прикарпатской Руси. За несколько месяцев до выборов (в ноябре 1923 г.) чешская аграрная партия заключила соглашение с республиканской земледельческой партией, по которому партия Швеглы (аграриев) принимала на полное содержание республиканскую земледельческую партию, обязываясь выплачивать ее генеральному секретарю Каминскому пожизненно месячный оклад в 4000 крон и окружным секретарям от 1500 до 2000 крон. Пользуясь своим положением в правительстве, чешская аграрная партия обещала республиканской земледельческой партии передать ей право на замещение поста губернатора, а также, учитывая интересы униатского духовенства, входившего в партию Каминского, добиться восстановления права церкви на получение «коблины» и «роковины». Кроме того, чешская аграрная партия обещала республиканской земледельческой партии полную моральную и материальную поддержку во время предвыборной кампании и первое место для Каминского в кандидатском списке. За все это республиканская земледельческая партия отказывалась от борьбы за национальную автономию, обязывалась содействовать чешской колонизации, не возражать против передачи половины земли, отчужденной по земельной реформе, чешским легионерам и увеличения числа чешских чиновников на Закарпатье, во всем поддерживать чехословацкое правительство¹.

Заключение этой позорной сделки было ярким доказательством антинародной, предательской роли закарпато-украинской буржуазии, выдвигавшей национальные лозунги лишь для обмана трудящихся и готовой идти на любой союз с чешской буржуазией ради усиления своих классовых позиций, ради увеличения своей доли в эксплуатации закарпато-украинских рабочих и крестьян. Подобные сделки между буржуазией господствующей

¹ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 310, л. 22; «Коммунистический Интернационал», 1927. № 1—4, стр. 408—409.

нации и национальной буржуазией обычны в буржуазных государствах, ибо «национальная буржуазия стремится не к освобождению «своего народа» от национального гнёта, а к свободе выколачивания из него барышей, к свободе сохранения своих привилегий и капиталов»¹.

Политическая сделка между чешской аграрной партией и республиканско-земледельческой партией Подкарпатской Руси, разоблаченная компартией накануне парламентских выборов, показала закарпато-украинским трудящимся продажность лидеров местных буржуазных партий, рядившихся в тогу борцов «за автономию», и в то же время раскрыла планы чешских аграриев, направленные на окончательное порабощение и ограбление Закарпатской Украины.

Чешская национально-социалистическая партия, состоявшая на Закарпатье преимущественно из чешских чиновников, была малочисленной и на выборах блокировалась с русской трудовой партией адвоката Гагатко. Чешская народная католическая партия Шрамека приобрела себе агентуру в лице народно-христианской партии Волошина, опиравшейся на униатское духовенство, зажиточные слои крестьян и сельское учительство. О своем участии в выборах заявили также чехословацкая народно-демократическая партия Крамаржа и «живностенская» партия, не приобретшие пока что «младших партнеров» из числа местных партий.

Социал-демократическая партия, являвшаяся прямой агентурой буржуазного чехословацкого правительства, действовала на Закарпатье под видом так называемой русской социал-демократической партии, созданной на субсидии чешской буржуазии и американских капиталистов. Руководил ею во время парламентских выборов бывший депутат венгерского парламента Остапчук.

Аграрная, национально-социалистическая, народная, народно-демократическая, «живностенская» и социал-демократическая партии, с группой примыкавших к ним местных буржуазных партий и составили тот политический блок, на победу которого рассчитывало чехословацкое правительство.

Вторую политическую группу составляли оппозиционные венгерские партии (национальная партия, христианско-социалистическая и партия венгерских мелких землевладельцев), добивавшиеся присоединения Закарпатья к Венгрии. Тайной агентурой венгерской реакции являлась и новая партия — «Автономно-земледельческий союз» (АЗС), отколовшаяся от республиканской земледельческой партии и выступавшая на выборах самостоятельно. По своему классовому составу автономно-земледельческий союз был партией кулачества и униатского духовенства. До поры до времени автономно-земледельческий союз ловко прикрывал свою службу венгерской реакции автономистской программой.

Всем этим буржуазным партиям противостояла коммунистическая партия, представлявшая интересы трудящихся Закарпатской Украины.

Коммунистическая партия принимала участие в выборах, руководствуясь указанием Коминтерна о необходимости использования предвыборных кампаний и парламентской трибуны для коммунистической агитации и для разоблачения буржуазии. В Чехословакии, как и во всех других капиталистических странах, отсталые слои трудящихся верили в то, что парламент является истинным представителем народа. Чтобы разрушить эту наивную веру трудящихся в буржуазный парламентаризм, коммунисты должны были не отказываться от участия в парламенте, а идти в него и там разоблачать

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 162—163.

маневры буржуазных и социал-соглашательских партий, показывая обманутым массам истинное лицо парламента.

«Мы, коммунисты,— писал В. И. Ленин после II конгресса Коминтерна,— идем в буржуазный парламент, чтобы и с этой трибуны насквозь прогнившего капиталистического учреждения, в котором обманывают рабочих и трудящихся, разоблачать обман... Пока мы еще не в силах разогнать буржуазный парламент, мы должны работать против него и извне и изнутри»¹.

В течение двух с половиной месяцев, предшествовавших выборам, на Закарпатье происходила напряженная предвыборная политическая борьба. Чтобы создать благоприятную обстановку для предвыборной деятельности партий правительственной коалиции, чехословацкое правительство еще более усилило полицейский террор на Закарпатье, обрушив его прежде всего против коммунистической партии. Буржуазные партии широко пользовались в предвыборной борьбе средствами демагогии, политического шантажа и подкупов. Газета «Rude pravo» так характеризовала политическую обстановку на Закарпатской Украине перед парламентскими выборами: «В Подкарпатской Руси после долгих отсрочек были назначены выборы, во время которых, согласно принципам демократии, должно выявиться мнение народа. Но здесь делается все для того, чтобы несчастный русинский народ не смог высказать своего мнения. Ему дается прекрасная школа «демократии». К наиболее низким и подлым средствам шантажа прибегают аграрии и социал-демократы. Деньгами, водкой, ложью обучают они «демократии» бедных избирателей. Наилучшей иллюстрацией этой «демократии» является полицейский и чиновничий террор, свирепствующий на Закарпатье»².

24 февраля закончилось составление списков кандидатов, выдвинутых партиями. Всего было подано 13 списков³. После этого партии приступили к агитации среди населения. Самыми большими возможностями для агитации располагала аграрная партия, выступавшая на выборах вместе с подкупленной ею республиканской земледельческой партией. В ее распоряжении был весь оккупационный аппарат с чиновниками и жандармами, а также земельный фонд и большие денежные средства, используемые в целях агитации. Свою агитационную деятельность аграрная партия проводила главным образом среди крестьянства. Она разослала по селам сотни агитаторов, снабдив их изрядными суммами денег для спаивания крестьян и подкупов агитаторов других партий. Один только Шерецкий, выдвинутый аграриями кандидатом в парламент, за две недели до выборов получил на «агитацию» 130 000 крон⁴. На предвыборных собраниях аграрии демагогически обещали крестьянам землю, снижение налогов, продовольственную помощь. По представлению руководства аграрной партии некоторые из наиболее верных ее приверженцев были наделены землей из конфискованного фонда. Эти факты были представлены аграрной партией как начало широкого осуществления законов о земельной реформе. В то же время агитаторы аграрной партии угрожали закарпатским крестьянам, что те, кто проголосует за коммунистов, потеряют всякое право на получение земли и государственных пособий, а налоги и арендная плата им будут повышены⁵.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 242—243.

² «Rude pravo», 29.II 1924, № 51.

³ «Rude pravo», 1.III 1924, № 52.

⁴ «Rude pravo», 11.III 1924, № 60.

⁵ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 310, лл. 25, 110, 112; «Rude pravo», 1.III 1924, № 52; «Rude pravo», 15.III 1924, № 64.

Крестьяне мало верили щедрым посулам аграриев, а угроз их не страшились. Когда же стало известно о сделке, заключенной между чешской аграрной партией и республиканской земледельческой партией, агитаторов этих партий стали выгонять из сел¹. С этого времени главным местом агитации аграриев стали сельские кабаки, где крестьян усиленно спаивали водкой. Аграрная партия, известная ранее своим антисемитизмом, накануне выборов вступила в сделку с еврейской мелкобуржуазной партией (так называемой еврейской ортодоксальной партией) и повела агитацию среди еврейского населения, угрожая, что тех, кто не проголосует за аграрную партию, «ждут неприятные последствия». Расклеенные в городах плакаты на еврейском языке призывали еврейских буржуа отдать свои голоса на выборах аграрной партии, если они не хотят, чтобы правительство отняло у них лавки и кабаки². Агитация аграрной партии поддерживалась чиновниками и жандармами. В их сопровождении агитаторы появлялись в селах. Предвыборную агитацию аграриев органы власти поддерживали полицейским террором, направленным главным образом против коммунистической партии. Но все это мало помогало аграрной партии, ибо трудящиеся видели в ней главную опору чешского оккупационного режима.

Не меньше надежд, чем на аграриев, буржуазное чехословацкое правительство возлагало на социал-демократическую партию. Если аграрная партия использовалась главным образом для обмана крестьянских масс, то с помощью социал-демократической партии чехословацкое правительство рассчитывало ослабить влияние коммунистической партии среди пролетариата. Эту роль социал-демократическая партия должна была выполнять, пользуясь всем арсеналом испытанных средств социал-предательства, социальной и национальной демагогии. Социал-демократы вели предвыборную агитацию под широковегательными демагогическими лозунгами социального равенства, улучшения материального положения рабочего класса, предоставления демократических прав и свобод трудящемуся населению Закарпатской Украины. Для руководства предвыборной агитацией пражское руководство социал-демократической партии послало на Закарпатье большое число хорошо оплачиваемых агитаторов. Среди них был весь состав парламентской социал-демократической фракции.

Но все это нисколько не подымало авторитет социал-демократической партии среди рабочих. Пролетариат Закарпатской Украины знал, что за щедрыми обещаниями социальных благ социал-демократы, как всегда, скрывают свое угодничество перед буржуазией, свое подлое предательство классовых интересов трудящихся. Об отношении рабочих Закарпатья к предвыборной агитации социал-демократической партии ярко свидетельствует такой факт: 9 марта социал-демократы созвали предвыборное собрание в Мукачево, на котором должны были выступать приехавшие из Праги бывший министр, социал-демократ Дерер, и выдвинутый социал-демократической партией в парламент чиновник канцелярии президента Нечас. Появление их в зале сотни мучкачевских рабочих встретили возгласами: «убирайтесь вон, изменники, платные агенты буржуазии». Дерер, начавший речь с нападок на Советскую Россию, был прогнан с трибуны, Нечас даже не сумел начать речь. Оба они должны были покинуть зал, где уже выступали представители коммунистической партии и раздавались звуки «Интернационала»³.

¹ «Rude pravo», 15.III 1924, № 64.

² «Rude pravo», 11.III 1924, № 60.

³ «Rude pravo», 14.III 1925, № 63.

Малоуспешной была агитация социал-демократов и среди других слоев населения: сельскохозяйственных рабочих, крестьянской бедноты, государственных служащих¹.

Еще меньшим успехом в предвыборной агитации пользовались выступавшая под покровительством чешской национально-социалистической партии трудовая партия Гагатко и опекаемая Штрамеком клерикальная партия Волошина.

Влияние остальных партий, входивших в правительственную коалицию, было совершенно ничтожным.

Из буржуазных партий, находившихся в оппозиции к правительству, на некоторый успех могла рассчитывать новая автономистская партия — автономно-земледельческий союз, ловко пользовавшаяся лозунгом борьбы за автономию. К тому же, с первых дней своего существования, эта партия располагала большими средствами, тайно получаемыми от венгерского правительства.

Коммунистическая партия была единственной партией, защищавшей интересы трудящихся. К этому времени она была уже наиболее массовой политической партией в Закарпатье, объединявшей в своих рядах тысячи рабочих и трудящихся крестьян. Являясь авангардом пролетариата, коммунистическая партия, вместе с тем, вела большую работу среди крестьянства, раскрывая ему глаза на подлый обман, скрывавшийся за законом буржуазного чехословацкого правительства об аграрной реформе и о «демократическом» разделе земли. Коммунисты указывали трудовому крестьянству революционный путь борьбы за землю. Коммунистическая партия выступила на выборах с разоблачением империалистической политики чехословацкого правительства, призывая трудящихся Закарпатья не дать обмануть себя лживой агитацией продавшихся чешской буржуазии местных буржуазных партий и социал-демократов. Выступая на предвыборных собраниях, коммунисты призывали рабочих и крестьян решительно становиться на революционный путь — единственный путь, который может привести к социальной и национальной свободе. В качестве ближайших требований, отвечающих самым насущным нуждам трудящихся, коммунисты выдвигали в предвыборной программе требования улучшения жизненных условий пролетариата, предоставления работы и пособий безработным, повышения зарплаты, строгого соблюдения изданного в республике социального законодательства, проведения земельной реформы путем раздела земель, пастбищ и лесов, принадлежащих государству и крупным земельным собственникам, среди неимущих крестьян, снижения налогов, оказания материальной и продовольственной помощи населению, снижения призывного контингента, отмены оккупационного режима и предоставления национальных и политических прав трудящимся Закарпатья. В своей предвыборной программе коммунисты также требовали от чехословацкого правительства установления дипломатических и экономических сношений с Советской Россией². Лозунги коммунистической партии находили широкий отклик среди революционно настроенных рабочих и крестьян Закарпатской Украины. Трудящиеся видели, что только коммунисты заботятся об их повседневных нуждах. Много способствовало успеху коммунистов и то, что в их программе говорилось об опыте революционных завоеваний в Советской России, к которой трудящиеся Закарпатья питали чувства горячей симпатии.

¹ «Rude pravo», 4.III 1924, № 54.

² ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 310, лл. 23, 24; ед. хр. 321, лл. 75—79.

Добиваясь избрания своих кандидатов в парламент с целью использования парламентской трибуны для разоблачения буржуазной демократии как орудия обмана трудящихся масс, коммунистическая партия не забывала о том, что центр тяжести революционного движения лежит в массовой борьбе, и использовала предвыборную кампанию для дальнейшего сплочения вокруг партии коммунистов пролетариата и трудящихся масс крестьянства.

Коммунистической партии приходилось вести предвыборную агитацию в исключительно трудных условиях. Правительство обрушило против нее жестокий полицейский террор. Коммунистическая партия не получала помещений для собраний, ее плакаты и листовки конфисковывали, коммунистов-агитаторов арестовывали, полиция разгоняла устраиваемые коммунистами предвыборные собрания. Газета «Rude pravo» писала, что «коммунистическая партия фактически была поставлена вне закона»¹. Чтобы сорвать успех коммунистической партии, власти терроризировали население, угрожая жестокими репрессиями тем, кто на выборах отдаст свои голоса коммунистам².

Но никакими репрессиями, никакой ложью нельзя было изолировать коммунистов от народа. Сила коммунистической партии была в том, что она говорила народу правду, указывала ему единственный путь завоевания свободы — путь революционной борьбы. На предвыборном митинге в Великой Березне представитель компартии сказал крестьянам, что коммунисты не пользуются подкупами и не могут раздавать водку, как это делают аграрии, они указывают народу путь, «как, следуя русскому примеру, народ может стать хозяином всех богатств»³.

Трудящиеся знали, что коммунистическая партия действительно борется за правду, за интересы трудового народа. И против этого убеждения бессильны были все средства, употребляемые чехословацким правительством с целью ослабления влияния в массах коммунистической партии. Трудящиеся не верили агитации буржуазных партий, так же как не верили они и заклеившей себя предательством социал-демократической партии. Даже чехословацкие власти на Закарпатье вынуждены были признать, что предвыборные программы этих партий «были настолько непопулярными, что они не могли идти в гущу народа» и что правительственные партии «сами того не сознавая, копали себе могилу и подготавливали тем самым почву для партии коммунистической»⁴. Мало действовали и угрозы, которыми запугивали органы власти и агитаторы буржуазных партий население, сочувствующее коммунистам. В селе Дубровке Йошавского округа произошел такой случай: Окружной начальник Рихард Душев, явившись в село, собрал крестьян и объявил, что тот, кто является коммунистом, получит 25 ударов. Из толпы выступил старый крестьянин, житель села, Василий Маган и сказал, что он коммунист и что «пусть попробует ему окружной начальник всыпать 25 ударов!». Василия Магана поддержали все крестьяне, и окружному начальнику ничего не оставалось, как немедленно по-добру, по-здорову убраться из села⁵. Несмотря на угрозы, которыми власти терроризировали население, предвыборные собрания компартии были самыми многочисленными. Даже по официальным данным, сообщенным вице-губернатором правительству, коммунистическая партия провела 153 предвыборных

¹ «Rude pravo», 1.III 1924, № 52.

² ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 310, л. 42а; «Правда», 6.IV 1924, № 79.

³ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 310, л. 110.

⁴ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 310, л. 112.

⁵ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 310, л. 44.

собрания, в которых участвовала 21 000 человек, в то время как социал-демократическая партия провела 71 собрание с 8000 участников, республиканско-земледельческая партия — 40 собраний с 7000 участников, трудовая партия — 29 собраний с 5000 участников, венгерские партии — 42 собрания с 5000 участников¹. Рабочие и крестьяне помогали компартии в агитации. В селах были агитаторы из местных крестьян. Газета «Rude pravo» писала об этом: «Сотни крестьян, наших товарищей, ходят по снегам и болотам из деревни в деревню и везде оглашают программу нашей партии и агитируют за нашего кандидата»². Нередко вооруженные крестьяне сопровождали представителей компартии из села в село, охраняя их от полицейских провокаций³.

Видя безрезультатность всех попыток помешать предвыборной деятельности компартии, чехословацкие власти решили использовать последнюю возможность — помешать коммунистам при проведении самих выборов. Накануне выборов появились листовки такого содержания: «Коммунистическая партия правительством распушена! Кандидатские листки запрещены. Кто будет голосовать за коммунистов, будет наказан!»⁴ Там, где ожидался успех коммунистов, в день выборов оказалось, что к избирательным урнам надо идти за десятки километров. У неграмотных крестьян, приходивших на голосование с кандидатским листком № 1 (список компартии), отбирали все 13 листков и выдавали взамен новую пачку, где часто коммунистического листка не оказывалось. И все-таки трудящиеся, жившие даже на расстоянии более 100 км от места выборов (рабочие и крестьяне Свалявского округа, крестьяне и лесорубы Ясени, Турьи Реметы и т. д.), приходили пешком к месту голосования, чтобы отдать свои голоса коммунистической партии, а неграмотные крестьяне находили заветный листок с цифрой «1» и только его опускали в урну⁵. В селах, где население исповедовало православную религию, власти подкупали православное духовенство, надеясь, что оно воздействует «антикоммунистически» на крестьян. Но и эта авантюра не удалась, о чем можно судить хотя бы по результатам выборов в селе Великие Лучки, являвшемся своего рода центром «православного движения». Из 1800 голосов 1200 голосов здесь было отдано на выборах коммунистам. Наконец, когда успех коммунистов был совершенно очевидным, во многих округах результаты выборов были грубо фальсифицированы.

И все-таки коммунистическая партия одержала на выборах блестящую победу, чего не могли скрыть даже официальные данные о результатах выборов.

Общее количество 254 200 голосов, поданных на выборах, распределялось между 13 партиями, участвовавшими в выборах, таким образом⁶:

1. Коммунистическая партия	100 242 голоса	39,4%
2. Чешская аграрная партия с республиканской земледельческой партией	15 058 »	5,9%
3. Чешская национально-социалистическая партия с русской трудовой партией	20 068 »	7,9%
4. «Живностенская» партия	2 748 »	1,1%
5. Русская хлеборобская партия (Брашайко)	11 107 »	4,4%

¹ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 310, л. 42.

² «Rude pravo», 11.III 1924, № 60.

³ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 323, л. 159.

⁴ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 310, л. 42а.

⁵ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 310, лл. 29, 123.

⁶ ЦГИА УССР, ф. 88, оп. № 1, арх. № 3, лл. 31—32; «Podkarpatská Rus», Bratislava, 1936, s. 76—82.

6. Народно-христианская партия (Волошина)	2 780	»	11%
7. Социал-демократическая партия	20 988	»	8,3%
8. Автономно-земледельческий союз	21 161	»	8,3%
9. Венгерская национальная партия	28 113	»	11,1%
10. » земледельческая партия	1 242	»	0,5%
11. » христианско-социалистическая партия	2 828	»	1,1%
12. Еврейская сионистская партия	17 941	»	7%
13. Еврейская ортодоксальная партия	9 914	»	3,9%

Коммунистическая партия получила почти 40% всех голосов, в то время как все партии правительственной коалиции, вместе взятые, собрали менее 30%. Таким образом, против политики чехословацкого правительства проголосовало около 70% населения Закарпатской Украины. Самое большое поражение потерпела аграрная партия. Число собранных ею голосов, по сравнению с сельскими выборами 1923 г., упало со 111 000 до 15 000. Республиканская земледельческая партия закарпато-украинской буржуазии пожинала плоды своей позорной сделки с чешской аграрной партией. «Нельзя закрывать глаза на тот факт, что партии, которые соединились с чешскими партиями, заплатили за этот союз меньшим или большим поражением, при этом, чем теснее был этот союз, тем значительней было поражение»...¹ — вынуждены были признать чехословацкие власти, готовя в Прагу донесение о результатах выборов.

Выборы показали, что закарпато-украинские трудящиеся не смирились с насильственным включением Закарпатской Украины в состав Чехословацкой буржуазной республики, что они готовы продолжать революционную борьбу за социальное и национальное освобождение, что у них есть организатор и руководитель этой борьбы — коммунистическая партия, ставшая самой массовой и самой влиятельной политической партией на Закарпатье.

Из общего числа 14 мандатов в парламент (сейм и сенат) коммунисты получили 6 мандатов. Ни одна из остальных партий на выборах не собрала того минимума голосов, который давал право посылки депутата в парламент². Чтобы выйти из положения, наиболее сильные из них — аграрная партия, социал-демократическая, трудовая, АЗС и венгерская национальная партия пошли на жульнические комбинации, увеличив число своих голосов за счет голосов, собранных другими партиями и поделив 8 парламентских мандатов следующим образом: аграрная республиканская земледельческая партия — 2, автономно-земледельческий союз — 2, социал-демократическая — 1, трудовая партия — 1, венгерские партии — 2³. Но, несмотря на эти политические комбинации, полное поражение на выборах партий правительственной коалиции и победа коммунистической партии оставались неопровержимым фактом. Даже официальные органы чехословацкой администрации, руководившие выборами, должны были признать, что «выборы знаменовали победу коммунистической идеи и поражение идей государственных, именно правительственных»⁴.

Чехословацкое правительство было ошеломлено результатами выборов. Губернатор и вице-губернатор были срочно вызваны в Прагу для доклада о причинах поражения партий правительственной коалиции. Некоторые

¹ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 310, л. 37.

² Согласно положению о выборах, избирательное число на Закарпатской Украине во время парламентских выборов 1924 г. составляло 28 245 голосов («Podkarpatská Rus», Bratislava, 1936, s. 76).

³ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 293, лл. 5—24.

⁴ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 310, л. 38.

члены правительства (например, министр Стржибрный) требовали аннулирования выборов¹. Буржуазная и социал-демократическая чехословацкая печать в один голос заявляла об «оплошности» правительства, допустившего выборы на Закарпатье. Так, социал-демократическая газета «Ртаво lidu» писала: «Не приходится и говорить о том, что выборы в Подкарпатской Руси являются оплошностью. Для нового губернатора Подкарпатской Руси не может быть более горького упрека, чем результаты этих выборов»... «Результаты выборов являются для правительственного режима потрясающими, ибо то обстоятельство, что народ отвернулся от правительственных партий, является серьезным возражением против правительственных партий»². Чехословацкая буржуазия требовала от правительства принятия решительных мер против «красного Подкарпатья».

Трудящиеся Чехословакии встретили весть о победе коммунистической партии на парламентских выборах в Закарпатье с огромным воодушевлением. В Праге и ряде промышленных центров республики состоялись митинги, на которых чешский пролетариат горячо приветствовал коммунистов и всех трудящихся Закарпатья с победой, одержанной над буржуазией³. В связи с победой коммунистов на выборах в Закарпатской Украине Международный крестьянский совет обратился с воззванием ко всему трудящемуся крестьянству Чехословацкой республики, в котором призывал объединиться для борьбы за землю: «Пусть эта победа крестьян Прикарпатской Руси,— говорилось в воззвании,— явится примером для всех крестьян Чехословакии»⁴.

Победа коммунистической партии на парламентских выборах свидетельствовала о росте ее авторитета среди трудящихся и углублении процесса революционизирования пролетариата и широких масс трудового крестьянства Закарпатской Украины. Задача коммунистической партии теперь состояла в том, чтобы, пользуясь этим растущим доверием к ней угнетенных масс, усилить свою революционную авангардную роль, готовить рабочих и беднейших крестьян к новым боям за социальное и национальное освобождение.

5. ПЕРВЫЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ЗАКАРПАТЬЕ В ПЕРИОД НАЧАВШЕЙСЯ ЧАСТИЧНОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ КАПИТАЛИЗМА (1924 г.)

Парламентские выборы на Закарпатской Украине в 1924 г. проходили в условиях уже начавшейся в капиталистическом мире частичной стабилизации капитализма, когда послевоенный хозяйственный кризис стал изживаться, капиталистическая экономика приобрела тенденцию некоторого оживления, а политическая власть буржуазии начала заметно укрепляться. Это означало, что «капитализм временно выкарабкался из того хаоса, в котором он очутился после войны»⁵. Но наступившая стабилизация капитализма не могла быть «ни длительной, ни прочной»⁶, ибо развитие капитализма в условиях начавшегося в период первой мировой войны кризиса капиталистической системы неизбежно вело к дальнейшему обострению и углублению всех противоречий капитализма, к росту сил, ослабля-

¹ «Правда», 21.III 1924, № 65.

² Цит. по газ. «Rude pravo», 18.III 1924, № 66.

³ «Правда», 21.III 1924, № 65.

⁴ «Правда», 28.III 1924, № 71.

⁵ И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 263—264.

⁶ Там же, стр. 98.

ших и разлагавших капитализм. «Стабилизация капитализма,— указывал И. В. Сталин,— означает некоторое временное смягчение кризиса капитализма при росте непримиримых противоречий внутри капитализма, развитие которых должно привести к новому, очередному кризису капитализма»¹.

В развитии международного революционного движения наступление стабилизации капитализма означало спад революционной волны. Из периода штурма рабочее движение вступило «в период накопления сил, в период формирования и обучения пролетарской армии под знаменем коммунизма»².

Одновременно с временной частичной стабилизацией капитализма имел место рост экономической и политической мощи Советского Союза, происходило дальнейшее укрепление советского строя. «...Наряду с отливом революции в Европе,— указывал И. В. Сталин,— мы имеем бурный рост хозяйственного развития Советского Союза и нарастание его политической мощи. Иначе говоря, мы имеем не только стабилизацию капитализма. Мы имеем вместе с тем стабилизацию советского строя»³. В отличие от стабилизации капитализма стабилизация советского строя была прочной и означала неуклонное накопление условий, ведущих к укреплению диктатуры пролетариата.

Стабилизация советского строя, рост сил и могущества Советского Союза имели решающее значение для революционизирования трудящихся капиталистических стран и тем самым оказывали громадное влияние на развитие международного революционного движения. «Само существование Советской власти, её рост, её материальное преуспевание, её несомненное упрочение является серьёзнейшей пропагандой среди европейских рабочих в пользу Советской власти»⁴.

Буржуазия сумела выйти из послевоенного экономического кризиса главным образом за счет всемерного усиления эксплуатации трудящихся, закабаления их финансовым капиталом. В Чехословакии, как и во всех капиталистических странах, переход к стабилизации капитализма был связан с обострением нищеты народных масс, ибо «путь развития капитализма есть путь обнищания и полуголодного существования громадного большинства трудящихся»⁵. Результатом проводившейся финансовым капиталом дефляционной политики был массовый рост безработицы, снижение заработной платы и рост дороговизны. В этих условиях растущего обнищания народных масс буржуазное чехословацкое правительство предприняло дальнейшее наступление на жизненный уровень пролетариата и других трудящихся города и деревни. С помощью парламентского большинства, состоявшего из представителей буржуазных и социал-соглашательских партий, правительство провело законы о замене государственных пособий по безработице так называемой «гентской системой», введении аграрных пошлин, повышении налогов, ассигновании большей половины государственного бюджета на содержание армии и т. д. Одновременно с наступлением на экономические права трудящихся буржуазия вела наступление на их политические права, все более урезывая демократические свободы и усиливая террор против революционных сил и, прежде всего, их авангарда — коммунистической партии.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 235.

² Там же, стр. 53.

³ Там же, стр. 94.

⁴ И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 238.

⁵ И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 97.

Все это свидетельствовало о том, что наступление временной частичной стабилизации капитализма не только не приносило какого-либо облегчения трудящимся, а, напротив, значительно ухудшало их экономическое и политическое положение. Закономерным следствием этого было дальнейшее обострение классовых противоречий в стране.

На Закарпатской Украине наступление частичной стабилизации капитализма также было сопряжено с закреплением и дальнейшим ухудшением того тяжелого экономического положения, в котором оказались трудящиеся массы в результате разрушительного действия послевоенного хозяйственного кризиса и колониаторской политики чехословацкого буржуазного правительства. Попрежнему очень многочисленной была армия безработных. Правительство не предпринимало ничего для уменьшения безработицы на Закарпатской Украине, если не считать продолжавшуюся отправку дешевой рабочей силы из Закарпатья за границу. По распоряжению Министерства земледелия в 1924 г. на Закарпатье проводилась перепись сельскохозяйственных рабочих, после чего, по заявке Французского Министерства земледелия, из Закарпатья было отправлено на работу во Францию около 1500 сельскохозяйственных рабочих, мужчин и женщин, в том числе 200 специалистов-виноделов¹. Несмотря на улучшение общей экономической конъюнктуры в Чехословакии, закарпатская промышленность, поставленная в зависимое положение от несравнимо более развитой чешской промышленности, выходила из состояния кризиса очень медленно. Еще в 1924 г. некоторые предприятия периодически прекращали работу: несколько месяцев стояли химический и деревообделочный заводы в Долгом, в апреле останавливался завод «Клотильда» в Великом Бычкове, в июне уволила 130 рабочих спичечная фабрика «Вулкан» в Чинадееве, до августа не работал стекольный завод в Требушанах и т. д.² Капиталисты использовали безработицу для максимального понижения заработной платы и ухудшения условий труда. Резко ухудшилось материальное положение трудящихся в результате введения аграрных пошлин и последовавшего за этим роста дороговизны. За год, с августа 1923 г. до августа 1924 г., в Чехословакии цены на картофель повысились на 200%, на рожь — на 93%, на пшеницу — на 61%, на мясо — на 25% и т. д.³ На Закарпатской Украине от введения аграрных пошлин страдали не только трудящиеся города, но и подавляющая часть крестьянства, так как аграрные пошлины могли быть выгодны только крепким хозяйствам, производившим сельскохозяйственные продукты на рынок. На Закарпатье же, как мы указывали выше, около 90% крестьянских хозяйств были безземельными и малоземельными.

Экономические бедствия трудящихся масс Закарпатья усугублялись национально-политическим угнетением. После парламентских выборов, свидетельствовавших об огромном влиянии коммунистической партии среди трудящихся, чехословацкое правительство усилило реакцию и террор на Закарпатской Украине, обрушило репрессии против коммунистической партии и ее сторонников.

Но и в этих условиях реакции и полицейского террора коммунистическая партия организовала на Закарпатье в 1924 г. многочисленные экономические и политические выступления промышленного, сельскохозяйственного пролетариата и трудящегося крестьянства, против наступления буржуазии

¹ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 356, л. 64.

² ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 294, л. 10; ед. хр. 359, лл. 61—66.

³ «Rude pravo», 5.IX 1924, № 210.

на жизненный уровень рабочих, против повышения налогов, против реакционного режима и угрозы новой войны.

В день международной пролетарской солидарности 1 мая на Закарпатье прошли многолюдные демонстрации трудящихся. На митинге, организованном коммунистической партией в Ужгороде, произносились речи, в которых выдвигались требования ликвидации безработицы, повышения зарплаты, установления 8-часового рабочего дня, наделения крестьян землей, призывавшие трудящихся к борьбе за социалистическую республику. Повсюду звучали здравницы в честь Советской России и III Интернационала. Показательно было то, что подавляющее большинство пролетариата Закарпатья вышло на первомайскую демонстрацию под лозунгами коммунистической партии. По сравнению с многолюдными демонстрациями, организованными коммунистической партией, колонны социалистических партий представляли весьма жалкое зрелище. Так, например, в Мукачевской жупе из общего числа 10 100 демонстрантов 9900 чел. участвовали в демонстрации, организованной коммунистами, а социалисты собрали всего 200 чел.¹ Это свидетельствовало о том, насколько безуспешной была деятельность социал-демократов, лакеев империалистической буржуазии, среди закарпатского пролетариата.

В августе 1924 г. коммунистической партией были проведены антивоенные демонстрации трудящихся.

Политическая обстановка в Европе в то время характеризовалась наступлением полосы «буржуазно-демократического пацифизма» и в то же время ростом международного удельного веса СССР. Империалисты Антанты, оказавшиеся бессильными в осуществлении своих послевоенных империалистических планов экономического ограбления Европы и изоляции Советского Союза, обратились к «демократизму» и «пацифизму» для того, чтобы под их прикрытием продолжать свою империалистическую грабительскую политику.

Буржуазно-демократический пацифизм не мог смягчить все более обострившихся внутренних противоречий империализма, не устранял, а еще более усиливал опасность новых военных столкновений. «Бессилие империалистических держав справиться с результатами своих военных побед и установить в Европе сколько-нибудь сносный мир, их неспособность развиваться дальше без ограбления побеждённых стран и колоний, без конфликтов и столкновений между собой из-за дележа награбленного»² вели к гонке вооружений и порождали опасность новой войны.

Рост военной опасности вызывал нарастание недовольства народных масс политикой империалистической буржуазии. Антивоенные настроения рабочих и крестьян капиталистических стран, не успевших забыть ужасов и жертв прошлой мировой войны и не желавших еще раз проливать кровь за интересы империалистов, нашли свое выражение в массовых антивоенных демонстрациях трудящихся, происходивших во всех странах в связи с 10-летием возникновения первой мировой империалистической войны. Эти демонстрации показали ненависть трудящихся к империалистам, замышлявшим развязывание новой мировой войны, и вместе с тем растущую и крепнущую любовь рабочих всех стран к СССР — единственной стране, решительно и последовательно проводящей политику мира и являющейся

¹ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 383, лл. 129—154

² И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 236.

оплотом и знаменосцем мира во всем мире. «...Ничему так не обязана Советская власть своей популярностью,— говорил И. В. Сталин в 1924 г.,— как политике мира, честно и мужественно проводимой ею в трудных условиях капиталистического окружения»¹.

Трудящиеся Чехословакии, выступая против империалистических планов международной буржуазии, в то же время решительно протестовали против антисоветской внешней политики чехословацкого буржуазного правительства и требовали признания Советского Союза.

На Закарпатской Украине в антивоенных митингах и демонстрациях 3 августа 1924 г. участвовало более 60 000 трудящихся². В Мукачеве в организованном коммунистической партией митинге приняло участие около 2000 чел., в том числе 600 крестьян из окрестных сел. Митинг открыли коммунисты — рабочие табачной фабрики. Ораторы напомнили трудящимся о бедствиях, принесенных прошлой империалистической войной, и призывали пролетариат к борьбе против буржуазии, против планов подготовки новой войны. Выступавшие тут же крестьяне с гневом говорили о том, как обманывает их чехословацкое правительство обещаниями земельной реформы: «Где земельная реформа? Шенборн, некоронованный король Подкарпатской Руси, остался таким же паном, каким был и 10 лет тому назад»,— и требовали немедленного раздела земли безземельным и малоземельным крестьянам. В речах выступавших на митинге рабочих и крестьян звучали лозунги: «Долой буржуазию!», «Долой милитаризм!», «Да здравствует власть рабочих и крестьян!», «Да здравствует III Интернационал и мировая революция!» После митинга состоялась мощная демонстрация³. Более 1000 трудящихся участвовало в митинге и антивоенной демонстрации в Ужгороде. Рабочие Ужгорода и крестьяне сел Гуты, Дравца, Радванки и Доманинц прошли по улицам города с красными флагами и транспарантами, на которых были написаны лозунги: «Долой войну!», «Долой буржуазию!», «Да здравствует Советская Россия и мировая революция!» и пением «Интернационала». На митинге, состоявшемся на площади Кориатовича, выступили представители компартии, рассказавшие трудящимся о замыслаемых империалистами планах подготовки новой войны, направленной против Советской России, и призвавшие пролетариат и трудящееся крестьянство Закарпатской Украины сплотиться вокруг коммунистической партии для борьбы против буржуазии, для поддержки Советской страны в борьбе за сохранение мира⁴. В Долгом в антивоенной демонстрации участвовали рабочие химического и деревообделочного заводов и крестьяне сел Керецки, Кусница, Суха Бронка и Задня, пришедшие со своими красными знаменами и транспарантами⁵. Антивоенным митингом в Великом Бычкове руководил бычковский рабочий коммунист Иван Локота. 800 рабочих, собравшихся на митинг, протестовали против намерения империалистов развязать новую войну и заявили о своей решимости бороться против господства буржуазии за освобождение трудящихся. Бычковские пролетарии выразили при этом свою горячую симпатию к Советской России и свою готовность следовать революционному примеру русских братьев⁶. Антивоенные митинги и

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 239.

² ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 480, л. 20.

³ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 418, лл. 76—77.

⁴ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 418, лл. 81—82.

⁵ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 329, лл. 117—119.

⁶ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 329, л. 198.

демонстрации прошли также в Берегове, Севляуше, Иршаве, Солотвино, Перечине, Чопе, Ясине, Великой Доброне, Рахове, Хусте, Негрове¹.

Большая антивоенная демонстрация трудящихся готовилась также в Свалявском округе. Но в самый последний момент проведение демонстрации было запрещено Гражданским управлением. Предупредить об этом рабочих и крестьян окрестных сел, собиравшихся прибыть на митинг в Сваляву, организаторы демонстрации уже не имели возможности. 3 августа в полдень к Сваляве со стороны окрестных селений Верецки, Чинадево, Нелипена, Подгоряны начали стекаться колонны рабочих и крестьян с красными знаменами. В рядах демонстрантов были также женщины и дети. Во главе колонн шли коммунисты. Встречавшимся по дороге полицейским патрулям демонстранты говорили, что идут на мирную манифестацию протеста против зачинщиков империалистической войны, против новой военной опасности. Перед Свалявой несколько потоков демонстрантов слились в одну колонну (около 5000 чел.), направившуюся к месту назначенного митинга. На скрещении трех дорог, когда до места сбора оставалось несколько минут ходьбы, дорогу демонстрантам преградила цепь жандармов. Начальник жандармов остановил шествие, заявив, что он имеет приказание любой ценой не допустить митинга и демонстрации. Чтобы избежать полицейских провокаций, руководители демонстрации согласились возвратить собравшихся демонстрантов по домам. В это время со стороны сел Тройны и Голубино к Сваляве подошла еще одна колонна демонстрантов. Во главе ее шел со знаменем рабочий Ян Галаш. Один из жандармов потребовал у него отдать знамя. Когда Галаш отказался, жандарм вырвал из его рук древко красного флага, а другой жандарм нанес ему штыком смертельную рану в живот. Тяжелые ранения получил и рабочий, стоявший рядом со знаменосцем. Вслед за тем весь жандармский отряд ринулся на ряды демонстрантов. Рабочие побежали, а жандармы стреляли им в спины. Замертво упал, сраженный пулями в спину и грудь, рабочий Василий Танцинец, смертельную рану получил рабочий Дмитрий Мишко, не участвовавший в демонстрации, а случайно оказавшийся на месте побоища. Многие из демонстрантов были ранены и избиты прикладами. В ночь с 3 на 4 августа были арестованы все руководители свалявской окружной коммунистической организации. Жандармы рыскали по полям и лесам, хватая скрывавшихся там участников демонстрации. Арестованных под сильным конвоем отправили в Ужгородскую тюрьму. Рабочие Ужгорода собрались на улицах, приветствуя арестованных свалявских рабочих и подбадривая их криками: «Не бойтесь, мы вас освободим или пойдем с вами в тюрьму!» Арестованные отвечали на приветствия товарищей пенем «Интернационала»².

Свалявские рабочие решили торжественно похоронить убитого товарища Василия Танцинца. Рабочие химического и лесопильного заводов, оставив работу, собирались на похоронное шествие. Но власти, после судебного вскрытия, тайно отправили тело убитого в его родное село Уклину. 5 августа состоялись похороны убитых в Уклином, Голубинном и Стройне, в которых приняли участие сотни трудящихся. На траурных митингах выступили представители Краевого Комитета КПЧ и коммунисты — депутаты парламента³.

¹ «Rude pravo», 7.VII 1924, № 185.

² Там же.

³ Там же.

Кровавые события в Сваляве произошли спустя всего 4¹/₂ месяца после первых парламентских выборов на Закарпатской Украине. Потерпев полное поражение на этих выборах, чехословацкое правительство отказалось от дальнейшего проведения не удавшихся ему «демократических» маневров и возвратилось к своей прежней политике террора и насилий, считая ее наиболее подходящей для укрепления господствующего положения чешской империалистической буржуазии на Закарпатье. Свалявские события, так же как и учиненные чешскими оккупационными властями в мае — июне 1924 г. кровавые расправы над крестьянами в закарпатских селах Горонде и Поляне¹, являлись подтверждением того, что «в самых демократических республиках на деле господствует террор и диктатура буржуазии, проявляющаяся открыто всякий раз, когда эксплуататорам начинает казаться, что власть капитала колеблется»².

Весть о свалявском кровопролитии облетела всю Чехословакию. Исполнительный комитет КПЧ, обсудив на заседании 6 августа сообщение о событиях, происшедших в Сваляве, признал, что речь идет опять о «позорной провокации угнетенного революционного пролетариата Подкарпатской Руси бюрократически-жандармским режимом и о новом жестоком, ничем не обоснованном наступлении на авангард карпато-русских трудящихся — коммунистическую партию»³. Исполком КПЧ отметил также, что обвинения со стороны буржуазной печати коммунистов Подкарпатской Руси в свалявском кровопролитии являются наглой ложью, попыткой снять ответственность за преступление с органов оккупационного буржуазного режима. Исполком КПЧ принял решение о проведении с 11-го по 16 августа недели боевой солидарности чехословацкого пролетариата с трудящимися Закарпатской Украины⁴. Исполком КПЧ и Международный всепрофессиональный союз издали обращение к рабочим Чехословакии, в котором рассказывали о страшном терроре буржуазного чехословацкого правительства против революционных трудящихся Закарпатской Украины, особенно усилившемся после блестящей победы коммунистов на парламентских выборах, о последних кровавых событиях, происшедших в Сваляве. Обращение призывало пролетариат всей Чехословацкой республики встать на защиту трудящихся Закарпатья от кровавого террора, обрушенного на них чехословацкой буржуазией: «Вступим в борьбу за защиту человеческих прав пролетариата Подкарпатской Руси. Не прекратим этой борьбы, пока не будем иметь гарантии, что буржуазия отступает перед нашим контр наступлением.

Поднимайтесь, рабочие, проявите свою солидарность с подкарпатскими товарищами! Смыкайте ряды! Да здравствует солидарность рабочего класса Чехословакии без различия национальностей! Да здравствует угнетенный пролетариат Подкарпатской Руси!»⁵

Это обращение было издано на языках всех национальностей Чехословакии. 7 августа газета «Rude pravo» опубликовала большую статью «Правда о кровопролитии в Сваляве».

В «неделю солидарности» по всей республике прошли митинги, демонстрации и забастовки протеста против террора буржуазии на Закарпатье.

14 августа в Праге на Староместской площади состоялся митинг, в котором участвовало 10 000 рабочих, пришедших прямо с заводов и фабрик.

¹ «Правда», 22.V 1924, № 114; «Правда», 13.VI 1924, № 132.

² В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 439.

³ «Rude pravo», 7.VIII 1924, № 185

⁴ Там же

⁵ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 331, л. 96.

На митинге выступил депутат парламента от Закарпатской Украины коммунист Николай Сидоряк, рассказавший о положении на Закарпатье и о сваяльском кровопролитии. В принятой резолюции пражский пролетариат выражал свой гневный протест против режима угнетения и насилий, установленного правительством на Закарпатской Украине, а также против всяких попыток империалистической буржуазии ослабить пролетариат, устраивая кровопролития, подобные сваяльскому. После митинга состоялась мощная демонстрация¹. Многолюдные митинги и демонстрации протеста состоялись в промышленных центрах Чехии, Моравии, Словакии. Везде был произведен сбор средств в помощь семьям погибших и арестованных сваяльских рабочих. Десятки тысяч пролетариев Чехословакии, участвуя в демонстрациях солидарности с угнетенным пролетариатом Закарпатской Украины, в то же время выразили свой протест против усиления реакции, против начатого буржуазией наступления на трудящихся во всех областях республики². Коммунистическая газета «Rude právo», обращаясь к рабочим Чехословакии, 14 августа писала: «Сегодня мы демонстрируем не только свою боевую солидарность с нашими братьями с Подкарпатской Руси, но пробуждаем также сознательность рабочего класса всего государства и над свежими могилами сваяльских жертв призываем рабочих всех партий, чтобы вместе с нами начали борьбу в защиту самых основных человеческих прав, которым грозит реакция»³.

Депутаты коммунистической партии выступили в парламенте с разоблачением преступной колонизаторской политики, проводимой чешской империалистической буржуазией на Закарпатской Украине, и требовали отмены террористического режима и наказания виновников сваяльского кровопролития⁴.

Социалистические деятели и правительственные партии пытались оправдать виновников кровопролития в Сваляве гнусными нападениями на коммунистическую партию, лживыми вымыслами о том, что накануне сваяльской демонстрации коммунисты якобы подстрекали народ к насильственному перевороту и организации советов⁵. Социал-демократическая газета «Pravo lidu», считавшая себя «рабочим органом», сообщила о сваяльских событиях на последней странице, в хронике, рядом с заметками о кражах, убийствах, курортном сезоне и т. п. На заседании пражского муниципалитета социал-демократы и национальные социалисты голосовали против внесенного коммунистами предложения о выражении протеста против убийства рабочих в Сваляве⁶. Такое отношение социал-демократов к сваяльскому кровопролитию являлось еще одним доказательством их глубокой враждебности классовым интересам пролетариата, их прямого сотрудничества с буржуазией.

Рабочие убеждались в предательстве социал-демократов в ходе борьбы за свои жизненные права. С наступлением частичной стабилизации капитализма все более обострялись классовые противоречия между буржуазией и пролетариатом. Капиталисты, несмотря на рост своих прибылей, не только старались сохранить для рабочих низкий уровень зарплаты, установленный в период кризиса, но и далее ухудшали их жизненные условия. Рабочие Закарпатской Украины ответили на это в 1924 г. рядом стачек,

¹ «Rude právo», 15.VIII 1924, № 192.

² «Rude právo», 17.VIII 1924, № 194; 19.VIII 1924, № 195.

³ «Rude právo», 14.VIII 1924, № 191.

⁴ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 480, л. 127.

⁵ «Rude právo», 8.VIII 1924, № 186; «Keleti Ujság», 4/VIII 1924, № 88.

⁶ «Rude právo», 2.IX 1924, № 207.

самой крупной из которых была забастовка свальявских рабочих, начавшаяся 1 октября и продолжавшаяся 1½ месяца. Рабочие химического завода «Сольва», организованные в красный профсоюз химиков, потребовали от дирекции завода увеличения зарплаты на 85% и заключения коллективного договора. После отказа предпринимателей удовлетворить это требование рабочие «Сольвы» начали 1 октября забастовку. К ним присоединились и рабочие лесопильного завода. Общее число бастующих в первые же дни достигло 3000 человек¹. Окружное управление обещало стачечному комитету не вмешиваться в борьбу рабочих с предпринимателями, но на следующий же день выслало жандармов, которые оцепили завод и все время провоцировали рабочие пикеты, угрожая рабочим повторить то, что было в Сваляве 3 августа². Жандармы ходили с фабричным директором Шпицем по рабочим квартирам и грозили, что если рабочие не приступят к работе, их выбросят из жилищ³. Дирекция завода решила сорвать забастовку набором штрейкбрехеров, ассигновав 5000 крон на наем рабочих в селе Сухобранке, но безработные Сухобранки, зная о забастовке, отказались наняться на завод. Свалявских рабочих поддержали рабочие других предприятий Закарпатья. Ужгородские рабочие передали в помощь бастующим свой двухчасовой заработок⁴. Рабочие-виноделы Мукачевского и Береговского округов объявили забастовки солидарности с рабочими-химиками⁵. Рабочие химического завода в Перечине, по примеру свальявских рабочих, объединились в красный профсоюз и присоединились к забастовке⁶. Тогда предприниматели, в начале забастовки даже не желавшие разговаривать с рабочими-коммунистами, руководившими забастовочным комитетом, пообещали повысить зарплату на 25%. Но рабочие упорно продолжали отстаивать выдвинутые требования. И тут на помощь фабрикантам пришли социал-демократы. Руководство социал-демократической партии, решившее во что бы то ни стало сорвать забастовку, организованную коммунистами, разослало вербовщиков для набора штрейкбрехеров в отдаленных районах. Социал-демократические агитаторы стали уверять бастующих, что зарплата будет повышена, как только рабочие возобновят работу. Объединенными усилиями фабрикантов, социал-демократов и присланных окружными властями жандармов к концу шестой недели забастовка свальявских рабочих была сломлена.

Уроки этой забастовки показали пролетариату всю подлую роль социал-демократов, выступивших рука об руку с буржуазией против рабочих. «Свалявская забастовка пала,— писал Комитет красных профсоюзов в специальном обращении к пролетариату Закарпатской Украины,— но рабочие узнали своих настоящих врагов и еще большими массами идут под знамя коммунистической партии»⁷.

Авторитет и влияние коммунистической партии среди трудящихся Закарпатской Украины продолжали расти. Организации компартии были созданы среди рабочих в Должанском округе, в Великом Бычкове, где секретарем организации был рабочий Иван Локота, в Сваляве, Солотвино и т. д.⁸ Быстро росло влияние коммунистической партии и среди крестьян-

¹ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 331, л. 74.

² ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 294, лл. 25, 53.

³ «Карпатська правда», 30.X 1924, № 25.

⁴ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 331, л. 74.

⁵ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 294, л. 16.

⁶ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 331, л. 97.

⁷ «Карпатська правда», 30.X 1924, № 25.

⁸ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 309, л. 3; ед. хр. 329, л. 198 и др.

ства. Уже после парламентских выборов начальство Велико-Севлюшской жупы сообщало в Гражданское управление о том, что коммунистическая партия приобретает все больше сторонников среди крестьянства: «В селах Новоселица, Терешуль, Подплеша, Шротник, Дубове, Ужчорна, Биловарец, Кругла и дол. Апша все население коммунистического образа мыслей»¹. В этом же сообщении указывалось, что не менее 50% крестьян коммунистически настроено в остальных селах жупы². Летом 1924 г. имели место выступления крестьян против помещиков и оккупационных властей в селе Горонде Мукачевского округа, в селе Поляне и др.³ В ряды компартии вступали рабочие и крестьяне, поддерживавшие до этого социалистические (социал-демократическую и трудовую) партии. Так, например, в селе Ганичах на Верховине, где ранее большим влиянием пользовалась трудовая партия Гагатко, являвшаяся филиалом чешской национально-социалистической партии, в конце августа состоялось собрание, на котором 1200 крестьян высказались за поддержку компартии, заявив, что видят в ней «единственную защиту и выразительницу интересов крестьянской бедноты Закарпатья»⁴. 2500 крестьян участвовало в собрании, организованном коммунистами в селе Вульхуше, где до этого большим влиянием пользовались социал-демократы⁵.

Победа коммунистической партии на парламентских выборах и дальнейший рост политической активности трудящихся Закарпатской Украины, нашедший свое выражение в забастовках, крестьянских выступлениях, первомайских демонстрациях и особенно антивоенных митингах и демонстрациях 1924 г., свидетельствовали о большой степени революционизирования трудящихся Закарпатья, стремившихся к социальному и национальному освобождению. Задача коммунистической партии состояла в том, чтобы, используя революционные настроения трудящихся масс, коммунистическими лозунгами объединить и сплотить вокруг себя пролетариат и беднейшее крестьянство, возглавить революционное движение, направив всю его силу на достижение конечной цели — освобождение трудящихся от господства буржуазии.

В силу особых условий Закарпатской Украины — ее неравноправного, угнетенного положения в составе буржуазной Чехословацкой республики и преобладания крестьянского населения, в своем подавляющем большинстве безземельного и малоземельного — первостепенное значение в развитии революционного движения на Закарпатье имели национальный и крестьянский вопросы.

Но коммунистическая партия Чехословакии, составной частью которой являлась коммунистическая организация Закарпатской Украины, в то время не имела в своей программе четкой постановки крестьянского вопроса, а в национальном вопросе стояла на оппортунистических позициях, подменив ленинский лозунг о праве наций на самоопределение вплоть до государственного отделения буржуазным лозунгом национально-культурной автономии.

На эти оппортунистические ошибки указал коммунистической партии Чехословакии V конгресс Коминтерна.

Выступивший на конгрессе представитель коммунистов Закарпатской Украины подверг критике политику КПЧ в национальном и крестьянском вопросах, показав, что оппортунистические ошибки не позволяют партии

¹ ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 330, л. 114.

² ЗОГА, ф. 29, ед. хр. 330, л. 14.

³ «Правда», 22.V 1924, № 114; «Правда», 13.VI 1924, № 132.

⁴ «Rude pravo», 5.IX 1924, № 210.

⁵ Там же.

использовать в полной мере революционную обстановку, создавшуюся на Закарпатской Украине¹.

V конгресс Коминтерна подверг критике работу среди крестьянства ряда коммунистических партий — в том числе и КПЧ — и, вновь подтвердив основные лозунги по аграрному вопросу, указал, что коммунистические партии, не сумевшие организовать революционную работу среди крестьянства, не могут рассматриваться как массовые коммунистические партии.

Проанализировав ошибки некоторых секций Коминтерна в национальном вопросе, конгресс подчеркнул необходимость усиления работы компартий среди национальных меньшинств и подтвердил ленинский лозунг самоопределения наций вплоть до отделения, как основу постановки национального вопроса в программах всех коммунистических партий.

Конгресс обратил особое внимание компартий Чехословакии, Польши и Румынии на то, что они должны решительно отказаться от выдвинутого ранее лозунга национально-культурной автономии для угнетенных украинских областей. Конгресс указал на то, что лозунги автономии, выдвинутые для Закарпатской Украины в Чехословакии, для Западной Украины в Польше, для Буковины и Бессарабии в Румынии, ведут к образованию среди зажиточных слоев украинского населения коалиции с зажиточными слоями и классами Чехословакии, Румынии и Польши и служат закреплению экономического и национального угнетения украинского трудящегося населения этих стран.

Собравшаяся в сентябре 1924 г. чрезвычайная конференция краевой коммунистической организации Закарпатья полностью одобрила решения V конгресса Коминтерна и данные конгрессом указания о необходимости большевизации коммунистической партии Чехословакии. Приняв решение конгресса к неуклонному руководству, конференция обязала делегатов, избранных на общепартийную республиканскую конференцию, решительно бороться за осуществление этих решений против всяких попыток оппортунистов помешать партии стать на правильный большевистский путь.

Вопреки правооппортунистическому руководству Краевого комитета (Гати, Монок и др.), коммунисты Закарпатской Украины в резолюции своей чрезвычайной конференции записали: «Пролетариат карпато-русского края КПЧ будет неустанно бороться за то, чтобы нашу партию, которая приобрела доверие широких трудящихся масс, превратить в действительно революционную, активную большевистскую партию, которая бы повела трудящихся к вооруженному завоеванию власти, к пролетарской диктатуре. Если же в чехословацкой коммунистической партии против решений V Всемирного Конгресса III Интернационала и содержащейся в этих решениях критики, направленной против оппортунизма — все-таки выступят оппортунисты — пролетариат карпато-русского края решительно выступит против него»².

В ноябре 1924 г. состоялся II съезд коммунистической партии Чехословакии. Выступивший на съезде от имени Коминтерна тов. Мануильский, касаясь оппортунистических ошибок КПЧ в национальном вопросе, подчеркнул необходимость преодоления национализма чешских рабочих и «поддержки борьбы за отделение Карпатской Руси и других национальных меньшинств»³.

¹ Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня — 8 июля, 1924 г. Стенографический отчет, ч. 1, стр. 416—417.

² ЗОГА, ф. 29, хр. 421, л. 92.

³ «Правда», 7.XI 1924, № 255.

Несмотря на противодействие оппортунистических элементов, II съезд КПЧ левым большинством принял ленинский лозунг о праве наций на самоопределение вплоть до государственного отделения, что по отношению к Закарпатыю означало поддержку борьбы трудящихся Закарпатской Украины за воссоединение с Советской Украиной.

Внутрипартийная борьба в КПЧ продолжалась долгое время и после II съезда, в том числе и по национальному вопросу, тем не менее решение II съезда имело огромное значение для развития революционной национально-освободительной борьбы угнетенных национальных меньшинств в Чехословакии. КПЧ имела теперь ленинскую программу по национальному вопросу, которая открывала перспективы для национального освобождения и трудящихся Закарпатской Украины. Эту ленинскую линию в национальном вопросе революционным, большевистским силам партии приходилось еще отстаивать от наскоков оппортунистов, но ленинский лозунг о праве наций на самоопределение был уже записан в программе коммунистической партии Чехословакии.

Во внутрипартийной борьбе, разгоревшейся в КПЧ после II съезда, крайняя организация Закарпатской Украины в своем подавляющем большинстве отстаивала линию большевизации партии¹, усилив деятельность по сплочению под коммунистическими лозунгами пролетариата и трудящихся масс крестьянства.

В развитии международного революционного движения наступление временной частичной стабилизации капитализма означало спад революционной волны, переход от революционного подъема к некоторому затишью, к накоплению сил для будущих революционных боев. Но и в период затишья не прекращалась революционная борьба пролетариата. «...Период затишья,— говорил И. В. Сталин, в своей речи в Чехословацкой комиссии ИККИ в марте 1925 г.,— не есть период отсутствия всяких выступлений. Период затишья есть период формирования и обучения пролетарских армий, период их подготовки к революции. Но обучать пролетарские армии можно лишь в ходе выступлений. Дороговизна жизни, наступившая за последнее время в Чехословакии, является одним из благоприятных условий для таких выступлений»².

В 1925 г. в Чехословакии развернулись революционные выступления против дороговизны, за улучшение жизненных условий трудящихся. Организатором этих выступлений была коммунистическая партия Чехословакии.

В новых условиях отлива революционной волны, перед коммунистической партией Чехословакии, как и перед другими коммунистическими партиями Запада, стояла задача использовать период затишья для укрепления своих рядов, для превращения в действительно массовую большевистскую партию, способную сплотить вокруг пролетариата всех трудящихся, воспитать их в революционном духе.

Чтобы стать подлинно революционным авангардом пролетариата и подготовить его к новым революционным боям, коммунистическая партия Чехословакии должна была прежде всего освободиться от всех неизжитых еще в ее рядах социал-демократических пережитков, тормозящих развитие революционной боеспособности партии, и перестроить всю свою работу на основах большевизма.

¹ V. Kopecký Tricet let K. S. Č, Praha, 1951, стр. 41.

² И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 164.

Анализируя условия, в которых развивались коммунистические партии Запада, и определяя задачи, стоящие перед ними в новой обстановке, И. В. Сталин писал в 1924 г., что очередная задача заключается в том, чтобы «сделать компартии Запада действительно большевистскими, выковать в них настоящие революционные кадры, способные перестроить всю партийную практику в духе революционного воспитания масс, в духе подготовки революции»¹.

В 1925 г. внутри КПЧ разгорелась острая борьба между революционными силами, сплотившимися на марксистско-ленинских позициях и отстаивавшими линию большевизации партии и оппортунистическими элементами, старавшимися удержать партию в плену прежних социал-демократических традиций. Упорные бои за большевизацию коммунистической партии Чехословакии продолжались ряд лет и закончились победой большевистских сил, направивших деятельность партии по революционному, марксистско-ленинскому пути.

«Сталин помог нашему народу,— подчеркивает руководитель КПЧ К. Готвальд,— выковать самое необходимое оружие для борьбы за свободу и за победу социализма в нашем отечестве — большевистскую Коммунистическую партию Чехословакии»².

Мудрые указания товарища Сталина, данные им в речи «О чехословацкой компартии», произнесенной в чехословацкой комиссии Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала 27 марта 1925 г. мобилизовали внутри КПЧ здоровые революционные силы, определили успешный путь большевизации КПЧ.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 292.

² К. Готвальд «И. В. Сталин и чехословацкий народ», «Правда», 28.XII 1949 г., № 362.

В. Г. Карасев

РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА СВЕТОЗАРА МАРКОВИЧА

Революционно-демократическая программа Светозара Марковича — сербского революционера конца 60-х — начала 70-х годов прошлого столетия, не была еще предметом конкретно исторического исследования с марксистско-ленинских позиций. В советской исторической литературе нет исследований на эту тему. Что касается буржуазной сербской литературы о Марковиче, то она не выдерживает никакой критики.

Первая значительная монография о С. Марковиче появилась в Сербии в 1903 г. Это работа сербского шовиниста и реакционера Слободана Йовановича. Ученый приказчик класса капиталистов, С. Йованович, прикрываясь маской беспартийности, был ярким проповедником экспансионистской политики великосербской буржуазии. Его работа «Светозар Маркович»¹ представляет собой злобный пасквиль на всю многогранную деятельность выдающегося сербского революционного демократа. В своей до конца тенденциозной книге С. Йованович пытался свести на нет значение революционной деятельности С. Марковича. Ненавидя социализм и социалистов всеми фибрами своей души, он через всю книгу проводит мысль о том, что боевая и непримиримая позиция С. Марковича по отношению к капитализму, его беспредельная вера в социализм были главной теоретической и практической ошибкой Марковича. Для доказательства этого основного тезиса С. Йованович прибегал к грубым фальсификациям. Нападая на Марковича, С. Йованович цинично клеветал на великих русских революционеров-демократов, преданным и верным учеником которых был Маркович.

В 1910 г. появилась книга Йована Скерлича — «Светозар Маркович, его жизнь, деятельность и идеи»², выдержанная в биографическом плане. Если С. Йованович всецело отрекается от идейного наследства Светозара Марковича, то Скерлич, отдавая известную дань уважения личности Марковича, по-своему искажал его образ как общественного деятеля, борца и революционера, тенденциозно осветил эволюцию его социально-политических взглядов. Эволюция во взглядах самого Скерлича от последователя

¹ С. Йовановић. Светозар Марковић, Београд, 1903, 2-е изд., Београд, 1920; 3-е изд. см. Собр. соч., кн. I, Београд, 1931, стр. 61—288.

² Ј. Скерлић. Светозар Марковић, његов живот, рад и идеје, 1-е изд., Београд, 1910; 2-е изд., Београд, 1922.

Светозара Марковича и его социалистических идей к либерализму наложила отпечаток и на его книгу. В отличие от книги С. Иовановича работа Скерлича имеет некоторые положительные стороны. В своем исследовании Скерлич собрал богатый материал о жизни и деятельности С. Марковича.

Заканчивая краткий историографический обзор литературы о Светозаре Марковиче и его революционно-демократической программе, необходимо особо указать на две работы: брошюру Веселина Маслеша — «Светозар Маркович»¹ на сербском языке и статью Тодора Павлова² на болгарском языке.

Авторы этих работ впервые пытаются подойти к освещению деятельности Светозара Марковича с марксистских позиций, принципиально отличаясь тем самым от буржуазных сербских литературоведов. Работа В. Маслеша является лучшей из всего того, что написано о Марковиче в сербской литературе. Однако и работа В. Маслеша не свободна от недостатков, главные из которых следующие: недооценка социального момента в национально-освободительном движении сербского народа, трактовка сербской бюрократии как класса, преувеличение значения результатов двух сербских восстаний в начале XIX в. в смысле полноты разрешения ими задач буржуазной революции.

Значение работы Тодора Павлова состоит прежде всего в том, что она, разбив и отбросив неправильные, вредные концепции реакционной сербской историографии о философских и эстетических взглядах С. Марковича, впервые дает им правильную оценку.

Правильно понять и оценить историческое значение революционно-демократической программы Светозара Марковича можно лишь при условии всестороннего изучения тех конкретно-исторических условий³, в которых протекала его деятельность в Сербии. Исследование социально-экономических отношений Сербии в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. приводит к выводу о том, что Светозар Маркович выступил на историческую арену как раз в тот период, когда всем ходом общественного развития Сербии на первый план была выдвинута задача завершения буржуазно-демократической революции, которая непосредственно переплеталась с национально-освободительной борьбой южнославянских народов.

* * *

Светозар Маркович родился 21 сентября 1846 г. в городе Ягодине (ныне Светозаров), в семье мелкого чиновника. Образование Маркович получил в Сербии и за границей.

Осенью 1863 г. он поступил на технический факультет белградской Великой школы, бывшей тогда высшим учебным заведением Сербии. В период обучения в Великой школе Маркович ознакомился с произведениями выдающихся русских революционеров-демократов Н. Г. Чернышевского и А. И. Герцена. На передовой русской литературе воспитывались лучшие представители сербского народа. Едва ли не самым ярким выражением

¹ В. Маслеша. Светозар Маркович, Београд, 1946. Автор — сербский марксист, погибший в период народно-освободительной борьбы югославского народа против германского фашизма в 1943 г.

² Т. Павлов. Христо Ботев, Васил Левски, Светозар Маркович. Речи и статьи. 1936—1945. София, 1946, стр. 151—180.

³ См. «Ученые записки Института славяноведения Академии Наук СССР», т. V, М.—Л., 1952, стр. 206—242.

симпатий сербского народа к пламенным борцам за единство, за свободу и независимость славянских народов — Герцену и Чернышевскому — является избрание их в январе 1864 г. почетными членами «Дружества сербской словесности». Чтобы ознакомиться в подлиннике с гениальными творениями русских мыслителей, на втором и третьем годах пребывания в Великой школе Маркович усиленно изучал русский язык. Знакомство с произведениями Чернышевского и Герцена внушило ему глубочайшее уважение к вождям русской революционной демократии.

Посланный за границу для совершенствования в технических науках, он отправился не на запад, а на родину Чернышевского и Герцена — в Россию. За два с половиной года пребывания в Петербурге Маркович испытал могучее воздействие идей русской революционной демократии, близко познакомился с русским революционным движением 60-х годов XIX в. и принял в нем непосредственное участие. Все это привело к огромному сдвигу в его мировоззрении.

До приезда в Россию Маркович находился под влиянием либеральных идей, распространенных в то время в среде сербской молодежи, а покидал ее уже вполне сложившимся революционером-демократом. Пребывание в России, общение с русским народом оставили в Светозаре Марковиче, по его собственному признанию, глубокий и неизгладимый след. Именно в России, по примеру русских революционеров, Светозар Маркович решает посвятить себя целиком борьбе за свободу и счастье своего народа. Основным содержанием жизни и деятельности Марковича с этого момента становится лозунг «быть в сербском народе тем, чем был Чернышевский, Добролюбов и другие в русском народе»¹. К петербургскому периоду жизни относятся знаменитые слова Светозара Марковича, ставшие его девизом: «Тот, кто не готов к жертве за каждый атом своих убеждений, пусть не называет себя представителем народных мыслей»². И в Швейцарии, куда Маркович переехал из Петербурга, он не прервал своих связей с русскими революционерами. Когда в марте 1870 г. в Женеве была основана Русская секция I Интернационала, Маркович сразу стал ее агентом-корреспондентом от Сербии и сотрудником органа секции журнала «Народное Дело».

В этот период Светозар Маркович внимательно изучает работы основоположников научного социализма Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

Однако в условиях отсталой страны, где рабочий класс почти отсутствовал, он не мог подняться до понимания идей исторического материализма и всемирно-исторической роли пролетариата.

Но при всей ограниченности взглядов Марковича, несмотря на то, что он остался социалистом-утопистом, заслуги его перед сербским народом в пропаганде социалистических идей огромны.

На страницах своей газеты «Родник» («Работник») — первой газеты социалистического направления не только в Сербии, но и на Балканах вообще, Маркович опубликовал главу из «Капитала» К. Маркса — «Что такое рабочий день?» В 1872 г. был переведен на сербский язык «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса.

В газете «Родник» С. Маркович смело выступил в защиту Парижской Коммуны, в защиту бессмертного дела коммунаров. Со всей революционной страстью и беспощадностью разоблачал он злобную клевету смертельных врагов пролетариата — европейских и, в частности, сербских реакционеров.

¹ J. Скерлић. Светозар Маркович, његов живот, рад и идеје.

² С. Марковић. Целокупна Дела, ч. 8, Београд, 1893, стр. 6. В дальнейшем цитируется сокращенно: Ц. Д.

Каких нечеловеческих усилий, мужества, воли и упорства стоило Марковичу выдержать натиск оголтелой реакции. Но Маркович выстоял, не отступив ни на шаг. Он отстаивал честь сербской демократии.

В начале 1872 г., преследуемый реакционным сербским правительством, Маркович эмигрировал в Австро-Венгрию. Отсюда он призывал сербский народ продолжать борьбу за освобождение всех сербов от иноземного господства.

В апреле 1873 г. Маркович снова возвратился на родину и стал во главе революционно-демократического движения. Он начал издавать демократическую газету «Јавност» («Гласность»). Сербская реакция бросила Марковича в тюрьму. Девять месяцев, проведенных в заточении, окончательно подорвали его здоровье. Вскоре после освобождения из тюрьмы, 10 марта 1875 г. Маркович умер.

«Светозар Маркович более всех содействовал развитию социализма в Сербии,— писал один из друзей и соратников покойного.— Как достойный ученик своего великого учителя Чернышевского, он имел на сербскую молодежь совершенно такое же влияние, какое имел Чернышевский на русскую»¹

Теоретической основой революционно-демократической программы Светозара Марковича была материалистическая философия.

Многочисленные высказывания Светозара Марковича по вопросу о соотношении материи и сознания убеждают нас в том, что в решении основного философского вопроса Маркович прочно стоял на позициях материализма. Уже в 1870 г. в статье «Млада Србадија», говоря о материалистическом и идеалистическом направлениях в философии, Маркович предельно ясно и четко высказал свое мнение по этому вопросу. Он писал в этой статье: «Когда научно говорят об этих направлениях, тогда под материализмом понимают философскую школу, которая рассматривает материю как вечную, в которой ни одна частичка никогда не создана и никогда не может быть уничтожена. Вся жизнь в природе — это изменение форм материи, движение ее частиц (сил); само наше мышление неразрывно связано с материальным; идея может возникнуть только в голове, которая имеет известный материальный орган — мозг. Идеалисты считают наоборот, что мир создан по идеям (по плану), которые существовали раньше, независимо от материи, что мир есть — «отражение идей», а сама жизнь в природе — «проявление духа»². «Убежденные, что вся вселенная является осуществлением единой абсолютной идеи, философы-идеалисты во всяком явлении в жизни находили осуществление какой-либо стороны абсолютной идеи»³. «Вся жизнь,— подчеркивал в другой работе Маркович,— есть не что иное, как изменение материи. Человек рождается и умирает — материя не рождается и не умирает; она бессмертна»⁴. Материя не мыслима без движения. Наука доказала, указывал далее Маркович, что сила и материя вечны и нераздельны. «Материя — носитель силы, сила — свойство материи»⁵.

¹ «Вперед», 1875, № 7(15/3), стр. 212, Лондон.

² Ц. Д., св. 11, стр. 193—194. Здесь и дальше разрядка Марковича.— В. К.

³ С. Маркович. Избранные списки, Београд, 1937, стр. 182.

⁴ Ц. Д., св. V, стр. 48.

⁵ «Реални правац у науци и животу», Ц. Д., св. V, стр. 5—213.

С материалистических позиций Светозар Маркович развернул решительную критику идеализма и поповщины. Наиболее полно его философские взгляды изложены в большой работе «Реальное направление в науке и жизни», написанной в 1871—1872 гг. В этом произведении, опираясь на достижения гениальных русских мыслителей Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова и Писарева, философские взгляды которых, как известно, являлись наиболее материалистически последовательными в истории домарковской философии, Маркович развил свои взгляды о материалистической науке, основанной на достижениях современного ему естествознания.

Маркович не ограничивался абстрактным, созерцательным рассмотрением отношения мышления к бытию. Он стремился показать активную роль сознания в общественной жизни и поставить материалистическое объяснение сознания на службу идеологической борьбе передовых сил тогдашней Сербии.

Теория, указывал Маркович, не может «стать только приятной забавой мозга, но должна всегда иметься перед глазами и практическая цель, ради которой теория изучается»¹.

Господствующей философской теорией в Сербии того времени была идеалистическая система Гегеля. Большинство сербских ученых и политических деятелей были гегельянцами. Все пустые фразы о философских принципах, указывал Маркович, как в литературе, так и во всей либеральной идеологии, погрязшей в идеализме Гегеля, заимствуются из Германии, «откуда к нам пересаживается философская премудрость»². В своей автобиографической повести «Как нас воспитали» Маркович с сарказмом описывал, как профессора Великой школы «поражали» учащихся «потоками красноречия», восторгаясь «дивными», «божественными» периодами «абстрактной гегелевской логики»³. Студентам не разрешалось ни на йоту отклоняться от этих «бесконечных периодов», чтобы «не осквернить Гегеля»⁴. В статье «Поэзия и мышление» Маркович иронически писал о таких «авторитетах», как «Аристотель, Гегель, К. Фишер и другие метафизики...»⁵. Критика в работах Светозара Марковича идеалистической системы Гегеля и других философов-идеалистов имела большое значение как в теоретическом, так и в практическом отношениях. Как убежденный и ярый атеист, Маркович вел ожесточенную борьбу со всеми проявлениями поповщины и мракобесия в науке и жизни. Вера и суеверие, писал он, возникли из одного источника — из незнания⁶. Религию Маркович определял как «детский период человеческого мышления»⁷, а «все богословские и метафизические науки, как комбинации с нулями»⁸. «Религия возникла из незнания, а государство из насилия...»⁹, — утверждал Маркович.

Светозар Маркович, выступая как воинствующий материалист, решительно отвергал дуализм, как полумеру, так как между наукой и религией, указывал он, нет середины, и поэтому примирение между ними невозможно: «Там, где истина доказана, там, где знание, здесь нет места религии»¹⁰.

¹ Ц. Д., св. VII, стр. 58.

² Ц. Д., св. II, стр. 193.

³ Избрани списи, Београд, 1937, стр. 160; Ц. Д., св. VII, стр. 46.

⁴ Избрани списи, стр. 160; Ц. Д., св. VII, стр. 46.

⁵ Там же, стр. 185.

⁶ Ц. Д., св. 5, стр. 7.

⁷ Там же, стр. 12.

⁸ Там же, стр. 93.

⁹ Там же, св. VII, стр. 29.

¹⁰ Цит. по кн. J. Скерлић. Ук. соч., стр. 213.

«Мораль без суеверия, знание на место религии, вот, — по мнению Марковича, — решение современной науки»¹.

Понимая реакционную роль религии в общественном развитии и будучи неустанным пропагандистом передовой материалистической науки, Светозар Маркович резко подчеркивал, что «между церковью и народом никогда не было других отношений, кроме отношений господства и подчинения»². Возражая против утверждения теоретика сербских либералов Владимира Йовановича, будто христианская религия привела к миру между людьми, Маркович писал: «Только наука, разбив мрак незнания, ослабив тем самым и религиозную ненависть, сделала то, что общество начало освобождаться от тирании и совершенствоваться»³. В отличие от устоявшегося мнения в тогдашней либеральной сербской литературе о том, что православная вера сохранила и спасла сербский народ, Маркович утверждал: что «хотя народные песни и воспевают борьбу «за святой крест» и «христианскую веру», но история показывает, что восстания против турок, как правило, носили не религиозный, а политический и социальный характер»⁴.

В упомянутой выше философской работе «Реальное направление в науке и жизни» С. Маркович, рассматривая науки исторически, говорил о методах и границах научного познания и о критерии научной истины, отстаивал идею причинности и значительное место отводил теории познания. В разрешении этих проблем он исходил из основных принципов материализма. Маркович считал, что объективный мир познаваем, что предела для познания нет и что развитие науки безгранично. Человеческие знания — истинны, реальны, писал он⁵.

Есть ли критерий истины? — спрашивал Маркович и отвечал: да, есть. Критерием истины является опыт. «Гарантией того, что наши знания не есть продукт воображения, а что это — знание фактов, которые действительно существуют в мире, является то, что мы можем впредь предсказать явления, когда знаем законы»⁶. С помощью закона всемирного тяготения Ньютона, указывал Маркович, была открыта новая планета Нептун и т. д.

Светозару Марковичу был свойственен глубокий оптимизм. Веря в безграничное развитие естественно-научных знаний, Маркович писал: «В явлениях, принадлежащих к царству неорганической природы, сверхъестественные силы потеряли свое значение. В органической природе они еще держатся некоторое время. Но напрасны все усилия! Наука изгонит их и из этого единственного убежища»⁷. Можно не сомневаться, заявлял Маркович, что в многовековой борьбе между наукой и богословием победа будет на стороне науки⁸. Победит новое, прогрессивное начало, победит только то, что неустанно растет и развивается. Нет силы, говорил он, которая могла бы остановить человеческий прогресс.

Маркович шел в ногу с развитием науки. В своей философской работе «Реальное направление в науке и жизни» он использовал замечательный труд великого русского физиолога Сеченова — «Рефлексы головного

¹ Цит. по кн.: J. Скерлић. Ук. соч., стр. 213.

² Там же.

³ Ц. Д., св. II, стр. 187.

⁴ «Панчевац». 1870, № 77, Цит. по кн.: J. Скерлић. Ук. соч., стр. 213.

⁵ Ц. Д., св. V, стр. 91.

⁶ Там же, стр. 90.

⁷ Там же, стр. 61.

⁸ Там же, стр. 46.

мозга»¹, а также работу Дарвина «Происхождение человека». Маркович был пламенным и неутомимым пропагандистом учения Дарвина в Сербии.

В первой части своей работы, посвященной разбору общеполитических проблем, Маркович высказал целый ряд глубоких мыслей о диалектическом понимании им развития природы и общества. «Общественная форма,— писал он,— нечто живое, изменяющееся, она непрестанно развивается и совершенствуется вместе с совершенствованием самого человека»². Однако С. Маркович не поднялся до исторического материализма. Он не мог также понять всей диалектической сложности процесса познания. Если в понимании природы Маркович оставался на позициях материализма, то в объяснении явлений общественного развития он был идеалистом. Идеализм Марковича выражался прежде всего в преувеличении значения общественного сознания в переоценке роли интеллигенции. Правда, в объяснении явлений общественной жизни в произведениях Марковича встречаются положения и догадки, которые приближали его к историческому материализму и ставили на целую голову выше современных ему буржуазных социологов. «Наша материальная жизнь,— писал в одном письме Маркович,— является основой нашего бытия, и все другие наши отношения без материальной основы не существовали бы вовсе. Поэтому экономические отношения, которые обеспечивают материальное бытие, являются самыми важными»³.

Во второй части своей работы «Реальное направление в науке и жизни» Маркович рассматривал проблемы развития общества и общественной жизни: мораль, семью, общество, государство, право, закон, собственность. Ход общественного развития Маркович ставил в прямую связь с законами «человеческой природы». «В настоящее время,— писал он,— только законченные реакционеры, занимающиеся общественными науками, не видят важного значения естественных наук для развития наук общественных»⁴.

«Цивилизация,— писал Маркович,— основанная на господстве одного класса над другим, всегда непрочно»⁵. «Всегда в конечном счете появляется революция низших классов, которая своим страшным потрясением уничтожает верхний класс со всей его цивилизацией. И новое общество, которое возникает на развалинах старого, всегда приносит более развитые общественные идеи,— указывал Маркович,— что даже самое демократическое общество не мыслимо без насильственных функций государства»⁶.

Человеческий труд, утверждал Маркович, является единственным источником и основой собственности. Отсюда он приходит к выводу о необходимости организации нового общества на базе общественной собственности. «Если труд — основа общества, тогда организация труда адекватна организации всего общества,— писал он в статье «Современные рабочие принципы по отношению к нашему народу». — Организация труда не охватывает, следовательно, только экономический строй общества, т. е. организацию производства и обмен материальных благ, но и организацию просвещения и организацию государства»⁷. Фабричное производство, писал Маркович, это бесспорно прогресс. Уничтожить его — значило бы вернуть-

¹ «Реальны права у науки и животу». Ц. Д., св. V, стр. 124—125.

² Ц. Д., св. VII, стр. 56.

³ Там же, стр. 28.

⁴ Ц. Д., св. IV, стр. 105.

⁵ Там же, стр. 135.

⁶ Там же, стр. 192.

⁷ См. «Застава», 1872, № 10.

ся к первобытному состоянию. Но все дело в том, как организовать это производство. Для этого, указывал он, необходимо, чтобы все средства производства были коллективной общественной собственностью. При этом Маркович был далек от мысли для всех народов, находящихся на различных ступенях общественного и государственного развития, создавать единую и застывшую схему. «Развитие общественной организации по своей сложности и многосторонности бес предельно,— писал он.—...Поэтому бессмысленно создавать некую идеальную организацию как модель для всех обществ. Общественная наука может выработать только общие принципы, на основе которых следует воздвигать общественное здание. Каково будет это здание — это зависит от материала, а материалом для общества является сам человек, который также меняется»¹. «Когда люди пожелают осуществить в обществе принцип: каждому по труду,— писал далее Маркович,— тогда это только сведется к вопросу о времени, когда этот принцип будет осуществлен»². В этом высказывании, как и в целом ряде других, сказался идеализм Марковича в понимании им общественных явлений.

Маркович придавал огромное положительное значение распространению научных знаний среди широких масс народа для организации революционной борьбы и для осуществления общественных преобразований. «Во всей Европе,— писал он,— ясно заметна борьба против старого и отжившего. Здесь не идет речь только о политическом преобразовании: республики или монархии, но готовится преобразование социальное, преобразование общества в самой его основе. Но прежде чем осуществить преобразование в самом обществе, должны преобразоваться общественные понятия. Как в XVIII веке перед французской, так теперь перед политической и социальной революцией ведется жестокая борьба в науке»³.

Конечно, Светозар Маркович не был, да и не мог быть в силу конкретных исторических условий, в которых протекала его деятельность, до конца последовательным материалистом. На его философском мировоззрении сказались влияние механистического материализма Бюхнера, Молешотта, Фогта. Как справедливо отмечал Тодор Павлов, «Светозар Маркович не мог подняться до высот исторического материализма в объяснении явлений общественной жизни, хотя и читал основные работы Маркса»⁴. Но непримиримая борьба против метафизических представлений идеализма и поповщины, которую вел Маркович, имела для того времени безусловно прогрессивное значение.

Более того, рассмотрение философских взглядов Светозара Марковича приводит нас к выводу о том, что сербские революционные демократы 70-х годов XIX в. и их самый выдающийся представитель — Маркович, в материалистической философии и в диалектическом понимании развития черпали материал для теоретического обоснования своей революционно-демократической программы, для решения важнейших социологических проблем о путях общественно-экономического развития Сербии, о судьбе всего сербского народа, выдвинутых в связи с назревшей в середине XIX в. задачей завершения буржуазно-демократической революции в Сербии и тесно связанной с ней задачей освобождения и объединения других частей сербского народа, стонавших под игом Турции и Австрии. Эти задачи были постав-

¹ Ц. Д., св. V, стр. 208.

² Там же, стр. 209.

³ Там же, стр. 105.

⁴ Т. Павлов. Ук. соч., стр. 172.

лены в повестку дня в результате общего обострения классовой борьбы как в собственно Сербии между крестьянами, с одной стороны, и великопоседниками¹ и бюрократическим государственным аппаратом — с другой, так и в национально-угнетенных и социально-порабощенных областях Сербии между крестьянами и турецкими и иными помещиками.

Создавая свою революционно-демократическую программу, Маркович стремился не отрываться от реальной действительности. «Жизненные народные вопросы, — писал он, — становятся на решение самими потребностями народа, а не комбинациями, возникающими в головах индивидов...»².

Заключительные слова большой философской работы Светозара Марковича «Реальное направление в науке и жизни» прекрасно характеризуют значение материалистической философии для его общественно-политической деятельности. В этих заключительных словах говорилось о том, что материалистическая философия уничтожила идеалистические бредни со всеми их божественными стремлениями вне реального, земного мира, она показала, что человек является органическим продуктом земли. «Мы показали путь, — писал Маркович, — идя по которому человек может осуществить по крайней мере одну часть своих божественных снов здесь на земле»³. Люди же, не признающие этой земной природы человека, всегда оставляют его на земле в рабстве и подчинении.

Критика сербской действительности занимала важное место в системе социально-политических взглядов Светозара Марковича. Выступая как пламенный борец за радикальное преобразование всего сербского общества, Маркович считал необходимым подвергнуть критической оценке все институты и учреждения тогдашней Сербии. Светозар Маркович был самым последовательным и радикальным критиком сербской действительности.

В отсталой Сербии, где господствовал деспотический режим и развуданный полицейский террор, он объявил решительную войну монархии и бюрократии, консерваторам и либералам.

Светозар Маркович был первым сербским публицистом, нарисовавшим правдивую картину экономического, общественного и политического положения тогдашней Сербии. Убежденный республиканец, своей смелой и бесстрашной критикой он нанес ощутительный удар по сербской монархии, разоблачив ее захватнические, шовинистические планы.

Светозар Маркович первым разоблачил реакционный характер сербской бюрократии. Он показал, как господствующие классы Сербии использовали бюрократическую систему в качестве орудия угнетения и эксплуатации трудового народа.

Маркович сорвал маску с демагогической фразеологии сербских либералов, разоблачил их, как защитников и охранителей монархии, больше всего боявшихся революционного движения масс, как сторонников экспансии и проповедников великосербского шовинизма, как мнимых защитников народа, жульнически использовавших лозунг свободы в корыстных целях борьбы за власть, как злейших врагов материалистических идей и социализма, как союзников мировой реакции в клеветническом походе против героев Парижской Коммуны и их правого дела. Он нанес жестокий удар по политическим взглядам сербских либералов.

¹ Великопоседники — крупные земельные собственники, ведшие свое хозяйство полуфеодальными методами.

² «Раденик», 1871, № 19, Цит. по кн.: J. Скерлић. Ук. соч., стр. 162.

³ Ц. Д., св. VII, стр. 45.

Критику экономического, общественного и политического строя Сербии Маркович рассматривал как основную и неотъемлемую часть своей революционно-демократической программы глубокого социального и политического преобразования всех сторон общественной жизни сербского народа. Критика сербской действительности была острым оружием в его руках для подготовки почвы в целях такого преобразования.

Подробно анализируя положение Сербии с позиций революционного демократа, Светозар Маркович создал цельную революционно-демократическую программу национального и социального освобождения сербского народа.

Борьбе за осуществление этой программы Светозар Маркович отдал всю свою жизнь пламенного борца за свободу и счастье своего народа, выступая как подлинный представитель и горячий поборник интересов угнетенных и эксплуатируемых масс.

* * *

Как уже отмечалось, революционно-демократическая программа Светозара Марковича, его борьба за преобразование всех сторон общественного и политического строя тогдашней Сербии, покоилась на передовой для того времени философской теории, которая служила ему надежной опорой и незаменимым руководством в практической революционной деятельности. «Только тогда, когда известны законы, управляющие обществом,— указывает Маркович,— можно определить верный путь и верные меры, которые приведут народ к определенной цели, указанной социалистами, т. е. к равенству и братству»¹.

Революционная программа Светозара Марковича анализировалась буржуазными исследователями вне связи с его общим мировоззрением, в отрыве от конкретных социально-политических условий общественной жизни и классовой борьбы, в которых протекала его деятельность. Поэтому этот анализ носил абстрактный, тенденциозный характер.

С именем Светозара Марковича прямо или косвенно связаны три программных документа. Два из них — программа 1870 г., предложенная V съезду Омладины², и программа 1873 г. группы революционных демократов, объединившихся вокруг демократической газеты «Јавност» во главе с Марковичем, составлены им лично. В составлении программы 1871 г., исходящей от группы демократически настроенных депутатов Народной Скупщины, Светозар Маркович принимал лишь косвенное участие.

Программа 1870 г., предложенная Марковичем V съезду Омладины, с целью коренного переустройства этой организации, распалась на две части. В первой, наиболее для нас важной, части рассматриваются общие принципы, во второй — организационные принципы Омладины. Вторая часть представляет также немалый интерес для характеристики понимания Марковичем организационных основ будущей революционной партии, над созданием которой он трудился всю свою жизнь.

Если молодежь действительно хочет перейти от слов к делу, если она серьезно желает развивать народное сознание, говорил Маркович во вступительной речи на V съезде Омладины, то она должна иметь перед глазами ясно выраженную цель, которую она хочет достигнуть³. Молодежь

¹ Ц. Д., св. VII, стр. 38.

² Омладина — националистическая организация сербской буржуазии, возникшая в 1866 г.

³ «Застава», 1870, № 102.

должна твердо помнить, продолжал далее Маркович, что развитие народного сознания зависит от всех политических и народных учреждений, которые двигают вперед свободу и материальное положение народа, что развитие народного сознания зависит и от школ и от литературы, а развитие всего этого невозможно, «если сам народ не располагает собою и своими средствами»¹.

Омладина начертала на своем знамени, что она будет действовать на основе истины и с помощью науки. Это правильно, заключал Маркович. Но этого мало. «Истину и науку надо сделать связью, которая будет объединять всех членов Омладины в их разнообразной работе в одно целое. Молодежь должна иметь одно общее убеждение о том, что признано наукой за истину во взгляде на общественный и государственный строй народа, на его материальное положение, на школу и церковь»².

Эти побуждения и легли в основу первой части программы. Здесь Светозар Маркович дал ответ на все затронутые им во вступительной речи вопросы.

Семь пунктов первой части программы, объединенных заголовком «Общие принципы», содержат в себе суждения Светозара Марковича о коренном преобразовании общественной и политической жизни сербского народа.

Пункт 1-й содержит требование полного суверенитета сербского народа и самой широкой демократизации всех сторон его общественно-политической жизни. Свои мысли о национальном освобождении и объединении сербского народа и о тесных связях сербского национально-освободительного движения с освободительным движением других народов, С. Маркович выразил в следующих словах: «Сербский народ не может построить свои учреждения на демократических началах, пока окружающие его народы не пойдут тем же путем, а это возможно только в том случае, если национальный вопрос в Австро-Венгрии и восточный вопрос решатся на началах человеческой свободы»³. В ряде статей и высказываний этого периода Маркович заявлял, что разрешение этих задач возможно только революционным путем.

Пункт 2-й программы гласил: «Наука признает, что государство должно быть союзом людей для достижения целей индивидуумов, как они сами договорятся. Формой государства является община — и государство рассматривается, как объединение свободных общин»⁴. Нетрудно усмотреть в этом решении Марковичем вопроса о характере и форме будущего государства — некоторое влияние анархизма Бакунина. Известно, что идея о федерации общин была краеугольным камнем анархистской теории Бакунина. В двух первых пунктах программы «сербской социалистической партии», составленной Бакуниным, прямо говорилось, что в будущем «государства не будет, и его место займет федерация свободных общин на основе свободного договора...»⁵

Не разбирая подробно этого вопроса в данной конкретной связи, так как он тесно связан с постановкой Марковичем проблемы балканской федерации, заслуживающей специального рассмотрения, отметим лишь, что и в дальнейшем Маркович не освободился окончательно от неправильного представления о государстве «как федерации свободных общин». В своей

¹ «Застава», 1870, № 102.

² Там же.

³ Там же, № 702.

⁴ Там же.

⁵ J. Скерлић. Ук. соч., стр. 82.

работе «Сербия на востоке», написанной в 1872 г., будущую государственную организацию освобожденных балканских народов Маркович представлял себе как «союз общин, жупаний, государств,— как им будет удобнее»¹. Не освободился он полностью от влияния бакунинских идей и в своем последнем большом произведении «Социализм или общественный вопрос». В этой работе С. Маркович заявлял, что балканская федерация «основывается не на принципе народности, а на личной свободе тех, которые вступают в союзное объединение»².

Однако следует заметить, что С. Маркович не был бакунистом. Именно в произведении «Социализм или общественный вопрос» он подверг наиболее резкой и обоснованной критике анархистскую концепцию Бакунина, взятую в целом, назвав ее «вывернутой наизнанку прудоновской анархией». Между федерализмом Бакунина и федерализмом Светозара Марковича была весьма существенная разница. Если Бакунин полностью отвергал всякую централизацию и единое государственное управление, ратуя за анархию в чистом виде, то Маркович, в отличие от Бакунина, придавал большое значение центральной власти. В статье «Община» Маркович решительно отмежевывался от тех, кто полагал, что пропагандируемое им общинное самоуправление имеет целью создание «государства в государстве»³.

В третьем и четвертом пунктах программы Маркович отмечал, что любое народное, истинно-демократическое государство немислимо без принадлежности всей полноты законодательной власти народу и без ответственности исполнительной власти перед народом. Никакая свобода в народе немислива без материального обеспечения каждого члена общества. Поэтому «народ имеет право предпринимать все меры, которые найдет целесообразными, чтобы обеспечить материальную независимость своих членов»⁴.

Говоря о том, что «во всяком обществе нет прав без обязанностей и нет обязанностей без прав», Маркович почти дословно цитировал Временный Устав Международного товарищества рабочих⁵ (I Интернационала), с которым он был хорошо знаком.

«Труд является источником прав, которыми пользуется каждый член общества,— заявлял Маркович.— Из этого следует, что каждый трудящийся должен пользоваться всеми без исключения правами в обществе. Поэтому Омладина признает полную равноправность мужчин и женщин и считает первой потребностью уравнение их в правах на образование»⁶.

Последние два пункта разбираемой программы касались вопросов образования и религии. Маркович требовал бесплатного обучения детей и организации технических школ в соединении с народной школой. На важность такого требования вообще указывал К. Маркс в своей знаменитой «Критике готской программы»⁷.

В программе Маркович говорил, что Омладина поставила своей целью объединить сербский народ. Поэтому религия должна быть оставлена вне поля ее деятельности. «Веровать человек может во что хочет,— писал он в

¹ С. Маркович. Сербия на истоку. Београд. 1946, стр. 180.

² С. Маркович. Социализам или друштвено питање. Цит. по кн.: В. Маслеша. Ук. соч., стр. 67.

³ Ц. Д., св. I, стр. 148.

⁴ «Застава», 1870, № 702.

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. 1, стр. 14.

⁶ «Застава», 1870, № 702.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 285.

заключительном пункте первой части программы, а начала правды, уважения и вообще принципы морали должны быть одинаковы для людей, живущих в одном обществе»¹.

Разобранные «общие принципы» оmlадинской программы, предложенной Марковичем, не охватывали, да и не могли охватить в силу ее характера и специфики, всей совокупности вопросов, касающихся глубоких общественных преобразований, намечаемых Марковичем. Они нашли более полное выражение в других его произведениях, написанных позже.

Однако уже здесь, в этом первом известном программном документе, Светозар Маркович показал себя последовательным демократом и революционером, беззаветно борющимся за свободу и счастье своего народа.

Программа 1871 г.² являлась руководством к действию для группы прогрессивных депутатов, избранных впервые в скупшину на основе новой конституции 1869 г. Она содержала в себе ряд практических требований, направленных на достижение самоуправления и полной демократизации страны. Важнейшими из этих требований были: автономия и самоуправление для общин и округов, полная свобода печати, гарантия прав личности и свободы деятельности, «реформа всего государственного управления в духе народного самоуправления» (пункт 7-й)³.

Программа содержала и такие требования: отмена цехов, коренная реформа школ, отмена постоянной армии и введение системы народной армии, отмена жандармерии «как излишней после принятия автономии и общинного самоуправления (которое будет заботиться о порядке)» (пункт 16-й). Наконец, программа предусматривала полный контроль (а не только право одобрения, как говорилось в конституции) скупщины за расходованием государственного бюджета, свободу выборов и требование изменения конституции 1869 г. в сторону ее демократизации.

Программу Светозара Марковича 1873 г. (так называемую крагуевацкую), текст которой приводит ниже целиком, обнаружил Скерлич в письме Марковича к сестрам Нинкович от 7 ноября 1873 г. Программа 1873 г. провозглашала следующее:

1. Решение скупщины совсем уничтожить теперешнюю систему управления.

2. Временный комитет, созданный из среды скупщины, сначала берет в свои руки центральное управление. Позднее этот комитет заменяется другим комитетом, который составляют избранные делегаты от каждого округа. (Организация и круг деятельности Главного комитета в основном сходен с сербским Советом 1807 года.)

3. В округах избираются сходные по организации окружные комитеты, которые берут в свои руки управление в экономических, просветительных и других делах, касающихся округа.

4. Главный комитет исполняет решения Народной скупщины, а окружные комитеты — решения окружных скупщин и решения Народной скупщины, поскольку они их касаются.

5. Полицейское управление передается полностью в руки общин.

6. Теперешняя судебная система ликвидируется. Вместо нее вводятся только выборные суды, которые, разумеется, судят бесплатно или за счет тяжущихся.

¹ «Застава», 1870, № 702.

² Ц. Д., ч. VII, стр. 114—116.

³ Там же.

Примечание. Если после точной оценки условий нашей страны окажется невозможным провести это сразу, то для переходного периода остаются две системы:

а) Простые общинные суды судят все тяжбы, а апелляцией служит собрание нескольких общинных судей одного округа, которых на некоторое время избирает окружная скупщина, или — б) каждый срез (или известное количество общин) избирает одного судью на известное время с определенной оплатой, а апелляцией служит собрание судей в одном округе, которые избираются 3—4 раза в год.

7. Финансовая система получает особую самостоятельную организацию. Во главе ее стоит центральный банк, который управляет государственными доходами и расходами. В округах и срезах создаются окружные и срезские банки, которые управляют всеми окружными и срезскими финансовыми делами. В то же время эти банки служат для удовлетворения всех экономических нужд, например, для поднятия коллективной общинной промышленности, строительства дорог и общественных построек, кредитования и т. д.

8. Уничтожить весь долг, лежащий на крестьянском сословии. Для достижения этого могут быть различные пути:

а) отменить долг крестьян Управе фондов, а долг частным кредиторам просто ликвидировать. Обязательство государства в отношении к опекаемым сиротам и беднякам и другим кредиторам берет на себя весь народ и выплачивает из общенародных доходов. Это самый простой и самый радикальный, но в то же время и самый опасный путь.

б) долг Управе (фондов) передается народу, а долг отдельным кредиторам общины берут на себя. Только предварительно избранные из среды крестьян судьи могут решать, является ли данный долг ростовщическим, который следует уничтожить, или он справедливый и его следует уплатить. За вознаграждение община становится владельцем задолженной земли, а затем дает ее в пользование каждому своему члену, который налогом по имуществу выплачивает свой долг, как и остальные обычные расходы.

9. Землю может иметь только тот, кто ее сам обрабатывает. Вся земля, принадлежащая не земледельцам, принадлежит общинам, в которых находится. Это узаконяется Народной скупщиной.

10. Чтобы обезопасить сербский народ от разорения, необходимо, чтобы вся земля из частной собственности перешла в общинную. Как это можно выполнить и в течение какого времени — подлежит изучению.

Примечание. Когда будет организована партия, то в соответствии с этими общими принципами она выработает в деталях план будущей организации сербского общества и план для своей практической деятельности, с помощью которого это будет достигнуто»¹.

Из приведенного текста программы видно, что она до предела конкретна и определена. Но для того, чтобы правильно подойти к ее оценке, необходимо учитывать обстоятельства ее возникновения, ее цель, а также всю совокупность взглядов Марковича по затронутым в программе вопросам. Иными словами, программа Светозара Марковича 1873 г. не может рассматриваться как самодовлеющее целое, без учета его статей и писем,

¹ J. Скерлић. Светозар Марковић, његов живот, рад и идеје. Друго издање, Београд, 1922, стр. 169—171.

в которых выдвинутые в программе проблемы нашли более полное освещение и дальнейшее развитие.

Программа 1873 г., как и все ранее разобранные программные документы Светозара Марковича, не была программой партии. На это указал, как явствует из текста программы, сам Маркович. Программу 1873 г. Маркович рассматривал «как основу практической деятельности»¹. Она отражала только то, «что можно достичь в настоящее время»² и что явится основой для дальнейшего общественного преобразования. Именно поэтому не обоснован вывод Скерлича о том, что в этом документе Маркович отступил от социалистической программы. Маркович не говорил здесь о конечных целях борьбы потому, что это не входило в его задачу. Доказательством того, что Маркович остался до конца верен принципам социализма, является его большая, неоднократно упоминавшаяся работа «Социализм или общественный вопрос», написанная почти годом позже программы 1873 г. Программа 1873 г. не является абстрактной схемой в духе бакунинской программы 1872 г., а отражает насущные задачи борьбы трудящихся масс Сербии за завершение буржуазно-демократической революции. Такой вывод станет понятным и закономерным, если рассматривать программу 1873 г. не изолированно, а в тесной связи со всей системой социально-политических взглядов Светозара Марковича.

В противном же случае может создаться ложное представление о том, что Маркович надеялся произвести глубокие политические и социальные преобразования, о которых он отчасти говорил в своей программе, мирным путем. К этому, собственно, выводу и пришли буржуазные исследователи деятельности Марковича — Слободан Йованович и Йован Скерлич. Они преднамеренно пытались выхолостить из программы Светозара Марковича ее революционное содержание. Между тем в целом ряде работ Марковича и, в частности, в его письме от 18 февраля 1873 г. дан прямой и недвусмысленный ответ на вопрос о характере глубоких общественно-политических преобразований в сербском народе. Изменения «разумеется, — отвечал Маркович, — не могут совершиться без переворота, но этот переворот носит характер политической революции, а не социальной, исключая Бачку и Банат, где есть капиталисты — помещики, и Боснию и Герцеговину, где существует феодальная система»³. В другом месте Маркович указывал, что тиранию можно свергнуть только силой⁴.

Крагуевацкая программа 1873 г. и явилась на деле той программой-минимум, руководствуясь которой сербские революционеры-демократы могли осуществить необходимые в тех конкретно-исторических условиях демократические преобразования в стране после совершения политической революции.

Эти преобразования касались прежде всего сферы политических отношений: законодательной и исполнительной власти, полицейских властей и судов. Пункт 7-й программы 1873 г. был посвящен специально реорганизации финансовой системы.

О социальных преобразованиях в программе говорилось осторожно, с учетом интересов крестьян, поскольку главной движущей силой предстоящей революции, и Маркович это отчетливо видел, должно было быть крестьянство. Его требования могли бы оттолкнуть от революции этот самый

¹ J. Скерлич. Ук. соч., стр. 168.

² Там же, стр. 169.

³ Ц. Д., св. VII, стр. 64.

⁴ Там же, стр. 68.

многочисленный мелкобуржуазный класс. На это указывал Светозар Маркович в письме от 18 февраля 1873 г., где он писал следующее. Восстание 1804 г. уничтожило турецкую военно-феодальную систему, окончательно ликвидировало собственность господствующего класса и весь этот класс. В результате буржуазного переворота в Сербии возникла мелкокрестьянская частная собственность. Как социалист Маркович понимал, что следующий этап развития состоит в ликвидации частной собственности, на месте которой «должна возникнуть коллективная, общинная или государственная собственность. Можно ли,—спрашивал Маркович,—этого достичь революцией и против кого была бы направлена эта революция? Массу народа составляют крестьяне-собственники. Разве можно думать, чтобы крестьянин сам поднял против себя революцию, сам себя «экспроприровал»? Это уже логический абсурд, а на практике — это просто глупость»¹.

В этих условиях, по мнению Марковича, в сфере социальных отношений можно только «уничтожить весь долг, лежащий на земле земледельческого класса» (см. пункт 8-й программы 1873 г.). Причем в проведении этого мероприятия он предполагал, учитывая конкретную обстановку, два пути: радикальный и более умеренный.

Светозар Маркович отдавал себе полный отчет в характере этого мероприятия. Революция, писал он, может уничтожить долги, обременяющие землю крестьян, но это еще не будет социальной революцией. «Если только останется частная собственность, производство для продажи, свободная конкуренция и т. д., тогда вот тебе через 10 лет новая буржуазия»².

Поэтому в двух последних пунктах программы Маркович намечал некоторые меры, которые должны подготовить почву для социального переворота в сербской деревне. Во-первых, скупщина как высший законодательный орган узаконяет, что «землю может иметь только тот, кто сам ее обрабатывает» (пункт 9-й) и, во-вторых, «чтобы обезопасить сербский народ от разорения, необходимо,—писал Маркович,—чтобы вся земля из частной собственности перешла в общинную. Как это можно выполнить и в течение какого времени — подлежит изучению» (пункт 10-й).

Таким образом, крагуевацкая программа Светозара Марковича 1873 г., взятая в целом, была не социалистической, а революционно-демократической программой буржуазно-демократической революции. И даже требование Марковича национализации земель является всего лишь наиболее последовательной буржуазной мерой. В. И. Ленин писал, что «...наилучшей формой аграрных отношений в капиталистическом обществе (и вместе с тем наилучшей формой ликвидации крепостничества) является национализация земель, что только в связи с радикальным политическим переворотом, с уничтожением самодержавия и установлением демократической республики возможен радикальный аграрный переворот, конфискация земельной собственности помещиков и национализация земель»³.

Осуществление революционно-демократической программы Светозара Марковича в Сербии обеспечило бы широкий простор для быстрого развития производительных сил страны и открытой классовой борьбы. В этом заключалось ее огромное историческое значение.

Но Светозар Маркович не останавливался на буржуазно-демократическом этапе революции. Борясь за осуществление революционно-демократической программы, он всегда имел перед глазами конечную цель: создание

¹ Ц. Д., св. VII, стр. 63.

² Там же, стр. 64.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 157—158.

социалистического общества. «Любое завоевание малейшей свободы,— писал он,— очевидно облегчает всю борьбу за завоевание больших свобод, в том числе и полной свободы, равенства и братства всех людей, к чему стремятся социалисты. Но, разумеется, они не ограничивают свою деятельность только тем, что завоевывается та или иная свобода, а идут дальше, постоянно имея перед глазами свою крайнюю цель...»¹

В. И. Ленин указывал, что в середине XIX в. в мировоззрении революционеров-демократов России революционный демократизм и социализм «...сливались в одно неразрывное, неразведимое целое»². Это ленинское положение применимо и к деятельности Светозара Марковича в Сербии. Однако неспособность крестьянства, защитником, выразителем интересов и чаяний которого выступал Маркович, самостоятельно решить задачу революционного преобразования буржуазного общественного строя определила в конечном счете утопический характер социализма Светозара Марковича.

В отличие от социалистов-утопистов Запада социализм Светозара Марковича носил боевой, действенный характер, так как он органически переплетался с его революционным демократизмом.

Революционно-демократическая программа Светозара Марковича не была достоянием только узкого круга его друзей и соратников, она широко популяризировалась и пропагандировалась в массах через демократическую прессу. В газетах «Јавност» и «Глас Јавности» Маркович публиковал свои многочисленные статьи: «Суд и правосудие», «Суд», «Срез», «Финансы», «Община», «Народная скупщина» и др., в которых он выступал с конкретным планом замены бюрократической системы управления новыми революционно-демократическими учреждениями.

Революционно-демократическая программа Светозара Марковича состояла из двух частей: первая содержала в себе требования демократических преобразований общественного и политического строя Сербии, вторая включала требования социалистического характера, имевшие своей целью построение социалистического общества.

Реформы первой категории проводились по принципу последовательного самоуправления сверху донизу. Маркович подробно разбирал в этой связи детали будущей организации общин, срезов, округов, верховного управления, судов, финансов, скупщины и т. д. Народной скупщине, избираемой на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, передавались все законодательные права государства, а также непосредственный контроль за деятельностью всех государственных органов. В округах и срезах на тех же основах создавались окружные и срезские скупщины. Как Народная, так и окружные скупщины избирали из своей среды ответственные перед ними комитеты, облеченные полномочиями исполнительной власти. Полицейское управление полностью передавалось в руки самоуправляющихся общин. Антинародные, по назначению, суды отменялись и заменялись народными судами на выборных началах. Все финансовое управление сосредоточивалось в едином центральном банке.

Светозар Маркович был поборником местного самоуправления. Вопрос о хлебе, это — вопрос о самоуправлении, неоднократно заявлял он. Рассуждая так, он безусловно переоценивал роль местного самоуправления. «Никогда и нигде,— писал В. И. Ленин,— местное самоуправление не было и не может быть оплотом против реакции в эпоху капитализма. Капитализм

¹ С. Маркович. Наш раднички програм. «Раденик» 1872 г., № 5. Цит. по кн.: Ј. Скерлић. Ук. соч., стр. 167.

² В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 253.

неизбежно ведет к централизации государственной власти, и всякое местное самоуправление безусловно будет побеждено при реакционной государственной власти»¹.

Таков первый буржуазно-демократический этап намечаемых революционно-демократических преобразований Светозара Марковича, сущность которого он формулировал следующим образом: «Главные пункты нашей программы: уничтожение бюрократического государства, организация среза, как политической большой общины и центрального правительства, избирасмого скупщиной»².

Переходя ко второму этапу, Маркович указал, что прежде всего необходимо «освободить наш самый многочисленный трудящийся класс — земледельцев — от эксплуатации торгашей и бюрократов и организовать нашу сельскую общину как основную единицу нового общественного строя»³. Второй, социалистический, этап должен состоять, по его мнению, в ликвидации частной собственности на землю и орудия и средства производства и в создании крупного, оснащенного передовой техникой, коллективного хозяйства как в промышленности, так и в земледелии.

Оставаясь социалистом-утопистом, Светозар Маркович, конечно, не мог указать правильный путь для построения социалистического общества. Он верил в возможность для Сербии миновать капиталистическую стадию развития и надеялся, что после победоносного завершения крестьянской (буржуазно-демократической по своему характеру) революции, опираясь на большую патриархальную семью — задругу и сельскую общину, можно притти к социализму без пролетариата.

Марксизм-ленинизм учит, что осуществить революционный переворот от классового общества к обществу бесклассовому может только пролетариат, руководимый своей революционной партией. Поэтому все попытки Светозара Марковича отыскать конкретные пути для создания социалистического общества в условиях отсталой и неразвитой Сербии, при отсутствии рабочего класса, неизбежно приводили его к утопическим, рационалистическим в своей основе построениям, которые не имели ничего общего с научным социализмом.

Как уже отмечалось, борьба Светозара Марковича за национальное освобождение и объединение всего сербского народа была неразрывной частью его революционно-демократической программы. С первых шагов своей деятельности и до последнего дня жизни Маркович считал первоочередной задачей полное освобождение всех народов Балканского полуострова от внешних и внутренних угнетателей. На стороне революции, революционного метода разрешения задач освобождения и объединения сербского народа были все его симпатии.

«Мысль, что революция является единственной правовой основой и единственным возможным путем для создания нового сербского государства,— писал он в «Сербии на востоке»,— пустила глубокие корни среди всех образованных людей в сербском народе, как у сыновей покоренной райи в Боснии и Герцеговине и Старой Сербии, так и у граждан Сербии, Черногории и Австро-Венгрии»⁴.

Главную задачу своего народа Маркович видел в том, чтобы продолжить борьбу, начатую в начале XIX в. за освобождение всего сербского

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 150.

² J. Скерлић. Ук. соч., стр. 158—159.

³ Ц. Д., св. VII, стр. 57.

⁴ С. Маркович. Србија на истоку, Београд, 1946, стр. 177.

народа от чужеземного господства. «Продолжить свою революцию,— писал он,— хотя бы это было против воли всех тех, которые заинтересованы в сохранении теперешнего государственного порядка в Сербии, или которые, по крайней мере, рассматривают государственное право теперешней Сербии, как неприкосновенное»¹.

Заканчивая свою замечательную работу «Сербия на востоке», Маркович писал: «Сербский народ не имеет другого выхода, кроме революции на Балканском полуострове, революции, которая бы завершилась уничтожением всех государств, являющихся в настоящее время препятствием, из-за которого эти народы не могут объединиться, как свободные люди и равноправные трудящиеся, как союз общин, жупаний, государств,— как им будет удобнее»².

Таким образом, основная мысль Марковича в решении национального вопроса сводилась к тому, что освобождение и объединение сербского народа возможно только путем народной революции.

Светозар Маркович один из первых на Балканском полуострове выдвинул лозунг последовательного демократического решения национального вопроса на Балканах. Этот лозунг гласил: Союз федеративных балканских республик.

И, наконец, Маркович считал, что национально-освободительная программа заключалась в неразрывной связи национального вопроса с социальным преобразованием общества, в утверждении, что внешняя свобода не может существовать без свободы внутренней.

В своей статье «Социализм и общественный вопрос» Маркович дал свое решение национальной проблемы на Балканах. «Все условия развития сербского народа говорят за то, что сербскому народу необходимо союзное устройство, а не государственное единство,— говорил он.— Внутреннее развитие и внешнеполитические условия заставляют сербский народ поставить как свою цель: освобождение и федерацию, и притом сербско-болгарскую федерацию не по народностям, а по действительным потребностям. А эта федерация может очень легко расшириться в федерацию народов Балканского полуострова и еще дальше, если иметь в виду наших соседей за Савой и Дунаем. Эта федерация основывается не на принципе народности, а на личной свободе тех, которые вступают в союзное объединение. Но тем самым гарантируется и любая народность, ибо этим дается право любой народности занять самостоятельное место в союзе»³.

Светозар Маркович с особой силой подчеркивал, что освобождение и объединение сербского народа может быть достигнуто только путем открытой борьбы всех поработанных народов против Турции и Австрии.

Объективным содержанием революционно-демократической программы Светозара Марковича, как в области внутривнутриполитических отношений, так и в вопросах, касающихся национально-освободительного движения народов Балканского полуострова, были требования последовательной буржуазно-демократической революции.

Марксизм-ленинизм учит: чтобы правильно понять значение национального вопроса в исторических судьбах того или иного народа, необходимо рассматривать национальный вопрос «...как часть общего вопроса о соци-

¹ С. Марковић. Србија на истоку, Београд, 1946, стр. 178.

² Там же, стр. 180.

³ С. Марковић. Социјализам или друштвено питање, «Рад», 1874. Цит. по кн.: В. Маслеша. Ук. соч., стр. 67.

ально-политическом развитии общества, подчинённую этому самому общему вопросу...»¹.

Василь Коларов дал следующую оценку содержания лозунга «Балканской федеративной республики»: «Балканская федеративная республика по существу своему была буржуазно-демократическим лозунгом. Этот лозунг был выдвинут революционной интеллигенцией балканских стран в середине прошлого столетия, как знамя борьбы с турецким абсолютизмом, с помещичьей системой турецкой империи, с национальной разрозненностью и как средство обеспечения экономической и политической независимости балканских народов в отношении великих держав»².

Идеи Светозара Марковича о создании федеративной республики на Балканах отвечали действительным потребностям социально-экономического развития балканских народов. В. И. Ленин указывал, что создание федеративной Балканской республики облегчило бы ликвидацию феодальных отношений на Балканах. «Балканским народам было бы обеспечено действительно быстрое, широкое и свободное развитие»³, — писал он.

В конце своей работы «Социализм или общественный вопрос» Светозар Маркович коротко, но предельно ясно и четко сформулировал практическую программу сербской революционной демократии: «Социальные преобразования внутри, на основе народного суверенитета и общинного самоуправления; революция в Турции и федерация на Балканском полуострове. Такова, — заключал он, — ясная программа, которую выдвинули социалисты в Сербии с тех пор, как они появились как общественные деятели».

Для своего времени революционно-демократическая программа Светозара Марковича по национальному вопросу имела огромное прогрессивное значение. Она указывала угнетенным народам единственно правильный революционный путь их национального и социального освобождения.

Светозар Маркович отстаивал сформулированный К. Марксом и Ф. Энгельсом великий принцип интернационализма: «не может быть свободен народ, угнетающий другие народы». Этот, по выражению В. И. Ленина, «коренной принцип интернационализма и социализма»⁴, был путеводной звездой во всей революционно-демократической деятельности выдающегося сербского патриота и интернационалиста. Всю свою жизнь без остатка Маркович отдал борьбе за национальное и социальное освобождение народа. «Освобождение одного народа от тирании другого есть только звено в цепи других свобод»⁵, — заявлял он. «Тот, кто сам раб, — писал Маркович, — тот никогда не может освободить другого»⁶.

Через всю деятельность Светозара Марковича красной нитью проходит мысль о неразрывной связи внутреннего освобождения народа с освобождением внешним. В газете «Радник», в теоретической статье «Наша рабочая программа», Маркович писал: «Свобода внутри влечет за собой свободу вовне. Само собой разумеется, что тот, кто хочет иметь полную свободу, равенство и братство для людей, должен желать и освобождения от чужеземных поработителей. Каждый шаг в этом направлении — это средство приближения социалистов к своей конечной цели»⁷.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 349.

² В. Коларов. Предисловие к книге «Коммунистические партии балканских стран», М., 1930, стр. 8.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 19.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 138.

⁵ J. Скерлић. Ук. ссч., стр. 55.

⁶ См. J. Радонић, Слике из историје и књижевности, Београд, 1938, стр. 211.

⁷ «Раденик», 1872, № 51. Цит. по кн.: Скерлић. Ук. ссч., стр. 182.

Из вышеприведенной цитаты ясно следует, что освобождение сербского народа, национальное и социальное, Маркович представлял себе как единый процесс, составлявший органическое содержание его революционно-демократической программы.

Маркович связывал демократизацию политического и общественного строя Сербии с началом национально-освободительной борьбы, которая, начавшись, в силу участия в ней широчайших масс угнетенного и поработанного народа, неизбежно перерастет в социальную революцию, сметающую на своем пути как турецкий абсолютизм с его помещичьей системой, так и сербский абсолютизм с его полицейско-бюрократическим аппаратом.

Противопоставляя две диаметрально противоположные точки зрения в разрешении национального вопроса — точку зрения сербских шовинистов и националистов, выставлявших лозунг «Великая Сербия», и точку зрения сербских революционных демократов, отстаивавших принцип революционно-демократического разрешения национального вопроса на Балканах на основе создания Балканской федерации, Светозар Маркович писал: «Предположим, к примеру, как думают некоторые либеральные патриоты, что черногорское и сербское правительства объединятся и начнут борьбу за освобождение... Тогда могут быть два исхода: либо эта борьба вызовет революцию в Болгарии и освободит болгар, и в этом случае Сербия никак не может быть господином ситуации на Балканском полуострове (ибо болгары многочисленнее по числу), тогда не поможет «Великая Сербия», или сербо-болгарский союз, или... или... болгары останутся без движения, и в этом случае если Сербия не вступит в борьбу с Турцией, она толкнет их на сторону турок, и рано или поздно болгары сделают с сербами то, что эти последние готовили им. Но допустим и третий случай: Сербия, Босния, Герцеговина и Старая Сербия создадут одно государство — «Великую Сербию» из 2½ — 3 миллионов душ! Каково будет его положение среди двух враждующих государств — Турции и Австрии... «Великая Сербия» должна была бы по необходимости стать военно-политическим государством; она должна будет всю свою силу употребить на то, чтобы сохранить себя от внешних врагов, об умственном, культурном развитии не могло быть речи»¹.

Таким образом, Маркович выступал решительным противником захватнического экспансионистского метода разрешения национального вопроса на Балканах. Нельзя, говорил он, силой заставить сербов и болгар войти в единое государство.

Светозар Маркович беспощадно обрушивался на сербских шовинистов так называемой «московской школы», возглавляемых ярким реакционером Милошем Милоевичем. В своей газете «Јавност» он заверял болгар, что «сербское общественное мнение не имеет ничего общего с глупыми донкихотскими нападками М. Милоевича и его приспешников»².

Светозар Маркович знал о деятельности великого болгарского поэта и революционера Христо Ботева. В третьем номере социалистического журнала «Рад» от 16 января 1875 г. сообщалось, что в Бухаресте начала выходить новая болгарская газета «Знамя» под редакцией Христо Ботева. Редакция журнала советовала читать эту газету всем тем, кто хочет услышать искренние и правдивые мысли о страданиях наших братьев-болгар³. Со

¹ «Рад», 1874, стр. 342—343. Цит. по кн.: С. Ивановић. Политичке и правне расправе, кн. 1, Београд, 1932, стр. 219—220.

² «Јавност», 1874, № 21. Цит. по кн. Скерлић. Ук. соч., стр. 185.

³ В. Христу. Христо Ботев и Светозар Маркович за Федерацијата. «Народна просвета» (месечно педагогическо списание), № 5, 1949, София, стр. 31.

своей стороны Христо Ботев рекомендовал болгарским читателям журнал «Рад» и газету «Будущность».

Выдающиеся представители передовой общественной мысли южных славян — Христо Ботев и Светозар Маркович — поддерживали друг друга в печати, вели ожесточенную борьбу против своих общих врагов.

Если Христо Ботев остро разоблачал реакционные поползновения сербского шовиниста Милоша Милоевича, то Светозар Маркович не менее резко бичевал туркофильско-чорбаджийскую группу болгарских публицистов, объединившихся вокруг газеты «Право», выходившей в Константинополе, которые пугали болгар сербской пропагандой в болгарских областях. Полемизируя с этой болгарской газетой, Маркович писал: «Мы не знаем, существует ли какая-либо сербская пропаганда в болгарских областях. Но мы точно знаем, что между сербским и болгарским народами существует самая большая любовь, там, где они соприкасаются, они не рассматривают себя как два народа, а как один народ. Они рассматривают только турок — да и то главным образом турецкое правительство и его насильников — как своих неприятелей: они рассматривают свое общее освобождение от турок, как свою общую цель, и никогда не ведут споров: где будет граница «сербского» и «болгарского» царства. Это народное единство исповедуют все образованные сербы в Сербии...»¹ Охарактеризовав газету «Право» как «турецкий подголосок», а все ее писания как «чорбаджийское выслуживание перед пашами и визирями», Маркович продолжал: «Нашей общей целью является освобождение сербского и болгарского народа. Мы никогда не будем вести спор — должна ли границей между сербами и болгарями быть «Болгарская Морава» или Сербская Морава. Это в конце концов решит сам освобожденный народ, если ему вообще будет необходима эта граница»².

В историю сербской общественной мысли Светозар Маркович вошел не только как самый выдающийся представитель революционной демократии, но и как крупнейший и талантливейший просветитель своего времени. Науке, литературе, искусству он отводил важную роль в своей революционно-демократической программе.

В. И. Ленин в известной статье «От какого наследства мы отказываемся?» — дал классическое определение основных характерных черт просветительства 60-х годов XIX в. Все черты просветительства полностью приложимы к деятельности Светозара Марковича и как нельзя более ярко и точно характеризуют все его мировоззрение. Убеденный революционный демократ-интернационалист, Светозар Маркович до конца дней своих оставался подлинным патриотом своей родины, горячо любящим свой народ. Он первый в Сербии указал на истинный смысл и содержание патриотизма. «Что хотят сделать с патриотическими намерениями, каковы эти благородные намерения — в этом главное, это то, что составляет суть дела»³, — писал он.

Свой пламенный патриотизм, свою широкую и многогранную просветительскую деятельность Маркович поставил на службу своему народу в его борьбе за новое справедливое общество. Глубокий гуманизм пронизывает все мировоззрение Марковича. Его гуманизм носил политически целенаправленный, действенный характер, окрашивал всю его неутомимую деятельность пламенного борца за свободу и счастье своего народа. Это был

¹ J. Скерлић. Ук. соч., стр. 184—185.

² Там же.

³ Ц. Д., св. I, стр. 31

боевой гуманизм, конечной целью которого было революционное преобразование общества.

Светозар Маркович был пламенным поборником свободы и равноправия женщин. Он требовал освобождения женщины от цепей семейного и общественного рабства, признания за женщиной ее человеческого достоинства наравне с мужчиной. Продолжая традиции русских революционеров-демократов и прежде всего Чернышевского, он со всей резкостью поставил вопрос: «Каким образом целую половину человеческого рода, женский пол, извлечь из невежественного мрака, из подчиненного состояния и праздной суеты и приобщить к науке и человеческому прогрессу?»¹

Народ не может быть свободным, пока целая половина его находится в подчиненном и несправном положении. Вопрос о женском освобождении, указывал Маркович, — неразрывно связан со всем общественным преобразованием, с освобождением человечества от всех зол, пороков, тирании и рабства..., что «женский вопрос» не преждевременен для нас, а является вопросом первостепенной важности, который необходимо поставить в порядке дня»².

Настоящее равенство полов, подчеркивал Маркович, предполагает и экономическое равенство. «Как только женщина будет экономически независимой личностью, — писал он, — она должна быть независимой и в правовом отношении, ибо одно без другого — бессмыслица»³.

Наблюдая за быстрым духовным ростом своих учениц и идейных сторонниц — сестер Нинкович, Маркович выражал твердую уверенность в том, что полное освобождение женщины возможно и необходимо. Вы вселяете в меня уверенность, писал он своим соратницам, «что нравственное преобразование человечества действительно возможно, что то светлое и чистое общество, к которому мы, социалисты, стремимся, не сон, не утопия. Это показывает в то же время, какую огромную роль в великих общественных преобразованиях человечества играете вы — женщины, вы, которые чисты и святы, вы, которые не запятнаны грязью этого общества...»⁴

Три небольшие по размерам, но необычайно глубокие и ценные по своему содержанию статьи Светозара Марковича: «Поэзия и мышление», «Реализм в поэзии» и «Народ и писатели», произведшие целый переворот в тогдашней сербской литературе, являются прекрасным свидетельством того огромного значения, какое придавал Маркович, как революционный просветитель, литературе и искусству в общественном развитии народа и для организации революционной борьбы.

В этих статьях, основываясь на материалистической эстетике Н. Г. Чернышевского, Маркович нанес сокрушительный удар растленной, безидейной поэзии и антинародному эстетствующему направлению в тогдашней сербской литературе. В этих статьях Маркович обосновал принципы реализма в сербской литературе и принципы революционно-демократической критики. До Марковича в сербской литературе господствовал реакционный романтизм, в основе которого лежала немецкая идеалистическая философия Гегеля.

До конца разоблачив духовную пустоту идеалистической сербской литературы, Светозар Маркович указал передовым сербским писателям единственно правильный реалистический путь развития литературы, который только и мог вывести ее из состояния застоя. Ратую за реалистическое пони-

¹ Ц. Д., св. II, Београд, 1912, стр. 165.

² Там же, стр. 170.

³ Там же, стр. 159.

⁴ Ц. Д., св. VII, стр. 73.

мание искусства, Светозар Маркович стал родоначальником реалистического направления в сербской литературе.

Маркович призывал сербских писателей учиться у русских классиков. Он очень много сделал для ознакомления революционной сербской молодежи с передовыми русскими писателями. Маркович был неутомимым пропагандистом идей Чернышевского о реалистическом искусстве. «Молодежи, которая желает иметь здоровые представления об истинном значении искусства,— писал он,— я настоятельно рекомендую произведение Чернышевского «Эстетическое отношение искусства к действительности»¹. Истинное искусство, подчеркнул Маркович вслед за Н. Г. Чернышевским, величайшим русским теоретиком и критиком искусства, должно совмещать в себе реализм и тенденциозность. Истинное искусство не может не быть идейно-тенденциозным. Бессмертный роман Чернышевского «Что делать?» Маркович считал образцом реалистического художественного произведения, от которого «до научного труда по «социологии» только один шаг»².

Используя меткое выражение Добролюбова — «творца русской реальной критики»³, по определению Марковича, о «рецептурно-аптекарской критике», он заклеивал этим именем метафизические теории искусства сербских критиков-эстетов, находящихся под влиянием философов-идеалистов.

Писатель должен рассматривать человеческую жизнь, указывая Маркович, во всем многообразии ее проявлений. Он должен понимать потребности жизни и в любой момент быть готовым ответить на вопросы, поставленные жизнью. От поэта Маркович требовал, чтобы он жил одной жизнью с народом, страдал его страданиями, чтобы он понял эту жизнь и ощутил ее тяготы, которые давят на весь сербский народ. Кто хочет учить народ, тот должен жить и работать среди народа. Народ учится на живых примерах, поэтому учить его надо делами, а не словами⁴, постоянно подчеркивал Маркович. Задачу писателя он видел в том, чтобы в образах и картинах, с помощью правильного психологического анализа показывать язвы общественной жизни, нести новые передовые мысли и идеи в народ, который в большинстве своем безграмотен.

Подчеркивая общественную функцию искусства, Маркович поставил перед сербской литературой ясную и конкретную задачу: «Изображать только то, что действительно полезно обществу: рассматривать и поднимать современные вопросы, изображать подлинную жизнь народа с точки зрения современной науки, одним словом, по мыслям и чувствам быть современной»⁵. «Народная жизнь — вот содержание и реальность поэзии»⁶, — писал Маркович. От литературы он требовал не искусства ради искусства, а служения народу верой и правдой. Он вел непримиримую борьбу против теорий чистого искусства, за искусство жизненной правды, за народность сербской литературы.

Светозар Маркович высоко ценил великих сербских просветителей Досифея Обрадовича и Вука Караджича, черногорского поэта Петра Петровича Негоша, политическую сатиру Йована Йовановича Змая, с уважением отзываясь о произведениях Якшича и Игнатовича. С особой силой он подчеркивал значение народной поэзии, творчества народных певцов, которые

¹ С. Маркович. Избрания списи, Београд, 1937, стр. 198.

² Там же, стр. 199.

³ Там же, стр. 183.

⁴ С. Маркович. Народ и «књижевници». Летопис матице српске, кн. 358, св. 2—3, година 120, 1946. Нови Сад, стр. 100.

⁵ С. Маркович. Избрания списи, стр. 187.

⁶ Там же, стр. 197.

будили в народе сознание и поднимали его на борьбу за освобождение. Образцом реалистической прозы в сербской литературе Маркович считал повести болгарского революционера Любена Каравелова, написанные на сербском языке.

Придавая большое общественное значение литературе, Светозар Маркович вместе с тем не переоценивал ее значения. Отвечая на жалобы редакции «Матице», что среди сербов нет поэтического гения, который бы смог поднять сербский народ на борьбу за освобождение, Маркович писал: «Такого гения никогда не было и не может быть: такой гений — это сам народ»¹. Те, кто глубже и сильнее почувствовал все страдания народа и кто в состоянии выразить эти чувства в художественной форме — это истинные поэты, это пробудившиеся слои народа, это народное сознание говорит о самом себе и своих страданиях². Пробудившееся народное сознание становится лучом света, который освещает народу путь в его тяжелой борьбе. Но тогда, когда придут в движение массы народа и начнут своими руками решать свою судьбу, тогда недостаточно одного поэтического воодушевления. На примере многочисленных движений и революций прошлого «народы увидели, — писал Маркович, — что недостаточно поэтического воодушевления для того, чтобы достигнуть цели, к которой они стремятся; они поняли, что сложного социального вопроса не может решить ни один поэт, как бы он ни был гениален. Чтобы решить этот вопрос, от которого зависит судьба народа, необходима совокупная умственная деятельность народных масс. Народы начали все больше сами заниматься своими нуждами; место поэтического вдохновения начала все больше занимать наука»³.

Основа всех общественных преобразований, всех политических и социальных реформ — знание, наука. Таков был лозунг нового, революционно-демократического направления, возглавленного Светозаром Марковичем в сербском общественном движении.

Маркович мечтал о том, чтобы «инстинктивную веру народа заменить убеждением, т. е. с помощью науки и общественной организации развить массу народа до настоящего понимания научных общественных начал»⁴. Допуская для Сербии возможность миновать капиталистический путь развития, Маркович писал: «Вот когда бы огромное количество пропагандистов были люди образованные, специалисты, люди предприимчивые, опытные, и притом честные и твердые, и как таковые вошли в гущу народа, они могли бы с ними организовать общество на социалистической основе»⁵.

Еще на заре своей общественно-политической деятельности, подчеркивая роль науки в развитии общества по пути прогресса, Маркович в самом начале 1868 г. писал в письме из Петербурга: «Что бы было в нашем народе, в котором в силу счастливого стечения обстоятельств создано такое равенство в сословиях, богатстве и образовании, когда бы в нем, скажем, сразу начали применяться принципы современной науки... Только тогда было бы обеспечено то, о чем понапрасну болтают наши недоучки и либеральные недоноски, т. е. мы бы имели сербскую цивилизацию, которая не была бы похожа ни на немецкую, ни на французскую, ни на чью другую цивилизацию, так как сразу бы на здоровом основании и на основе современной науки об обществе воздвигли наше государственное здание. Мы бы,

¹ С. Маркович. Избрани списи, стр. 196.

² Там же.

³ Там же, стр. 199.

⁴ Ц. Д., св. VII, стр. 66—67.

⁵ Там же, стр. 66.

таким образом, избежали (по крайней мере во многом, если не совсем) тех страшных зол, которые подтачивают западное общество, как — пролетариат, страшная безнравственность и разделение народа на классы, и тем самым избежали бы тех кровавых кризисов, которые происходят там за последнее столетие почти каждые 20 лет (по подсчету Чернышевского как раз сколько нужно, чтобы воспитать одно поколение в известных принципах)»¹.

В основе такого представления Марковича лежало идеалистическое понимание им общественных явлений. Но при всем том его пламенный призыв нести науку и просвещение в широчайшие народные массы для организации революционной борьбы, несомненно, имел в то время огромное прогрессивное значение, которое трудно переоценить. Весьма характерны в этом отношении заключительные слова замечательной статьи Светозара Марковича «Реализм в поэзии». «Когда люди потеряли веру в бога и гениев и в их потребность,— говорит «Народное дело» — орган русской радикальной партии,— то взамен этого народы на Западе получили веру в самих себя. Таков закон человеческого прогресса. Пусть это послужит нам наукой»².

«...Наша главная задача состоит в том,— писал он в письме племяннику от 6 сентября 1872 г.,— чтобы знание, именно то знание, которое мы имеем, распространять как можно дальше, и самое главное заботиться о том, как проникнуть в самую гущу народа. Следовательно, ^{9/10} твоих мыслей пусть всегда будет обращено на то, каким путем дойти до непосредственного соприкосновения с крестьянской массой. А тот, кто страдает, тот без лишних теорий доходит до радикальных выводов, до которых книжные люди доходят только после долгих теорий...»³

Эти слова Марковича как нельзя ярче показывают, интересы какого класса он выражал, на революционность каких слоев общества он рассчитывал при создании своей революционно-демократической программы.

Из этого видно также, что пропаганда передовой материалистической науки занимала одно из важнейших мест в просветительской и революционной деятельности Светозара Марковича. Отвергая филистерский лозунг «наука ради науки», он ратовал за такую науку, которая не отгораживается от народа, а ставит своей задачей просвещение народных масс, подготовку их к предстоящей революционной борьбе.

В целом ряде своих работ Маркович подверг сокрушительному разгрому господствовавшее в то время в Сербии представление о «нейтральности» и «аполитичности» науки. Он неустанно подчеркивал, что в науке ведется ожесточенная идеологическая борьба, что есть наука и наука. «В настоящее время,— писал он в статье «Млада Србадија»,— в науке существуют разные направления, разные школы.— И это не только в так называемых социальных науках (правовых и экономических), но и в естественных науках. Право и экономика, проповедуемые с профессорских кафедр в Европе и в периодической печати представителями господствующего класса — утверждают одну «науку»; совсем иное утверждают люди, которые нигде не могут получить кафедру, люди, выступающие от имени класса, которым управляют, т. е. от имени огромного большинства народа. Между теми и другими лежит целая пропасть; что первые называют «истиной», то вторые называют ложью и намеренным извращением истины»⁴. Эти слова сегодня звучат так же актуально, как 80 лет назад.

¹ Ц. Д., св. VII, стр. 79—80.

² С. Маркович. Избрания списис, стр. 200.

³ Ц. Д., св. VII, стр. 58.

⁴ Ц. Д., св. II, стр. 179.

Для подтверждения своей мысли Маркович привел пример, в котором разоблачал буржуазную сущность вулгарной политэкономии Кэри — Бастиа, сознательно замазывавшей глубокие противоречия капиталистического общества. «Вспомним для примера,— писал он,— так называемую школу гармонистов, основателями которой являются знаменитый Кэри в Америке и Бастия в Европе. Они говорят, что чем больше развивается и накапливается капитал в руках капиталистов, тем соразмерно больше увеличивается заработная плата рабочего. Таков закон экономической «гармонии» — говорят они. Писатели рабочего класса утверждают совсем обратное этим защитникам капиталистов: чем больше развивается и накапливается капитал в руках капиталистов, тем все больше падает заработная плата и рабочий становится рабом капитала»¹.

Переходя к характеристике положения в естественных науках, Маркович продолжал: «В естественных науках противостоят друг другу два направления: одно — научно-философское, другое — теологическое. Первое на основе естественных законов объясняет все явления в мире, разрушая всякое суеверие, которое сковывает человеческое развитие и в то же время разрушает все институты по «божьей воле» и по «божьей милости», которые держат в рабстве покоренные народы. Второе пользуется естественными науками, чтобы показать премудрость «творца» и в то же время оправдывает все, что по «божьей милости и воле» существует в настоящее время в человеческом обществе. Вспомним только борьбу,— говорил Маркович,— которая ведется между защитниками и противниками теории Дарвина о «Происхождении видов в органическом царстве»².

Большой интерес представляют многочисленные высказывания Марковича о педагогике и воспитании молодого подрастающего поколения. «Я под педагогикой,— писал он,— подразумеваю нечто другое, чем то, что в настоящее время называют педагогикой. Говоря общо, я под этим подразумеваю воспитание людей для того будущего общества, которое мы, социалисты, хотим осуществить»³.

Таким образом, науку Маркович пропагандировал не только для образования народа в узком смысле, как хотели либеральные деятели Омладины, но и для поднятия его общественного сознания с целью подготовки революции.

Разбирая вопрос, в каком отношении стоит наука к общественному преобразованию, и подчеркивая, что для этого преобразования необходимы глубокие и обширные знания, Светозар Маркович писал: «...чтобы можно было заметить и понять известные факты в народной жизни, предварительно необходима хорошая теоретическая подготовка. Народные страдания, тирания и другие обстоятельства в народе могут вызвать взрыв в обществе, но этот взрыв производит преобразования в народе только постольку, поскольку на поверхности народа имеются люди, которые умеют создавать новый порядок, иначе все возвращается опять к старому. Из этого следует, что социалистам, или вообще людям, которые хотят взять инициативу (а без этого невозможно преобразовать общество) в общественном преобразовании необходимо очень много науки... наук социальных, чем больше, тем лучше! Конечно, не для того только, чтобы учить людей этим наукам, но и по ним действовать...»⁴ Однако

¹ Ц. Д., св. II, стр. 179—180

² Там же, стр. 180.

³ Ц. Д., св. VII, стр. 52.

⁴ Там же, стр. 45.

поистине глубокая, беспредельная вера Светозара Марковича в силу науки была отчасти утопией.

Светозар Маркович верил и надеялся, что социализм можно осуществить после крестьянской, буржуазно-демократической в своей основе революции, путем идейного убеждения и широкой пропаганды науки, без революционного пролетариата. «Для марксиста,— указывал В. И. Ленин,— крестьянское движение есть именно не социалистическое, а демократическое движение. Оно является и в России, как бывало и в других странах, необходимым спутником демократической революции, буржуазной по ее общественно-экономическому содержанию... Полная победа крестьянского восстания может лишь создать оплот демократической буржуазной республики, в которой впервые со всей чистотой и развернется борьба пролетариата против буржуазии»¹.

В условиях отсталой сербской действительности Маркович не мог подняться до высот научного коммунизма и понять, что социализм это «...конечная цель и необходимый результат развития производительных сил в современном обществе»².

В условиях неразвитого капиталистического производства Сербии 70-х годов XIX в. и неразвитых классовых отношений Маркович не мог найти ту общественную силу, которая была способна стать творцом нового общества. Марксистско-ленинская теория учит, что этой силой является единственно до конца последовательный революционный класс — пролетариат.

* * *

Анализ революционно-демократической программы Светозара Марковича дает возможность подметить ее основные характерные черты.

Первой характерной чертой революционно-демократической программы Светозара Марковича была ее революционность. В революции Маркович видел единственно возможный путь к завоеванию свободы и демократии, к обеспечению свободного развития балканских народов. На стороне народной революции и революционного метода разрешения задач освобождения и объединения сербского народа были все его симпатии.

Воинственный материализм в области естественно-научных знаний, атеизм, непримиримая борьба с поповщиной и мракобесием, пропаганда передовой науки, составляли вторую характерную черту революционно-демократической программы Светозара Марковича.

Демократизм был третьей отличительной особенностью революционной программы Светозара Марковича. Борясь за широкую демократизацию всего общественного и политического строя современной ему Сербии, Маркович выдвинул лозунг последовательного демократического решения национального вопроса на Балканах. Взгляды русских революционеров-демократов на революционно-демократическое разрешение национального вопроса оказали огромное влияние на Марковича. Он безоговорочно стоял за равноправие, независимость и суверенность каждой нации и выступал за союз свободных равноправных народных республик на Балканах.

Четвертая характерная черта революционно-демократической программы Светозара Марковича заключалась в неразрывной связи национального вопроса с социальным преобразованием общества. Внешнее и внутреннее освобождение сербского народа, освобождение национальное и социальное,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 409.

² В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 5.

Маркович представлял себе как единый процесс, составлявший органическое целое его революционно-демократической программы.

Светозар Маркович был революционным просветителем, страстным борником свободы и равноправия женщин, пламенным патриотом и революционно-демократическим интернационалистом — это составляло характерную черту его революционно-демократической идеологии.

Светозар Маркович в Сербии явился родоначальником нового, революционно-демократического направления в национально-освободительном движении сербского народа и в сербской общественной мысли XIX в. Во всей своей деятельности он выступал выразителем интересов и чаяний разоряющегося крестьянства и ремесленников, как организатор и идеолог революционной демократии и боролся за завершение буржуазно-демократической революции силами самих народных масс, не допуская никаких компромиссов с правящими верхами. Революционно-демократическая программа Марковича носила боевой, действенный характер.

Светозар Маркович был крестьянским демократом. Это в конечном счете определяло особенности его социально-политических взглядов, как их прогрессивное революционно-демократическое содержание, так и их историческую ограниченность.

Прогрессивное значение революционно-демократической программы Светозара Марковича состояло в том, что она указывала угнетенным и поработенным народам Балканского полуострова и сербскому народу единственно правильный, революционный путь в их борьбе за осуществление исторически назревших буржуазных преобразований на Балканах, за завершение буржуазно-демократической революции в Сербии. Указанием на то, что освобождение южнославянских народов от цепей национального и социального рабства является делом рук самих этих народов, она будила сознание масс, активизировала их революционную инициативу.

Хотя Светозар Маркович и разделял немало иллюзий насчет последствий буржуазных преобразований, он выступал как подлинный представитель и горячий поборник интересов угнетенных и эксплуатируемых масс и всю свою жизнь отдал борьбе за свободу своего народа.

Сходство задач революционной борьбы народов Балканского полуострова и русского народа, которые стояли на пороге буржуазно-демократического переворота, обусловило доминирующее влияние идей революционных демократов России 60-х годов прошлого столетия на социально-политические взгляды Светозара Марковича.

И никакие жалкие потуги фашистских историков и публицистов современной Югославии не в силах, как бы они ни старались, опровергнуть этого бесспорного факта. Несмотря на все их ухищрения, грязные фальсификации и бесстыдную ложь, фашистские мракобесы бессильны извратить и опорочить революционное творчество и революционную деятельность Светозара Марковича. Для югославских народов, ведущих освободительную борьбу против фашистской клики Тито за независимость своей родины от империалистов, имя сербского революционера-демократа Светозара Марковича было и остается символом вечной и нерушимой дружбы и братства народов Югославии с великим русским народом.

С. А. Никитин

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ СВЯЗИ РУССКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 60-х ГОДОВ XIX ВЕКА

Русская периодическая печать первой половины XIX в. представляет мало интересного с точки зрения своих заграничных связей вообще, а балканских в особенности. Слабость иностранной информации, отсутствие своих корреспондентов, недостаточная популярность балканских тем в широких читательских кругах и слабое отражение их в газетах и журналах, наконец, жесткая цензура, которая мешала выражению самостоятельных взглядов и суждений, — таково состояние газет и журналов в это время.

Существенно изменилось положение печати и ее отношение к балканскому вопросу во второй половине века. Крымская война прорвала цензурную ограду; хотя законы о цензуре до середины 60-х годов оставались прежними, но применение их стало гораздо более мягким. Те неясно очерченные направления общественной мысли, которые существовали раньше, теперь оформились. Возможность выражать эти мысли сначала в рукописных записках, а затем на страницах печати много содействовала этому оформлению. Что же касается взглядов на вопросы внешней политики вообще, а балканской политики в особенности, то на них значительное воздействие оказали политические события, лежащие на рубеже 50-х годов.

Крымская война, остро поставившая вопрос о целях и смысле русской политики на Балканах, способствовала размежеванию до того еще недостаточно определившихся взглядов представителей различных общественных течений по вопросам внешней политики. Начало ее сопровождалось в дворянской и правительственной печати взрывом ура-патриотизма, получившего особенно яркое выражение в стихах на темы дня. Такие произведения охотно печатала пользовавшаяся вниманием Николая I реакционная «Северная пчела». Правительство стремилось поддержать в обществе патриотические настроения. Известное стихотворение «Вот в воинственном азарте воевода Пальмерстон» было напечатано в этой газете по личному желанию императора. Патриотические настроения захватывали купеческие, мещанские, частично дворянские круги. Однако среди дворянства не было единого отношения к вопросам, возникавшим в связи с войной.

Славянофилы ожидали, что исход войны принесет разрешение восточного вопроса в желательном им панславистском смысле: они надеялись на освобождение славян от турецкого ига и создание всеславянского государ-

ства. Крупнейший теоретик славянофильства К. С. Аксаков под влиянием событий написал записку, где коротко, но отчетливо изложил свою внешнеполитическую программу. Она провозглашала обычные славянофильские положения о противоположности западного и восточного миров. Сама война рассматривалась как новое звено в борьбе между ними. Автор призывал не бояться Запада и поднять против него все православно-славянские народы, чтобы разрушить Турцию и Австрию. На их развалинах Аксаков хотел бы создать славянские государства, внутренне автономные, но находящиеся под «покровительством» России, которая сосредоточит в своих руках дела внешней политики и явится «нравственным средоточием» славянского мира. Хотя программа сформулирована с известной расплывчатостью, характерной для славянофильских теоретических построений, панславистский характер изложенного не вызывает сомнений. Славянский союз создается под покровительством русского царя. Монархический государственный строй будущей славянской государственности, русская гегемония в славянском союзе — все это явные признаки реакционного великодержавного панславизма.

Программа К. С. Аксакова получила распространение в славянофильской среде и легла в основу внешнеполитических воззрений славянофилов. Наследником этих идей и главным преемником в развитии лишь кратко очерченной выше программы явился брат К. С. — И. С. Аксаков. Редактор ряда газет и журналов, выходявших в конце 50-х и в 60-е годы, он в своей журналистской деятельности раскрывал и применял к проблемам текущей политической конъюнктуры общие положения, намеченные раньше братом. Славянофильская печать была пропагандистом реакционного панславизма, что особенно отражалось в трактовке ею вопросов балканской политики.

Близок к славянофильскому пониманию вопроса был М. П. Погодин. Расхождения его со славянофилами касались не существа, а обоснования программы. Существо же его взглядов было им многократно развито в ряде политических записок, написанных в течение Крымской войны.

Либерально-дворянские группы в это время не разделяли идей панславистов, да и сама война не вызывала у них восторженных надежд, подобных распространенным среди славянофилов. Падение Севастополя глубоко потрясло лучших представителей этого течения и заставило все сильнее обращаться от вопросов внешней политики к проблемам внутреннего развития страны. Однако это не устранило полностью вопросов внешней политики из круга интересов либеральных групп. Особенно хорошо это видно в получившей широкое распространение записке о восточном вопросе Б. Н. Чичерина¹. Небезинтересно, что авторство этой записки в течение долгого времени приписывалось Т. Н. Грановскому — крупнейшему представителю либерально-западнического течения. Отбрасывая мысль об освободительных задачах Крымской войны, Чичерин считал законным расширение и укрепление России на Востоке. В этих целях следовало использовать славян и греков, но правительство не сумело сделать этого и оттолкнуло их. Отвергая панславизм, автор заявлял себя сторонником политики экспансии. Он хотел, чтобы в целях реализации ее правительство держалось либеральной политики внутри страны и тем привлекло бы славян на свою сторону.

Но уже в это время в либеральном лагере не было единства, и в нем проявились различные тенденции. В этом отношении особенно любопытен М. Н. Катков с издававшимся им журналом «Русский вестник» и в 60-х

¹ Кн. С. П. Трубецкой. Записки. СПб., 1907, прилож. 1. «Восточный вопрос с русской точки зрения».

годах — с газетой «Московские ведомости». Во второй половине 50-х годов «Русский вестник» был органом умеренно-либерального направления. В вопросах внешней политики он возлагал большие надежды на усилия европейской дипломатии, которая примет меры к разрешению балканских противоречий. При всем том «Русский вестник» уже в это время поддерживал и внутреннюю и внешнюю политику правительства. Правительство, по мнению журнала, — источник и двигатель прогресса. С начала 60-х годов интерес журнала к проблемам балканской политики все возрастал. Украинское национальное движение начала 60-х годов, польское восстание 1863 г. способствовали усилению внимания журнала к национальному вопросу как в России, так и вне ее. В этом вопросе Катков занял позицию воинствующего шовинизма и реакционного панславизма с явными панруссистскими чертами. К середине 60-х годов указанный поворот был уже совершившимся фактом.

Крымская война побудила А. И. Герцена сформулировать свои взгляды на славянский вопрос, которые по существу своему противостояли взглядам славянофилов; он признавал славянство особым от Западной Европы миром, с особым патриархально-демократическим укладом. Он ждал, что славянство выступит на арену мировой истории, но не во время войны, а после нее, когда на сцену выйдет ее спутник — революция, несущая окончательное освобождение славянам: «война эта — *introduzione maestosa e marziale* мира славянского во всеобщую историю и с тем вместе *una marcia funebre* старого света»¹. Легко видеть, что эти взгляды принципиально отличны от воззрений славянофилов. Органом, выражавшим взгляды Герцена, был «Колокол».

Совершенно противоположную дворянским идеологам позицию занимали объединенные вокруг «Современника» и «Русского слова» разночинские революционно-демократические группы. Ярче всего взгляды их выражал Н. Г. Чернышевский. Он признавал, что Турция идет к неминуемому распаду, но все славянофильские рассуждения о русских интересах на Балканах Чернышевский отменял. Русскому народу не нужны никакие территориальные приобретения, не нужны ему и проливы, ему важно лишь свободное пользование ими в торговых целях. Отвергая своекорыстно-захватнические цели, преследовавшиеся в войне господствующими классами России, Чернышевский признавал завоевания на Ближнем Востоке новым отягощением народа.

Чернышевский отвергал какую бы то ни было форму государственного подчинения славянских стран Балканского полуострова России. Если бы даже и осуществился план панславистов, протекторат над полуостровом скоро перешел бы ко всей Европе. Но и в этом Чернышевский не видел ничего заманчивого для славян, греков, румын. Славянские народы, писал он, имеют право развиваться самостоятельно и воспользоваться сами наследством распадающейся Турции. Сочувствием свободному, самостоятельному развитию славян, ненавистью к захватническим мечтаниям реакционеров и некоторых либералов пронизаны все суждения Чернышевского по данному вопросу.

Так, во время Крымской войны оформились позиции основных течений и групп русского общества в вопросах о задачах русской политики и отношении России к балканским славянам. Уже в то время легла резкая грань между идеологами экспансии — панславистами и славянофилами — и подлинными защитниками свободы и независимости славян — революционерами-демократами, возглавляемыми Н. Г. Чернышевским. Как же сказывалось это на росте интересов газет и журналов к делам Балканского полу-

¹ А. И. Герцен. Собрание сочинений и писем под ред. М. Лемке, т. VIII, стр. 57.

острова? В какой мере политические тенденции отражались на связях органов печати перечисленных групп с Балканами, в какой степени сами издания находили сочувственный отклик и привлекали сотрудников на Балканах. Ответ на этот вопрос может быть получен лишь в результате изучения самой печати.

Со времени Крымской войны славянские темы привлекали все большее внимание русской печати. И интерес ее к этому вопросу проявлялся двояким образом. Газеты и журналы излагали свои взгляды на положение славян и других балканских народов; они помещали информацию, освещающую жизнь этих народов и политические отношения на Балканах. В разных изданиях источники информации и характер ее не были одинаковыми, и для выяснения балканских связей печати и осведомленности ее они далеко не безразличны. Так как из всей русской журналистики славянофильские газеты и журналы всегда особенно подчеркивали свой интерес к этим сюжетам, что связывается с изложенными выше политическими тенденциями, то естественно рассмотрение нашего вопроса и начать со славянофильских изданий.

Мысль о создании своего журнала возникла в славянофильских кругах давно. Но активные попытки ее реализации начались лишь с осени 1855 г.¹ Совецание в составе А. И. Кошелева (располагавшего также голосом И. В. Киреевского), А. С. Хомякова, К. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина приняло решение издавать журнал. Редактором-издателем его был избран Кошелев. Заручившись одобрением митрополита Филарета, А. И. Кошелев, Т. И. Филиппов и А. С. Хомяков начали хлопоты, но не сразу смогли преодолеть сопротивление Министерства народного просвещения. Однако поддержка приятельницы Хомякова — гр. А. Д. Блудовой, кн. С. И. Мещерской и др., все же привела к тому, что в феврале 1855 г. с бывших сотрудников «Московского сборника» было снято запрещение и дано разрешение на издание. Журнал был поставлен под строгий цензурный надзор.

Журнал, названный «Русская беседа», издавался на паях, которые распределались между Кошелевым (2 пая), Хомяковым, Ю. Ф. Самариним и кн. В. А. Черкасским (по 1 паю). Эти лица составляли «совет редакции». Сами славянофилы смотрели на издание, как на орган кружка. В записке И. С. Аксакову Кошелев писал: «Журнал не мой и не ваш, а всего нашего кружка; при нашем разногласии судит сходка, и ее решение обязательно для нас обоих»². Однако, поскольку издателем был Кошелев, он требовал, чтобы его помощники не пропускали статей помимо него. Когда в отсутствие Кошелева Филиппов, по совету Черкасского, напечатал статью К. С. Аксакова, Кошелев запротестовал.

Первоначально ближайшим сотрудником Кошелева по журналу был Филиппов, но совместная работа с ним длилась лишь в течение первого года. Расхождения между Филипповым и членами славянофильского кружка касались ряда вопросов, в том числе и вопроса об отношении к греко-болгарской церковной борьбе.

Дальнейшие смены сотрудников не стояли в связи с балканским вопросом. В 1857 г. место Филиппова занял П. И. Бартенев, тогда учитель племянника Хомякова, но он работал до ноября того же года, когда уехал за границу. В декабре 1857 г. Бартенев сменил М. А. Максимович, сотрудничавший до августа 1858 г. С этого времени к делам редакции был привлечен И. С. Аксаков; Кошелев считал его ответственным редактором с IV книжки за 1858 г. Аксаков принимал участие в издании журнала и в 1859 г. К редактированию последних книжек в 1860 г. Аксаков отношения не имел.

¹ Записки Александра Ивановича Кошелева, Берлин, 1884, стр. 84.

² Колупанов. Биография Александра Ивановича Кошелева, т. II, 1892, стр. 239

Вопрос об участии Аксакова в издании «Беседы» ставился еще в 1856 г., но затем Кошелев от этой мысли отказался: «Нет, дражайший князь,— писал он Черкасскому,— с И. С. Аксаковым я не могу издавать журнал. У нас убеждения и способы действия слишком различны. С виду они похожи, а как покопаешься в них, то увидишь, что они различны в самых основах»¹. Основное различие заключалось не в общих положениях славянофильского учения, а в практическом отношении к правительству. Аксаков возбуждал в Кошелеве недовольство своею оппозиционностью: «В «Беседе», издающейся, к сожалению, под моим именем, будьте, в примечаниях от редакции, крайне воздержаны, ибо скорее соглашусь закрыть «Беседу», чем дать ей оппозиционный характер»,— предупреждал его Кошелев. Сам Аксаков в ряде своих писем отмечает свое отношение к изданию: журнал должен быть «криклив и задорен, с перцем»; у него нехороша программа, которая обличает, что «нет искания истины, а самонадеянная, заносчивая, уверенная в том, что уже поймали и держат ее за хвост, гордая проповедь, односторонняя, гремучая, считающая все вопросы порешенными, но нисколько не снимающая печати с таинства русской жизни!...»²

С этим же связана и различная оценка Аксаковым и Кошелевым элементов государственности — «земли», «мысли», «власти»³. Были расхождения по вопросу о значении православия для народности. Аксаков тогда не был склонен так подчеркивать значение православия, как это делал Кошелев, и в октябре 1858 г. Кошелев писал Аксакову: «Очень боюсь, дражайший Иван Сергеевич, что вы напишете мне для «Беседы» такую программу, которой я не в состоянии буду подписать. Могу согласиться на одно — не упоминать о православии, но сослаться на прежние наши программы: но без православия «Беседа» не имеет никакого значения, и ее под своим именем я держать не могу»⁴.

При наличии некоторых принципиальных расхождений, Аксакова и Кошелева разделяли, кроме того, вопросы тактики и журнальной политики. Аксакову потому хотелось журнального гомона и крика, что он рассчитывал этим привлечь больше внимания, воздействовать на более широкую аудиторию. Он не отрицал достоинств «Беседы», считая что «ни один журнал не представлял публике ничего подобного по полноте, цельности, достоинству статей»⁵, но всегда отмечал узкий круг читателей. Об этом он говорил неоднократно, а в самом начале издания писал: «Будет успех в том смысле, что приобретет и «Беседа» человек 10-ть, 20-ть новых последователей, воспитает некоторых в новом направлении. В этом смысле и Сборник Панова, которого не разошлось и 300 экземпляров, имел успех, подействовал на некоторых»⁶. Он отмечал отвлеченность статейного материала, его отрыв от «разрешения поднятых вопросов, не отвлеченных, но жизненных, животрепещущих»⁷. Однако «Русская беседа» была единственным славянофильским изданием, и Аксаков сотрудничал в нем, приобретал для нее авторов, участвовал в редактировании. При всем этом, своего отношения к изданию он не изменил. Это не могло обеспечить органичности участия его в «Беседе». Новые разногласия, сущность которых остается неясной, повели к окончательному разрыву (1859).

¹ Коллюпанов. Ук. соч., т. II, стр. 246.

² И. С. Аксаков в его письмах, т. II, М., 18, 1892, стр. 239, 243.

³ Коллюпанов. Ук. соч., т. II, стр. 249.

⁴ Там же, стр. 251.

⁵ И. С. Аксаков в его письмах, т. III, стр. 286.

⁶ Там же, стр. 239.

⁷ Там же, стр. 306.

Однако, несмотря на отдельные трения, дело в целом шло гладко. Таким образом, «Русская беседа» может вполне считаться авторитетным органом славянофильского кружка. Прекращение журнала совпадает с уходом с жизненной арены идеологов раннего славянофильства. Смерть И. В. Киреевского последовала в июне 1856 г., Хомякова — в сентябре 1860 г., К. С. Аксакова — в декабре 1860 г. «Русская беседа» — это лебединая песня первого поколения славянофилов. Вот почему этот журнал приобретает особое значение и для изучения нашего вопроса.

«Русская беседа» возникла в условиях только что окончившейся русско-турецкой войны, оживившей интерес к Востоку и славянэ. Эту связь постановки славянского вопроса с современными событиями отчетливо формулирует программа журнала: «В те дни, когда вся Европа оглашалась криками неистовой вражды против нас, когда все дышало злобою, голос сочувствия услышали мы только от своих братьев по крови — славян, и братьев по вере — греков; но не голос только мы слушали, а видели дело, видели подвиг любви, бестрепетно встречающей смерть за братьев. Рядом с интересами отечества, «Русская беседа» посвятит особое внимание всему тому, что будет иметь отношение к жизни народов славянских и народа греческого. Она считает долгом хотя словом благодарить за любовь, которую они запечатали своею кровью»¹.

Как же выполняла редакция свое обещание? Чем она откликнулась на жизненные вопросы славян и греков?

За все время существования «Беседы» в ней было помещено 42 статьи на темы, так или иначе касающиеся южных славян, греков и восточного вопроса. Это очень небольшой процент общего количества опубликованного журналом материала². Если статьи, касающиеся Балкан, разделить на две основные группы — на статьи политические и на статьи научно-литературные, то первых мы насчитаем всего 15. Основная масса напечатанного материала — путевые записки, исторические и литературные очерки, биографии, исторические материалы и т. п. Сами политические статьи трактуют по преимуществу общие вопросы и в меньшей мере — специально славянские или греческие. Наиболее крупными фактами этого рода являются политические обзоры кн. Черкасского, связанные с итогами Парижского мира, и записки М. П. Погодина, хронологически относящиеся к более раннему времени. Кроме того, имеются две статьи, специально посвященные греко-болгарской борьбе, один обзор состояния Греции в 1858 г., две заметки об отдельных фактах политической жизни Сербии и, наконец, одна рецензия на книгу о хорватском вопросе. Журнал не касался специально черногорских дел, которые принимали в то время исключительно острый характер; только заметкой очевидца он отозвался на события в Сербии («Свято-Андреевская скупщина и низложение Александра Карагеоргиевича»). Журнал явно держался в рамках, намеченных редактором, не затрагивая острых, опасных тем, уклонялся от агитации и печатал статьи спокойного, несколько академического характера. Журнал не столько выдвигал политические вопросы, сколько стремился к пробуждению интереса к славянским делам. Ради этого в журнале помещались путевые записки Ф. В. Чижова,

¹ «Русская беседа», 1856, кн. 1, стр. 5.

² Он не случаен, а соответствовал установкам и интересам славянофильской группы, как видно из письма И. С. Аксакова — А. Д. Блудовой от 20.XII 1857: «Все прочие интересы бледнеют перед колоссальным интересом возбужденного вопроса об освобождении крестьян. Ни о чем другом говорить нельзя, да и не следует, а необходимо приложить все старания, опытность хозяйственную и способности литературные к правительственному решению задачи». Центр. гос. литарх, Фонд Аксакова, В 64/6.

А. Ф. Гильфердинга, Е. Ковалевского, Кошелева, записки Матвея Ненадовича и т. п.

Круг сотрудников по славянским вопросам черпался по преимуществу из русской среды, отчасти из среды южных славян, живших в Москве (Даскалов). Число сербов, сотрудников «Беседы», невелико. Это — Миличевич, Павлович. Небольшое участие принимал болгарин по национальности, русский консул по должности, Петкович и болгарин Попович. Словенские темы нашли отражение в статье словенца Клауна (Вена). Вот и весь круг сотрудников-славян. Легко видеть крайнюю его ограниченность, свидетельствующую о слабости связей «Русской беседы» с балканскими славянами.

Нельзя сказать, что редакция не принимала мер для установления этих связей. Аксаков, наоборот, очень заботился о привлечении сотрудников из славян. Он пытался установить связь с Белградом через Галац, минуя Вепу, думая, что это облегчит сношения. Он обращался с письмами к отдельным лицам, но результата не было никакого¹: выйти за пределы того ограниченного круга сотрудников, какой мы назвали, журналу не удалось. Только среди немногочисленных славянских деятелей на Балканах славянофильские идеи пользовались некоторым успехом, а сотрудничество в «Русской беседе» было связано в какой-то мере с причастностью участвовавших в журнале к славянофильским идеям. Это видно хотя бы из корреспонденции Миличевича. «В письмах из Белграда,— писал Аксаков Раевскому,— нас благодарят за то, что мы заставили сербов обратиться сознательно к сущности славянских начал, и вследствие сего Миличевич прислал нам превосходную статейку о семейной общине (задруге) в Сербии»².

Редакции приходилось бороться и с другой трудностью, характерной для условий славянской пропаганды в России. Это — отсутствие переводчиков и русских авторов на славянские темы. Бодянский жаловался Аксакову на недостаток студентов-славистов, а Аксаков сообщал Черкасскому свои опасения, как бы трудности, испытываемые в этом отношении славянофильским журналом, не позволили «Русскому вестнику» и петербургским журналом перехватить славянскую тему и «перещеголять «Беседу»»³. Такие опасения тем более понятны, что в редакции «Русской беседы» не было людей, владевших славянскими языками; редакция получала славянские газеты, а использовать их не могла. Аксаков говорил, что для редактора славянофильского журнала такое положение недопустимо и постыдно, но поддержки в Кошелеве не находил. «Что ни говорите,— писал Кошелев,— а славизм у нас есть чисто литературная идея, не имеющая никакого корня в нашем быту. Боже вас избави от крайностей Бодянского, Гильфердинга, Бессонова и некоторых других!» А между тем у Аксакова уже в это время была мысль превратить «Русскую беседу» в «политический центр славян и настоящий двигатель».

Естественным последствием всего указанного было слабое освещение «Русской беседой» балканских тем, отрыв от живых вопросов современности, а потому малое распространение и значение журнала в славянских землях⁴. Даже в самом конце существования журнала из славянских земель было лишь 5 подписчиков; приходилось для поднятия интереса к журналу

¹ И. С. Аксаков в его письмах, т. IV, СПб., 1896, стр. 5, 14.

² Там же, стр. 6.

³ Рукоп. отдел Гос. библиотеки им. Ленина (в дальнейших ссылках — ГБЛ). Архив Черкасского, письмо от 17.VII.1857.

⁴ Характерны свидетельства дневника И. С. Аксакова о его поездке по славянским землям в 1860 г. В Словении он замечал: «Посылать книги. Послать Терстенику. Раичу и Блейвейсу «Русскую беседу»; в Триесте: «Здесь есть на площади Славянка

рассылать его даром, но число абонентов от этого все же не увеличивалось, даже заграничные авторы не всегда интересовались получением журнала.

Независимо от «Русской беседы» в мае 1857 г. начала выходить славянофильская газета «Молва», издававшаяся К. С. Аксаковым. Издание это в статьях своего редактора-издателя постоянно касалось славянских тем, но других материалов, посвященных славянским вопросам, почти не было, исключая статьи А. Ионина «Очерки Константинополя», дающей описание города, да обращения кн. Васильчиковой и гр. Протасовой с призывом к пожертвованиям в пользу церкви Сербии, Болгарии, Греции, сопровождаемого несколькими сочувственными замечаниями. Ни о каких балканских связях редакции этого издания говорить не приходится.

После прекращения «Молвы» (в декабре 1857 г.) в течение года не выходило никакой славянофильской газеты. В начале 1859 г. появился «Парус», издававшийся И. С. Аксаковым, но его вышло лишь два номера. Преждевременное прекращение издания нарушило планы издателя, стремившегося сделать свою газету органом связи со славянами, «центральным органом славянской мысли»¹. В отличие от «Русской беседы», «Парусу» Аксаков хотел придать живой современный характер. Он стремился расширить круг сотрудников и трактуемых ими тем, приглашал участвовать в газете специалистов-славистов и намечал круг текущих вопросов для освещения отдельными лицами. Так, В. И. Ламанский должен был заняться полемикой по славянским вопросам с австрийскими газетами². Разойдясь в дальнейшей переписке с приглашенным сотрудником относительно вопроса об австрийской федерации, Аксаков выдвигал перед ним новый вопрос для статьи: «Не худо бы в самых первых номерах «Паруса» поговорить о сербской скупщине, о князе Александре и о политических партиях в Сербии, со всею небывалою доселе откровенностью»³. Ведя в письмах к Аксакову спор по поводу судеб Австрии, Ламанский послал уже в середине октября две статьи для подготовлявшейся газеты⁴.

При газете Аксаков хотел создать специальную «Славянскую контору», которая стала бы центром книгообмена между славянскими странами. Все это еще более оттеняло стремление придать «Парусу» значение основного и руководящего славянского издания. После утверждения официальной программы газеты Аксаков напечатал циркулярные обращения к славянам на сербском, чешском, польском, болгарском языках, воззвания об открытии в «Парусе» славянского отдела, непредусмотренного официально утвержденной программой. Министерство народного просвещения сочло противозаконным печатание таких циркуляров и запретило и славянский отдел и «Славянскую контору». Однако Аксаков, убедившись в отсутствии противодействия его планам со стороны Министерства иностранных дел, начал выпускать газету в задуманном им виде, поместив в вышедших номерах статьи о Польше, Черногории, австрийских славянах.

Одновременно Аксаков подал прошение в Цензурный комитет о дополнении программы славянским разделом. Но, наряду с этими разумными дей-

Читаоница, где получают разные газеты — французские, немецкие, сербские. Русских ни одной. Я обещал прислать сюда «Беседу». То же обнаружилось в Далмации (Финуме), где пришлось объяснять характер журнала.—И. С. Аксаков в его письмах, т. III, стр. 118, 122, 142.

¹ Автобиографическая записка И. С. Аксакова для энциклопедического словаря «Русская мысль», 1927, кн. III—IV, стр. 70.

² Архив АН СССР. Фонд Ламанского (35), сп. № 13, письмо от VIII.1858.

³ Там же, письмо от 27.X.1858.

⁴ Там же, письмо от 7.X.1858.

ствиями, он проявил обычную для него бестактную экспансивность. Зная, что гр. Блудова была противницей его планов относительно «славянской конторы» и пр. и что она близка с Егором Петровичем Ковалевским, Аксаков, получив официальную бумагу из Министерства просвещения, написал ей резкое письмо, в котором просил вразумить «седого Молчалина» — Евграфа Петровича Ковалевского. Гр. Блудова сообщила о письме обоим братьям (Евграфу и Егору Ковалевским) и тем ухудшила положение «Паруса»¹.

Против Аксакова, повидимому, инспирируемые Евграфом Ковалевским, ополчились А. Е. Тимашев и В. А. Долгоруков, которые и доложили все дело царю в невыгодном для редактора газеты свете. Возникал вопрос о привлечении Аксакова к суду. Однако правительство так далеко не пошло, а передало дело Главному управлению по делам цензуры, которое, вопреки Министерству иностранных дел, высказавшемуся против закрытия «Паруса» по мотивам отношений со славянами, газету прекратило. Были признаны неприемлемыми и обе передовые статьи Аксакова о мещанах и статья Погодина «Прошедший год в русской истории». Последняя была сочтена нетерпимой за свои суждения о внешней политике России и рассматривалась как вмешательство частного лица в дела государственные². В правительственных сферах возникли опасения касательно дальнейшего направления издания и политической корректности издателя, с первых же шагов выходявшего за отведенные ему границы деятельности. Оправдания Аксакова, что другие издания в своих программах не указывают на славян, но газеты о них пишут, не могло помочь делу. Добиться отмены запрещения «Паруса» не удалось.

Дело, которое замышлял И. С. Аксаков, считалось в Министерстве иностранных дел нужным и важным. Поддерживая инициативу создания Славянского комитета, оно с сочувствием отнеслось к идее освещения славянских тем в печати, тем более что в Австрии «Парус» был запрещен, и одновременное его запрещение в России было бы нежелательным.

Вопрос был доложен Александру II, который предписал предложить кому-либо другому из московских славянофилов взять на себя издание журнала. Последние выдвинули в качестве формального редактора Ф. В. Чижова, а в качестве фактического — Аксакова. Но правительство настаивало, чтобы имен Аксакова и Погодина в газете не было³. Дело передали в Совет министров, где, несмотря на оппозицию Тимашева, Долгорукова и др., издание было разрешено. Однако вскоре обнаружились новые влияния и, под давлением наместника в Царстве Польском кн. М. Д. Горчакова, издателю были поставлены условия: чтобы в газете не было речи о праве самобытного развития народностей, чтобы газета не имела политического характера, а занималась вопросами филологии, археологии и т. д., чтобы в объявлении о ней не упоминался «Парус». Предложения эти, по мнению Чижова, «убивали всякую жизнь и всякое сочувствие к славянскому миру»⁴; славянофилы отклонили предложения правительства.

¹ Рукоп. отдел ГБЛ. Архив Черкасского. Письма И. С. Аксакова к Черкасскому (копии). Письмо от 22.XI.1858.

² Рукоп. отдел ГБЛ. Архив Черкасского. Письма И. С. Аксакова к Черкасскому. Письмо от 7.II.1859; И. С. Аксаков в его письмах, т. IV, стр. 18.

³ Рукоп. отдел ГБЛ. Архив Погодина. Письма И. С. Аксакова к Погодину. Пог. II. 12.II.1859.

⁴ Отчет Гос. публ. биб-ки за 1885 г. СПб., 1888. Письмо Чижова к Ковалевскому от 18.III.1859; Письма двух славянофилов. «Русская мысль», 1916, кн. XII, стр. 23; Рукоп. отдел ГБЛ. Архив Черкасского. Письма И. С. Аксакова к Черкасскому (копии), 6/д.

Тогда был избран иной путь. Ковалевский предложил создать в «С.-Петербургских ведомостях», издававшихся А. А. Краевским, особый отдел — «Славянские земли». Такое решение было тем естественнее, что в этой газете и до создания специального отдела печатались статьи, касающиеся событий в славянских странах: еще в 1859 г. А. Ф. Гильфердинг сделал попытку создать в «С.-Петербургских ведомостях» славянский отдел, используя для этого иностранные газеты, шедшие при его посредстве от М. Ф. Раевского к И. С. Аксакову. Последний отнесся к намерению Гильфердинга с раздражением и недовольством¹. Однако газета продолжала в известной мере освещать славянские и уже — балканские вопросы. Так, в январе 1859 г. были помещены статьи о скупщине, об избрании Милоша, в марте — очерк о положении Ионических островов и об отношении их с Англией². В начале же апреля появилось сообщение «От редакции», где говорилось: «Постоянно следя за ходом европейских событий, редакция «С.-Петербургских ведомостей» не могла не обратить внимания на вопрос о славянских народах. Всякое известие о них для России важно и драгоценно. Поэтому в газете открывается специальный отдел. Таким образом, читатели нашей газеты будут иметь постоянные и верные сведения о всех современных явлениях в славянском мире, который так близок нам, но, к сожалению, еще так мало у нас известен»³. Печатание славянских материалов началось с этого же номера. Во вновь созданном отделе помещались корреспонденции и статьи.

Мы отмечали, что «С.-Петербургские ведомости» не чуждались славянских тем и раньше. Однако есть существенное различие в характере материала, публиковавшегося в газете до и после открытия отдела. До открытия славянского отдела газета помещала перепечатки из иностранных изданий, да изредка статьи. Теперь стали систематически печататься корреспонденции. Они шли из Черногории, Сербии (Белград), из Нови-Сада, Задра, Сараева и единичные — из Моравии и Афин. В корреспонденциях помещались данные фактического характера: о жестокостях турок, о восстании в Герцеговине, о настроениях чехов и т. д. Все корреспонденции были анонимны. Корреспонденции в Славянском отделе заслонили статьи, которых было немного. Последние были главным образом анонимны: немногие подписанные принадлежат А. Ф. Гильфердингу, служившему тогда в Министерстве иностранных дел. В материалах отдела легко заметить некоторый антиавстрийский и антинемецкий привкус, стремление исправить информацию австрийской печати (например, в № 133 от 20. VI. 1859 — отрицание утверждений австрийской печати о подготовке Сербии к войне). Временами газета вступала в прямую полемику. Так, по поводу статьи в «Neue Preussische (Kreuz) Zeitung» (№ 98, 1859), говорившей, что к путанице других «вопросов» прибавляется еще и славянский вопрос, поднимаемый петербургскими литераторами, затевающими «сумасбродное дело, которое, повидимому, основано на одинаковой дерзости и невежестве», так как славяне отличаются языком, историей и т. д. и нет общего, соединяющего их. «С.-Петербургские ведомости» подчеркивали общие черты разных славянских народностей, отрицали антиавстрийский характер своих славянских интересов. Газета в заключение отрицала политический характер интереса к славянам⁴.

¹ О размовке Гильфердинга и Аксакова см. «Голос минувшего», 1916, стр. 202—204.

² «С.-Петербургские ведомости», 1859, № 4, 6, 69.

³ Там же, 1859, № 77.

⁴ «С.-Петербургские ведомости», 1859, № 94.

Новое предприятие не вызвало сочувствия в славянофильской среде. Ламанский вскоре после открытия отдела в газете Краевского, писал И. С. Аксакову: «Теперь особенно чувствуется вся подлость запрещения «Паруса». Конечно, приятно, что «Ведомости» открыли славянский отдел, но крайне жаль, что это не в Москве, что это у Краевского. Впрочем, правительству нашему не учиться бесстыдству и обманам, оно преспокойно пропускает толки о притеснениях итальянцев и славян, даже поляков в Австрии и так же спокойно терпит Муханова с Горчаковым, жмет и притесняет и поляков и чухон, и русских»¹. Еще резче отзывался сам Аксаков в письме к М. Ф. Раевскому: «Я считаю открытие этого славянского отдела в «С.-Петербургских ведомостях» и безобразным и вредным. Безобразным потому, что редакция «С.-Петербургских ведомостей» принадлежит, как у нас называется, к западникам, постоянно глумится над славянофильством, проповедует презрение к русской народности и к народности вообще, восстает против наших требований самобытного развития, наконец — в деле православных убеждений совершенно индифферентна. Тогда как у нас идея славянской народности коренится ни идее русской народности и вообще на принципах народностей»².

Все это объясняет причину неудачи правительственной затее. Литераторы славянофильского направления в «С.-Петербургских ведомостях» участия не принимали. Единственным исключением был Гильфердинг, писавший там в силу своего служебного положения.

Еще менее могло быть надежды заподучить в газету авторов левого лагеря, да, повидимому, к этому и не стремились.

Славянский отдел «Ведомостей» остался чисто казенной затеей. Его корреспонденции, составлявшиеся путем извлечений из консульских донесений, изготавлялись в недрах Азиатского департамента. В них был фактический материал, но они были сухи, как всякое официальное донесение, а фактические сведения их не находили никакого истолкования в статьях. Задача, которую ставило себе правительство, создавая отдел, достигнута не была: «Ведомости» не стали центральным славянским органом и никого не объединили. Вот почему руководство Министерства иностранных дел, в частности Азиатского департамента, убедившись в своей неудаче, согласилось на закрытие отдела в «С.-Петербургских ведомостях» и на передачу его в начавший выходить с 15 октября 1861 г. новый еженедельный журнал, который разрешено было издавать И. С. Аксакову.

После краха «Паруса» и неудачных переговоров о «Пароходе» (предположительное название несостоявшегося за отказом Чижова издания) Аксаков в январе 1860 г. уехал за границу. «В 1860 году не разрешат мне никакого издания, несмотря на преобразования с цензурой. Следовательно, определенной внешней деятельности нет... Имея в виду воротиться со временем непременно к редакторской же деятельности, я хочу воспользоваться досугом, даруемым мне судьбою, чтобы приготовить себя лучше к этой деятельности... Для этой цели я командирую себя на год в чужие края»³.

Аксаков побывал в Германии, Австрии, объездил ее славянские земли: Хорватию, Далмацию, побывал в Черногории, Сербии. Эта поездка оказала большое влияние на Аксакова: она познакомила его с жизнью славян, их деятелями, поставила перед ним совершенно новые вопросы. Еще во время

¹ Архив АН СССР, ф. 35, № 1727. Письмо от 24.IV.1859 (ранее опубликовано в «Русской мысли», 1916, кн. XII).

² И. С. Аксаков в его письмах, т. IV, стр. 22.

³ Там же, т. III, стр. 347—348.

путешествия им был сделан вывод, что объявление об издании «Паруса» до славян дошло, что они увидели в нем голос России, что газета, освещающая славянские темы, необходима. «По окончании своего путешествия по славянам, — писал он из Цетинье 1 июня 1860 г., — я думаю написать Ковалевскому (не министру): я убедился в необходимости газеты... я хочу просить опять о дозволении газеты»¹. В то же время он считал, расходясь в этом отношении с А. И. Кошелевым, необходимым продолжать издание «Русской беседы». Но всего более его занимали новые планы. 20 июля он писал из Белграда: «Я хочу написать Кокореву письмо и просить его сообразить между купцами капитал, под названием «Славянского капитала», тысяч в 20, на который издавать «Беседу», газету, если разрешат, и чинить еще разные другие вещи на пользу славян». И далее: «Если не хотят, чтобы я просил у купцов денег для «Беседы», то я все-таки буду просить их о составлении Славянского капитала для других моих разных планов»². Для нас сейчас важна связь мысли о газете с «другими вещами» или «разными планами». На мысль о газете Аксакова натолкнуло непосредственное восприятие интереса славян к России, их надежды на нее. В опубликованных письмах Аксакова, относящихся ко времени заграничной поездки, бросается в глаза горячий отклик, оказанный ему хорватами, в связи с чем вновь повторяется мысль о необходимости издавать газету³. Существенным моментом было пребывание Аксакова в Сербии, относительно которого сказано следующая фраза: «Я думаю, что и в Сербии мое пребывание было не бесполезно; я принял, разумеется, самое горячее участие во всех ее внутренних делах и интересах; об этом нет никакой возможности писать по почте»⁴. И эта недосказанная фраза, содержащая лишь намеки, и неопределенные выражения, в роде «разных планов», сейчас нам ясны. Речь идет о переговорах, которые Аксаков вел с сербским писателем и реакционным политическим деятелем Матией Баном⁵. На издателя закрытого «Паруса» влияли не только выражения симпатий к прекращенному изданию и интерес к русской печати, в нем говорило не только стремление к пропаганде своего взгляда на славянский вопрос, но и возможность связать практически начинания в области славянского движения (о чем шли переговоры с М. Баном и сербскими деятелями) с взглядами, интересами и стремлениями славянофильства. «Мое путешествие, — писал Аксаков по возвращении в Россию Е. П. Ковалевскому, — дало мне возможность еще более упрочить значение «Беседы» и славянофильской школы между славянами и связать «Беседу» еще теснее партию народности у славян, следовательно партию, сочувствующую и преданную России. Как бы там ни думало об этом мне правительство, но я убежден, что наша славянофильская деятельность полезна интересам России вообще, а в частности и нашей политике. «Беседа», без сомнения, поддерживает в славянах любовь к России, веру в нее»

¹ И. С. Аксаков в его письмах, т. III, стр. 447.

² Там же, стр. 468.

³ Там же, стр. 458.

⁴ Там же, т. IV, стр. 477.

⁵ В 1860 г., когда И. С. Аксаков познакомился с М. Баном, последний действовал в качестве представителя сербской националистической повстанческой организации, которая должна была распространить свою деятельность не только на все земли, населенные сербами, но и на Болгарию и Албанию. Во главе ее стоял Центральный комитет (в Белграде), находившийся в тесной связи с сербским правительством в лице представителя (т. е. главы княжеской канцелярии, ведавшего иностранными делами княжества) И. Гарашанина. М. Бан стремился при посредстве И. Аксакова получить средства на развертывание деятельности организации.

мешает им поддаваться чуждому влиянию и, следовательно, этим самым достигает целей, предположенных и самим правительством»¹.

В словах Аксакова вполне отчетливо звучит мысль о возможности союза славянофильства и национально-освободительного движения славян, мысль, которая в это время не раз встречается в письмах Аксакова и которая являлась выводом из разнообразных наблюдений и многочисленных разговоров. Но, понятно, имелась в виду связь с деятелями, подобными М. Бану. Не менее ясна мысль о возможности союза славянофилов с царским правительством в области славянской политики.

Намерение Аксакова нашло поддержку со стороны Министерства иностранных дел. Азиатский департамент не мог быть удовлетворен опытом с «С.-Петербургскими ведомостями» и поддержал проект, видя его важность и с точки зрения правительственных интересов.

К середине года, несмотря на сопротивление Тимашева², вопрос разрешился в желательном для Аксакова смысле. Однако действительность и планы, рисовавшиеся во время путешествия, не были тождественны. Извещая М. А. Максимовича о полученном разрешении издавать газету «День», «еженедельную, не политическую, но, впрочем, со славянским отделом», Аксаков сообщал: «Беру на себя обузу страшную. Сотрудников нет... начинаю с 500 рублями (да и те заняты), а чтобы покрыть издержки годового издания, нужно не менее 2000 подписчиков»³. Для издания «Дня» никакого «славянского капитала» не составилось, и с самого своего возникновения газета организационно и финансово оказалась почти личным предприятием издателя.

Мысль о «журнале-газете», — а изданием такого типа и был «День», — в славянофильских кругах не была новой. В пору упадка «Русской беседы», в 1859 г., Хомяков писал Аксакову о невозможности издавать «Беседу», потому что для нее нет читателя в России, но что популярности ее могла бы помочь газета («Парус»), а еще было бы лучше «Беседу» издавать как журнал-газету⁴. Эта форма считалась наиболее пригодной для привлечения читателя и подписчика; она была принята для «Дня»⁵.

Новое издание мыслилось обслуживающим славянские интересы. Однако вскоре выяснилось, что русская публика «к славянофильскому вопросу совершенно равнодушна»⁶. Надо было обеспечить новому изданию возможность существования и развития. Естественным был поэтому поворот к внутренним, русским делам. «Пока будет существовать «День», — писал Аксаков А. Д. Блудовой, — он будет посвящен преимущественно русским нашим внутренним вопросам, перед которыми славянские имеют интерес уже второстепенный...»⁷

Газета не только не могла сосредоточиться на славянском вопросе, но не в состоянии была даже выдвигать славянский вопрос на первый план,

¹ ИРЛИ. Фонд Аксаковых (3), оп. 2, № 19. Письмо от 29.I.1861.

² И. С. Аксаков в его письмах, т. IV, стр. 54.

³ Письма И. С. Аксакова к М. А. Максимовичу. «Русский архив», 1908, т. I, стр. 358.

⁴ А. С. Хомяков. Соч., т. VIII, стр. 379, 383.

⁵ Среди славянофилов были и противники этой формы издания. Так, Ю. Ф. Самарин считал, что издание газеты не гармонирует со славянофильством, так как газета не может служить органом для «постановки, определения и развития начал». Для газеты нужен успех или какое бы то ни было участие публики. «Мы не только не можем на него рассчитывать, напротив, положительно знаем, что его не будет». Рукоп. отдел ГБЛ. Архив Самарина. Сам. IV 6—7. Письмо И. С. Аксакову от 22.VI.1861.

⁶ И. С. Аксаков в его письмах, т. IV, стр. 58.

⁷ Там же, стр. 238.

и он занял на страницах издания место второстепенное и подчиненное. На первый план выдвинулись внутренние дела, особенно крестьянский вопрос, в 1862—1863 гг. — польский вопрос и др., и в этом отношении общий характер «Дня» оказался близким характеру «Русской беседы».

Материалы Славянского отдела, существовавшего в «С.-Петербургских ведомостях», стали передаваться «Дню». Это делалось по непосредственному указанию директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел Е. П. Ковалевского. Передача материала вместо «Ведомостей» в «День» была санкционирована лично императором¹. Ковалевский позаботился снабдить «День» не только материалами, но и сотрудниками: так, чиновнику министерства В. И. Ламанскому он предложил сотрудничать в газете Аксакова. С этого времени (конец сентября 1861 г.) Ламанский активно участвовал в издании. Согласился сотрудничать и Гильфердинг. Из недр Азиатского департамента шла значительная доля материалов Славянского отдела, в частности, относящегося к Балманскому полуострову. Это явствует из письма Ламанского к Аксакову от 28 октября 1861 г.: «...Хотел вас уведомить о славянском отделе. Изготовили для 4 и 5 №№ несколько статей. Теперь они в цензуре... Раньше изготовить было нельзя, только в среду получил новые депеши — от Петковича и Шишкина (из Адрианополя)... Кроме этих известий, я посылаю вам выписку из одного старого донесения Хитрово о безденежьи в Турции. Поместите ее после известия Петковича. Тут же целая статья — для 2 № — которую я составил из нескольких донесений Хитрово: Битоль и поездка по Македонии. Свою поездку он описывает еще в донесении от последних чисел августа, но статья прекрасная и ее непременно следует поместить»².

Таким путем и из тех же источников составлялась большая часть корреспонденций с Балканского полуострова, печатавшихся в газете. Однако и помимо Азиатского департамента были некоторые дополнительные источники информации. С самого начала организации газеты Аксаков вступил в переписку с протоиереем посольской церкви в Вене М. Ф. Раевским. Последний сам писал в «Дне», но главное — подыскивал корреспондентов и сотрудников в газету; именно этого и требовал Аксаков: «Стыдно, если я не буду получать правильных и быстрых сообщений из славянских земель. Сами будете виноваты в невежестве, в равнодушии русских относительно славян. Каждую неделю корреспонденцию!»³ Но желание это никогда полностью не было осуществлено. В конце 1861 г. Аксаков сообщал Раевскому: «Корреспонденций я имею из Верхней Венгрии штук 9, из Венгрии Раковского — письма 3 или 4, из Моравии — 2 письма, из Белграда, не знаю — через вас ли? — одно»⁴.

Временами количество поступавших корреспонденций увеличивалось, но от них приходилось отказываться, как от плохо написанных, устаревших или не соответствовавших по освещению событий направлению газеты. К концу существования газеты Аксаков даже не очень гнался за увеличением заграничных корреспонденций. «Иметь корреспондентом не русских или не бывавших в России решительно не стоит, я убедился по опыту. Они не знают, чего нам нужно и как надо писать для русской публики»⁵. В итоге — основная масса фактического информационного материала по-

¹ «Русская мысль», 1916, кн. XII, стр. 106.

² Там же.

³ И. С. Аксаков в его письмах, т. IV, стр. 68.

⁴ Там же, стр. 71.

⁵ Там же, стр. 86.

ступала в «День», как уже говорилось, из Азиатского департамента или непосредственно от консульских чинов и немногочисленных местных корреспондентов. В сфере связи с Балканами преобладали русские элементы, а сама информация имела полуофициальный характер.

Помимо корреспонденций, Славянский отдел печатал статьи самого Аксакова, Гильфердинга, П. А. Безсонова, Вранешевича, А. В. Рачинского, Р. Жинзифова и некоторых других, в том числе и нескольких болгар, учившихся в Москве, чьи фамилии установить оказалось невозможным.

Жинзифов принимал особенно активное участие в газете. Первоначально он помещал изредка отдельные статьи, но с начала 1863 г. начал вести систематически «Славянское обозрение». Это было осуществлением давнего плана Аксакова, не раз на протяжении 1861—1862 гг. жаловавшегося, что в Москве нет человека, кому можно было бы поручить чтение славянских газет и ведение Славянского отдела. С 1863 г. и до конца существования «Дня» «Обозрения» Жинзифова оставались важной составной частью Славянского отдела. Жинзифов — единственный болгарин, органически вошедший в редакционную работу «Дня» и на протяжении всего времени существования газеты постоянно сотрудничавший в ней¹.

В своих статьях Жинзифов проводил взгляды, характерные для болгарских буржуазно-национальных деятелей той поры. Он подчеркивал значение церковного вопроса в Болгарии и необходимость борьбы с фанариотским игом. Эта мысль нашла в Жинзифове одного из толкователей и распространителей ее в России, а аксаковский «День» стал пропагандировать ее среди русских читателей. Если учесть, что в «Дне» мы почти не встречаем оригинальных статей сербо-хорватских авторов, что, кроме Жинзифова, в нем эпизодически сотрудничали другие болгары, легко понять ту наклонность к трактовке болгарских вопросов, которая характерна для этой газеты. Это не значит, что издание не занималось проблемами Черногории и Сербии. Но это делалось или в статьях русских авторов или в корреспонденциях. Болгары же имели возможность проводить свои взгляды в статьях, что, естественно, увеличивало воздействие их точек зрения на читателя.

Газета Аксакова смотрела на дела Балканского полуострова глазами русских консулов и московских болгар², а осмысливала их в свете славянофильских идей. «День» навсегда остался русским органом, отражавшим славянские темы, не занял положения межславянского издания и не приобрел существенного значения и влияния в славянской журналистике. Фактически сведения помещались в нем всегда с опозданием. Гораздо более значительным и важным элементом оказались его статьи. Но последние писались главным образом (исключая болгар), русскими и представляли собою оценку явлений с точки зрения славянофильской доктрины. Таким образом, по основному значению в славянской журналистике «День» являлся органом пропаганды славянофильских взглядов на славянский вопрос. Но в силу воззрений Аксакова на национальное движение, «День»

¹ В книге П. Орешкова «Жинзифов, като журналист» («Македонски Преглед», 1928, кн. 1), на стр. 81—89 опубликован большой список статей Жинзифова, опубликованных в русской печати. В нем имеется ряд неточностей. Так, Жинзифову (№ 4 и 5 списка) приписаны «Письма из Битолии» («День», 1862, № 13 и 33). Письмо Ламанского к Аксакову («Русская мысль», 1916, кн. XII, стр. 106) показывает, что они составлены Ламанским по донесениям консула Хитрово. Также не принадлежат Жинзифову три письма из Праги (№ 58—60) в № 37, 39 и 42 за 1865 г. Из писем Аксакова к Раевскому ясно, что автором их был русский славист Дубровский.

² Все, о чем говорится в этом разделе, относится только к балканской части Славянского отдела «Дня».

стал органом поддержки буржуазного крыла национально-освободительного движения на Балканах. Это обстоятельство и привлекало в газету Жинзифова и других болгар, которые стремились использовать «День» для освещения и популяризации своих взглядов.

Если «День» лишь частично отражал взгляды представителей самих балканских народов, а главным образом выражал русский взгляд, то возникает вопрос, как воспринимались эти взгляды, как распространялась и расходилась газета среди славян?

Мы располагаем вполне точными сведениями о распространении «Дня» в Болгарии и среди болгарского населения Константинополя. Посредником в распространении газеты был ранее учившийся в Москве С. Филаретов, который раздавал и рассылал по Болгарии поступавшие в его адрес экземпляры. У себя на квартире он устраивал чтение газеты, на которое собирались видные представители константинопольской болгарской буржуазной интеллигенции (Чомаков и др.).

Вторым проводником «Дня» в славянскую среду был Раевский, которому Аксаков высылал до 100 экз. газеты, рассылавшихся и раздававшихся по усмотрению самого Раевского. Через Раевского издание проникало в среду австрийских славян и сербов, но в какие именно общественные слои, остается неясным. Об отношении славян к «Дню» сведений мало. Названный выше Филаретов восприятие статей определял так: «Все читают с возрастающим интересом и от чистого сердца рады, что увидели наконец и на русском языке газету, посвященную интересам славянства»¹. «День» мог особенно интересовать болгарскую константинопольскую буржуазию и буржуазную интеллигенцию своей позицией в греко-болгарской борьбе, одним из участников которой был Чомаков.

Отношение австрийских славян определить не удалось. Во всяком случае, спустя год после начала издания и по возобновлении выхода после приостановки, Аксаков недоумевал: «Отчего ни одна славянская газета не отозвалась возобновившемуся «Дню»?» Повидимому, это объясняется тем антиавстрийским тоном, какой был присущ «Дню» и какой мог заставлять опасаться говорить об этом издании в австрийской печати. Недаром Раевский не раз напоминал Аксакову о необходимости большей умеренности.

Наконец, что касается сербов княжества, то «День» был известен им, о чем говорят следующие факты.

В 1865 г. Г. Влайкович писал Н. Попову из Белграда, что членов кружка, к которому принадлежал он, разбросали по Сербии. К этому кружку принадлежал Алимпий Васильевич, которого переместили в Пожаревац, и сделано все это, по словам Влайковича, по желанию консула в Белграде Шишкина. Повидимому, это был кружок оппозиционно-националистический, желавший более активной политики Сербии. Автор заканчивает свое сообщение пожеланием, чтобы об этом было напечатано в газете Аксакова. Это важное свидетельство, показывающее признание «Дня», как силы, могущей повлиять на внутренние сербские дела и отношения к ним русского консула; оно указывает на внимание, с каким следили за этим изданием в Сербии². Были случаи полемики с «Днем». Так, в период пребывания в Сербии Л. Каравелов выступал против взглядов «Дня» по вопросу о болгаро-колонистах в России³. Все это говорит о том, что газета доходила до тех, кому предназначался ее «Славянский отдел».

¹ ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, № 647. Письмо от 13.XI.1862.

² Рукоп. отдел ГБЛ. Архив Попова, № 3602.

³ Рукоп. отдел ГБЛ. Архив Погодина. Пог. 14—76.

Как видно из приводимых фактов и других данных, взятый «Днем» курс на поддержку буржуазного крыла национально-освободительной борьбы балканских народов не оставался без сочувственного отклика со стороны соответствующих кругов не только южных, но и других славян, например, чехов. Но эти же факты говорят и о другом. В силу политического облика «День» мог найти созвучного читателя не по всем вопросам и не во всех кругах южнославянского общества, а преимущественно в его умеренных и правых националистически-буржуазных группировках.

«День» просуществовал с 1861 по конец 1864 г. После его прекращения наступил двухлетний перерыв, во время которого славянофильские издания не выходили.

Вопрос об издании славянофильской газеты снова возник к 1866 г. Ф. В. Чижев усиленно убеждал Аксакова стать во главе издания, финансировать которое готовы были московские купцы, стремившиеся создать орган для защиты протекционного тарифа и вообще экономических интересов московского купечества. Для ведения издания нужна была заметная в журнальном мире фигура. В качестве таковой Чижев выдвинул Аксакова. Однако уговоры Чижева сначала натолкнулись на отказ со стороны Аксакова, мотивировавшего его уходом в личную жизнь, стремлением хозяйствовать. Однако Чижеву вскоре удалось сломить сопротивление Аксакова. Но затем пришлось выдержать спор о характере и задачах издания. Чижев настаивал, чтобы газета имела «положительный характер», занималась не «общими воззрениями», а делом; он внимательно обдумывал характер издания, обещал подобрать сотрудников для него. Чижеву хотелось создать газету значительно более высокую по уровню своей организации, чем тот, на котором стоял «День». Он говорил о необходимости особого сотрудника для политического отдела, дельного корреспондента для московской хроники: для нее нужна «ищейная собака, но умный сеттер, а не убудюдок, как в «Московских ведомостях» Пановский. Газета должна быть общепринятого формата, иметь убористый, но крупный шрифт».

Аксаков соглашался и с материальными условиями, предложенными ему Чижевым. «...Нечего и говорить, как я желал бы ввести в свою газету элемент положительный, а не критический и отрицательный только, но для этого необходимо дружное содействие..., да и во всяком случае положительное у меня будет не то положительное, которое дает такой успех Каткову и которое есть примирение с пошлостью действительности и поддержка в обществе самообольщения. Я бы постарался отводить законное место каждому явлению, признавать его историческую временную линию, как ступень в поступательном движении, но самому стоять, так сказать, выше явлений, подобно тому, как плавающая в воде, надо держать голову поверх воды»¹.

Долгие переговоры закончились положительным результатом. Крупнейшие московские купцы — Малютин, С. Морозов, И. Лямин, Солдатенков, Т. С. Морозов, Третьяковы, Коншины и др. собрали капитал в 51,5 тыс. руб. и, кроме того, сделали особые взносы на ведение дела². 1 января 1867 г. новая газета «Москва», как называли ее купцы, начала выходить.

С самого начала ей был придан экономический уклон: регулярно помещались передовые статьи на эти темы, коммерческая хроника, телеграммы. Газета занялась систематической борьбой против фритредерских поползновений правительства. Но Аксаков выговорил себе право направлять полити-

¹ Рукоп. отд. ГБЛ. Архив Чижева. Переписка с Аксаковым. Письмо от 27.IV.1866.

² ИРЛИ, ф. 3, оп. 5, № 29, л. 30 об.

ческие отделы газеты, а в них он преимущественное внимание уделял балканским делам, вызывавшим общий интерес в напряженной и сулившей острую схватку обстановке на Балканах 1867 г.

События на полуострове находили освещение в статьях, обзорах, корреспонденциях. Передовые статьи (исключая статьи по экономическим вопросам) писались самим Аксаковым. Ряд статей на балканские темы был написан Жинзифовым (псевдоним Велесов), одна статья — Погодиным, обзоры составлялись, повидимому, Н. Поповым, Жинзифовым.

Наиболее интересен для нас раздел балканских корреспонденций. Они шли из Константинополя, Белграда, Люблян, с левого берега Дуная, из Бухареста, Гюргева, Мостара. Не ограничиваясь ими, редакция перепечатывала корреспонденции «Голоса» и широко использовала славянскую и иную заграничную печать. Мы не всегда в состоянии открыть авторов корреспонденций, хотя в отдельных случаях это возможно.

Одним из наиболее богато представленных в корреспонденциях пунктов был Константинополь. Кем составлены неподписанные корреспонденции, помещавшиеся в газете в начале года, мы не знаем. Во второй половине появляется ряд корреспонденций за подписями «Македонский», «Ваш знакомый», «Времев». Авторы их мы легко можем определить. 26 мая 1867 г. из Буюк-дере писал Аксакову чиновник посольства в Константинополе М. А. Хитрово, который предлагал свои услуги в качестве корреспондента и называл другого возможного кандидата — Стоянова-Бурмова. Через несколько месяцев, 11 октября 1867 г., Хитрово сообщал: «В пятницу с австрийской почтой я успел написать Вам лишь несколько строк в препровождение тогда же посланной корреспонденции в виде письма без обыкновенной моей подписи, за подписью «Вашего знакомого». Надеюсь, что Вы получили как письмо, так и корреспонденцию. Из содержания ее Вы, вероятно, поняли, почему я нашел нужным послать ее в этом виде. Дело в том, что Игнатьев знает «Македонского»; в корреспонденции «Вашего знакомого» он, быть может, узнает его по слогу. Но это мне все равно; лишь бы было соблюдено приличие»¹.

Приведенное письмо не оставляет сомнений в том, что автором корреспонденций, подписанных «Македонский» и «Ваш знакомый», стилистически тождественных между собою, был Хитрово.

Что касается псевдонима «Времев», то полагаем, что он принадлежит Ф. Стоянову-Бурмову, который с 1865 по начало 1867 г. издавал в Константинополе субсидированный русским посольством журнал «Время». Затем он был сделан нештатным драгоманом посольства; ему было поручено составление нескольких брошюр, которые печатались в Бухаресте. Об этом стало известно. Продолжать свою литературную деятельность он более не мог. Как лицо, связанное с русским правительством, он был не в состоянии найти болгарскую общественную или турецкую службу; стесненное материальное положение побуждало его искать штатную дипломатическую службу, а пока шли хлопоты, он вынужден был существовать литературным заработком². С этого времени Бурмов начинает сотрудничать в русской печати — в «Москве», затем в «Русском» Погодина и в «Московских ведомостях» с самого конца 60-х и в 70-е годы.

Люблянские корреспонденции принадлежат русскому, явно обнаруживающему панславистскую тенденцию в критике попыток М. Майра создать

¹ ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, № 657.

² Рук. отд. ГБЛ. Архив Погодина. Письма Стоянова-Бурмова. Пог. II.

общеславянский язык и считавшему общим языком славян — русский язык¹. Определить автора точнее пока не представляется возможным.

Белградские корреспонденции принадлежат не одному автору. Один из них — серб; ему принадлежат неподписанные корреспонденции, печатавшиеся в начале года. В них он выражает надежду на скорое выступление Сербии против Турции и успех создаваемого народного ополчения. Напечатанные в сентябрьских номерах корреспонденции с оmlадинской скупщины, частично неподписанные, частично подписанные инициалами В. А., — очевидно, принадлежат перу В. Андреева, корреспондента «Русского инвалида». В конце 1867 и в 1868 г. появляются корреспонденции, подписанные «Юнак». Нам не удалось установить автора их, но можно предположить, исходя из содержания писем, что их составитель был серб.

Единичные корреспонденции из Мостара², повидимому, исходят из русского консульства. Что касается значительной группы корреспонденций из Румынии, они трактуют болгарские проблемы и принадлежат, очевидно, представителям болгарской эмиграции. Только один из них открыл свое имя — Б. Запрянов, приславший письмо из Гюргева, с фактической поправкой к статье «Москвы» о болгарских комитетах³. Это — известное лицо, один из деятелей «молодого» крыла болгарского национального движения; позже, в 1876 г., участник Браиловского комитета, связанного с центральным комитетом в Бухаресте, созданным В. С. Иониным⁴. Авторы прочих сообщений, посвященных болгарским делам, нам неизвестны, но нет никаких сомнений, что они все — болгары; можно сказать больше: это болгары — участники национальной борьбы. Трудно сказать, с какой из двух возможных группировок они были связаны — с группой Г. С. Раковского или комитетом И. Касабова. Можно лишь с уверенностью утверждать, что своих корреспондентов Аксаков нашел вне хорбаджийского круга «Добродетельной дружины».

Это вполне отвечало позиции Аксакова в восточном вопросе вообще, а в эти годы — особенно.

Данные, приведенные выше, показывают, насколько выросли и укрепились балканские связи «Москвы» по сравнению с предыдущими славянофильскими изданиями. И в «Москве» имеются русские корреспонденты из посольско-консульского круга, но, во-первых, они являются добровольными корреспондентами газеты, а не авторами официальных донесений, из которых «приготавливаются корреспонденции», как это было в пору «Дня»; во-вторых, количество местных корреспондентов резко возрастает; Аксаков находит их в среде деятелей буржуазно-национального движения южных славян, что особенно хорошо видно из подбора болгарских корреспондентов. И сербские и болгарские корреспонденты защищали на страницах «Москвы» дело национальной освободительной борьбы против Турции. Они обращались к русским читателям с призывом о помощи, с изложением задач национально-освободительного движения. «Москва» становилась проводником взглядов на подготовляемое восстание определенных групп самих южных славян. Вот почему газета была известна на Балканах. За ней следила болгарская эмиграция в Румынии, что доказывает письмо в редакцию Б. Запрянова, содержащее поправку к одной из статей газеты. Нам

¹ «Москва», 1867, № 110.

² Там же, 1868, № 3.

³ Там же, 1867, № 165.

⁴ ЛОА, ф. Славянского комитета, № 101, л. 36—37.

известно, что газету знали и на другом конце полуострова. Когда в 1870 г. в Граце основалась «Славянская беседа», учредители просили о присылке им «Москвы». Каравелов сообщал в «Голосе» о случаях конфискации «Москвы» в Белграде за статьи или корреспонденции, неблагоприятные к сербскому правительству, что свидетельствует о проникновении газеты в Сербию и о пристальном наблюдении за ней¹.

Националистические по своим тенденциям катковские издания: «Русский вестник», «Современная летопись», «Московские ведомости» — не ставили перед собой таких задач, какие мыслились Аксакову при издании «Паруса» и «Дня». Однако, как это будет видно ниже, интерес к вопросам балканской политики достаточно широко захватывал русскую печать: не проходили мимо них и катковские издания. В «Современной летописи», «Русском вестнике» с начала выхода журнала (1856) и до 1861 г., когда «Летопись» была выделена в особое издание, помещались политические обзоры, где специальный раздел выделялся для освещения «турецких дел». Помимо того, на протяжении 60-х годов можно насчитать ряд отдельных статей, полубеллетристических очерков, путем заметок. Авторами их были почти исключительно русские: А. В. Рачинский, составлявший обзоры «турецких дел» и подписывавший их буквой Д.², М. Сухомлинов, Щербань, консул М. Хитрово, Трояновский, позже Н. А. Попов. Славян среди сотрудников «Русского вестника» и «Современной летописи» можно назвать только двух: Миличевича, приславшего одну корреспонденцию, и Сретьковича (в это время студента Киевского университета), написавшего рассказ.

В силу связей со Славянским комитетом катковские издания проникали в славянские земли, читались, получали отклик в тамошней печати и письмах. В качестве доказательства можно сослаться на возражения, вызванные в чешской среде панславистскими статьями Н. Попова³, на просьбы Патеры о высылке «Русского вестника», а позже — на полемические выпады против «Московских ведомостей» в статьях Л. Каравелова, Х. Ботева.

Что касается «Московских ведомостей», то до перехода их в руки Каткова они представляют интерес лишь как орган, выступивший против «Русской беседы» по вопросу о греко-болгарской распре. Здесь Т. Филиппов поместил свой «Ответ г-ну Д.»⁴, являвшийся защитой греко-фанариотских элементов от нападков болгар. С переходом в руки М. Н. Каткова газета улучшила свою информацию, стала уделять больше внимания балканским вопросам в своих передовых статьях, печатала корреспонденции, а иногда и специальные статьи на славянские темы. Авторами чаще всего являлись Н. А. Попов, В. С. Неклюдов, редко — М. П. Погодин; статьи обзорного характера помещал Жинзифов. Корреспонденции в «Московских ведомостях» шли всегда с двух сторон. Частично они шли от русских авторов, одним из которых был Трояновский, приславший сообщения из Вены. Другие принадлежали местным авторам — болгарам, сербам и др. Иногда

¹ Указанное свидетельствует о неправоте утверждения Герцена, что ««Москву» в Турции, кроме русских консулов, никто не знает и не читает». «Колокол», 1867, 9 марта, № 235—236, стр. 131.

² Это дало повод современникам предполагать (такая точка зрения отразилась и в литературе), что автором этих статей был известный сотрудничеством в «Русской беседе» болгарин Даскалов. Однако письмо А. В. Рачинского, опубликованное Н. Поповым в его истории Московского славянского комитета, разъясняет этот вопрос.

³ Рукоп. отдел ГБЛ. Архив Попова, № 3602. Письмо Патеры от 14.XII. 1864, Дювернуа — от 21.XI.1865 и др.

⁴ «Московские ведомости», 1858, № 93—97. Затем выпущено отдельным изданием: «Ответ «Русскому вестнику» по болгарским делам», СПб., 1858.

корреспонденции подписаны¹, чаще обозначены инициалами². Состояние наших материалов пока не позволяет установить, кто скрывался за этими инициалами. Можно уверенно говорить об участии в газете Стоянова-Бурмова, помещавшего обстоятельные корреспонденции из Константинополя, и Сретьковича — автора эпизодических писем. Часть материалов, печатавшихся в качестве корреспонденций, представляла собою письма, присылавшиеся в Московский славянский комитет. Корреспонденции эти были более или менее случайны: постоянных корреспондентских связей с Балканами газета не имела до конца 60-х годов.

* * *

Что касается журналов, то по тому, как они относились к балканскому вопросу, их можно разделить на две группы. Одни («Эпоха», «Время», «Библиотека для чтения») не проходили балканских вопросов молчанием, но и не занимались ими сколько-нибудь систематически. В них помещались обзоры, где события на полуострове получали свое освещение, но специального интереса к судьбам народов Балканского полуострова, такого, какой заставлял бы их следить за мнениями других изданий и вступать в полемику, интереса к балканским делам, как к своему кровному делу, эти издания не проявляли. Связей с Балканами они не имели.

Гораздо сильнее эти темы привлекали внимание «Современника», «Отечественных записок» и «Русского слова». Славянофилы считали славянский вопрос своей монополией и видели в «западниках» врагов славянства. Достаточно перелистать первый из названных журналов, чтобы убедиться, какое внимание вызывал славянский вопрос у журналистов революционно-демократического «Современника». Правда, все сотрудники «Современника», писавшие по этим вопросам, были русские: Н. Г. Чернышевский, А. Н. Пыпин, Е. Южаков, Ю. Жуковский. Только один Ж. Слав, по указанию редакционного примечания, был сербом.

Сейчас можно уверенно говорить, что под этим псевдонимом скрывался сербский демократ Ж. Жуйович³. Самый факт его сотрудничества в «Современнике» свидетельствует о его идейной близости к органу русской революционной демократии. Как ни скудны наши данные по этому вопросу, можно, однако, говорить в отношении Жуйовича не только о литературной связи с редакцией «Современника», но и о личных связях с людьми, близкими к журналу. В частности, известно о его знакомстве с А. Н. Пыпиным, о переправке им писем из Сербии Пыпину. Вполне понятно, что такого рода факты могли иметь лишь слабое отражение в наших источниках⁴.

В отличие от большинства журналов «Современник» уделял главное внимание славянским делам не в политических обзорах текущих событий, а в статьях принципиального характера. Они или освещали положение отдельных славянских народов и стран⁵, или трактовали общие проблемы⁶.

¹ Например, «Из Болгарии» Л. Калчо. «Московск. вedom.», 1864, 15 мая, № 107.

² Например, корреспонденция П. из Боснии и Герцеговины. «Московские ведомости», 1864, № 80, 102, 135 и др.

³ Центр. гос. литархив, фонд А. Н. Пыпина. Письма Ровинского Пыпину (№ 341). Письмо от 26.III.1868.

⁴ За указание на это приношу благодарность проф. Б. П. Козьмину.

⁵ «Современник», 1860, II — статья А. Пыпина — «Из Праги»; XI — Южакова — «Месяц в Болгарии»; 1863, VI — Склава — «Славянский юг».

⁶ Например, Ю. Жуковский. О народности в политике. «Современник», 1863, I; Н. Г. Чернышевский. Самозванные старейшины. «Современник», 1862, III; Его же. Народная бесполодность. «Современник», 1861, X.

Те же вопросы иногда ставились в рецензиях. Общим, что объединяло эти статьи, была острая борьба со славянофильским пониманием славянского вопроса вообще и балканского — в частности.

Журнал протестовал против славянофильских планов подчинения славян царской России. «Всякая попытка войти в государственную связь с населением другой страны, хотя бы единоплеменной и единоверной, оказывается для такого народа напрасным и обременительным неудобством», — писал Н. Г. Чернышевский¹. «Современник» трактовал славянские проблемы как русский журнал, горячо сочувствующий славянам, их освобождению, но понимающий недостаточную популярность славянских тем в России и малую их известность. «Для нас Болгария, Босния, Герцеговина, — писал журнал, — известны только из газетных известий, как вечная сеча безнаказанной резни, отчаянных и напрасных восстаний, да изредка заезжие Инсаровы появлялись у нас и раскрывали отчасти картину мрачного существования, на которое обречены христианские славяне этих стран. Недавно мы читали обращение к нашему обществу в поразительных рассказах г. Даскалова о современной Болгарии, но это, конечно, не поможет: русское общество мало этим интересуется, да если бы и интересовалось, мнение его мало значит, и для нас закрыта всякая инициатива. Люди, сочувствующие вопросу, не теряют, однако, надежды и стараются завоевать ему общественную симпатию. Желаем им всякого успеха»².

«Современник», интересуясь славянским вопросом, сочувствуя освобождению славян, всегда указывал славянам на необходимость широкого развертывания национально-освободительной борьбы против турецкого ига. Он призывал к самостоятельной борьбе самих славян, не ожидая освобождения со стороны царизма. Позиция «Современника» встречала полное сочувствие и отклик в кругу демократически настроенных южных славян.

В конце 50-х годов, когда А. Н. Пыпин был за границей, он увидел, что славяне даже не знают о «Современнике» и литературном течении, связанном с ним. Славянофильские издания — непосредственно из редакции, через Славянский комитет — шли в славянские «читальни» и матицы. Знакомство с «Современником» начинается только в начале 60-х годов, главным образом через посредство болгар и сербов, учившихся в России, и в дальнейшем все усиливается, что видно из воздействия идей Чернышевского на представителей революционного и радикального лагеря сербских и болгарских общественно-политических деятелей.

Достаточно назвать имена выдающихся революционеров-демократов Христо Ботева и Светозара Марковича, чтобы показать влияние идей «Современника» и, особенно, Н. Г. Чернышевского на южных славян. Христо Ботев и Светозар Маркович, последователи русских революционеров-демократов, были активными популяризаторами сочинений великого русского революционного демократа. Полностью раскрыть влияние «Современника» и людей его круга на русском материале нельзя. В силу характера журнала, цензурных и общеполитических условий, как России, так и южнославянских стран, вполне осветить этот вопрос можно было бы путем анализа сербской и болгарской печати. Но это — особая задача, которую мы в данной статье себе не ставим.

О проникновении этого журнала в Сербию или Болгарию у нас прямых

¹ Н. Г. Чернышевский. Народная бестолковость. «Современник», 1861, X, стр. 293.

² «Современник», 1860, III, стр. 120. Рецензия на книгу Гильфердинга «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» (СПб., 1850).

сведений нет, но известно, что в Праге журнал получался; это позволяет предполагать вероятность его проникновения и на Балканы¹. А личные связи с людьми, близкими к «Современнику», у таких деятелей, как Жуйович; постоянная связь с Россией и, в частности, с А. Н. Пыпиным, имевшаяся у жившего долгий срок в странах Балканского полуострова П. А. Ровинского, поддерживавшего отношения с Жуйовичем, все это делает наше соображение вполне осязательным.

В 60-е же годы возрастает значение «Русского слова» (в статьях Шелгунова, Ракича), выступавшего против славянофильства. Его общие позиции, определенные статьями Д. И. Писарева, привлекали не только симпатии южных славян, учившихся в России, но и активное (хотя и небольшое) участие в журнале, образцом чего является статья Ракича «Голос из Сербии»². В «Русском слове» печатался С. Н. Палаузов — сын известного буржуазного деятеля болгарской одесской колонии Н. К. Палаузова. Уже весьма сильно обрусевший, С. Н. Палаузов состоял чиновником Министерства народного просвещения (цензором), но он не утратил связей с единоплеменниками и интереса к их судьбам и положению. Он писал о национальном вопросе в Австрии и на другие близкие темы.

В журнале печатался славист А. А. Майков, поместивший статью о суде присяжных у южных славян³.

Весьма большое внимание уделяли интересующему нас вопросу «Отечественные записки» Краевского. Надо сказать, что в истории этого журнала 60-е годы — наименее исследованный период, и если в начале своего существования журнал явно сочувствовал утопическому социализму, а в конце его был тесно связан с народническими кругами, то в данный промежуток времени он ориентируется в гораздо более умеренном направлении. Его сотрудниками по вопросам, занимающим нас, являлись Е. М. Феокистов, В. И. Ламанский, А. Ф. Гильфердинг, К. Н. Бестужев-Рюмин. Среди них первое место по участию в журнале и по значимости статей занимал В. И. Ламанский, тогда еще молодой славист, развивавший и аргументировавший в ряде статей свои панславистские взгляды. Его сотрудничество придавало журналу своеобразный налет панславизма, так как основные статьи на славянские темы написаны Ламанским. С 1863 г. и далее, в 1864—1865 гг., Ламанский — ведущая фигура «Отечественных записок» в области славянских тем. До того трактовка этих вопросов, — правда, затрагивавшихся (исключая обозрения) реже, — велась в более либеральных тонах, примером чего могут служить воспоминания офицера генерального штаба М. Р-ого о переселении болгар в Россию.⁴

Все изложенное выше свидетельствует о наличии двух групп русских журналов, которые проявляли наибольший интерес и имели определенные связи с южными славянами. К одной принадлежат славянофильские и катковские издания, к другой — «Современник» и отчасти «Русское слово». Разными мотивами и побуждениями вызывалось внимание к южным славянам, с разными кругами были связаны и на разные слои в славянских странах они влияли. Если для первой группы характерны связи с буржуазными деятелями национального движения, для второй — с демократическими и революционными кругами. Если в печати первой группы основное

¹ Архив АН СССР, ф. 35, № 1187; В. Н. Кораблев. А. Н. Пыпин и славянский вопрос. «Вестник АН СССР», 1933, № 8—9, стр. 75.

² «Русское слово», 1864, № 5.

³ «Русское слово», 1861, № 10.

⁴ «Отечественные записки», 1861, 2 (135).

значение имел конкретный материал (корреспонденции и т. п.), статьи по частным вопросам, то влияние русской передовой журналистики определялось прежде всего их общепринципиальными статьями, имевшими определенное воздействие на формирование революционно-демократической идеологии южных славян.

В своих статьях и обзорах прочие журналы отправлялись от материала названных выше изданий и газетной информации, в небольшой части заграничной и, главным образом, русской. Справедливое замечание сделала в 1863 г. «Библиотека для чтения»: «Русская литература со времени пробуждения ее, которое наступило вскоре после восточной войны, была занята почти исключительно делом внутренних реформ. Международные отношения России, а также взаимные счеты европейских государств занимали нас сравнительно слабо... Почти все журналы, правда, печатали обширные обзоры иностранной политики, но в этих обзорах преимущественно они разъясняли те принципы, которые, по их мнению, были наиболее полезны для наших собственных реформ».

* * *

Что же представляли собою в этом отношении русские газеты, не принадлежавшие к числу связанных со славянскими комитетами, как рассмотренные выше? Прежде всего надо сказать, что русские газеты конца 50-х и начала 60-х годов иностранную информацию брали из иностранных газет, чрезвычайно опаздывали с нею, были в зависимости от прихода почты. Нередко вместо сообщения из-за границы печаталось указание, что новые газеты не получены.

Только в 1857 г. было заключено первое соглашение о получении иностранных телеграмм, но и после него русские газеты были в полной зависимости от своих немецких контрагентов. Только уже в 60-е годы газетная печать в России, в отношении иностранной информации, начинает становиться на ноги. Это сказалось прежде всего в стремлении организовать самостоятельное получение информации, в подыскании корреспондентов из разных стран. Появились они и на Балканах.

С начала своего выхода в свет умеренно-либеральный по своей общей тенденции, хотя и не отказывавшийся от правительственных субсидий, «Голос» Краевского печатал корреспонденции из разных пунктов Балканского полуострова: Афин, Корфу, Бухареста, Белграда, Константинополя. Сообщения из Белграда и Константинополя в 1863—1864 гг. помещались сравнительно редко, не носили систематического характера и, повидимому, были связаны со случайным пребыванием там определенного лица. Это же относится и к другим славянским центрам; так, сообщения из Праги в 1864 г., подписанные буквой «Д», повидимому, принадлежали слависту Дубровскому, находившемуся в это время за границей, однако они скоро прекратились. Сравнительно постоянны сообщения из Афин (в 1863—1865 гг. подписаны буквами «П» и «К»; в 1866 — Н. Росляков), возможно, принадлежавшие кому-либо из состава служащих тамошней русской миссии¹. В 1866 г. в «Голосе» начинает сотрудничать известный ренегат В. Кельсиев, подписываясь И. Ж., позже И. Желудков. Он посвящает свои корреспонденции и славянскому вопросу в Австрии, и южным славянам. В то же время появляются корреспонденции Л-го из Белграда, М. Р.—оттуда же, А. З.—

¹ Во всяком случае содержание корреспонденции не оставляет сомнений, что автор их — русский.

из Константинополя. Новым сотрудником газеты в 1867 г. становится известный болгарский общественный деятель и писатель Л. Каравелов.

Начиная с марта 1867 г. появляются корреспонденции, помеченные: Белград, Болгария, Зимнич (в Валахии), Бухарест, Свищев, София, Рушук, Черногорская граница, Ниш, Новый Сад, Крагуевац. В то же самое время в «Русских ведомостях», до того печатавших корреспонденции только из Константинополя, стали появляться письма; некоторые из них были помечены теми же пунктами: Белград, Свищев, София, Черногорская граница¹. Уже это совпадение географических пунктов, в том числе таких неопределенных, как «Черногорская граница», заставляет насторожиться. Некоторые из рассматриваемых корреспонденций в «Голосе» не имеют подписи, другие подписаны «Софиянчанин». Одно сообщение «Прокламация к болгарскому народу» имеет подпись: «Балканский родолюбец». Есть корреспонденция из Бухареста, принадлежащая «одному из членов центрального болгарского комитета».

Автор, несмотря на различие пунктов, какими помечены сообщения, проявляет особый интерес к положению в Болгарии и различным вопросам ее жизни. Он связан с сербскими оmlадинскими кругами, а по поводу одной из корреспонденций «Голоса» прямо указывал, что она «из стана либералов». Эти признаки указывают, как станет яснее позже, на одно лицо.

Содержание корреспонденций позволяет установить следующее: корреспонденции из Зимнича, Свищева, Софии, Рушука посвящены изображению фактического положения дел в Болгарии и участию ее в борьбе против турецкого ига. В них почти отсутствуют всякие общие положения. Так, в корреспонденции из Свищева сообщается о зверствах турок, у которых оказались помощники в лице польской эмиграции и Цанкова. В этой корреспонденции также отмечается, что турецкое правительство разослало большое количество агентов; благодаря им в Турции известно все, что делают болгары в Сербии и России. Особенно враждебно относятся к Кесякову, Каравелову, Христовичу, которых считают панславистами, действующими в пользу России. Письмо заканчивается рассказом о казни турецкими башибузуками совершенно неповинного в преступлениях против Турции Иорданова². Корреспонденция «С Балканов» объясняет причину восстания болгар их страданиями. Им должна сочувствовать и помогать Сербия, но делает это она плохо. Все еще держатся старые несогласия, которые надо забыть, так как они — причина турецкой неволи. Далее читаем: «Чтобы упрочить и обеспечить свое существование, все мы, раздробленные славяне юга, должны слиться в одно целое и то под покровительством России. Свободная Сербия должна сделаться общим отечеством и сербу, и болгарину, и хорвату, и черногорцу, а может быть и чеху, из этого центра стараться учредить будущую Югославию. Многие говорят, что невозможно устроить подобное государство, потому что племена, из которых будет оно составлено, различаются по языку и вере. Но мы тут не видим никакой трудности. Южные славяне должны устроить федеративное государство. Нужно, наконец, понять, что государство из миллиона, двух, трех, четырех и пяти — не есть государство: оно не может быть ни сильно, ни могуще-

¹ «Русские ведомости» за начальные годы издания не представляют особого интереса с точки зрения своей информации. По утверждению историка газеты В. Розенберга, это наблюдение вполне совпадает с нашими данными, до 1867 г. иностранный отдел составлялся по иностранным газетам («Из истории русской печати. Организация общественного мнения в России и независимая беспартийная газета «Русские ведомости», 1863—1918, Прага, 1924).

² «Голос», 1867, 24 июня, № 172.

ственно и постоянно будет находиться под опекою; но если мы составим одно целое и заключим с Россией тесный братский союз,— в таком случае ни Меттерних с Деаками, ни Наполеон с папами, ни Мутье с Омер пашою, ни пан Лангевич с поляками — словом, никто не дерзнет грозиться нам кулаком и дубиною, никто не позволит себе издеваться над нами и играть как игрушками».

Помимо писем «С Балканов», подобные мысли мы встречаем в корреспонденциях «С Черногорской границы», из Н. Сада, Белграда.

Известно, что идея объединения болгар и сербов в это время носилась в воздухе. Однако был ряд существенных расхождений в понимании ее представителями различных болгарских социально-политических течений. Так, буржуазные круги эмиграции в Румынии, чьим представителем была «Добродетельная дружина», имели в виду создание общего государства под именем Болгаро-Сербия или Сербо-Болгария. Эта мысль нашла свое более отчетливое изложение в решениях Бухарестского собора 1867 г.¹ Оно имело в виду создание единого монархического государства, но с сохранением двух официальных языков, с двойным знаменем, монетой, двойным представительством в совете министров. Для Каравелова и Центрального революционного комитета, созданного им в 1869 г., характерны значительные отличия в понимании задачи. Каравелов стремился не к сербо-болгарскому, а к южнославянскому или даже общеполитическому федеративному союзу. Если «Добродетельная дружина» прямо говорила о «царстве», то комитет и Каравелов вопрос о государственной форме будущей федерации оставляли открытым.

В статьях, принадлежащих, несомненно, Каравелову и напечатанных несколько позже в газете «Свобода», мысль о «Дунайской федерации» повторяется многократно. Федерацию должны составить Болгария, Сербия, Румыния. В другом случае он расширяет состав ее, включая туда Боснию и Герцеговину, Черногорию, Македонию, Албанию.

В годы своего пребывания в Сербии Каравелов явился пропагандистом идеи федерации в сербской среде и, по свидетельству Скерлица, именно Каравелов распространил ее в сербских оmlадинских кругах².

Если, зная все это, мы обратимся к цитированной корреспонденции, то обнаружим в ней как раз те черты, которые были свойственны каравеловскому пониманию вопроса³.

Совершенно те же мысли, какие мы встречаем у анонимного корреспондента «С Балканов», развивает белградский корреспондент: «Все... южные славяне стремятся к одной цели — соединиться в одно политическое целое и образовать южнославянское государство под покровительством России. Славяне Балканского полуострова, наученные опытом и столько раз обманутые европейскими кабинетами, иезуитами и Наполеоном, пришли, наконец,

¹ Н. Станев. България под иго, стр. 334—335; М. Димитров. Комитет на Старите — «Добродетелната дружина». — Сб. «България 1000 г. (927—1927)». София, 6 г., т. 1.

² I. Скерлиц. Омладина и њена књижевност. Београд, 1906, стр. 258; Б. Певчев. Любен Каравелов, София, 1936, стр. 123.

³ Отличие заключается лишь в разной трактовке вопроса об отношении к России. Но думается, что, во-первых, не оно является предметом постановки вопроса, а во-вторых, оно свидетельствует об идейной эволюции Каравелова, вполне понятной после краха надежд на восстание в 1867 г. Вопрос этот здесь не может быть подвергнут дальнейшему рассмотрению, ибо он требует специального изучения в связи с другими отсутствующими у нас литературными материалами Каравелова. Во всяком случае возникает новая проблема, касающаяся развития политических взглядов Л. Каравелова, до сих пор не стоявшая перед его биографами.

к тому убеждению, что кроме России они не имеют доброжелателей и нигде не найдут помощи для борьбы с врагами. Сербские передовые люди, ученые и публицисты заговорили о славянском союзе, о своих нуждах, надеждах и начали обдумывать планы, чтобы выйти из своего незавидного положения. Болгары молчат, потому что им говорить нельзя, но готовятся и очень энергично к достижению общеславянской цели; черногорцы, хорваты, далматинцы, австрийские сербы, босняки и герцеговинцы все более и более сближаются с Сербией, и война будет неизбежна»¹.

Надо сказать, что мысль о Балканской федерации далеко не всегда сопровождается рассуждениями о пользе русского покровительства. Некоторые корреспонденции, содержащие первую, совсем лишены вторых². Это подтверждает наше соображение, что центр тяжести вопроса для Каравелова — в идее федерации и ни в чем другом. А что корреспондент, излагающий такие мысли, есть Каравелов, можно видеть из почти буквального совпадения текста одной корреспонденции в «Голосе» с письмом Каравелова Погодину.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ

«Шафарик — чех; его мало интересуют сербские дела, ему почти чужды интересы нации, которой он будет представителем; Г. Тодорович — человек, занимающийся совсем другими предметами. Что касается до г. Миличевича, то этот человек отчасти достоин своего назначения, хотя он никогда не выезжал из Белграда, образовавшись без посторонней помощи, самоучкою, и достиг трудами кое-чего; но все-таки и он не может быть представителем Сербии и сербов. Жаль, что не выбраны депутатами люди действительно знающие, ученые и истинно интересующиеся московской этнографической выставкою. Отчего не выбраны г. Сретькович и г. Бошковиц, профессора истории, которые специально занимаются этнографией славянских народов. Жаль, что не выбран г. Олимпий Васильевич, человек вполне ученый и знающий, который, побывав на московской выставке, принес бы пользу не только сербам, но и вообще славянскому миру. Наконец, отчего не выбран археолог, историк и географ г. Драгошевич? Могут сказать, пусть едут сами, но нет денег. Не надо бы азиатской роскоши обедов, а послали бы немного денег Сретьковичу и Васильевичу. Они учились в России, знают язык, передали бы московским братьям все, что необходимо им знать, и воротились бы оттуда вестниками»³.

ПИСЬМО

«Почему это не выбраны депутатами со стороны Сербии гг. Сретькович, Бошковиц, Драгошевич, как историки и этнографы; Олимпий Васильевич, Г. Влайкович и пр., как люди ученые и передовые; отчего, наконец, не выбран г. Дмитрий Мاستич, человек известный и любимый всеми сербами и вообще всеми южными славянами. Из избранных теперь депутатов только один Шафарик достойным образом может занять место представителя,

¹ «Голос», 1867, 4 мая, № 122.

² «Голос», 1867, 27 июля, № 205; 13 сентября, № 253.—Наличие колебаний в настроениях Каравелова относительно возможности успеха союза показывает корреспонденция в № 242 от 2 ноября 1867 г.

³ «Голос», 1867, 27 апреля, № 115.

да и он не серб, а чех, и никак не может быть представителем Сербии, ибо, как говорят, он слабо знает Сербию и сербов и занимается только своими науками. Тут, мне кажется, нужны народные люди, публицисты, но они не имеют средств»¹.

Каравеловым же является и «Софиянчанин», в корреспонденции которого имеются мотивы, повторяющиеся в одной из корреспонденций «Русских ведомостей» также, как увидим, принадлежавшей Каравелову.

Подпись Л. С. легко признать принадлежавшей Каравелову и раскрыть, как Любен Стойчев, подпись S.—Стойчев. Каравелов подписывается здесь одним отчеством или именем и отчеством.

Отождествить Каравелова с членом центрального комитета в Бухаресте мы не решаемся по отсутствию данных. Корреспонденции же из Белграда, из пунктов, указанных выше, Н. Сада, Ниша, мы считаем принадлежащими ему. Они окрашены чаяниями осуществления славянской федерации на Балканах и ожиданием скорого там восстания, в котором Сербия примет живое участие вместе с болгарями, герцеговинцами и др.

«Русские ведомости» 1867 г. на протяжении большей части года (с января по октябрь) печатали корреспонденции с Балканского полуострова. До конца сентября это были значительные по объему письма, помещавшиеся обычно вслед за передовой статьей. С № 112 (30 сентября) более краткие корреспонденции стали появляться в отделе «Иностранских известий». Корреспонденции помечены разными пунктами: Белград (9), Константинополь (8), Черногорская граница (2), Филиппополь (2), София (3), Свищев (1). Однако перечисленные пункты не всегда были местом действительного составления письма.

По содержанию корреспонденции распадутся на три группы. В первую относительно корреспонденции с пометой: Белград, Черногорская граница, Филиппополь. Во вторую — с пометами София, Свищев. В третью — остальные с пометой Константинополь.

Различие этих групп состоит в следующем.

Корреспонденции первой группы все пронизаны единством отчетливо выраженной мысли. Здесь высказывается надежда, что Сербия не согласится на мирное решение вопроса о крепостях. «Ей нужны не крепости; ей нужна полная независимость, как стране, стоящей во главе южных славян»². От имени христианского населения Турции автор заявляет, что обмануть христиан хатти-шерифами не удастся. «Нам нужна война, другого исхода мы не видим». В следующем письме (от 18 февраля) автор, говоря о событиях в Турции, усматривает в них признаки приближения поголовного восстания христиан³. Спустя месяц (12 марта) он открывает еще один пункт своей программы: это — образование «южнославянского государства на конфедеративных началах»⁴. В следующем письме (от 21 марта) облик балканской федерации дорисовывается в следующих чертах: «все южные славяне мечтают только об одном: слиться воедино и обеспечить свою будущность на твердых национальных началах. Мы видим и понимаем, что жить каждому отдельному славянскому государству своей независимой политической жизнью — невозможно. Нам необходим самый тесный союз, на самых широких основаниях и притом не иначе, как под по-

¹ Центр. Гос. литархив. Фонд Погодина № 9231/094—696. Письмо от 27.IV.1867.

² «Русские ведомости», 1867, № 23.

³ Там же, № 25.

⁴ Там же, № 33.

кровительством России»¹. Те же мысли содержит и более позднее письмо (20 июля) «с Черногорской границы», где также говорится об идее южнославянского единства и ее популярности среди различных народов полуострова².

Не может быть сомнений, что автор этих корреспонденций — болгарин. В письме от 6 января 1867 г. он называет уполномоченных болгарской константинопольской общины «нашими» представителями. Он находится в сношениях с болгарским тайным центральным комитетом в Бухаресте³. Правда, он иногда пытается выдать себя за серба, называя Гарашанина «нашим» министром иностранных дел⁴, но такие примеры единичны. И что он не серб, видно из полного невнимания его к сербским вооружениям и подготовке Сербии к борьбе против Турции. Из всех вопросов сербской политической жизни этой поры автор интересуется только вопросом о судьбе крепостей, поскольку они могли оказать влияние на позицию Сербии и решить вопрос: быть или не быть ее вооруженному выступлению. А с точки зрения перспектив болгарского восстания это был основной вопрос. Для него характерно дружественное расположение к России и уверенность в выгодности ее внешней политики для балканских народов. Отвечая на обвинения России в поддержке греческой церкви, в противодействии борьбе угнетенных народов Турции, автор говорит: «Если Россия и преследует какие-нибудь цели на Востоке, то мы первые готовы помочь ей, как стране, искренно желающей нам добра»⁵.

Автор глубоко убежден в единстве интересов сербского и болгарского народов, хотя и не убежден в полном единстве сербского народа и правительства⁶. Отвергая попытки противников единства южных славян расколоть болгар и сербов, автор заявляет, что узы, связывающие их, «неразрывны и вековечны». «У нас одни интересы, один взгляд на вещи, одна любовь к России. Сербы ничего не сделают без болгар, как мы ничего без них не сделаем. Вам это не нравится; вас страшит, вам противно единение, хотя и в будущем, южнославянских племен; но знайте, что оно, рано или поздно, состоится наперекор вашему Наполеону и вашим иезуитам»⁷.

Вторая группа корреспонденций посвящена чисто болгарским вопросам. Их задача — показать положение в Болгарии, для которого существен рост народного восстания, и слабость Турции. Так, письмо «из Софии» (от 15 мая) начинается восклицанием: «Наконец и для Турции наступил черный день, который едва ли не будет одним из последних!», и эта надежда подкрепляется уверенностью, что турки дерутся неохотно и вяло, сознавая свое бессилие и невозможность совладать с повстанцами⁸. Письма этой группы рисуют репрессии и бесчинства турок — арест основателя

¹ «Русские ведомости», 1867, № 38.

² Там же, № 92.

³ Там же, № 50.

⁴ Там же, № 77.

⁵ Там же, № 50.

⁶ В корреспонденции от 20 июня автор отмечает «упорство политики Гарашанина» (№ 77), раньше же (18 апреля) он сетовал: «Сербия много обещала, много обнадееживала; но все это кончилось одними словами. Она вступила в мировую сделку с нашим общим врагом (имеются в виду переговоры о сербских крепостях.—С. Н.). Мы все ждали из Сербии сигнала, но сигнала не последовало и нам приходится действовать одним» (№ 50). Мотивы недовольства Сербией звучат в корреспонденциях «Голоса», 1867, 21 октября, № 242; 25 октября, № 295.

⁷ «Русские ведомости», 1867, № 50. Те же мысли в № 58, 92.

⁸ Там же, № 62.

софийского училища Дм. Трайковича, убийство священника из села Драгашова¹, рост болгарского национально-освободительного движения и уход все новых повстанцев из городов и сел в леса и горы².

Автором этой группы корреспонденций является также болгарин, связанный с жизнью родной страны и осведомленный о положении в ней. Факты, приводимые им, повидимому, заимствованы из сообщений местных жителей, и для придания им должного колорита сохранены — так можно думать — подлинные выражения источников корреспондента «Русских ведомостей». Так, применительно к Софии говорится о губернаторе «нашего города»³, «нашем городском паше»⁴ и пр. Правда, не исключается возможность и того, что подобные выражения введены самим составителем текста, который, как мы полагаем, был отличен от лица, сообщившего факты.

В корреспонденциях третьей группы рисуется состояние Турции. Если для первых двух групп характерно то, что они составлены по личным наблюдениям или на основании писем и сообщений, то значительная часть известий из Константинополя производит впечатление сводки газетных и иных сообщений. В одном случае это прямо указано: «Все эти сведения мы заимствовали из турецких официальных источников»⁵. В другом письме сохранились явные извлечения сведений из какого-то источника, вероятно из газет, так как письмо начинается словами: «Омер-паша сообщает нам от 6 июля из Сфакии, что наши войска... разбились... инсургентов...», а дальше следует отрывочный подбор сведений, относящихся к разным местностям⁶. Иногда сообщаются данные устной традиции⁷. По своему содержанию рассматриваемая группа корреспонденций посвящена доказательству тезиса о тяжелом положении Турции. Об этом говорит на совещании министров Фуад-паша⁸, об этом свидетельствует рассказ о трудном положении офицеров и солдат в связи с уменьшением жалованья всем служащим⁹. Нет единства в политике турецких государственных деятелей, одни из которых (Фуад-паша) душою и телом преданы Англии, а другие (Али-паша) — Франции¹⁰, а между тем болгарские инсургенты усиливаются и энергично действуют против неприятеля¹¹.

Автор всех этих сообщений — болгарин. Из бурных событий 1867 г. его гораздо больше интересует ход повстанческого движения в Болгарии, чем события на Крите, которых он касается лишь вскользь. 20 мая он пишет: «Вся османская столица объята страхом, вследствие восстания болгар и эпитротов...», а в дальнейшем говорит почти исключительно о Болгарии¹². Корреспонденцию от 31 мая он начинает изложением положения на Крите, но, сказав о нем всего несколько фраз, сосредоточивает затем все внимание на положении в болгарских областях¹³. Такое же преобладание

¹ «Русские ведомости», 1867, № 78, 99.

² Там же, № 65 и 78.

³ Там же, № 62.

⁴ Там же, № 78.

⁵ Там же, № 65.

⁶ Там же, № 73.

⁷ Там же, № 112, 83.

⁸ Там же, № 112.

⁹ Там же, № 101.

¹⁰ Там же, № 86.

¹¹ Там же, № 73.

¹² Там же, № 65.

¹³ Там же, № 73.

болгарских тем легко заметить и в других письмах¹. Повидимому, есть все основания сближать его с автором константинопольских корреспонденций 1866 г., в которых, при наличии сведений о положении различных народов, подчиненных Турции, всегда преобладал интерес к жизни Болгарии².

Итак, корреспонденции 1867 г. с Балканского полуострова распадаются не на три группы, как казалось при первоначальном рассмотрении материала, а всею на две. И это членение определяется наличием двух авторов их. Одному принадлежат статьи, помеченные Белградом, Черногорской границей и болгарскими городами; другому — письма из Константинополя. Оба — болгары, но первый — убежденный сторонник балканской федерации, должествующей находиться под русским покровительством; второй, собирая факты, рисуящие слабость Турции, внутренние неурядицы в ней, так же не проводит в своих писаниях определенной политической программы, как не делал этого и константинопольский корреспондент 1866 г. Могут возразить, что письма помечены разными пунктами. Однако этот вопрос, общий для корреспонденций и «Голоса» и «Русских ведомостей». Корреспонденции помечены разными пунктами не потому, что они оттуда исходили, а в силу других причин. Может быть, это объясняется редакционными соображениями, стремлением показать широту своей информации. Может быть — и вероятнее всего, поскольку одни и те же географические обозначения встречаются в обеих газетах, — это выдумка автора, желавшего доказать редакции свое усердие указанием разных пунктов, где в действительности он не был. Может быть — стремлением замаскировать свое сотрудничество в газете. Что все корреспонденции принадлежат одному лицу, можно подтвердить добавочными соображениями. Большое место в рассматриваемых письмах отводится польской эмиграции³. Внимание автора в особенности сосредоточено на двух фигурах: бывшем диктаторе польского восстания 1863 г. Лангевиче и на Чайковском (Садык-паше). Сообщение из Белграда (9 апреля) подробно излагает часть составленного Лангевичем проекта преобразования Турции, касающуюся польской эмиграции, и указывается на необходимость для Оттоманской империи, в целях ослабления России, использовать Польшу как орудие против нее⁴. На происки Лангевича и его связи с иезуитами указывает письмо из Софии⁵.

Стилистически корреспонденции «Голоса» и «Русских ведомостей» неоднородны. Но это неудивительно. Известно, что редактор второй из этих газет, Скворцов, имел обыкновение стилистически нивелировать корреспондентский материал. Действительно, будем ли мы читать константинопольского или белградского корреспондента «Русских ведомостей», мы увидим вполне одинаковые стилистические приемы. От них отличаются корреспонденции в «Голосе», где — мы полагаем — напечатан текст, принадлежащий самому Каравелову, а не редакции газеты. Приведенные выше сопоставления корреспонденции с письмом Каравелова убеждают в этом.

Итак, автор корреспонденций «Русских ведомостей» — болгарин. Он жил в Белграде, что видно из характера белградских писем: они передают личные встречи, разговоры, наблюдения. В них всегда чувствуется очевидец. В 1867 г. в столице Сербии было немало болгар, тем не менее мы можем определить автора рассмотренных корреспонденций не менее точно, чем

¹ «Русские ведомости», 1867, № 112.

² Там же, 1866, № 76 (30.VI), 83 (16.VII), 104 (3.IX) и др.

³ Эта тема, как мы видели, затрагивается и корреспондентом «Голоса».

⁴ «Русские ведомости», 1867, № 47.

⁵ Там же, № 62.

делали выше в отношении «Голоса». В марте 1869 г., после освобождения из тюрьмы, Любен Каравелов просил М. П. Погодина помочь ему в получении денег из изданий, где он сотрудничал. В числе этих изданий названы «Русские ведомости»¹. Биографическая справка, относящаяся ко времени пребывания Каравелова в Белграде, позволяет установить следующее: он уехал из Москвы в 1867 г. в Белград, где жил до мая 1868 г.; после убийства кн. Михаила (20 мая 1868 г.) Каравелов уехал в Венгрию, где и был арестован. Под арестом он пробыл до 4 января 1869 г.²

Эти дополнительные данные вполне подтверждают соображения, изложенные нами выше.

Судя по отводившемуся сообщением Каравелова месту в русских газетах, по частоте появления там его корреспонденций, они охотно принимались редакциями и нередко использовались в передовых статьях газет. Каравелов ни в коей мере не приспособлялся к русскому читателю: он выражал свои душевные мысли о славянской федерации на Балканах. Соображения о желательности русского покровительства встречаются в обеих газетах, составляя, очевидно, существо взглядов Каравелова этого времени. Это и не удивительно, если помнить сильное славянофильское влияние, испытанное Каравеловым в Москве, проявившееся в других одновременных литературных выступлениях³. Своими корреспонденциями он популяризировал идею балканского союза в России. Редакционные статьи ему помогали в этом.

Между тем события, совершавшиеся на Балканах, гораздо в большей степени захватывали Сербию, чем Болгарию. Во всяком случае, на протяжении данного десятилетия они гораздо более выдвигали на первый план Сербию в качестве центра освободительной борьбы, чем Болгарию, — одну из ее участниц. Тем не менее русская печать опирается на информацию, идущую от болгар, а не от сербов. И это объясняется уже привычными старыми связями с болгарами, гораздо более крепкими и постоянными, чем связи с сербами.

Надо сказать, что идея создания объединенного Балканского государства была очень распространена в 60-х — 70-х годах XIX в. среди представителей разных течений южнославянской общественно-политической мысли. Но реальное содержание этих идей было у разных деятелей неодинаково. Если великосербские шовинисты представляли себе такое объединение в форме присоединения других славянских народов к Сербскому государству под главенством сербской династии Обреновичей, болгарские революционеры видели в федерации прежде всего орудие освобождения от турецкого гнета, орудие освободительной борьбы. Такими целями объясняется и предлагаемая Каравеловым широта объединения. В понимании этого вопроса рядом болгарских деятелей крылась идея самостоятельной борьбы балканских народов, без какого-либо участия великих держав, чтобы балканские народы смогли сохранить завоеванную свободу. Идея балканской федерации продолжала существовать и в XX в. Социал-демократические партии балканских стран в 1910 г. выдвинули лозунг создания «федеративной балканской республики». В. И. Ленин дал высокую оценку этому лозунгу: «Сознательные рабочие балканских стран, — писал он в своей статье «Новая глава всемирной истории», — первые выдвинули лозунг последовательного демократического решения национального вопроса на Балканах. Этот лозунг:

¹ Центр. Гос. литархив. Фонд Погодина 8 9231/094—696.

² И. Г. Клиничаров, Любен Каравелов, София, 1923, стр. 83.

³ См.: «Южнославянская библиография», ЖМНП, 1862, ч. 138, стр. 882, 891 и др.; П. Пенев, Ук. соч., стр. 99.

федеративная балканская республика»¹. В. И. Ленин подчеркивал революционное, прогрессивное значение лозунга балканской федерации для того времени. В наши дни этот лозунг был вновь воскрешен, но уже не в его революционной форме, а в форме, близкой той, как его понимали сербские буржуазные шовинисты 60-х годов XIX в. Его сформулировал палач югославских патриотов, продажный наймит американского капитала, диктатор Югославии Тито. В его варианте вновь исчезло равенство народов, что хорошо видно на примере югославской политики в отношении Албании, Болгарии и других соседних стран. Недаром титовские агенты Джилас, Кардель сговаривались с предателем болгарского народа. Т. Костовым о присоединении Болгарии к Югославии, используя для этой цели популярную идею федерации южных славян.

Но эти планы подчинения Балканских стран путем объединения с Югославией интересам уолл-стритовских воротил ничего общего не имеют с пониманием Балканской федерации Каравеловым.

Отмечая интересный и важный факт сотрудничества Каравелова в «Голосе» и «Русских ведомостях», не следует преувеличивать его значения в плане характеристики прочности балканских связей и налаженности балканской информации. Сотрудничество Каравелова в газетах было сравнительно коротким эпизодом. Оно прекратилось в 1868 г., а вместе с тем и информация газеты в значительной степени обеднела. Нового корреспондента в Белграде газеты не завели и остались в том же положении, как до 1867 г., когда они получали немногие сведения из Константинополя, Вены.

Относительно «Голоса» следует отметить и другой факт. Это — кратковременное сотрудничество в редакционном аппарате газеты названного выше Ж. Жуйовича, искавшего заработка в пору своей жизни в Петербурге. Это сотрудничество относится к 1864 г., когда Жуйович переводил различные материалы для славянского отдела газеты, составлял оригинальные и компилятивные заметки и статьи. Повидимому, работа Жуйовича в газете была непродолжительной, так как издатель — А. А. Краевский платил ему совершенно ничтожный гонорар².

Другие центральные газеты не уделяли такого внимания Балканам, как названные, хотя помещали статьи по вопросам, связанным с Балканами, и некоторые из них временами имели корреспондентов в тех или других странах. Так, например, «С.-Петербургские ведомости» имели в 1867 и в 1870 гг. корреспондента в Белграде. Характер его сообщений либеральный, он не раз нападает на консервативных министров Гарашанина, Н. Христича, пытается выдавать себя за серба, пишет о военной подготовке Сербии и обсуждает возможную помощь России. Но мы полагаем, что он напрасно пытался выдать себя за серба. Этим корреспондентом «Ведомостей» в 1867 г. был тот же П. А. Ровинский, который подвизался в этой роли и в 1870 г.

Как видно из писем Ровинского А. Н. Пышину, редакция «С.-Петербургских ведомостей» печатала далеко не все корреспонденции, посылавшиеся Ровинским из Белграда. То, что печаталось, подвергалось редакционной обработке и правке, иногда сокращениям. Сам Ровинский чувствовал себя в трудном положении. «Я должен защищать сербское правительство, с одной стороны, чтобы не выставить его в дурном свете перед Европой, — писал Ровинский Пышину 20 апреля (2 мая) 1868 г., т. е. почти накануне убийства князя Михаила Обреновича, — с другой, чтобы не сеять внутрен-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 340.

² Публ. биб-ка им. Салтыкова-Щедрина. Рукоп. отд., фонд А. А. Краевского, переписка (Д-К), л. 211.

ней вражды, не производить еще большего разлада, который и без того достигает значительной степени». В то же время он стремился в своих письмах в газету, шедших обычным путем, достигнуть того, чтобы они передавали действительное положение и позволяли понять его читателю. «В последней моей корреспонденции вследствие этого в конце совершенно некстати и даже глупо прибавлена фраза: повторяю, что реформы должны произведены (так! — С. Н.) радикальные и очень скоро». Автор хотел этой фразой сказать, что положение Сербии требует реформ, но правительство их не хочет. «Могут быть важные перемены, но не реформы, на что собственно мне и хотелось указать»¹.

Из провинциальных газет следует назвать «Одесский вестник», который уделял большое внимание балканским, в частности болгарским, делам. Наличие значительного болгарского населения в Одессе облегчало возможность получения постоянной информации из-за Дуная. Одесская колония имела связи с болгарскими эмигрантами в Румынии и с константинопольской болгарской общиной. С этими пунктами и был связан «Одесский вестник». Он имел корреспондента в Константинополе, получал письма «С берегов Дуная», иногда анонимные, иногда подписанные псевдонимом — Иван Русопетов². В газете участвовали болгарин Каракановский — служивший в русском посольстве в Константинополе, Заховский, писавший по церковному вопросу, и некоторые лица, фамилии которых не поддаются раскрытию.

Все изложенное выше с очевидностью показывает, что в отличие от журналов, плохо связанных или совсем не связанных с Балканским полуостровом, русские газеты разных направлений давали достаточно богатую информацию, поступавшую от собственных корреспондентов. Состав последних обычно был непостоянным; объем информационного материала различался в разные годы: он резко возрастал в критические годы и уменьшался в период затишья, обнаруживая конъюнктурно-политический характер интересов русской печати к балканским вопросам.

Среди русских корреспондентов часто встречаем дипломатических и консульских чиновников и ученых. Но основное место среди зарубежных сотрудников занимали болгары; сербов было значительно меньше. Это отражало наличие твердо сложившихся уже традиций русско-болгарских связей и гораздо менее тесных отношений с сербами. Неудивительно поэтому, что болгарские вопросы находили себе наибольшее отражение на страницах русской печати и что в освещении их доминировали точки зрения соответствующих болгарских течений. Корреспонденции русских газет достаточно вводили своих читателей в понимание подлинных устремлений и точек зрения южных славян, болгар в особенности. Для последних же русская печать являлась удобным средством популяризации их освободительной борьбы.

В отношении осведомления русского читателя о балканских делах следует отметить улучшившуюся ко второй половине 60-х годов постановку информации в славянофильской прессе и хорошую, но случайную, в либеральных газетах. «Голос», «Русские ведомости», «Москва», «Одесский вестник» были в 1860-е годы наиболее осведомленными и тесно связанными с балканскими органами печати. В борьбе за лучшую информацию и связь со славянами славянофильской «Москве» не удалось добиться монополии.

¹ Центр. Гос. лит. архив ГАУ МВД СССР, фонд А. Н. Пыпина (395). Письма Ровнинского (№ 341), л. 7—8.

² Псевдоним К. Н. Леонтьева. См. письма П. Ровнинского А. Н. Пыпину в фонде последнего, хранящемся в ЦГЛА ГАУ МВД СССР.

И. С. Достян

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В СЕРБСКОЙ ДЕРЕВНЕ
НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ 1804 г.**

ВВЕДЕНИЕ

«Турецкие ассимиляторы,— писал И. В. Сталин,— наиболее жестокие из всех ассимиляторов,— сотни лет терзали и калечили балканские нации, но они не только не добились их уничтожения, а оказались вынужденными капитулировать»¹.

В течение почти пяти веков славянские народы Балканского полуострова томились под игом турок. Несмотря на тяжелый режим, который установили завоеватели в покоренных странах, славянские народы и в рамках Османского государства сохранили сознание национального единства, готовность к борьбе за освобождение. Уже с конца XVI в. в разных частях Турции, в том числе и на Балканах, поднимается волна народных восстаний. Спротивление покоренных народов растет, выливаясь в различные формы. Особенно усиливается национально-освободительное движение с конца XVIII в.

В конце XVIII в. наступают большие изменения в социально-экономических отношениях Сербии.

Рост национально-освободительного движения сербов и других покоренных народов Балканского полуострова в это время знаменовал собой новый период в истории всех этих народов и был обусловлен началом формирования капиталистических отношений и образования нации. В 1804 г. в северной части Сербии — Белградском пашалыке, начинается массовое организованное восстание против турецкого ига. В результате продолжительной кровопролитной борьбы и благодаря помощи России северная часть Сербии была превращена в полунезависимое Сербское княжество.

Экономическая и общественно-политическая основа борьбы сербов за национальную свободу почти совсем не изучена. На эту тему нет ни одной работы советских историков. До сих пор еще не предпринято настоящих попыток разработать марксистскую периодизацию исторического процесса развития различных частей Югославии в новое время.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 347.

Изучение социально-экономических отношений в Сербии перед восстанием 1804 г. имеет первостепенное значение, так как особенности и характер экономического и общественного развития сербов в XIX в. нельзя понять, не изучив предварительно периода, предшествовавшего освобождению.

Югославские историки, находящиеся на службе у Тито, в угоду националистической, проамериканской политике врагов югославского народа — титовцев, умышленно искажают историю Югославии.

Восстание 1804 г. — одна из героических революционных страниц истории сербского народа. Свободолюбивые народы Югославии на протяжении столетий вели борьбу против национального и классового угнетения, с громадным трудом добываясь права на свободу и независимость. Тито и его банда изолировали Югославию от братского Советского Союза и стран народной демократии, уничтожили все демократические свободы в стране, лишили свой народ свободы и независимости, которую он получил из рук Советской Армии, вовлекли страну в американо-английский империалистический блок. И теперь, в тяжелое для всех честных югославов время, воспоминание о героическом прошлом своей родины, о борьбе крестьян с феодалами, национальными поработителями должно укреплять решимость югославского народа подняться на борьбу против клики Тито, предавшей интересы своего народа и перешедшей в лагерь империализма.

* * *

Круг источников, позволяющих исследовать характер социально-экономических отношений в Сербии перед восстанием 1804 г., довольно скуден.

От времени турецкого владычества сохранилось мало документов для изучения истории южных славян.

Источников, относящихся к концу XVIII — началу XIX в., опубликовано несколько больше, чем по предшествующему периоду. Однако большинство из них интересно лишь для изучения политической истории Сербии.

Эти источники в основном начали публиковаться в Сербии с 40—50-х годов XIX в. Так, в литературных сборниках под названием «Голубица», начавших выходить в 1839 г., были опубликованы различные документы, относящиеся к началу XIX в.: прошения сербов турецкому правительству, переписка сербских деятелей, известие о Сербии русского офицера, побывавшего там, и т. д.

Большое количество отдельных исторических материалов по этому времени публиковалось и в «Гласнике српској словесности», выходившем с 1847 г. и позднее переименованном в «Гласник српског ученог друштва».

С 1890 г. в Белграде началось издание «Споменика» (II разряда), периодического издания, специально предназначенного для публикации исторических материалов. В «Споменике» печатался всевозможный архивный, актовый материал, переписка различных сербских деятелей, мемуары современников и т. д. Наибольший интерес из всех этих публикаций представляют «Военно-географические описания Сербии», составленные в 1783—1784 гг. четырьмя немецкими офицерами, путешествовавшими по Сербии с разведывательными целями. Отчеты и дневники этих офицеров были извлечены из Венского военного архива Д. Пантеличем¹.

¹ Војно-географски описи Србије пред Кочину Крајину. Саопштио Д. Пантелић, «Споменик» LXXXII (64), Београд, 1936.

Важными для данной работы оказались также переведенные с турецкого Байрактаровичем документы, хранящиеся в монастыре св. Троицы около Плевля, большая часть которых имеет отношение к землевладению¹.

Со второй половины XIX в. и в XX в. появляются специальные публикации источников, относящихся к концу XVIII в. и главным образом ко времени восстания. Среди них — публикации материалов из венского и парижского архивов. Это «Исписи из французских архива» И. Павловича², «Грађа за историју првог српског устанка, Исписи из парижских архива» М. Гавриловича³, и, наконец, более позднее и самое обширное издание материалов о восстании, извлеченных из венского архива Ивичем⁴. Однако громадное большинство этих документов интересно лишь для изучения политической истории Сербии в начале XIX в.

Из опубликованных документов венских архивов важны также приложения к монографиям Д. Пантелича «Кочина Крајина» и «Београдски пашалук после Свиштовског мира», в которых имеются, например, интересные данные о хозяйстве сербов, оставленном ими на родине при переселении в Австрию, донесения австрийских агентов о реформах, проведенных турецким правительством в Сербии в 1793—1796 гг.

Одним из основных видов источников, использованных в данной работе, были различные описания, записки, мемуары современников. Пользоваться такого рода источниками пришлось с большой осмотрительностью. Все эти описания, воспоминания, мемуары написаны необъективно, подчас умышленно искажают действительность. Несмотря на это, они дают и интересный материал, который при научном анализе, сопоставлении с другими источниками, вполне может быть использован.

Самыми важными и обширными из такого рода источников являются произведения одного из деятелей национального возрождения в Сербии, создателя литературного сербского языка Вука Степановича Караджича.

В 1818 г. Караджич написал «Српски ријечник»⁵ — первый толковый словарь сербского языка, давая в нем латинский и немецкий переводы сербских слов. В этом словаре Караджич подробно объясняет многие сербские слова, ставя своей целью показать особенности жизни сербского народа. Из «Српског ријечника» Караджича можно почерпнуть ряд ценных сведений, характеризующих социально-экономические, аграрные отношения в стране, классовые противоречия перед восстанием 1804 г.

В 1826 г. В. Караджич начал издавать в Вене на сербском языке журнал «Даница» («Заря») — «Сборник для развлечения». В «Данице» за 1827 г. Караджич напечатал свою работу «Географическо-статистическое описание Сербии», в которой он описывает и общественные отношения в Сербии до восстания 1804 г.

Караджич характеризует жизнь Сербии по своим собственным впечатлениям, описывает события, которые он видел собственными глазами, был участником их. Иногда Караджич использует и народные предания, рассказы очевидцев. Исторические работы Караджича о конце XVIII — начале XIX в., пожалуй, самый богатый и ценный источник для изучения социально-экономических отношений Сербии данного времени. Вук Караджич

¹ «Споменик», LXXIX (62), Београд, 1935.

² «Споменик», II (1), Београд, 1890.

³ М. Гавриловић. Грађа за историју првог српског устанка, Београд, 1904.

⁴ А. Ивић. Списи бечких архива о првом српском устанку, кн. 1—5. «Зборник за историју, језик и књижевност српског народа», отд. II, кн. VIII, Београд, 1935—1938.

⁵ В. Караджичић. Српски ријечник, изд. 1-е, 1852, изд. 2-е — 1898, изд. 3-е — 1936.

как просветитель, пропагандист национальной сербской культуры первым попытался всесторонне осветить особенности жизни и быта сербов.

Правда, он не всегда объективен. Описывая жизнь народа под властью турок, Караджич подчас упрощает общественные отношения. Пропагандируя национальную сербскую культуру, идеализируя самобытность народной жизни, Караджич преувеличивает патриархальность быта сербских крестьян. Преуменьшая силу классовых противоречий перед восстанием, он иногда искажает действительность. Все это приходится учитывать, используя произведения В. Караджича как исторический источник, и относиться к сведениям, сообщаемым им, критически.

Классовой тенденциозностью, необъективностью страдают все мемуары и воспоминания сербских государственных и политических деятелей. К тому же в них обычно содержатся незначительные сведения по социально-экономическим вопросам. Наиболее интересными мемуарами являются «Мемоари» протоиерея Матия Ненадовича¹ и «Автобиография» Мильвана Видаковича². Воспоминания Ненадовича и Видаковича содержат более важный и достоверный материал по сравнению с мемуарами других современников. Конечно, оба эти автора также не всегда объективно описывают события, путают детали, которые уже ускользнули из их памяти, так как воспоминания эти писались несколько десятилетий спустя после описываемых событий.

Из остальной мемуарной литературы определенный интерес для изучения социально-экономических отношений представляют «Географске белешке о Турској митрополита С. Стратимировића из години 1803 и 1804»³, которые дают интересный материал о положении Неготинской Крайны при турках, системе управления в ней, налоговом обложении и т. д., «Опис турских области, а у нима хришћанских народа, а нарочито народа српског, составлен в 1771 српским патриархом В. Бркићем»⁴, который дает некоторые сведения о хозяйстве Сербии в это время, и др.

Усилившийся интерес к Турции во второй половине XVIII в. вызвал появление в печати целого ряда описаний Турции, ее европейских провинций путешественниками и дипломатами. Но, как замечают Маркс и Энгельс, «эти господа нисколько не интересовались народом, учреждениями и социальным состоянием страны...»⁵.

Большинство этих мемуаров написано без достаточного знания турецкой жизни и посвящено описанию сераля, гаремов, религии и быта турок. Все же некоторые труды путешественников позволяют представить общую картину условий жизни в Европейской Турции в конце XVIII в. Пожалуй, самым интересным из такого рода источников является труд французского ученого Оливье, ездившего в 1792—1798 гг. с экономической миссией в Тегеран. Оливье останавливается на характеристике хозяйства, торговли, аграрных отношений в Турции в конце XVIII в.

О торговле Европейской Турции имеется ряд интересных сведений в труде французского консула в Греции Божура⁶.

Таковы основные виды источников, которые были в распоряжении автора. Они не всегда полноценны и достоверны, ряд из них нуждается в особенно критическом подходе и проверке другими материалами. Эти источники

¹ Мемоари проте Матије Ненадовића, Београд, 1893.

² «Гласник», кн. XXX, Београд, 1871.

³ «Споменик», кн. XXXIX (35), Београд, 1903.

⁴ «Споменик», кн. X (9), Београд, 1899.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 387.

⁶ F. Beaujour. Tableau du commerce de la Grèce, t. 1—2, P., 1800.

неполны и оставляют много пробелов, не позволяя разрешить ряда проблем социально-экономической истории изучаемого времени. Но все это не дает основания отказаться от исследования социально-экономической истории Сербии перед началом национально-освободительной борьбы в 1804 г. по тем материалам, которые имеются в наличии и на увеличение количества которых едва ли можно рассчитывать в ближайшее время.

Незаменимым руководством для автора были труды классиков марксизма-ленинизма. Высказывания классиков марксизма об общине, об особенностях феодальных отношений, о процессе развития капитализма, а в особенности работы Ленина по крестьянскому вопросу в России в XIX в. и его замечательный труд «Развитие капитализма в России» помогают понять многие стороны социально-экономической истории Сербии.

Автор учитывал работы советских ученых, посвященные истории феодальной формации, ее разложению, становлению капитализма в России и западноевропейских государствах.

* * *

Социально-экономическая история Сербии во время турецкого господства совершенно не изучена. Мало исследованы и особенности феодальных отношений самой Турции в XV—XVIII вв. Из работ советских историков изучению феодальных отношений в Турции посвящено лишь три статьи И. Соколова, имеющих ряд методологических недостатков¹, и небольшая работа Валуевского «Феодальный строй Турции в XV—XVI вв.» (М. 1939, стеклогр.)

Научно-популярная работа А. Ф. Миллера «Краткая история Турции» лишь бегло касается истории развития феодальных отношений в Турции в XVI—XVIII вв. В вводных главах книги «Мустафа паша Байрактар» А. Ф. Миллер также останавливается на характеристике социально-экономических отношений в Турции в конце XVIII в.² Однако феодальные отношения не являются темой его исследования.

Кроме того, имеется работа А. Тверитиновой, посвященная одному из крестьянских восстаний в Турции в начале XVII в.³ В вводных разделах этой книги также дана краткая характеристика аграрных отношений в Турции в конце XVI — начале XVII в.

Изучением особенностей феодальных отношений в Сербии во время турецкого господства из буржуазных ученых впервые серьезно занялся известный сербский филолог и историк Стоян Новакович.

В статье «Прониари и баштиники (спахии и читлук-сахибии)» Новакович проводит параллель между этими социальными группами и стремится доказать полную аналогию средневековых сербских прониаров с турецкими спахиями, а баштинников с читлук-сахибиями⁴. Нет нужды говорить, что проведение такой аналогии между социальной группой, появившейся в Сербии в XVIII в., и средневековыми баштинниками, совершенно непра-

¹ И. Соколов. Земельные отношения в Турции до танзимата. Журн. «Новый Восток», 1924, № 6; Его же. Земельно-податное обложение в Турции до танзимата. «Новый Восток», 1925, № 8—9; Его же. Быт крестьян в дореформенной Турции. «Новый Восток», 1926, № 13.

² А. Ф. Миллер. Мустафа паша Байрактар, М., 1947.

³ А. Тверитинова. Восстание Кара-Языджи-дели-Хасана в Турции. Л., 1946.

⁴ «Глас», кн. 1. Београд, 1887.

вильно. Читлук-сахибийские отношения в Сербии во второй половине XVIII в. явились результатом совершенно иных процессов в социально-экономическом развитии. Формально-юридический подход к решению ряда вопросов приводит Новаковича к преуменьшению значения феодальных функций спахивев. Он не всегда учитывает, что фактические права спахивев были шире, чем это официально признавалось законодательством.

Устанавливая сходство общественных отношений в Сербии до и после завоевания, Новакович утверждает, что турки ничего не изменили в общественном строе Сербии. Он признает, что с приходом турок произошла смена господствующего класса, хотя частично сохранились старые власти и властелины, что все права баштенников перешли к султану, а права проиаров к спахиям. Он считает, что положение крестьян осталось прежним, так как новые налоги были аналогичны старым¹.

Определяя права, которые имели крестьяне на обрабатываемую землю, Новакович не вскрывает в полной мере феодальный характер земельной собственности в Сербии под властью турок, не показывает, насколько непрочными были права крестьян на их землю. Несмотря на все указанные недостатки, свойственные работам Новаковича как буржуазного ученого, он пытается вскрыть феодальный характер общественных отношений в Сербии при турках, и это является его несомненной заслугой.

Другой сербский историк начала XX в., Милан Комадинич, в своей работе «Аграрно-правни односи Нове Србије» исследует земельные отношения в области Южной и Старой Сербии². Историческая часть этого труда не построена на привлечении широкого круга источников. Утверждения автора обычно недостаточно подкрепляются материалами источников. Это снижает научную ценность работы Комадинича, который в ряде вопросов высказывает правильные взгляды. Для Комадинича не подлежит сомнению, что спахии — феодалы, подобные средневековым сербским проиарам³. Он правильно считает, что общественные функции спахивев всегда носили феодальный характер, к тому же расширялись с течением времени, выходя далеко за рамки официально признаваемых за спахиями прав⁴. Показывая изменения в феодальных отношениях Турции в течение XV—XIX вв., Комадинич делит историю развития Турции в это время на два периода, начиная второй период с конца XVI в.⁵ Во втором периоде, по мнению Комадинича, появляется «барщина и подчинение крестьян»⁶. К сожалению, Комадинич не аргументирует выдвинутых им положений и не может дать марксистского определения стадии развития турецкого феодализма. Он неправильно представляет процесс возникновения феодальных отношений в Турции⁷. Он пытается показать влияние ислама на турецкие общественные отношения, стремясь обосновать возникновение общественных институтов турок «влиянием религии и психики».

Все эти недостатки работ Новаковича и Комадинича объясняются прежде всего методологической слабостью указанных авторов, не владевших марксистским методом.

¹ С. Новаковић, Турско царство пред српски устанак, Београд, 1906, стр. 135.

² М. Комадинић, Аграрно-правни односи Нове Србије, Београд, 1914.

³ Там же, стр. 53.

⁴ Там же, стр. 54—55.

⁵ Там же, стр. 26.

⁶ Там же, стр. 26, 27.

⁷ Там же, стр. 28.

Исправлены ли были эти недостатки работ Новаковича и Комадинича последующими историками?

Югославские историки в 20—30-х годах XX в. не только не продвинулись вперед в изучении феодальных отношений в Сербии до освобождения, но в некоторых отношениях сделали даже шаг назад по сравнению с Новаковичем и Комадиничем. Это относится прежде всего к двум трудам, вышедшим в Югославии в 20—30-е годы XX в. «Историја аграрно-правних односа српских тежака под турцима», автором которой является югославский государственный деятель Момчило Нинчич и «Историја баштинске својине» Душана Недельковича, посвященной главным образом изучению земельного права сербов во время турецкого господства и в новое время.

Последний автор знаком с некоторыми произведениями классиков марксизма, в библиографии приводит ряд работ Маркса и Ленина. Однако это не значит, что Неделькович является марксистом. Феодализм для него — лишь комплекс юридических форм, присущих Западной Европе в средние века и Сербии до завоевания ее турками. Сравнивая турецкие средневековые общественные институты с западноевропейскими и делая такое сравнение формально-юридически, а не по существу, Неделькович утверждает, что спахии не имеют ничего общего с западноевропейскими феодалами¹. Неделькович отрицает, что спахилук представляет собой феодальный институт. Следуя за французским туркологом Беленом, Неделькович ищет происхождения турецкой феодальной системы в принципах ислама и отрицает существование в Сербии в турецкое время феодальных отношений. Работа Недельковича, юриста по специальности, посвящена исследованию правовых норм аграрного законодательства. Автор рассматривает правовые отношения в полном отрыве от исторической действительности. Это приводит Недельковича к утверждению, что спахийские отношения не развиваются², и позволяет делать сравнение спахив с западноевропейскими феодалами, не учитывая развития и изменения обеих социальных групп.

По вопросу о феодализме и спахиях Неделькович не самостоятелен, — он почти целиком следует взглядам, высказанным ранее его Нинчичем.

Нинчич также считает спахив лишь военной аристократией и отрицает существование в Турции феодализма³. Такие заключения естественно вытекают из того, что Нинчич и Неделькович не видят феодальных отношений вне рамок западноевропейских юридических форм в средние века.

Отрицание Нинчичем и Недельковичем существования в Турции феодализма, формально-юридический подход заставляют их доказывать, что в результате завоевания произошли коренные изменения во всем комплексе общественных отношений в Сербии⁴, что положение крестьян изменилось — они были освобождены от прикрепления к земле, раскрепощены⁵. Сбрасывая со счета такой важнейший фактор в существовании крестьянства в рамках Османского государства, как национальное иго, указанные авторы приходят к выводу об улучшении положения крестьянства после турецкого завоевания, что является реакционной, антинаучной теорией.

Нинчич и Неделькович не учитывают постоянных изменений, которые

¹ Д. Неделькович, *Историја баштинске својине у Новој Србији од краја 18 в. до 1931*, Београд, 1936, стр. 27—34.

² Там же, стр. 32.

³ М. Нинчич, *Историја аграрно-правних односа српских тежака под турцима*, Београд, 1920, стр. 16—17.

⁴ Д. Неделькович, *Ук. соч.*, стр. 56—57; М. Нинчич, *Ук. соч.*, стр. 21—25.

⁵ Д. Неделькович, *Ук. соч.*, стр. 57. М. Нинчич, *Ук. соч.*, стр. 87—88.

происходили в феодальных отношениях Османской державы в течение XVI—XVIII вв., и рассматривают феодальные отношения в Турции как совершенно статичные, построенные на общих принципах ислама. Они не прослеживают разложения спахийских отношений, а описывая процесс «почитлученья», не видят в нем продукта разложения спахийских отношений.

Все сказанное свидетельствует о том, что буржуазные югославские ученые в изучении аграрных отношений в Сербии перед освобождением от турецкого ига не сделали шага вперед по сравнению с историками конца XIX — начала XX в., а в некоторых отношениях, например в вопросе об изменении положения крестьянства после завоевания турками, заняли явно реакционную антипатриотическую позицию.

Если феодальные отношения в Сербии при турках явились предметом исследования в вышеперечисленных работах, то прочие вопросы социально-экономической истории остаются почти абсолютно неисследованными. Так, вся буржуазная литература по экономике Сербии во время господства турок исчерпывается несколькими работами и статьями, написанными, за небольшим исключением, еще в прошлом веке. Большинство из них посвящено вопросам торговли и содержит интересный фактический материал для характеристики торговых центров и путей в Сербии во время господства турок¹. Однако авторы этих трудов не пытаются обобщить данные источников, почти не делают выводов из своего исследования.

Если имеются кое-какие, хотя и методологически неудовлетворительные работы по экономике Сербии в конце XVIII — начале XIX в., то общественные отношения страны в это время представляют собой еще менее изученную область. Классовый состав сербского населения перед восстанием, социальная и имущественная дифференциация крестьянства не исследовались ни одним автором, а основные классовые противоречия часто сводятся югославскими историками только к аграрным противоречиям между сербскими крестьянами и захватывающими их землю читлук-сахибиями.

Таким образом, круг вопросов социально-экономической истории Сербии накануне восстания 1804 г., которые до установления в Югославии фашистского режима Тито еще не были поставлены в югославской литературе, достаточно велик. Не было создано и научно-обоснованной периодизации новой истории Сербии, не показан процесс первоначального накопления, разложения феодальных отношений и зарождения капиталистических. Естественно, что современные югославские историки, находящиеся на службе у Тито, способны лишь фальсифицировать прошлое народов Югославии и всерьез не занимаются изучением истории.

Советским историкам необходимо пересмотреть ряд положений, выдвинутых в югославской историографии, заново исследовать ряд проблем с точки зрения марксистского метода.

* * *

Жизнь южнославянских народов во время турецкого владычества — мрачный период их существования. Турецкое иго нарушило ход исторического развития этих народов, консервировало феодальные отношения.

¹ И. Ердельановић и Р. Николић. Трговински центри и друмови по српској земљи у средњем веку и у турско доба, Београд, 1899; К. Костић. Трговински центри и друмови по српској земљи у средњем и новом веку, Београд, 1900; Е го же, Грађа за историју српске трговине и индустрије. «Споменик», кн. LXVI, (52).

Хотя после покорения Балканского полуострова турки не внесли существенных изменений в феодальные порядки покоренных государств, турецкое завоевание сопровождалось большими изменениями в их общественном строе. После завоевания была истреблена или отуречена значительная часть господствующего класса, а крестьянство стало еще более бесправным.

Среди славянских феодалов, уцелевших во время войн с турками, оказалось и много предателей, которые, переменяв веру, сохранили свои владения, привилегированное положение и вскоре полностью ассимилировались с турками. Феодалы, проявившие покорность завоевателям, также сохраняли свои владения, зато не желавшие мириться с потерей государственной независимости, лишались своего имущества, истреблялись.

Если феодалы в европейской части Османской империи за малым исключением состояли из турок и потурченцев, то крестьянство, за исключением турок-колонистов, находившихся на особом положении, состояло из славян, греков и других покоренных народов. В Болгарии и Сербии, как и в большинстве других областей Балканского полуострова, подчиненных туркам, господствующая вера и господствующий класс в основном совпадали, а поэтому к классовому антагонизму прибавлялся антагонизм религиозный и национальный. Это обстоятельство резко ухудшало положение феодально-зависимого крестьянства, присоединяло к классовому угнетению национальный и религиозный гнет. Степень эксплуатации крестьянства после порабощения их турками усилилась.

Порабощенное крестьянство в Турции называлось райей. Это наименование феодально зависимого крестьянства, по-арабски означающее «стадо», было распространено во многих странах Востока. Смысл этого слова в Турции постепенно менялся. В XV—XVII вв. райей называли феодально зависимое крестьянство независимо от вероисповедания. В XVIII в. этот термин начинает терять свой первоначальный смысл — райей именуют христианских подданных вообще, и крестьян, и городское население¹. В первое время после завоевания слово «райя» имело смысл, близкий к значению «раб», «пленный», что довольно верно отражало истинное положение покоренного населения, которое было совершенно бесправным. Райя подчинялась ряду унижительных правил, подчеркивающих ее рабское состояние: она не могла носить такую же одежду, как турки, строить дома выше и лучше турецких, носить оружие, ездить верхом, выступать свидетелями на суде. Каждый турок мог безнаказанно убить «неверного». Все эти ограничения должны были подчеркивать превосходство победителей, их неограниченное право на жизнь и имущество каждого порабощенного.

Национальное угнетение в большей или меньшей степени испытывало на себе крестьянство всех покоренных турками областей. Вместе с тем положение различных народов не было одинаковым. Турецкая империя представляла собой конгломерат областей, сохранивших местные особенности в общественных отношениях.

В Боснии и Герцеговине старые феодалы вошли в феодальный класс Турции ценой перемены веры. В Молдавии и Валахии сохранили власть прежние феодалы, которые остались христианами; здесь существовала областная автономия и турецкое господство сводилось к получению дани. В Венгрии, завоеванной позднее других и рано освободившейся от турецкого

¹ Это обстоятельство вводило в заблуждение некоторых историков. Именно исходя из такого видоизмененного в XVIII в. понятия слова «райя», болгарский историк Д. Ихчиев ввел термин «привилегированная райя», к которой он причислял не только крестьян, но и привилегированные прослойки среди горожан, духовенство и т. д.

ига, общественные отношения во время турецкого господства не претерпели заметных изменений. Там остались существовать жупы, их скупщины, венгерские помещики сохранили свою юрисдикцию; крестьяне платили налоги и отбывали повинности и турецкому правительству и своим помещикам. Все это были пограничные области империи.

Как и во многих европейских странах в средние века, свободные самоуправляющиеся общины сохранились в турецкой империи, главным образом, в горных, мало освоенных районах. Ряд подобных общин сохранился в Болгарии, в некоторых горных районах Сербии. Особенно стойко пережитки первобытно-родового строя сохранялись в Черногории. Все эти районы были крайне отсталыми по своему развитию, патриархально-родовые отношения разлагались в них медленно. Получение дани было, пожалуй, наиболее рентабельным способом их эксплуатации. Однако на большинство территорий Европейской Турции, населенной болгарами и сербами, распространились общие нормы турецкого аграрного устройства.

Постараемся в кратких чертах характеризовать феодальные отношения в Турции в XVI—XVIII вв. Такое введение сделает более понятными особенности феодальных отношений самой Сербии в конце XVIII в.

Официально все земли Турции считались принадлежащими государству (земля миру). Исключение составляли лишь вакуфные земли — собственность религиозных учреждений и небольшое количество частновладельческих земель — мюльков. Положение вакуфных земель было сходно с положением монастырских земель в европейских феодальных государствах. Вакуфные владения не подчинялись государственным властям в юридическом и налоговом отношениях, т. е. пользовались, подобно монастырским землям на Западе, своего рода иммунитетом. Частные лица, желая оградить свою собственность от конфискации и тяжелого обложения налогами, передавали свои земли в фонд вакуфа, пользуясь частью доходов и всеми привилегиями вакуфа. Завещать свои земли в фонд вакуфа могли только люди, владевшие частной земельной собственностью (мюльком). Однако это правило, чем дальше, тем больше нарушалось.

Основная часть земельного фонда на Балканском полуострове также принадлежала государству. Из фонда ее султан жаловал земли в частное владение феодалам. Крупные чиновники получали хассы — феодальные владения крупной величины. Права владельцев хассов постепенно расширялись, уравнивались с правами собственников. Хассы давались на время исполнения службы, но фактически часто переходили по наследству, а позднее превратились в частную собственность. Хассы, так же как вакуфы, были исключены из государственного управления, крестьяне, жившие на этих землях, освобождались от уплаты государственных налогов. Все эти привилегии отличали хассы от остальных ленных земель.

Часть государственных земель принадлежала самому султану и членам султанской семьи. Такие земли с конца XVII в. обычно сдавались в пожизненную (маликяне) или годовую (мукатаа) аренду, откупщики или арендаторы которых пользовались всеми правами феодальных владельцев.

Наконец, самая большая категория земель находилась в ленном владении средних и мелких феодалов. Так как Османское государство было военно-феодальной державой, главным видом ленных владений в нем были военные лены — тимары и зеаметы. Тимарами назывались самые мелкие лены с доходом от 3 тыс. до 20 тыс. акча¹, зеаметами — лены, приносявшие

¹ Акча — мелкая монета в Турции, $\frac{1}{120}$ часть пиастра.

от 20 тыс. до 100 тыс. ачка дохода. Владельцы ленов сипахй (в произношении болгар и сербов — спáххи) должны были нести военную службу и соответственно доходу лена снаряжать и посылать на военную службу определенное число воинов.

Сословие сипахй было замкнутым: только сын сипахй мог получить «берат» (жалованную грамоту) на тимар. Лены могли наследоваться сыновьями рыцарей при условии исполнения ими военной службы.

Военно-ленная система получила распространение на Балканском полуострове сейчас же после турецкого завоевания. Михаил Константинович, серб из Островицы, написавший в 1490 г. «Историю или летопись Турецкую», так описывает положение покоренных народов: «Христиане, которые зовутся чауры (искажение от — гяуры.— И. Д.), все подданные султана, и султан знает хорошо, сколько их в каждой стране или области. Они платят султану «телос» или подать («данак») ежегодно по 40 аспер с человека. Кроме того, те же христиане платят еще и своим господам, подданными которых они являются и которые называются тимарлер,— со всякого человека половину султанской подати, десятину от всякого жита и кулук»¹.

Тимары и зеаметы, в которых ленникам давалось право получать определенную земельную ренту, были нередко и самой мелкой административной единицей, а ленники — представителями государственного управления в них. В этих случаях феодальная иерархия совпадала с военной и государственной. Вся феодальная система была хорошо приспособлена для военных целей.

«Государство османов было единственной подлинной военной державой средневековья»,— писал Маркс².

Поместье сипахй обычно состояло из мелких крестьянских наделов. Сипахй могли иметь и свои личные земли, но большей частью не вели на них своего хозяйства, а сдавали издольщикам.

Все крестьяне тимара были записаны в «дефтер райи», в котором было точно означено количество земли, которым владела каждая крестьянская семья, и ее качество³. Крестьянин был наследственным держателем этой земли. Земля переходила по наследству от отца к сыну⁴. При отсутствии прямых наследников, родственники должны были получить от сипахй или турецких чиновников разрешение на владение этой землей («тапу»). Выморочную землю сипахй мог передать по «тапу» желающим получить ее крестьянам тимара, передать ее «чужому» или взять в личное пользование⁵. Сипахй следил за ведением крестьянами хозяйства и в случае если земля не обрабатывалась в течение 3 лет, мог передать ее другому⁶.

Маркс писал, что при феодализме «...отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства»⁷.

¹ Мијаила Константиновића, србина из Островице, историја или летопис турски, списани око године 1490. Перевод и комментарии И. Шафарика. «Гласник», кн. XVIII, Београд, 1865, стр. 179—180. «Кулук» — отработочная повинность в Турции.

² Архив Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 189.

³ Валуийский. Феодальный строй Турции в XV—XVI вв. М. 1939 (стеклограф), стр. 75.

⁴ Там же, стр. 75—76.

⁵ Там же, стр. 76.

⁶ Там же, стр. 99.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIX, ч. II, стр. 352.

Форма зависимости крестьян в Турции не сводилась только «к простому оброчному обязательству», а приближалась к полному закрепощению. Фактическое прикрепление крестьян к земле в XVI—XVIII вв. очевидно. Законы Сулеймана Великолепного закрепляют за сипахí право в течение 15 лет разыскивать бежавших райя. «Собирать подданных — райю, ушедших из тимаров, — закон; но снимать того, кто живет уже более 15 лет, — отменено, и того, кто живет в городе 20 лет, повелевается приписывать к тому городу, где тот живет»¹.

Среди турецких судебных документов XVII в. встречаются дела, свидетельствующие, что срок сыска крестьян на практике доходил до 30 лет².

Прикрепление к земле, право сипахí на выдачу «тапу» крестьянам и разрешений на возведение крестьянами построек, наблюдение за использованием сипахийской земли крестьянами и т. д. — достаточно ярко вскрывают наличие личной зависимости крестьян от ленников в XVI в.

Аналогичные отношения существовали и на землях хасса, владельцы которых имели еще более широкие права, чем рыцари-сипахí.

Основным видом эксплуатации райи были многочисленные и обременительные натуральные и денежные налоги, часть из которых шла феодальным владельцам райи, часть государству.

Натуральная рента являлась преобладающей. Преобладание натуральной ренты свойственно всем европейским феодальным государствам на определенной ступени развития. Однако эта форма земельной ренты оказалась в Турции особенно стойкой. Она, как и во всей Азии, по словам Маркса, оказалась пригодной для того, чтобы послужить «базисом застойных состояний общества»³.

Феодалы получали с крестьян десятину с урожая различных сельскохозяйственных продуктов. Однако десятину отнюдь не равнялась $\frac{1}{10}$ урожая, а иногда составляла $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{3}$ его. Кроме того, спахии собирали с крестьян много мелких налогов феодального характера.

Налоги, которые райя платила государству, были также многочисленны. Обязательным налогом для всех немусульман был поземельный налог «харадж». Кроме того, немусульмане платили подоходный налог «джизие», который был как бы выкупом за освобождение от военной службы. Всего количество разнообразных налогов, которые платили крестьяне, доходило до нескольких десятков названий.

Но самым тяжелым бременем для крестьян был налог мальчиками — «дань кровью», как его называли славяне. Каждый год турки отбирали у населения определенное число самых здоровых и красивых мальчиков в янычарский корпус. Их обращали в мусульманство, воспитывали в строгой дисциплине, духе религиозного фанатизма. Янычары были злейшими врагами христиан, жестоко расправлялись с восстаниями в покоренных турками областях.

Одной из особенностей, присущей Османскому государству, было замедленное, по сравнению с Западной Европой и Россией, развитие общественных форм жизни, крайне медленный экономический прогресс. Статичность турецкого законодательства не может скрыть этих медленных, но непрерывных изменений в феодальной системе Турции в течение XVI—XVIII вв.

¹ Валуйский. Ук. соч., стр. 104.

² Д. Ихчиев. Принос към история за спахитъ в Османската държава и документи върху тях. «Сборник за народни умотворения наука и книжнина», кн. XXV (1), стр. 38.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIX, ч. II, стр. 358.

В то время, как в Европе шел процесс первоначального накопления капитала, в Турции для этого еще не было создано необходимых предпосылок. Ремесло и торговля были развиты сравнительно слабо. Турецкое иго крайне препятствовало развитию товарно-денежных отношений, ремесла и торговли на Балканском полуострове. Уже во второй половине XVI в. наметился упадок некогда сильной, единой империи, составленной из различных по уровню развития материальных сил областей, мало связанных хозяйственными и торговыми интересами. Количество «удачных» наступательных войн сокращается. Неуклонно уменьшается один из основных источников дохода турецких феодалов — грабеж захватываемых территорий. Военная служба теперь уже не привлекает силах, так как не приносит прежних выгод.

В то же время в конце XVI—XVII вв. в некоторых покоренных странах, входивших в европейскую часть Турции, несмотря на крайне неблагоприятные условия для развития производительных сил, начинают, хотя и медленно, развиваться товарно-денежные отношения. Развитие товарно-денежных отношений неизбежно вело к глубокому кризису военно-феодальной экономики Турции и вызвало ряд изменений в феодальном строе покоренных турками государств.

О положении Османской империи в первой половине XVII в. пишет турецкий писатель Кучибей Гёмюрджинский¹. Идеализируя законы и порядки, существовавшие в Турции ранее, он бичует злоупотребления и беззакония, происходившие в его время². Характерно, что особенно большой вред Гёмюрджинский видит в изменении состояния «больших и малых поместий» (зеаметов и тимаров). Раньше эти поместья давались потомственным сипахиям. «А желать получить грамоту на тимар горожанами и поселянами равнялось нечестью», «чужие» не имели к ним доступа³. Теперь же земли стали даваться чужестранцам, горожанам и поселянам. «Большие и малые поместья сделались жертвой вельмож», которые обратили эти земли в свою собственность⁴. «Между ними есть люди, имеющие по 20—30 и даже по 40—50 больших и малых поместий, плоды которых они пожирают»⁵. Поэтому фонд ленных земель уменьшился. Вельможи, захватившие поместья, посылают вместо себя на войну наемников⁶. От алчности вельмож пострадали не только тимары и зеаметы, — захватываются также уделы самого султана и превращаются в частную собственность⁷.

Кучибей Гёмюрджинский отмечает следующие изменения в социальном устройстве Турции. Лены теряют характер условного пожизненного владения, связанного с несением военной службы и превращаются в полную частную собственность, в наследственные владения крупных вельмож, чиновников, ростовщиков. Захватываются не только военные лены, но и султанские земли, количество которых поэтому уменьшается. Вся земля захватывается в собственность феодалами. Мелкие и средние поместья концентрируются в одних руках, и происходит рост крупного землевладения. Все эти изменения характеризуют проникновение в землевладение товарно-денежных отношений и ростовщичества.

¹ В. Д. Смирнов. Кучибей Гёмюрджинский и другие османские писатели XVII в. о причинах упадка Турции. СПб., 1873.

² «Рисале» (трактат) Кучибей написан около 1631 г.

³ В. Д. Смирнов. Ук. соч., стр. 89.

⁴ Там же, стр. 123—124.

⁵ Там же, стр. 124.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 142.

Во второй половине XVI в. гнет турецких помещиков, злоупотребления турецких властей, чиновников начинают быстро расти, доводя крестьян до полного разорения.

Развитие товарно-денежных отношений в стране, отсутствие военной добычи заставляло феодалов в поисках новых источников дохода высасывать все средства из своих поместий, непомерно повышать налоги.

Проезжавший в 70-х годах XVI в. Болгарию немецкий путешественник Герлях сообщает, что турецкие чиновники, спахии, янычары отнимают у крестьян все, что хотят. Спахии вместо $\frac{1}{10}$ взимают $\frac{1}{7}$, $\frac{1}{5}$ дохода, едва оставляя людям средства для пропитания. Имея тимар в 10 тыс. акча дохода, спахии получают с него 20—30 тыс. акча¹.

Аналогично описывает положение населения в Европейской Турции дубровчанин Градич (1661 г.), сообщающий о разложении ленной системы, росте анархии в стране, злоупотреблениях чиновников, непомерном распространении ростовщичества, увеличении произвола помещиков над своими крестьянами — «произволе владык над рабами»².

Особенно жестоким бичом для крестьянства стало ростовщичество. «К этой неволе надо прибавить ростовщичество, которое таково, что все погребены без надежды на то, что могут освободиться от него, даже если продадут все свое имущество вместе с детьми», — писал дубровчанин Павел Джорджич в 1597 г.³

Кучибей Гомюрджинский также отмечает исключительно тяжелое положение, в которое попали крестьяне вследствие усиления власти чиновников и помещиков над крестьянами, роста непосильных налогов и повинностей. «Словом, такого стеснения и угнетения, в каком находятся бедные поселяне, никогда, ни в одной стране света, ни в одном государстве не было», — пишет Кучибей⁴.

Все описанные выше социально-экономические изменения в строе феодальной Турции, начав проявляться в конце XVI в., неуклонно развивались в течение XVII и XVIII вв. Ухудшение положения крестьянства вызвало мощную волну освободительного движения в Турции уже в конце XVI в. Народные движения не прекращались в течение XVII—XVIII вв., медленно, но верно подтачивая устои Османской империи.

Экономическое разорение страны, кризис военно-феодальной организации, неразрешимость национальной проблемы при условии сохранения Османской империи — все это, вместе с целым рядом других политических причин, постепенно вело турецкое государство к распаду.

Внутренняя слабость Османской империи, все возрастающая на протяжении XVII—XVIII вв., наглядно проявлялась во внешнеполитическом положении государства. Завоеванием Венгрии в 1526 г. фактически ограничились прочные захваты турок в Европе. Во второй половине XVI в. европейские государства начинают одерживать первые успехи в войнах с Турцией. Видя военное ослабление Турции, Габсбурги и папа римский уже строят планы отвоевания у турок Балканского полуострова, рассчитывая на военную помощь России и восстания покоренных турками христианских на-

¹ К. Иречек. Стари пътешествия по България от 15—18 ст. «Периодическо Списание», кн. VI, стр. 38.

² В. Макушев. Болгария под турецким владычеством. «Журн. Мин. Нар. просв.», ч. CLXIII, 1872, № 10—12, стр. 314.

³ И. Милев. Един неиздаден документ за българската история. «Изв. на ист. д-во в София», кн. IV, 1915, стр. 97.

⁴ В. Д. Смирнов. Ук. соч., стр. 142.

родов. В XVII в. Австрия начинает вести все более активную политику на Балканах.

Во второй половине XVII в. меняется политика России в отношении Турции. Если до этого времени Русское государство воздерживалось от прямых военных столкновений с турками, то после воссоединения Украины с Россией и приближения границ России к Черному морю, войны с турками сделались неизбежными. Возвращение исконно русских земель на побережье Черного моря, отражение постоянных нападений турок и крымских татар на свои границы стало одной из важных задач Русского государства.

Поражение под Веной в 1683 г. окончательно остановило турецкую агрессию в Европе. Карловицкий мир 1699 г. означал серьезное поражение турок. Отпадение Венгрии явилось началом раздела территории Турции. XVIII век принес новую активизацию борьбы России и Австрии за раздел европейской части Османской империи. Русско-турецкие и австро-турецкие войны вспыхивают неоднократно, не принося, однако, решительного успеха ни одной стороне. Турки не легко сдавали свои позиции в Европе и нередко еще одерживали временные успехи над противниками.

Видя невозможность собственными силами свалить ненавистное турецкое иго, сербы, болгары и другие балканские народы ставили свою освободительную борьбу в связь с войнами, которые вели против Турции Россия и Австрия. На этом пути их часто ожидали тяжелые разочарования. С конца XVI в. Габсбурги неизменно вели предательскую политику в отношении славянских народов Балканского полуострова. Всячески поощряя антитурецкие выступления перед началом войн, австрийцы обычно не оказывали им никакой действительной помощи, а покидая арену военных действий, бросали беззащитные балканские народы на произвол судьбы.

Эту политику австрийского правительства ощущали на себе и сербы. Войны, которые часто происходили на сербской территории, сопровождались большим опустошением страны, массовой эмиграцией населения, спасавшегося от мести турок (например, в 1699, 1739 гг.). В 1718 г. северная часть Сербии была оккупирована австрийцами. Однако 20 лет австрийского владычества оказались для сербов не менее тяжелыми, чем турецкое иго. Австрийцы ничего не сделали для восстановления хозяйства Сербии. Выросший налоговый гнет, религиозное угнетение, особенно попытки обратить православных сербов в католичество,— все это вызвало громадное недовольство населения. Поэтому, когда в 1737 г. началась новая война Австрии с Турцией, сербы не приняли в ней активного участия, что отчасти способствовало поражению австрийских войск в этой войне. На протяжении XVIII в. политическое влияние Австрии среди народов Балканского полуострова неизменно падает.

По-другому складывались отношения поработанных славянских народов с Россией. Русско-турецкие войны неуклонно подтачивали силы турецкого военно-феодального государства, создавая объективные предпосылки для развития национально-освободительного движения южнославянских народов. Правда, русское правительство, пытаясь опереться на помощь местного населения во время войн с турками, преследовало свои корыстные цели. Но независимо от целей русского правительства, русско-турецкие войны сыграли большую положительную роль для славянских народов, способствовали укреплению дружеских связей между великим русским народом и славянскими народами Балканского полуострова. Разочаровавшись в помощи Австрии, болгары, сербы, черногорцы все свои

надежды возлагают на Россию, на великий русский народ, который мог помочь своим братьям освободиться от турецкой неволи.

* * *

Вторая половина XVIII в. принесла турецкому государству еще более тяжелые внутренние и внешние осложнения, поставив под вопрос возможность дальнейшего существования Османской империи.

Экономическое положение Турции становилось все более тяжелым. Промышленность не развивалась, внешняя торговля была почти полностью монополизирована иностранцами. Сельское хозяйство также пришло в упадок. Разоренное под гнетом непосильных налогов и незаконных чиновников крестьянство было лишено всякого стимула к расширению производства. Государственная казна была пуста и финансы полностью расстроены. При слабом развитии производительных сил, откупной системе, низких пошлинах на ввозимые товары доходы государства были невелики.

В стране росла анархия. Бунты и мятежи янычар превратились в систему. Янычарская верхушка держала в страхе и подчинении самого султана и великого визиря. Армия была близка к полному разложению. Если в феодальной кавалерии по спискам числилось 200 тыс. человек, то фактически она состояла из 2 тыс. Регулярная армия по списку доходила до 100 тыс. человек, а фактически не превышала 40—50 тыс.¹

Еще бóльшую угрозу для дальнейшего существования турецкой империи представляло движение за независимость покоренных стран и растущая децентрализация страны. В Египте почти полностью независимыми стали мамлюкские беи. В Аравии началось объединительное движение, возглавляемое религиозной сектой ваххабитов. Анатолийские феодалы не желали подчиняться центральному правительству.

Не лучше было положение в европейских владениях империи. Вождем реакционных сил и главным организатором антиправительственных восстаний в Румелии стал видинский паша Осман Пазванд-оглу. Банды Пазванд-оглу систематически грабили население Сербии, Болгарии, Валахии. После того, как Пазванд-оглу овладел Видином (1794 г.), туда начали стекаться янычары, кирджалии и разные темные элементы, из которых формировалась армия Османа. Пазванд-оглу открыто отказался подчиниться центральному правительству, но Порты оказалась не в силах с ним бороться. После безуспешной осады Видина 10-тысячной правительственной армией Пазванд-оглу был признан правителем этого города и возведен в ранг трехбунчужного паши. Но Осман не был удовлетворен этим, не прекратил вооруженных выступлений против Порты и даже открыто требовал смещения правительства. Он инспирировал всевозможные выступления против Порты в Румелии. Именно с помощью Пазванд-оглу янычарам удалось в 1799 г. вернуться в Белградский пашалык, откуда они были изгнаны после русско-турецкой войны 1787—1791 гг., а потом расправиться с белградским визирем Хаджи Мустафой и захватить всю власть в свои руки.

Признаки близкого крушения государства стали настолько явными, что часть феодального господствующего класса Турции начала искать выхода из создавшегося положения.

¹ А. Ф. Миллер. Мустафа паша Байрактар, М.—Л., 1948, стр. 48.

Еще в XVII — первой половине XVIII в. султаны не раз делали безуспешные попытки провести некоторые реформы с тем, чтобы приспособить военно-феодальное государство к новым условиям, а прежде всего восстановить боеспособность армии, обуздать янычар. В последнем десятилетии XVIII в. планомерной реформистской деятельностью занялся султан Селим III, вступивший на престол в год начала французской буржуазной революции.

Селим III и поддерживающая его просвещенная часть турецкого феодального класса стремилась создать сильное военно-абсолютистское государство, не затрагивая в то же время основ феодального строя¹. По определению А. Ф. Миллера, «целью этих реформ было устранение злоупотреблений в военно-ленном землевладении, упорядочение финансов и администрации, а главное, создание регулярного, обученного по-европейски войска, способного заменить янычарский корпус, совершенно к тому времени разложившийся»².

Но Селим III и поддерживающие его феодалы оказались не в состоянии преодолеть сопротивление сепаратистски настроенных феодалов, янычар, духовенства и провести в жизнь даже эти ограниченные реформы. Повышение налогов, проведенное правительством ввиду необходимости создать регулярную армию, вызвало лишь недовольство населения. Стремление централизовать государство не могло найти поддержки среди покоренных народов Балканского полуострова, которые боролись за образование своих собственных национальных государств.

Единственно действенным решением национальной проблемы в Турции было бы сведение Турции к национальным границам и создание на Балканах самостоятельных национальных государств. Господство турок над Балканским полуостровом задерживало развитие производительных сил поработенных народов. «...присутствие турок в Европе представляет собою серьезное препятствие для развития естественных богатств фракийско-илирийского полуострова», — писали Маркс и Энгельс³. Чем дальше, тем очевиднее становился факт, что, несмотря на религиозное и политическое угнетение, несмотря на крайне тяжелые условия для экономического прогресса, многие поработенные народы, в том числе греки, болгары и сербы, развиваются быстрее самих турок. В конце XVIII в. начали формироваться греческая, сербская и болгарская нации, в то время как турки все еще не имели достаточных условий для консолидации в нацию. На Балканском полуострове турки оставались лишь оккупантами, враждебными всему населению.

Дальнейший экономический прогресс балканских народов был несовместим с пребыванием в рамках отсталого, феодального государства. «В самом деле, — пишет Энгельс, — турецкое, как и всякое другое восточное владычество несовместимо с капиталистическим строем; извлеченная прибавочная стоимость ничем не обеспечена от хищных рук сатрапов и пашей; нет налицо первого основного условия буржуазного приобретения — обеспеченности личности купца и его собственности»⁴.

Неизбежность краха Османской империи в конце XVIII в. уже начала сознаваться всеми, кто был знаком с внутренним положением турецкого государства. «Приближается день, когда этот могущественный колосс, разбитый вдребезги, рухнет под своей собственной тяжестью», — писал фран-

¹ А. Ф. Миллер. Ук. соч., стр. 355.

² Там же.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 374.

⁴ Там же. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 22.

цузский писатель-энциклопедист Вольней, путешествовавший по Турции в последних десятилетиях XVIII в.¹

Однако на пути к освобождению Балканского полуострова от ига турок оказалось серьезное препятствие — интересы великих держав в Турции, их взаимные противоречия на Балканах и Ближнем Востоке.

В распаде Турции и территориальных приобретениях за ее счет были заинтересованы два государства — Россия и Австрия. Габсбурги претендовали на западную часть Балкан — Сербию, Боснию и Герцеговину. Россия в это время все более решительно ставит вопрос о приобретении Черноморского побережья, овладении Константинополем и проливами.

Так в конце XVIII в. на повестку дня международной жизни Европы был поставлен «восточный вопрос» — вопрос о судьбе владений турок в Европе, о разделе турецкого государства.

Однако планы Австрии и России в отношении расчленения Турции натолкнулись на решительное сопротивление Англии, которая после потери североамериканских колоний надеялась компенсировать себя эксплуатацией турецкого рынка.

Франция в случае раздела Турции могла рассчитывать на приобретение Египта, но в то же время Франция не могла согласиться на овладение Россией Черноморским побережьем и проливами или оккупацию Австрией части Балканского полуострова. Широкие торговые привилегии в Османских владениях и возможность постоянно оказывать политическое давление на Порту заставляли Францию, несмотря на некоторые колебания, стремиться к сохранению status quo в Турции.

В то же время взаимные противоречия Англии и Франции были слишком велики, чтобы эти две страны могли вести согласованную политику в отношении Турции. Послы этих государств не прекращали интриг при султанском дворе, пытались добиться своего преимущественного влияния на Порту.

Ища поддержки против открыто враждебных ей планов России, осуществление которых повело бы к полному изгнанию турок из Европы, Порты все более теряла самостоятельность во внешней политике, становилась игрушкой в руках французской и английской дипломатии, действовавшей отнюдь не в интересах Турции.

Так, по наущению Франции, Порты спровоцировала войну с Россией в 1768 г. Однако французское правительство не оказало обещанной помощи туркам в этой войне. Война 1768—1774 гг. принесла жестокое поражение турецкой армии. Кучук-Кайнарджийский мир 1774 г. явился поворотным пунктом в международном положении Османской империи. По этому договору султан признал независимость Крыма, Россия приобрела города Керчь, Азов, Еникале, земли между Днестром и Бугом, получала протекторат над Молдавией и Валахией, право свободного плавания в Черном море торговых судов.

Вскоре Екатерина II и Иосиф II договорились о совместном разделе Османской империи и заключили против Турции военный союз (1781 г.). Цели русской политики в восточном вопросе были сформулированы в известном «Греческом проекте» Екатерины II.

Перепуганная «Греческим проектом» Порты под давлением Англии в 1787 г. предъявила России ультиматум, требуя возвращения Крыма.

¹ Цит. по кн.: Н. А. Смирнов. Вопросы истории Турции и колониальной политики Франции конца XVIII в. в трудах Вольнея. «Труды МИФЛИ», 1940, т. VI, стр. 175.

В начавшейся между Турцией и Россией войне на стороне России приняла участие Австрия. Выступление против России Швеции в 1788 г., не позволившее осуществить план посылки балтийского флота в Средиземное море, недостаточная активность австрийской армии,— все это не благоприятствовало военным действиям русских и спасло турок от полного поражения. Французская революция отвлекла внимание европейских государств от турецких дел, заставила все силы реакции сплотиться для борьбы с революционной Францией. В 1799 г. Россия заключила с Турцией союзный договор.

Русско-турецкие войны второй половины XVIII в. не привели к гибели Османской империи и освобождению Балканского полуострова. Однако они сыграли большую роль в развитии революционного, национально-освободительного движения южнославянских народов.

Болгары, сербы, герцеговинцы, черногорцы, веря, что победа русских войск над турками принесет им свободу, в то же время сами готовились к борьбе за освобождение от ига турок. Во время войны 1787—1791 гг. подняли восстание черногорцы, шло усиленное формирование чет из местного населения, которые должны были сражаться вместе с русскими войсками после прибытия российского флота в Средиземное море.

Волна национально-освободительного движения поднялась в это время и в Сербии. Территория Сербии явилась ареной военных действий между турками и австрийцами. Однако австрийские войска не действовали активно против своих противников. Гораздо бóльшую активность в войне с турками проявили сами сербы, которые организовывались в четы и сражались с турками. По имени одного из руководителей сербских повстанцев, Кочи Ангельковича, освободительное движение сербов в это время получило название «Кочиной Краины» (Кочиной войны). В австро-турецкой войне 1788—1790 гг. принял участие ряд будущих вождей сербского восстания, в том числе и Карагеоргий.

Политические события конца XVIII в. вместе с социально-экономическими факторами подготовили переход к новому этапу в национально-освободительном движении балканских народов, к борьбе сербов за национальное освобождение страны и создание самостоятельного государства. Вестником этого перехода явилось общенародное восстание сербов Белградского пашалыка, начавшееся в 1804 г. Восстание в Сербии было выступлением всего крестьянства, являвшегося основной движущей силой этого антифеодального, антитурецкого движения. Оно было возглавлено сельской буржуазией, зажиточной верхушкой деревни, которая руководила и направляла восстание. В результате 13-летней упорной борьбы сербы первыми из народов Балканского полуострова одержали победу над турками.

Национально-освободительное движение поработенных народов явилось главной силой, сокрушившей Турецкую империю.

Однако победа балканских народов в борьбе за независимость была бы невозможной без постоянной помощи русских. Именно помощь России обеспечила в XIX в. постепенное освобождение Балканского полуострова. Первым народом, которому была оказана эта братская помощь, были сербы.

«Когда в 1804 г. разразилась сербская революция,— писали Маркс и Энгельс,— Россия тотчас взяла под свою защиту восставших «райя» и, поддержав их при помощи двух войн, закрепила в двух договорах внутреннюю независимость Сербии»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 394.

Г л а в а I

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕРБИИ ДО ВОССТАНИЯ 1804 г.

§ 1. Общие сведения о Сербии конца XVIII в.
Население. Города и села.

Предметом данного исследования является не вся территория Балканского полуострова, населенная сербами, а только Белградский пашалык, область, расположенная к югу от Савы и Дуная, в котором в 1804 г. вспыхнуло восстание против турецкого ига, и шесть нахий, прилегавших к Белградскому пашалыку с востока, юга и запада, которые были также охвачены восстанием и впоследствии (в 1833 г.) присоединены к полунезависимому Сербскому княжеству.

Понятие «Сербия» в XVIII в. не относилось к вполне определенной территории. Современники и путешественники не всегда представляли себе Сербию географически верно.

В системе турецких владений Сербия не составляла единой административной единицы. В Белградский пашалык входила та небольшая часть когда-то обширного Сербского государства, которая в 1459 г. была последней присоединена к Турции под названием Смедеревского санджака.

Али Чауш из Софии, живший в XVII в., относит области Южной Сербии к вилаету Румелии, а Смедеревский санджак к вилаету Буддим. В XVIII в. после отхода к Австрии территорий по левому берегу Дуная, Смедеревский санджак стал пограничной областью, не входившей в более крупные подразделения. Его обычно называли Белградским пашалыком. Остальные земли, лежавшие на запад, восток и, главным образом, юг от Белградского пашалыка, относились: к Боснии (Лозница, Крупань, Нови Пазар и Старый Влах), к Скадрскому пашалыку (Метохия), к Румелии (область по течению Южной Моравы с Нишем), к Видинскому пашалыку (Черна река). Особыми территориальными единицами оставались Неготинская и Кладовская кнежины, прилегавшие к Белградскому пашалыку с востока.

Площадь Белградского пашалыка составляла 29 600 км². Пашалык был разделен на 12 нахий — Белградскую, Валевскую, Крагуевацкую, Пожаревацкую, Рудницкую, Смедеревскую, Сокольскую, Ужицкую, Чацакскую, Шабацкую, Джуприйскую, Ягодинскую. Нахии Алексинацкая, Княжевацкая, Чернорецкая, Крайнская, Подринская, Крушевацкая, присоединенные к Сербскому княжеству в 1833 г., занимали площадь в 8240 км².

Почти вся поверхность Белградского пашалыка гориста за исключением областей, прилегающих к Саве и Дунаю, да долин рек Моравы и Колубары, текущих с юга и впадающих в Дунай. В рельефе преобладают средне-высокие горы с широкими долинами рек и котлованами.

Исследуемая территория географически распадалась на следующие части. Область между Дриной, Савой и Колубарой, т. е. западная часть Сербии, называлась Мачвой. Центральная часть пашалыка, расположенная между Савой, Дунаем, Моравой и Колубарой, была особенно лесиста и называлась Шумадией. Она явилась центром начавшегося в 1804 г. национально-освободительного движения. На восток от Моравы находилась Тимочка Крайна и Браничево. На юге между восточной и западной Моравой — Руйно.

О природных богатствах сербских земель пишут многие путешественники, побывавшие в Турции и Сербии, и современные составители описаний европейских провинций Турции¹.

В Сербии было много природных ископаемых — железных, серебряных, медных и золотых руд, разработки которых получили развитие еще в XIII—XIV вв., но почти полностью прекратились к XVII в.

Во всей Сербии неудобные земли составляют 37,5% всего земельного массива. Для Белградского пашалыка, гористого в значительной части, процент неудобных земель несколько ниже, но все же велик. Однако большинство удобной земельной площади, в особенности, долины рек Дуная, Савы, Моравы, Дрины, Мачвы, большинство низменных земель северной части, а также Шумадия очень плодородны.

«Сербия имеет плодородную, жирную и тяжелую почву», — сообщается в одном современном описании Сербии². О том же писали Вук Караджич³, патриарх Бркич⁴.

В конце XVIII — начале XIX в. почти вся территория пашалыка, за исключением обрабатываемых площадей вокруг сел и городов, была покрыта лесом. Особенно много было дубовых лесов.

Территория Сербии пересекалась множеством рек, у которых обычно располагались города и деревни. Французский путешественник Феррье-Савебо, побывавший в Турции в 1782—1789 гг., пишет о плодородии почвы в Сербии, о лесах, которые могли бы служить прекрасным материалом для судостроения, и добавляет далее: «Только турки не умеют извлечь никакой пользы из такого количества богатств, которые они имеют»⁵.

В конце XVIII в. Белградский пашалык и прилегающие к нему нахии представляли собой мало освоенную область, природные богатства которой оставались нетронутыми.

* * *

О численности населения Сербии в конце XVIII в. сколько-нибудь точных данных не имеется.

В донесении австрийского агента из Сербии в 1792 г. говорится, что из-за плохого обращения турок из живших ранее в Белградском пашалыке 80 тыс. семей большинство разбежалось⁶. 80 тыс. семей могло составить в Сербии 500—600 тыс. человек населения⁷. По донесению из Сербии в Париж в 1808 г., население Сербии исчислялось в 600 тыс. человек⁸. Вук Караджич пишет, что в Сербии жило около миллиона человек⁹. Автор

¹ Ferrier-Sauveboeuf, compte, Mémoires historiques, politiques et géographiques de voyage fait en Turquie, en Perse et Arabie (1782—1789), P., 1790, t. 2, p. 273; Beschreibung des Banats, der Walachey, der Moldau und der Kongreiche Serbien und Bosnien. Leipzig, 1789, S. 89. Статистические и исторические сведения о Сербии, СПб., 1827, стр. 75. Военно-географически описи Србији. «Споменик», кн. LXXXII (64), стр. 100.

² Beschreibung des Banats..., s. 89.

³ В. Караџић. Географическо-статистическо описаније Србије. «Даница», 1827, Вена, стр. 28.

⁴ В. Бркић. Опис турских области а у нима народоу хришћанских, а нарочито народа српског. «Споменик» кн. X (9), стр. 59.

⁵ Ferrier-Sauveboeuf. Ук. соч., т. II, стр. 273.

⁶ Д. Пантелић. Београдски пашалук после Свиштовског мира, Београд, 1927, стр. 92.

⁷ Среднее количество членов семьи в Сербии составляло 7—8 чел.

⁸ Гавриловић. Исписи из парижских архива, Београд, 1906, стр. 291.

⁹ «Даница», 1827, стр. 77.

современного описания Турции Грубер исчисляет количество населения Сербии в 960 тыс. человек¹.

Приведенные сведения современников о численности населения в Сербии относятся не только к Белградскому пашалыку, а ко всем сербским областям Турции. Они основаны не на статистических данных, весьма разноречивы и поэтому непригодны для использования.

Никаких переписей населения при турках не велось. Правда, существовали дефтерные книги — списки плательщиков налогов. Списки плательщиков «харача» (всех мужчин от 7-летнего возраста) и «пореза» (женатых мужчин) составлялись, обычно, кнезами и передавались турецким властям.

Однако можно ли считать, что списки налогоплательщиков могут дать точное представление о действительном количестве населения в Сербии? Полагаем, что в действительности население Сербии в это время было большим.

В своих «Мемуарах» М. Ненадович рассказывает, как в Валевакской нахии кнезы, желая облегчить налоговое бремя крестьянам, скрывали налогоплательщиков. Поэтому жители платили меньше налогов, чем было установлено². Аналогичное положение было, повидимому, и в других нахиях. Кнезы не всегда были заинтересованы в составлении точных списков налогоплательщиков и часто скрывали людей. Характерно, например, что по дефтеру 1815 г. в 11 нахиях Сербии числилось 43 527 плательщиков харача³, а после второго восстания и освобождения Сербии от турецкого управления в 1818 г. количество «харачских голов» увеличилось больше, чем в два раза (115 885)⁴.

Можно предположить, что еще более преуменьшенными были дефтерные книги перед восстанием 1804 г.

Для исчисления населения Белградского пашалыка в конце XVIII в. возможно употребить также ретроспективный метод, используя данные о численности населения в 20-е годы XIX в.

Первая перепись населения в Сербии была произведена в 1833 г. По этой переписи в 12 нахиях Сербии (территория Белградского пашалыка) было 501 827 человек⁵, а во всех 18 нахиях 678 133 чел. жителей. Исходя из этой цифры и количества налогоплательщиков, числящихся по переписи 1820 г., Якшич исчисляет количество населения Сербии в 1820 г. в 368 064 чел.⁶ Это значит, что ежегодный прирост населения в 1820—1833 гг. составлял 10 000 человек. Однако, такой высокий прирост населения мог начаться лишь после окончания второго восстания против турок, с 1817 г. В течение же остальных 17 лет XIX в., хотя население Сербии пополнялось за счет переселения из славянских областей Турции и Австрии, но, с другой стороны, в непрерывных войнах 1804—1817 гг. сербы несли известные потери, а в 1813 г. была истреблена большая часть населения, кроме того, происходила и значительная эмиграция. После восстания большая часть турецкого населения городов покинула Сербию. Если учесть все эти факты, можно прийти к заключению, что численность населения Белградского пашалыка в конце XVIII — начале XIX в.

¹ С. Gruber. Das Osmanische Reich, Wien, 1811, стр. 18.

² М. Ненадовић, Ук. соч., стр. 18.

³ М. Петровић. Финансије и установе обновљене Србије. Београд, 1898, т. II, стр. 445.

⁴ Там же, стр. 446.

⁵ В. Якшић. Густина наслености Србије. «Гласник», кн. XXXI, стр. 98.

⁶ Там же, стр. 107.

не могла быть значительно ниже численности населения в 20-х годах XIX в. и составляла, надо полагать, около 300 тыс. человек, а вместе с прилегающими к пашалыку шестью сербскими нахиями, доходила до 400 тыс. человек. Конечно, это только приблизительная, не претендующая на точность, цифра.

* * *

Количество населения в Сербии в конце XVIII в. трудно поддается исчислению еще и потому, что население было весьма подвижным.

Интересные материалы о происхождении жителей в Сербии дают статьи «Сербского этнографического сборника» из отдела «Поселения и происхождение населения», издававшегося в начале XX в. под редакцией Иована Цвиича.

В своей вступительной работе к этому отделу «Сборника»¹ Цвиич приходит к следующим заключениям. Население Сербии в период турецкого господства находилось в постоянном движении. Большинство жителей современных сел состоит из недавних переселенцев, основная масса которых (особенно в Старом Влахе и Шумадии) переселилась не позже 100—150 лет назад². Цвиич отмечает несколько потоков передвижения населения на территории Сербии, для них всех характерно переселение с юга на север и из горных районов в низменные. Он отмечает, что в южных землях Сербии больше старых жителей, чем в северной части (в основном это территория Белградского пашалыка), куда направлялась основная масса переселенцев с юга³.

Интересный конкретный материал, представленный в статьях «Этнографического сборника», дает возможность выборочно проследить характер передвижения населения Сербии в XVIII—начале XIX в.

Центральная часть пашалыка Шумадия до середины XVIII в. была заселена очень мало. В части Шумадии — Лепенице в 1739—1803 гг. появилось 44 новых населенных пункта, что составляет половину общего количества населенных пунктов, существовавших в конце XIX в. В 1804—1815 гг. в Лепенице возник 21 населенный пункт и после 1815 г. — 3 населенных пункта⁴. В 1737—1787 гг. в Лепеницу переселилось 150 семей, в 1787—1803 гг. — 321 семья, т. е. $\frac{1}{7}$ всего населения, проживавшего там в конце XIX в., в 1804—1809 гг. — 571 семья, т. е. $\frac{1}{4}$ всего населения конца XIX в.⁵

В другой части Шумадии — Груже, самые старые переселенцы относятся к началу XVIII в., а главным образом ко второй половине XVIII в. Переселение достигло кульминации в начале XIX в.⁶

В часть Валуевской нахии Колубару и Подгорину в XVIII в. переселилось 24% общего количества семей, проживающих там в конце XIX в., а в первом десятилетии XIX в. — 53% семей⁷. Интересные данные об областях, лежащих на юг от Западной Моравы, приводит Ерделянович в статье «Нижнее Дравачово». «Народное предание говорит, — пишет Ерделянович, —

¹ I. Цвиич. Антропогеографски проблеми Балканског полуострва. «Этнографски зборник», кн. IV (1), Београд, 1902.

² Там же, стр. CLVII.

³ Там же, CLXXX.

⁴ Т. Радивоевич. Лепеница. «Этнограф. зборн.», кн. XV (7), стр. 47.

⁵ Там же, стр. 170—171.

⁶ М. Драгић. Гружа. «Этнограф. зборн.», кн. XXI (10), стр. 190.

⁷ Л. Павловић. Колубара и Подгорина. «Этнограф. зборн.», кн. VIII (4), стр. 483.

что два века назад Нижнее Драгачово было совсем пусто. Об этом же свидетельствует малое количество старых сельских семей в нем...»¹ Основная масса населения переселилась в Нижнее Драгачово в период с середины XVIII в. до конца первого правления Милоша. Развитие современных сел Нижнего Драгачова началось с середины XVIII в.² Из 273 семей, живших там в конце XIX в., 70 семей переселилось до начала XIX в. и 40 семей — в 1804—1813 гг.³

Таким образом, на протяжении XVIII и в начале XIX в. на территорию пашалыка шло переселение сербов из прилегающих к нему областей. На основании данных, приведенных в статьях «Этнографического сборника», можно установить, откуда шла основная масса переселенцев.

Как пишет Цвинич, из Герцеговины, Черногории, Новопазарского санджака, Боснии переселенцы направлялись главным образом в юго-западную часть пашалыка⁴; переселенцы из Старой Сербии, Скопской Черногории, Македонии оседали главным образом в долине Моравы⁵. В восточной части пашалыка было больше всего туземного населения, но и там встречались переселенцы из Косова поля, Призренской области и Валахии.

Шло передвижение населения и внутри самого пашалыка. Этот процесс особенно усиливался во время войн, когда целые села, особенно расположенные вокруг городов и на дорогах, бросали насиженные места и бежали в леса и горы, дожидаясь там окончания военных действий. Некоторые из жителей этих сел так и оседали на новых местах.

Чем же был вызван этот процесс усиленного переселения из юго-западных и юго-восточных районов Балканского полуострова на территорию Белградского пашалыка?

В первой половине XVIII в. пашалык был совершенно опустошен войнами 1688—1696 гг., 1716—1719 гг., 1737—1739 гг. и австрийской оккупацией 1719—1739 гг., поэтому в нем чмелось много свободной земли. Кроме того, степень феодального закрепощения и феодальной эксплуатации в Белградском пашалыке была несколько меньше, чем в Южной Сербии, Боснии и Герцеговине (об этом будет сказано ниже). В Белградском пашалыке находились менее освоенные турками районы, где жители находили убежище от злоупотреблений турецких властей, янычар и т. д.

Вместе с тем с конца XVII в. и на протяжении всего XVIII в. шел процесс эмиграции населения из всех сербских областей Турции за Саву и Дунай в Южную Венгрию. Заселение этих малонаселенных в XVIII в. областей происходило в значительной степени за счет эмиграции сербов из Турции. Австрия, особенно в период правления Иосифа II, принимала всевозможные меры для поддержки и увеличения эмиграции в Южную Венгрию.

Известны две массовые эмиграции сербов в Астрию: в 1690 г., когда выселилось 37 000 семей, и в 1739 г. Но эти эмиграции затронули главным образом население южных и юго-восточных районов Сербии, а не Белградского пашалыка. Кроме этого, происходило систематическое выселение отдельных семей в Южную Венгрию. Однако надо отметить, что из-за тяжелых условий жизни в Венгрии и непосильных налогов, сербские семьи нередко возвращались обратно в Турцию.

¹ «Этнограф. сборн.», кн. IV (1), стр. 40.

² Там же, стр. 41.

³ Там же, стр. 85—87.

⁴ I. Цв и јић. Ук. соч., «Этнограф. сборн.», кн. IV (1), стр. CLXXXI.

⁵ Там же, стр. CLXXXVI—VII.

Большая эмиграция, однако, уже не столь массовая, как в 1690 и 1739 гг., происходила во время войны 1788—1791 гг. Данных об общем количестве эмигрантов-сербов в это время не имеется. Есть только отдельные сведения об эмигрантах в некоторых областях. Так, в «Первом списке эмигрантов» Австрийского Военного Архива указано 397 семей, 4214 человек, перешедших Дунай в 1788 г.¹

Во «Втором списке эмигрантов», относящемся также к 1788 г., указана 381 семья (2140 человек)². «Wiener Zeitung» в № 65 от 13 августа 1788 г. сообщила о переселении в Срем 855 семей, состоящих из 5732 чел. и еще 475 семей³. Эмиграция в Австрию продолжалась до конца 1791 г., после чего наблюдается возвращение многих переселенцев на родину из-за тяжелых условий жизни в Австрии.

Частые переходы населения, особенно купцов, за Дунай и возвращение обратно весьма характерны для конца XVIII — начала XIX в. В этом отношении показательны биографии ряда сербских деятелей (Карагеоргий, Коча Ангелькович, Яков Ненадович и др.). Многие сербы имели родственников, живших по ту сторону Дуная и Савы. Все это способствовало установлению тесных экономических связей Сербии с Южной Венгрией. Отстаивая свои интересы, сопротивляясь высокому обложению налогами, сербы обычно грозили турецким властям бежать в «Неметчину»⁴.

Таким образом, население Белградского пашалыка в XVIII — начале XIX в. было весьма подвижным. При этом происходило: 1) заселение территории пашалыка населением, пришедшим из прилегающих к нему с юго-запада и юго-востока районов; 2) перемещение населения внутри самого пашалыка; 3) эмиграция населения за Саву и Дунай в Австрию.

Интересно установить, превалировала ли эмиграция населения пашалыка над иммиграцией или наоборот. По данным переписи, произведенной австрийскими властями после оккупации северной части Сербии в 1718 г. (территория, почти совпадающая с Белградским пашалыком), там было 415 населенных пунктов и 342 покинутых жителями⁵, всего по переписи 1721 г. числилось 6020 хозяйств⁶. Это значит, что население Сербии едва доходило до 50 000 человек. По переписи 1818 г., в Сербии было 1395 сел⁷. Села в начале XIX г. были во много раз больше сел начала XVIII в. (в среднем в начале XVIII в. села имели по 6 домов, в конце XVIII в. — по 20 домов)⁸. Но даже простое сопоставление цифр 415 с 1395 показывает исключительно быстрый рост населения.

Все это свидетельствует о том, что на протяжении второй половины XVIII и начала XIX в. шло усиленное заселение Белградского пашалыка сербами из других турецких областей.

Несмотря на заметное увеличение населения Сербии во второй половине XVIII в., территория ее была освоена далеко не вся, и плотность населения оставалась весьма низкой, к тому же очень резко различаясь в разных районах.

¹ Д. Пантелић. Кочина Крајина, Београд, 1930, прилож., стр. 138.

² Там же, стр. 133.

³ Цит. по кн. «Die freiwillige Teilnahme der Serben und Kroaten an der vier letzten Osterreichisch-türkischen Kriege, 1854, S. 274.

⁴ М. Ненадовић. Ук. соч., стр. 19, 21.

⁵ Langer. Serbien unter der kaiserlichen Regierung 1717—1739. «Mitteilungen des kaiserlichen und königlichen kriegsarchivs», Neue Folge, B. III, Wien. 1889, S. 192.

⁶ Langer. Serbien..., стр. 197.

⁷ М. Петровић. Указ. соч., т. II, стр. 446.

⁸ Вычислено по «Военно-географски описи Србији».

Наиболее населенными были долины рек и все северные районы, более хозяйственно развитые. В юго-западных и восточных районах, где была плохая почва и много неудобных земель, плотность населения была чрезвычайно низкой.

* * *

Почти во всех районах Балканского полуострова турки составляли незначительную часть населения (не более 10%). Белградский пашалык был областью, удаленной от центра империи, после Белградского мира 1739 г. пашалык стал пограничным с Австрией, на протяжении конца XVII и всего XVIII в. он являлся ареной четырех опустошительных войн Австрии с Турцией. Крайнее, пограничное положение пашалыка определило некоторые особенности его внутренней жизни. Одной из них была меньшая степень колонизации турками, чем во всех остальных южнославянских землях, за исключением Черногории.

Турки почти совсем не жили в селах, они размещались главным образом в городах и крепостях. «Турки в Сербии живут только в городах и местечках, а по всем деревням живет наше христианское население», — писал патриарх Бркич в 1771 г.¹

Вук Караджич рассказывает в «Данице»: «Только в самых южных краях, и то большей частью в тех местах, откуда сербы бежали с патриархами Черноевичем и Иовановичем, живут и арнауты (турецкой веры) по селам. А в остальных местах всюду турки живут только по крепостям, городам и паланкам, а сербы только по селам»². В «Српском ријечнику» Караджич добавляет, что турки живут в некоторых селах около Сокола на границе с Боснией, а в остальных частях Сербии в селах живут только сербы³.

Это описание Бркича и Караджича вполне подтверждается данными «Военно-географических описаний», составленных в 1784—1785 гг. немецкими офицерами. По их записи видно, что в Белградском пашалыке совсем не было сел со смешанным национальным составом и почти не было турецких сел за исключением единичных в юго-западной части пашалыка. Это деревни Лопадня, Бачевцы, Плесково, расположенные около Сокола, и одно село около Чачака (Брусница)⁴. Деревни со смешанным населением не встречаются (за исключением одного Болеча)⁵. Правда, в целом ряде деревень имеется по одному «хорошо построенному» турецкому дому. Совершенно очевидно, что эти дома принадлежали турецким феодалам — спахиям или читлук — сахибиям.

«По счастью сама природа давала сербам возможность жить в удалении от турок. Иностранцу, который бы заехал в Сербию в конце прошлого столетия, с первого разу бросилась бы в глаза резкая разница между городами и селами. ...Паши для собственных выгод не позволяли туркам ездить по селам... Иногда серб доживал до 60 лет, ни разу не увидев города», — так писал о Сербии в 1829 г. австрийский историк Л. Ранке⁶. Если крестьяне были в громадном большинстве сербами, то в противоположность этому города имели небольшой процент сербского населения. Жители

¹ Бркич. Ук. соч., стр. 59.

² В. Караџић. Ук. соч., стр. 99.

³ Српски ријечник, село.

⁴ «Споменик», кн. LXXXII (64), стр. 77, 113, 117, 118.

⁵ Там же, стр. 63.

⁶ Ранке. История Сербии по сербским источникам. СПб. 1876, стр. 50.

городов, сербы по происхождению — ремесленники, торговцы, слуги — не могли противостоять ассимиляторской политике турок. Они постепенно переходили в мусульманство, а если даже и оставались христианами, то настолько воспринимали турецкий язык и обычаи, что мало чем отличались от турок. «Сербский народ состоит только из крестьян,— писал Караджич,— торговцев и мастеров, которые живут по городам... среди них мало: последние живут и одеваются по-турецки и во время мятежей и войн запираются с турками в крепость или, забрав свои деньги, бегут в Австрию. Не только они сами не считают себя сербами, но и народ не считает их сербами и презирает их»¹.

Описание Караджича весьма характерно. Действительно, сербские крестьяне враждебно относились к отуреченному городскому населению. Это становится понятным, если учесть, что города в Сербии являлись опорой турецкого господства в стране.

* * *

Города Белградского пашалыка сохраняли в основном средневековый характер. Большинство из них было прежде всего городами-крепостями, центрами турецкой администрации, местонахождением турецкого войска. Кроме того, в каждом городе существовали ремесленники, которые обслуживали население города, была развита торговля. Крупные города обычно располагались на речных магистралях — Саве, Дунае, Мораве (Белград, Смедерево, Шабац, Пажаревац и др.).

Весьма характерно разнообразие терминов для обозначения городов во время господства турок, каждое из которых имеет особый оттенок. Город-крепость носил название града, город — центр ремесла и торговли назывался варош, варошица. Большие города нередко состояли из града (крепости) и вароши (посада), расположенной вокруг крепости. Кроме того, существовало еще два термина для мелких городов — паланка и касаба. Это были мелкие турецкие городки, как, например, Уб, Палез, Хасан-паши паланка и др., которые первоначально возникли как пункты на торговых путях. По размерам они нередко были меньше крупных деревень. Жили в них главным образом турки. Некоторые города были феодальными владениями султана и принадлежали ему как хассы. Такими городами были, например, Пажоревац, Ягодина, Чачак, Ядар, Гроцка².

Большинство сербских городов, существовавших в XVIII в., возникло еще до завоевания страны турками. Некоторые города, расположенные на торговых путях, как Алексинац, Джуприя, образовались уже при турках как торговые пункты на проезжих путях³. Другие выросли из сел. Так, Велево, Пожега еще в XVII в. были большими селами⁴, а в конце XVIII в. в Валево было уже 3 тыс. турецких и 2 сотни христианских домов⁵.

Войны XVII—XVIII вв. привели к большому разрушению крепостей. Почти все крепости, за исключением Белградской, так и не восстанавливались.

¹ «Даница», 1827, стр. 101—102.

² Ердељановић и Р. Николић. Трговински центри и друмови по српској земљи у средњем веку и у турско доба. Београд, 1899, стр. 236.

³ М. Петровић. Ук. соч., т. 1, стр. 191.

⁴ К. Костић. Трговински центри и друмови по српској земљи у средњем и новом веку, Београд, 1900, стр. 295.

⁵ Борђевић. Архивска грађа за занате и еснафе у Србије. «Етнограф. зборн.», кн. XXXIII (15), 1925, стр. XXVI.

Самым крупным городом пашалыка был Белград. В Белграде была резиденция паши (визиря) и его чиновников. Там же обязаны были жить спахии и находилось большинство войска. В XVI—XVII вв. Белград имел большое значение как крупный торговый центр на Дунае. В XVIII в. торговое значение Белграда снизилось, однако он все еще оставался самым крупным торговым городом в Сербии. В конце XVIII в. Белград имел, по одним источникам, 40 тыс. жителей¹, по другим — 3000 домов и 25—30 тыс. жителей².

Крупные города пашалыка состояли обычно из града (крепости) и вароши (посада), расположенной вокруг града, в которой жили ремесленники и торговцы. В Белграде было даже две вароши: одна Нижняя — немецкая, образовавшаяся во время оккупации 1718—1739 гг., другая Верхняя — сербская и греческая. За варошами следовали предградья. В Белграде было много лавок, рынков, постоянных дворов³. Там имелось большое количество цехов, которые в Турции назывались «эснафами». В эснафы были объединены и торговцы. Большую часть населения Белграда составляли турки, и весь город имел восточный облик⁴. Крупным городом Сербии была также Ужица, расположенная в юго-западной части пашалыка. Ужица была центром торговых путей, ведущих к Адриатическому побережью и в южную часть Балканского полуострова. По описанию Евлия Челеби (середина XVII в.), Ужица была крупным городом и насчитывала 4800 домов⁵. Во время восстания Ужица была значительно разрушена, сильно пострадала от пожара и поэтому временно потеряла свое значение.

Другие, относительно крупные города были главным образом центрами нахий. В них жили кадии, муселимы и другие турецкие власти. Эти города были очень невелики и в среднем имели по 200—250 домов⁶.

Население городов занималось ремеслом, торговлей и сельским хозяйством. «В более мелких городах и паланках некоторые жители, особенно босняки (сербы турецкой веры), обрабатывают землю и держат скот, но по крепостям и большим городам этим занимаются мало, там живут господа и около них много бездельников живет за счет райи (например, спахии, читлук-сахибии, различные чиновники и всех их слуги), остальные жители торгуют и занимаются различными ремеслами», — так описывает Караджич сербские города⁷.

Совсем иной отпечаток наложило иностранное иго на сербскую деревню. Крестьяне старались избегать всякого соприкосновения с турецкими властями, турецким войском. Села обычно располагались не вокруг городов, на больших дорогах, а прятались в лесах и горах, в местах, мало доступных туркам, на маленьких реках и речушках и были построены очень разбросанно. Таковы были села в Шумадии, Валевакской и Подринской областях⁸. Многие из них возникали на корчевинах. В таких селах пахотная земля находилась вокруг дома крестьянина. Часть этих сел возникла в XVIII — начале XIX в.

¹ Спомен Београда негдашњег Сингидуна од М. Катанчића. «Гласник», кн. V, стр. 120.

² «Даница», 1827, стр. 43.

³ Катанчић. Ук. соч., стр. 118.

⁴ К. Костић. Ук. соч., стр. 403.

⁵ М. Радонић. Путоване Евлије Челебије по српским и хрватским земљама. «Годишница Н. Чупића», XXIX—XXXI, стр. 273.

⁶ Д. Панталић. Војно-географски описи Србије. «Споменик», кн. LXXXII (64). Регистр, стр. 145—153.

⁷ «Даница», 1827, стр. 86.

⁸ Џвијић. Ук. соч., стр. XV.

Несколько другого типа были села в северной части пашалыка. Они были построены более компактно и нередко располагались вблизи городов. По «Военно-географическим описаниям Сербии» видно, что села имели в среднем по 15—20 домов, а в северной части пашалыка, по течению Моравы, Савы и Дуная — несколько больше. В юго-западной и восточной части села были меньше и насчитывали нередко 5—6 домов.

§ 2. Городская и сельская промышленность

Общая отсталость экономики Турции, национальный гнет, частые войны имели губительные последствия для развития национальной промышленности. Несмотря на то, что в Сербии имелись все условия для развития кожевенного, шерстеобрабатывающего, стекольного, винокуренного производства, она оставалась почти исключительно сельскохозяйственной областью.

Перед восстанием 1804 г. в Сербии существовало только ремесленное производство, она не подошла еще к стадии развития мануфактурного производства.

Городское ремесло в конце XVIII в. было развито слабо. Исключение составляли такие города, как Белград, — центр ремесла и торговли, а также Валево, Шабац, Пожаревац, Ужица.

Турки составляли большой процент среди городских ремесленников. После 1817 г., когда большинство турецкого населения городов покинуло Сербию, количество городских ремесленников значительно снизилось, и многие ремесла стали редкостью. Однако вскоре городское ремесленное население стало пополняться пришельцами из деревень, а также из Австрии, Италии и других стран. Сербь занимались такими ремеслами, как скорняжное, портновское, хлебопекарное, ружейное, ювелирное¹.

Цеха-«эснафы» во всех городах европейской части Турции были построены по единому принципу. Основы организации цехов были заимствованы турками у арабов и в значительной степени от византийцев. Цехи в Турции организовывались с учетом религиозных отличий: турки и христиане обычно имели отдельные цехи, хотя иногда существовали и смешанные цехи. Кроме того, некоторыми ремеслами могли заниматься только турки, которые в Сербии монополизировали такие ремесла, как кожевенное, седельное, кузнечное, цирюльное².

Цехи состояли из мастеров, подмастерьев-калфов и учеников-чираков. Во главе цехов стояли ежегодно избираемые старейшины (устабаши). Старейшина имел широкие полномочия в цехе. Он строго регламентировал производство, представлял и защищал интересы цеха, следил за порядком в цехе, вел все расчеты. Устабаши не получали никакой платы, но все мастера делали им подарки. Кроме старейшин, в цехах существовали заместители (ийтбаши), а также секретари (чауши), которые имели также полицейскую власть. Цехи имели собственную юрисдикцию во внутрицеховых делах. Цеховой совет из старейшины, его заместителя под председательством шейха цеха имел право выносить судебные решения по внутрицеховым делам и наказывать членов цеха. Происходили общие собрания мастеров (лонджа). В каждом цехе имелась своя касса, пополняемая подарками

¹ «Даница», 1827, стр. 101.

² К. Костић. Грађа за историју српској трговине и индустрије. «Споменик», кн. LXVI (52), стр. 128.

или поборами с мастеров, штрафами, доходами от эснафских имуществ, дарениями по завещаниям и т. д. Деньги из кассы давались под проценты, тратились на благотворительные цели, коллективную закупку материалов, благоустройство города, подкуп властей и пр.

Цеховое устройство городского ремесла оформлялось постановлениями самого султана. Известен ферман о цехах султана Мустафы III от 1773 г. Он относится к цехам всего Османского государства, поэтому можно считать, что действие его распространялось и на Сербию.

В фермане 1773 г. констатируется обязательное цеховое устройство в городах, согласно старым традиционным установлениям государства, существовавшим со времен Шейха-Ахи-Ерван-Вели, считающегося основателем турецких цехов в XIII в.

Ферман регламентирует процесс обучения ремеслу и переход учеников в подмастерья, а подмастерьев в мастера, который совершался с традиционными церемониями. Ферман запрещает открывать лавку, и ставить в своей лавке рабочий станок для ремесла без соответственного разрешения эснафа и без соблюдения древних обычаев, узаконенных древними установлениями, касающимися организации эснафства¹. Ферман требует выполнения всех старых цеховых правил и отстаивает самостоятельность цехов в решении своих внутренних дел.

Говоря об устройстве болгарских цехов, академик Державин утверждает, что окончательное структурное оформление цеховой организации у болгар сложилось не ранее XVIII в.² Правильно ли было бы притти к такому выводу по отношению к Сербии, ремесленное производство которой нельзя считать более развитым, чем ремесло в Болгарии?

Подобное утверждение было бы совсем неверным. Конец XVIII в. для Сербии и Болгарии был периодом разложения феодальных отношений и зарождения капитализма. Эти процессы не могли не сопровождаться началом разложения цехового устройства, которое сложилось, несомненно, в гораздо более раннее время.

В фермане 1773 г. как раз находятся некоторые доказательства того, что во второй половине XVIII в. появились признаки разложения цеховой организации ремесла. В то же время в нем нет никаких подтверждений, что цеховое устройство окончательно закрепляется именно в это время. Наоборот, в фермане часто встречаются ссылки «на старые традиционные принципы» в устройстве цехов и необходимость их сохранения.

Характерно, например, следующее место: «Все те лица, принадлежащие к эснафу, которые нарочно и умышленно нарушают правила и старые установления своего эснафства, которые изложены выше и зарегистрированы в старом законе об организации эснафов, будут преследоваться законом и судиться только эснафским судом»³. Далее в фермане говорится, что в эснафский совет следует стараться не допускать лиц, ничего не имеющих общего с эснафом, которые своим авторитетом и запугиваньем стараются посеять распрю в чисто эснафских делах, зависящих единственно от компетентности эснафского совета⁴. Подобные лица, незаконно вмешивающиеся в дела цехов и оказывающие на них давление, названы в фермане «агитаторами (фесатчи) и бунтовщиками (ихтиляли)», которые «сеют раздоры, несогла-

¹ Д. Ихчиев. Эснафски документи и эснафски организации през турско време. «Списание на българското иконом. др-во», 1907, кн. 7, стр. 450.

² Н. С. Державин. История Болгарии, т. IV, стр. 34.

³ Д. Ихчиев. Ук. соч., стр. 450.

⁴ Там же, стр. 450.

сия и ссору в среде эснафа, стараясь зловредным образом вызвать устранение старых традиционных установлений и узаконений по эснафству»¹.

Приведенные выше выдержки из фермана ясно говорят о тенденциях, с которыми борется ферман: в цехах идет разложение старых установлений, какие-то люди нарушают древние цеховые порядки, не подчиняются им, в цехи проникают посторонние лица, которые вмешиваются во внутренние дела цехов, оказывают на них давление.

Все эти явления свидетельствуют о начавшемся во второй половине XVIII в. разложении цехового устройства.

* * *

В сербской деревне издавна весьма большое развитие получила домашняя промышленность — переработка сырых материалов в том самом хозяйстве, которое их добывает — в крестьянской семье. Домашними способами изготовлялась одежда, простейшие инструменты, домашняя утварь и т. д.

В деревнях было развито и ремесло. Существовали небольшие ремесленные мастерские. Имеется, например, упоминание о валяльне, купленной монастырем Волявча у муллы Мустафы². Развито было примитивное винокуренное производство. Во многих селах были водяные мельницы, принадлежавшие туркам или зажиточным сербским крестьянам.

«Будучи необходимой составной частью городского быта,— пишет В. И. Ленин,— ремесло распространено в значительной степени и в деревнях, служа дополнением крестьянского хозяйства»³.

Сельское ремесло в Сербии именно служило дополнением крестьянского хозяйства, а ремесленники обычно были связаны с землей. Вук Караджич пишет: «Среди крестьян есть кузнецы (которые куют и клепают топоры, мотыги, лемехи; а котлы крепят и остальные кое-какие мелочи куют турецкие цыгане по городам), ружейные мастера, портные, скорняки, бочары, каретники, плотники, веревочники и по некоторым местам горшечники. Всякий плотник является также каменщиком, как и скорняк — портным. Портной так же как бочар, плотник не шьет у себя дома, а у того, кто делает заказ. Крестьяне в городах и в крепостях большей частью сооружают дома и постройки. Эти ремесла по дереву знает почти каждый серб, но не всякий имеет инструмент, например, чтобы сделать новую бочку или повозку; но для того, чтобы обруч набить, у повозки или мельницы что-нибудь поправить, редко кто приглашает мастера. Сербь также сами рубят строевой материал, сами (особенно бедняки) поправляют дома и всякие постройки. Всякий серб сам себе шьет башмаки. Ложки, деревянные блюда и корыта обычно изготовляют черновлашские цыгане, которые ходят по стране, продают или меняют их на муку или что другое»⁴.

Таким образом, в деревне существовало весьма разнообразное ремесло. Из описания Караджича очевидно, насколько тесно ремесло смыкалось с домашней промышленностью и выросло из нее. Как и домашняя промышленность, ремесло удовлетворяло потребности крестьян в домашней утвари, сельскохозяйственных инструментах, одежде.

Деревенские ремесленники не были объединены в цехи, и, таким образом, деревенское ремесло было свободно от цеховых пут. Лишь каменщики

¹ Д. Ихчиев. Ук. соч., стр. 450.

² Љ. Станојевић. Стари српски записи и натписи, Београд, 1903, кн. II, стр. 247

³ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 286.

⁴ «Даница», 1827, стр. 102.

и плотники — самый развитый вид сербского ремесла, — иногда объединялись во временные товарищества — «тайфы» и уходили на заработки в города¹.

Караджич упоминает о каменщиках и плотниках, которые уходили на строительные работы в города и крепости. Среди документов монастыря св. Троицы есть один, относящийся к 1784 г., который сообщает о пропавшем без вести мастере (плотнике), ушедшем на работу в Румелию².

Отход ремесленников на заработки в другие местности, по словам В. И. Ленина, является «единственным элементом развития, присущим этой форме промышленности»³. Отходничество приводило ремесленников в соприкосновение с рынком, способствовало постепенному превращению ремесленников в товаропроизводителей и развитию крестьянских промыслов.

Как начало развития крестьянских промыслов можно рассматривать стход на заработки в города ремесленников-строителей.

В своей работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин показал, какое большое значение для начала развития капиталистического производства в России сыграли мелкие промыслы⁴.

Примитивные виды промышленности, существовавшие в конце XVIII — начале XIX в. в Сербии, явились базой для появления в дальнейшем капиталистической мануфактуры.

§ 3. Сельское хозяйство

Как и в более позднее время, Сербия в XVIII в. была аграрной страной. Природные богатства Белградского пашалыка создавали все условия для развития сельского хозяйства. С другой стороны, крайне неблагоприятные условия способствовали сохранению натурального хозяйства. Несмотря на тяжелые условия жизни в составе Османского государства и опустошительные войны, в конце XVIII в. намечаются значительные сдвиги в некоторых отраслях сельского хозяйства Сербии.

В Сербии получили развитие разнообразные отрасли сельского хозяйства. «Земля в Сербии очень плодородна, жита, вина различного, овец и всякого скота имеется в изобилии», — писал о Сербии в 70-х годах XVIII в. патриарх Бркич⁵.

Крестьяне должны были платить спахиям десятину в натуре от урожая кукурузы, пшеницы, мелкого проса, овса, ячменя, овощей, а также меда и вина⁶. Очевидно, эти виды хозяйства и сельскохозяйственных культур были основными.

Австрийские офицеры, путешествовавшие по Сербии в 1784 г., описывают состояние сельского хозяйства в разных частях страны. В центральной части Сербии сеяли рожь, ячмень, пшеницу, овес, кукурузу, иногда бобы. Больше всего сеяли кукурузы, из которой все население пекло хлеб. Кроме

¹ Т. Ђорђевић. Ук. соч., «Етнограф. зборн.», кн. XXXIII (15), стр. XXV.

² Ф. Бајрактаровић. Сadržина турских докумената монастира Св. Троици код Певља, «Споменик», кн. LXXIX (62), стр. 52, док. № 106.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 3. стр. 287—288.

⁴ См. там же, стр. 291.

⁵ «Споменик», кн. XX (9), стр. 49.

⁶ Податци за повестницу српску. «Гласник», кн. III, стр. 179.

этого почти везде занимались огородничеством¹. В западной и восточной части Сербии, кроме указанных культур, крестьяне сеяли просо².

Зерновое хозяйство, хотя и сохраняло еще в основном натуральный характер, не было полностью натуральным. В этом отношении характерно списание офицера Митезера: «Рожь, ячмень, пшеницу, овес сеют мало, но то, что в году крестьянином посеяно и собрано, он обычно везет в город на продажу, оставляя лишь небольшой запас для себя и будущего посева...»³.

Описание офицера Митезера не характеризует всю Сербию, но является типичным для некоторых развитых районов.

Значительное развитие в хозяйстве конца XVIII в. получило садоводство и особенно разведение сливовых деревьев — из слив в Сербии гналась водка. Характерно, например, что 397 сербских семей, состоящих из 4214 чел., переселившихся в 1788 г. в Австрию, оставили на прежнем месте жительства 46 700 плодовых деревьев, 381 семья (2140 чел.) — 23 421 плодородное дерево⁴. Это значит, что на каждого человека приходилось в среднем по 11 деревьев. О том, какое развитие получило разведение слив, можно судить по тому, что в монастыре Волявча было посажено в 1763 г. 220 сливовых деревьев, в 1764 г. — 330 шт., в 1772 г. — 600 шт.⁵ Водка, которая гналась из слив, шла на продажу.

Для изучения техники земледелия в Сербии имеется очень мало материала. Но на основании известного можно сказать, что техника земледелия была отсталой, средневековой.

Даже в значительно более позднее время, в 60—70-х годах XIX в., в Сербии часто существовал и перелог⁶. Полевая система безусловно господствовала в XVIII в., но ввиду расширения посевной площади и увеличения населения, большое значение имело подсечно земледелие, как первая стадия полевой системы.

Сельскохозяйственные орудия также оставались примитивными. Известно о существовании ремесленников, специально занимавшихся ковкой и клепкой лемехов для плугов⁷. Имеется упоминание, что в хозяйстве зажиточного крестьянина Видаковича был плуг⁸. Однако плуги имели немногие хозяйства, а главным пахотным орудием оставалась примитивная деревянная соха (рало).

Благодаря наличию хороших пастбищ скотоводство всегда играло большую роль в сербском хозяйстве. В некоторых горных районах юга и запада пашалыка скотоводство было главной отраслью хозяйства, а земледелие играло подсобную роль.

В хозяйстве сербских крестьян обычно имелось много скота. 855 семей (5732 чел.), переселенцев в Срем, во время войны 1788—1791 гг. привели с собой 1300 лошадей и жеребят, более 5000 голов крупного рогатого скота, до 8000 голов овец, 3000 коз и 2000 голов свиней⁹. Если не учитывать имущественной дифференциации крестьянства, в среднем на каждую семью

¹ «Споменик». С. К. А., кн. LXXXII (64), стр. 100.

² Там же, стр. 54, 143—144.

³ Там же, стр. 100.

⁴ Д. Пантелић. Кочина крајина. Приложения, стр. 138—139.

⁵ Л. Стојановић, Ук. соч., кн. II, стр. 247—248.

⁶ С. Марковић. Србија на истоку. Београд, 1945, стр. 129.

⁷ «Даница», 1827, стр. 102.

⁸ «Гласник», кн. XXX, стр. 97.

⁹ Wiener Zeitung 13.VIII 1788. Цит. по кн.: «Die freiwillige Teilnahme Serben...», S. 274.

приходилось по 1—2 лошади и около 6 голов крупного рогатого скота. В «Протоколе Шабачкого магистрата» встречаются дела о разделе и наследовании имущества. Например, часть имущества, наследуемая женой по смерти мужа, состояла из 8 овец, 2 коней, 6 голов крупного рогатого скота, 7 голов свиней¹. В составе наследства, полученного сыном после смерти отца, имеется 3 головы крупного рогатого скота, 5 овец, 5 свиней².

Характерно, что в «Протоколах Шабачкого магистрата» большинство дел о кражах, долгах, расчетах, разделах имущества, не говоря уже о торговых делах, имеет отношения к скоту.

Имеются примеры и такого количества скота в хозяйстве крестьян, которое свидетельствует о наличии в Сербии достаточно крупных товарных свиноводческих хозяйств. Так, в хозяйстве Видаковича, только что выдвигавшегося из задруги, было несколько дойных коров³, а после года жизни в лесу во время войны 1788—1791 гг. осталось около 200 свиней, несколько коров, немного овец и коз⁴. У Карагеоргия перед восстанием было до 300 голов свиней и много другого скота. В одном из скотоводческих районов Сербии — Ужицкой Черногории — были торговцы, откармливавшие по 600—1000 голов свиней⁵.

Свиноводство в Сербии было самой выгодной отраслью сельского хозяйства. Развитию свиноводства в Сербии благоприятствовало наличие хороших пастбищ, а также и то обстоятельство, что турки не употребляли свинину в пищу. Обилие пастбищ, дубовые леса давали возможность легко выкармливать скот, не интенсифицируя земледелия. Однако безусловно и земледелие в какой-то мере должно было приспособливаться к нуждам скотоводства, получать кормовое направление. Так, например, в части Шумадии — Ясенице летом, пока не созревали желуди, свиней держали в загонах, выпуская днем в лес. Осенью несколько хозяев, объединившись, арендовали пастбище и гнали свиней «в жир» (на питание желудями). На горных и лесных пастбищах строили шалаши и загоны для свиней и находились там до зимы. По возвращении свиней докармливали кукурузой, а затем продавали⁶. Таким образом, не только желуди, но и кукуруза являлась кормом для свиней. Скотоводство в Сербии основывалось на земледелии и было неразрывно связано с ним.

В скотоводстве использовался иногда наемный труд. В «Протоколе Шабачкого магистрата» имеется ряд дел о наемных пастухах⁷. Однако случаи использования наемного труда в скотоводстве, обилие скота еще не свидетельствуют о высокой степени развития скотоводства и его интенсивном характере. Большое количество скота, особенно свиней, в хозяйстве сербских крестьян говорит о том, что производство продуктов скотоводства уже было рассчитано на рынок и начало терять натуральный характер. Развитие скотоводства в конце XVIII — начале XIX в. обуславливалось прежде всего тем, что скот имел широкий рынок сбыта. Он являлся основным предметом торговли, главным источником дохода и накопления капитала в сербской деревне.

¹ «Гласник», II отд., кн. I, дело № 114.

² Там же, дело № 192.

³ «Гласник», кн. XXX, стр. 97.

⁴ Там же, стр. 127.

⁵ Љ. Павлович. Ужицка Црна гора. «Этнограф. зборн.», кн. XXXIV (19), стр. 13.

⁶ Др. Обњаковић. Ясеница. «Этнограф. зборн.», кн. XXV (13), стр. 215.

⁷ «Гласник», II отд., кн. I, дело № 133, 244, 428, и др.

Откорм свиней на продажу превратился в род сельскохозяйственного промысла, сыгравшего большую роль в развитии мелкого товарного производства в деревне.

Даже в XX в. Сербия оставалась аграрной страной. Развитие городской промышленности во время турецкого владычества наталкивалось на непреодолимые препятствия. Однако в одной из отраслей сельского хозяйства перед восстанием 1804 г. уже начали зарождаться новые отношения.

«По самой природе земледелия, превращение его в товарное производство происходит особым путем, непохожим на соответствующий процесс в индустрии,— пишет В. И. Ленин.— Промышленность обрабатывающая раскалывается на отдельные, совершенно самостоятельные отрасли, посвященные исключительно производству одного продукта или одной части продукта. Земледельческая же промышленность не раскалывается на совершенно отдельные отрасли, а только специализируется на производстве в одном случае — одного, другом случае — другого рыночного продукта, причем остальные стороны сельского хозяйства приспособляются к этому главному (т. е. рыночному) продукту»¹. Именно этими особенностями характеризуются начатки развития капитализма в сельском хозяйстве Сербии: мелкое крестьянское производство начинает превращаться в товарное, специализируется на производстве одного рыночного продукта — в данном случае скота, часть крестьян начинает превращаться в товаропроизводителей.

§ 4. Торговля

До завоевания страны турками сербская торговля тяготела к Адриатическому побережью, а дубровничане играли в ней первостепенную роль. Главным предметом вывоза в это время являлись скот, кожи и другие продукты земледелия и скотоводства. Кроме того, большое место в вывозе занимали серебро, железо и прочие металлы.

В XV—XVI вв. торговля Балканского полуострова постепенно приходит в упадок. Причиной этого было не только тяжелое положение покоренных стран под чужеземным игом, большую роль сыграла и «революция мирового рынка» конца XV в., великие географические открытия, вызвавшие перемещение путей мировой торговли и падение торгового значения Средиземного моря. В связи с этим упало торговое значение и Адриатического побережья, к которому тяготела торговля Сербии в средние века. С другой стороны, дунайско-моравский путь получил при турках большее значение, чем раньше. Тем не менее торговля Турции с Европой, хотя и в меньших масштабах, продолжалась. Она базировалась на ремесленном производстве таких городов, как Брусса, Алеппо, Константинополь, Салоники, Смирна. Из Турции вывозились в Европу шелка, платки, холодное оружие, всевозможные колониальные товары, которые очень ценились в Европе.

В торговле Турции с европейскими странами Белградский пашалык, как область пограничная, прилегающая к такой водной артерии, как Дунай и Сава, играл значительную роль. «Сербия имеет много ресурсов для торговли, совершаемой через Дунай,— навигация через который очень выгодна для экспорта через Черное море всей продукции страны»,— пишет Феррьер-Савебо². Через территорию пашалыка проходил крупный торговый и воен-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 267.

² Ferrier-Sauvebeouf. Ук. соч., т. 1, стр. 272.

ный путь из Константинополя в Вену. Еще во времена Римской империи этот путь был известен под названием *via militaris* или *via Singindunum*. Одним из главных опорных пунктов на этом пути был Белград. При турках в XV—XVI вв. *via Singindunum* приобрел еще большее значение, будучи главной военной дорогой турецкого войска в Европу.

Белград был центром, стягивавшим к себе почти все торговые пути, шедшие через пашалык. Несколько дорог шли из Сербии в Валахию, Болгарию, Константинополь, Македонию, Албанию, Боснию и через последнюю к Адриатическому побережью. Кроме того, через Дунай Сербия связывалась с Австрией.

Направление торговых дорог указывает два основных пути, соединявших Белградский пашалык с внешним миром: через Боснию с Адриатическим побережьем; из Греции по долине Моравы до Дуная и далее по Дунаю — с Австрией и Южной Венгрией. Через Боснию в пашалык шли товары из приморских городов и вывозились сельскохозяйственные продукты, скот. По второму пути велась торговля Греции и других прилегающих к этой трассе областей с Австрией, а также торговля с Австрией и Венгрией самого Белградского пашалыка. «Жители Белграда в Сербии ведут большую торговлю с Венгрией, Далмацией и Турцией», — записано в одном современном описании турецких провинций¹.

Дорога по Дунаю имела в то время много неудобств. Дунай протекал среди скал, имел пороги, а в некоторых местах течение его было так сильно, что путешествие на крайне примитивных судах, существовавших в Турции в то время, было очень опасным². Красочное описание всех опасностей и трудностей путешествия по Дунаю дает Бантыш-Каменский, проезжавший в 1808 г. по Дунаю в Белград³. В плохом состоянии были и сухопутные дороги. Многие дороги в горах и лесах представляли собой узкие тропы, по которым можно было проехать только верхом. Поэтому в Сербии ездили обычно на лошадях с навьюченными седлами, а не в повозках⁴. Турецкое правительство не заботилось об улучшении дорог. Проезжие купцы часто подвергались нападениям гайдуков и кирджалиев и потому передвигались обычно караванами. Во всех городах и местечках существовали постоянные дворы — ханы, в которых могло разместиться сразу по 30—60 человек и большое количество лошадей⁵. В деревнях купцы и путешественники останавливались обычно у зажиточных крестьян.

Сами турки сравнительно мало занимались торговлей. Она находилась в руках купцов славянской, греческой и армянской национальностей. «Кто является торговцем в Турции? — писали Маркс и Энгельс. — Во всяком случае не турок... Греки, армяне, славяне и франки, устроившиеся в больших морских гаванях, держат в своих руках всю торговлю и не имеют решительно никаких оснований благодарить турецких беев и пашей за то, что эта возможность им дана. Пусть удалят всех турок из Европы, торговля от этого не пострадает»⁶. То, что писал Маркс в середине XIX в., вполне приложимо и ко всему периоду турецкого господства над Балканским полуостровом.

¹ Neueste Reisebeschreibung durch die vornehmsten Provinzen der Ottomanischen Pforte. В. und Leipzig, 1772, S. 131.

² F. Beaujour. Tableau du commerce de la Grèce. P., 1800, t. 2, p. 84.

³ Д. Бантыш-Каменский. Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию СПб., 1810, стр. 106, 132.

⁴ «Даница», 1827, стр. 53.

⁵ Војно-географски описи Србије, «Споменик», кн. LXXXII (64).

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 391—392.

Как и во всей торговле Турции, в торговле Белграда преобладающую роль играли греки, составлявшие основной слой городского купеческого сословия. «В жизни наших городов греки и цинцары (фракийские влахи) по отношению к нашему населению, которое было главным образом переселенцами из сел, были как бы городской аристократией с лучшим и более богатым образом жизни»¹, — писал сербский историк Костич.

Центром греческой торговли был Солун. «Вена, с одной стороны, и Салоники, с другой, — два больших контрагента в торговле Греции с Австрией»², — сообщает французский консул в Греции, Божур. Большая часть торговли Белграда с Австрией находилась также в руках греков. Много греков жило в самой Вене. Само слово «грек» стало в Сербии синонимом торговца.

Городской торговлей занимались и сербы, которые жили в городах (о таких сербах — городских торговцах упоминает Караджич³), а также сами турки, особенно янычары. Сербов-торговцев в городах было немного.

Торговцы в Турции составляли привилегированную часть населения городов. Городские торговцы, подобно ремесленникам, имели обычно свои корпорации — эснафы, которые давали им возможность защищаться от непомерных поборов и посягательств на их права со стороны турецких властей.

Чтобы начать торговлю, надо было получить на это разрешение турецких властей. В Сербии разрешение на торговлю, так называемую «бурунтию», получали от турецких властей, уплачивая при этом соответствующую сумму денег⁴. Турки имели привилегии при ведении торговли, поэтому иногда сербы занимались торговлей от имени какого-нибудь турка или были компаньонами торговцев-турок.

Часто торговцы получали личные привилегии и права по бератам, ферманам и т. д. Такие купцы — «бератлии» существовали и в Сербии. Большие привилегии в торговле имели иностранные купцы, державшие в своих руках всю внешнюю торговлю Турции. Привилегиями пользовались австрийские торговцы и особенно много дубровчан, игравших большую роль в торговле Балканского полуострова в XVI—XVII вв. Привилегии, которые имели иностранные торговцы, часто заставляли сербов принимать иностранное подданство. Но даже это не спасало купцов от обременительных поборов со стороны турецких властей, которые особенно возросли во второй половине XVIII в.

Яркую характеристику тяжелых условий торговли в Турции дает Маркс. «Когда они (турки.— И. Д.) еще пребывали в первобытном состоянии номадов, их метод ведения торговли заключался в ограблении караванов; теперь, когда они стали несколько более цивилизованными, он состоит во всевозможных произвольных и стеснительных поборах»⁵.

Собственность купца в Турции не была обеспечена. Это было одной из причин, крайне затруднявших рост торгового капитала.

Сколько было всевозможных поборов с купцов, торговавших в Европейской Турции, видно из «Указа султана Селима III относительно купца Радуля Таковича», австрийского серба, который привозил товары из

¹ К. Костич. Грађа за историју српске трговине и индустрије. «Споменик», кн. LXVI (52), стр. 180.

² Веацјоиг. Указ. соч., т. 2, стр. 83.

³ «Даница», 1827, стр. 101.

⁴ Филиповић. Право тргованања у обновленој Србије. «Архив за правне и друштвене науке», кн. V, стр. 514.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 391—392.

Австрии и продавал их в Турции, а также покупал товары в Константинополе и продавал их в европейских провинциях Турции. Кроме пошлин на товары, которые требовались по нескольку раз, брался налог «на право ходить по империи», высокая плата за перевозки и проезды, «налог на «эмигрантов», налог на содержание скотобоев, налог «на право спасения», подарки властям и др.¹

Крайне отрицательно влиял на развитие внутренней торговли режим капитуляций, низкие пошлины на иностранные товары, привилегии иностранных торговцев и т. д.

* * *

Благодаря тому, что Сербия была расположена на путях торговли Турции с европейскими странами, большую роль в ней всегда играла транзитная торговля.

Если верить Штöверу, в 1779—1780 гг. из Турции в Венгрию (в большинстве случаев через Белградский пашалык) шло товаров на 1 695 535 гульденов и обратно на 490 238 гульденов². Главное место занимал транзит товаров, шедших из Константинополя и европейских провинций Турции в Австрию и обратно. Значительное развитие получил вывоз хлопка из Македонии³, большая часть которого шла через Белград и Земун по Дунаю в Вену. Австрия ввозила, кроме того, из Македонии табак, зерно, шерсть; зерно ввозилось также из Фессалии, а шерсть из Албании. Часть этих товаров экспортировалась через Белград. Вывозила Австрия в Турцию различные промышленные товары. Часть из них также шла по Дунайскому пути.

Таким образом, первостепенную роль в транзитной торговле играл Белград. «Сильно развита торговля в Белграде, главном городе Сербии. Константинопольский двор получает ежегодно около 100 000 талеров (Rathshaustaler — нюрнбергский талер.— И. Д.) от пошлин, получаемых там, и вся торговля, которая идет сушей и водой из Вены в Константинополь и обратно, покоится на этой крепости», — пишет Штöвер⁴.

Транзитная торговля, центром которой был Белград, не имела большого значения для хозяйства самой Сербии, и ею, естественно, не исчерпывалась торговля страны, развита была и внутренняя торговля.

Хотя в целом обмен между городом и деревней был развит еще слабо, он существовал и развивался. Городские торговцы занимались скупкой сельскохозяйственных продуктов, через своих агентов они продавали в селах различные товары. Это были так называемые калайджи, которые ездили по деревням или ходили пешком, неся товары на плечах в корзинах⁵. По деревням ходили также цинцары, продавая различные металлические изделия. Крестьяне ездили в города, чтобы сбыть там излишки сельскохозяйственных продуктов.

В опубликованном Вукичевичем документе «Об уплате издержек и пошлин в 1792 г.», сообщается, что райя освобождаются от пошлин за привозимые в город следующие товары: масло, сало, мед, сыр, муку, пшеницу,

¹ Записки Имп. Одесского об-ва истории и древностей, т. XXIV, 1902, стр. 85—86.

² I. Stöver. Historische-statistische Beschreibung des osmanischen Reiches. Hamburg, 1787, S. 264.

³ Beaujour. Ук. соч., т. I, стр. 54.

⁴ Stöver. Ук. соч., стр. 47.

⁵ Српски речник, калајџија.

кукурузу, вино, водку, дрова, воск, кожи, шкуры, различный скот и птицу. Из городов крестьяне вывозили соль¹.

В городах происходили базары и ярмарки. Так большие ярмарки собирались в Валева. «...Ежегодно в сентябре месяце там бывает рынок в течение 4-х — 5-ти дней, на который из всех окружающих местечек турки и христиане имеют обыкновение приводить на продажу даже рабов (Sclaven)», — пишет немецкий офицер². Крупным городом с развитой торговлей была также Ужица.

Большую роль в развитии деревенской торговли играли монастыри. «В многие праздники... там собирается народ как на ярмарку, — сообщает Караджич. — В хорошее время в некоторых монастырях собирается по несколько тысяч человек. Торговцы продают там различные товары, трактирщики торгуют вином и водкой, мясники жарят овец, коз, свиней и продают мясо... Такие сборы происходят и около церквей, но не всегда... Правда, к монастырям большей частью сходятся те, кому близко; но не приходят и издалека, идя по несколько дней. Например, в Троицу, в Студеницу съезжаются богатые люди из всей Сербии, из Боснии и Герцеговины»³. О том, что «тржища» собираются по праздникам около церкви села Неменекуча, упоминает и Видакович⁴.

Какие же товары продавались на таких ярмарках? Насколько можно проследить, это были продукты сельского хозяйства: зерно, хлеб, вино, водка, мед, скот, кожи и др.

Таким образом, перед восстанием 1804 г. в Сербии было уже достаточное количество мелких местных рынков. Монастырские ярмарки играли большую роль как центры местных рынков. Их значение иногда выходило даже за пределы пашалыка, а ярмарки около монастырей, находившихся в Боснии, вблизи пашалыка, привлекали туда торговцев и покупателей из Белградского пашалыка.

* * *

Бездорожье мешало вывозу из Сербии на далекие расстояния продуктов земледелия, зерна, водки. Такие продукты были предметами торговли на близлежащих рынках. В противоположность этому скот, который легко было перегонять на большие расстояния, имел более широкий рынок сбыта. Именно наличие удобных рынков сбыта обусловило быстрое развитие скотоводства в Сербии.

О значении торговли скотом для внутренней жизни Сербии свидетельствуют дела «Протокола Шабацкого магистрата», в которых очень часто говорится о торговле, главным образом, скотом.

Караджич пишет: «От продажи вина, водки и других продуктов земледелия можно получить несколько пара⁵; но все это ничто по сравнению с рогатым скотом и со свиньями: волов и коров всякую весну покупают босняки и герцеговинцы и перегоняют их на море; коз и овец покупают турки, а свиньи непрестанно перегоняются в Австрию»⁶.

Как и в XIX в., торговля через Боснию с Адриатическим побережьем имела для Сербии большое значение. Из Ужицы и Валева направлялись

¹ М. Вукчићевич. Карађорђе, Београд, 1907, Приложения, стр. 387.

² «Споменик», кн. LXXXII (64), стр. 125.

³ «Даница», 1827, стр. 108—109.

⁴ «Гласник», кн. XXX, стр. 112.

⁵ Пара — мелкая монета в Турции, $\frac{1}{4}$ часть пиастра или гроша.

⁶ «Даница», 1827, стр. 104.

целые караваны товаров, шедших в Сараево, Боснию, Далмацию. Из Сербии вывозился рогатый скот, овцы, кожи и другие продукты сельского хозяйства. Из приморских городов в Сербию шли разнообразные промышленные товары.

К сожалению, о торговле Сербии с Боснией и Адриатическим побережьем отсутствуют более подробные и конкретные данные. Несколько больше сведений имеется о торговле Сербии с Австрией, с южными областями Венгрии, населенными сербами. Эта торговля имела первостепенное значение для Сербии в конце XVIII — начале XIX в. Божур отмечает падение значения дунайского торгового пути во второй половине XVIII в.¹ В связи с ростом торговли Австрии через Адриатическое побережье, дунайская торговля действительно уменьшилась в то время, но все же имела большое значение. Этому способствовали также торговые привилегии, полученные Австрией по Систовскому миру, и в связи с этим общее увеличение австрийской торговли с Турцией в 90-е годы XVIII в. «Они в нашу страну (Австрию.— И. Д.) вывозят дрова, которыми Сербия изобилует, и другие товары из Турции: воск, сало, мед, миндаль, деревянное масло, железную руду, хлопок, шерсть, шелк. Греки, кроме того, торгуют еще и вином, свиньями, буйволами, кофе. А от нас привозят сукно, железо, сталь, стекло, копы», — так описывает торговлю Белграда с Австрией Катанчич². Такого рода товары поступали из Сербии в Австрию через Белград.

Однако не только через Белград велась сербская торговля с Австрией: торговля шла на всех дунайских переправах. Главной статьёй этой торговли был скот, особенно свиньи.

Протекционистская политика Иосифа II привела к некоторому уменьшению ввоза товаров из Турции в Австрию, однако, на ввозе скота это отразилось в меньшей степени. В 1807 г. из Сербии было вывезено в Австрию скота на 3 млн. грошей³. Вывоз скота в конце XVIII в. был, вероятно, не на много меньше этой цифры.

Интересно отметить, что торговля скотом с Австрией получила развитие во второй половине XVIII в. Во время австрийской оккупации 1718—1739 гг. торговля скотом не играла большой роли. В сообщении из Белграда от 1724 г., когда Сербия была оккупирована австрийцами, говорится, что «так как скот и зерно сейчас имеют очень низкую стоимость, на продажу из Сербии может идти только мед, воск и вино, если оно не потребляется самой райей»⁴.

Выше было сказано о тяжелых условиях, в которых находились торговцы-сербы в Турции. Купцы, подданные иностранных государств, часто имели привилегии для торговли в Турции и приобретали защитительные грамоты от султана. Многие сербские купцы бежали в славянские области Австрии и, приняв австрийское подданство, начинали торговать в Турции, в частности, в Белградском пашалыке. Характерно, что во время войны 1788—1791 гг. в Южную Венгрию бежали, главным образом, торговцы и зажиточная прослойка деревни.

Часто сербские купцы в качестве австрийских подданных жили в Сербии и вели там торговые дела. По сравнению с Турцией, в Австрии были более благоприятные условия для развития торговли. Торговое сословие

¹ Beaujouin. Ук. соч., т. II, стр. 84.

² «Гласник», кн. V, стр. 121.

³ М. Петровић. Ук. соч., т. I, стр. 94.

⁴ Langer. Ук. соч., S. 202.

там имело некоторые привилегии, свои суды, церкви¹. В Южной Венгрии находились сравнительно крупные торговые города, как Сант Андрей, Земун и др. В XVIII в. Сант Андрей торговал полотном, кожей, шелком, вином с Лейпцигом, Краковом, Веной, Триестом². Характерно оживление в это время торговли в городе Земуне, расположенном на Дунае и Тиссе почти напротив Белграда. Во время войны 1788—1791 гг. туда переселилось много зажиточных семей торговцев из Белградского пашалыка. В Земуне постоянно происходили торговые сделки сербов и велись все торговые дела.

Можно считать, что с областями Южной Венгрии, населенными сербами, имелись у Сербии в это время основные торговые связи. Именно это обстоятельство объясняет настроение части зажиточной верхушки крестьянства, а также духовенства, ратовавших за присоединение к Австрии.

Австрийские торговцы старались монополизировать торговлю Сербии. Скупая там скот и другие сельскохозяйственные продукты по очень низким ценам, они перепродавали эти продукты с большими барышами в Австрию, а подчас и в другие страны.

Таким образом, несмотря на неблагоприятные условия, торговля в Сербии перед восстанием 1804 г. получила значительное развитие. Росла внутренняя торговля, обмен между городом и деревней. Предметом торговли сербских крестьян на ближних рынках, в городах были продукты земледелия, зерно, скот. Скот и продукты скотоводства были также предметами торговли на дальних рынках и вывозились в Боснию, на Адриатическое побережье и в Австрию.

Вывоз скота, особенно свиней, в Боснию и Австрию вырос именно в конце XVIII в. и имел первостепенное значение для развития экономики Сербии, положив основу процессу первоначального накопления капитала в стране.

Г л а в а II

ФЕОДАЛЬНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В СЕРБИИ

§ 1. Турецкое землевладение

Большая часть земли в Сербии принадлежала помещикам — спахиям. Караджич пишет, что спахии «владеют всей Сербией за исключением разве султанских сел, которые называются мукада или эминлук»³.

Как было сказано выше, спахиями (искажение от турецк. сипахи) именовались военные ленники, служившие в феодальном ополчении. В XVIII в. в Сербии спахиями крестьяне называли всех помещиков вообще. Слово «спахий» стало синонимом слова помещик. Отчасти это отражало фактическое положение вещей: спахии представляли большинство турецкого феодального класса в Сербии.

Однако формально старые категории землевладения продолжали существовать; спахилюки все еще считались неотчуждаемыми, владение ими было обусловлено исполнением военной службы. В распоряжении от 15/IV 1844 г.

¹ Костич. Ук. соч. «Споменник», кн. LXVI (52), стр. 162.

² Там же, стр. 163.

³ «Даница», 1827, стр. 78.

министерство юстиции Сербского княжества так описывало правовое положение спахийев до освобождения страны: «...Ни один спахий не является наследственным владельцем дарованного ему тимара, ибо тимары принадлежат султану, а спахии только пользователи и откупщики этих тимаров, пока они служат у султана. А если перестанут (служить) или умрут, тогда тимар дается другому, и так все время бывает»¹.

Это были официально признаваемые права и обязанности спахийев. В действительности их положение мало соответствовало устанавливаемым законом нормам. Правда, каждый спахий должен был иметь берет султана на свое владение (Ненадович пишет, «что до прихода читлук-сахибиев в Сербию были спахии с султанскими бератами») ². Однако их получение было простой формальностью для тех, кто фактически уже владел поместьем.

Не только крупные, но и мелкие спахилуки фактически переходили по наследству. Происходившие иногда переделы земельных владений фактически не меняли дела.

Официально спахии в XVIII в., как и ранее, должны были жить в Белграде и других городах и служить в кавалерии. Однако они далеко не всегда подчинялись этому правилу. Владельцы спахилуков более крупных по размеру легко откупались от военной службы. Владельцы мелких поместий все еще продолжали ее исполнять. «Богатые спахии, если хотят, не ходят на войну, так как они могут подкупить (zuvorkommen) командированного пашу деньгами,— писал австрийский офицер Миханович.— Бедные должны, разумеется, служить, и они, возможно, делают это охотно, так как рассчитывают перехватить там кое-что»³.

Спахийское войско XVIII в., хотя и мало похожее на спахийское войско XVI в., продолжало существовать. Путешествовавший по Сербии в 1783 г. тот же немецкий офицер видел под Белградом жалкий военный лагерь спахийев, состоявший из нескольких маленьких, покрытых соломой избушек⁴.

Поместья более крупной величины давались султаном крупным чиновникам, управителям пашалыков и т. д. Эти феодальные владения относились к землям «хасс». По правам владельцев в XVIII в. они фактически не отличались от спахийских земель. Новакович правильно считает, что эти так называемые «маличане» (искаженное от турецкого «маликяне») были такими же феодальными владениями, как и спахилуки, только большей величины⁵. Как и спахилуки, они иногда передавались их владельцами на откуп.

Али Чауш из Софии, живший в XVII в., писал, что маликяне наследовались как мюльк и владельцы располагали ими полностью. Подобные владения существовали и в Сербии.

Кроме хассов чиновников имелось большое количество земли, которая представляла собой доменальные владения султана. По словам Караджича, такие села «не имеют спахийев, так как десятина с них принадлежит султану»⁶. Эти поместья султана в Сербии назывались «эминлуками». Они сдавались на годовые откупа, так называемые «мукада» (искаженное

¹ Распоряжение мин. юстиции Сербского княжества № 1244 от 15/IV 1844 г. Цит. по кн.: Новаковић, Прониари и Баштиники. «Глас», кн. 1, стр. 95.

² М. Ненадовић. Ук. соч., стр. 18.

³ «Споменик», LXXXII (64), стр. 23.

⁴ Там же, стр. 22.

⁵ С. Новаковић, Прониари и Баштиники. «Глас», кн. 1, стр. 76—77.

⁶ Српски рижечник, јѐми.

мукадаа). Откупщики мукада в Сербии назывались «эминами»¹. Мукада представляли собой обычно крупные земельные владения. Они находились почти во всех частях пашалыка. Откупщиками их иногда были и сербы.

Упоминаний о наличии в Белградском пашалыке земель, принадлежавших в XVIII в. к вакуфам, не имеется. Однако вакуфные земли имелись в Южной Сербии (например, в Скопской Черногории, Крайште и Власине).

В Белградском пашалыке было всего 11 мукада. В шести нахиях, присоединенных к Сербскому княжеству в 1833 г., насчитывалось еще 4 мукада². Мукадами часто были города вместе с селами, их окружавшими (например, Пожаревац с четырьмя селами, Ягодина с шестью селами), или отдельные большие села (как например, Горня Студеница, Сараново и др.)³.

Сербские земли были значительно удалены от центра империи, а с конца XVII в. явились ареной ряда войн. В XVIII в. Белградский пашалык стал пограничной областью империи. Эти обстоятельства значительно уменьшали для турецких феодалов ценность земельных владений в Белградском пашалыке и прилегающих к нему санджаках. Может быть именно по этим причинам в Белградском пашалыке во второй половине XVIII в. преобладали мелкие и средние поместья, в то время как в других областях империи концентрация земель началась значительно раньше.

Кюнибер, служивший врачом при князе Милоше в 20—30-е годы XIX в., писал, что в Сербии (Белградском пашалыке) перед восстанием было 900 спахиев⁴. Кроме того, в пашалыке существовали обширные владения самого султана — хассы. Если учесть это обстоятельство и то, что в Белградском пашалыке в это время было 1200—1300 сел, которые имели в среднем по 20 домов, можно прийти к заключению, что сербские спахи были в большинстве случаев небольших размеров. Однако, никаких прямых данных о конкретной величине и количестве как крупных, так и мелких поместий в конце XVIII — начале XIX в. не имеется.

Преобладание мелкого спахийского землевладения являлось характерной особенностью Сербии и сыграло определенную роль при аграрных изменениях, происходивших перед восстанием 1804 г. и во время борьбы сербов за независимость в первом и втором десятилетиях XIX в. Преобладание мелкого землевладения позволило янычарам во второй половине XVIII в. и особенно в начале XIX в. без большого труда захватывать земли мелких спахиев. Отсутствие крупных земельных собственников в стране помогло сербам легче преодолеть сопротивление помещиков и добиться в результате двух восстаний фактической ликвидации спахийских отношений.

Караджич указывает, что спахиями в Сербии могли быть только мусульмане. Большинство спахиев были потурченцы — беги и аги из Боснии и Герцеговины⁵. «Почти все они имели дома и дворы по селам Боснии и Герцеговины. «В Белградском пашалыке серба-спахия не было ни одного, — пишет он. — Христианин и теперь в Турции не может стать спахием»⁶. Караджич упоминает лишь об одном исключении: сербы Рашковичи имели свой спахилук до 1805 г. в Старом Влахе.

¹ Српски ријечник, јемџ.

² М. Петровић. Ук. соч., т. 1, стр. 191.

³ Там же, стр. 209.

⁴ В. F-s. Cunibert. Essai historique sur les revolution et l'indépendance de la Serbie. Leipzig, 1855, t. 1, p. 12.

⁵ Српски ријечник, спахија.

⁶ «Даница», 1827, стр. 80.

Если большинство сербских спахийев было действительно мусульманами, то исключений из этого правила было больше, чем считает Караджич. Южнославянские феодалы не были полностью уничтожены после завоевания, в XVII в. в Сербии, как и в Болгарии, еще сохранялись некоторые из потомков сербских властелей и властеличей. Примеры спахийев сербской национальности, живших в XVII в., приводит Новакович¹. В XVIII в. таких феодалов почти не осталось: лишь Рашковичи сохранили свои земли в Старом Влахе (области, пограничной с Белградским пашалыком) и Карапаны в Неготинской Крайне. Последние не были спахиями, а управляли этой областью как баш-кнезы, хотя имели не меньше феодальных прав, чем турецкие помещики².

Но зато в XVIII в. появилась прослойка неродовитых помещиков-сербов, сумевших получить спахилук или взять его на откуп. В большом селе Ябуча, недалеко от Валева, в конце XVIII в. было два спахия-серба. Об одном из них, Павле Велимировиче сохранились сведения в записях монастыря Волявча³. У населения деревни Ябуча остались воспоминания об этих спахиях, а также о других спахиях-сербах, которые после 1804 г. сделались кнезами⁴.

Отдача спахилуков на откуп, проникновение в ряды спахийев лиц христианского вероисповедания явилось одним из симптомов разложения спахийской системы.

* * *

Поместье — спахилук состояло обычно из мелких крестьянских наделов, как их называли в Сербии «баштин», сельского атара, т. е. земель, принадлежавших всему селу, и собственной земли спахия, которая в Сербии называлась «алией». «Алия,— писал Караджич,— спахийская земля, которая никем не населена и не принадлежит никакому селу»⁵. Такие земли спахии могли увеличивать за счет выморочных крестьянских земель, путем захватов у крестьян. Спахии обычно не вели своего хозяйства на этих землях, а сдавали их издольщикам. «Алия дается спахиями людям, те ее обрабатывают и пользуются по уговору»⁶.

Спахии обычно не жили в своих поместьях. Они или имели там своих приказчиков-субашей или сами приезжали собирать налоги. Караджич писал: «Когда спахий приходит в село, он останавливается у какого-нибудь газды⁷, в хорошем и просторном доме, и все крестьяне дают ему для еды все, что требуется. Мало кто из спахийев идет по селу, чтобы посмотреть, сколько кто собрал урожая, а обычно спрашивает, например: «Эй, Радоница, сколько в этом году собрал кукурузы?» Если Радоница отвечает, что собрал 20 товара⁸, то он спрашивает соседа Родоницы, правда ли это. Если

¹ М. Новакович. Ук. соч., стр. 70—72.

² Географски белешке о Турској митрополита Стратимировића из године 1803—1804. «Споменик», кн. XXXIX (35), стр. 114.

³ Љ. Стојановић. Ук. соч., т. II, стр. 285.

⁴ Павловић. Антропогеографија Валевој Тамнаве. «Етнограф. зборн.», кн. XVIII (8), стр. 417.

⁵ Српски ријечник, алија.

⁶ Там же.

⁷ Газда по-сербски «хозяин дома», «зажиточный хозяин», «кулак», иногда торговец скотом. Караджич обычно называет газдами зажиточных крестьян.

⁸ Товар — единица веса, равная 100 окка (окка равна 1,225 кг).

сосед говорит, что это так, он тогда говорит: «Ну, пусть это будет на твоей совести». Если Радоница говорит, что поздно посеял, что кукурузу убило морозом, затопило водой или побило градом, и он не собрал ничего, тогда спахий скажет, утешая себя и его: «Ну, даст бог, соберешь урожай в следующий год»¹.

Караджич дает здесь весьма идиллическую картину спахийских отношений в Сербии. Можно ли полностью принять подобное описание? Нельзя не учитывать того факта, что Караджич склонен был преувеличивать патриархальность общественного строя Сербии. Кроме того, описывая спахийские отношения, он стремился показать, насколько господство читлук-сахибиев было тяжелее спахийского. Это заставляло его смягчать мрачные стороны спахийских отношений. Поэтому было бы неправильным представлять спахийское господство по данному описанию Караджича.

Конечно, спахийские отношения не ограничивались сбором спахией патриархальными способами ренты с крестьян. Сам Караджич, как будет показано дальше, не сводит спахийских отношений только к этому. В цитированном выше месте из «Српског ријечника» он совершенно верно отмечает тот факт, что спахии обычно не жили в своих поместьях, не имели своего хозяйства и только изредка приезжали собирать ренту с крестьян.

В требованиях, предъявленных сербскими делегатами турецким властям во время переговоров в мае 1804 г. говорилось: «Когда землевладельцы приходят в деревни, их не должно сопровождать много людей, так как поданные были бы не в состоянии всех их содержать»². Отсюда можно заключить, что спахии не жили постоянно в своих поместьях, но приезжали туда, повидимому, именно для сбора земельной ренты. Но эти посещения были весьма обременительными для крестьян, так как помещики приезжали с большой свитой, содержание которой полностью ложилось на «поданных» спахии.

Таким образом, поместья как организованной хозяйственной единицы не существовало, спахийское хозяйство имело в основном натуральный, потребительский характер. Довольствуясь рентой с крестьян, спахии сами не занимались хозяйственной эксплуатацией земли, не производили в своем хозяйстве рыночных продуктов. Такое положение отчасти обусловило и формы земельной ренты, преобладавшие в это время.

Земельная рента, которую спахии получали с поместий, официально регламентировалась государством. Обычно размеры спахилюков исчислялись как денежная сумма налогов, которые должны были получать спахии с подчиненных им крестьян. Сербский деятель начала XIX в. И. Гаврилович со слов современников перечисляет следующие налоги, которые получали спахии с крестьян: натуральную десятину от урожая сельскохозяйственных культур, «главницу» по 2 гроша с дома³ (как замену десятины от овощей и садовых культур), «жировину» — налог за пользование пастбищами, за откорм свиней желудями по 4—10 пара со свиньи, «воденично» — налог на помол жита по 1 грошу с человека, «казанско» — налог с котла для варки самогона, «котарину» — налог на пользование пастбищами для свиней

¹ Српски ријечник, спахија.

² Списи бечких архива о првом српском устанку, изд. Ивића, Београд, 1935, кн. 1, стр. 127.

³ Грош, по-турецки гуруш или пиастр, равнялся 40 пара или 120 акча. В конце XVIII в. грош оценивался в 2 франка.

крестьянами чужих сел — 2 гроша со всего пригнанного скота, «женитьбину» — налог, уплачиваемый при женитьбе¹.

Караджич упоминает о существовании в Неготинской Крайне еще одного налога — «мртвины». По его словам, это была «подать за погребение отца семейства»². Однако Гаврилович не упоминает о существовании этого налога перед восстанием. Повидимому, он был в это время незначительным по величине, находился в стадии исчезновения и сливался с другими налогами.

Таким образом, налоги и повинности, которые крестьяне несли в пользу спахив, были разнообразны по своим видам и форме. Определить, в каком соотношении находились между собой натуральная и денежная части ренты, не всегда легко. Десятина с жита, овощей должна была собираться в натуре и свозиться в амбар спахия. Все прочие налоги спахий собирал в деньгах.

Примечательна тенденция слияния разнообразных мелких налогов, уплачиваемых спахиям. Гаврилович пишет, что часто налоги за помол жита, варку самогона, десятина от овощей и садовых культур взимались как один денежный налог «главница», величина которого устанавливалась договором со спахией³. Иногда спахий предпочитали брать с крестьян определенную сумму денег за часть повинностей или за все повинности разом. Караджич писал: «Многие крестьяне договариваются со спахиями и платят им разом за год. Так, например, тршчане (в этой деревне я сам родился) платили своему спахию в год по 10 грошей с женатого и более ничего...»⁴ В Валеvской Тампаве десятина и другие налоги перед восстанием вносились деньгами⁵.

Очевидно, в это время в развитых в хозяйственном отношении районах денежные налоги занимали ведущее место. А после освобождения уже все спахий, которые сохранили право на ренту со своей земли, обычно получали ее деньгами. В 1806 г. по миру Петра Ичко предполагалось, что спахиям будет уплачиваться 4 гроша с человека в год. Все подати государству также должны были вноситься деньгами в размере 806 тыс. грошей со всего пашалыка⁶.

Таким образом, тенденция превращения разнообразных натуральных налогов и повинностей в денежные для конца XVIII — начала XIX в. прослеживается достаточно наглядно. При сохранении натуральной ренты денежная рента начала приобретать все большее значение и имела тенденцию к увеличению.

Отработочная повинность имела в Сербии три термина, значение которых не совсем аналогично, — «намет», «кулук» и «беглук».

Слово «намет» означало всякую подневольную работу (другое значение этого слова — «налог»): и паша, и спахий, и любой турок мог заставить райю сделать все, что ему требуется. «Кулук» означал отработочную повинность вообще. Крестьяне кулучили на визирия: поправляли крепости, мосты, дороги и т. д. Иногда кулучили и на спахия — косили луга, свозили сено и т. д. Но, как пишет Караджич, в Сербии крестьяне редко работали на спахив. Зато читлук-сахибии, новые господа сербских крестьян во второй

¹ Податци за повестницу српску. «Гламник», кн. III, стр. 178—179.

² Српски ријечник. Предговор, мртвина.

³ «Гласник», кн. III, стр. 179.

⁴ Српска ријечник, спахија.

⁵ «Етнограф. зборн.», кн. XVIII (8), стр. 416.

⁶ М. Петровић. Ук. соч., т. I, стр. 67.

половине XVIII в., «заставляли крестьян работать на себя летом в поле»¹. Такая работа называлась «беглуком» (работа на бега). Караджич слова «беглук» в отношении спахийев не употребляет. Повидимому, этот термин был занесен в Сербию из Боснии и Герцеговины, где существовала обязанность кметов работать на бегов — крупных помещиков.

Таким образом, отработочная рента не имела существенного значения при спахийских отношениях. Натуральные и денежные налоги были основными формами ренты. В конце XVIII — начале XIX в. при сохранении натуральной ренты ведущее значение начинает приобретать денежная рента. Этот процесс был связан с развитием товарно-денежных отношений в стране, с ростом товарности крестьянского хозяйства, который наблюдался в это время.

По описанию Караджича, к сбору земельной ренты сводились в основном отношения спахийев со своими крестьянами. Это не противоречит действительности. Однако и Караджич не сводит спахийские отношения только к этому. «Спахий должен своих крестьян защищать от всякой неправды», — пишет он². То же говорит Кюнибер: «...В некоторых наследственных феодальных имениях господа защищали своих крестьян от притеснений муселимов, янычар и турок-бродяг»³.

Обязанность феодала защищать райю, о которой говорят Караджич и Кюнибер, в период ослабления центральной власти должна была играть известную роль для незащищенной райи и приводила к усилению внеэкономического принуждения крестьянства.

Для изучения феодальных прав помещиков интересны некоторые налоги, которые платили крестьяне спахиям: «мртвина», о которой упоминает Караджич⁴, — налог, уплачиваемый при смерти главы семейства, весьма сходный с западноевропейским «*manus mortua*» (менморт), свидетельствует о былых правах помещиков на имущество крестьян; «воденично» — налог на мельницы, весьма возможно, отражает былую монополию помещиков на мельницы; налог при женитьбе, так называемая «женитьбина», указывает на существовавшее ранее право помещиков вмешиваться в семейную жизнь крестьян.

Все эти налоги являются свидетельством былых прав помещиков на личность и имущество крестьян. Очевидно, эти права помещиков существовали еще до завоевания турками, но сохранились и в первое время после завоевания, а потом постепенно превратились в денежные поборы. Благодаря тому, что помещики обычно не имели своего хозяйства и не жили в поместьях, не получила развития и судебная власть помещиков в спахилуках. Низшая судебная власть в деревнях принадлежала общине. Кнезы разбирали обычно дела о мелких кражах, разделах имущества, несерьезных преступлениях и т. д. По их же усмотрению более важные дела передавались кадиям. Творя суд, кнезы действовали большей частью по поручению помещиков и в их интересах.

Мало изученным остается до сих пор вопрос о прикреплении крестьян к земле в Турции. Установление канун-наме⁵ Сулеймана Великолепного сроков и правил сыска крестьян свидетельствует о том, что в XVI в. прикреплению к земле было оформлено юридическими актами. В XVII—

¹ «Даница», 1827, стр. 80.

² «Даница», 1827, стр. 79.

³ Сипіберт. Ук. соч., т. 2, стр. 13.

⁴ Српски рјечник, мртвина.

⁵ Канун-наме — своды турецких государственных законов.

XVIII вв. в Болгарии срок поимки крестьян доходил до 30 лет. За отказ от обработки земли, за перемену места жительства крестьяне в Турции должны были уплачивать тяжелый налог. Однако никаких сведений о том, что общетурецкие законы о прикреплении крестьян к земле действовали в Сербии в конце XVIII в., не имеется. Если верить Караджичу, крестьяне могли без разрешения помещика покинуть свой надел. Он пишет: «Под властью турок человек мог переселиться из одного села в другое, когда хотел, и ему не надо было являться к тому спахию, из села которого он уходил, ни к тому, в чье село он приходил. Дом свой он мог продать или разобрать, а овощи и виноград мог приходить и собирать всякий год и платить спахию десятину; а в том селе, куда он переселился, мог построить дом на пустой земле, где хотел, выкорчевать себе поля и луга и сажать овощи и виноград, сколько хотел. Когда бы спахий пришел в село собирать главницу и стал бы по дефтеру называть по очереди всех крестьян по имени, тогда бы ему крестьяне сказали: «Он выселился» или «Он переселился»¹.

Очевидно, крестьяне в Сербии пользовались значительно большей личной свободой, чем например, в Болгарии. Такое положение могло явиться отчасти следствием того, что при пограничном положении пашалыка, редкой заселенности, значительном количестве никем не обрабатываемой земли, больших лесных пространствах, спахии не могли рассчитывать осуществить свое право сыска бежавших крестьян, если даже они имели это право. Пограничное положение пашалыка облегчало побег крестьян. В случае распри с турецкими властями или помещиками крестьяне обычно бежали в Австрию. В этом отношении показательны биографии ряда сербских деятелей (например Карагеоргия, Кочи Ангельковича и др.). Однако заинтересованные в сохранении налогоплательщиков спахии различными способами старались удержать крестьян. Весьма интересно местное предание о том, что семья первых переселенцев в село Тумбы поклялась спахию, что никогда не покинет села, не оставит его пустым. «И теперь говорят,— пишет Николитч,— что всякий человек из этой семьи имел проклятие от спахия: если выселится, то не будет ему успеха («не може папредовати»)»². Таким образом, в этом селе спахий старался удержать крестьян запугиванием.

Вероятно, были и другие способы, которыми спахии удерживали крестьян в поместьях. К тому же, крестьяне, уйдя от одного помещика, неизбежно попадали в зависимость от другого. Это не стимулировало крестьянские переходы. Поэтому нельзя преувеличивать значения для сербского крестьянина возможности уйти от своего помещика. По словам В. И. Ленина, сами «условия производства» при феодализме «обуславливали прикрепление массы земледельцев к их месту жительства»³. Крестьянской семье не так легко было покинуть насиженное, обжитое место, переселиться и вновь завести все хозяйство. К тому же, если свободной земли было достаточно, то готовой для обработки земли не всегда хватало. Корчевка же леса была делом сложным и очень трудоемким.

Сами условия жизни в Турции прочно прикрепляли крестьян к их селам, общинам, вне которых совершенно бесправная беззащитная рая неизбежно подвергалась грабегам и насилиям. Если купцы, зажиточные крестьяне имели возможность с некоторым риском передвигаться по империи, то большинство крестьян не покидало родных мест без особых на то причин.

¹ Српски рижечник, село.

² Николитч. Пољаница и Класура. «Етнограф. зборн.», VI(3), стр. 35.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 272.

Можно предположить, что в обычных, мирных условиях факты переселения отдельных крестьян были не часты. Переселение происходило главным образом во время войн и из-за каких-нибудь чрезвычайных обстоятельств. Да и во время войн крестьяне уходили обычно целыми селами в леса и возвращались потом вместе обратно. Пример переселений в леса целых сел в 1788—1789 гг. приводится в «Автобиографии» Видаковича¹.

Таким образом, крепостного права в том виде, в каком оно существовало в старом сербском государстве в XIV в. или в восточноевропейских государствах XVI—XVIII вв., в Сербии в XVIII в. не было. Крестьянин имел право уйти от своего помещика. Но условия существования покоренных народов в Турции, полное бесправие, тесная связь крестьян с общинами,— все это прикрепляло население к местам жительства и делало прозрачными все права крестьян в этом отношении.

* * *

Частная собственность на землю поздно получила в Турции юридическое оформление — только в середине XIX в. она стала признаваться законом.

Вопрос о том, кому принадлежала земельная собственность в Сербии при турках, не раз ставился сербскими историками, но не получил методологически верного решения. Буржуазных историков сбивают с толку характерные для Сербии в XVIII в. широкие права спахийских крестьян на их баштины.

Хотя в официальных документах XVII—XVIII вв. сербские крестьяне именовались «держателями султанской земли»², крестьяне сохраняли представление, что обрабатываемая ими земля — их собственность. Созданию такого представления отчасти способствовало и то обстоятельство, что земельная площадь еще не была полностью освоена, не было дефицита в земле. Так как большинство свободной земельной площади было покрыто лесом, крестьянин мог выкорчевать себе участок любой величины и обрабатывать его, уплачивая соответствующие налоги. Караджич пишет: «В селе, где не было читлак-сахибия, а только спахий, земля считалась крестьянской, за нее платили спахию десятину с урожая»³.

Действительно, земля, которую обрабатывали крестьяне, фактически переходила по наследству, продавалась и покупалась (для XVIII в. известен ряд случаев продажи крестьянами своей земли). Крестьянин мог использовать землю по своему усмотрению, при условии уплаты налогов помещик не мог прогнать его с земли. Но земля не была полной собственностью крестьян. Для характеристики отношений собственности на спахийской земле интересно одно из важных феодальных прав спахиев: выдача крестьянам так называемых «тапий» при покупке земли или переходе ее по наследству не к сыновьям. Вопрос о смысле и значении, которое первоначально имело слово «тапу» в Турции, изучен слабо. Как правильно предполагает А. Тверитинова, смысл этого слова менялся с течением времени⁴. Так, в XIX в. «тапия» означала нотариальный акт при покупке земли. Тверитинова пишет, что для конца XVI и начала XVII в. право «тапу» — определенная форма феодальной зависимости крестьян от ленного владельца, в силу

¹ «Гласник», кн. XXX, стр. 117—125.

² Споменик, LXXIX (62), док. № 100.

³ Српски рижечник, читлак.

⁴ А. Тверитинова. Восстание Кара Языджи-Дели-Хасана в Турции, Л., 1946, стр. 31.

которой первый должен был обрабатывать отведенный ему участок и уплачивать определенный налог своему феодалу. Землевладелец выдавал тапу как свидетельство на право владения и был обязан следить, чтобы подданный обрабатывал землю, чтобы он не перешел к другому феодалу, оставив землю незаезженной¹.

Сербские «тапии» подтверждают это предположение А. Тверитиновой и показывают, что «тапии» и в Сербии имели смысл своего рода оброчного обязательства, дававшего право на наследственное владение землей.

Сербский ученый Ф. Байрактарович перевел турецкие документы, хранящиеся в монастыре св. Троицы, находящемся около Плевля (в Новопазарском санджаке между Белградским пашалыком и Черногорией). Среди них много тапий, ферманов, постановлений. Большинство документов имеет отношение к землевладению. Часть тапий выдана турками без упоминания титула, часть — кадиями, часть — спахиями.

Большинство тапий однообразны по своей форме. Вот одна из них, выданная в 1669 г.: «Ахмед сын Хасанов из Крокол Дола в кадилуке Плевальском продал третью часть своей земли Радонице сыну Вукадинову за 1000 акча. Пока будет платить ежегодно десятину, ему никто не будет препятствовать во владении и не сгонит с земли («нека га нико не омета у притежава њу»). Хасан, спахий»². Аналогичны тапии о наследовании земли: «В селе Гарове, которое соответственно султанскому берату принадлежит к нашему маликяну (домену), умер держатель султанской земли Анто без детей. На эту землю соответственно закону написана эта тапия и дана его братьям Мике, Константину, Юрию, Ивану, которые имеют право на владение и обработку данной земли. Пока будут ежегодно платить филурию³, никто им не будет препятствовать во владении («нико их не спречава у том»). Мурад. 1763»⁴.

Из приведенных документов видно, что тапии о покупке и наследовании земли совершенно аналогичны. Характерно, что право владения землей, которое передается по тапии крестьянину, обуславливается обязательством крестьянина аккуратно платить налог-ренту за пользование землей. И тот и другой вид тапий означает то же оброчное обязательство, акт, который еще не свидетельствует о закреплении за новым владельцем прав полной собственности на землю. Выдача феодалами тапий на владение земли была отражением права и обязанности спахия следить за использованием спахийской земли крестьянами, за тем, чтобы земля обрабатывалась, и свидетельствует о запрещении крестьянам без разрешения спахия отчуждать землю. Если крестьянин прекращал обрабатывать землю, она переходила к спахию.

В турецких документах, переведенных Д. Ихчиевым, имеются судебно-шариатские акты о продаже и покупке чифликов — свободной собственности. В них права новых владельцев на землю не обусловлены никакими обязательствами. Обычно в этих актах говорится, что новый владелец может владеть и распоряжаться своим недвижимым имуществом — землей и земельной податью, как он хочет⁵. Таким образом, обычные акты о по-

¹ А. Тверитинова. Ук. соч., стр. 30—31.

² «Споменик», кн. LXXIX (62), документ № 60.

³ Там же, документ № 108.

⁴ Филурия (или филурджия) — налог, которым облагались валахи-скотоводы. Часто это наименование употреблялось по отношению к поземельному налогу.

⁵ Д. Ихчиев. Турецки документи... «Списание на българското икономическо дружество», кн. 1—2, 1910, стр. 73, 74, 76, 77 и др.

купке и продаже земли отличаются от тапий, полученных крестьянами при отчуждении земли.

Характерно, что тапии, которые выдавались во время восстания, уже отличались от турецких тапий. Вот пример тапии, выданной Правительствующим Советом в 1809 г., о покупке мельницы и башчи. В ней сказано о новых владельцах: «...Они действительные владельцы указанной мельницы и башчи и могут их по своему усмотрению оставить за собой или продать, и никто не должен в их права вмешиваться»¹.

Все это свидетельствует о том, что земельная собственность в Сербии во время турецкого господства сохраняла феодальный характер. В XVIII в. связь крестьянского держания с поместьем была уже слаба. Земля фактически свободно отчуждалась крестьянами. Право помещиков на выдачу тапий говорит о том, что спахиям принадлежало право давать разрешение на отчуждение земли крестьянами. Однако это право в XVIII в. означало только право на получение соответствующего налога при покупке земли крестьянином. Таким образом, феодальная земельная собственность в конце XVIII в. находилась в стадии разложения.

Расширение прав крестьян на землю вполне соответствует переходу к денежной ренте, который наблюдался в это время.

* * *

В конце XVIII в. феодальные отношения на землях хасс по формам зависимости крестьянства принципиально не отличались от феодальных отношений на спахийских землях. Правда, на этот счет имеется и противоположное мнение. Так, Д. Ихчиев считает, что земли хасс в Болгарии во время всего периода турецкого господства были привилегированными и владельцы их пользовались полной независимостью в административном и финансовом отношении, что крестьяне-хассовчане имели ряд привилегий, не платили некоторых налогов и были вполне свободны².

Действительно, земли хасса по турецким законам обладали иммунитетным правом. Подобным же правом обладали и земли вакуфов. Однако все эти привилегии были прежде всего привилегиями самих владельцев хассов и вакуфов. Положение же крестьян на этих землях не отличалось заметно от положения остальных феодально-зависимых крестьян. С течением времени положение крестьян на землях хасс, вакуфов и других все больше уравнивалось. Правда, в XVIII в. население земель вакуфов и хассов было в некоторой мере ограждено от грабежа и произвольных поборов турецких чиновников и войска. Положение крестьян на них могло быть несколько лучшим, чем в поместьях спахив, так как султан или учреждения вакуфа были гораздо более сильными и влиятельными феодалами, чем помещики-спахи, и иногда защищали своих крестьян от произвола властей и тяжелых поборов. Но в условиях феодальной реакции, при внутренних неурядицах, самоуправстве янычар и пашей привилегии хассовчан едва ли могли иметь большое значение.

Хассом была Неготинская Крайна. Митрополит Стратимирович пишет: «Народ этот имеет особые привилегии от султана и управляется двумя кнезами»³. Эти кнезы в Неготинской Крайне исполняли обязанности

¹ М. Петровић. Ук. соч., т. 1, стр. 89.

² Д. Ихчиев. Привилегии на христианин-рая в частните султански земи (хасс-муката кариелери). «Минало», кн. II, София, 1909, стр. 135—136.

³ «Споменик», кн. XXXIX (35), стр. 14.

турецких чиновников — управителей хасса и стояли в то же время во главе местного самоуправления. В предисловии к «Српскому ријечнику» Караджич перечисляет налоги, которые платили крестьяне Неготинской Крайны. Их виды и размер мало отличаются от налогов спахийских крестьян. Крайинцы платили харач, порез визирю, десятину от урожая и различные налоги феодального характера, как «мртвина», «женильбины» или «свадбарина», «воденично». Правда, крайинцы платили вдвое меньше «пореза», чем остальные крестьяне (7 грошей), но зато они выплачивали натуральные налоги самим башкнезам: по одному литру масла, 20 окка ячменя, одному возу сена и дров. С каждого места доения овец бралось 7 окка сыра, и каждое село платило по 6 окка сала и 6 окка гороха¹. Таким образом, характер и объем повинностей крестьян Неготинской Крайны по существу не отличался от повинностей остальных крестьян.

Положение населения султанских эминлуков в Сербии также заметно не отличалось от положения спахийских крестьян по формам ренты и размерам повинностей.

Правда, эти крестьяне были освобождены от барщинных работ в пользу паши, за исключением доставки дров своему муселиму². Но нельзя забывать, что крестьяне эминлуков подвергались дополнительной эксплуатации со стороны управителей и откупщиков эминлуков.

§ 2. Церковное и монастырское землевладение

Земли церквей и монастырей стояли особняком среди других турецких феодальных владений.

Известно, что после завоевания турками Балканского полуострова имущество христианских церквей и монастырей обычно отбиралось и передавалось в фонд земель вакуфов. Православная церковь лишилась большинства своих обширных земельных богатств. Но хотя православная церковь и терпела большие притеснения со стороны турецких властей, она сохранила свое положение одного из феодальных эксплуататоров крестьянства. Константинопольские патриархи сохранили свои права и привилегии ценой полной покорности туркам, — тесно связанные с греческим торгово-ростовщическим капиталом (фанариотами), они нещадно грабили население, заслужив этим ненависть всех православных народов Турции. Метко определил роль церкви при турках Светозар Маркович. Он писал: «Церковь некоторым образом санкционировала турецкую государственную власть и во многих случаях помогала держать райю в покорности, как это было во время восстания»³. Сербские патриархи получали от султанов бераты, дававшие им широкие права в патриархии. Так, известен текст берата, полученного патриархом Арсением в 1731 г., и несколько ферманов⁴. В фермане, данном патриарху Арсению в 1731 г., патриарху обеспечивалось право на сбор «мирии», некоторых других поборов с населения, а также ряд прав в его патриархии. В фермане содержатся следующие характерные пункты:

...«Занмы и тимариоты, которые находятся в области патриарха, не могут заступаться за тех христиан, которые находятся и живут в их числу-

¹ Српски ријечник, предговор.

² М. Петровић. Ук. соч., т. 1, стр. 34.

³ С. Марковић. Србија на истоку, Београд, 1946, стр. 16.

⁴ Ферман султана Махмуда српскому патриарху Арсению, данный в 1731 г. «Гласник», кн. XI, стр. 181—186.

ках, селах, кишлаках, говоря, что это их момци, баштоване и слуги и чтобы их поэтому освободили от вышеозначенных поборов»... «Патриарх по местному обычаю наследует все имущество, остающееся после смерти попов, монахов, монахинь, владык и митрополитов, но в это смеют вмешиваться бейтул-малы, воеводы, субаши, тимариоты, займы и остальные цивильные власти»¹. Далее в фермане говорится, что займы, тимариоты, спахии, янычары и другие богачи не могут вмешиваться в церковные дела, что, собирая мирно, патриарх может носить оружие².

Уплачивая султану 70 тыс. акча ежегодно, патриарх мог владеть «всем, что принадлежит церкви как вакуф: виноградниками, огородами, читлуками, пастбищами, нивами, плодовыми и неплодовыми деревьями, болотами, монастырями, домами, лавками, скотом и другим имуществом, и его никто в этом не смеет упрекнуть»³.

Перечисленные выше пункты фермана достаточно характеризуют положение патриарха как крупного собственника-феодала и его широкие права в патриархии.

Если низшее сербское духовенство почти сливалось с крестьянством, то высшее духовенство, а также монахи занимали привилегированное положение. После 1765 г., когда по проискам греков-фанариотов была уничтожена Печская патриархия, владыки, или митрополиты, стали назначаться константинопольским патриархом. Все они были обычно греками-фанариотами. Чуждые народу и не говорившие на его языке, они, по словам Караджича, заботились только о том, как собрать с народа деньги, так как брали свою епархию на откуп⁴. «Они живут в городах по-господски,— продолжает Караджич.— Когда владыка куда-нибудь отправляется, он едет верхом на коне и как «бератлия» носит... с одной стороны саблю, а с другой буздован, как знак того, что он имеет власть казнить непокорных»⁵.

«По-господски» жили и монахи. Караджич сообщает: «Раньше только монахи были господами, вышедшими из народа: по-господски питались, одевались в полушубки (у Туркове), ездили на хороших лошадях, с хорошим оружием...»⁶.

Таким образом, несмотря на то, что из-за секуляризации церковных и монастырских земель турками экономическая мощь христианской церкви была подорвана, по отношению к крестьянству церковь осталась тем же, чем она была в старом сербском государстве, чем она была во всех феодальных государствах — одним из его феодальных эксплуататоров. То обстоятельство, что церковное и монастырское землевладение значительно уменьшалось количественно и было организовано на других правовых основах, не изменило этого положения.

К концу XVIII в. в Белградском пошальке сохранилось большое количество монастырей. По словам Караджича, в каждой нахии было самое меньшее по одному монастырю, а иногда по три-четыре монастыря⁷. Большой доход монастырям приносило «писание»: монахи ходили по деревням и за обещание прощения грехов после смерти получали вклады в пользу монастырей, в том числе и земель.

¹ Там же, стр. 182—183.

² Там же, стр. 183—184.

³ Там же, стр. 185.

⁴ «Даница», 1827, стр. 115.

⁵ Там же, стр. 117.

⁶ Српски ријечник, намастир.

⁷ «Даница», 1827, стр. 108.

При конфискации земельных владений у монастырей, почти всем монастырям было оставлено по одному селу, жители которых в Сербии назывались «прияворами». Нет возможности определить, каково было количество прияворских сел в Белградском пашалыке. По переписи 1822 г. числилось 10 сел, носивших название «Приявор»¹. Конечно, на самом деле прияворских сел было больше.

Прияворские села не были феодальной собственностью монастырей. Это были владения на праве держания. Монахи монастырей платили налоги наравне с остальными крестьянами. Села «приявор» имели спахивей, однако спахийские отношения на этих землях ограничивались ежегодной уплатой монастырем спахию установленной договором натуральной и денежной ренты.

«В Сербии монастыри платят вместе и за себя и за прияворов,— пишет Караджич.— Так, например, Трionoшский монастырь платил спахию (Рашчичам из Лозницы) до начала этого века по 30 грошей, по одной яловой корове и по несколько пар чулок (чарапе) в год»².

Благодаря богатствам и влиянию монахам удавалось иногда освободить себя, если не от всех государственных налогов, которые монахи платили наравне с крестьянами, то от произвольных и дополнительных поборов, которые были особенно тяжелыми. Ферман приепольскому кадию от 1618 г. говорит о запрещении турецким чиновникам, воеводам, субашам, остальным властям и их людям, приезжая в монастырь, пользоваться бесплатно едой и питьем, пасти лошадей на монастырских пастбищах, отбирать овец и ягнят, чинить разные насилия³. Этот документ относится к XVII в., но нет оснований предполагать, что в XVIII в. положение изменилось.

Только богатство и влияние могли помочь сербским монастырям сохранить за собой прияворские села, оставленные им после завоевания в конце XV в. Хотя далеко не все эти села сохранились за монастырями в течение трех веков, в XVIII в. монастыри обычно имели по одному селу, а иногда и больше. Монастырские земли были часто значительными по величине феодальными владениями, в хозяйстве которых использовался труд феодально-зависимых от монастырей крестьян.

Хозяйство монастыря Волявча можно представить по записям, сохранившимся в этом монастыре⁴. Монастырь этот имел виноградники, большие сливовые сады, луга и другие земли. В 1763 г. монастырь приобрел мельницу, валяльню и участок земли⁵.

По документам, сохранившимся в монастыре св. Троицы, видно, что монахи монастырей св. Троицы, Доволье, Банья, Дубочицы, Маржича систематически скупали земли у спахивей и простых крестьян, получая на них тапии. Кроме того, монахи часто захватывали землю и обрабатывали ее без тапий. Захватывал у соседних крестьян землю и монастырь Волявча. Из-за этих земель иногда происходили ссоры с соседними селами⁶.

Крестьяне-прияворы были настоящими крепостными монастырей и отбывали тяжелую барщину, работая на монастырских землях. Так, в

¹ Петровић, Ук. соч., т. 2, стр. 527—570.

² Српски рјечник, наместир.

³ «Споменик», кн. LXXIX (62), док. № 24.

⁴ Љ. Стојановић, Ук. соч., т. II, стр. 214, 246—249.

⁵ Там же, стр. 247—248.

⁶ Там же, стр. 248—249.

Троношском монастыре, по описанию Караджича, крестьяне работали на монастырских землях самое малое по одному дню в неделю¹.

Монастыри не удовлетворялись барщиной прняворов. «Кроме земля, виноградников и сливниц, которые обрабатывают им прняворы, монастыри в Сербии имеют еще по нескольку своих приходских сел (нурий), которые часто зовут на мобу»², — пишет Караджич.

«Моба» — добровольная помощь соседям в сельскохозяйственных работах, в конце XVIII — начале XIX в. из патриархального обычая начала превращаться в вид барщины. Подобный характер имели и «мобы», отбываемые монастырями.

Непосильные налоги, невозможность выплачивать их самостоятельно, заставляли крестьян итти в кабалу к монастырям, отбывать им барщину и становиться монастырскими прняворами. В этом случае все налоги за крестьян платили монастыри. В документах монастыря св. Троицы часто встречаются квитанции об уплате монахами монастырей налогов за всё село сразу³.

Монастыри были заинтересованы в оказании своим крестьянам некоторой защиты, ограждали их от произвола пашей, спахийев, турецких чиновников, янычар. Богатство и влияние монастырей делало возможным осуществление этого. Вот одна характерная тапия о передаче земли монастырю Доволье от 1742 г.: «Причина написания тапии следующая: Милентия, дочь Милисавлева, затем Мата, Лука, Иван, Мирко, Филипп, сыновья Вукоича, владельцы султанских земель в селе Вашкове, которое относится к Премчанам и образует одно из наших тимарских сел, данных по султанскому берату, — передали («поклонили су пуноважно») свои земли со всеми их принадлежностями монахам монастыря Доволье, дали им их во владение и пользование... Мустафа, спахий»⁴.

Монастырские крестьяне находились в большей степени феодальной зависимости от монастырей, чем остальные крестьяне от турецких феодалов. «Монастырский старейшина над прняворами, — пишет Караджич, — часто судил крестьян за мелочи, а иногда их и арестовывал и бил»⁵.

Монастыри вели за крестьян судебные дела. Документ от 1687 г. «По-стан вление плевалского кадия» представляет собой жалобу спахия на «чифчиев» монастыря св. Троицы, которые пасут скот на земле спахия, являвшейся в то же время монастырской баштиной. Характерно, что ответчиком в этом деле является игумен монастыря, а не сами крестьяне. Крестьяне названы чифчиями монастыря. Чифчиями назывались в Сербии крестьяне, попавшие в кабальную зависимость от читлук-сахибиев, захватывавших земли у крестьян. Действительно, феодальные отношения на монастырских землях, население которых в конце XVIII в. именовалось прняворами, несколько напоминало феодальные отношения, установившиеся в Сербии после захвата земли читлук-сахибиями.

Таким образом, положение прняворов отличалось от положения остальных крестьян как формой земельной ренты, так и большей степенью феодальной зависимости. Однако монастырские села составляли небольшой процент от общего количества сел, а монастырские крестьяне были небольшой группой среди всего крестьянства.

¹ Српски ријечник, намастир.

² Там же.

³ «Споменик», кн. LXXIX (62), док. № 105, 116, 112.

⁴ Там же, док. № 100.

⁵ Српски ријечник, намастир.

§ 3. Процесс перестройки помещичьего хозяйства в Сербии перед восстанием 1804 г.

Спахийская система в Сербии, как и во всей Турции, начала разлагаться еще с конца XVI в. Из военных ленников спахии превратились в феодалов, часто не несших никакой службы, имевших наследственные права в спахилуках. В то же время спахии не стали и помещиками, ведущими свое хозяйство трудом зависимых крестьян. Поместья как организованной хозяйственной единицы не существовало. Отношения между спахиями и крестьянами часто сводились к получению спахиями земельной ренты с крестьян. Спахийское землевладение было совершенно не приспособлено к развитию товарно-денежных отношений и в основном сохраняло натуральный характер.

Но на смену спахиям пришли новые феодалы, которые стали вводить в своих поместьях новые методы хозяйствования, новые формы феодальных отношений. Это были так называемые читлук-сахибии.

Слово «читлук-сахибий», искаженное «от чифтлик-сахиби», в переводе с турецкого значит «хозяин поместья». Слово «чифтлик» означает не только «поместье» — оно употребляется также в значении «хозяйство», земельное владение вообще. По Канун-наме конца XVI — начала XVII в., чифтлик — свободная земельная собственность, принадлежавшая мусульманам¹. «Чифтлик» мог означать как земельный надел, обрабатываемый лично мусульманином — хозяином чифтлика, так и населенное райей феодальное владение. Чифтлики — земельные владения мусульман на правах почти полной собственности существовали и в первое время турецкого господства, но были очень немногочисленны. Массовое образование чифтликов началось лишь с конца XVI в. и явилось одним из симптомов разложения военно-ленной системы.

Способы возникновения чифтликов, или читлуков, как их называли в Сербии во второй половине XVIII в., были весьма разнообразны. В результате войн и переселений в Австрию осталось много свободной земли. Такая земля иногда захватывалась предприимчивыми хозяевами, которые поселяли на ней крестьян. Читлуки возникали и путем купли. Однако большинство читлуков в Сербии возникло другим образом.

М. Ненадович так описывает почитлуеные крестьянских земель в Сербии: «После этого начали образовываться в Сербии читлуки. Ими владели янычары, которые имели в Стамбуле главного янычар-агу и в каждом ви-зирьстве меньшего янычар-агу... Они изгоняли и называли «папурими» спахийев, которые истари имели султанские бераты. Такой вымышленный ага наберет молодых, придет в какую-нибудь деревню, соберет крестьян и скажет им: «Райя! Я султанский сын и ага, сделаем уговор: продайтесь мне, а когда будете мои, то я вас буду защищать от всякого угнетения, а тем, кто не в состоянии платить податей или харача, я буду давать взаимы». Крестьяне обычно сильно сопротивлялись, но это не помогало. Ага насильно навяжет крестьянам 200—300 грошей и скажет спахиям, чтобы они приготовили тапию о том, что все крестьяне продали такому-то аге свои земли. Таким образом, он делается читлук-сахибием, и сколько спахии со своей деревни брали, столько же, а иногда и больше, брал и он»².

¹ Д. Ихчиев. Турски документи за правата чифликчиев. «Списание на българ. иконом. друштво», кн. 1—2, 1910, стр. 72.

² М. Ненадович. Ук. соч., стр. 18—19.

О почитлученье сербских земель пишет и Караджич: «Может быть некоторые села еще исстари имели таких своих господ, но турки читлучили села, главным образом, насильно и по принуждению. Например, если какой-нибудь человек в чем-нибудь провинится или его турки за что-нибудь обидят и хотят его убить, он обратится к какому-нибудь турецкому начальнику («поглавару») и скажет ему: «Аман ага! Не выдавай меня, я твой и божий навеки!» Тогда ага распорядится, чтобы этого человека отпустили, и он станет чифчием аги. Когда, таким образом, ага почитлучит в селе несколько домов, остальных крестьян он принудит продаться ему, а если крестьяне не захотят, тогда захватит себе их скот, который найдет пасущимся на земле своих чифчиев, и будет штрафовать крестьян, пока они в конце концов ему не продадутся. Я сам помню, как Али-паша Видаич в 1803 г. хватал клупчан¹, связывал их и бил до тех пор, пока они ему не продались. Когда дахии в начале этого века по смерти Хаджи Мустафы-паши овладели Белградским пашалыком, они со своими друзьями и помощниками самовольно становились в селах спахиями и читлук-сахибиями, не спрашивая, имело ли это село раньше своего читлук-сахибия»².

Таким образом, по описанию Ненадовича и Караджича способы почитлученья были следующие: кабала — когда за уплату налогов, которые не в состоянии были платить маломощные крестьяне, за ссужение их деньгами, влиятельные турки захватывали землю крестьян и превращали их в своих чифчиев; коммendaция — когда провинившиеся в чем-нибудь перед турецкими властями или страдавшие от произвола чиновников и янычар крестьяне должны были становиться под защиту какого-нибудь сильного и влиятельного аги; открытое насилие, насильственный захват читлук-сахибиями крестьянских земель и превращение крестьян в чифчиев; изгнание спахиев или других бывших владельцев земли.

Аналогичным образом описывает почитлученье Арсеньевич Баталака. Он пишет, что читлук-сахибии насильно захватывали участки земли в спахилуках, а потом заставляли спахиев продавать их по дешевой цене. Читлучились и султанские имения — мукады³.

Интересные сведения о возникновении читлуков сообщаются в распоряжении сербского министерства юстиции от 15 апреля 1844 г.: «Но вопреки этому спахии против воли султана и на несчастье райе учиняли злоупотребления с дарованными им тимарами и передавали их различным образом другим туркам, а многие (турки), которые были сильней и имели защиту от властей, отнимали у спахиев нивы и луга в селах... Тогдашние турки договаривались со спахием, тот за определенные деньги издавал тапию на какой-нибудь участок земли в своем поместье, а потом они насильно становились господами над его (спахия. — И. Д.) крестьянами, не платя никому никаких налогов...»⁴

Очевидно, читлук-сахибии не только насильственно захватывали земли спахиев. Спахии сами «учиняли злоупотребления с дарованными им тимарами и передавали их различным образом другим туркам», т. е. продавали свои лены, которые официально считались неотчуждаемыми. Бывшие лены переходили в руки ростовщиков, скупавших земли у разорившихся спахиев.

¹ То-есть жителей деревни Клупы.

² Српски рижечник, читлук.

³ Арсеньевич Баталака. Ук. соч., стр. 60.

⁴ Графанский законик з књажество Србију. Београд, 1873, стр. 77—78. Цит. по кн.: Новаковић, Прониари и баштиники. «Глас», кн. 1, стр. 94.

Такими способами земли, на которых сидели крестьяне, переходили к новым владельцам.

Большинство чутлук-сахибиев, захватывавших земли сербских крестьян во второй половине XVIII в., были янычарами.

Привилегии, которыми пользовались янычары в торговле, ремеслах, приводили к тому, что в янычарские корпуса записывалось большое количество городских ремесленников и торговцев-турок, страдавших от произвола пашей, от необеспеченности личности и имущества¹. Путешествовавший по Сербии в 1783 г. австрийский офицер Миханович описывал, как янычары, давая взятки начальникам, получали по три жалованья, занимались своим ремеслом и нигде не служили².

Янычарские войска в Белградском пашалыке, так же как и в других местах, включали в свой состав и всевозможный темный элемент, бродяг и т. д. Янычарская верхушка, по словам Ранке, состояла «из самых богатых людей в стране»³. Французский путешественник Оливье, побывавший в Турции в конце XVIII в., пишет: «Много богатых людей в городах связывают себя с янычарами с исключительной целью получить более эффективную протекцию и пользоваться всеми привилегиями, которые имеют янычары. Они не получают никакой платы и легко расходуют средства на то, чтобы освободиться от военной службы. Эта армия, когда-то грозная и свирепая, теперь представляет бесформенную толпу рабочих, торговцев, крестьян, лодочников...»⁴

Таким образом, социальный состав янычар был довольно пестрым, верхушка же янычарского войска представляла собой торгово-ростовщическую прослойку феодального класса Турции. Именно эта верхушка янычар, используя свою экономическую силу и влияние, опираясь на своих «момарков», становилась полным хозяином многих провинций в Турции.

Во время правления Махмуда I (1730—1754) большинство янычарских частей было выслано из Константинополя и размещено по окраинам империи. Большое число янычар в это время поселилось и в Сербии⁵. После войны 1787—1791 гг., по требованию сербов, янычарам было запрещено жить в Белградском пашалыке. Однако уже в 1799 г. янычары с помощью мятежного видинского пашы Пазванд-оглу вновь вернулись в пашалык.

В 1801—1804 гг. четыре янычарских ага, так называемые дахии, стали фактическими хозяевами пашалыка. В письме к русскому посланнику в Константинополе Италинскому от 3 мая 1804 г. сербские старейшины писали: «Паша или губернатор сербский в Белграде никакой власти не имеет, он сам живет в страхе и опасности, и дахии его как бесправного раба держат»⁶. Такое положение установилось в Белградском пашалыке после 1801 г. Но и до этого времени янычары имели большую власть в пашалыке. Янычарская верхушка, аги, дахии скупали в Сербии земли. Как и в Болгарии, читлучила крестьянские земли и торгово-ростовщическая прослойка сербов. Кюнибер пишет, что «также христиане могут стать господами чифтлика»⁷. Однако таких сербов-владельцев читлуков было немного.

¹ А. Ф. Миллер. Ук. соч., стр. 50.

² «Споменик», кн. LXXXII (64), стр. 23.

³ Л. Ранке. Ук. соч., стр. 44.

⁴ Olivier. Voyage dans l'Empire Othoman, l'Égypte et la Perse, t. 1, Paris, 1801, p. 302.

⁵ Пантелић. Београдски пашалук после свиштовског мира, Београд, 1927, стр. 75.

⁶ М. Вукићевић. Ук. соч., т. 1, прилож., стр. 405.

⁷ Cunibert. Ук. соч., т. 2, стр. 24.

Процесс распада феодальной собственности на землю, разложение военно-ленной системы начался в Турции еще в конце XVI в. Количество читлуков в Сербии, повидимому, начало расти в XVII в., однако 20-летняя оккупация большей части пашалыка Австрией должна была привести к потере владельцами читлуков своих прав на землю. Во второй половине XVIII в. захват земли в собственность новыми помещиками протекал достаточно быстро. Однако важен не столько процесс захвата бывших ленов в собственность, сколько сама перестройка помещичьего хозяйства, изменение новыми помещиками способов ведения хозяйства и форм земельной ренты, наблюдавшиеся в Сербии в конце XVIII в.

Новые землевладельцы, вкладывая капитал в землю, старались извлечь из нее возможно больше прибыли. Земля использовалась читлук-сахибиями различным образом. Иногда помещики прибегали к издольщине: земля сдавалась крестьянам «под кесим». В других случаях помещичья земля обрабатывалась за определенную часть с урожая, так называемыми «момакими», не имевшими скота и инвентаря крестьянами, которым хозяин давал землю, инвентарь, семена. Земля могла обрабатываться и наемными рабочими. Наконец, помещики переходили к барщинной системе хозяйства.

Именно барщинная система хозяйства получила наибольшее распространение в Сербии в конце XVIII в. Крестьяне обрабатывали своим инвентарем «параспур» — личную землю читлук-сахибиев.

Караджич пишет, что читлук-сахибий взимал «девятину» от посевов со всех сельскохозяйственных культур в натуре, а кроме того, чифчи должны были «отбивать ему барщину» («беглучити») летом в поле. Таким образом, в противоположность спахиям, читлук-сахибии вводили отработочную ренту, используя труд зависимых крестьян для обработки своих полей. «Раньше беглучили большею частью в воскресенье, а после и в другие дни, и не только летом, но и зимой, когда читлук-сахибию что-нибудь требуется. Например, рубили и возили дрова. Пока беглучили только в воскресенье, читлук-сахибии очень хорошо кормили крестьян, и молодежь шла на беглук охотно, как на мобу, а позднее — беглучили при своем питании и посылали к черту беглук»¹.

«...В лесах держали улья или пасли скот, а поля, сгоня райу, распахивали и засевали, но все трудом и руками райи...», — пишет Арсеньевич-Баталака о читлук-сахибиях².

Весной 1804 г., когда в Сербии вспыхнуло восстание, Карагеоргий и М. Ненадович передали туркам условия перемирия. В них излагались все злоупотребления, которые терпели сербы от турецких властей, янычар, читлук-сахибиев: «Мы должны делать всякие полевые работы дахиям, — пишут Карагеоргий и Ненадович, — возить им бесплатно сено, при этом даже ребенок не может избежать внесения в их незаконный список (*wobei kein Knab von ihren Listen der Nothrucht sicher ist*)»³. Арсеньевич-Баталака пишет, что читлук-сахибии держали в лесах свой скот. Повидимому, читлук-сахибии, так же как и крестьяне, занимались не только земледелием, но и скотоводством. Поэтому они захватывали у крестьян пастбища.

Новые помещики имели прочную связь с рынком. Эта связь обуславливалась социальным составом читлук-сахибиев. Л. Павлович приводит следующее описание деятельности турок в городках Уба и Палежа: «Турки Уба и Палежа не были спахиями, а торговцами и ремесленниками,

¹ Српски рјечник, читлук.

² Арсеньевич-Баталака. Ук. соч., стр. 60.

³ Списи бечких архива о првом српском устанку, кн. 1, Београд, 1935, стр. 125.

жили смешанно с сербами и занимались кроме того («узгред») земледелием. Многие имели в селах свои лавки и мастерские или ханы и кроме них недвижимое имущество, на которое они селили крестьян сербской национальности»¹. Отсюда видно, что у турок Уба и Палежа были свои читлуки, населенные крестьянами. Это обстоятельство, да и сама основная профессия владельцев читлуков указывает на тесную связь их с рынком.

В Ужицкой Черногории, где население занималось главным образом скотоводством, луга и летние пастбища принадлежали туркам, которые занимались крупной торговлей скотом. Некоторые крестьяне были пастухами и приказчиками таких торговцев. Так, Дели ага Серчесме владел почти всем Девчибаром. Он занимался вывозом овец в Боснию и рогатого скота в Далмацию и Приморье. Девчибар впоследствии купил у Дели аги Серчесме кнез Милош².

В югославской буржуазной литературе обычно не придается никакого значения введению барщины новыми помещиками. Так, Нинчич и Неделькович, учитывая свидетельство Караджича о том, что читлук-сахибии вводили барщину, признают существование отработочной повинности в читлуках³. Однако они не делают никаких выводов из этого факта.

Введение и увеличение читлук-сахибиями барщины свидетельствует о том, что в это время начался процесс перестройки помещичьего хозяйства: если спахии почти не вели своего хозяйства, а собственную землю сдавали издольщикам, то читлук-сахибии в конце XVIII в. прибегали к иным методам хозяйствования. Они имели свое собственное хозяйство, обрабатывали землю барщинным трудом зависимых крестьян, разводили скот. Помещики производили в своем хозяйстве продукты, шедшие на продажу, были тесно связаны с рынком. Помещичье хозяйство стало терять натуральный, потребительский характер.

* * *

Спахийское хозяйство, не приспособленное к развитию товарно-денежных отношений, было осуждено на гибель. Спахилюки уже не приносили достаточного дохода своим владельцам. Нуждавшиеся в деньгах спахии начали давать свои поместья на откуп, продавать их. Как говорилось выше, янычары часто просто захватывали поместья спахивей. Можно предположить, что в первую очередь захватывались земли более мелких, слабых феодалов. Это приводило к уменьшению количества мелких спахийских поместий и образованию владений более крупных.

Читлученье происходило неравномерно в разных частях Сербии. В первую очередь читлучились более развитые и населенные районы, особенно села в долинах Дуная и Моравы.

Часть спахивей еще продолжала существовать, владея землей и крестьянами на основании старых порядков. Многие из них должны были терпеть в своих владениях читлук-сахибиев, которые, купив часть земли у какого-нибудь спахия или закабалив его долгами, становились полными хозяевами в таких поместьях.

Однако некоторые спахии начали сами изменять методы ведения хозяйства и эксплуатации крестьян. Поэтому на практике многие спахийские

¹ «Етнограф. зборн.», кн. XVIII (8), стр. 415.

² Љ. Павловић. Ужицка Црна Гора. «Етнограф. зборн.», кн. XXXIV (19), стр. 11.

³ М. Нинчић. Ук. соч., стр. 117; М. Недельковић. Ук. соч., стр. 129.

хозяйства в конце XVIII в. характеризуются уже новыми чертами. К сожалению, современники часто не замечали этих изменений. Караджич, описывая спahiйские отношения, показывает их такими, какими они должны были быть до почитлученья, противопоставляет их чифчийским отношениям.

Скудость источников не позволяет подробно характеризовать процесс перестройки спahiйского хозяйства. Однако некоторые материалы говорят об этом.

«Были спahiи, которые чинили злоупотребления,— пишет в своих мемуарах Арсеньевич-Батлака.— Это они делали следующим образом: пока спahiй владел спahiлуком, он выделял себе большой участок земли, находящийся под дубовым лесом или под полем. С первого участка, когда там созревали желуди, взимал «жировину» со своих крестьян или чужих; другой участок обрабатывал за свой счет, или трудом своих крестьян, иногда давал его на обработку другим. Таким образом, кроме общего дохода с села, в который входил и этот участок земли, спahiй собирал с такого участка особый доход»¹.

Для характеристики изменения спahiями методов хозяйствования весьма интересно описание Видаковичем хозяйства спahiя села Неменекуча. Видакович не называет господина села Неменекуча читлук-сахибием. Ага Ибрагим жил в Белграде и исполнял там какую-то службу. Ага Ибрагим имел в деревне хороший дом («дворец»), сад («врт»), постоянный двор, большое хозяйство. У него имелось много скота, который во время войны он роздал на сохранение и откорм зажиточным крестьянам. Ага Ибрагим имел двух приказчиков, которые вели его хозяйство. Положение помещика в селе Неменекуча весьма напоминало положение читлук-сахибия.

В письме из княжеской канцелярии от 30 октября 1822 г. говорилось, что не надо обращать внимания на старые права спahiев, «так как некоторые из них тогда были и читлук-сахибиями и спahiями и могли устанавливать какие хотели законы»².

Все это позволяет утверждать, что часто спahiи также переходили к новым методам ведения хозяйства, усиливая крепостническую эксплуатацию крестьянства.

* * *

Сами методы ведения хозяйства новыми помещиками, использование ими барщинного труда крестьян, требовали усиления внеэкономического принуждения райи. Феодалы на почитлученной земле, как уже отмечалось, отличались от спahiйских большей степенью феодалыной зависимости и эксплуатации крестьянства.

Если спahiи редко жили в своих поместьях, предоставляя князям право судебной и полицейской власти над крестьянами, то читлук-сахибии, построив в деревнях дома и сторожевые башни (кулы), или сами жили в поместьях или имели там своих приказчиков-субашей. В описаниях австрийских офицеров довольно часто встречаются села с одним «хорошо построенным домом». Эти дома, надо думать, принадлежали читлук-сахибиям.

¹ Арсеньевич-Батлака. Ук. соч., стр. 60—61.

² «Гласник», кн. XXX, стр. 97—98. А. Јовановић. Прилог нашем старом наследном праву. «Архив за правне и друштвене науке», кн. 1, Београд, 1906, стр. 313.

Спахии мало вмешивались в личную жизнь и хозяйство крестьян. Читлук-сахибии стремились ограничить личную свободу крестьян, увеличить степень феодальной зависимости райи от помещиков, закрепить за собой право суда над крестьянами. Не случайно в требованиях, предъявленных сербами туркам при переговорах в Хасан-паши паланке в мае 1804 г., сербы писали: «Женщин нельзя силой разводить с мужьями и отдавать другому мужчине. Райя могут своих дочерей выдавать замуж, как хотят, и в этом им землевладельцы и власти не могут препятствовать»¹. Сербы требовали также, чтобы в каждой нахии был справедливый судья и чтобы без суда народ не арестовывали и не наказывали. Конечно, прежде всего читлук-сахибии и их субаши пытались без суда арестовывать и наказывать крестьян, т. е. присваивали себе судебную и полицейскую власть над крестьянами. Караджич сообщает, что некоторые читлук-сахибии били и штрафовали своих крестьян².

В условиях феодальной реакции, при всевластии янычар, крестьяне нуждались в сильной защите. Именно необходимость получить защиту какого-нибудь влиятельного турка часто заставляла крестьян становиться чифчиями. Караджич пишет: «Читлук-сахибии своих чифчиев охраняли и, насколько кто мог, защищали от остальных турок; поэтому до чифчиев большего господина никто не смел касаться, даже если бы кто-нибудь из чифчиев провинился»...³ Оказывая крестьянам защиту, помещики, естественно, приобретали большую власть над ними.

Помещичьи приказчики — субаши, по словам Кюнибера, «своей собственной властью выдавали себя за примирительных судей и полицейских комиссаров..., которые в Турции имели право притеснять бедных крестьян и вытягивать из них все, что можно»⁴. Институт субашей-приказчиков был распространен во всех частях Европейской Турции. Субаши часто были ростовщиками. Они нещадно грабили крестьян, заставляли работать и на себя⁵. Совершенно аналогичную роль играли субаши в сербской деревне. В письме к русскому посланнику Италинскому в 1804 г. сербские старейшины жаловались: «В каждой веси (месте, селе) дахиями поставлен обязательно один субаша и, кроме того, один ханджия, которые имеют при себе по 50 тунеедцев и их народ должен кормить и все, что они просят, отдавать под угрозой лишения жизни»⁶.

Караджич пишет: «В селе, которое не имеет читлук-сахибия, а только спахия, земля принадлежит крестьянам, за нее платили спахию десятину с урожая. Если же в селе был читлук-сахибий, то он говорил, что земля принадлежит ему. Но опять-таки была известна бацтина всякого крестьянина, и в действительности читлук-сахибий не мог взять себе эту землю за исключением случая, когда какая-нибудь крестьянская семья вымирала совсем. Дома и остальные постройки принадлежали крестьянам и их крестьяне могли по своей воле строить и перемещать, а если бы выселились из села, — продать. Также и землю, если бы нашли какого-нибудь покупателя, могли продать с теми же повинностями, с которыми сами ее держали»⁷.

¹ Списи бечких архива о првом српском устанку, Београд, 1935, кн. 1, стр. 128.

² Српски ријечник, читлук.

³ Српски ријечник, читлук.

⁴ Kunibert. Ук. соч., т. 2, стр. 13.

⁵ См. И. Соколов. Быт крестьян в дореформенной Турции. «Новый Восток»; № 13, стр. 59.

⁶ М. Вукчићевић. Ук. соч., прилож., стр. 403.

⁷ Српски ријечник, читлук.

Таким образом, почитлущенная земля считалась принадлежащей читлук-сахибию, но крестьяне оставались жить на ней и продолжали обрабатывать ее.

Караджич пишет, что крестьяне могли продать землю с теми же повинностями, которые они сами несли, и уйти из села. Другие современники также не упоминают о юридическом прикреплении чифчиев к земле. Однако нет сомнения, что при всевластии янычар и феодальной реакции, господствовавшей в стране, крестьянам почти невозможно было покинуть свой надел земли. Да им и некуда было идти. Крестьяне не могли селиться в городах, так как при отсутствии мануфактур или фабрик они не могли рассчитывать найти там работу.

Чифчии — крестьяне, сидевшие на земле помещиков, потерявшие личную свободу и фактически не имевшие возможности покинуть свой надел, были настоящими крепостными читлук-сахибиев. Чифчии часто находились в двухстепенной зависимости и несли двойной и даже тройной гнет, платя налоги и отбывая повинности и спахиям и читлук-сахибиям и подвергаясь произвольным поборам и вымогательствам со стороны субашей. Положение чифчиев напоминало положение боснийских кметов, которые также не имели своей земли, а часто и дома, и обрабатывали землю бегов. Отсюда очевидно, что читлук-сахибии не были помещиками капиталистического типа, использовавшими труд наемных рабочих и сдававшими землю в аренду. Их господство, методы эксплуатации крестьянства носили чисто феодальный характер.

Новакович в статье «Прониари и баштеники» (спахии и читлук-сахибии) проводит параллель между баштениками средневекового сербского государства и читлук-сахибиями. Действительно, между этими социальными группами феодалов есть общее. Эта общность обуславливается прежде всего феодальным характером отношений как на земле баштеников, так и на земле читлук-сахибиев. Однако это не значит, что баштеники и читлук-сахибии были сходны по характеру господства и подчинения, методам ведения хозяйства и по всему комплексу общественных отношений, которые они отражали.

Хотя читлук-сахибийские отношения носили феодальный характер, они являлись признаками разложения феодальных отношений, проникновения в землевладение товарно-денежных отношений и ростовщичества.

Однако помещичье хозяйство в условиях развивавшихся товарно-денежных отношений, роста внутреннего рынка не начало превращаться в капиталистическое хозяйство, а стало приспосабливаться к новым условиям феодальными методами.

Захват земли янычарами и вытеснение старых помещиков в Сербии представляют собой частный случай захвата помещиками земли у крестьян. Подобные явления в разных формах, с различными отклонениями происходили во многих областях Балканского полуострова.

В сербских землях, оставшихся под властью турок, к середине XIX в. большинство земель было захвачено в полную собственность. Так, в районе Поляницы и Клисурь (область по притоку Южной Моравы, присоединенная к Сербии в 1878 г.) перед освобождением от власти турок все села, за исключением шести, имели так называемых «господ», которым принадлежала вся земля, а жители были их чифчиями. Эти «господа», обычно албанцы, захватывали землю путем насилий и грабежей. Иногда они были сначала сельскими старостами, защищали крестьян от нападений на села и грабежей янычар, албанцев и проч. За это такие старосты

заставляли крестьян работать на себя и в конце концов получали от жителей «тапии» на их земли. Иногда некоторые спахи кабалили крестьян или другими насильственными способами становились «господами». Случалось, что села коллективно откупались от таких «господ»¹.

Хотя обычно в югославской историографии принято считать, что кметские отношения в Боснии и Герцеговине, существовавшие там в XIX в., унаследованы еще из средневековья, в работе Джурджиева «О войнуках» высказано мнение, что кметские отношения в Боснии и Герцеговине, так сходные с чифчийскими отношениями в Сербии, возникли лишь в XVII—XVIII в.²

Если обратиться к другим областям Балканского полуострова, можно и там заметить тот же процесс. Так, экспроприация крестьянских земель в Болгарии в массовом масштабе началась также в XVIII в. Она протекала разнообразно в разных частях Болгарии, но в основном была сходна с процессом почитлученья в Сербии. В результате этого процесса в Болгарии в XVIII в. создались различные категории безземельного, малоземельного, зависимого от помещиков крестьянства (кесимджи, ратаи или момцы, испољшики), которые отбывали помещикам барщину³.

Значительно изменились в середине XVIII в. земельные отношения в Фессалии: выморочные земли перешли государству или были захвачены помещиками, увеличились крупные частные владения, выросли чифтлики там, где раньше существовали свободные общины. К началу XIX в. все земли крестьян перешли или в собственность крупных помещиков или в собственность казны. Крестьяне попали в полную кабалу к помещикам⁴.

Характерно, что в Молдавии и Валахии во второй половине XVIII в. также наблюдается переход помещиков к барщинной системе ведения хозяйства⁵.

Таким образом, почитлученья крестьянских земель в Сербии, перестройка помещичьего хозяйства, приспособление его к развитию товарно-денежных отношений не является изолированным явлением. Аналогичные процессы происходили в большинстве европейских владений Турции.

Г л а в а III

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ СЕРБСКОЙ ДЕРЕВНИ

§ 1. Сельские общины в Сербии

Отличительной особенностью сербской деревни было наличие системы активно действовавших сельских общин. Это обстоятельство также влияло на положение крестьянства, на общественные отношения в деревне. Поэтому, говоря о сербском крестьянстве, необходимо, прежде всего, остановиться на характеристике особенностей сербских общин.

В сербской литературе имеются труды, посвященные семейной общине — задруге. Но вопрос о территориальной общине мало интересует сербских историков, которые часто не замечают принципиального отличия террито-

¹ Томий Пољаница и Класура. «Етнограф, зборн.», кн. VI (3), стр. 36—37.

² «Гласник Земальског Музеја у Сараеву», 1947, св. II, стр. 131.

³ J. Sakâsow. Bulgarische Wirtschaftsgeschichte, Wien. 1929, S. 191—196.

⁴ И. Соколов. Быт крестьян в дореформенной Турции, стр. 67—68.

⁵ Ф. Грекул. Рецензия на книгу Л. Патрашкану «Век социальных движений». «Вопросы истории», 1947, № 12, стр. 120.

риальной общины от задруги¹. Алимпич в статье об общине, помещенной в югославской «Народной энциклопедии», которая должна была, казалось бы, подвести краткий итог изучению территориальной общины сербскими историками, пишет, что в средние века и в турецкое время не было общин в современном смысле слова. Существовали только села как простые объединения жителей, общность которых проявлялась в несении определенных повинностей и общем пользовании пастбищами, дубовыми лесами, водопоями и т. д.² В этой статье не показан процесс возникновения общины, подчинения ее феодальному государству и разложение.

Существование общинного самоуправления, круговой поруки в Сербии во время турецкого господства — факты, известные всем сербским историкам. Но общинное самоуправление они не связывают с наличием остатков территориальной общины, пережитков общинно-родового быта. Путая территориальную общину с задругой, сербский историк М. Радославлевич вообще отрицает существование у сербов в средние века территориальной общины с коллективным владением землей³.

Не может быть сомнения, что общины в Сербии прошли тот же путь развития, что и у других народов, путь превращения родовой общины в территориальную, подчинения последней феодальным государством и, наконец, превращения в орган муниципального самоуправления. Общины, существовавшие повсеместно в Сербском княжестве в XIX в. как низшие органы государственного управления, самые мелкие территориальные единицы, возникли не под влиянием австрийского законодательства, а развились на базе существовавшей когда-то в Сербии общины-марки.

Наличие сельской общины в Сербии до завоевания турками очевидно. В Законнике Стефана Душана имеются статьи, которые говорят о коллективной ответственности сел за убийство, разбой, совершенные в общине-селе, о совместном пользовании лесами, пастбищами. Новакович в своей работе «Село» дает подробную характеристику жизни сербских сел в XIV в. Русский исследователь Майков считает, что слово «село» в Законнике Стефана Душана употребляется в смысле «общины». Он считает несомненным наличие в это время общинного землевладения⁴.

В Сербском государстве XIII—XIV вв. общины выполняли функции, свойственные органам государственной власти, и уже в большой степени были подчинены феодалам. В XIV в. в Сербии существовало два рода сел: скотоводческие (катуны), которые пользовались большей свободой, судебной и административной независимостью от властей, и земледельческие, которые подчинялись государственной администрации. Однако, как пишет Новакович, разница между ними в XV в. начинает исчезать. Число свободных незакрепощенных общин уменьшается⁵.

После турецкого завоевания продолжало действовать старое обычное право, и общественный строй сербских сел не подвергся большим изменениям. Подчиненная феодалам и государству территориальная община, существовавшая в XIV в., не прекратила своего существования. «Восточный деспотизм, — пишет Маркс, — затрагивает муниципальное самоуправ-

¹ М. Радослављевић. Еволуција српској задруге, Београд, 1886; Миличев и ч. Сербская община. «Русская беседа», 1859, кн. VI, стр. 52.

² Народна Енциклопедија Срба, Хрвата и Славенаца, Београд, т. 3. Обштине.

³ М. Радослављевић. Ук. соч., Београд, 1886, стр. 17.

⁴ А. Майков. О земельной собственности в древней Сербии, стр. 30.

⁵ С. Новаковић. Село. «Глас», кн. XXIV, стр. 46.

ление только тогда, когда он сталкивается с его непосредственными интересами, но он весьма охотно допускает существование этих учреждений, пока они снимают с него обязанность что-либо делать самому и избавляют от хлопот регулярного управления»¹.

Самоуправляющиеся общины избавляли турок от необходимости иметь органы управления на местах, они обеспечивали регулярное поступление налогов, исполняли некоторые другие функции в интересах государства. Как и ранее, в некоторых горных местностях и малодоступных районах продолжали существовать свободные скотоводческие общины, но таких было немного. Все прочие сельские общины, как и в средневековой Сербии, были подчинены государственной власти и феодалам.

Община-село складывалось из отдельных домохозяйств, больших или маленьких задруг и индивидуальных семей, во главе которых стояли «домачины», или старейшины.

На общей сходке село избирало сельского старейшину — кнеза или кмета. Несколько сел образовывали более крупную территориальную единицу — кнежину, во главе которой также стоял кнез. Этот кнез избирался сельскими кметами и некоторыми старейшинами, а иногда просто назначался кнезом нахии. Наконец, более крупная территориальная единица — нахия также имела своего оберкнеза или башкнеза, который обычно назначался турками.

Таким образом, существовала довольно стройная система территориальных единиц, с субординацией представителей местного самоуправления в них. Это было весьма выгодно туркам. Турецкое управление обычно имело дело не с мелкими сельскими общинами, а с целыми нахиями и их представителями, через них осуществляя свою власть на местах.

Причитающиеся с пашалыка налоги раскладывались визирем совместно с оберкнезами по нахиям. Оберкнезы раскладывали налоги по кнежинам и далее по селам. Ненадович описывает процесс раскладывания налогов визирем совместно с оберкнезами². «Налогов и податей с отдельных людей нет», — пишет о Сербии русский офицер, побывавший там в 1811 г.³ Село несло коллективную ответственность за уплату всей суммы налога турецким властям.

Община иногда оказывала помощь отдельным несостоятельным членам при уплате налогов. В своих воспоминаниях деятель сербского восстания И. Йожич упоминает о том, как за неимущего отца Карагеоргия — Петрония несколько раз платило подать туркам село, пока, наконец, сельский кнез не заставил Петрония выселиться из села, спалив его дом⁴. Таким образом крестьяне, не имевшие возможности платить налогов, принуждались к выходу из общины, выселению из села.

Община-село коллективно платило некоторые штрафы, например, штраф за убийство или смерть из-за несчастного случая — кроваину⁵, что являлось пережитком существовавшей когда-то коллективной ответственности села за убийство, совершенное на территории общины. Члены общины собирались на сходки — скупщины для решения общественных дел⁶.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 722.

² М. Ненадович, Ук. соч., стр. 38—39.

³ «Голубица», кн. V, стр. 310.

⁴ П. Искайич. Причање. «Споменик», кн. XIV, стр. 9.

⁵ Српски ријечник, кровавина.

⁶ М. Ненадович, Ук. соч., стр. 38.

В Сербии вплоть до XX в. были широко распространены патриархальные обычаи взаимопомощи членов общин. Это были «моба» — помощь соседям во время уборки урожая, «позайменицы» — помощь соседям продуктами и трудом, «спрега» — совместная пахота¹.

В общинах существовал свой суд, представлявший как бы низшую судебную инстанцию в государстве. Сельские кнезы судили крестьян, видимо, по более крупным делам. По своему усмотрению кнезы передавали важные дела нахийским судьям — кадиям². Должностными лицами в общинах были также пандуры, исполнявшие полицейскую и связную службу.

Интересен вопрос о землевладении и землепользовании в общине.

М. Радославлевич утверждает, что в Сербии искони существовала племенная собственность на землю, а не общинная, и что последняя не имела никакого значения³.

Все авторы статей отдела «Поселения и происхождение населения» в «Этнографическом сборнике» исходят из того, что категория общинных сельских земель возникла в Сербии лишь после освобождения в 30-е годы XIX в., а до этого общинная собственность была лишь исключением⁴. Это утверждение несостоятельно. К сожалению, нет достаточного материала для того, чтобы можно было подробно характеризовать порядок общинного землевладения и землепользования в сербских землях при турках, однако имеется ряд данных о существовании общинных сельских земель и в то время.

Горный характер местности большей части территории Сербии способствовал раннему выделению пахотной земли в личную собственность. Община уже давно не имела отношения к пользованию пахотной землей. Нет никаких данных, которые бы говорили о принудительном севообороте, наблюдении общины за использованием пахотной земли. В то же время земли, не принадлежавшие частным владельцам, а находившиеся в общинном пользовании, существовали в Сербии во все время турецкого господства. Так называемые сельские «атары» были в каждом селе.

В «Српском рјечнику» Караджич пишет: «Алия — спахийская земля, которая не населена и не принадлежит ни какому селу». Значит, к селу относилась не населенная никем земля, за исключением «алий», которые принадлежали лично спахиям. Таким образом, уже из этих кратких слов Караджича можно заключить, что категория общинных земель существовала и до 1833 г.

Перед восстанием 1804 г. имелось достаточно еще неосвоенной земельной площади. Поэтому границы общинных земель, так называемые «синори», нередко были весьма неопределенны, что создавало иногда впечатление, что леса и пастбища просто никому не принадлежат.

В 20—30-х годах XIX в. в связи с ростом населения количество общинных земель резко сократилось, начали возникать судебные дела о незаконном захвате сельских земель. Поэтому сельские синори были точно установлены и зафиксированы⁵. Это обстоятельство и заставило Цвиича и

¹ Српски рјечник, спрега, моба, позайменице.

² М. Ненадовић, Ук. соч., стр. 37.

³ М. Радославлевћ, Ук. соч., стр. 19—22.

⁴ I. Цвијух, Ук. соч., Етнограф. зборн., кн. IV (1), стр. 1.

⁵ «Зборник закона и уредба», т. 1, Београд, 1840, стр. 67—68.

его учеников считать, что общинные земли возникли лишь в 30-х годах XIX в.

Нет сомнений, что общинные земли, имевшие свои границы, установленные местными обычаями и традицией, существовали в Сербии во все время турецкого господства. Не только в 20—30-е годы, но и в более раннее время возникали споры о сельских границах.

В статье Иовановича «Правда и управа Вранској покрајине» (Вранская покраина была присоединена к Сербскому княжеству в 1878 г.) приведен «илам» — судебное постановление о спорном лесе. Крестьяне села Джуковица пишут в своем прошении: «Мы и наши деды владели этим лесом совместно с жителями села Топляца и Доляна и рубили там для своих нужд дрова»¹.

Ряд дел о сельских границах имеется в «Протоколе Шабачкого магистрата»². Вот одно из них: «Явились на суд вернянские кметы Мича Еремич, Иован Яковлевич, Малеш Павлович и Павел Айтонич, Димитрий Илич и поп Юрьевич Попович и заявили, что у них заблачане отняли некий участок земли. В свидетели привели двух старцев Еротия Милутиновича из Синошевича 97 лет и Михаила Николича из Боича около 90 лет от роду из окоины села, которые перед нами, господином Лукой, комендантом Шабачкой нахии, и Милошем, воеводой Поцерским, поклялись, что земля подле реки Боичской принадлежит вернянцам. Поэтому мы присудили, что заблачане больше не будут пользоваться землей через реку Боичскую...»³

Все это дает возможность утверждать, что и в XVIII в. существовала категория общинных земель, к которым относились пастбища и леса и которые находились в совместном пользовании всех крестьян общины-села. Такого рода землями распоряжалась община.

Наличие общинных пастбищ и лесов приобретало особое значение в связи с большой ролью скотоводства в хозяйстве крестьян. Возможность распоряжаться этими, так необходимыми крестьянам землями заставляла крестьян крепко держаться за общины. Это обстоятельство безусловно способствовало сохранению сельских общин в Сербии.

Пастбища, пустоши находились в совместном пользовании крестьянских общин. Иногда они находились в пользовании не одного села, а нескольких сел, всей кнежины. Ближние, прилегающие к селу земли были собственностью данного села. Дальше расположенные леса и пустоши находились уже в совместном пользовании нескольких сел, всей кнежины, нахии. Это только доказывает, а не отрицает, как думает Радославлевич, существование в Сербии общинных земель.

Сербская община в XVIII в. значительно отличалась от русской общины, она сохранила ряд черт общины-марки. К этим чертам относятся круговая порука, пережитки коллективной ответственности членов общины за совершенное на ее территории преступление, элементы помощи общины своим членам, взаимопомощь членов общины, общинный суд и т. д.

Сербские общины были подчинены феодалам. Однако они имели известную хозяйственную самостоятельность, внутреннее самоуправление. Общины сплачивали крестьян, помогали им оказывать сопротивление завоевателям, противостоять усилению феодальной эксплуатации. Именно существо-

¹ «Бранич», 1889, Београд, стр. 5.

² «Гласник», отд. II, кн. 1, дела № 658, 745, 782, 788.

³ «Гласник», отд. II, кн. 1, дело № 658.

ванием сельских общин в Сербии можно отчасти объяснить несколько меньшую степень феодальной зависимости сербского крестьянства по сравнению с другими областями Европейской Турции. Сельские общины, как и задруги, сыграли определенную организующую роль в период подготовки восстания сербами и во время него. Они составляли, по словам Энгельса, силу сербов в их борьбе против турок¹.

Впоследствии общины стали самыми мелкими территориальными единицами самостоятельного Сербского княжества.

§ 2. Социальная и имущественная дифференциация крестьянства

Крестьянские общины Сербии жили замкнутой, обособленной жизнью. Эти условия способствовали стойкому сохранению патриархальных обычаев и традиций в деревнях. Однако внутри сельских общин не было равенства и единства. Процесс внутреннего разложения в них зашел достаточно глубоко, и в конце XVIII в. протекал особенно бурно в связи с общими изменениями в экономическом и социальном строе страны. Развитие товарно-денежных отношений, рост населения, появление большого числа переселенцев из других областей Турции оказали большое влияние на разложение общин и рост социального и имущественного неравенства среди крестьянства в конце XVIII в.

Общинный строй деревни не мог остановить процесса имущественной и социальной дифференциации крестьянства и привел к созданию привилегированного слоя крестьян внутри самих общин: это были представители общинного самоуправления, кнезы и оберкнезы, которые формировались обычно из зажиточной прослойки деревни. «В Сербии господами были только кнезы, попы или монахи,— замечает в своих мемуарах М. Ненадович².

Наиболее высокое положение занимали управители нахий — оберкнезы или башкнезы. Караджич сообщает: «Оберкнезы подтверждались султанскими бератами из колена в колено с бератлийскими правами. Не только тогда, когда оберкнез умрет своею смертью, а и тогда, когда оберкнеза турки убьют (за какой-нибудь проступок или наговор), его сын или брат (если нет сына) становится на его место»³. Эти слова подтверждаются мемуарами Ненадовича: после убийства оберкнеза Алексы Ненадовича дахии захотели назначить на его место кого-нибудь из семьи Ненадовичей, прежде всего его брата Якова⁴. В «Протоколе Шабачкого магистрата» имеется дело от 1808 г. о назначении оберкнезом сына после смерти оберкнеза-отца⁵. Такой порядок сохранился от времени турецкого управления.

Подробно описывает деятельность своего отца оберкнеза Алексы Ненадович: «Алекса беспрестанно обходил кнежину и судил тех, на кого пожалуются кметы и крестьяне»⁶. За тяжелую вину он посылал под арест к муселиму и кадию. Алекса имел в своем распоряжении много пандуров, с которыми он нес охранную службу на австрийской границе. В войне 1788—1791 гг. Алекса принял участие на стороне австрийцев. Он стал

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 262.

² Ненадовић. Ук. соч., стр. 24.

³ «Даница», 1827, стр. 96.

⁴ Ненадовић. Ук. соч., стр. 69—70.

⁵ «Гласник», отд. II, кн. 1, дело № 306.

⁶ Ненадовић. Ук. соч., стр. 37.

офицером в сербском фрайкоре. Несмотря на это после окончания войны и возвращения на родину он был прощен белградским визирем и остался оберкнезом.

В некоторых областях оберкнезы имели особенно широкие права, как, например, башкнезы в Неготинской Крайне. Неготинская Крайна была хассом и занимала особое положение в системе турецких владений — она не входила ни в какую более крупную территориальную единицу. Обычно хассы в Турции сдавались на откуп или управлялись чиновниками, но Неготинской Краиной управляли наследственно два башкнеза-серба.

Положение этих башкнезов описывает митрополит Стратимирович. «Оберкнез неготинский происходит из семьи Карапанов, а башкнез кладовский меняется. Каждый год в марте получают они в подарок из Константинополя кафтан. Они же собирают установленные налоги (как слышал в сумме 204 тыс. форинтов) и передают под своей печатью бегу, который в Кладовой командует турками и охраняет эту крепость. Эти налоги бег немедленно отправляет в Константинополь. От этого налога всякий оберкнез имеет 2000 форинтов в год. И десятину также собирают с этой области, но весьма небольшую»¹. Бег в Неготинской Крайне не мог осудить никого из христиан на смерть без ведома башкнеза. У башкнезов имелось 30—50 человек войска во главе с булюкбашем.

Аналогичным образом описывает деятельность башкнезов Неготинской Крайны Караджич со слов И. Гарашанина. Башкнезы собирали в свою пользу определенные натуральные повинности, а кроме этого десятину. Они сами судили крестьян. Беги и воеводы не вмешивались в управление². При вмешательстве бега во внутренние дела Крайны кнезы могли требовать его устранения.

Неготинские башкнезы выступают здесь как турецкие чиновники, управители хасса, а отчасти как феодальные владельцы Крайны, — они собирают в свою пользу некоторые налоги, десятину, т. е. имеют определенную часть ренты с управляемой ими области. Карапаны занимали исключительное положение среди самих оберкнезов. Положение остальных оберкнезов не отличалось принципиально от положения неготинских башкнезов. Не только они собирали в свою пользу определенную часть повинностей, но и все прочие оберкнезы.

Интересно описывает деятельность оберкнеза в Ужицкой нахии путешествовавший по Сербии австрийский офицер Покорный. «В деревне Пехаре живет так называемый кнез Ужицкого дистрикта, который имеет в своей власти 30 деревень. Он распоряжается устройством охоты для турок, обязан гнать разбойников, заботится о производстве работ для землевладельцев, он дает ежегодно отчет белградскому паше в присутствии всех землевладельцев во всех поборах, налогах. Поэтому турки к нему очень благосклонны»³. Характерно, что, кроме прочих обязанностей, кнез заботится «о выполнении работ на землевладельцев», т. е. барщины, выступая как доверенное лицо землевладельцев своей нахии.

Таким образом, сербские оберкнезы прочно вошли в турецкую феодальную систему. Они фактически исполняли в нахиях обязанности чиновников. Их власть часто была весьма значительна. Оберкнезы творили суд, иногда собирали налоги, обязаны были охранять «порядок» и «спокойствие» в своих нахиях и кнежинах, имели в

¹ «Споменик», кн. XXXIX (35), стр. 114.

² Српски ријечник, предговор.

³ «Споменик», кн. LXXXII (64), стр. 105.

своим распоряжении войско. Оберкнезы пользовались значительными привилегиями: они получали баратлийские права, были освобождены от налогов. Власть оберкнезов большей частью была наследственной.

Права и привилегии кнезов кнежин были уже, чем права и привилегии нахийских кнезов. Еще меньше — права сельских кнезов, которые, как пишет Караджич, «не имели ничего, кроме названия»¹. Однако характер их обязанностей был тот же: они судили крестьян, следили за порядком, посредничали с турецкими властями, исполняли приказы оберкнезов.

Сельские кнезы также пользовались некоторыми привилегиями и, как правило, освобождались от налогов. В этом отношении интересен следующий документ: «Верный, преданный и ревностный исполнитель должности, чиновник Его Величества Султана, кнез Милия, райя из села Светлица Крагуевацкой нахии, просит Его Величество султана милости освободить его от всяких государственных налогов. На просьбе имеется резолюция некоего Мустафы (видимо, белградского визиря): «Пока проситель находится на службе в данном селе, он освобожден от установленных законом налогов»². Повидимому, подобные освобождения кнезов от налогов были системой. Характерно, что в своей просьбе кнез прямо называет себя чиновником султана, и освобождение от налогов ему дается на время исполнения должности. Таким образом, представители общинного самоуправления находились на службе у турецких властей, исполняя обязанности чиновников.

Хотя кнезы жили в деревнях, и, по словам Караджича, не отличались от остальных богатых крестьян, они, и в первую очередь оберкнезы, занимали привилегированное положение в деревне. Характерно, что большинство кнезов во время восстания превратилось в воевод, членов Правительствующего Совета. В 20-е годы XIX в. из этой же среды Милош формировал чиновничий аппарат в автономном Сербском княжестве.

Кнезы представляли собой основной, правда, небольшой по численности привилегированный слой крестьянства. Несколько отличались от остальных крестьян пандуры, а также низшее духовенство, которое обычно занималось сельским хозяйством, так как доходы сельских священников были очень невелики.

Остальная масса деревенского населения представляла собой бесправную райю — феодально зависимых крестьян.

* * *

Как говорилось выше, среди сербского крестьянства не было больших различий в степени феодальной зависимости и объеме повинностей.

Положение крестьян хассов фактически не отличалось от положения спашийских крестьян. Группа крестьян — прияворов, в повинностях которых преобладала отработочная рента и которые находились в большей степени феодальной зависимости от монастырей, чем остальные крестьяне от помещиков, была немногочисленна.

Положение основной массы феодально зависимого крестьянства было исключительно тяжелым. Райя терпела жестокий национальный гнет, она была совершенно бесправна в политическом отношении и немилосердно эксплуатировалась феодалами и государством. Кроме феодальной ренты

¹ Српски ријечник, кнез.

² М. Вукићевић. Ук. соч., прилож., стр. 389.

помещикам, о форме и объеме которой говорилось в предыдущей главе, крестьяне платили тяжелые государственные налоги.

Все христиане в Турецком государстве платили поголовную личную подать «харадж». Как было сказано выше, в XVI в. подданные империи-не-мусульмане платили государству поголовный налог «джизие», а также поземельный и подоходный налог «харадж». В дальнейшем эти налоги слились в один, уплачиваемый всеми мужчинами-христианами — харадж, или, как его называли в Сербии, харач.

Харач, уплачиваемый во 2-й половине XVIII в. всеми мужчинами с 7-летнего возраста, рассматривался крестьянами как унижительный побор, символизирующий покорность населения турецкому правительству. Харачские «тескеры» (удостоверения об уплате харача) крестьяне должны были носить с собой, если выходили из деревни, как своего рода паспорт¹. В конце XVIII в. харач в Сербии платился по 3 гроша и 20 пара с человека.

Кроме того, государству платился налог за скот — чибук (2 пара с головы скота)². Кроме харача и чибука, которые шли непосредственно в государственную казну, крестьяне уплачивали налоги и несли повинности, которые шли на содержание чиновничьего аппарата и пашалыке, войска, на общественные нужды. Размер таких налогов и повинностей не был точно установлен турецким правительством и поэтому произвольно повышался пашами. Часть этого налога, так называемый «порез», или «главница», которую платил всякий женатый мужчина, бралась в деньгах. В конце XVIII в. налог этот официально составлял 15 грошей или пиастров и брался с каждой женатой пары. Паши обычно повышали величину этого налога, и фактически она доходила до 40 грошей³.

Кроме того, крестьяне должны были доставлять на нужды пашей и чиновников дрова, сено, продовольствие, исполнять различные работы — «кулучить» в пользу паши — поправлять мосты и дороги, сооружать постройки, восстанавливать крепости. После убийства визиря Хаджи-Мустафы и установления дахийского режима, налоги на содержание аппарата управления еще более возросли. В требованиях султану в 1805 г. сербы писали: «Из-за громадных издержек впредь нет больше возможности содержать визиря»⁴.

Кроме налогов и повинностей, которые крестьяне несли государству и феодалам, они платили определенные налоги и православному духовенству.

В фермане, данном патриарху Арсению в 1731 г., говорилось, что «патриарху разрешено собирать мирию, подати (таксы), плату за венчание и, кроме того, 12 акчи со всякого дома и по 1 цесарскому дукату с попа в пользу патриарха и то же самое для митрополитов⁵. Караджич пишет, что владыки собирали «дымницу» (т. е. мирию) по 12 пара с избы⁶. Кроме того, небольшие налоги собирало и низшее духовенство, в том числе «бир» — по 10 окка жита с женатого⁷.

¹ Новаковић. Турско царство пред српски устанак, стр. 78.

² Гавриловић. Податци за повестницу српску. «Гласник», кн. III, стр. 177.

³ Материалы к истории восточного вопроса в 1808—1813 гг. Записка Родофиникина от 2.XI 1808 г. «Чтения в импер. об-ве истории и древностей российских», 1901, кн. 2, стр. VIII.

⁴ «Голубица», кн. V, стр. 278.

⁵ «Гласник», кн. XI, стр. 182.

⁶ «Даница», 1827, стр. 117.

⁷ Српски ријечник, бир.

Перечисляя налоги, которые платили крестьяне, Караджич указывает: «Если сложить в один все эти налоги, их менее приходится на человека, чем в каком-либо другом европейском государстве»¹.

Кроме налогов, крестьяне платили еще штрафы. «Но имеется другое зло, которого в любом другом европейском государстве нет и в помине,— это штрафы («глобы»),— пишет Караджич². «Глобы» ложились тяжелым бременем на крестьян. Часть «глоб» представляла собой дополнительные налоги чисто феодального характера. Одной из самых тяжелых «глоб» была «крвавина», о которой упоминалось выше. «Крвавина» в конце XVIII в. составляла 1000 грошей, которые раскладывались на жителей села, где было найдено мертвое тело. Иногда «крвавина» бралась и с окружающих сел³. Подобный же штраф брался за незаконнорожденного ребенка.

«Это обычные общие штрафы,— пишет Караджич,— а штрафов и вымогательств с отдельных людей (например, если кто что-либо скажет против турок и т. д.) нет и счета. Особенно, когда узнают о ком-нибудь, что у него есть деньги»⁴.

В равной мере тяжелыми были всевозможные произвольные поборы турок. Все разъезжавшие по стране чиновники, офицеры получали полное содержание от местных крестьян. Французский посланник Сен-При, проезжавший в 1768 г. через Сербию по пути из Вены в Константинополь, писал: «Проезд только одного янычарского офицера, который везет какой-нибудь приказ Порты, стоит жителям почти 300 грошей... Поэтому легко рассчитать, сколько стоит проезд лица большего достоинства, который путешествует с большой свитой и имеет право на полное содержание»⁵. Эта тяжелая повинность заставляла крестьян переселяться из мест, расположенных у проезжих дорог, в более отдаленные места. Поэтому путешественники могли ехать целый день, не встретив на пути ни одной деревушки.

Ростом всевозможных налогов и повинностей объясняется требование урегулирования налогового обложения, которого добились после войны 1788—1791 гг. сербские кнезы. Султанские ферманы, данные Белградскому пашалыку, прежде всего устанавливали величину налогового обложения. В фермане от 7 сентября 1793 г. определялась величина пореза визирю, «крвавина». Сбор налогов был возложен на кнезов. В том же фермане говорилось, что в дальнейшем будет определено и то, что крестьяне должны платить землевладельцам⁶. Повидимому, землевладельцы также собирали с крестьян большую ренту, чем было установлено.

* * *

Частые войны, сопровождавшиеся грабежами населения, всякого рода произвольные и дополнительные налоги, бессовестный грабеж райи пашами, чиновниками, помещиками, янычарами приводил к разорению основной массы крестьянства, отнимал у них всякий стимул к расширению и улучшению своего хозяйства. Однако некоторая часть крестьянства, прибегая к различным ухищрениям, тщательно скрывая от турок свои излишки, все же находила способы расширять хозяйство и производить продукты на рынок.

¹ «Даница», 1827, стр. 82.

² А. Ф. Миллер. Ук. соч., стр. 375.

³ «Даница», 1827, стр. 83.

⁴ Там же, стр. 83.

⁵ «Годишница Н. Чупића, кн. 31, стр. 152.

⁶ Пантелић. Ук. соч., стр. 199.

Переход от натуральной ренты к денежной и соответствующие ему процессы разложения феодальных отношений, ослабления феодальной зависимости крестьянства, превращения земли в частную собственность и развития капиталистических отношений необходимо предполагает наличие в деревне уже достаточно далеко зашедшей дифференциации.

«...Вся сущность капиталистической эволюции мелкого земледелия состоит в создании и усилении имущественного неравенства внутри патриархальных союзов, далее в превращении простого неравенства в капиталистические отношения», — пишет Ленин¹.

Для конца XVIII — начала XIX в. можно уже констатировать наличие имущественного неравенства внутри общины в Сербии.

О том, что в среде крестьянства имелись, как правило, совершенно определенные прослойки, говорит хотя бы документ из «Протокола Шабачкого магистрата», в котором устанавливается плата попам. За отпевание «добрého газды» (хозяина, кулака) поп получает 6 грошей, «среднего газды» — 4 гроша, «слабого человека» — 2 гроша, «совсем бедняка» попы должны были отпевать бесплатно². Таким образом, можно говорить о наличии в описываемое время в сербской деревне зажиточных крестьян, середняков, бедняков и крестьян, не имевших никакого хозяйства. Характерно, что в патриархальном обычае — «спреге», сходном с распространенной в России супрягой, видна не только патриархальная взаимопомощь. Этот обычай свидетельствует о том, что не все крестьяне имели достаточно скота, чтобы вспахать свой участок земли. При этом крестьянами соблюдалось соответствие количества обрабатываемой совместно площади с количеством предоставленных каждым волов³.

Если, с одной стороны, в деревнях имелась прослойка крестьянства, имеющего скудное хозяйство или совсем не имеющего его (таких еще было немного), то, с другой стороны, имелся и значительный имущий слой.

Не приходится доказывать, что привилегированное положение кнезов, их власть над крестьянами могла основываться и иметь своим результатом зажиточность этой прослойки по сравнению с другими крестьянами. «Только из-за известного имени и богатства турки рассматривали их (кнезов. — И. Д.), как представителей всей нахии», — правильно отмечает С. Маркович⁴.

Большим пробелом при изучении имущественного расслоения крестьянства в Сербии в конце XVIII в. является отсутствие всяких конкретных сведений о величине земельных наделов, о количестве земли, которую обрабатывали крестьяне, и различиях в этом отношении.

Источники указывают, что в конце XVIII — начале XIX в. наблюдается общее увеличение обрабатываемой земельной площади за счет лесных угодий, корчевки леса крестьянами. В «Протоколе Шабачкого магистрата» имеется ряд дел о корчевинах⁵. При турках существовал закон, по которому все корчевины переходили в собственность лицам, их выкорчевавшим. Это правило сохранилось и в первые десятилетия XIX в., что стимулировало крестьян к освобождению из-под леса земельной площади. Расширение количества обрабатываемой земли не могло не привести к росту диф-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 76.

² «Гласник», огд. II, кн. 1, д. № 201.

³ Српски рјечник, спрега.

⁴ С. Маркович. Ук. соч. стр. 14.

⁵ Например, дела № 241, 533 и др.

ференциации крестьянства. Факты покупки и продажи земли крестьянами весьма часто встречаются в конце XVIII и начале XIX в.

Несомненно, в конце XVIII в. уже имелась прослойка крестьянства, земельные владения которой превышали средний надел крестьянской семьи. Земля была дешевой, каждый желающий мог выкорчевать себе дополнительный земельный участок. Это облегчало возможность создания крупных земельных владений. С другой стороны, натуральный в основном характер земледелия, условия жизни сербов под властью турок не способствовали созданию большого количества крупных хозяйств и расширению хозяйства крестьянами.

Имущественная дифференциация крестьянства в Сербии объясняется не только различиями в земельном обеспечении. При большом значении, которое имело скотоводство, особую важность приобретал вопрос об обеспечении крестьянства пастбищами. К сожалению, отсутствие материалов не дает возможности исследовать этот вопрос. Можно только предположить, что несмотря на наличие достаточного количества хороших пастбищ, дубовых лесов, необходимых для свиноводства, между крестьянами не могло быть полного равенства в пользовании общинными угодьями. Естественно, что представители общинного самоуправления пользовались привилегиями в этом отношении. Это обстоятельство не могло не способствовать увеличению имущественного неравенства среди крестьянства.

Как известно, спорадическое применение наемного труда крестьянином обычно встречается еще при преобладании натуральной ренты.

Факты применения наемного труда в земледелии встречаются и в Сербии, особенно в скотоводстве¹. Но применение наемного труда не являлось характерным для Сербии даже в более поздний период, — вместо наемного труда защиточные крестьяне часто прибегали к патриархальным методам эксплуатации бедняков.

Выше говорилось о патриархальных обычаях взаимопомощи в Сербии — мобе, позаимнице и спреге. С. Маркович видит в них доказательство твердости патриархальных устоев в Сербии².

Было ли это так на самом деле?

Караджич так определяет мобу: «У сербов есть обычай летом в некоторые праздники, когда крестьяне не смеют работать на себя, итти на мобу к газдам не за плату, а только за еду и питье. Обычно идут на жнитво (редко косить, убирать кукурузу, собирать сено или сливы)... Моба обычно собирается на миру и домашин требует, чтобы работников угостили так, как когда празднуют «красное имя». Поэтому всегда зовут на мобу только газды, ибо бедняку нечем угощать»³.

Таким образом, зовут на мобу только богатые крестьяне, которые, по видимому, имеют столько земли, что не могут ее обработать сами, а идут на мобу маломощные крестьяне или совсем бесхозяйственные, идут работать не за плату, а за угощение.

Характерно другое замечание Караджича, что на беглук — барщину, которую отбывали крестьяне читлук-сахибиям, первоначально крестьяне ходили, как на мобу, по воскресеньям⁴. Это показывает, как недалеко было расстояние от барщины до мобы. А то обстоятельство, что в 20—30 годы

¹ «Гласник», отд. II, кн. I, дела № 133, 244, 428.

² С. Маркович. Ук. соч., стр. 24—25.

³ Српски ријечник, моба.

⁴ Српски ријечник, беглук.

XIX в. в Сербском княжестве получило широкое распространение отбывание барщины кнезам, чиновникам, князю и т. д. свидетельствует о том, что такие явления существовали еще перед восстанием. В этом отношении интересно, что представитель России в Сербии К. К. Родофиникин, излагая 2 ноября 1808 г. необходимые, по его мнению, мероприятия, проведения которых в Сербии должно было бы добиваться русское правительство, предлагал установить, «чтобы ни князь, ни другое какое лицо не имели права употреблять народ на работы свои». «Тогда это будет принято сербами великой милостью от России дарованной»..., — пишет Родофиникин¹. Повидимому, крестьяне уже в первые годы восстания страдали от «работ», которые их заставляли исполнять разбогатевшие к этому времени сербы. Подобные факты могли быть и до восстания.

Интересно отметить, что задружный быт в Сербии, будучи пережитком патриархально-родовых отношений, с другой стороны, являлся часто основой благосостояния некоторых семей. Ленин отмечает, что в России в конце XIX в. «состоятельные дворы отличаются более высоким семейным составом, имеют больше своих, семейных, работников, чем дворы неимущие»². Подобная же картина наблюдается в Сербии. Большая часть территории Сербии была занята лесами, расширение пахотной земли за счет корчевки леса было не под силу мелким семьям, состоящим из 3—4 человек. Поэтому подчас многосемейность являлась одной из основ крестьянского благосостояния. Именно задружные дома, насчитывающие иногда 10—20 человек, часто были наиболее зажиточными.

Таким образом, перед восстанием 1804 г. в Сербии наряду с бедным и беднейшим крестьянством существовало зажиточное крестьянство, которое не только являлось объектом феодальной эксплуатации, но и само эксплуатировало маломощное крестьянство.

Патриархальные обычаи продолжали существовать, но в них уже была пробита значительная брешь, и они начали использоваться как орудие внеэкономического принуждения крестьянства работать в пользу имущей и влиятельной прослойки, прежде всего, кнезов. Права оберкнезов и кнезов, предоставлявшиеся им по обычному праву, методы эксплуатации ими маломощного крестьянства, начали приобретать по своей форме феодальный характер.

Превращение верхушки зажиточного крестьянства в мелких феодалов — явление вполне закономерное для феодального общества. Отслаивание мелких вотчинников из верхушки свободного крестьянства в различное время происходило в ряде государств Европы.

Правильно ли было бы считать, что зажиточная прослойка крестьянства в Сербии, кнезы и оберкнезы превратились в мелких феодалов, и рассматривать их земельные владения, обрабатываемые отчасти трудом остального крестьянства, как мелкие феодальные владения? В условиях национального гнета процесс пополнения феодального класса из среды крестьянства был крайне затруднен. Принадлежность кнезов к угнетенной народности отнимала у них возможность войти в феодальный класс господствующей народности. Разложение феодальных отношений, изменения, которые происходили во всем комплексе социально-экономических отношений деревни, обусловили иную социальную характеристику этой прослойки крестьянства.

¹ «Чтения в имп. Об-ве истории и древностей российских», кн. 4, 1901, стр. VIII.

² В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 98.

§ 3. Формирование сельской и торговой буржуазии в Сербии

Оживление хозяйства и развитие обмена в конце XVIII в. усилило процесс разложения крестьянства и выделения из его рядов сельской буржуазии, которая была еще крепко связана с самим крестьянством, с сельской общиной.

В. И. Ленин писал, что докапиталистическая деревня немыслима «без мелких торговцев и скупщиков, являющихся «хозяевамч» мелких местных рынков»¹. Именно торговцы-скупщики, так называемые «прасолы», были особенно многочисленны в Сербии. Так как крестьяне не могли непосредственно сбывать на рынок излишки своей продукции, прасолы скупали у них скот и перепродавали его на перевозах, рынках, в городах. Торговцы-скупщики не имели больших капиталов. Об этом говорит хотя бы распространение покупки ими скота в кредит — «под вересию». Купец выдавал вексель на купленный товар, а уплачивал за него лишь после продажи. Покупка товаров у крестьян «под вересию» свидетельствует не только о том, что у сербских торговцев в это время еще не было значительных капиталов, но и о том, что в торговлю вовлекалось большое количество новых людей, еще только начинавших торговые дела.

Торговля скотом велась обычно компаниями, так называемыми ортаклуками, состоявшими из двух-трех человек. В «Протоколе Шабандкого магистрата» весьма часты судебные дела таких ортаклуков. Характерно, что часто существовали смешанные компании из сербов и босняков, подданных Турции и Австрии². Это обстоятельство свидетельствует о широких экономических связях, которые имелись уже в это время у сербов Белградского пашалыка с австрийскими сербами и босняками. Иногда были торговые компании, в которых участвовали турки³.

Существовали купцы, ведущие более крупные дела в Сербии и других частях Турции, особенно в Боснии и Герцеговине, а также в Австрии. Среди них были босняки и особенно много сербов австрийских подданных, которые скупали скот на перевозах, в городах и специальных местах, куда в определенное время скот сгонялся на продажу.

Перед восстанием в Сербии было много таких торговцев. Так, один из вождей четнического движения во время войны 1788—1791 гг., Коча Ангелькович, был известным по всей Сербии торговцем скотом. Перед самой войной он разорился и бежал в Австрию⁴. Видакович рассказывает о своем деде Иване, который имел дела с Кочей. Иван был известен как крупный торговец не только в Сербии, но и в Болгарии. Он был австрийским подданным, но торговые дела вел в Сербии⁵. Сам Карагеоргий перед восстанием был известным торговцем. Будущий сербский князь Милош Обренович уже перед восстанием сначала служил у торговца турка, а потом сам начал торговлю свиньями. Он торговал вместе со своим братом Миланом. Наконец, одним из самых крупных и богатых торговцев был Младен Милованович, который имел большое торговое дело. «Белградский перевоз и таможенню никто кроме них (Младена и его компаньона Милия) не мог взять на откуп и никто другой не мог вести большую торговлю, чтобы они

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 333.

² «Гласник», отд. II, кн. 1, д. № 305, 347, 380 и др.

³ Там же, дела № 500, 541 и др.

⁴ Арсевић-Баталака. Ук. соч., стр. 57.

⁵ «Гласник», кн. XXX, стр. 102.

в ней не приняли участия»¹. Младен Милованович, повидимому, старался захватить в свои руки всю крупную торговлю.

Торговцы, скупавшие скот у населения, были тесно связаны с крестьянством и большей частью жили в деревнях. Но были и городские торговцы. Много сербов-купцов жило в придунайских городах. Так, в Шабаце до восстания было два крупных торговца свиньями Фома Тркич и Никола Тодорович Чаркаджия². Много торговцев было в Белграде. Среди них известный Петр Ичко — старейшина белградских торговцев, его брат Наум. Степан Живкович³. Все они после захвата власти дахиями в 1801 г. бежали из Белграда в Земун, но, живя там, вели дела в Сербии. Эти торговцы занимались и ростовщичеством.

Торговцы-ростовщики жили обычно на австрийской территории, где они могли рассчитывать на большую обеспеченность своих капиталов.

Характерно, что сербские торговцы обычно сами имели свое хозяйство, откармливали скот на продажу. Так, крупное хозяйство имел Младен Милованович. В «Протоколе Шабацкого магистрата» часты упоминания о наемных пастухах, которых, конечно, имели зажиточные, торгующие крестьяне⁴.

Купцы, достаточно увеличившие свои капиталы, повидимому, уже начали думать о создании более крупных промышленных предприятий. В этом отношении характерно письмо Ст. Живковича Ненадовичу от 1808 г. Последний обещал предоставить Живковичу свою землю и мельницу в Валевской нахии для постройки там «папирницы» — бумажной мануфактуры или фабрики⁵. Однако до освобождения от турецкого ига возникновение подобных предприятий было невозможно.

Интересно отметить, что институт кнезов тесно переплетался с сельской буржуазией, вращался в ее ряды, исполнение этой должности давало возможность кнезам еще большего обогащения.

С другой стороны, как говорилось выше, институт кнезов был тесно связан со старым феодальным обществом, с отсталыми общественными отношениями. Сербские кнезы во многом напоминали представителей сельской буржуазии в соседней Болгарии, так называемых чорбаджиев. Особенности положения кнезов и болгарских чорбаджиев явились результатом замедленного развития капитализма в странах, где развитие производительных сил сковывалось жестоким национальным гнетом.

Таким образом, в сербской деревне, как и в городах, шло формирование буржуазного класса. В наиболее товарной отрасли сельского хозяйства — свиноводстве, между товаропроизводителем и покупателем уже вклинился купец-скупщик, который подчинит себе впоследствии мелкого товаропроизводителя, превратив его в наемного рабочего. С другой стороны, сами купцы не только занимались торговлей, но вели и увеличивали свое собственное производство, разводя скот на продажу. В этом можно усмотреть зачатки процесса превращения купца в предпринимателя.

Торговая буржуазия формировалась и в городах. Однако условия существования под турецким игом не давали возможности торговой буржуазии, имевшей уже достаточный капитал, вкладывать их в промышленные

¹ Вукова дела. Скуплени исторички и етнографски списи, т. 1, стр. 254—255.

² Там же, стр. 349.

³ Арсеьевич-Баталака. Ук. соч., стр. 33

⁴ Например, д. № 133, 244, 346.

⁵ «Голубица», кн. V, стр. 153—154.

предприятия. Поэтому процессы, знаменовавшие собой становление капиталистических отношений в стране, получили развитие значительно позже, после освобождения от ига турок.

§ 4. Основные черты классовых противоречий в сербской деревне накануне восстания 1804 г.

Большинство сербских историков признает, что аграрные противоречия явились главной причиной восстания 1804 г. Еще С. Маркович говорил о глубоких социальных противоречиях между турками и сербами накануне восстания 1804 г.¹ С. Новакович в своей работе «Турско царство пред српски устанак» пишет, что основной причиной восстания явились «аграрные и налоговые противоречия между сербами, как держателями земли и турками, спахиями и янычарами, как господами их»². Новакович считает, что «аграрно-экономическая эволюция» Сербии в конце XVIII в. вызвала движение, которое воскресило сербское государство³. Можно вполне присоединиться к этим словам Новаковича. Но, к сожалению, Новакович не сделал попытки раскрыть выдвинутого им положения и показать сущность аграрно-экономической эволюции Сербии в это время. Высказанное ранее Новаковичем мнение о сходстве спахийев со средневековыми сербскими прогнирами, а читлук-сахибиев с баштенниками, неправильно объясняло бы эту аграрно-экономическую эволюцию.

Несостоятельно также мнение Недельковича, сводящего все аграрные противоречия в Сербии перед восстанием к борьбе между читлук-сахибиями и их чифчиями. Отрицая феодальный характер спахийских отношений, не вскрывая наличия классовой борьбы спахийев и крестьян, Неделькович подчеркивает, что в начале восстания спахии действовали заодно с повстанцами⁴.

Крестьяне действительно видели в читлук-сахибиях своих основных врагов и поэтому в первый период восстания боролись против них в союзе со спахиями. Но сербские повстанцы осознавали необходимость бороться против всякого феодального угнетения вообще, против всех феодальных господ и против читлук-сахибиев, и против спахийев. Изображение Караджичем спахийев как «лучших людей для народа» не соответствует действительности. В прошении к султану в 1805 г. сербы требовали, чтобы государство само платило часть содержания спахиям, чтобы права помещиков были ограничены сбором небольшой ренты и «чтобы они не вмешивались в дела вилайета и не держали своих субашей, ибо известно, что спахии часто бывают похожи на янычар («полак ропаџи янычарски») и поэтому ясно, что они могут быть причиной беспорядков в вилайете»⁵. Отсюда видно, что сербы не собирались оставлять спахийские отношения неизменными, а предполагали свести их к сбору небольшой, меньшей, чем до 1804 г., денежной земельной ренты. По условиям мира Петра Ичко в 1806 г. спахийские отношения ограничивались уплатой спахиям 4 грошей с каждой жематой пары⁶.

¹ С. Маркович, Ук. соч., стр. 38.

² С. Новакович, Турско царство пред српски устанак, стр. 1.

³ Там же, стр. 58.

⁴ Неделькович, Ук. соч., стр. 139.

⁵ «Голубица», кн. V, стр. 280.

⁶ М. Петрович, Ук. соч., т. 1, стр. 77.

Целью восстания было не только национальное освобождение сербов, но и ликвидация помещичьего гнета. В договоре, заключенном в 1807 г. от имени сербов Карагеоргием и от имени России маркизом Паулуччи, было оговорено следующее условие: «Препоручается навсегда, чтобы никогда в Сербии не могла быть ни малейшая часть земли никому отдана, сиречь, чтобы помещика никакого не было и средством такового, чтобы народ под рабство не подпадал»¹.

Все это не противоречит тому факту, что в начале восстания сербы из тактических соображений действовали в союзе с частью спахийев, так называемыми «добрыми турками», которые так же как и сербы видели в янычарах, читлук-сахибиях своих главных врагов и поэтому стремились использовать сербское восстание в своих интересах.

Но основным классовым противоречием накануне восстания 1804 г. было, конечно, противоречие между крестьянами, которые начали превращаться в товаропроизводителей, и новыми помещиками — читлук-сахибиями, также начавшими производить в своем хозяйстве рыночные продукты. Именно перестройка помещичьего и крестьянского хозяйства в конце XVIII в. углубила социальные противоречия в деревне и привела к восстанию 1804 г.

Интересы начавшего торговать крестьянства столкнулись с интересами помещиков, стремившихся монополизировать в своих руках всю торговлю. Торгуя сами, помещики старались изгнать с рынка крестьян. В письме к русскому послу в Турции Италинскому от 3 мая 1804 г. сербские старейшины, перечисляя все злодеяния дахий, доведшие народ до восстания, писали: «Мы, подданные, не можем наш скот, шерсть, волов, овец и прочие товары торговцу или купцу по хорошей цене продавать, а дахии силой меча таковые у нас по своему желанию отнимают и потом в тридорога перепродают»².

Весьма характерный случай описан немецким офицером Росичем, который в 1783 г. путешествовал по Сербии, переодетый купцом. Проезжая через деревню Кула, путешественники остановились у деревенского князя. В это время пришел субаша с двумя полевыми сторожами (Poliaken), которые плетью прогнали путешественников из деревни³. Повидимому, субаша прогнал немецкого офицера из деревни именно потому, что он был одет как купец, ибо помещики, желая сами по-дешевке скупать у крестьян сельскохозяйственные продукты, стремились не дать рае возможности продавать излишки своего производства другим торговцам.

После захвата власти янычарами в 1801 г. крестьяне и сельские торговцы не могли свободно продавать продукты сельского хозяйства в городах, на рынках. Янычары скупали у крестьян излишки их производства по крайне низким ценам или отбирали совсем даром.

В условиях, направленных в Константинополь в мае 1804 г., сербы требовали, чтобы рае была дана возможность продавать свои товары, кому они хотят, кто даст большую цену и чтобы торговцы могли свободно ходить по нахиям и торговать⁴.

Процесс почитлученья в Сербии нарушал также интересы общины. Новые помещики стремились сузить функции сельских общин, свести на нет

¹ А. Ф. Миллер. Ук. соч., стр. 149.

² М. Вукићевич. Ук. соч., стр. 404.

³ «Споменик», кн. LXXIV (57), стр. 118.

⁴ «Летопис Матице Српске», кн. 94, Нови Сад, 1856, стр. 120.

права кнезов и оберкнезов, лишить их всей власти. Поэтому в 90-е годы XVIII в. и в начале XIX в. на фоне борьбы всего крестьянства за национальное освобождение против гнета турецких помещиков явственно видна борьба непосредственно самих кнезов, ставивших перед собой те же задачи. Борясь против турецких помещиков за внутреннее самоуправление Сербии, а позднее за полное освобождение ее, кнезы отстаивали и свои собственные интересы, стремясь укрепить свои права и привилегии, захватить в свои руки земельную собственность и имущество изгоняемых турецких феодалов. Содержание ферманов, изданных султаном в 1793—1796 гг., в значительной мере обуславливалось требованиями, выдвинутыми в Константинополе делегацией кнезов в 1792 г.

Придя к власти, янычары поспешили уничтожить все права кнезов. Они ставили в деревнях и кнежинах свои собственные власти, субашей, ханджий и совершенно умалили права представителей местного самоуправления. Такое положение было несовместимо как с интересами крестьян, так и прежде всего с интересами самих кнезов.

В пунктах, посланных в Константинополь в мае 1804 г., сербы требовали, чтобы им была дана возможность свободно избирать кнезов и воевод, которых турецкие власти должны признавать начальниками райи и считаться с их мнением в судебных делах. Там же содержится требование о передаче кнезам права на сбор всех налогов с крестьян¹.

Видя в торговцах скотом, зажиточных крестьянах — представителях общинного самоуправления, пользовавшихся большим влиянием на крестьянство и возглавлявших борьбу против турецкого ига, своих главных врагов, дахии в январе 1804 г. истребили большое количество кнезов и других лиц, которых подозревали в подготовке восстания, главным образом торговцев и представителей зажиточной прослойки деревни. Эта так называемая «сеча кнезов» и явилась непосредственным поводом к восстанию, начавшемуся в феврале 1804 г.

Формирование сельской буржуазии из среды крестьянства обуславливало рост внутренних противоречий в сербской деревне.

Если болгарские чорбаджии, включавшие в свои ряды значительное количество кулаков-«мироедов», на протяжении XIX в. вполне показали себя классовыми врагами крестьянства, то этого еще не случилось в Сербии с сельской буржуазией, кнезами, зажиточным крестьянством к началу XIX в. О существовании внутренних противоречий среди крестьянства можно лишь догадываться, так как источники не дают никаких материалов на этот счет. Но в ходе восстания, уже в 1806—1809 гг., классовые противоречия между вождями восстания и остальным крестьянством, несогласия в среде повстанцев прослеживаются достаточно наглядно. С самого начала восстания воеводы, приближенные Карагеоргия, начали захватывать землю и другое имущество, принадлежавшее ранее туркам. Некоторые воеводы, члены Правительствующего Совета, такие, как, например, Младен Милованович, превратившись в крупных земельных собственников, делали попытки крепостническими способами эксплуатировать крестьян, вызвав этим большое возмущение в стране. Все это заставляет предполагать, что и перед восстанием противоречия малоомощного крестьянства и сельской буржуазии существовали, но не вырисовывались вполне четко, так как заслонялись классовыми противоречиями и национальной рознью между турецкими помещиками и крестьянством в целом.

¹ «Летопис Матице Српске», кн. 94, стр. 120.

Задачи классовой борьбы в Сербии, достигшей апогея к началу XIX в., вполне совпадали с задачами национально-освободительного движения. Так как основным классовым противоречием в это время была борьба между помещиками и крестьянами, то национально-освободительное движение приняло аграрный характер. Интересы турецких помещиков, стремившихся превратить сербских крестьян в крепостных, лишить их защиты сельских общин, отнять возможность сбывать излишки своего производства на рынок, пришли в столкновение с интересами всех слоев населения деревни. Господство читлук-сахибиев было прежде всего несовместимо с интересами формирующейся в деревне сельской буржуазии.

Дальнейший экономический и общественный прогресс был немислим в условиях феодальной реакции, царившей в Турции. Национальное освобождение стало предпосылкой дальнейшего развития капиталистических отношений в стране.

Так, перестройка сельского хозяйства в конце XVIII в. углубила классовые и национальные противоречия и привела сербский народ к восстанию против турецкого ига. Естественно, что это восстание возглавила молодая «сельская буржуазия угнетённой нации», боровшаяся «против помещиков господствующей нации»¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Турецкое иго сыграло крайне отрицательную роль в истории всех южных славян, в том числе и сербов. На протяжении нескольких веков оно сковывало развитие производительных сил покоренных народов. В XVIII в. Сербия была отсталой областью, в ней господствовали феодальные отношения.

Однако с конца XVIII в. в социально-экономических отношениях Сербии наблюдаются крупные изменения: идет разложение феодализма, развиваются капиталистические отношения, начинает складываться нация. Мощная волна национально-освободительного движения, начавшегося в это время, центром которого стал Белградский пашалык, явилась следствием всех этих процессов.

Белградский пашалык — северная часть Сербии — был расположен на дунайско-моравском торговом пути, соединявшем Турцию с европейскими странами, и занимал пограничное положение в системе турецких владений. Все это способствовало росту экономических и культурных связей населения Белградского пашалыка с австрийскими сербами, создавало для северной части Сербии большую возможность общения с внешним миром, чем для внутренних областей империи.

Громадное значение для развития национально-освободительного движения сербов сыграли русско-турецкие войны второй половины XVIII в., которые способствовали установлению дружественных связей между сербами и великим русским народом. В сербском народе росла уверенность, что именно русские окажут им действительную помощь в освобождении от иноземного ига.

Но основным фактором, обусловившим рост антитурецкого движения в Белградском пашалыке, были глубокие изменения в экономике и общественном строе деревни, которые знаменовали собой зарождение капиталистических отношений в стране.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 305.

2. В конце XVIII в. наблюдается быстрый рост товарности некоторых отраслей сельского хозяйства Сербии: садоводства, виноделия и прежде всего скотоводства. Последнее имело первостепенное значение и обусловило развитие денежных отношений и переход к товарному хозяйству. Крестьянское хозяйство начинает специализироваться на производстве одного рыночного продукта — скота, часть крестьянства становится товаропроизводителями.

Вывоз скота, особенно свиней, в Боснию и Австрию вырос именно в конце XVIII в. и имел первостепенное значение для развития экономики Сербии, положив основу процесса первоначального накопления капитала в стране.

Большую роль в развитии внутренней торговли играли ярмарки и базары, собиравшиеся по праздникам около монастырей. Ярмарки и базары происходили и в некоторых городах Сербии. Развитие торговли расшатывало феодальные отношения, создавая предпосылки для развития капиталистического способа производства.

3. Рост торговли, развитие товарно-денежных отношений в стране вызвали изменения в общественных отношениях сербской деревни, которые наблюдаются там перед восстанием 1804 г., а наличие национального порабощения, отсталость феодальной Турции обусловили специфику этих процессов.

В условиях развития товарно-денежных отношений в стране разложение спахийской системы могло бы повести к выкупу крестьянином своего оброчного обязательства и превращению «в независимого крестьянина с полной собственностью на возделываемую им землю»¹. Однако отсталость общественных отношений в Турции, национальное угнетение создавали большие препятствия для такого хода развития и вызывали к жизни иной процесс. Земли спахив начинают скупаться, захватываться торгово-ростовщической прослойкой феодального класса, идет процесс так называемого «почитлученья» спахийских земель.

Почитлученья спахийских земель во второй половине XVIII в. означало не только захват бывших спахийских земель в собственность другими феодалами. Оно влекло за собой изменение способов ведения хозяйства помещиками, усиление феодальной зависимости крестьянства, изменение форм земельной ренты. Читлук-сахибии имели свое собственное хозяйство, обрабатывали землю трудом зависимых крестьян, разводили скот. Они переходили к барщинной системе хозяйства. Помещики производили в своем хозяйстве продукты, идущие на продажу, и были тесно связаны с рынком. Помещичье хозяйство начало терять потребительский характер и стало само производить товары.

В результате почитлученья часть спахив потеряла свои владения. Однако некоторые спахи также переходили к новым методам хозяйства, к новым формам эксплуатации крестьян.

Процесс почитлученья привел к тому, что в начале XIX в. большая часть сербских крестьян была превращена в «чифчиев».

«Чифчиев» — крестьяне, сидевшие на помещичьей земле, находившиеся в большой степени феодальной зависимости, потерявшие личную свободу и фактически не имевшие возможности покинуть свой надел, были настоящими крепостными читлук-сахибиев.

Господство читлук-сахибиев, методы эксплуатации ими крестьян носили

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIX, ч. 2, стр. 361.

чисто феодальный характер. Помещичье хозяйство не начало превращаться в капиталистическое, а стало приспособляться к новым условиям феодальными методами.

В условиях разгула феодальной реакции в Турции во второй половине XVIII в. положение крестьян было чрезвычайно тяжелым. Частые войны, сопровождавшиеся разорением хозяйства крестьян, бессовестный грабеж райи пашами, чиновниками, помещиками, янычарами, — все это приводило к разорению основной массы крестьянства, отнимало у него стимул к расширению и улучшению сельскохозяйственного производства. Однако некоторая часть крестьянства находила способы расширять хозяйство. Имущественная дифференциация среди крестьянства перед восстанием 1804 г. была довольно значительной.

В деревне существовали зажиточные крестьяне, середняки и бедняки. Зажиточная верхушка крестьянства выделялась размерами и постановкой сельскохозяйственного производства, как собственнo земледелия, так и скотоводства. Перед восстанием 1804 г. из среды зажиточного крестьянства начинает формироваться прослойка сельской и торговой буржуазии, которая была еще крепко связана со всем крестьянством, с сельской общиной.

В наиболее товарной отрасли сельского хозяйства — свиноводстве — между товаропроизводителем и покупателем уже вклинился купец-скупщик, начинавший подчинять себе товаропроизводителя. С другой стороны, сами купцы не только занимались торговлей, но вели и увеличивали собственное товарное производство, разводя скот на продажу, в чем можно усмотреть зачатки процесса превращения купца в предпринимателя.

Представители общинного самоуправления, жнезы и оберкнезы были тесно связаны с сельской буржуазией или сами входили в ее ряды. С другой стороны, представители общинного самоуправления были тесно связаны со старым феодальным обществом. Возникновение этой общественной группы, во многом сходной с болгарскими чорбаджиями, отражало проникновение новых отношений в страну крайне отсталую, сохранившую много патриархальных пережитков, находившуюся под иноземным игом.

Таким образом, если изменения, происходившие в помещичьем хозяйстве перед восстанием 1804 г., вели к сохранению и консервации феодального способа производства, усилению феодальной зависимости и эксплуатации крестьянства, то перестройка крестьянского хозяйства содержала в себе прогрессивное начало: в крестьянском хозяйстве начали формироваться капиталистические отношения.

Турецкое господство сковывало развитие капиталистических отношений в покоренных странах, поэтому процессы, знаменующие собой становление буржуазных отношений в Сербии, смогли получить развитие лишь после освобождения. Перед восстанием 1804 г. они были в зачаточном состоянии и только начали развиваться.

Национальное освобождение страны превратилось в предпосылку дальнейшего экономического прогресса. Развитие капитализма было несовместимо с сохранением Сербии в рамках отсталого, феодального государства на положении национально-угнетенного, совершенно бесправного народа.

4. Все это и обусловило характер национальных и классовых противоречий в Сербии накануне восстания 1804 г. Основными классовыми противоречиями в деревне были противоречия между турецкими помещиками, с одной стороны, и сербским крестьянством — с другой. Задачи классовой и национально-освободительной борьбы вполне совпадали, так как помещики были в основном турками. Крестьяне боролись против национального угнетения.

В то же время крестьянское движение по своему характеру было антифеодальным движением. Крестьяне боролись против всех помещиков, но главными врагами сербов были читлук-сахибии, стремление которых превратить крестьян в крепостных, лишить их защиты сельских общин, отнять возможность сбывать излишки своего производства на рынок, пришли в столкновение с интересами всех слоев населения деревни.

Господство турецких помещиков было несовместимо с интересами формирующейся сельской и торговой буржуазии. Поэтому интересы сельской буржуазии в борьбе против турецких помещиков в основном совпадали с интересами крестьянства. Сельская буржуазия боролась против феодального строя за национальное освобождение страны.

Таким образом, перестройка помещичьего хозяйства в конце XVIII в., приспособление его к развитию товарно-денежных отношений феодальными средствами, с одной стороны, и развитие новых капиталистических отношений в крестьянском хозяйстве — с другой, углубило классовые и национальные противоречия и привело сербский народ к восстанию против турецкого ига.

В. Д. Корольюк

НАЧАЛО ШВЕДСКОЙ АГРЕССИИ ПРОТИВ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В ХОДЕ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ (1701—1702 гг.)¹

Вопрос о причинах вступления Речи Посполитой в Северную войну до сих пор не нашел достаточно подробного освещения ни в советской, ни в дореволюционной буржуазной русской историографии. Нет работ, специально посвященных этой теме и в буржуазной польской литературе. Историография народно-демократической Польши тоже еще не касалась этого вопроса. Между тем детальное исследование причин вступления Речи Посполитой в Северную войну представляется абсолютно необходимым, ибо без такого исследования невозможно правильно понять характер польско-русских отношений не только в начальный период Северной войны, но и вообще на всем ее протяжении. Оно облегчит и изучение польско-русских отношений предшествующего времени.

Для России, бывшей инициатором организации антишведской коалиции, Северная война была справедливой войной. Разбухшая феодальная шведская империя, подвергавшая жестокой эксплуатации захваченные ею земли на европейском материке, преграждала России выход к Балтийскому морю. Без получения выхода к морю невозможно было естественное экономическое и политическое развитие России как великой державы.

«Ни одна великая нация не существовала и не могла существовать, — указывал К. Маркс, — в таком удалении от всех морей, в каком пребывала в начале империя Петра Великого... ни одна великая нация никогда не мирилась с тем, чтобы ее морские побережья и устья ее рек были от нее оторваны. Никто не мог себе представить великой нации, оторванной от морского побережья. Россия не могла оставить в руках шведов устье Невы, которое являлось естественным выходом для сбыта продукции»².

Захват шведскими феодалами в XVII в. Ливонии, русского балтийского побережья и части русского севера был тесно связан с той агрессивной внешнеполитической программой, которую проводила Швеция в отношении Московского государства, начиная с Ливонской войны. Программа эта пре-

¹ Настоящая работа является продолжением работ, опубликованных в III, IV и V томах «Ученых записок Института славяноведения».

² К. Маркс. Секретная дипломатия.

дусматривала установление исключительного господства Швеции в бассейне Балтийского моря, что должно было обеспечить шведскую гегемонию во всей Восточной Европе. Политика, проводившаяся Карлом XII в первый период Северной войны, показывает, что именно этой агрессивной программой руководствовался он в своей деятельности.

Совершенно очевидно, что осуществление внешнеполитической программы шведских феодалов угрожало не только России. Для Речи Посполитой осуществление ее означало бы потерю суверенитета и превращение в шведского вассала. Известно, однако, что в момент начала Северной войны Речь Посполитая осталась нейтральной. Польско-литовская дипломатия не замечала нависшей над страной угрозы шведской агрессии. Положение изменилось только после того, как в конце 1701—1702 г. Речь Посполитая стала жертвой прямой агрессии шведских феодалов. Настоящая работа и посвящена анализу событий 1701—1702 гг., связанных с началом шведской агрессии против Речи Посполитой, изучению польско-русских отношений этого времени.

Детальный анализ этих событий важен еще и потому, что в буржуазной польской историографии¹ и в украинской буржуазной националистической историографии² в качестве главной причины вступления Речи Посполитой в Северную войну фигурируют интриги Петра I и Августа II. Такая трактовка вопроса не случайна. Она призвана была оправдать вредный тезис о том, что Россия являлась исконным, наследственным врагом Польши, что единственным спасением для Речи Посполитой являлся союз со Швецией и Турцией, что общие государственные интересы связывали все эти три державы. В провале попыток организовать польско-шведско-турецкий военный блок против России эта историография усматривала одну из важнейших причин политического упадка Речи Посполитой. Концепция эта получила широкое распространение в общих курсах истории Польши, составлявшихся представителями буржуазно-националистической школы.

Данный ниже подробный анализ событий 1701—1702 гг. показывает, насколько беспредметными и беспочвенными являются разговоры о возможности равноправного польско-шведского союза. Он показывает, что внешняя политика подавляющего большинства польско-литовских феодалов определялась, начиная с конца 1701 г., агрессией шведских феодалов против Речи Посполитой. Шведская агрессия и обусловила в конечном итоге русско-польское военное сотрудничество в первый период Северной войны.

Для конкретных целей данной работы, являющейся продолжением исследования, опубликованного в IV томе «Ученых записок Института славяноведения», нам нет необходимости подробно останавливаться на изложении всех обстоятельств свидания Петра I и Августа II в Биржах и связанных с ними первых польско-русских переговорах о союзе против шведов³. Здесь мы ограничимся лишь самой общей характеристикой событий.

Капитуляция и выход из войны Дании, затем тяжелое поражение русской армии под Нарвой — таков внешнеполитический фон, на котором должна была состояться встреча русских и саксонских дипломатов. Петровским

¹ K. Jarochowski. Dzieje panowania Augusta II od wstąpienia Karola XII na ziemię polską aż do elekcji Stanisława Leszczyńskiego. Poznań, 1874; Wł. Koporczyński. Polska a Szwecja od pokoju Oliwskiego do upadku Rzeczypospolitej. 1660—1795. Warszawa, 1924; J. Feldman. Polska w dobie Wiekiej wojny Północnej. 1704—1709. Kraków, 1925.

² См., например, С. Томашівський. Листи Петра Великого до А. М. Синявського. Наук. зап. т-ва ім. Шевченка, р. 1909, кн. VI, и другие его работы.

³ Об этом см. нашу статью «Свидание в Биржах и первые переговоры о польско-русском союзе», «Вопросы истории», 1948, 4.

дипломатам приходилось действовать в условиях почти полной международной изоляции. Русские участники свидания в Биржах вынуждены были считаться с фактом реального падения военного и политического престижа государства. Все это осложняло их позиции в переговорах с единственным союзником России, заставляло итти на некоторые уступки. Но уступки эти были необходимы, если Россия хотела довести до конца начатую борьбу за выход к морскому побережью.

Правда, еще в январе 1701 г. боярином Ф. Головиным и датским посланником в Москве П. Гейнсом были подписаны новые «Договорные статьи», подтверждающие прежний (1699 г.) союзный русско-датский договор. Однако датская вооруженная помощь была обусловлена такими оговорками, при которых рассчитывать на нее в течение ближайшего периода времени не было никакой возможности. Вопрос о возвращении Дании к войне со шведами прямо ставился в зависимость от той или иной позиции морских держав — Англии и Голландии — шведских союзников; в лучшем случае Россия могла рассчитывать на прямую военную помощь Дании только в случае начала войны за Испанское наследство. Иными словами, возобновление датско-шведской войны в ближайшем будущем оставалось весьма проблематичным, если не совершенно исключенным.

Еще менее утешительны были результаты русских переговоров в Берлине, откуда 10(21) февраля 1701 г. князь Трубецкой доносил о полном провале своей миссии, о невозможности возлагать какие бы то ни было надежды на Пруссию, связанную союзным договором с Империей, которая, в свою очередь, сама искала шведского союза.

При таких условиях Петру не оставалось ничего другого, как еще теснее сблизиться со своим саксонским союзником и приложить все усилия к тому, чтобы предотвратить его выход из Северной войны.

Между тем и положение Августа II было далеко не легким. Серьезные опасения вызывали его польские позиции. В начале 1701 г. в Речи Посполитой усилила свою деятельность антисаксонская оппозиция. Уже 2(13) марта 1701 г., следовательно, непосредственно вслед за подписанием союзного русско-саксонского трактата в Биржах, русский посланник в Варшаве Судейкин сообщил своему правительству тревожные известия о подготовке польскими оппозиционерами созыва на весну 1701 г. посполитого рушения с целью изгнания из Речи Посполитой королевских саксонских войск. Это грозило полным поражением саксонской политики и неизбежным выходом из войны саксонского союзника. Обстоятельство это в полной мере объясняет тот факт, что наряду с вопросом о координации русских и саксонских военных действий в Прибалтике польский вопрос явился основным вопросом, ставшим перед союзными монархами во время их февральского съезда в Биржах.

Но прежде чем останавливаться на результатах февральской встречи монархов, следовало бы упомянуть об одном важном обстоятельстве, значительно осложнившим ход русско-саксонских и особенно русско-польских переговоров. Мы имеем в виду до сих пор еще недостаточно изученную деятельность в Польше дю-Геро, французского посланника при польском дворе. В задачу его входило добиться сепаратного соглашения между Саксонией и Швецией, над которым он усиленно трудился в течение всей второй половины 1700 г. Находясь в Биржах во время совещаний, происходивших там между руководителями русской, польской и саксонской политики, он прилагал все усилия к тому, чтобы сорвать соглашение между союзниками и повредить русскому делу. Особенно опасной деятельностью его представля-

лась в связи с предполагаемым польско-русским союзным соглашением против шведов, поскольку в данном случае он мог воспользоваться против России своими обширными и влиятельными связями с магнатскими и шляхетскими фамилиями Речи Посполитой. Очевидно, прекрасно понимая это, петровская дипломатия сама пошла на сближение с дю-Геро, благодаря чему противодействие французского посланника было временно преодолено.

26 февраля (9 марта) 1701 г. русско-саксонские переговоры закончились подписанием нового союзного договора.

Нужно сказать, что подтверждение действовавшего с 1699 г. русско-саксонского союза обошлось Петру довольно дорого. Помимо того, что с русской стороны в помощь Августу II и под начальство его командующего было обещано передать от 15 до 25 тыс. пехоты с оружием и воинским снаряжением и даже денежным вознаграждением, Россия обязывалась доставить своему союзнику 100 тыс. фунтов пороху, а также дать займы сроком на два года 100 тыс. рублей или 200 тыс. ефимков.

Зато русской стороне удалось добиться чрезвычайно важного для нее соглашения саксонцев координировать в будущем русские и саксонские военные действия в Прибалтике.

К договору была приложена тайная статья.

«Понеже мы, — говорилось в ней, — великий государь, наше царское величество, ничего приятнее не желаем кроме того, дабы в наши с королем Польским постановленные союзы Речь Посполитая купно вступила, и того ради его королевское величество оную к тому приводити всякое прилежание и труды прилагати хошет, и того ради обещаем мы, великий государь, царь, в середине июня потом 200 000 рублей на распоряжение королевского величества в Смоленске заплатить, дабы теми некоторым из сенаторей, которые способны сыщут сие намеренное дело наилегче исполняти, некоторое награждение и милость оказать»¹.

Целям привлечения к войне Речи Посполитой должна была служить также статья 7-я февральского договора, в которой обещалась уступка королю и республике всей Ливонии, Лифляндии и Эстляндии.

Именно эти две статьи и составляют наиболее серьезное отличие союзного договора 1701 г. от союзного договора 1699 г. В 1699 г. с перспективой вступления в войну Речи Посполитой русские дипломаты мирились лишь как с неизбежным злом, оставляя его всецело на попечение Августа II. В 1701 г. обстоятельства круто изменились. Россия теперь сама, несмотря на сохранившееся недоверие к политикам магнатско-шляхетской республики, шла на оказание материальной помощи Августу II для привлечения Речи Посполитой к войне, официально обещала передать ей и королю всю Ливонию. Разумеется, и в этом случае инициатива привлечения Речи Посполитой к войне исходила от Августа. Целью его было укрепить с помощью этого договора свои собственные позиции в стране. Однако известный перелом наметился и в русской внешней политике. Ход событий принуждал теперь Россию стремиться к скорейшему вовлечению Речи Посполитой в войну против шведов.

Более того, идя на переговоры с польско-литовскими дипломатами, русское правительство заранее предполагало возможность выдвижения с польской стороны территориальных претензий к России и готово было даже пойти на их обсуждение. Действительно, уже в ходе польско-русских переговоров в Биржах русским дипломатам пришлось столкнуться с фактом территориальных претензий поляков и даже удалось значительно сократить

¹ Письма и бумаги императора Петра Великого, т. I, СПб., 1887, стр. 439.

их и свести к такому минимуму, о котором трудно было помышлять в начале. Вместе с тем Петр в ходе совещаний с польско-литовскими уполномоченными впервые затронул вопрос о Нарве, настаивая на включении ее в состав Русского государства.

Инициатором русско-польских переговоров о союзе выступил сам польский король, поскольку именно для него польский вопрос имел наибольшее значение. Но и помимо этого, даже учитывая второй план саксонской политики, рассчитанный на примирение со шведами, энергичный поворот Польши в сторону войны со Швецией и соглашения с Москвой, мог в очень серьезной степени укрепить королевские позиции по отношению к Швеции в предстоящих мирных переговорах.

В том, что первые русско-польские переговоры о союзе против шведов в период Северной войны были начаты под саксонским влиянием, убеждают нас и современные события и источники, в частности, протоколы совещания между дьяком Борисом Михайловым, присланным на Украину для консультации с малороссийским гетманом Иваном Мазепой по поводу польских территориальных претензий, выяснившихся в ходе биржанских переговоров. «Ему ж, гетману и кавалеру, говорено, — указывалось в этом протоколе, — что при том постановлении¹ говорил королевское величество, каким бы образом мочно Речь Посполитую Польскую к той же войне обратить (на что некоторое число и денег тайно на дачу сенаторскую королевскому величеству дать обещано)»².

Поскольку февральские переговоры о русско-польском союзе не привели ни к каким результатам, было принято решение продолжить их летом 1701 г. во время вального сейма, согласие которого было необходимо для официального заключения союзного договора. Переговоры эти должен был вести В. Посников, еще до того направленный в Польшу. Но и на этот раз переговоры не дали желательных результатов. Русского уполномоченного не поддержал даже инициатор переговоров — король Август II. Более того, выяснилось его нежелание выполнять все военные обязательства, которые он взял на себя перед Россией, заключая в феврале 1701 г. союзный договор с Петром.

Что касается руководителей польско-литовской внешней политики, то часть из них, будучи в оппозиции к королю, сознательно шла на срыв переговоров, рассчитывая на сотрудничество со шведами и лелея агрессивные замыслы в отношении России, другая — оказалась настолько близорукой, что, не понимая размеров шведской опасности, думала использовать факт переговоров лишь в целях ревизии территориальных условий «вечного мира» 1686 г.

Неразрешенность польско-русских противоречий не позволила ей правильно оценить обстановку и серьезно отнестись к миссии Посникова. В целом русская дипломатия оказалась гораздо более дальновидной и трезвой, чем дипломатия шляхетской республики.

В дальнейшем, благодаря некоторому улучшению международного и военного положения России, вопрос о территориальных уступках Речи Посполитой был вообще снят русской дипломатией с повестки дня. Это становится очевидным уже в осенние месяцы 1701 г. Теперь искусное поведение В. Посникова в период его летних переговоров с сеймом оказало существенную услугу России.

¹ Имеется в виду свидание в Биржах.

² Д. Н. Бантыш-Каменский. Источники малороссийской истории, ч. II, 1859, стр. 31. Ср. Дела малороссийские 1701 г., № 20, лл. 21—27.

В связи с вопросом о русско-польском союзе между московскими и польскими дипломатами, возглавляемыми подканцлером Щужой, состоялось в Биржах три конференции.

Во время биржанского свидания наметились попытки сближения литовских конфедератов с Россией. Для Огинского и его сторонников маневр этот не составлял никакой политической новости. Инициатива и на этот раз принадлежала литовцам, причем перспектива их вооруженного выступления против шведов должна была явиться той основой, на которой могло укрепиться русско-литовское сотрудничество. С другой стороны, трудно поверить, что литовцы, предлагая свое участие в войне против шведов, в свою очередь, не рассчитывали на получение какого-то содействия со стороны России в своей борьбе с Сапегами. Повидимому, именно в этом смысле велись Огинским переговоры с русскими дипломатами во время пребывания их в Биржах. Правда, несмотря на несомненное военное превосходство конфедератов перед Сапегами, московская дипломатия в конечном итоге предпочла не вмешиваться во внутренние события в Речи Посполитой, и соглашение с Огинским не состоялось. Но не в этом основной смысл русско-литовских переговоров начала 1701 г. Смысл их заключается в том, что они впервые раскрыли глаза московскому правительству на ту реальную силу в Речи Посполитой, которая готова была сотрудничать с ним против шведов и которая впоследствии действительно сыграла очень значительную роль в ходе польско-русских переговоров, способствуя вступлению Речи Посполитой в Северную войну.

I

В целях разъяснения последовавших за неудачей миссии Посникова событий необходимо подробнее остановиться на внешней политике польского короля, осветить наиболее важные моменты его сношений с Версалем, а через Версаль со шведами, с тем, чтобы рассмотреть в этой связи и политические планы магнатской оппозиции в Короне.

Прежде всего, несколько слов о событиях в Литве, где литовская шляхта под предводительством Григория Огинского попрежнему вела энергичную борьбу против могущественного дома Сапег, опиравшихся на обширные родственные связи в Короне. С присоединением к конфедератам влиятельной магнатской семьи князей Вишневецких, борьба эта приняла еще более ожесточенный характер¹, и Сапегам теперь было трудно рассчитывать на какой бы то ни было успех. Уже в марте и апреле 1701 г. и московские правительственные круги и гетман Мазепа считали дело Сапег проигранным. Между тем, посредническая тактика, избранная королем в литовском конфликте, приводила его в столкновение, с одной стороны, с литовской шляхтой, от которой он вынужден был защищать сапежинские маестности, с другой — с самими Сапегами и их друзьями в Короне, подозревавшими короля в двуличии и в том, что он оказывает конфедератам тайную помощь. Наконец, литовское шляхетское движение создавало и другую реальную опасность, на которую обратил внимание боярин Головин и которая заключалась в том, что в случае энергичного развития событий в Литве можно было ожидать повторения их в Короне, где значительные шляхетские слои тоже проявляли недовольство магнатами. Последнее обстоятельство созда-

¹ J. Narbutt. Dzieje wewnętrzne narodu litewskiego z czasów Jana Sobieskiego i Augusta II, t. II, Wilna, 1843, str. 74.

вало дополнительные затруднения в отношениях короля с оппозицией при-
маса и Яблоновского.

Что касается самого по себе шляхетского движения, то в разбираемых нами конкретных обстоятельствах 1700—1701 гг. оно отнюдь не имело характера движения, враждебного королю и его завоевательным планам (мы не имеем здесь в виду более широких планов Августа II — планов установления в Польше абсолютной монархии). И если литовская шляхта и выступала против короля, как это случилось в 1700 г., в связи с предпринятой гетманом Сапегою вербовкой в литовские войска для отправления их на шведский театр военных действий, когда усилиями Огинского и его сторонников вербовка эта была фактически сорвана¹, то она действовала так для того, чтобы нанести удар Сапегам. Факт этот не исключал того обстоятельства, что со стороны конфедератов предпринимались неоднократные попытки сблизиться с королем. Конфедераты преследовали при этом, разумеется, цели разгрома Сапег, но одновременно они согласны были поддерживать внешнеполитический курс Августа II. В период биржанского съезда литовскими конфедератами был предпринят и другой шаг, чреватый весьма серьезными последствиями в будущем. Они стремились к установлению русско-литовского военного и политического сотрудничества.

Зато магнатская оппозиция в Короне была враждебна как самому королю, так и его русскому союзнику. Правда, рассматривать ее как единое политическое целое в этот момент нельзя. Два главных направления, оба враждебных России, можно отметить в составе оппозиции. К первому, опиравшемуся главным образом на Великую Польшу, следует отнести влиятельную семью Лещинских, непоколебимых сторонников бывшего кандидата на польский престол Якуба Собеского, в последнее время прочно связанного с французской дипломатией. К ним примыкал великий коронный гетман Яблоновский. Эта группировка представляла собою внушительные остатки разбитой в 1697 г. австрийской партии.

В другую группировку явных и тайных врагов короля входили бывшие лидеры французской оппозиции, Сапегы, литовский гетман Казимир и подскарбий Бенедикт, Иероним Любомирский, получивший в 1702 г. после смерти Яблоновского великую булаву, и, наконец, примас Радзеевский. В течение долгого времени они составляли солидарную и могущественную магнатскую группировку, тесно связанную с политическими замыслами французского правительства. Помимо обширных родственных связей, обе группировки польских магнатских фамилий связывала открытая вражда к России и стремление вернуть себе потерянные украинские земли. Исключение в этом отношении составляли, быть может, только Сапегы, опасавшиеся за судьбы своих белорусских маестностей и потому более других склонные к сохранению мирных отношений на восточной границе Речи Посполитой².

Но помимо безусловной враждебности ко всяким попыткам, клонящимся к укреплению в стране авторитета королевской власти, противники Августа II в течение первого четырехлетия его правления не сумели сформулировать позитивной политической программы, не сумели достичь достаточно прочного единства действий по отношению к вновь избранному королю. Отчасти мешали этому разыгравшиеся на Литве кровавые события, которые привели к объединению литовской шляхты против Сапег. Литовский

¹ J. Narbutt. Ук. соч., стр. 73—74.

² Konopczynski. Polska a Szwecja od pokoju Oliwskiego do upadku Rzeczypospolitej. 1660—1795, Warszawa, 1924, str. 35.

конфликт был, таким образом, первым и чрезвычайно серьезным препятствием, мешавшим объединению остатков бывшей австрийской и бывшей французской партий. Но единства действий не было даже и внутри этих политических группировок. В период с 1697 по 1699 г. это отсутствие единства действий между главными магнатскими политическими группировками в стране являлось в руках саксонского курфюрста серьезным политическим козырем, с помощью которого обеспечивался успех избранной им тактики лавирования и игры на противоречиях между различными польскими и литовскими политическими течениями. Но в связи с военной неудачей в Прибалтике, с появлением у границ Речи Посполитой сильного неприятеля, а на польской политической арене могущественной дипломатии французского короля, положение дел изменилось самым радикальным образом. Появлялся тот серьезный внешний фактор, который мог успешно соединить усилия всех враждебных королю элементов для нанесения ему сокрушительного удара. С половины 1700 г. обстоятельство это должно было определять те серьезные колебания, которые начала испытывать саксонская внешняя политика.

О том, насколько угрожающе выглядели в этот момент планы некоторых участников враждебной королю оппозиции, свидетельствует следующий весьма знаменательный факт. В Петркове, следовательно в Великой Польше, где позиции сторонников Якуба Собеского были всегда исключительно прочными, во время предсеймовской борьбы раздавались довольно настойчивые голоса, требующие вывода саксонских войск с территории Речи Посполитой и прекращения войны со шведами под угрозой низложения Августа с польского трона¹. Требование это звучало тем более угрожающе, что аналогичные требования о выводе саксонских войск раздавались и из другого, диаметрально противоположного лагеря, из лагеря литовских конфедератов², недовольных посреднической миссией короля в литовских событиях. Подобные же известия поступали в Москву и из Копенгагена, от Измайлова, направленного туда посланником³.

О том, что события, получившие такой оборот в Великой Польше, представляли действительно серьезную угрозу польским позициям короля Августа II, свидетельствуют и сведения, переданные гетманом Мазепой дьяку Борису Михайлову во время переговоров, состоявшихся в апреле 1701 г. В данной связи, кажется, было бы не лишним привести слова малороссийского гетмана: «Он же, гетман и кавалер, сказывал,— отмечалось в протоколе их совещания,— что ис Полши от гетмана полного коронного Потоцкого есть на сих днях к нему, гетману, для порубежных спор присылщик. И сказывал ему, что на короля конечно ото всей Речи Посполитой начинается быть рокош. И хотят ево совершенно с королевства согнать. На том положено у всей Речи Посполитой неотменно»⁴.

Сообщения князя Хилкова, русского посланника в Стокгольме, умудрявшегося, несмотря на свое тяжелое положение, поддерживать переписку с московским правительством, еще более разъясняют происходившие в Речи Посполитой события и характер вынашиваемых польской оппозицией планов. Правда, сам русский посланник довольно скептически относился к полученным им сведениям. Однако сопоставление этих сведений с

¹ ЦГАДА. Дела польские, 1701, № 15, л. 35.

² Там же, № 14, л. 3.

³ «О короле полском говорят,— отмечалось в его депеше,— что Речь Посполитая хочет войну иметь на своего короля». Дела польские, 1701, № 2, л. 55.

⁴ Дела малороссийские, 1701, № 20, лл. 30—31.

данными гетмана Мазепы и сообщениями об открытых выступлениях недовольной шляхты в Великой Польше полностью подтверждают передаваемые им известия. 26 апреля (7 мая) 1701 г. князь Хилков помещает в своей депеше следующие любопытные строки: «Еще сказывают,— пишет он,— будто будет в Полше новой король, Яков, королевич прежний»¹. Наконец, последнее наблюдение. В мае 1701 г. в связи с происходившими тогда в Москве русско-прусскими переговорами обнаружилось полное совпадение сведений, полученных обоими дворами и констатирующих наличие прочной связи между оппозицией королю в Великой Польше и шведской дипломатией².

Что касается показаний князя Хилкова, то они приобретут еще большее значение, если учесть, что как раз в течение первых месяцев 1701 г. обнаруживается наибольшее напряжение в отношениях между королевичем Якубом и Августом II. Крайнее недовольство королевича вызывал тот факт, что король до сих пор не исполнил своего обещания и не выдал ему за отказ от польской короны обещанной суммы в 200 тыс. талеров. Происходившие между ними переговоры по этому поводу не дали никакого результата³. Нужно сказать, что Вена прилагала все усилия к тому, чтобы отвлечь внимание корыстного и раздраженного королевича от польских дел. В мае 1701 г. он был назначен губернатором в Грац (земли — Штирия, Крайна и Каринтия). Однако Якуб не принял этого назначения и остался в своей резиденции в Олаве⁴.

Разумеется, явно враждебная по отношению к польскому королю позиция Собеского не могла не привлечь к себе внимания саксонской дипломатии, установившей за ним слежку и впоследствии утверждавшей, что уже с этого времени, т. е. с 1701 г., между ним и шведами (при помощи услуг французского посланника Боняка), а также между ними и оппозиционно настроенными группами магнатов в самой Речи Посполитой происходили довольно оживленные сношения⁵.

Нужно сказать, что до сих пор эти сведения, официально сообщенные Августом II, не находили как будто себе никакого прямого подтверждения, если не считать утверждения Яроховского, указывавшего, что начало этих польско-шведских связей следует искать еще в 1700 г. и что план передачи польского престола королевичу Якубу принадлежал самому Карлу XII⁶. В свете приведенного нами выше заявления русского посланника в Стокгольме эти сведения саксонской дипломатии приобретают черты полной правдоподобности, хотя окончательно разрешить вопрос о том, кому принадлежала в этот момент инициатива выдвижения новой кандидатуры на польский престол, была ли она задумана в Стокгольме, Олаве или среди самих же оппозиционно настроенных магнатских кругов в Речи Посполитой, пока еще не представляется возможным. Для нас, однако, наиболее существенным является тот факт, что для принятия подобного решения польского вопроса была уже подготовлена почва при шведском дворе, который, по некоторым данным, еще в 1700 г. предлагал французской дипломатии возобновить борьбу за польский престол для принца Конти. Шведское предложение не имело тогда никаких последствий⁷. А уже в апреле

¹ Дела шведские, 1701, № 2, л. 6.

² Дела прусские, 1701, № 5, л. 65.

³ Piwarski. Kólewicz Jakób Sobieski w Oławie, Kraków, 1939, str. 20—24.

⁴ Там же, стр. 24—28.

⁵ Там же, стр. 34.

⁶ Jarochowski. Dzieje panowania Augusta II, Poznań, 1874, str. 26.

⁷ Szujski. Dzieje Polski podług ostatnich źalań, t. IV, cz. 2, Lwów, 1866, str. 177.

следующего, 1701 г. в Варшаве стало известно, что повторные усилия французской дипломатии добиться примирения между Карлом и Августом не имели никакого успеха при шведском дворе и что шведский король выступает сторонником продолжения войны с Августом¹. Так постепенно выясняются общие контуры того обширного плана, который, по мнению А. Стилле, лежал в основе политической деятельности Карла XII и сводился к тому, чтобы добиться ликвидации опасной для шведов личной польско-саксонской унии. Немедленно вслед за тем должен был последовать сокрушительный удар по России². Относительно намерений и конечных целей политики Августа II, сводившихся к созданию в центре Европы нового могущественного (из Саксонии и Польши) монархического государства³, у шведов были, повидимому, вполне определенные представления, о чем мы можем судить на основании хотя бы более позднего дневника Гилленкрока, участника русского похода⁴.

Так складывались для Августа II внешние и внутренние обстоятельства накануне летних переговоров Посникава с поляками о заключении русско-польского союза против шведов.

На заключение нового русско-саксонского союзного договора, Карл XII ответил лишь повторением своего отказа от примирения с польским королем. Одновременно всплывала на поверхность новая кандидатура на польский престол, кандидатура Якуба Собеского, возникала реальная опасность низложения Августа II.

Ход событий не остановился, однако, на этом. Тогда же — в апреле 1701 г. — выяснилась и другая опасность, грозившая Августу II уже в самой Саксонии. 5 (16) апреля 1701 г. Измайлов сообщил в Москву: «Неприятельские войска, сказывают, что вскоре будут иметь транспорт в Померанию. А велено им итти в Саксонию через Брандбургскую землю и будто на то есть позволение курфирста бранденбургского»⁵. 19 (30) апреля Измайлов еще раз подтвердил это чрезвычайно важное сообщение⁶. Подобные же сведения достигали, конечно, саксонского двора и не могли, разумеется, не оказать самого существенного влияния на дальнейшую политическую линию Августа II.

Наконец, в это же самое время великий коронный гетман Яблоновский выступил с планом посредничества Речи Посполитой между Августом II и Карлом XII и созыва для этой цели посполитого рушения⁷. Разумеется, план великого коронного гетмана не мог удовлетворять польского короля. В случае успеха такого посредничества Август II неминуемо должен был оказаться в полной зависимости от руководителей предполагаемого посполитого рушения.

Август II стоял перед дилеммой: один путь — путь последовательного соблюдения русско-саксонского союза, выполнения условий биржанского

¹ Дела польские, 1701, № 5, л. 609.

² А. Стилле. Карл XII, как стратег и тактик в 1707—1709 гг. СПб., 1912, стр. 8.

³ Z. Wojciechowski. Polska — Niemcy. Dziesięć wieków zmagania, Poznań, 1945, str. 149.

⁴ См. «Военный журнал», кн. 6, СПб., 1845. Современное сказание о походе Карла XII в Россию, стр. 5.

⁵ Дела датские, 1701, № 2, л. 56.

⁶ Там же, л. 69.

⁷ E. Otwiński. Dzieje Polski pod panowaniem Augusta II, od roku 1696—1729, Kraków, 1849, s. 32.

договора — вел к продолжению войны со шведами: другой путь — капитуляции перед Стокгольмом — гарантировал, во всяком случае, сохранение наследственных владений в империи. Август II выбрал третий путь, путь выжидания и проволочек, тактику лавирования.

II

Тактика лавирования сказала уже в самое ближайшее время, в момент переговоров Посникова в Варшаве летом 1701 г., когда русский уполномоченный так и не добился никакой помощи со стороны короля в своих попытках поставить переговоры о союзе с Речью Посполитой на реальную почву. В конце концов, уже после провала своей миссии, в депешах к своему правительству Посников охарактеризовал политику короля, как сплошное надувательство русского союзника. Поставив вопрос о союзе с Россией, Август хотел, по мнению Посникова, только добиться обеспечения себе русской финансовой помощи. Вместе с тем, созывая сейм, он стремился к тому, чтобы немедленно сорвать его и не допустить Речь Посполитую принять какое бы то ни было участие в политических событиях. Но срыв сейма означал вместе с тем и полную неудачу миссии Посникова, неудачу, в которой русский посланник винил прежде всего короля¹. Нужно сказать, что это — довольно верная характеристика польской политики Августа II в рассматриваемый нами период.

В то время как король не оказывал Посникову никакой поддержки, его министры Паткуль и Пшебендовский прилагали все усилия к тому, чтобы выведать от русского уполномоченного намерения московского правительства, выяснить содержание предполагаемых в Москве условий польско-русского сотрудничества против шведов. Подобные усилия королевских министров вполне согласовались с общим направлением королевской политики, для которой факт русско-польских союзных переговоров и оглашение московских условий союза представляли довольно серьезное средство, с помощью которого можно было оказать дополнительное давление на непримиримых шведов. Приблизительно такой же тактики по отношению к русскому уполномоченному держались и польские сенаторы, добивавшиеся во время конференции с ним объявления его инструкций. Не думая о заключении союза с Россией, они пытались, таким образом, приобрести только лишнюю возможность для того, чтобы укрепить свои позиции на случай прямых польско-шведских переговоров (отдельно от саксонско-шведских переговоров), на что рассчитывал прежде всего великий коронный гетман Яблоновский. При таких условиях отказ Посникова раскрыть заранее содержание своих полномочий приобретает особое значение и свидетельствует о ясном понимании обстановки и полном нежелании русского представителя служить орудием дипломатического давления в чьих бы то ни было руках. Поведение его кажется тем более оправданным, ибо он прекрасно понимал, что настроение руководимой оппозиционными магнатами части польского шляхетского общества было гораздо более враждебным Москве, чем шведам².

В этой связи необходимо было бы остановиться еще на одном обстоятельстве, явившемся, судя по сообщению русского представителя, серьезным препятствием на пути успешного ведения порученных ему переговоров. Мы

¹ Дела польские, 1701, № 14, л. 109.

² Там же, л. 49.

имеем в виду провозглашение бранденбургским курфюрстом себя королем Пруссии, как раз накануне русско-польских переговоров. Это необычайно встревожило все польское шляхетское общество. Посников прямо указывал своему правительству на это обстоятельство как на серьезную помеху вступлению Речи Посполитой в войну против Швеции¹. Разумеется, оно не было решающим. Для успеха миссии Посникова не было абсолютно никаких благоприятных условий в этот момент ни в Речи Посполитой, ни в лагере польского короля.

Но обстоятельство это имеет для нас и другое значение, поскольку оно явилось причиной вторичного выступления России в качестве посредника между Августом II и поляками, с одной стороны, и новым Прусским королевством — с другой. Дело в том, что широкое недовольство, которое обнаружилось в Речи Посполитой в связи с провозглашением Пруссии королевством, а также известия о надеждах, возлагаемых поляками на французскую помощь в случае польско-прусского столкновения явились для прусской дипломатии удобным поводом для того, чтобы, с одной стороны, снова отказаться от предоставления России военной помощи, с другой — добиваться ее повторного посредничества. 7 (18) июня 1701 г. прусский посланник фон-Принцен именно так и объяснял те мотивы, которыми руководствовалась Пруссия, воздерживаясь от участия в Северной войне. «Приказал государь его известить, — заявлял фон-Принцен Головину, — что поляки час от часу на сеймиках против коронации его великие споры и ропот чинят и угрожают ему за то неприятельски поступать. А знатно, что в том либо от шведа, либо от француза, и иногда и от обоих их подущаются. И для того опасения принужден государь ево несколько войск своих в Пруссиях оставить, несмотря на то, хотя и против француза немалое число войск своих постановить принужден. И для выщей осторожности и от союзников своих себе помощи искать принужден. И для того уповает, что его царское величество за то отмены в дружбе своей к нему за то показать не изволит, что он за такими многими причинами его царскому величеству нынешняго году вспоможения присылкою войск учинить и тем истинную свою дружбу изъявить не может»².

Но еще до того, как сообщить о таком решении Берлина московскому правительству, фон-Принцен, ссылаясь на угрозу прусским интересам со стороны польского короля и Речи Посполитой, добивался нового посредничества России между Пруссией и Августом II и Польской республикой. В связи с этим 8 (19) мая 1701 г. Посникову и Долгорукому была направлена соответствующая инструкция, поручающая им отвлечь Августа II от враждебных намерений по отношению к Пруссии. Русским представителям предписывалось «донести, что царское величество то несогласие между таких двух добрых друзей и союзников его зело неприятно слышит. И для того указал его королевское величество по братцкой своей дружбе и

¹ Дела польские, 1701, № 14, л. 60. «Да и для того, — писал он, — с шведом всчать Речь Посполитая войны не хочет, рассуждая себе такую в том осторожность, что Бранденбурчик незапринятие себе от Речи Посполитой королевства в Пруссиях войну за то на Речь Посполитую всчать и весть егда восхоцет, и тако они войну с шведом прежде того начинания всчали б, и тогда б тот курфирст и с тем шведом были б им сильны. И то они тако себе в последнем своем намерении оставили, что удобнее Речи Посполитой с одним курфирстом войну вести, нежели с шведом прежде начатую продолжать, к которому их наступлению на того курфирста и короля французского в помощь себе готова быть говорят».

² Дела прусские, 1701, № 5, лл. 77—78.

любви просить, дабы от такого намерения своего изволили престать»¹. Далее в инструкции подробно излагались обоснования позиции Москвы в отношении Речи Посполитой и Пруссии и доказывалась необходимость энергичных усилий для благополучного завершения польско-русских союзных переговоров. Русским уполномоченным поручалось «доводить пространными доводами, что его королевскому величеству отнюдь не потребно, но наипаче вредително, дабы Речь Посполитую с таким обоим их великих государей добрым другом и союзником ссорить, от которого они оба, великие государи, себе против общаго неприятеля некоторого вспоможения чаят. И особливо его царское величество вспоможение несколькими войсками получить уповает. Но наипаче надлежит обще трудиться, дабы Речь Посполитую привесть купно в союз и в войну против общаго своего неприятеля»².

Не лишним, кажется, было бы привести здесь же и те заявления фон-Принцена, которые повлекли за собой направление в Польшу этой инструкции, прежде всего, потому, что они подтверждают известный в литературе факт непосредственной причастности польского короля к происшедшей в это время коронации королевской короной бранденбургского курфюрста. Фон-Принцен обвинял Августа II в том, что он «ныне являет ему (прусскому королю.— В. К.) великое недоброхотство, и незнамо по какому подущению, хочет его ссорить с Речью Посполитой Полскою, незнамо коея ради причины. Ибо он в розсланных своих универсалах и пунктах будущей сейм по всем поветам между иными делы о коронации его королевского величества прусского, которую де он по собственном его королевского величества полского присоветыванию учинил, такие предложения и слова положил, ис которых явно его недоброхотство и намерение, дабы его с Речью Посполитую ссорить, выразумети возможно»³.

Вслед за получением инструкции от 8 мая 1701 г. Посников поспешил довести до сведения Августа II точку зрения русского правительства. Русский посланник, правда, не пожелал вступать по этому поводу в переговоры с Паткулем и Пшебендовским, которых он подозревал во враждебных по отношению к России намерениях, и воспользовался для этого посредничеством Халецкого. Вскоре ему удалось получить от короля вполне успокаивающее заверение относительно взглядов саксонского кабинета на прусское дело⁴.

Нужно сказать, что в Москве с самого начала, соглашаясь вторично принять на себя посредническую миссию в Варшаве, довольно скептически смотрели на искренность выраженных пруссаками опасений относительно якобы грозившей им со стороны поляков и Августа II войны. Об этом свидетельствует замечание Головина в его майской инструкции Посникову. «Только ты в сем деле предусматривай,— писал он русскому представителю в Варшаве по поводу прусской жалобы,— нет ли какова лукавства от бранденбурцов, а от королевского величества я быти не чаю»⁵. Подозрения эти действительно скоро оправдались. Пруссия использовала существовавшее в Речи Посполитой против нее раздражение только для того, чтобы еще раз отказаться от военной помощи России.

Все это не следует понимать в том смысле, что прусская жалоба не

¹ ЦГАДА, ф. 6. Госархива. Письма разных лиц на русск. яз., 1701, № 1, л. 27.

² Там же.

³ Там же, л. 26.

⁴ Дела польские, 1701, № 14, л. 108; № 15, л. 158.

⁵ Там же, № 15, л. 148.

имела под собой никаких оснований. В свете тех оживленных переговоров, которые как раз в это время велись Августом II с Версальским кабинетом, противником которого выступали Гогенцоллерны, подозрения Берлина относительно возможности существования враждебных против него замыслов польского короля представляются вполне вероятными. Но дело не в этом. До заключения мира со шведами Август II не имел решительно никакой возможности выступить против Пруссии. Она не могла не знать этого, но предпочитала ссылаться на польско-саксонскую угрозу, чтобы и впредь обеспечить себе без ссоры с Петром нейтральные позиции на севере Европы.

III

Избранная Августом II тактика проволочек не могла, разумеется, не сказаться и на его ближайших военных планах и на ближайшей практической деятельности саксонской дипломатии.

Относительно намерений Августа II русские представители в Речи Посполитой не строили себе никаких иллюзий. Прежде всего упомянем Посникова, подозревавшего короля в неискренности и уверенного в том, что саксонцы не выполнят условий биржанского союзного договора¹. Не менее определенно по этому поводу высказывался находившийся в Польше с дипломатической миссией Салтыков, сообщивший 19(30) апреля 1701 г. своему правительству: «Здесь, государь, есть великое непостоянство против статей, каковы поставлены в Биржах»². Вместе с тем Салтыков считал необходимым, чтобы русское правительство отказалось от последовательного выполнения союзного договора, не советовал царю лично выступать в поход на соединение с саксонскими войсками, поскольку Августа не будет с ними³. Для Салтыкова было совершенно ясно, что резкий поворот в саксонской политике определился в связи с концентрацией шведских войск, которая происходила в этот момент в Померании и которая определенно угрожала наследственным владениям саксонского курфюрста. «А ныне,— сообщал он,— те (шведские.— В. К.) войска в Поморской земле. А пришли они из Шоплян и из Швецкой земли. И королевское величество zelo опасен, чтоб они не поворотились на Саксонию. Толок надеетца на курфирста брандбургского и на иных союзников своих, что они той войска через свои земли не пропустят в Саксонию»⁴.

При таких обстоятельствах Август не только не принимал мер к последовательному выполнению условий биржанского союза, но стягивал к силезской границе большую часть своей армии, одновременно используя ее как средство давления на созванный сейм⁵. Однако, не предполагая выполнять условия своего союза с Россией, Август II не намерен был заранее открывать перед союзником своих планов. Наоборот, дважды в течение мая 1701 г. им были повторены Салтыкову обещания выступить лично в поход против неприятеля и соединиться с царем⁶. А еще в апреле 1701 г., отправляя к русскому двору своего нового посланника Кенигсека и поручая

¹ Дела польские, 1701, № 15, л. 40.

² Там же, № 8, л. 1.

³ Там же, л. 2.

⁴ Там же, № 15, л. 6. Впрочем, до сведения русского агента доходили и иные известия, по которым следовало ожидать скорого появления шведских войск на территории Ливонии. Однако первоначальные известия о шведском намерении обрушиться на Саксонию подтверждались и из других источников.

⁵ Там же, л. 14.

⁶ Там же, лл. 12—26.

ему договориться с русскими относительно координации совместных усилий в Прибалтике, Август II писал царю: «Мы почитаем за необходимость со всяким прилежанием на то смотреть, дабы нам без всякого медления друг з другом совокупится и таким войском, чтобы мы неприятелей далеко сильнее быв, за помощью вышнего, о победе надежны быть могли, и оного приискав, бой с ним дать, ибо чрез то наши намерения потом без преткновения и без опасения могут исполнены быть»¹.

Отказываясь от выполнения биржанского союзного трактата и стремясь скрыть этот факт от русского правительства и его дипломатических агентов в Варшаве (последнего достичь ему так и не удалось), Август принял и более широкие дипломатические шаги, направленные прямо против интересов своего союзника и клонящиеся к окончательной ликвидации союза с Россией. Мы имеем в виду настойчивые попытки Августа II в течение весны и лета 1701 г. достичь сепаратного соглашения со шведами, пользуясь при этом главным образом посредническими услугами французской дипломатии. Нужно сказать, что французское посредничество с каждым днем приобретало все большее значение в его глазах, поскольку налицо был непрерывный рост французского влияния в Швеции за счет англо-голландского. Факт этот, как и проявляющееся в англо-голландских и австрийских дипломатических кругах серьезное недовольство и раздражение по поводу происходивших перемен в шведском политическом курсе, был довольно верно подмечен русским представителем в Копенгагене Измайловым. 25 марта (6 апреля) 1701 г. он сообщал в связи с этим в Москву: «Здесь пребывающие господа министры, цесарской, аглинской, галанской, на шведа зело негодуют за ево мир с французским каралем»². С другой стороны, непрекращающиеся переговоры короля Августа с дю-Геро вызвали естественное подозрение со стороны русских дипломатических агентов в Варшаве, очень скоро сумевших разгадать их истинный враждебный Русскому государству смысл. Сошлемся, хотя бы, на следующие немногие факты. 4 (15) мая 1701 г. Посников в своей очередной депеше отмечал ненадежность саксонского союза и предательский характер внешней политики Августа Саксонского. Главное внимание посланника привлекал тот факт, что король «все с послом французским в Биляны и в Виляново в одной карете почасту ездят, и в свои покои ево призывает. И слышно, что о настоящем с шведами нашем деле разгологоствует, ибо и наша с ним дружба до тех пор мест будет, пока цесаря с французом о гишпанской короне успокоят, около которого дела все радетельно стряпают. И когда то дело между ними успокоитца, то тогда и сего владыки с московской короною дружба бутто пресечетца»³. Однако более точные сведения из Варшавы относительно истинного смысла происходивших в этот момент франко-саксонских переговоров московское правительство смогло получить только несколько позднее от Салтыкова. В депеше от 14 (25) июня 1701 г. он снова повторял опасения относительно саксонского непостоянства, сопровождавшиеся следующей весьма любопытной припиской: «Королевское величество посылает по вся недели куриеров через французского посла ко шведскому королю, чтобы учинить мир без государя, один. Толко он (Карл XII.— В. К.) того не хочет миру. А ево (Августа.— В. К.) он в дело не ставит: непостоянство, что он желает»⁴. Наконец, довольно полные известия о происходивших в

¹ Дела польские, 1701, № 2, л. 9.

² Дела датские, 1701, № 2, л. 40.

³ Дела польские, 1701, № 14, л. 41.

⁴ Там же, № 8, л. 32.

Варшаве событиях были получены от находившегося в Польше Григория Долгорукого, днем ранее Салтыкова отправившего своему правительству депешу, в которой подчеркивалось, что «посол французской и при нем единомышленные непрестанно желание имеют учинить волю королевского величества французского, чтоб, оставя нас, а помиритьца с короной швецкою..., оставя всех, цесарское величество, таку же и царское величество, корону прускую». И далее: «И на тот их непотребной совет zelo его королевское величество склонение имеет, толко мала удерживает по се время енерал Флеменк, малбурской воевода и министр Паткуль. А удержать им и переверотить то его намерение, чаю, невозможно, чаю, что толко б тайно от них не кончилось»¹.

Аналогичные, правда, более или менее путанные, известия о посредничестве Франции между Саксонией и Швецией поступали и от других лиц, прежде всего от Измайлова².

Более точные сведения были сообщены им 8 (19) апреля 1701 г., после состоявшейся между ним и датскими дипломатами конференции, на которой вновь обсуждались перспективы участия Дании в Северной войне. Ответ датчан в значительной степени раскрывал существо варшавских совещаний Августа с дю-Геро. «Я здесь непрестанно говорю,— писал в связи с этим в Москву Измайлов,— ближним королевским людям о настоящем деле. И на сей неделе были у меня для разговоров. И довольное в том время имели. Болше не хотят верить, как королевское величество полской крепкое обязательство имеет с премилосердым нашим великим государем в нынешней настоящей войне, и бутто его величество имеет некоторые тайные договоры или переписку с французским королем и бутто хочет вступить в мирные договоры с шведом. Также и Речь Посполитая Полская того желает. И я их в том утверждал, что королевское величество никогда тово не учинит»³.

Наконец, чувство известного раздражения, вызванное колебаниями в политическом курсе шведского правительства и руководившее, очевидно, французским посланником в Дании или его правительством, подвинуло его на выдачу Измайлову тайны сепаратных шведско-саксонских мирных переговоров. Вот как рассказывает об этом депеша московского посланника, помеченная 22 апреля (3 мая) 1701 г. «Сегодня, государь, на королевском дворе казал мне письмо французской посол, что писано к нему из Парижа, будто королевское величество полской домогаетца как бы помиритьца с шведом тайно, без согласия великого государя, без всякого удоволствования. А швед не хочет признать принца Данжу за короля гишпанского и в том великую досаду учинил французскому королю»⁴.

Итак, несмотря на наличие известных разногласий в показаниях русских дипломатов, находившихся при польском и датском дворах, одно остается несомненным: в течение апреля — июня 1701 г. и после продолжались шведско-саксонские сепаратные переговоры о мире, ведшиеся с помощью французской дипломатии. Поскольку целью их было заключение сепаратного, без участия России, мира — переговоры эти принимали

¹ Дела польские, 1701, № 25, л. 3.

² 5 (16) апреля 1701 г. Измайлов сообщал, например, из Копенгагена: «Французский король хочет быть медиатором между каралевским величеством полским и шведом. И бутто уступает швед полскому королю всю Лифляндию, кроме Риги и Нарвы». Дела датские, 1701, № 2, л. 3.

³ Там же, л. 60.

⁴ Там же, л. 73.

безусловно враждебный русским государственным интересам оттенок. Разумеется, и на этот раз далеко не в саксонских интересах было посвящать в них своего восточного союзника. Сепаратные переговоры должны были остаться тайной для него. С этой целью постарались прежде всего ввести в заблуждение Долгорукого. Первоначально это даже отчасти удалось саксонским дипломатам. В самом деле, уже 15 (26) июня 1701 г., следовательно, всего два дня спустя после того, как Долгоруким была отправлена в Россию тревожная депеша с сообщением, что «все дело наше прежнее отмену имеет великую», и далее: «а теперь исчу того, чтоб хотя на время удержать здешней непотребной союз с короною швецкою»¹, всего через два дня тот же дипломат решается сообщить своему двору о том, что этот «непотребной союз может отменитца, а хотя и будет союз с шведом, толко по согласию вопче с нами против союзных статей»².

Чем же объясняется такая резкая перемена? Безусловно, удачным маневром саксонской дипломатии, сумевшей повлиять на мнение русского представителя. Следующее сообщение Долгорукого раскрывает картину тех упорных усилий, которые прилагались ею для того, чтобы скрыть от русского дипломатического агента смысл происходивших между Стокгольмом и Дрезденом переговоров. Ослабить подозрение Долгорукого удалось, прежде всего, благодаря заявлению голландского посланника, направлявшегося в шведский лагерь для того, чтобы убедить Карла XII отказаться от мысли о продолжении Северной войны. В своем заявлении голландский посланник прямо утверждал, что польский король не пойдет на сепаратное соглашение с шведами³. О наличии подобных настроений у голландского дипломата было известно, кстати, и Посникову⁴. Кроме того, последовало официальное опровержение слухов о намерении вступить в сепаратные переговоры с шведами со стороны Августа II, о чем Долгорукий доносил в Москву 28 июня (9 июля) 1701 г.⁵

Однако эти заблуждения недолго владели умом князя Долгорукого. Уже 1 (12) июля 1701 г. он снова подчеркивал в своем донесении факт наличия сепаратных шведско-саксонских переговоров и неверность Августа II условиям русско-саксонского союзного договора. Вместе с тем Долгорукому становилось очевидным то огромное влияние, каким пользовались в стране французская дипломатия и ее агент дю-Геро. «Французский посол, — писал он в Москву, — здесь волю свою творит, яко же хочет. Все министры и все интересы куплены за великие деньги»⁶. Но очутившись в таких условиях, оказавшись перед лицом несомненной измены Августа II делу Северного союза, с одной стороны, перед лицом растущей оппозиции королю — с другой, Долгорукий в поисках выхода из создавшегося положения останавливается перед дилеммой, кому помогать — королю или оппозиции, поскольку измена саксонского союзника, казалось, должна была самым радикальным образом отразиться на дальнейшем ходе русской политики в Речи Посполитой. Именно поэтому в цитированной уже выше депеше к боярину Головину от 1 (12) июля 1701 г. появляются следующие знаменательные строки: «Изволте ко мне писать: ныне которую мне сторону дер-

¹ Дела польские, 1701, № 25, л. 8. Симптоматично, что русский посланник опасается не только возможности мира, но и последующего сговора между Августом II и Карлом XII против России.

² Там же, л. 9.

³ Там же, л. 12.

⁴ Там же, № 14, лл. 119—120.

⁵ Там же, № 25, л. 21.

⁶ Там же, л. 31

жать,— спрашивает Долгорукий,— полскую ль или попрежнему королевскую?»¹ Разумеется, колебание это не могло быть длительным. При условии той враждебности, которую проявляла к России антисаксонская оппозиция в Речи Посполитой, русской дипломатии не оставалось абсолютно никакого выбора.

Но подчеркивая враждебный по отношению к России характер французского посредничества между Саксонией и Швецией, мы отметили лишь одну сторону обширной дипломатической деятельности версальского кабинета. Остановимся теперь на тех целях, которые преследовал он в разбираемый промежуток времени, для того чтобы уяснить себе французскую политику на севере Европы в отношении Швеции, России и Саксонии.

IV

Чтобы составить себе отчетливое представление об основных целях французской внешней политики в начальный период Северной войны, необходимо, прежде всего, считаться с тем фактом, что Северная война сошла с периодом подготовки, а затем взрыва войны за испанское наследство, во время которой основными противниками Франции выступали морские державы и Империя. В XVII в. французская дипломатия создала концепцию так называемого «восточного барьера» в составе Швеции, Речи Посполитой и Турции, причем основным элементом этой концепции являлась идея вторжения восточных союзников в Империю для нанесения ей смертельного удара с тыла². Само собой очевидно, что Швеция, бывшая первоклассной военной державой, должна была представляться наиболее ценным союзником. Серьезные перемены, происшедшие со времен Густава Адольфа в политическом курсе Стокгольма³, принуждали французскую дипломатию направлять свое внимание именно в эту сторону, что повлекло за собой отчаянное соперничество между французской и англо-голландской политикой в Стокгольме, которое началось в 1698 г. и продолжалось в первые годы Северной войны.

С другой стороны, Франция вынуждена была считаться с тем обстоятельством, что в 1697 г. серьезный удар по самым основам концепции «восточного барьера» был нанесен русским правительством, которое способствовало окончательной победе в Речи Посполитой Августа Саксонского над французским кандидатом принцем Конти⁴. Вырисовывалась перспектива полного провала всех расчетов французской дипломатии на возможность организации «восточного барьера».

Эти основные цели стояли перед Францией в тот момент, когда летом 1700 г. она энергично взялась за посредническую миссию на севере Европы. Помирив Карла XII с Августом II, французские дипломаты рассчитывали добиться шведского союза. Они предполагали, что, выйдя из войны, Август окажется в орбите французского влияния и станет союзником Франции в ее схватке с Империей. В самом деле, к концу 1700 г. был уже готов проект франко-саксонского союзного договора, направленного против Австрии, который, однако, так и не был ратифицирован Августом II. Основной причиной такой нерешительности Августа в этом вопросе была почти полная

¹ Дела польские, 1701, № 25, л. 31.

² R a m b a u d. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministre de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution Française. Russie, t. I, Paris, 1890, p. V—XI.

³ Там же, стр. XII.

⁴ Там же. Ук. соч., стр. XXIX.

неудача французского посредничества на Севере. дю-Геро пытался склонить Августа II к подписанию союза, выдвигая в качестве приманки Силезию, чешскую или венгерскую корону. Отказ Августа II от ратификации предложенного ему союза с Францией побудил Версаль взять курс на срыв мирных шведско-саксонских переговоров, для чего дю-Геро была направлена дополнительная инструкция¹. Однако дело до полного разрыва между Францией и Саксонией все же не дошло. В 1701 г. Франция попрежнему выступает активным посредником между Стокгольмом и Дрезденом.

Между тем появилось еще одно обстоятельство, серьезно повысившее интерес французского представителя в Варшаве дю-Геро к судьбе франко-саксонских переговоров. Здесь имеется в виду появление на польской территории одного из руководителей венгерского национально-освободительного движения, врага Габсбургов и правой руки молодого Франца Ракочи, Берчини (май 1701 г.)². Сам Ракочи появился в Польше несколько позднее, так как только в ноябре 1701 г. ему удалось бежать из австрийской тюрьмы и благополучно перейти границу³. Тем не менее Берчини, составившему для Августа II специальный мемориал, в котором в качестве вознаграждения за помощь в освобождении Венгрии от Габсбургов фигурировал венгерский престол, удалось живо заинтересовать саксонского курфюрста планами борьбы с Веней⁴. Помимо этого, Берчини очень скоро сумел заинтересовать своими планами и дю-Геро, легко увлекшегося идеей организации в Австрии венгерского восстания и начавшего обрабатывать в этом смысле свое правительство⁵. Таким образом, неожиданное появление Берчини определило новое франко-саксонское сближение. Последнее не помешало Августу II вести параллельные переговоры с Австрией о передаче на ее службу большого контингента саксонской армии для участия в войне против Франции⁶. Здесь же необходимо указать, что столкновение с Австрией из-за Венгрии⁷, на которое толкал Августа II дю-Геро, было слишком рискованным шагом для Августа II. Дело в том, что в случае выступления Августа II, венгерский фронт, бывший, по общему признанию, «ахиллесовой пятой» империи, неминуемо привлек бы к себе все внимание австрийцев и Августу II пришлось бы на своих плечах выносить основную тяжесть войны с ними⁸. С другой стороны, дю-Геро были известны уже детронизационные замыслы Карла XII⁹. Было совершенно очевидно, что до тех пор, пока война между ним и Саксонией будет продолжаться, нечего и думать о том, чтобы Август II решился на рискованное выступление против Габсбургов. Поэтому главные усилия французской дипломатии, естественно, должны были концентрироваться на том, чтобы добиться примирения между Стокгольмом и Дрезденом.

Следует здесь же оговориться, что венгерские планы дю-Геро в течение лета 1701 г. все же не были еще основным направлением дипломатической деятельности французского правительства. Существовала определенная и

¹ С. Томашівський. Ук. соч. «Записки Наук т-ва ім. Шевченка», т. 85, кн. 5, стр. 46.

² Там же, стр. 47—48; K. Jarochoński. Z czasów saskich, Poznan, str. 203.

³ С. Томашівський. Ук. соч., стр. 47—48.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 56.

⁶ Там же, стр. 54.

⁷ Там же, стр. 48.

⁸ Там же, стр. 54, прим. 1.

⁹ Там же, стр. 56.

довольно значительная разница во взглядах Людовика XIV, делавшего главную ставку на союз с Августом II, и его посланника в Речи Посполитой дю-Геро, все более и более склонявшегося к тому мнению, что венгерское восстание само по себе, при некоторой поддержке извне, может оказать могущественное влияние на исход европейской войны¹. Поэтому в официальных планах версальского кабинета, наряду с венгерским восстанием, фигурировало попрежнему предложение Августу II овладеть Силезией². Кроме того, как показывает инструкция Людовика XIV посланнику в Швеции от 21 июля 1701 г., в планы французского короля входил еще один вариант договора с Карлом XII и Августом II, по условиям которого не сама Австрия, а Пруссия и Дания должны были стать жертвой шведско-саксонской диверсии. Посланнику вменялось в обязанность стремиться к ликвидации конфликта между Стокгольмом и Дрезденом, к вовлечению их в орбиту французского союза с тем, чтобы двинуть шведов на датчан, а саксонцев на Пруссию, для чего следовало использовать и антипруссские настроения польского шляхетского общества³.

Какой бы, однако, из выдвигаемых Францией проектов ни был принят, основным условием его исполнения являлся вопрос о ликвидации войны между Саксонией и Швецией, о сепаратном мире между ними. Но, добываясь этого, французская дипломатия, естественно, переходила на позиции, открыто враждебные России, что и констатировали русские дипломаты в Варшаве.

Между тем на пути предполагаемого в Версале разрешения северного вопроса основным препятствием являлось фактическое нежелание Карла XII пойти на примирение с Августом II. Дело, однако, не ограничивалось этим. Версальский кабинет не имел вместе с тем никакой уверенности в том, что шведы действительно расположены в его пользу: об этом заставляла задуматься отказ Карла XII гарантировать за Францией Испанское наследство до окончания войны с Августом II⁴. Поэтому в инструкции Людовика XIV (июнь 1701 г.) предусматривалась возможность срыва франко-шведских союзных переговоров. В таком случае целью французской политики должно было стать прекращение Северной войны для того, чтобы гарантировать себя таким образом от возможного перехода Швеции на сторону врагов Франции⁵. Второй план действий, разумеется, не исключал первого, являясь по существу лишь страховкой на случай его полного провала. Шведский союз расценивался французской дипломатией, как это выяснилось вскоре, значительно выше саксонского⁶. Итак, при наличии мирных настроений у Августа II, при безусловной заинтересованности Людовика XIV в успехе шведско-саксонских переговоров о сепаратном мире окончательное решение вопроса принадлежало исключительно Карлу XII.

Однако известное недоверие, которое все же вызывал у Версаля шведский политический курс, принуждало его считаться с такой возможностью, при которой необходимо будет затянуть шведско-саксонский вооруженный конфликт, и не упускать из виду Россию. Впрочем, стремление не

¹ С. Томашівський. Ук. соч., стр. 56.

² Там же, стр. 48.

³ A. Geffroy. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministre de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution Française, Suède, Paris, 1885, pp. XXXI—LXXXII.

⁴ Там же, стр. 223; Дела датские, 1701, № 2, л. 73.

⁵ Geffroy. Ук. соч., стр. LXXXII.

⁶ Там же, стр. 210. По поводу заключения франко-саксонского союза, помимо Варшавы, велась переписка и в Париже при участии направленного туда Августом посланника Иордана.

порывать окончательно с Россией сказывалось в политике версальского кабинета еще задолго до начала Северной войны: в 1698 г., во время пребывания в Вене царя, и в 1699 г., после возвращения туда с Карловицкого конгресса Возницына. Стремление это сказалось и в начале 1701 г. В депеше Измайлова, отправленной из Копенгагена и помеченной 18 февраля (1 марта) 1701 г., приводятся следующие фразы, сказанные ему при встрече французским представителем в Дании: «Да сказывал мне французской посол,— пишет Измайлов,— что король французской готовит шездесят кораблей, а хочет посылать на голанцов, а желает де королевское величество быть в любви с царским величеством»¹. Повидимому, окончательным поводом для принятия в Версале такого решения по отношению к России явились обстоятельства встречи в Биржах руководителей русской политики с дю-Геро. Правда, русские предложения о союзе и о торговом договоре были встречены Людовиком довольно сдержанно², однако это все еще не означало, что Франция совершенно не намерена считаться с позицией России. Наоборот, России на случай провала франко-шведских союзных переговоров отводилась значительная роль.

Только учитывая всю сложившуюся на севере Европы политическую обстановку, можно понять ту странную на первый взгляд позицию, которую занял с апреля 1701 г. французский посланник в Копенгагене, раскрывший Измайлову и тайну шведско-саксонских сепаратных переговоров и недоумение Версаля Карлом XII. На подобные же размышления наводит и деятельность в Польше дю-Геро, стремившегося не порывать, а скорее поддерживать наметившиеся в Биржах русско-французские связи. Первые попытки его, сделанные в этом направлении (мы имеем в виду письмо, отправленное им в Москву), не давали, правда, никаких оснований предполагать, что за этим кроется что-нибудь безусловно серьезное и достойное пристального внимания русского правительства. Об этом свидетельствует письмо Головина к князю Г. Долгорукому от 19 (30) августа 1701 г. В нем говорилось: «О французском после, что писал твоя милость ко мне, и то письмо, каково он ко мне писал, никакова дела в себе содержит, токмо куплементы»³. Однако дальнейшие планы дю-Геро заслуживают все же более серьезного внимания. Именно эта, русская сторона планов французской дипломатии получила довольно подробное освещение в статье Т. К. Крыловой⁴. Очевидно, биржинские переговоры, а затем появление в Польше Берчини побудили дю-Геро развить перед Версалем такой план действий французской дипломатии в Восточной Европе, при котором в состав организуемого антиавстрийского «восточного барьера» должна была войти и Россия, в свою очередь примиренная на севере со шведами. Французскому посланнику при этом удалось заручиться согласием Людовика XIV на такой план действий. Французский король постепенно поддадал под влияние убеждений дю-Геро в отношении венгерского вопроса⁵.

Таким образом, в конце концов, наряду с первым, безусловно враждебным России планом действий, при котором основной целью Версаля являлось достижение сепаратного мира между Швецией и Саксонией с переходом их в ряды антигабсбургской коалиции при полной военной и по-

¹ Дела датские, 1701, № 2, л. 5.

² Сб. РИО, т. 34, стр. IV—V.

³ Письма разных лиц на русск. яз., 1701, № 1, лл. 71—72.

⁴ Франко-русские отношения в первую половину Северной войны. «Исторические записки», 1940, № 7, стр. 118—123.

⁵ С. Томашівський. Ук. соч. «Записки Наук. т-ва ім. Шевченка», т. 85, кн. 5, стр. 57.

литической изоляции России, возникал и другой план, предусматривавший участие России в будущей коалиции против Австрии. Однако и в данном случае окончательное решение вопроса принадлежало не Версалю, а Карлу XII.

Разумеется, русское правительство, учитывавшее сложное положение дел в Речи Посполитой и колоссальный рост французского влияния на шляхетское общество, вынуждено было считаться с предложениями дю-Геро и итти на переговоры с ним. Переговоры происходили в Варшаве, с русской стороны их вел князь Григорий Долгорукий¹.

V

Разумеется, наличие франко-саксонских союзных переговоров несколько не исключало, а, скорее, даже предполагало существование подобных же австро-саксонских сношений. Прибыв в начале 1701 г. в Вену, русский посланник князь Голицын очень скоро получил возможность не только открыть самый факт секретных от России сношений Августа II с венским двором, но и следить за ними. Одно из самых ранних упоминаний об австро-саксонских переговорах содержится в его депеше от 14 (25) мая 1701 г. «Цесарь,— говорилось в ней, гораздо ищет способу, чтоб учинить мир шведа с полским королем и корол полкский на то есть склонен»².

Цели Августа II, вступившего в подобные параллельные франко-саксонским переговоры с Австрией, вполне очевидны. Это была, во-первых, перестраховка на случай срыва французского посредничества, на случай повторения угрозы вторжения шведов в Саксонию — во-вторых. В последнем случае имперская гарантия, предоставленная Саксонии, могла бы спасти ее от неминуемого разорения победоносной шведской армией. Со своей стороны Август II мог предоставить в распоряжение императора довольно значительный контингент саксонских войск для переброски их на западный театр военных действий против Франции. Положение Австрии было слишком тяжелым для того, чтобы отказываться от подобных предложений военной помощи. Начиная переговоры с Августом II и принимая на себя миссию посредника в конфликте между ним и Карлом XII, венские политики стремились предупредить в этом отношении французскую дипломатию, в свою очередь надеясь, что, помилив двух северных противников, сумеют привлечь их на свою сторону против Франции.

Основанием для таких надежд на использование Швеции со стороны обеих борющихся сил являлась крайняя неопределенность шведского политического курса. До сих пор не было еще ясно, чью сторону в разгоревшейся на западе войне примет могущественная шведская монархия. Дело запутывалось еще более потому, что при дворе шведского короля боролись две партии, из которых одна, возглавляемая Пипером, все более и более открыто сочувствовала Франции, в то время как другая, вождем которой был престарелый канцлер Уксеншерна, выступала сторонницей сохранения союза с морскими державами. При такой неясности конечных намерений шведского правительства ни Империя, ни морские державы не могли согласиться с появлением шведских войск в Саксонии, в тылах Вены.

Гораздо более целесообразным казалось продолжать трудиться над примирением Швеции и Саксонии, стремясь не допустить вместе с тем

¹ Т. Крылова. Ук. соч., стр. 123.

² Дела австрийские, 1701, № 4, л. 4.

сближения между ними и Францией. Русскому посланнику при императорском дворе очень скоро удалось подметить эту характерную черточку в дипломатических усилиях Империи, о чем он сразу же поспешил поставить в известность свое правительство. Вот что он писал по этому поводу в своей депеше от 16 (27) мая 1701 г.: «...Цесарское величество так склонно и хочет вскоре привести в союз короля полского шведом. И о том посланник швецкой благонадежен. А наипаче, государь, что есть цесарю от шведа великое противление, естли он учинит с французом»¹. Итак, австрийская дипломатия, стремясь примирить Августа II с Карлом XII, хотела прежде всего не допустить образования франко-шведской коалиции против Империи.

С другой стороны, и шведы, полностью не раскрывая своих планов, делали вид, что согласны пойти на предложение мирных переговоров с саксонцами при наличии австрийского посредничества. О существовании подобной шведской тактики мы можем судить на основании тех депеш, которые направлял в Москву русский посланник при императорском дворе. Следует заметить, что русский представитель, кажется, сам доверял в этом случае искренности тех мирных настроений, которые шведское правительство демонстрировало перед Австрией. Об этом свидетельствуют его депешы от 28 мая (8 июня) и от 21 июня (2 июля) 1701 г. В первой из них говорилось о том, что «цесарское величество всемерно ищет, чтоб полской король учинил с шведом мир и к миру обе стороны, королевского величества и от шведов, уже готовы. И для того министр полской и посланник шведской были у цесаря тайно на аудиенции в Лашенбергу»². Еще более определенно по этому поводу он высказался в следующий раз: «Король швецкой,— писал он,— обещает цесарскому величеству дать против француза войска 50 тысяч, толко б ево смирил с королевским величеством, на что прежде цесарская воля была. А ныне по моему доношению чрез министров умолчал и без нас посредства к миру чинит не хотел»³. И далее: «А швецкой посланник всегда просит у цесаря, чтоб учинил союз с полским королем, а нас оставляет и говорит, что он может сам с нами по своей воле управитца. И цесарское на то намерение было немало по приезде моем. И искал то гораздо для своей войны, чтоб учинить союз»⁴.

Показания Голицына важны для нас, прежде всего, потому, что они свидетельствовали о враждебности русским государственным интересам происходивших в Вене при австрийском посредничестве шведско-саксонских мирных переговоров. Эти сообщения имеют для нас также и то значение, что позволяют несколько приподнять завесу над той игрой, которую вело в этот момент на австрийской арене шведское правительство. В самом деле, донося в Москву о склонности шведов к сепаратному соглашению с Августом II, князь Голицын допускал, повидимому, серьезную ошибку, не понимая подлинных намерений шведского короля. Впрочем, он, повидимому, только разделял настроения австрийского двора. Но ошибку эту допускала, очевидно, не только австрийская, но и превосходная дипломатическая служба Версаля.

Но в то время, как шведская дипломатия, с одной стороны, не предпринимала никаких реальных шагов для достижения мира с Саксонией, а с другой — ни на минуту не прекращала вести мирные переговоры, время от времени подавая саксонцам надежду на счастливый исход дела и направ-

¹ Дела австрийские, 1701, № 4, л. 7.

² Там же, л. 10.

³ Там же, л. 23.

⁴ Там же, л. 24.

ля переговоры во враждебное России русло, Карл XII исподволь выдвигал уже планы детронизации Августа II, завязывал связи с польской оппозицией и концентрировал свою армию на польских границах. Надо только сопоставить эти, на первый взгляд, взаимно исключающие друг друга факты шведской политики, для того, чтобы понять ту основную цель, которую ставило себе в этот момент шведское правительство. Целью этой было не допустить укрепления русско-саксонского союза, сорвать намечившееся в результате биржинского свидания польско-русское сближение, прибегая в этом случае к сепаратным переговорам о мире, как приманке для Августа II с тем, чтобы, в конце концов, изолировать его, а затем нанести ему сокрушительный удар. Нужно сказать, что до сих пор этот план успешно осуществлялся шведской дипломатией. Русско-польские переговоры были сорваны. Сам король не ударил палец о палец для того, чтобы довести их до успешного конца. Фактически также было сорвано выполнение саксонским союзником условий биржинского союзного договора.

Но не только усилия шведской дипломатии определили успех Швеции. Главной причиной его были польские события. Шведская дипломатия, действуя при этом еще угрозой наследственным владениям саксонского курфюрста, сумела только использовать их.

Итак, параллельно шведско-саксонским мирным переговорам при посредничестве Версаля велись подобные же сепаратные шведско-саксонские переговоры при участии Вены. Разумеется, и на этот раз саксонская дипломатия постаралась скрыть факт их существования от своего восточного союзника. Саксонский посланник в Вене прилагал все усилия, чтобы убедить Голицына в том, что «о миру швецком с королевским величеством цесар никогда не умолкает и всякими меры домогается. И еще на то не позволяет министр полской»¹. Вскоре Голицын смог в депеше от 14 (25) июня 1701 г. сообщить в Москву и о факте получения им личных заверений со стороны саксонского посланника в Вене относительно позиции Саксонии. Саксонский посланник категорически опровергал известия о склонности Августа II к сепаратному соглашению со шведами². Однако маневры саксонской дипломатии не смогли повлиять на мнение князя Голицына: факты сами говорили за себя.

При таких условиях русскому представителю оставалось делать одно — действовать таким образом, чтобы сорвать казавшееся ему почти неизбежным шведско-саксонское соглашение. Для этого прежде всего необходимо было отклонить от посредничества в сепаратных переговорах между Швецией и Саксонией венское правительство. Некоторые шаги в этом направлении были предприняты им в течение самого ближайшего времени, причем Голицын надеялся даже на полный успех своих усилий. Для этого у него были известные основания. В самом деле, если сопоставить тот неприязненный прием, который он встретил, судя по его депеше от 16 (27) мая 1701 г.³, по своему приезде в австрийскую столицу, с теми предложениями, которые ему пришлось выслушать несколько позже, то контраст получается необыкновенный. Перед нами его депеша от 7 (18) июня 1701 г. В ней сообщается о благосклонном отношении Австрии к московскому правительству и о желании ее взять на себя посредническую миссию в примирении его со шведами. Зная, очевидно, о характере замыслов Петра, австрийская дипломатия выставляла даже в качестве мирного условия уступку шведами

¹ Дела австрийские, 1701, № 4, л. 16.

² Там же, л. 19.

³ Там же, л. 7.

Нарвы. Вот что предлагали русскому посланнику австрийцы, одновременно требуя скорейшего изъявления Россией согласия на австрийское посредничество в мирных русско-шведских переговорах. «Если наш премилостивый государь,— доносил в связи с этим Голицын в Москву,— мир учинить с шведом изволит на том, чтоб швед отдал Нарву, и о том цесарь просить у шведа хочет»¹. Еще более любопытно в этом отношении сообщение, содержащееся в его депеше от 21 июня (2 июля) 1701 г. «А ныне,— говорилось в ней в связи с якобы полным успехом при венском дворе представлений Голицына, направленных против посредничества императора в сепаратных переговорах между Швецией и Саксонией,— известен я чрез министров, что цесарское величество гораздо о том радуется, что есть на то царского величества изволение. И он для того от того союза отстал и мирить не хочет без воли царского величества. Толко желает, чтоб дом Ракуцкой с московским государством вечно соединить и чтоб королевскому величеству (польскому.— В. К.) самодержавства не учинить, а чтоб был по прежнему, как и ныне. И есть при дворе в том великое опасение, чтоб самодержцом не учинить. И за то может (император.— В. К.) учинить некоторые обещания. Изволь, государь, присмотреть короля»².

Итак, с одной стороны, Австрия как будто отказывается от мысли участвовать в сепаратном соглашении Августа II с Карлом XII, предлагает даже собственные услуги в деле примирения русских и шведов на весьма выгодных для русских условиях, очевидно, прекрасно зная, что Нарва была одним из наиболее существенных моментов в русских планах прорыва к Прибалтике. С другой стороны, венские дипломаты ищут русской помощи для предотвращения абсолютистского переворота в Речи Посполитой и предлагают даже план русско-австрийского союза, скрепленного династическим браком. Именно так, очевидно, понимал события Голицын, бывший вместе с тем сторонником такого союза, несмотря на то, что фактически это означало бы враждебное выступление против Августа II.

Судя по более поздним беседам Голицына, эти и им подобные заигрывания австрийских дипломатов с русским представителем в Вене продолжались и далее. 9 (20) июля 1701 г. он снова сообщает своему правительству об австрийском предложении соединить обе державы узами династического брака³. Однако уже через несколько дней русскому посланнику удалось разгадать, что вся эта дипломатическая игра была всего лишь политическим маневром и что рассчитывать на австрийское сочувствие нет никаких оснований. Голицын отказывается теперь даже верить в данное ему ранее обещание австрийцев не брать на себя посредничества в сепаратных, без участия царя, мирных шведско-саксонских переговорах. Об этом свидетельствует его депеша от 12 (23) июля 1701 г.⁴ Еще более характерно в этом отношении другое письмо князя Голицына от 26 июля (6 августа) 1701 г., являющееся, повидимому, ответом на присланное ему Головиным согласие русского правительства на ведение Веной мирных русско-шведских переговоров при условии уступки шведами Нарвы. Австрийцы теперь не только не проявили никакого интереса к предложенной ими самими миссии, но и фактически отказывались от нее, ссылаясь при этом на отрицательное отношение к идее мирного урегулирования конфликта в шведских кругах. «Изволил, мой государь (Ф. А. Головин.— В. К.), в

¹ Дела австрийские, 1701, № 4, л. 14.

² Там же, л. 24.

³ Там же, л. 38.

⁴ Там же, л. 41.

писме своем писать о Нарве, — сообщал Голицын в депеше от 26 июля (6 августа) 1701 г., — только те друзья, о которых я вам доносил, не так слово свое выдерживают, как хотели. И говорит, что ныне делать не без труда, потому, государь, что король швецкой сам с короною полской к миру не сходен, видя в упадке под Коканаузом войско королевское»¹.

Итак, отказ Карла XII от мирных переговоров с северными союзниками являлся как будто той основной причиной, которая побуждала теперь Вену снимать с повестки дня выдвинутую ею несколькими неделями ранее идею австрийского посредничества в примирении обоих северных союзников со Швецией. Вместе с тем, теряло всякое реальное значение и предложение о династическом браке. Между тем, все это, как было хорошо известно московскому посланнику, не означало, что Вена вообще отказалась от мысли примирить Карла XII с Августом II. Наоборот, по его данным, посредничество Вены между ними отнюдь не прекращалось, и в июле 1701 г. австрийский посланник в Варшаве продолжал трудиться над устройством сепаратного мира между Швецией и Саксонией. Об этом говорит депеша Голицына от 19 (30) июля 1701 г.² Еще более определенно по этому поводу высказался он в депеше от 26 июля (6 августа) 1701 г. «По доношению моему, — говорилось в ней, — указал цесарское величество в Варшаву к своему посланнику послать указ, чтобы он с князем Григорием Долгоруковым во всех делах, которые надлежат до царского величества, делали б с общего совету. Только известую милости, государь, вашей — есть болше склонения, чтоб, не допусая в посредство француза, учинить мир короне полской с шведом»³.

Чем же объяснить столь резкую перемену в австрийском политическом курсе и что скрывалось за теми, по видимости дружественными, маневрами австрийской дипломатии, которые предшествовали ей и которые так пылко воспринял русский посланник? При той скудости источников, которыми мы располагаем в настоящий момент для разъяснения этой стороны австрийской политической игры, разумеется, дать исчерпывающий ответ на поставленный вопрос не представляется никакой возможности. Однако наблюдение над содержанием голицынских депеш дает основание сделать некоторые, конечно, предположительные выводы о тех целях, которые преследовала в изучаемый промежуток времени венская дипломатия. Следующие обстоятельства в этой связи привлекают наше внимание. Мы уже говорили о той ошибочной оценке мирных настроений шведского правительства, которая, очевидно, существовала в венских дипломатических кругах. Шведская дипломатия, надо полагать, сознательно поддерживала ее, поскольку шведский посланник в Вене выступал в роли активного сторонника мирного разрешения шведско-саксонского конфликта. При таких обстоятельствах австрийской дипломатии казалось естественным принять соответствующие шаги для того, чтобы попытаться достичь одновременно полного замирения на севере Европы и привлечь таким образом Россию к участию в анти-французской коалиции. Разумеется, план этот не был руководящим принципом австрийской внешней политики. Таковым оставалось посредничество между Швецией и Саксонией. Но использовать представлявшуюся возможность было бы вполне естественным. Отсюда австрийское предложение, сделанное московскому правительству через князя Голицына, принять австрийское посредничество для урегулирования его спора со Швецией. При этом

¹ Дела австрийские, 1701, № 4, л. 56.

² Там же, л. 46.

³ Там же, л. 50.

мирные настроения последней были настолько переоценены, что в качестве условия мира была выставлена даже уступка шведами Нарвы. Такому решению австрийской дипломатии способствовало еще и то обстоятельство, что саксонские армии, которые были еще достаточно боеспособными, представляли собою довольно серьезный военный фактор.

Между тем, при условии прекращения Северной войны, дружба с Россией представляла необычайно большую ценность. Дело в том, что абсолютистские замыслы Августа II не были секретом для венского кабинета. В то же время, как это было уже отмечено польскими исследователями, задуманный Августом II план создания из Саксонии и Речи Посполитой единого центрально-европейского монархического государства не мог не задевать интересов Австрии и, в случае успеха, составил бы серьезную угрозу австрийским позициям в империи¹. Кроме того, было еще одно обстоятельство, заставлявшее Вену опасаться Августа II. Не было никакой гарантии, что с прекращением Северной войны окончательно порвутся и те тесные связи, которые существовали между Версалем и Дрезденом. При таких условиях не было ничего более естественного, чем попытаться застраховать себя от возможности саксонской опасности с помощью русского союза. Отсюда идея династического брака, отсюда возражения австрийцев против установления в Речи Посполитой абсолютистской формы правления. Политика Австрии в отношении России определялась необходимостью страховки от возможной опасности со стороны Саксонии.

События, однако, пошли несколько иным путем. Выяснилось, что мирные настроения шведов были всего лишь удачно проведенной дипломатической игрой. Больше того, все более очевидным вырисовывался факт франко-шведского сотрудничества, причем в Вене распространялись известия о намерении Франции оказать вооруженную помощь шведам в их борьбе с Русским государством. Об этом мы узнаем из депеши Голицына от 2 (13) июля 1701 г. «Толко, государь,— отмечалось в ней,— есть слухи: король швецкой с французом хочет иметь союз. И обещает француз дать шведу флот к городу Архангелскому. И о том шведа просит, чтоб он был против цесаря»². К тому же ход польских событий подсказывал, что шансов на энергичное сопротивление Августа II шведскому вторжению в пределы Речи Посполитой с каждым днем оставалось все меньше. Об этом в Вене были получены уже довольно определенные сведения в начале июля 1701 г. Во всяком случае 5 (16) июля Голицын мог уже сообщить в Москву о том, что «королевское величество (Август II.— В. К.) к союзу швецкому склонился и хочет учинить вскоре, и затем поход свой под Ригу откладывает со дня на день. Итак пишут, что он в том походе не будет»³.

Но помимо этого в Вене не могли не знать о существовании секретных франко-саксонских переговоров, об активном посредничестве Франции между Швецией и Саксонией, наконец, об энергичной агитации в Польше дю-Геро и Берчини в пользу поддержки венгерского восстания. Все это вместе взятое не могло не отразиться на австрийском политическом курсе. Австрия ни в коем случае не могла допустить, чтобы сепаратное соглашение между Карлом и Августом состоялось при посредстве Франции и без ее участия. Французскую дипломатию необходимо было предупредить во что бы то ни стало. В связи с этим изложенный выше русский план дол-

¹ Wojsciechowski. Ук. соч., стр. 146.

² Дела австрийские, 1701, № 4, л. 32.

³ Там же, л. 34.

жен был потерять всякое значение в австрийской политике. Главной целью становилось стремление, «чтоб,— выражаясь словами Голицына,— не допустить в посредство француза, учинить мир короне польской с шведом».

Вместе с тем отказ Августа II от идеи энергичной борьбы со шведами, его нежелание выступить под Ригу во исполнение условий биржинского союза, наконец, распространившиеся слухи о его намерении вывести свои войска с территории Речи Посполитой¹, другими словами, реальные шаги, предпринятые им для достижения мира со шведами,— все это, казалось, должно было способствовать успеху шведско-саксонских переговоров, все это заставляло торопиться как Австрию, так и Францию с предложением своих посреднических услуг и предопределяло их упорное соперничество при польско-саксонском и шведском дворах. Речь шла снова главным образом о сепаратном соглашении между Швецией и Саксонией.

VI

В России, конечно, понимали, что колебания саксонской внешней политики вызывались таким фактором, как неудача Северной войны, как провал саксонских планов нанесения шведам быстрого и решающего поражения в самом начале конфликта. При таких обстоятельствах особую тревогу русского правительства должны были вызвать два ряда событий. Прежде всего события в Речи Посполитой, характеризующиеся серьезным ростом антисаксонской оппозиции в стране и осложненные вмешательством в польские дела иностранных дипломатов, затем, положение Саксонии, которой постоянно угрожали шведы и которая была лишена необходимой защиты на случай вторжения в нее победоносной шведской армии. Последнее обстоятельство особенно сильно привязывало Августа II к колеснице войны за испанское наследство, поскольку в зависимости от политической линии враждующих друг с другом западных держав находилась дальнейшая судьба Саксонии. В нашу задачу входит попытка дать анализ деятельности русской дипломатии с тем, чтобы установить, не делалось ли и на этот раз с русской стороны каких-либо попыток оказать Августу II в изменившихся обстоятельствах дипломатическую помощь, и если делалось, то каким образом и в каком направлении должна была пойти, по мысли русского правительства, эта поддержка.

Прежде всего следует остановиться на факте возобновления в 1701 г. шведской угрозы Саксонии и попытаться выяснить, какие шаги были предприняты русской дипломатией для ликвидации этой угрозы. Нужно сказать, что для осуществления шведского вторжения в пределы империи большое значение имела та или иная позиция Пруссии, через земли которой предстояло пройти шведам для нанесения удара по саксонским тылам Августа II. Именно поэтому внешнеполитический курс Гогенцоллернов теперь более, чем когда либо, был не безразличен для русского правительства. Между тем, в этом плане позиции берлинского кабинета были еще далеко не выясненными. Более того, при иностранных дворах существовало даже определенное убеждение в том, что прусские войска не окажут сопротивления шведам и что движение шведских войск на Саксонию задумано с ведома Гогенцоллернов. Об этом с полным убеждением писал русский посланник в Копенгагене Измайлов в цитированной уже нами депеше от 5 (16) апреля 1701 г.: «Неприятельские войска, сказывают, что вскоре

¹ Дела австрийские, 1701, № 4, л. 19.

будут иметь транспорт в Померанию. А велено им итти в Саксонию через Бранденбургскую землю, и будто на то есть позволение курфюрста бранденбургского»¹. Аналогичные сведения поступали и из других мест, о чем боярин Головин заявил прусскому посланнику фон-Принцену во время беседы, состоявшейся между ними 19 (30) мая 1701 г. Протокол этой конференции следующим образом передает сделанное Головиным представление: «И боярин говорил ему, посланнику, что обносится здесь из окрестных государств ведомости, будто государь ево соизволил свейского короля войскам свободной проход для нападения в Саксонию, також и для слученя с великополяны противу королевского величества полского. И желает от него, посланника, ведать, не имеет ли он о том от государя своего какой ведомости»². Подобное прямое обращение русского правительства к Пруссии было тем более естественным, что в Москве прекрасно знали о серьезной заинтересованности Пруссии в расположении России. Кроме того, подобный запрос являлся удобным поводом для русской дипломатии вторично поставить вопрос о передаче в наем на русскую службу некоторого количества прусских войск³.

Нужно сказать, что в отношении взглядов прусского правительства на перспективы шведского вторжения в Саксонию ответ фон-Принцена мог расцениваться в Москве, как вполне удовлетворительный. В самом деле, «посланник соответствовал (Головину.— В. К.), что он о вышеописанном соизволении проходу свейских войск ни от государя своего, також и посторонних ведомостей о том никаких отнюдь не имеет. И тому статца, конечно не чает, потому что государь ево всегда его царскому величеству и союзникам его по всякой возможности впомогать обещает. И имеет он постороннюю ведомость тому противно, что чрез позволение государя ево некоторое его королевского полского войска идут чрез Прусы из Саксонии в Польшу»⁴. Зато в другом отношении ответ прусского посланника, в котором, кстати, затронута была и положение дел в Речи Посполитой, мог доставить серьезные огорчения московскому правительству, подтверждая полученные им сведения об установлении тесных связей между шведами, с одной стороны, и антисаксонской оппозицией — с другой. «А сии противные ведомости,— говорил фон-Принцен,— чает он от злонамеренных того ради произнесены, что государь ево королевскому величеству полскому приказал для осторожности з доброхотства объявити, дабы он от нападения свейского в Саксонии, також и в великой Польше всякую осторожность имел и приготовления учинил, потому что великополяне с шведы имеют великое согласие и потому что ему (королю прусскому.— В. К.) иногда за многолюдством свейским и за нападением таким з двух сторон того уж проходу одному отвратить и оборонить будет невозможно, потому что он войск своих принужден болшую часть обращать против француза, и чтоб его королевское величество польский всякими образами трудился великополян удовлетворати и усмирить»⁵.

Приведенные прусским посланником факты полностью подтвердили полученное московским правительством известие об установлении связей между шведами и польской оппозицией, существование которых нам удалось обнаружить ранее на другом материале. Согласно заявлениям Голо-

¹ Дела датские, 1701, № 2, л. 56.

² Дела прусские, 1701, № 5, л. 65.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

вина и фон-Принцена, эти связи были установлены шведами прежде всего с великополянами, т. е. как раз с теми оппозиционными кругами польской шляхты, которые были ближе всего к примасу, семье Лещинских и поддерживали кандидатуру королевича Якуба Собеского. Помимо того, обращают на себя внимание сведения о намерении шведов организовать вторжение в Великую Польшу.

Нужно сказать, что и после получения от фон-Принцена успокоительных заверений относительно позиции берлинского двора в случае шведского вторжения в Саксонию сомнения боярина Головина не рассеялись окончательно. Свидетельством этому служат две последовавшие за тем беседы его с прусским посланником, 26 мая (6 июня) и 31 мая (11 июня) 1701 г. Во время первой из них боярин «говорил ему (фон-Принцену.— В. К.), что получена здесь ведомость от его царского величества при иностранных дворах обретающихся министров, что шведы конечно намерены с 18 тысяч в Саксонию нападение учинить чрез земли государя ево. И великий государь, его царское величество, уповаает на особливую дружбу и союз государя его, что он того ж проходу чрез свои земли не пропустит, но в том им учинит препятя, которое его царское величество за особливой знак содружества к себе воспримет и то взаимно воздавать тщатися будет»¹. И на этот раз со стороны прусского посланника последовали вполне успокаивающие заверения. «И посланник соответствовал,— значитя в цитируемом нами протоколе совещания,— что он никакой новой ведомости ни о чем от государя своего не получил. Толко в посторонних ведомостях является, будто в свейской Померании 12 или 15 тысяч войск собирается и намеряет чрез земли государя его в Саксонию нападение учинить. Но тому он учинитися не чает, но мнит, что то от них вяде для утращения подчас полского сейма, нежели в совершенном деле розглашается. И в том он обнадеживает, что государь ево им свободного проходу доброволно отнюдь не позволит, но наипаче им всеми силами то возбранять будет. И о сем его царского величества желании будет он, посланник, к государю своему чрез нынешнюю почту паки писать»².

Несмотря на полную правдоподобность предположений фон-Принцена относительно истинных намерений шведского правительства, распространявшего слухи о предстоящем походе в Саксонию для того, чтобы воздействовать на решения польского сейма, что вполне согласуется с описанным нами выше образом действий шведской дипломатии, подобные предположения не могли окончательно успокоить ни Августа II, ни его русского союзника. Шведская угроза, концентрация шведских войск, несмотря на любые объяснения шведской дипломатии, были все же реальным фактом, с которым приходилось считаться.

Зато для берлинского двора обязательство воспрепятствовать проходу шведов через прусскую территорию явилось удобным предлогом для отказа России в ее просьбе передать на русскую службу небольшой контингент королевской прусской армии. 31 мая (11 июня) 1701 г. фон-Принцен объявил об этом Головину от имени своего короля, который, «как преждего объявлял, так и ныне чинит, что ему знатного числа ни по которому образу за настоящими европейскими возмущени и опасасею французскою войною, також и угроженным свейским нападением в Саксонию прислати невозможно. Ибо он еще не может ведать, что иногда швед и на него самого

¹ Дела прусские, 1701, № 5, л. 70.

² Там же.

в таком случае мыслит. И король польской прислал ныне паки к нему генерала Флеминга, прося его прилежнейше, дабы шведу в том нападении чинил препятие, еже он учинити и обещал»¹. Вместе с тем фон-Принцен подчеркнул, что, по его мнению, передача на русскую службу небольшого отряда прусской армии была бы совершенно бессмысленной². Последние доводы прусского посланника не возымели, однако, никакого действия. Головин правильно расценил его слова, как простые отговорки и нежелание помогать России, потому что серьезные политические интересы морских держав и Империи являлись для Берлина достаточной гарантией от угрозы непосредственного враждебного выступления Швеции³. Головин пошел даже дальше. Он обвинил берлинский двор в явной враждебности к России. «А несклонности де государя его к стороне царского величества,— заявил он фон-Принцену,— явный знак есть, что по ведомости от его царского величества министров, при иностранных дворах обретающихся, войска, в Лифляндии из Саксонии идущие, чрез земли государя его не пропущены»⁴. Что же касается прусских доводов о нецелесообразности передачи России небольшого прусского отряда, то «боярин говорил (посланнику.— В. К.), что может он, посланник, сам разсудить, что его царское величество такого малого числа не для вспоможения какого себе желал, потому что тем нечем неприятеля воевать, но токмо, дабы явно было в свете, что государь его истинный друг его царского величества в самом деле и что его токмо случай не допустил до вспоможения»⁵.

Но такой крутой поворот в переговорах отнюдь не соответствовал планам прусского дипломата. Открытое недовольство боярина Головина принудило его пойти на значительные уступки России в вопросе о передаче ей небольшого контингента прусских войск⁶. Однако уже во время следующей беседы 7 (18) июня 1701 г. обещания были взяты им обратно, на этот раз со ссылкой на двусмысленную позицию польского короля и враждебные выступления поляков по поводу коронации прусского короля. Одновременно, как уже указывалось выше, фон-Принцен обратился с просьбой о русском посредничестве на случай возможного польско-прусского конфликта, опасность которого усилению раздувалась в Берлине⁷. Но если Пруссия проявляла такое упорство в своем отказе предоставить в распоряжение России хотя бы небольшой отряд своего войска в целях организации антишведской демонстрации, то в другом пункте русские представления привели к полному успеху. В ходе этих переговоров фон-Принцен еще раз подтвердил намерение Пруссии вооруженной рукой воспрепятствовать проходу шведских войск в Саксонию через ее территорию. Прусский посланник ссылался на этот раз на инструкцию, полученную им от своего короля. «Писал к нему чрез нынешнюю почту,— указывал он,— государь ево и указал его царскому величеству донести..., что он по ведомости о свейском намерении к нападению на Саксонию в разсуждение притом ползы его царского величества, яко крепкого союзника королевского величества польского, и показуя в том склонность свою усердную ко обоим их великих государей стороне, указал ближнему своему человеку и генералу, графу

¹ Дела прусские, 1701, № 5, л. 71.

² Там же.

³ Там же, лл. 73—74.

⁴ Там же, л. 74.

⁵ Там же, л. 73.

⁶ Там же, л. 74.

⁷ Там же, лл. 77—78.

Фондонову, с четырьмя конными полками итить к границам, також и пехотным полкам быть в готовности и ожидать ведомости от саксонского генерала Флеминга о неприятельских подвигах. И тогда, с ним совокупясь, на неприятельские подвиги смотреть и им обще неприятелю всякой отпор и препятие чинить»¹. 13 (24) июня 1701 г., явившись на новую беседу к Головину, прусский посланник вторично категорически подтвердил решимость прусского правительства оказать сопротивление шведам. «И объявил,—говорится в протоколе этой встречи,— что имеет он указ от государя своего ево царскому величеству объявить, что государь его, видя намерение свейское к нападению на Саксонию, от чего во всей немецкой земле великое приключается смятение, и в разсуждении его царского величества союза с королем полским, ради вспоможения намерял и указал всем своим еще остаточным войскам в готовности быть итти к рубежам свейским и во время проходу неприятельского всяким образом труждатся их не пропустить»². Факт получения от прусского правительства заявления такого характера представлял собою довольно значительный успех русской политики, успех, в известной степени облегчавший то стесненное положение, в котором оказался Август II Саксонский. В самом деле, при условии решимости Пруссии вооруженной силой воспрепятствовать шведскому вторжению в Саксонию через ее территорию — перспектива подобного вторжения теряла свою реальность и, во всяком случае, отодвигалась на некоторое время. Это было тем более ясно, что враждебного выступления шведов против Пруссии не могли допустить ни Империя, ни морские державы.

Однако было бы слишком поспешным утверждать, что принятие такого решения прусским правительством произошло исключительно под влиянием русских представлений. В этой связи необходимо прежде всего остановиться на позиции, занятой дипломатией венского двора. Мы не имеем возможности проследить за всеми ее шагами и полностью осветить избранный ею образ действий. Одно остается несомненным. Австрия была открытой противницей шведского вторжения в Саксонию. Поэтому, параллельно со своей посреднической миссией при шведском дворе, параллельно с возможными представлениями ему, имеющими целью ликвидацию угрозы вторжения в Империю, подобные же представления, очевидно, были предприняты ею и в Берлине. Повидимому, именно этим объясняется то обстоятельство, что решение Пруссии воспротивиться шведам было сообщено берлинским кабинетом раньше всего Австрии, о чем уже 16 (27) мая 1701 г. доносил в Москву князь Голицын. «Посланник короля прусского,— указывал он в своей депеше,— ведомость учинил, что его король чрез свое государство и Прусское королевство шведов никакими мерами не пропустит»³. Таким образом, в плане предотвращения шведского похода в Империю русские и австрийские интересы совпадали полностью. Полностью совпадали и усилия русской и австрийской дипломатии, преследующие, в конечном счете, улучшение саксонских внешнеполитических позиций.

Но если считать даже, что благодаря этим усилиям угроза шведского удара по Саксонии была несколько отсрочена, причем Августу II были в известной мере развязаны руки, то все же окончательно ликвидировать подобную угрозу не представлялось возможным, и шведские военные и политические планы попрежнему оставались непроницаемой тайной. С другой

¹ Дела прусские, 1701, № 5, л. 77.

² Там же, л. 79.

³ Дела австрийские, 1701, № 4, л. 7.

стороны, польские события не в меньшей степени, чем угроза Саксонии, связывали военную и политическую активность Августа II. Речь Посполитая пепрежнему оставалась посторонней зрительницей разыгравшейся на севере Европы войны. И как бы ни расценивать военное значение ее предполагаемого выступления, все же самый факт ее нейтралитета был слишком заметным, слишком невыгодным для союзников обстоятельством, несомненно сыгравшим серьезную роль в дальнейшей судьбе так неудачно начавшейся для них борьбы. Одно представляется совершенно очевидным: нейтралитет Речи Посполитой способствовал росту шведских политических притязаний, открывал перед шведской дипломатией новые возможности для нанесения удара в тыл Августу Саксонскому.

В то же время значительную долю вины за срыв летних русско-польских переговоров нес несомненно сам Август II, поскольку с его стороны не было предпринято ничего для облегчения тех трудностей, которые стояли тогда перед московскими дипломатами. Наоборот, он избрал тактику проволочек, тактику сепаратных переговоров со шведами, срывая фактически выполнение условий заключенного в Биржах русско-саксонского договора. Теперь оказывалось, что тактика эта не дала никаких результатов. Сепаратные переговоры со шведами, затеянные им, ни на шаг не продвинулись вперед. Истинные намерения шведского правительства оставались совершенно невыясненными. В то же время с разных сторон поступали сообщения о нежелании шведов идти на примирение с Саксонией и о решимости Карла XII продолжать войну и даже детронизовать Августа II. В этом убеждались понемногу и австрийские дипломаты, о настроении которых так рассказывал фон-Принцен боярину Головину 22 (3) июня 1701 г.: «Однакож де (судя по наблюдениям австрийского посланника при шведском дворе.— В. К.),— по всему знатно, что король швейской нынешнего воинского походу к миру не склоняется, не хотя свои великия учиненныя воинския приготовления вотще потерять. Но хочет увидеть, как счастье ему послужит, надеясь великие дела исполнить»¹. При таких условиях Август II должен был предпринять какие-то новые шаги. Впрочем, характер их отчасти был predetermined заранее направлением его прежнего политического курса.

На решение, принятое вскоре саксонской политикой, толкала короля польская оппозиция. Еще в мае 1701 г., когда решались судьбы созванного королем сейма и миссии Посникова, крайне многочисленная на этот раз среди депутатов сейма оппозиционная королю магнатско-шляхетская группировка ставила непременным условием избрания маршалка (что было необходимо для открытия сейма) королевское обещание вывести из страны саксонские отряды. Август, правда, не принял поставленных ему условий, предпочитая выйти из создавшегося затруднительного положения с помощью контрпредложения сейму, сводившегося к тому, чтобы место саксонцев в Инфлянтах немедленно заняли отряды польского коронного войска². Королевское предложение поставило оппозиционеров в довольно затруднительное положение, поскольку в случае его осуществления возникла бы реальная опасность, что Речь Посполитая автоматически втянется в шведскую войну. С другой стороны, на случай неодобрения Речью Посполитой войны со шведами Август II соглашался на передачу ей оккупированной территории Ливонии, но требовал вместе с тем от нее гарантии в

¹ Дела прусские, 1701, № 5, л. 81.

² Там же, № 8, л. 24.

том, что отказ шведов от мира повлечет за собой выступление против них Речи Посполитой и оборону ею как польской, так и саксонской территории. Разумеется, эти условия короля не были приняты посольской избой, продолжавшей требовать только одного — твердого установления сроков вывода саксонских войск из пределов Республики¹.

Между тем вскоре последовал роспуск сейма. Дело фактически не получило никакого решения. Созыв нового сейма был назначен на 22 декабря 1701 г. Однако в дальнейшем неблагоприятный для Августа II ход событий в Короне, где, по появившимся слухам, Рафаил Лещинский деятельно и успешно работал над организацией в Великой Польше враждебной ему конфедерации², затем наличие постоянной угрозы Саксонии со стороны шведов, наконец, затянувшиеся сепаратные переговоры с ними и слухи о шведских детронизационных планах, — все это вместе толкнуло короля на принятие такого решения, которое, по его мнению, могло бы улучшить его польские позиции и снять последние препятствия на пути соглашения со шведами. Король решил принять выдвигаемую гетманом Яблоновским идею посредничества Речи Посполитой между Саксонией и Швецией. Но прежде чем окончательно согласиться с предложением, которое выдвигалось Яблоновским с целью полного подчинения короля польской оппозиции, Августу II необходимо было покончить с войной и вывести саксонские войска с территории Речи Посполитой. Это означало полное предательство интересов своего восточного союзника и окончательный отказ от выполнения обязательств, принятых в Биржах. Последнее обстоятельство в глазах Августа решительно не имело никакого значения, а весь предшествовавший период колебаний, саботажа и сепаратных переговоров со шведами безусловно облегчал выбор подобного плана.

Вместе с тем в шведском лагере энергично готовились к нападению на королевские войска в Ливонии. К концу июня приготовления эти были полностью закончены. Несмотря на перевес в силах противника, шведам удалось перейти Двину и разгромить войска Штейнау, которые немедленно вслед за тем начали отступление через Пруссию в Саксонию. Между тем Карл занял Курляндию и часть Жмуди.

С другой стороны, решение Августа о выводе войск совпало и с моментом наиболее оживленных сепаратных шведско-саксонских переговоров о мире. Переговоры эти вызвали серьезные подозрения у Григория Долгорукого, заставили принимать энергичные ответные шаги князя Голицына. Ими же, в конце концов, были сообщены наиболее ранние и наиболее полные сведения относительно наметившихся перемен в военно-политических планах Августа Саксонского. В депеше Голицына от 18 (29) июня 1701 г. говорилось буквально следующее: «...Из Варшавы ведомость, что королевское величество с шведом всеконечно мир учинить хочет, и войско свое саске из Короны и из Литвы выслать обещал всей Речи Посполитой. И для того был на тайной аудиенции у цесаря посланник шведской»³.

Разумеется, в задачи саксонского посланника в Вене отнюдь не входило разоблачение этих маневров его правительства. С его стороны были даже представлены князю Голицыну категорические заверения о том, что Саксония не пойдет на сепаратное мирное соглашение со шведами. Однако данная им характеристика внутреннего положения дел в Речи Посполитой и международного положения Саксонии сама по себе подрывала значение

¹ Г. Шмитт. История польского народа, СПб., 1866, т. 3, стр. 147.

² Дела польские, 1701, № 25, л. 22.

³ Дела австрийские, 1701, № 4, л. 19.

представленных им заверений и подготавливала почву для оглашения избранного Августом II образа действий. «Министр польской Вакебарт, — сообщал Голицын о своей беседе с саксонским посланником, — сегодня со мной виделся и говорил мне, что королевскому величеству от Речи Посполитой есть великое противление. И для того сейм до зимы отложен. А наипаче опасен курфирства Саксонского от шведов потерять»¹.

Через несколько недель маневр короля перестал быть секретом, а в августе 1701 г. планомерный отход саксонских отрядов из Прибалтики и с территории Речи Посполитой был уже в полном разгаре. Объясняя Григорию Долгорукому причины, побудившие его принять такое решение, король ссылался прежде всего на требования поляков и на угрозы польской оппозиции².

Вполне очевидно, что подобное решение не могло не идти в разрез с русскими государственным интересами и должно было вызвать серьезное недовольство русского правительства действиями саксонского двора, как это случилось на самом деле и о чем прекрасно знали в Варшаве³. В самом деле, что означал практически для России отход саксонской армии с театра военных действий? С военной точки зрения это означало прежде всего, что у шведов были снова развязаны руки для нанесения вторичного удара по России, оставшейся теперь, после выхода из войны Саксонии, в положении полной военной и политической изоляции. Правда, отступление саксонских войск с театра военных действий открывало шведам возможность последовать за отступающими саксонскими полками на польскую территорию. Однако шведские планы были совершенно неизвестны. Поэтому приходилось считаться с обоими вариантами. Но если положение России в результате такого хода Августа II было затруднено до крайности, то сам Август II все же значительно выигрывал.

Замысел его был довольно простым. Отход саксонской армии из Речи Посполитой вырывал из рук польской оппозиции тот главный козырь, с помощью которого она могла бы организовать враждебное Августу II выступление широких слоев польской шляхты. Таким образом, первым и непосредственным результатом вывода из страны саксонских войск должно было явиться укрепление польских позиций короля Августа II. Кроме того, фактический выход из состояния войны со шведами должен был, казалось, способствовать успешному исходу мирных переговоров с ними. Теперь между Августом II и Карлом XII вставала огромная и, повидимому, все еще могущественная Речь Посполитая. С ее посредничеством не мог не считаться шведский полководец.

Но и в том случае, если бы шведский король, несмотря на посредничество поляков, избрал бы все-таки путь продолжения войны с Августом II, положение последнего было бы все же значительно более прочным, чем до сих пор. При условии шведской агрессии против Речи Посполитой могла представиться удобная возможность использовать ее в качестве третьего союзника восстановленной русско-саксонской коалиции и бросить ее силы на поля войны. О том, что эта вторая возможность принималась в расчет саксонской дипломатией, свидетельствуют следующие слова Августа II, приведенные Долгоруким в его депеше к боярину Головину от 21 августа (1 сентября) 1701 г.; король (как сообщал Дол-

¹ Дела австрийские, 1701, № 4, л. 19.

² Дела польские, 1701, № 25, л. 65.

³ Письма разных лиц на русск. яз., 1701, № 3, л. 9.

горукий) считал, что движение шведов на территорию Речи Посполитой значительно облегчит его положение и что «когда шведы болши с войски в Пошу вступят, то могут поляков болши на себя озлобить»¹. Будущее показало, насколько основательными были эти предположения Августа II. В настоящей связи нам хотелось бы только отметить, что благодаря разгрому саксонцев в Прибалтике Карлу XII легко удалось овладеть Курляндией и даже проникнуть в Жмудь. Правда, уже этот шаг шведов вызвал известное недовольство со стороны вчерашних противников Августа II. 27 июля (7 августа) 1701 г. Григорий Долгорукий сообщал в связи с этим в Москву: «Кардинал примас Радеевской и гетман коронной Яблоновской писали к шведу, чтоб в Курляндию войною не вступал и с ними б мир не разорвал. И шведы в Курляндии нимало обиды не чинять»². Это был безусловно первый, хотя и малозначащий пока, успех новой саксонской политики.

Но шведское покушение на Курляндию, где шведы, кстати, очень скоро стали распоряжаться как в своей собственной стране, могло привести к ухудшению внешнеполитических позиций Швеции, во всяком случае, могло плохо отразиться на ее отношениях с берлинским двором. О враждебности последнего идее шведского контроля над Курляндией доносил в Москву еще в мае 1701 г. русский посланник в Копенгагене Измайлов³. Однако оккупация Курляндии не означала еще, что в шведском политическом курсе возобладал вариант, рассчитанный на продолжение войны с Августом Саксонским. Первый из возможных вариантов — сепаратный шведско-саксонский мир — все еще оставался в силе. С ним прежде всего и вынуждена была считаться русская дипломатия.

VI

Само собой разумеется, что основной целью русского правительства было не допустить сепаратного мира Августа II с Карлом XII. Но позиция, занятая саксонским курфюрстом, в значительной мере определялась ходом польских событий. Поэтому польский вопрос снова приобрел весьма существенное значение в глазах руководителей русской политики.

Известия, получаемые в Москве, об отказе Августа II от исполнения условий биржанского договора вызвали здесь серьезное недовольство⁴, так же, впрочем, как и известия о передаче датским правительством на службу «великого союза» части датской армии⁵. Колебания шведской политики, а затем все более очевидное сближение ее с Версалем подавали, правда, России надежду на возможность заручиться на ближайшее время дипломатической поддержкой Голландии и Австрии, в связи с чем были направлены соответствующие инструкции русским представителям в Гааге и Вене⁶. Но возможность успеха подобной акции была все же слишком проблематичной для того, чтобы заслонить от русского правительства грозящую ему в Польше опасность. Первым шагом, предпринятым московским правительством вслед за получением определенных известий о намерении Августа II прекратить военные действия против шведов, было

¹ Дела польские, 1701, № 25. л. 78.

² Там же, л. 54.

³ Дела датские, 1701, № 2, л. 94.

⁴ Письма разных лиц на русск. яз., 1701, № 1, л. 33.

⁵ Там же, л. 46.

⁶ Там же, лл. 31—32.

задержать предназначавшиеся ему субсидии. В связи с этим 8 (19) июля 1701 г. Головин сообщил Долгорукому, что присланный Августом для получения этих субсидий «генерал адъютант еще на Москве и принял денег с пятьдесят тысяч. Токмо еще по писмам вашим удержен на некоторое время, подлинно известясь, отпустим»¹. Вместе с тем русскому посланнику предписывалось, чтобы он «изволил всяким образом к сему стараться — отвращать от непотребного намерения вышшую особу, как тебя бог наставит, а здесь посланные ево ни о чем знают»².

Уже на следующий день, учитывая, очевидно, другую возможность, при которой не удастся добиться от своего союзника обещания возобновить военные действия в Прибалтике, Головин посылает Долгорукому новые инструкции, поручая ему в таком случае настаивать на передаче на русскую службу в качестве наемников части саксонской армии. «В делех ваших, — говорилось в этом письме Головина, — отсюда научить немочно. Токмо, как тебя бог наставит, изволь управлять. Естли него лутшаго зделать немочно, хотя б несколько войск получить себе»³. Нужно сказать, что при всех условиях передача на русскую службу части саксонской армии должна была укрепить положение России. Этим, во-первых, был бы продемонстрирован тот факт, что Россия отнюдь не находится в условиях полной международной изоляции и что Август II попрежнему сочувствует ей. Во-вторых, передача эта могла повести к еще более существенным результатам, сорвав в конечном итоге намечающееся шведско-саксонское примирение. Однако и первый вариант — стремление добиться от Августа развертывания военных действий в Прибалтике — все еще не потерял в глазах московского правительства своего значения. Поэтому в том же письме от 9 (20) июля 1701 г. Долгорукому снова поручалось требовать от Августа II, «чтоб изволил поступать по учиненным договором и начинать осаду Дерпта, что посланник ево, здесь будучи, предлагал, будто хотят сие начинати»⁴.

Мысль о найме саксонских войск на русскую службу, очевидно, довольно серьезно занимала московское правительство. Во всяком случае 10 (21) июля 1701 г., следовательно на следующий день, Головин опять возвращается к этой теме в своем письме к Долгорукому. «Королевскому величеству, — писал он, — как возможно изволь говорить, что уже, естли невозможно удержать от того, что далее войну вести, то б хотя несколько войск перепустил нам»⁵.

Между тем Август, объясняя занятую им в этот момент позицию по отношению к шведам, ссылаясь прежде всего на угрозу шведского вторжения в Саксонию, на враждебность поляков и даже осторожно намекал на усилия последних привлечь короля к идее вооруженного выступления против России. Мы уже видели выше, насколько серьезно отнеслось русское правительство к известиям о шведских планах нападения на Саксонию и какие меры были предприняты им для того, чтобы предупредить грозящую Августу опасность. Соответствующие русско-прусские переговоры, как отмечалось, привели к благоприятным результатам. О результатах этих было теперь поручено Долгорукому напомнить польскому королю. «А что изволил королевское величество писать в писме своем государю, — говорилось

¹ Письма разных лиц на русск. яз., 1701, № 1, л. 48.

² Там же, л. 47.

³ Там же, л. 50.

⁴ Там же, л. 48.

⁵ Там же, л. 51—52.

в инструкции Головина, — опасность нападения Саксонии от шведов, и сие имянно здесь объявил бранденбургской посланник, что король ево принял сие на себя и прочие, как цесарь и другие того империи, то уже самому ему известно подлиннее нашего»¹. Зато неприятные намеки короля на предложение поляков возобновить борьбу с Россией побудили русское правительство напомнить своему союзнику о тех обещаниях укрепить его власть в Речи Посполитой, которые были даны ему в период подготовки Северного союза, напомнить о том факте, что Северная война начиналась саксонским курфюрстом не только против желания, но и во враждебных польской магнатско-шляхетской оппозиции целях. «А что говорил милости твоей королевское величество, — указывалось в связи с этим в письме Головина к Долгорукому от 10 (21) июля 1701 г., — будто ему сенатори многие польские предлагают, чтоб начать войну на нас, и в том будет и вся Речь Посполитая вспомогать, и о том известно ему самому, что великий государь сию с шведом войну начал для его королевского прошения и пользы, чтоб ему быть безопасну от своих, а не для своего какого прибытку, також и какое сильное вспоможение чинил в наставлении его королевства — возможно ему все сие знать самому. И естли б сие начал, то б бог справедливый сам сей неправде мститель был. А полское непостоянство самому ему болше всех известно. И как тебя бог наставить, от сего отвратить и в старой союз приводить изволь»².

Итак, стремление Августа II к прекращению войны со шведами путем сепаратных переговоров с ними через Вену и Версаль, путем прекращения военных действий в Прибалтике, а затем и отвода саксонских войск из Речи Посполитой, в течение июля 1701 г. стали очевидными. Русское правительство вырабатывает новую линию поведения по отношению к своему союзнику, с одной стороны, попрежнему добиваясь от него выполнения условий биржанского союза, с другой — предвидя возможность срыва этого союза и настаивая на передаче на русскую службу части саксонской армии. Однако неоднократные представления Долгорукого польскому королю, сделанные в этом смысле, не привели ни к каким положительным результатам. В течение трех месяцев — июля — сентября 1701 г. — король решительно отказывался от передачи части своей армии русскому правительству, указывая вместе с тем и на невозможность самому использовать ее для борьбы со шведами из-за сильного оппозиционного движения в Польше³.

Но московское правительство, добиваясь передачи на русскую службу части саксонской армии и таким образом меняя свою прежнюю линию поведения по отношению к саксонскому союзнику, не могло не реагировать на враждебный России характер затеваемых Августом II сепаратных мирных переговоров со шведами, не могло не реагировать на те двусмысленные намеки относительно возможности возобновления русско-польского конфликта, которые содержались в приведенном выше заявлении Августа II. Интересы собственной безопасности требовали изыскания таких путей, с помощью которых можно было бы отчасти гарантировать себя от опасности возобновления борьбы с Речью Посполитой. В этих целях необходимо было сорвать намечающееся соглашение между Августом II и Речью Посполитой, с одной стороны, Карлом XII — с другой. Переговоры, все еще продолжавшиеся между Головиным и прусским посланником фон-Принценем, непо-

¹ Письма разных лиц на русск. яз., 1701, № 1, л. 52.

² Там же.

³ Дела польские, 1701, № 25, лл. 30, 65, 73.

средственная заинтересованность Пруссии в ходе польских событий и ее усилия добиться русского согласия на предоставление ей роли посредника в Северной войне — все это подсказывало, что именно Пруссию следовало бы заинтересовать в выполнении этого плана. Непосредственным предлогом для переговоров с фон-Принцем по этому поводу могло явиться его собственное заявление, сделанное им Головину во время беседы, состоявшейся 22 июня (3 июля) 1701 г. Прусский посланник предлагал тогда не что иное, как заключение между Москвой и Берлином союзного договора, направленного против Речи Посполитой. Высказывая такое пожелание, прусский агент ссылался, правда, на аналогичное предложение, исходившее от самого Головина.

Согласно сохранившемуся в «Прусских делах» протоколу этого интересного совещания, фон-Принц заявил тогда буквально следующее: «Да он же, посланник, желает от него, боярина, ведашь — не изволят ли царское величество для общего безопасения обоих стран з государем его тайного союзу против Речи Посполитой Полской учинить, как о том он от него, боярина, преж сего предложение слышал, и о том равно, яко от себя, к государю своему писал. И естли его царское величество на то конечно соизволят, то возможно здесь ему со общаго совету постановить образцовые статьи, которые он может при возвращении своем государю своему предложить. Надлежит же оные толь тайно учинить, дабы ни корол полской, ни Речь Посполитая о том не ведали»¹.

Таково было предложение прусского посланника. Что же касается Головина, то «боярин принял сие на доношение великому государю»².

Итак, тайный союз потив Речи Посполитой, тайный не только от поляков, но и от самого Августа II — вот основное содержание предложения, сделанного фон-Принцем боярину Головину. Относительно же того утверждения прусского посланника, что предложение это явилось с его стороны лишь ответом на сделанное ему прежде самим Головиным предложение, следует, повидимому, остановиться на констатации следующих главных моментов. Почти невозможно предполагать, чтобы ссылка фон-Принца на Головина не имела под собой абсолютно никаких оснований. Однако если такие основания были, то все же едва ли предшествовавшее этому разговору предложение Головина имело такой же категорический характер, как только что процитированное заявление прусского посланника. Скорее всего, мы имеем дело с каким-то намеком его, не позволившим фон-Принцу прямо сообщить своему правительству о желании русских вступить в двухстороннее соглашение против Речи Посполитой и заставившим его изложить план такого союза от своего имени («равно, яко от себя»). Подобное предположение полностью оправдывается и тем фактом, что со стороны Головина не последовало теперь прямого ответа на развернутый перед ним план антипольского союза и что он предпочел принять сделанное ему предложение «на доношение» царю. Что же касается времени, к которому следовало бы отнести предполагаемый разговор Головина с фон-Принцем, повлекший за собой заявление последнего, и мотивов, руководивших при этом Головиным, то и здесь количество возможных вариантов, повидимому, весьма ограничено. Из всего заявления прусского посланника явствует, что разговор этот следует отнести к периоду, непосредственно предшествовавшему данной беседе, может быть к одной из предшествовавших ей.

¹ Дела прусские, 1701, № 5, л. 83.

² Там же.

Наконец, побудительным мотивом для Головина, решившегося на подобный намек, несомненно, должны были послужить неоднократные враждебные выпады против России антисаксонской оппозиции в Речи Посполитой, ее стремление сорвать Северную войну и в конце концов двойная дипломатия самого Августа II.

Но вернемся к прусскому предложению и проследим за тем, каким образом пыталось использовать его в своих интересах, в интересах продолжения Северной войны, московское правительство. Ответ на него последовал только 30 июля (10 августа) 1701 г., когда Головин поставил перед прусским посланником вопрос о необходимости воспрепятствовать соглашению между шведами и Речью Посполитой, указывая вместе с тем на фактический выход из войны Августа II, на его попытки сепаратным образом договориться со шведами при помощи французского посредничества. Опасения за возможность возобновления русско-польской борьбы за Украину, что означало серьезное ухудшение военно-политического положения России, указывали теперь русскому правительству на необходимость воспользоваться прусской помощью для срыва намечающегося польско-шведского союза.

Таким образом, опасность шведско-польского союза, опасность присоединения к нему Августа II заставляла русское правительство вступить в непосредственные переговоры с прусским посланником относительно польского вопроса, как до того принуждала Головина делать прозрачные намеки на необходимость русско-прусского союза против Речи Посполитой¹.

Какова же была предложенная им программа, выполнению которой должны были быть посвящены совместные русско-прусские действия?

Уже из приведенных выше слов Головина можно заключить, что такой программой, по мнению русского правительства, могло быть только одно — срыв сепаратного шведско-саксонского соглашения и ликвидации угрозы направленного против России союза Речи Посполитой со шведами. Здесь была необходима помощь Пруссии. Необходимо было заинтересовать и дипломатов «великого союза», добивавшегося прекращения Северной войны. Отметим, что стремление использовать в своих целях разыгравшийся на западе Европы конфликт и до этого времени не было чуждым замыслам русского правительства. Известный расчет на это делался уже в 1700 г., а затем в 1701 г., когда укрепление шведско-французских связей было

¹ Сохранившийся протокол этих переговоров следующим образом передает смысл заявления, сделанного Головиным 30 июля (10 августа) 1701 г.: «И боярни говорил, что получил он сего числа от великого государя, от его царского величества указ, в котором указал ему всемилоостивейше ему, посланнику, секретные объявить, яко верного друга и союзника своего министру, како уже от несколького времени заносились из Польши о короле ведомости, будто он в постановленном союзе с его царским величеством чинит некоторую отмену и чрез французскую факцию — некоторые с неприятелем тайные пересылки. И хотя его царское величество тому веры нять не мог, однако ж ныне являются тому некоторые очевидные знаки, ибо саксонское войско, совокупясь со вспомощными войски его царского величества, не токмо никакого воинского промыслу не чинили, но и дождався к Риге неприятельского приходу, не учиня ему никакого знатного отпору, уступили и неприятеля чрез Двину свободно пропустили, хотя у них войска и вяще числом неприятельского было. И потому имеет его царское величество сомнение, нет ли в том какой тайной от француза и поляков учиненной факции, которые иногда короля многими обещаниями к тому наговаривали, чтоб против шведа стоять не указал и, якобы нужды ради, потом с ним к миру приступил. А о поляках ему, посланнику, известно, что они, как к стороне его царского величества, тако и его королевского величества прусского — всегда не доброхотны и мыслят всегда завоеванное отбирать. И естли их допустить таким способом с шведом в союз и единомыслие вступить, то могут, как его царскому величеству, так и его королевскому величеству прусскому, вредить». Там же, л. 112.

использовано московской дипломатией для того, чтобы привлечь на свою сторону симпатии морских держав и Австрии. Подробные инструкции в связи с этим были посланы тогда русскому посланнику в Голландии Матвееву (от 12 (23) мая 1701 г.)¹ и Голицыну в Австрию (от 13 (24) мая 1701 г.)².

Теперь представлялась хорошая возможность привлечь к ликвидации сепаратного шведско-саксонского соглашения, связанного с дипломатией Версаля, дипломатию «великого союза». «И для того б он, посланник,— говорил Головин фон-Принцену,— послал неомедля к государю своему, к его королевскому величеству прусскому, с сею ведомостью нарочного курьера и просил его именем царского величества, дабы, яко верный друг и союзник, в том деле и советом его царскому величеству подал вспоможение. И посредством своим чрез себя и протчих медиаторов, тако ж и галанского посла, у шведа пребывающего, то упредить изволил, дабы полского короля ко особливому миру не допустить и таким способом поляком с шведом во общей союз вступить ко общему их вреду не дать»³. Таким образом, наряду с требованием о передаче на русскую службу части саксонской армии, направленным самому Августу II, Россия пыталась организовать с помощью Пруссии широкую международную политическую акцию, целью которой было предотвращение сепаратного соглашения Швеции с Саксонией и заключения польско-шведского союза. В конечном счете это была борьба за предотвращение полной политической изоляции России в Северной войне.

Нужно сказать, что русский план действий, повидимому, был благоприятно принят прусским дипломатом, обещавшим немедленно сообщить о нем своему двору. Вместе с тем со стороны прусского посланника последовало заявление о полном совпадении в этом пункте точек зрения русского и прусского правительств. «И посланник соответствовал,— говорится в протоколе,— что он такому непостоянству и неверности короля полского zelo удивляется, и чаёт, что коль час государь его о таком поведении и что он с шведом к миру без его царского величества склоняется, уведает от министра своего, при полском дворе обретающегося, то и не дождавсь отсуду объявления, всяким образом старатися будет чрез себя и протчих посредников, дабы тот особливой мир помешать»⁴.

Только теперь, после получения этих заявлений от прусского посланника, Головин решил коснуться того вопроса, который был поднят последним на совещании 22 июня (3 июля). Смысл слов, сказанных им по этому поводу, сводился к следующему: за прусскую помощь в ликвидации сепаратного шведско-саксонского соглашения Россия обязывается взять на себя компенсацию прусского правительства за счет Речи Посполитой. Характер и содержание этих предложений русской стороны лучше было бы передать словами самого Головина. «А естли,— говорил он фон-Принцену,— в том его королевское величество прусский его царскому величеству покажет истинную свою дружбу и поляков до такого злого намерения не допустит, и потом возможно будет при добром случае его царскому величеству полякам за такую их неправость учинить отмщение. И в таковом случае может его королевское величество чрез посредство свое меж его царским величеством и ими и себе от них удовольствие получить, какое

¹ Письма разных лиц на русск. яз., 1701, № 1, л. 31.

² Там же, л. 32.

³ Дела прусские, 1701, № 5, лл. 112—113.

⁴ Там же, л. 113.

он сам похочет, в чем его царское величество ему усердно помогать будет»¹. Иными словами, речь шла о частичном разделе польской территории между Россией и Пруссией, причем на долю Пруссии выпадала бы в этом случае только роль посредника в предстоящем польско-русском конфликте. Но для исследователя русско-польских отношений последнее заявление Головина важно еще и потому, что вскрывает тот факт, что целостность территории Речи Посполитой отнюдь не являлась неперенным принципом русской дипломатии в начале XVIII в., в первые годы Северной войны и что его отношение к этому вопросу определялось конкретными условиями, требованиями борьбы за Прибалтику. В данной связи основным вопросом являлся вопрос о сохранении русско-саксонского союза, вопрос о ликвидации возможного польско-шведского военного блока против России. Все остальные вопросы, в том числе и вопрос о частичном разделе Речи Посполитой, были подчиненными.

Заявление Головина побудило прусского посланника дать более определенные заверения относительно прусской позиции в вопросе сепаратного соглашения между Августом II и Карлом XII. «И посланник обещал,— говорилось в протоколе,— то все изобразя, ему, боярину, наперед объявити. А ведает он, посланник, подлинно, что особливо мир полской с шведом весьма государю ево противен. Ибо преж сего, как было, указал ему, отсюда возвращаясь, и в Свею заехать. И тогда наивящее всего в наказе его подтверждал, дабы того остерегал, чтоб полского короля одного до миру не допускал и либо обоих, либо одного его царского величества мирил. В противном же случае лутче старался, чтоб война продолжена была у всех»².

Следует, однако, сразу же заметить, что обусловленное сотрудничеством Пруссии в деле предотвращения сепаратного шведско-саксонского соглашения согласие русского правительства на частичный раздел Речи Посполитой не было направлено против интересов Августа II, участие которого в Северной войне должно было быть обеспечено в результате совместных действий русской и прусской дипломатии. Доказательством тому может служить появившийся в результате переговоров Головина и фон-Принцена проект русско-прусского союза, предусматривавший взаимную гарантию сохранения за договаривающимися сторонами принадлежащих им в настоящий момент или могущих быть завоеванными впоследствии территорий (статья 2-я), а также военную помощь в обороне этих территорий от неприятеля (статья 3-я). Предполагалось присоединение к этому союзу Августа II и Дании (статья 8-я)³. Зато в свете приведенных выше слов Головина становится совершенно очевидным, что этот союз должен был носить не только антишведский, но также и антипольский характер.

Разумеется, борьба русского правительства за воскрешение русско-саксонского союза отнюдь не исключала его попыток мирным путем урегулировать разразившийся на севере Европы конфликт. В этом плане переговоры о посредничестве продолжались как с Веней, так и с Берлином. Основным условием России было, однако, предоставление ей выхода к Балтийскому морю, возвращение части старых русских владений в Прибалтике. Об этом прямо заявил 19 (30) июля 1701 г. боярин Головин прусскому посланнику в Москве. В заявлении его указывалось, что царь «без

¹ Дела прусские, 1701, № 5, л. 113.

² Там же, лл. 133—136.

³ Там же.

возвращения некоторой части из тех своих земель отнюдь к миру приступить не изволит»¹. Те же цели преследовались и тогда, когда князю Голицыну поручили продолжать переговоры с австрийцами об условиях их посредничества в Северной войне. Австрийское предложение об уступке России Нарвы было, естественно, с воодушевлением принято петровской дипломатией. Но, как свидетельствует об этом письмо Головина к русскому посланнику в Вене от 22 июля (2 августа) 1701 г., соглашались и на меньшее. «А буде Нарвы трудно,—говорилось в нем,—чтоб зело пристойно и по самой конечной мере хотя 6 Канцы отдали, которые лежат на реке Неве»². О безрезультатности этих переговоров нам уже приходилось говорить выше.

Наконец, выход из войны Августа II и угроза шведско-польского союза против России принудили русское правительство пойти еще на один шаг и решиться на ведение сепаратных от Дрездена мирных переговоров со шведами. Об этом свидетельствует прусский посланник фон-Принцен, сообщавший в своем донесении прусскому королю о том, что Петр I готов с шведом и во особливые договоры о миру посредством вашего королевского величества вступати, дабы токмо тем свейское согласие с Полшею прещи»³.

Русское правительство придавало большое значение посредничеству Пруссии, что видно из данного именно в этот момент согласия признать за бранденбургским курфюрстом королевский титул⁴.

Что же касается русско-саксонских переговоров, то в них попрежнему упор делался на передачу саксонской армии на службу России. В этом отношении чрезвычайно характерно письмо Головина Долгорукому от 9(20) сентября 1701 г. «И о том писал наперед сего к тебе, мой государь,—подчеркивалось в нем,—токмо две вещи нам суть потребные: или войски получить саксонские в службу к царскому величеству или мир общей со удовольствием к нашей стороне от неприятеля»⁵. Между тем ход событий в Речи Посполитой повернулся таким образом (об этом нам придется говорить еще ниже), что у русского посланника в Варшаве появились надежды на возможность возобновления польско-русских переговоров о союзе и войне против шведов. Такому настроению Долгорукого способствовало в известной мере поведение самого короля⁶.

Вместе с тем появились слухи о воинственных настроениях короля, о его желании продолжать войну со шведами⁷, подтверждаемые отчасти и из других источников⁸.

¹ Дела прусские, 1701, № 5, л. 83.

² Письма разных лиц на русск. яз., 1701, № 1, л. 61.

³ Дела прусские, 1701, № 5, л. 124.

⁴ См. инструкцию Головина Измайлову, помеченную 19 (30) августа 1701 г. «Уже прислан вскоре к тебе будет (указ.—В. К.),—говорилось в ней,—дабы ваша милость ехал в Берлин с поздравлением королю прусскому. И ныне с почтою послан к тебе указ великого государя. Изволь ехать не мешкав и делать по указу. И побыть тебе некоторое время при том дворе для нынешних настоящих дел с шведами, потому что прусской назначен в медиаторы, и у нас лутчая надежда на него».

⁵ Письма разных лиц на русск. яз., 1701, № 1, л. 72.

⁶ Там же, л. 80.

⁷ Дела польские, 1701, № 25, лл. 76, 87.

⁸ См., например, письмо Головина к Мазеле от 23 сентября (4 октября) 1701 г. «О саксонских войсках,—говорилось в нем,—здесь известно, что конечно отходят в Саксонию. А в тайных писмах, каковы здесь явились, что, собрався незапно, саксонец будто на весну хотят промысл чинить. А подлинно—так или нет—то впредь увидим». Письма разных лиц на русск. яз., 1701 г., № 1, л. 87.

В связи с этим Долгорукий запрашивал новые инструкции, требуя объявления ему русских условий союза¹. А 22 сентября (3 октября) 1701 г. он уже определенно пишет, что «ежели не помешает кардинал и гетманы и другие сенаторы, которые факцию держат шведскую, чаяя б, что поляки всемерно вступили в войну шведскую». И снова повторяется при этом требование о присылке дополнительных инструкций и необходимых для ведения официальных переговоров полномочий².

С другой стороны, как это явствует из его депеши от 25 сентября (6 октября) 1701 г., им уже велось с некоторыми польскими сенаторами неофициальные переговоры о русско-польском союзе, причем поляки принимали повторные попытки добиться от России уступки Киева или Смоленска взамен за польский союз. «Воевода малборский и потканцлер литовский Щука говорили, — доносил он в связи с этим в Москву, — чтоб я писал к вашему величеству, дабы вы изволили обещать Киев или Смоленск для склонения в войну Речи Посполитой»³. Высказываясь сам против этих претензий поляков, он считал тем не менее необходимым вступить в официальные переговоры с ними о заключении военного союза против шведов. Его горячие представления по этому поводу, несомненно, повлияли на московское правительство. Новые русские условия союза с Речью Посполитой предполагали только денежный заем Речи Посполитой и были сформулированы в письме Головина к князю Долгорукому, помеченном 21 октября (1 ноября) 1701 г. «Дай боже, — говорилось в нем, — толко б сие учинить, что привести в войну Речь Посполитую за многие к ним шведские неправды. Также и о характере твоём пришлю указ вскоре. Уже мне сие позволено, чтоб быть тебе во время надлежащего дела послом и явить себя к Речи Посполитой. Ты ж, мой государь, изволь, где придет к сему случаю, говорить и до объявления своего, что к вспоможению войны великий государь дает Речи Посполитой займы года на два или на три сто тысяч (рублев) или двести тысяч ефимков, считая русскими деньгами по осмнадцати алтын по две денги за ефимок, с писмом, что заплатить те денги по двум летех таким же числом или ефимками или иными, толко б не медными. И сие изволь чинить, где пристойно будет. И сие к тебе пишу по указу великого государя»⁴.

Итак, к прежней политической линии русского правительства по отношению к Августу II и Речи Посполитой прибавлялся теперь еще один элемент — борьба за польский союз. Санкционировались предварительные переговоры по этому поводу между русским посланником и поляками. О том, что элемент этот не был ни в коей мере простой случайностью, свидетельствует тот факт, что именно вокруг этого вопроса велась до самого конца 1701 г. оживленная переписка между Головиным и князем Долгоруким. В подтверждение этого сошлемся на следующие два письма Головина к русскому посланнику в Варшаве. Одно из них помечено 27, другое 29 декабря 1701 г. (7 и 9 января 1702 г.). В первом — снова обсуждался вопрос о русских условиях союза и сообщалось о посылке князю Долгорукому необходимых ему официальных полномочий: «А о явном, мой государь, характере твоём... давно уже к милости твоей посланы с подъячим И о том к милости твоей многократно писал. Также и статьи к милости твоей посланы, что делать при сейме. О деньгах для выкупу им Элбинга

¹ Дела польские, 1701, № 25, л. 88.

² Там же, л. 98.

³ Там же, л. 100.

⁴ Письма разных лиц на русск. яз., 1701, № 1, л. 95.

изволь говорить Речи Посполитой по статьям, что царское величество немедля даст оные займы, как я пред сего писал»¹. В следующем письме подчеркивалась крайняя необходимость для России военного союза с Речью Посполитой. «Для бога, мой государь,— писал Головин,— о склонении к войне Речи Посполитой на неприятеля, како возможно, изволь туждаться. И принцыпалом и кардиналу, что мочно, за сие — обещать и какими бы ни есть мерами на сие привести. И о даче займы против посланных статей изволишь говорить и обещать те денги на выкуп закладу у короля прусского или на вспоможение войны, на что они употреблять захотят»².

На этом собственно мы и обрываем дальнейшее изложение хода русско-польских переговоров, не приведших, как известно, и на этот раз ни к какому положительному результату. Об этом нам придется еще говорить в следующем разделе этой статьи, посвященном саксонской политике и событиям в Речи Посполитой, а также изменениям, наступившим здесь в результате фактического прекращения Августом II войны в Прибалтике. В данной связи нам необходимо было отметить, прежде всего, два факта. Во-первых, что в результате этих изменений в ходе польских событий в конце 1701 г. снова появилась возможность возобновить прерванные русско-польские переговоры о союзе, во-вторых, что на этот раз русские условия союза предусматривали только денежный заем Речи Посполитой, исключали всякие перспективы пересмотра условий «вечного мира» в сторону территориальных уступок России Польше. Вместе с тем нельзя не указать здесь же и на то серьезное обстоятельство, которое придавало теперь особую ценность польскому союзу в глазах московского правительства. Дело в том, что выступление Речи Посполитой не только значительно облегчило бы военное и политическое положение России, но союз с ней должен был автоматически воскресить и нарушенный Августом II русско-саксонский союз. Восстановление его в течение всего исследованного нами промежутка времени оставалось главной целью русской дипломатии.

VIII

Каковы же были те перемены, которые произошли в умонастроении польской шляхты в итоге нового политического курса Августа II и которые повели в результате к воскрешению идеи польско-русского военного союза против шведов? Выше отмечалось, что, выводя свои войска с территории Речи Посполитой, Август рассчитывал не только на заключение сепаратного мира со шведами. Он учитывал и другой возможный вариант — срыв этих переговоров и дальнейшее продвижение шведов в глубь страны. В таком случае можно было бы надеяться на вооруженное выступление против них возмущенной Речи Посполитой. Расчеты эти и в самом деле как будто начали оправдываться. Уже вторжение шведов в Курляндию вызвало, повидимому, довольно болезненную реакцию в широких шляхетских кругах, так что примас и великий коронный гетман вынуждены были выступить с протестом против действий шведов. Протесты их, правда, не заставили шведов отказаться от оккупации Курляндии, а вскоре в Польше появились даже сведения о том, что шведы хозяйничают там, как у себя дома³. Для нас важен другой факт — то обстоятельство, что сами

¹ Письма разных лиц на русск. яз., 1701, № 1, л. 111.

² Там же, лл. 112—113.

³ Дела польские, 1701, № 25, л. 101; Ср. N. Bain, Charles XII and the collapse of the Swedish Empire. N. Y.—L. 1895, стр. 87.

вожди оппозиции вынуждены были теперь протестовать против шведского вторжения.

Однако в первую минуту положение короля было, повидимому, чрезвычайно тяжелым. Лишенный войска, он оказался теперь почти безоружным перед лицом своих могущественных противников в Польше. «Ежели его королевское величество,—подчеркивает Долгорукий в своей депеше от 21 августа (1 сентября) 1701 г.,— не может обратиться к себе кардинала, то, чаю, долго ему здесь быть невозможно, отчего и сам его королевское величество надежды мало имеет»¹. Однако вывод этот оказался поспешным. Долгорукий констатировал лишь настоящее положение вещей, отнюдь не заглядывая в будущее. Между тем, как это выяснилось уже буквально через несколько недель, позиция, занятая королем, оказалась совсем не такой проигрышной. Дело в том, что воинственная поза, принятая шведским королем, заставляла шляхту свыкаться с мыслью о неизбежности военного столкновения со шведами². Конечно, это еще не означало, что польская шляхта с нетерпением ждала этого конфликта. Такому постороннему наблюдателю, как Долгорукий, было совершенно очевидно, что ни король, ни Речь Посполитая не хотят столкновения со шведами, что принудить их к военному выступлению может лишь непримиримость шведского короля³ и что преобладающим в польском шляхетском лагере было стремление воспользоваться посредничеством между Карлом и Августом польского сейма для прекращения войны⁴.

И тем не менее враждебное по отношению к шведам настроение шляхты нарастало, что не могло не привести, в свою очередь, к укреплению польских позиций Августа II. Факт этот неоднократно подчеркивается русским посланником в Варшаве князем Долгоруким, внимательно следившим за ходом событий в стране⁵. К тому же вывод саксонских войск, предпринятый королем, разрядил напряженную атмосферу и в значительной степени рассеял подозрение относительно его тайных намерений нарушить конституционные привилегии польской шляхты и магнатства. В связи с этим стоит такой чрезвычайно знаменательный факт, как решение целого ряда сеймиков, в том числе Сандомирского, Люблинского и Куявского воеводств, и, что особенно важно, Калишского и Познанского, следовательно великопольских, вынести благодарность королю за вывод из страны саксонской армии и потребовать от Карла XII именем Речи Посполитой освобождения ее территорий⁶. Нужно сказать, что Августу II было теперь очень важно сохранить на будущее такое благоприятное для него настроение польской шляхты.

Был, правда, один момент, который все еще будоражил умы и на котором не без успеха играли польские враги короля и шведы. Мы имеем в виду распространенные в стране слухи о тайном соглашении между Петром и Августом, согласно которому Россия принимала будто бы на себя обязательство оказать саксонскому курфюрсту помощь в совершении абсолютистского переворота. В связи с этим явилась необходимость официального опровержения этих слухов русским правительством. Долгорукий, очевидно, вполне разделял опасения короля и направил своему правительству настой-

¹ Дела польские, 1701, № 25, л. 74.

² Там же, л. 87.

³ Там же, л. 106.

⁴ Там же, л. 135.

⁵ См. его депеши от 22 и 25 сентября 1701 г.

⁶ Там же, л. 89—90.

чивое требование выступить с опровержением этих слухов. «Зело, государь, надлежит,— писал он 14 (25) октября 1701 г.,— прислать к Речи Посполитой грамоту царского величества, чтоб возможно присечь ту мысль, в чем они сумневаются, что будто его царское величество с его королевским величеством на том дружбу имеют, дабы их волность поломать и его королевскому величеству монархию получить, чем непрестанно неприятель всю Речь Посполитую во озлобление приводит»¹. С той же целью, т. е. для убеждения поляков в благожелательном к ним отношении русского правительства и несостоятельности слухов, распространяемых на счет его тайных замыслов, проектировалось королем даже отправление в Москву специального польского посольства². Следует подчеркнуть, что с русской стороны не только не было высказано никаких возражений, но за мысль эту готовы были охватиться, как за удобный способ предотвратить польско-шведский военный союз против России³. А вскоре, 27 декабря 1701 г. (7 января 1702 г.), Долгорукому было сообщено и о посылке ему затребованных им грамот к Речи Посполитой⁴.

В связи с новым положением дел в Речи Посполитой деятельность польской оппозиции оказалась сильно ограниченной.

Так создавались предпосылки для возобновления русско-польских переговоров о союзе. Мотивы, руководившие при этом русской стороной, вполне очевидны. Несколько труднее судить о мотивах Августа II и той части польских сенаторов, которые все еще оставались лояльными по отношению к своему королю. Однако и здесь тот факт, что шведы до сих пор не проявили никакого серьезного интереса к перспективам мирных переговоров с Августом Саксонским, о чем было прекрасно осведомлено и русское правительство⁵, объясняет очень многое. Во всяком случае, учитывая более поздние маневры короля, ясно показавшие его нежелание связывать себя снова русским союзом, приходится остановиться на том, что его решение возобновить русско-польские союзные переговоры было принято с целью принудить к уступчивости Карла XII. К сожалению, эти замыслы Августа II не были разгаданы русским посланником в Варшаве, опасавшимся больше всего сопротивления заключению союза со стороны примаса, Яблоновского и Лещинских и сохранившего полное доверие к Августу II, обратившемуся как раз с посланием к сеймикам, в котором призывал он их высказаться за объявление войны Швеции⁶. Ошибка эта была обнаружена спустя несколько недель. Но прежде чем перейти к изложению тех сведений, которые были получены Долгоруким и которые, наконец, раскрыли ему глаза на подлинные цели саксонской политики, нам придется возвра-

¹ Дела польские, 1701, № 25, л. 87.

² Там же.

³ Вот что писал по этому поводу Головин, отправляя 14 (25) декабря 1701 г. в очередном инструктивном письме Г. Долгорукому: «Что королевское величество говорил милости твоей о посылке послов к Москве от Речи Посполитой для того, что будто поляки опасаются всякого зла от царского величества, и царское величество указал мне до милости твоей писать, чтоб ты донес, чтобы присланы были особы три или сколько изволит полских в послех, дабы царское величество мог вящее показати к ним милость и тем их удоволствовать, чтоб они, сие видев, иначе начали делать к стороне нашей». Письма разных лиц на русск. яз., 1701, № 1, л. 110.

⁴ Письма разных лиц на русск. яз., 1701, № 1, л. 111.

⁵ Вот что писал, например, 9(20) сентября 1701 г. по этому вопросу Головин в своем письме к русскому посланнику в Вене: «Мир еще по сие число между полским и швейским не совершен и к началу их худой приступ является». Письма разных лиц на русск. яз., 1701, № 1, л. 77.

⁶ Дела польские, 1701, № 25, л. 114

тяться несколько назад и осветить ход франко-саксонских переговоров за вторую половину 1701 г.

Неудача французского посредничества между Карлом и Августом не только не прекратила этих сношений, но в течение второй половины 1701 г. повела к еще более тесному сближению между Версалем и Дрезденом. Фактическое прекращение войны между Саксонией и Швецией создавало для Франции особенно благоприятную почву. Можно было надеяться использовать освободившиеся саксонские войска в интересах Франции. С другой стороны, помимо угрожающих действий польской оппозиции, Август II вынужден был в течение всего этого времени считаться с опасностью шведского вторжения в Саксонию, поскольку не было гарантии в том, что, несмотря на протесты империи и Бранденбурга, шведы не решатся на такой шаг. Более того, продолжали распространяться слухи о существовании подобных планов у шведского командования¹. При таких условиях предпринятый саксонской политикой маневр, сводившийся к выводу саксонской армии из Речи Посполитой, совпал с периодом наиболее оживленных франко-саксонских переговоров о союзе и посредничестве. Но решительная переориентация на Францию и на сепаратное соглашение со шведами сказалась, повидимому, и на личном руководстве внешними сношениями польско-саксонского двора. Вслед за отставкой Паткуля главное влияние на внешнюю политику Саксонии приобретает Бейхлинг, о котором, выражаясь словами Головина, «еще давно сказывали, что фракцыи французской и швецкой»².

Переговоры с Францией попрежнему вращались вокруг двух основных вопросов. С одной стороны, Франция добивалась заключения союзного договора с Августом II, согласно которому последний должен был выставить на время войны с Империей 30-тысячную армию с тем, чтобы ее главный удар был направлен или в сторону Пруссии, или в сторону Венгрии для оказания помощи венгерскому восстанию. В условия союза входило также французское посредничество на севере Европы, причем предусматривалась возможность вовлечения в состав антигабсбургского блока России.

Для самого Августа II наиболее ценным в предложенной ему из Версаля программе было французское посредничество в неудачной для него борьбе со шведской монархией. Между тем, представленный дю-Геро в августе 1701 г. проект договора предусматривал и такую возможность, при которой выступлению Августа не предшествовало предварительное примирение со шведами. Иными словами, ему предлагалось в таком случае вести борьбу на два фронта³. Последнее условие выдвигалось, очевидно, в связи с тем, что дю-Геро был уже к этому времени довольно хорошо осведомлен о воинственных настроениях Карла XII, знал даже о существовании у него детроизационных планов⁴. Это обстоятельство являлось наиболее слабым местом в затейной Францией дипломатической игре с Саксонией. Оно не могло не действовать отрезвляюще на саксонского курфюрста, продолжавшего медлить с подписанием союза с Францией⁵.

¹ Дела датские, 1701, № 2, л. 139. Деша Измайлова от 20 (31) августа 1701 г.

² Письма разных лиц на русск. яз., 1701, № 1, л. 51. В то же время Паткуль был приглашен на русскую службу.— Там же, лл. 88—92.

³ С. Томашівський. Ук. соч. «Записки Наук, т-ва имени Шевченка», т. 85, кн. 5, стр. 57.

⁴ Там же. Ук. соч., стр. 54, прим. 1.

⁵ Там же, стр. 58.

Но если Франция на самом деле стремилась к заключению союзного договора с Саксонией, то, с другой стороны, как это явствует из инструкции Людовика XIV к его посланнику в Швеции Боняку от 8 сентября 1701 г., шведскому союзу отдавали предпочтение перед саксонским, и по необходимости выбора между ними предпочитали остановиться на соглашении со шведами¹. Таким образом, окончательное решение вопроса об установлении прочного франко-саксонского сотрудничества и французской стороны резервировалось за Карлом XII.

Выше указывалось, что в августовском проекте франко-саксонского договора, предложенного дю-Геро польскому королю, предусматривалась возможность присоединения к нему России. В связи с этим дю-Геро, еще до того выдвигавший план привлечения русского правительства к борьбе с Габсбургами, вошел в сношения как с московским правительством, так и с русским посланником в Варшаве князем Долгоруким. Предложения, исходившие от дю-Геро, отнюдь не ограничивались вопросами торговли, хотя они имели место во время неоднократных бесед его с Долгоруким². Вот что передает нам, например, русский посланник в Варшаве о содержании этих бесед в депеше от 3 (14) сентября 1701 г.: «Да он же, посол французской,—отмечается в ней,—говорил, будто он всемерно труждается, паче агличан и галанцов, чтоб учинить мир между его царским величеством и короною шведской. И к своему пребывающему послу в Шведах писал, чтоб он всемерно королю шведскому говорил, чтоб искал миру с его царским величеством, а в продолжении войны обоим государствам прибылы никакой быть невозможно, кроме убытку, а хотя б де король шведской и уступя, как возможно, с его царским величеством мир получил»³.

Однако примирить Россию со Швецией оказалось делом еще более трудным, чем добиться примирения между Карлом и Августом, тем более что в воздухе уже носились планы совместного польско-шведского выступления против России. Поэтому установлению посредничества между Карлом и Августом уделялось гораздо больше внимания, хотя французская дипломатия и не намеревалась немедленно прекратить свои сношения с московским правительством. Наоборот, еще в ноябре 1701 г. дю-Геро при встрече с Долгоруким снова поднял вопрос о черноморской торговле и настаивал на открытии посвященных этому вопросу переговоров, ссылаясь на получение соответствующих инструкций от своего правительства⁴. Представления эти были повторены им затем в середине декабря 1701 г.⁵

Но если Франция отводила такое незначительное место в своих внешнеполитических планах вопросу привлечения к союзу против Габсбургов русского правительства, то и оно со своей стороны не проявляло интереса к перспективе продолжения начавшихся было после свидания в Биржах франко-русских переговоров. Причины этого вполне очевидны. В рассматриваемый нами промежуток времени главной задачей, которую ставило себе русское правительство в Польше, было возобновление русско-саксонского союза. Те неофициальные переговоры с поляками о союзе, которые вел в это время русский посланник в Варшаве, были в конечном итоге лишь средством для достижения этой основной цели. Но прежде всего надо было воспрепятствовать сепаратному миру Августа II со шведами. Россия

¹ Geffroy. Recueil, p. 212.

² Дела польские, 1701, № 25, лл. 66, 136 и др.

³ Там же, л. 66.

⁴ Там же, л. 136.

⁵ Там же, л. 167.

рассчитывала в этом главным образом на помощь Пруссии и других держав «великого союза», бывших враждебными Франции. Их посредничество предпочитали даже в том случае, если бы возникла необходимость вступить в сепаратные русско-шведские мирные переговоры. Все это отбрасывало Россию в лагерь, враждебный Франции, заставляло ее использовать рост французского влияния при шведском дворе в качестве жупела, с помощью которого можно было рассчитывать добиться от морских держав известной дипломатической помощи. Наконец, в Москве прекрасно отдавали себе отчет в том, что торговые переговоры России с Францией могли только ухудшить ее отношения с Англией и Голландией, как свидетельствует об этом письмо Головина к Матвееву от 5 (16) августа 1701 г.¹ Но главное — русское правительство не ждало себе никаких непосредственных выгод от помощи Франции. Об этом свидетельствовали письма Головина Долгорукому: «А ко французскому послу, — писал Головин в одном из своих писем, — против его писма отзовися еще до политики, а болше того писать нечего, мочно знать, что никакова добра сыскать себе у них вскоре не можем»².

Относительно характера французской политики можно было бы сказать гораздо больше. Дело в том, что ее постоянные усилия добиться примирения между Швецией и Саксонией по необходимой логике вещей придавали ей направление, безусловно враждебные России. Поэтому, несмотря на всякого рода уверения со стороны дю-Геро, что французский посланник при шведском дворе не ведет никаких переговоров с Карлом XII³, Долгорукий был все же уверен, что французская дипломатия действует враждебно по отношению к России и препятствует успеху польско-русских союзных переговоров⁴. В этом убеждал его и тот факт, что дю-Геро был наиболее тесно связан с той группой польских магнатов, которая составляла ядро анти-саксонской оппозиции и сочувствовала идее польско-шведского союза⁵. Нужно сказать, что подозрения Долгорукого совпадали с теми сведениями, которые московское правительство получало из Вены относительно характера французской политики в Польше. Князь Голицын доносил, например, ссылаясь на показание австрийского посланника в Варшаве, о том, что по французской интриге, «совокупясь швед с Полшею, хотя итти против всемилоствейшего нашего государя на пограничные городы»⁶. Правда, Долгорукому благодаря Кенигсеку было известно, что франко-саксонские переговоры о союзе не привели ни к какому реальному результату и что Август II все еще продолжает выжидать дальнейших событий. Об этом он поспешил осведомить свое правительство. В депеше от 25 ноября (6 декабря) 1701 г. говорилось, что «его королевское величество по се время с цесарским величеством, ни с королевским величеством французским алианцию не учинил, смотря по их нынешней войне, с кем учинить удобнее»⁷. Однако в дальнейшем в ходе его неофициальных переговоров о польском союзе ему еще раз пришлось убедиться в том, что посредничество французской дипломатии между Карлом и Августом наносит серьезный ущерб русским интересам. Уже в декабре 1701 г. выяснилось, что затеянные

¹ Письма разных лиц на русск. яз., 1701, № 1, л. 65.

² Дела польские, 1701, № 25, л. 105.

³ Там же, л. 111.

⁴ Депеша от 11 (22) ноября 1701 г. — Там же, л. 132.

⁵ Там же, л. 115.

⁶ Дела австрийские, 1701, № 4, л. 83.

⁷ Дела польские, 1701, № 25, л. 142.

по инициативе Августа II русско-польские переговоры не пользуются поддержкой польского короля. Долгорукому удалось узнать, что основной целью саксонской дипломатии в данный момент было достижение сепаратного мира со шведами, над которым давно работали французские агенты¹. Поэтому, перспектива франко-саксонского, а также шведско-саксонского союза представлялась ему теперь вполне реальной угрозой². Русский посланник окончательно терял доверие к польскому королю³.

Это не означало, конечно, немедленного разрыва переговоров с поляками. Наоборот, Долгорукий попрежнему настаивал на скорейшей присылке ему необходимых официальных полномочий, требовал перевода достаточных денежных средств для организации широкого подкупа влиятельных в Польшу сановников⁴. Переговоры о союзе велись им теперь непосредственно с примасом Радзеевским, обещавшим оказать ему всевозможную помощь⁵. Однако вскоре ему стала ясной двойная игра Радзеевского, бывшего в душе сторонником Швеции и открыто придерживавшегося французской ориентации. При таких условиях проявленные Долгоруким в конце 1701 г. усилия добиться заключения русско-польского союза против шведов, разумеется, не привели к желательным результатам. Условия, при которых этот союз мог превратиться в реальную возможность, еще не созрели. Ни король, ни поляки, в том числе и сторонники короля, не были готовы к энергичному выступлению против шведов. Король надеялся на сепаратное соглашение с Карлом, а громадное большинство шляхты с воодушевлением приняло план великого коронного гетмана, предлагавшего нейтральной Речи Посполитой выступить в качестве посредника между Швецией и Саксонией.

Между тем, именно в декабре 1701 г. Долгорукому удалось получить еще более важные сведения, окончательно восстановившие его против Августа II Саксонского. Речь идет о сведениях, полученных им нелегальным путем из королевской канцелярии и содержащих данные о плане абсолютистского переворота в Речи Посполитой. Август II рассчитывал провести его, опираясь на помощь соседних держав, которых предполагалось вознаградить за счет частичного раздела польской территории. Вот что говорилось в депеше Долгорукого от 3 (14) декабря 1701 г.: «Из его королевского величества кабинету ведомость получил, будто его королевское величество, получа с шведом мир, желает поломать волность полскую и учинить в Полше монархию. Чтоб в нынешнее время сейму его королевскому величеству тайно отъехать в Саксонию, дабы по отъезде его королевского величества поляки великие гласы чинили, а в доме без его королевского величества какое учинили грабительство или безчестность, и его б королевскому величеству за ту полскую непотребную волность просить помочи и обороны у его царского величества, и у цесарского величества, и у королевского величества прусского, и у короля шведского. И за то цесарскому величеству уступить полских несколько городов, которые лежат близко к цесарской границе, прусскому королю — достальные полские Лифлянты, а самому б его королевскому величеству, собравшись с саксонскими войски, притить войною в Полшу и волность полскую поламать и учинить монархию в Короне полской и княжестве Литовском»⁶.

¹ Депеша от 14 (25) декабря 1701 г.— Там же, лл. 165—166.

² Там же, лл. 166—167.

³ Депеша от 9 (20) декабря 1701 г.— Там же, л. 158.

⁴ Там же, л. 157.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 148.

К сожалению, документ этот не говорит о той территориальной компенсации, которая предназначалась за поддержку абсолютистского переворота России и Швеции. Впрочем, относительно русской доли мы можем судить на основании следующего донесения князя Долгорукого от 14 (25) декабря 1701 г. В нем указывалось, что Август «будет обещать Могилев или какое иное место к тому подобно...»¹. Но помимо того, к совершению абсолютистского переворота должны были быть привлечены Палей и Крым. «Также бутто изволит призывать к себе на помощь крымцов и Палея», — узнаем мы из депеши Долгорукого от 3 (14) декабря 1701 г.²

Для нас самое главное отметить, что изложенный русским посланником план раздела Речи Посполитой не предусматривал ни полного уничтожения, ни даже значительного сокращения ее территории. Территориальная компенсация соседей предполагалась только за счет пограничных районов, в то время как основная часть страны должна была превратиться в абсолютную и наследственную монархию, составив вместе с Саксонией новое обширное государственное объединение в центре Европы. Но именно это последнее обстоятельство и было ахиллесовой пятой задуманного Августом II плана раздела Польши, без сомнения, носившего все черты авантюристического предприятия. Обстоятельство это было немедленно оценено русским посланником в Варшаве, подчеркивавшим в своей депеше в Москву, что соседи Польши не согласятся с таким решением польского вопроса и что оно не отвечает собственным государственным интересам России. «А я чаю, — писал он, — то болши не может состоятца, толко б в тех вымыслах не потерять вовсе полской короны. Также и окрестные государи для политики полской волности ломать не пожелают. А и нам гораздо то непотребно, лутче то, чтоб поляки в старой своей волности пребывали»³. Таким образом, по мнению князя Долгорукого, для абсолютистского переворота в Польше не было ни внутренних, ни международных предпосылок. Что же касается русского отношения к проекту раздела Польши, то враждебная позиция, занятая в этом вопросе Долгоруким, объясняется, прежде всего, двумя следующими моментами. Во-первых, раздел Польши предполагался лишь в результате предварительного примирения Августа II со шведами, во-вторых, раздел этот связывался с перспективой франко-саксонского сотрудничества. Не могли не вызвать у Долгорукого опасений и слухи о сношениях Августа II по этому поводу с крымским ханом, исконным врагом русского государства⁴. Наконец, даже в случае успеха задуманной Августом политической акции, не было никакой гарантии, что в дальнейшем саксонская политика не встанет на путь, открыто враждебный России.

Именно об этом и писал Долгорукий своему правительству, когда 14 (25) декабря 1701 г. запрашивал новые инструкции в связи с открывшимися абсолютистскими замыслами Августа Саксонского. «Изволте ко мне писать, — говорилось в его депеше, — не мешкав, ежели могу признать, что королевское величество для монархии будет иметь противность против Речи Посполитой, возможно ль мне секретно того не допускать. Гораздо нам потребнее, дабы не отнята была волность полская. А на нынешнюю дружбу (Августа. — В. К.) надеяться вовсе невозможно. И чаю, к стороне его царского величества его королевское величество будет обещать Могилев или какое иное место к тому подобно. Изволте рассудить, что может быть

¹ Дела польские, 1701, № 25, л. 168.

² Там же, л. 148.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 166.

от здешней монархии в предбудущие лета»¹. Таким образом, если на этот раз русский дипломатический агент и высказывался против частичного раздела Польши и укрепления королевской власти, то к этому его принуждали не какие бы то ни было программные соображения, а конкретные интересы его государства и избранный самим Августом II политический курс, далеко не совпадавший с непосредственными стремлениями русского союзника. Зато для Франции план этот при всех обстоятельствах представлял несомненную выгоду. Недаром, по свидетельству того же Долгорукого, «все те вымыслы делаютца чрез Бейклинга от посла французского для того, чтобы оторвать от помочи нынешней войны французской цесарских союзников»². В самом деле, переворот в Польше должен был надолго приковать к себе внимание и отвлечь с западного театра военных действий значительные силы не только австрийского союзника Пруссии, но, прежде всего, крупные силы самой Империи.

IX

Непосредственная угроза саксонскому плану монархического переворота в Польше грозила, однако, прежде всего, со стороны Швеции. Это не значит, конечно, что ему сочувствовали в Австрии. Рассматривать последнюю как силу, враждебную абсолютистским замыслам Августа, мы вправе не только на основании тех общих соображений, которые были приведены нами только что. Враждебность ее — факт вполне доказуемый документально, если мы вспомним русско-австрийские переговоры 1701 г. в Вене, во время которых австрийское правительство откровенно объявляло себя решительным противником абсолютистского переворота в Речи Посполитой. Таким образом приходится констатировать, что три соседа Речи Посполитой в силу различных мотивов и обстоятельств являлись противниками задуманного Августом II плана действий. Исключение придется сделать быть может только для Пруссии, неизменно поддерживавшей выдвигаемые Августом планы раздела и стремившейся увеличить свою территорию за счет Польши.

Но в конкретных условиях конца 1701 г. прямым и наиболее решительным противником Августа II мог явиться шведский король, находившийся в состоянии войны с ним. Вся предыдущая политика Карла XII, наметившаяся с начала 1701 г., связь его с польской антисаксонской оппозицией и детронизационные планы толкали шведского короля именно в этом направлении. В течение второй половины 1701 г. детронизационные замыслы Карла XII не только приобрели гораздо более четкие контуры основного направления шведской внешней политики, но и перестали быть секретом для широких слоев польского шляхетского общества. В конце концов, Карл XII высказался за гарантию польской конституции, выдвинув параллельно план детронизации Августа II. Ход событий в Литве, а также оккупация шведами Курляндии и части Жмуди, явились теми благоприятными условиями, которые побуждали шведского короля торопиться с открытым провозглашением подобного внешнеполитического курса.

Дело в том, что летнему сейму 1701 г. так и не удалось добиться примирения враждующих в Литве партий. Король, правда, назначил для урегулирования спора между ними комиссию в составе примаса и нескольких сенаторов. Однако деятельность ее не дала никаких результатов, поскольку

¹ Дела польские, 1701, № 25, л. 168.

² Там же, л. 148.

ку литовская шляхта ставила непременным условием возвращения Сапегам их имений лишение их принадлежащих двум старшим представителям сапежинского дома должностей — великого литовского гетмана и литовского подскарбия¹. В дальнейшем, несмотря на помощь, оказанную Сапегам великим коронным гетманом², дела их в Великом княжестве Литовском ухудшились. Вскоре они вынуждены были официально заявить о том, что в случае отказа короля оказать им немедленную вооруженную помощь они вынуждены будут искать иностранной защиты. Об этом заявлении уже в конце сентября 1701 г. стало известно и в Москве. По полученным здесь сведениям, «литовской великой подскарбий просил короля, чтоб он возмущение в Литве усмирил и чрез сие малые их и его фамилии остатки оборонил, в противном случае в том бы его не осудил, когда они к своему сохранению чужаго защищения искать станут»³.

Между тем, как это явствует из августовских депеш князя Долгорукого, заявление Сапег королю было сделано после того, как они уже вступили в прямые сношения с Карлом XII, причем целью этих сношений было изгнание из страны Августа II. Вот что на этот счет сообщает Долгорукий в своей депеше от 21 августа (1 сентября) 1701 г.: «Здесь конечно ведомость получена, о чем и сам его королевское величество со мною изволил говорить, что етман Сапега имеет конференцию и дружбу с шведами, и соспону умышляют над его королевского величества короною»⁴. Таким образом, заявление Сапег должно было только оправдать уже существующий факт сговора их с Карлом XII. Пребывание шведов в Курляндии и частично в Жмуди открывало им полную возможность оказать Сапегам действительную военную помощь. Шведские отряды вскоре на самом деле появились на территории Великого княжества и открыли военные действия против литовской шляхты под предлогом защиты маентностей Сапег⁵. Обычно шведские экспедиции такого рода сопровождалась наложением на население непосильных контрибуций деньгами и провиантом⁶. Все это скоро привело к тому, что литовская шляхта, объединившаяся вокруг Огинского и Вишневецких, фактически оказалась в состоянии войны со шведами⁷. Это было само по себе уже достаточно серьезным фактом, значение которого, впрочем, в полной мере должно было сказаться несколько позже.

Оккупация Курляндии толкнула Карла XII на открытое провозглашение конечных планов шведской политики по отношению к Августу II. Дело в том, что в связи с вступлением шведских войск на территорию Речи Посполитой сначала примас, а потом и оба подканцлера вынуждены были обратиться к шведскому королю с требованием вывести войска из пределов страны и не нарушать мира с нею. Примас от имени короля выступил даже с предложением мира⁸. Ответ Карла, исполненный угроз по адресу Августа II, обвинявший его в нарушении мира с шведами и в абсолютистских замыслах, не только оказался отрицательным по существу, но и прямо призывал к свержению Августа с польского престола. В том же смысле был составлен шведский манифест к Речи Посполитой.

¹ Г. Шмитт. Ук. соч., стр. 147.

² Дела польские, 1701, № 25, л. 53.

³ Письма разных лиц на русск. яз., 1701, № 3, л. 12.

⁴ Дела польские, 1701, № 25, л. 73.

⁵ Г. Шмитт. Ук. соч., стр. 148.

⁶ Там же.

⁷ Дела польские, 1701, № 25, л. 142.

⁸ Г. Шмитт. Ук. соч., стр. 148.

Шведский король повторял в нем свои обвинения против польского короля и требовал его детронизации, угрожая в случае отказа последнего отречься от престола вторгнуться в страну¹. Нужно сказать, что, действуя таким образом, Карл совершенно не учитывал происшедших уже перемен в умонастроении подавляющего большинства шляхетского сословия и фактически только затруднял враждебную королю деятельность антисаксонской оппозиции в Польше. После вывода саксонских войск угрожающее письмо Карла к примасу вызвало лишь возмущение среди шляхты многих воеводств, собравшейся на сеймики и решительно выступившей в защиту Августа II². В результате примас оказался вынужденным вести в высшей степени рискованную двойную игру, при которой, с одной стороны, он должен был протестовать против шведского вторжения в страну, вести переговоры о русско-польском союзе с князем Долгоруким и в то же время, с другой, — поддерживать тесные сношения с шведским двором.

О характере этих сношений ходили вполне определенные слухи. Саксонский дипломат Кенигсек говорил, например, князю Долгорукому еще в конце ноября 1701 г., что в тайных шведских предложениях Радзеевскому содержится предложение Речи Посполитой совместно с шведами возобновить борьбу с Россией за возвращение Киева и Смоленска. Долгорукий, однако, не сразу поверил своему саксонскому собеседнику, подозревая за его словами скрытую интригу саксонской дипломатии³. Но в депеше от 3 (14) декабря 1701 г. ему пришлось, тем не менее, еще раз подтвердить наличие при польско-саксонском дворе подобных слухов относительно содержания шведских предложений примасу, с той только разницей, что на этот раз говорили не только о предложении союза против России, но и о предложении союза против Пруссии⁴. Наконец, 21 декабря 1701 г. (1 января 1702 г.) Долгорукий уже с полным убеждением доносил своему правительству о существовании сговора между Сапегами, примасом и шведами, целью которого была детронизация Августа II и избрание на польский престол Якуба Собеского, после чего должно было последовать совместное польско-шведское выступление против России⁵. Сообщение это, как мы уже видели, подтверждалось и из Вены, откуда князь Голицын неоднократно сообщал о детронизационных планах Карла XII и его польских сторонников. 28 декабря 1701 г. (8 января 1702 г.) в своей депеше в Москву он еще раз доносил об этих планах. Несмотря на известный фантастический оттенок переданных им известий, все же некоторая доля правды в них была. «Посланник швецкой, — писал Голицын, — здесь секретно цесарю объявил, что король швецкой в нынешней сейм придет в Варшаву на 5000 конях, и многих купил поляков, которые к тому сейму будут с ним против короны польской»⁶.

Таким образом, в течение 1701 г. постепенно приоткрывалась завеса над польскими планами Карла XII и над тайной деятельностью его польских сторонников. Возбуждение реваншистских по отношению к России настроений польской шляхты, ссылки на заговор Августа II и Петра против польской конституции, — все это использовалось шведской политикой для организации переворота в Речи Посполитой, изгнания польского коро-

¹ Г. Шмитт. Ук. соч., стр. 148.

² Письма разных лиц на русск. яз., 1701, № 3, л. 12.

³ Депеша от 25 ноября (6 декабря) 1701 г. — Дела польские, 1701, № 25, л. 141.

⁴ Там же, л. 147.

⁵ Там же, л. 169.

⁶ Дела австрийские, 1701, № 4, л. 175.

ля и продолжения с польской помощью войны против России. Карл XII решил объявить свои планы в весьма неблагоприятной обстановке. Для польской оппозиции, для примаса, Сапег и Лещинских была совершенно очевидна преждевременность подобного выступления. С их стороны, по свидетельству Станислава Понятовского, бывшего посредником в переговорах между ними и Карлом, делались даже робкие попытки удержать его от этого шага. Они прекрасно понимали, как пагубно может этот план отразиться на их собственных позициях в Польше, ибо действовать им приходилось в атмосфере, гораздо более благоприятной для Августа II, чем когда-либо¹. Но Карл упорствовал², считаясь, очевидно, с другой возможностью, при которой промедление позволило бы Августу II окончательно восстановить свои военные силы и укрепиться в Речи Посполитой, привлекая на свою сторону вечно колеблющуюся шляхту.

Но если объявление Карлом XII его детронизационных планов встретило в этот момент такое характерное, хотя и не слишком упорное сопротивление со стороны его польских сторонников, то и в самой Швеции существовала, повидимому, довольно внушительная группировка, не сочувствовавшая программе его внешней политики. К этой группировке принадлежал престарелый канцлер Уксеншерна, представивший королю 5 марта 1702 г. обширный мемориал с подробным изложением своих возражений против намеченного Карлом XII внешнеполитического курса. Целью этого мемориала было добиться от короля решения изменить не только его польскую политику, но и внешнеполитическую ориентацию Швеции. Уксеншерна являлся последовательным сторонником прочного союза с морскими державами.

Основная цель, которая, по мнению Уксеншерны, стояла в настоящий момент перед Швецией, заключалась в том, чтобы добиться от Августа II удовлетворения и получить от него компенсацию за убытки. Но можно ли сделать это за счет Саксонии путем вторжения на ее территорию шведской армии? Нет, нельзя, хотя такой выход может быть и был бы наиболее правильным³.

Канцлер хорошо понимал, что шведское вторжение в Саксонию могло бы только усилить Францию. Именно для нее, прежде всего, был бы выгоден такой поворот событий⁴.

Но, если такие резкие возражения вызывал проект непосредственного удара от Саксонии, то может быть следовало остановиться на плане вторжения на территорию Речи Посполитой с тем, чтобы добиться от нее удовлетворения или изгнания Августа с польского престола. Но план вторжения на территорию Польши, по мнению канцлера, не может быть одобрен в силу того, что это вызовет со стороны поляков энергичное вооруженное сопротивление (канцлер напоминал при этом исход польско-шведской войны в середине XVII в.). Кроме того, следует постоянно иметь в виду, по его мнению, и то обстоятельство, что результатом польско-шведской борьбы явится непомерное усиление России. К тому же Швеция имела все основания опасаться усиления только что разбитой Дании и Пруссии⁵, которые являлись ее врагами.

¹ S. Goridnow. Le Journal d'un frère d'armes de Charles XII, p. 13—14.

² Там же, ср. К. Кантеcki. Stanisław Poniąkowski, kasztelan krakowski, ojciec Stanisława Augusta. Poznań, 1880, str. 1—7. Nisbet Bain. Ук. соч., стр. 100.

³ Дела шведские, 1702, № 6, л. 15.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 16.

Вместе с тем Уксеншерна выступал энергичным противником детронизационных планов Карла XII и обвинял короля в том, что, выдвигая эти планы, он не принимал в расчет целого ряда серьезных обстоятельств и, прежде всего, силу католического влияния в Речи Посполитой. Между тем, Август II — католик, и принятие им католичества было крупнейшей победой Рима. С другой стороны, нет никаких оснований целиком полагаться на польских магнатов, которые в решительную минуту могут легко изменить и порвать со своей прошведской ориентацией¹. Наконец, сама идея детронизации короля безусловно противна настроениям широких кругов польской шляхты. Вооруженное столкновение между Карлом и Речью Посполитой представляется канцлеру выгодным только для Франции, так как война между ними, во всяком случае, принудит шведов отказаться от мысли оказать вооруженную помощь «великому союзу». Именно поэтому Франция поддерживает детронизационные планы шведского короля².

Но какую же позитивную программу предлагает сам Уксеншерна? Разумеется, необходимо, прежде всего, добиться расположения Речи Посполитой. Для этого, по его мнению, есть два удобных средства: во-первых, обнародовать скрытые замыслы Августа II, стремившегося нарушить польские вольности, подчеркнув вместе с тем, что только успех шведского оружия привел к их полному крушению, во-вторых, выдвинуть в качестве соблазнительной для поляков приманки обещание помочь в деле возвращения потерянных областей на Украине и Смоленска³. Затем с помощью своих «друзей» (под ними канцлер понимал участников «великого союза») добиться передачи Швеции Курляндии в качестве залога под обеспечение причитающегося ей вознаграждения убытков со стороны поляков⁴.

С другой стороны, обладание Курляндией поставило бы и Речь Посполитую в прочную зависимость от шведского правительства, поскольку в случае ее отказа от удовлетворения шведских претензий, шведы всегда смогут удержать за собой эту провинцию. Но, решив таким образом польский вопрос, «Ваше Величество с честью сможет воротиться из Литвы назад».

Итак, вопрос об изгнании Августа II из Польши и лишении его польской короны, по мнению шведского канцлера, находился в тесной связи с вопросом о выборе основной внешнеполитической ориентации Швеции. Ориентироваться можно было как на Францию, так и на «великий союз», однако второй вариант представлялся ему гораздо более выгодным. Недаром именно к нему склонялся и шведский противник — Август II Саксонский, несмотря на то, что Англия явно предпочитала союз с шведами. «А что король польский с великим стеснением в таком виду» сам обещает и дает свои войска «великому союзу», — подчеркивает Уксеншерна, — то этого от него «требует» *ratio status* (взгляд на государственное состояние)⁵.

Союз с морскими державами, — писал далее в своем мемориале Уксеншерна, — значительно поправит финансовое положение Швеции и обеспечит ее государственную безопасность. «Без них (сие морских сил) ни дацкого короля бы невозможно было привести к разуму и правде, ни Нарве и Лифляндии успеть на выручку»⁶. Наконец, и это вполне в силах «великого союза», — принудить Речь Посполитую и Августа Саксонского пол-

¹ Дела шведские, 1702, № 6, л. 17.

² Там же, л. 18.

³ Там же, лл. 17—18.

⁴ Там же, лл. 18, 19.

⁵ Там же, л. 19.

⁶ Там же.

ностью возместить шведам понесенные ими военные убытки. В его возможностях даже превратить Саксонию в совершенно безопасного для шведов соседа.

Опираясь на союз с морскими державами, можно было бы не только полностью обеспечить себя со стороны Речи Посполитой и польского короля, но и принять участие в ликвидации той угрозы европейскому равновесию, которую представляет собой сейчас Франция Людовика XIV, тем более, что в шведских интересах — сохранение этого равновесия¹.

С другой стороны, «колиб по тому Ваше Величество без иждивения и убыли, труда и бедства могло быть надежно и улучило бы свое окончание, так в удовлетворении, как и надежности от одного своего неприятеля, сие есть короля полского,— то бы могло промеж тем временем Ваше Величество употребить угождения, дабы оборотить свое победительное оружие против другага, сиречь Русака, где бы Вашему Величеству болше счастья и удачи улучить было можно», тем более, что усиление Стокгольма за счет России не вызвало бы ни у кого никаких протестов².

Проводимая же в настоящий момент политическая линия, по мнению Уксеншерны, означает по существу войну на два фронта. Но такая война, в конце концов, неизбежно должна будет привести шведский государственный корабль к крушению: «Зане буде мы пота, пока мы Русака позад спины своей имеем, впадем в войну с Речью Посполитой Полскою, то я принужден исповедать, что я чрез или поводом искуства с великим попечением напред вижу и представляю себе такую abyssum (пропасть, необъемлемую пустоту) и бедство, что мне приходится остановится с моими помышлениями»³. Канцлер предвидел, правда, и другой выход, при котором следовало бы немедленно обезопасить себя мирным договором с Россией с тем, чтобы только после этого добиваться выполнения выдвинутых шведским королем детронизационных планов. Но выход этот представлялся ему наименее выгодным во всех отношениях⁴.

Итак, немедленный мир с Речью Посполитой и Августом II на условиях временной оккупации Курляндии в обеспечение следуемого Швеции вознаграждения военных убытков, союз с морскими державами и решительная борьба с Россией — вот та программа, которую заключал в себе мемориал от 5 марта 1702 г. Правда, на случай удачного исхода борьбы с Россией канцлер предвидел возможность возобновления войны с Августом II даже в том случае, если бы на его стороне оказалась и вся Речь Посполитая Польская. «Коли бы тако,— говорилось в его мемориале,— чрез божие вспоможение Русак придавлен был, а с полскую сторону еще бы удовлетворения не сделано было, тогда бы то дело, буде бы Ваше Величество по состоянию времени так за добро обрело, с королем полским опять снова начать можно и своего искать, хотя бы и против самой Речи Посполитой»⁵. Главным принципом, однако, должно было оставаться одно — избежать войны на два фронта, учитывая, что быстро укрепляющаяся Россия является основным противником шведов.

Программа Уксеншерны не была однако принята Карлом XII. Из двух возможных внешнеполитических ориентаций избрана была французская, правда, только в условном смысле этого слова, поскольку, как покажут

¹ Дела шведские, 1702, № 6, лл. 19—21.

² Там же, л. 20.

³ Там же, л. 19.

⁴ Там же, л. 21.

⁵ Там же, л. 20.

дальнейшие события, шведское правительство отнюдь не намеревалось подчинить полностью свою политику интересам версальского кабинета. В конкретных условиях начала 1702 г., как это утверждал и сам Уксеншерне, ориентация эта означала энергичное проведение в жизнь плана детронизации Августа II. В проведении этого плана Карл XII мог смело рассчитывать на помощь французской дипломатии. Представителем этой так называемой французской ориентации в противоположность Уксеншерне, преданному идее союза с морскими державами, выступал теперь наиболее приближенный к шведскому королю министр Пипер, на влияние которого еще в сентябре 1701 г. делал свою главную ставку Версаль¹.

Февраль — март 1702 г. явились тем решающим периодом, в течение которого окончательно определилась как дальнейшая ориентация шведского правительства, так и его дальнейшая политика по отношению к Речи Посполитой и к Августу II². Возможно, что известную, хотя все же и не основную роль в этом выборе сумела сыграть французская дипломатия, для которой теперь, в условиях решительного поворота Августа в сторону сближения с «великим союзом», было крайне важно сковать саксонские силы в Польше и отвлечь вместе с тем на Восток внимание Империи³. Нужно отметить вместе с тем, что этот выбор, помимо канцлера, находил себе противников среди целого ряда влиятельных шведских генералов, в том числе Ренскюльда и Стенбока, считавших поход на Речь Посполитую крайне опасной авантюрой⁴. Карл, однако, не думал считаться ни со своими советниками, ни с тем тяжелым финансовым положением, в котором очутилось в результате войны его государство⁵. Повидимому, именно в связи с этим последним обстоятельством в Швеции усиливается рост мирных настроений, о котором так подробно осведомлял свое правительство русский резидент в Стокгольме князь Хилков. «И zelo верно, — доносил Хилков в своей депеше от 24 декабря 1701 г. (4 января 1702 г.), — здесь начнутся миру с милостивым нашим государем и з королевским величеством полским и просят бога о том, чтоб так случилось. А zelo все их государство от податей разорилось. И ныне набирают вновь людей за денги двух тысяч, а не набрали еще ста человек, и взять их негде. И в денгах великую скудость имеют, а купецкие люди все zelo разорились от кораулов и от податей и во многом отказывают. И две недели отсель назад взяли у галанцов 200 т. рублей в долг, а буде мир будет еще им галанчане обещали 300 т., а свейскому за то дать им в помощь против француза слишком 20 т. людей. И за то агличане и галанцы работают о миру. А естли мир не состоится, и те денги галанчане возмут назад, а вновь не дадут им ничего. А я истинно начаюсь, естли еще год войны будет, и ныне мир не состоится, ей им людей и денег взять будет негде, и все без остатку разорятся, буде другие им помощь не учинят. А чаю, что ныне всякому до себя, потому что между всеми война»⁶. Делешами от 28 января (8 февраля) и от 21 мая (1 июня) 1702 г. Хилков еще раз подтвердил эти свои известия о росте мирных настроений в Швеции⁷.

¹ Geffroy. Ук. соч., стр. 208—209.

² Jagoschowski. Dzieje, str. 17.

³ Там же, стр. 18.

⁴ Там же, стр. 17.

⁵ М. Бородин. История Финляндии. Время Петра Великого. СПб., 1910, стр. 175, 176. Берендтс, Государственное хозяйство Швеции, т. 1, СПб., 1890, стр. 418—437.

⁶ Дела шведские, 1701, № 2, л. 38.

⁷ Там же; 1702, № 1, лл. 1, 16.

Решение, принятое Карлом XII в феврале — марте 1702 г., означало неизбежное развязывание войны против Речи Посполитой. Мотивы, приведшие шведского короля к нему, были названы уже в цитирувавшемся выше мемориале Уксеншерны: это было стремление решительным образом обезопасить свой тыл и фланг со стороны Польши. Разумеется, такая четкая позиция Карла не могла не повлиять на ход дальнейших событий в Речи Посполитой, не могла не изменить планов саксонской и французской дипломатии. Уже в марте 1702 г. было ясно, что Август решительно поворачивается в сторону «великого союза» в то время, как Франция готовилась оказать энергичное содействие шведским детронизационным планам.

Необходимо теперь выяснить те обстоятельства, при которых совершались эти знаменательные перемены в политике Франции и Саксонии. Здесь подчеркнем только, что решение Карла XII двинуться в глубь территории Речи Посполитой сыграло огромную роль во всей дальнейшей судьбе Северной войны, в известной мере определив катастрофический для шведской монархии исход ее. «Решение это, — говоря словами Ераховского, — в известном смысле является роковым переходом через Рубикон в карьере Карла XII, фактом, катастрофически отразившемся на всей его будущей судьбе»¹. В то время, как в течение целых пяти лет превосходная шведская армия будет без отдыха преследовать неуловимого Августа II, теряя в погоне за ним свои лучшие кадры и драгоценное время, в это время Россия, могущественный противник Швеции, сумеет собраться с силами, реформировать свою армию, овладеть частью Прибалтики и подготовить смертельный удар по вторгшемуся в ее пределы врагу.

X

Среди угрожающих обстоятельств конца 1701 г., когда Карл в своем послании примасу открыто высказывался за свержение Августа II с польского трона, 22 декабря открылись заседания сейма в Варшаве. Король попрежнему призывал его объявить войну шведам², что не означало, конечно, что он на самом деле окончательно отказался от мысли достичь с ними сепаратного соглашения. Подобно тому, как это было в течение почти всего 1701 г., так и теперь, в начале 1702 г., стремление договориться с Карлом XII составляло основной стержень саксонской внешней политики.

Первым вопросом, которым была вынуждена сразу же заняться посольская изба, был литовский вопрос, поскольку междоусобия в Великом княжестве, катастрофически отразившиеся на положении Сапег, побуждали их обращаться за иностранной помощью. Для Карла XII обстоятельство это создавало прекрасный предлог для вмешательства во внутренние дела Речи Посполитой, с его помощью он мог надеяться, оказав поддержку одной из борющихся сторон, заручиться прочными союзниками среди польско-литовского господствующего сословия. Вот что писал, например, о характере шведской политики в Литве Долгорукий в своей депеше от 5 (16) января 1702 г.: «Неприятель не всех равно озлобляет. Которые с Огинского сторону — всех разоряет, а другим обид никаких не чинит»³.

Несмотря на огромные трудности, которые необходимо было преодолеть на сейме, примирение между враждующими литовскими партиями

¹ Jarochowski. Ук. соч., стр. 17.

² Г. Шмитт. Ук. соч., стр. 149.

³ Дела польские, 1702, № 7, л. 6.

все же в конце концов было достигнуто¹. Сапегам возвращались их имена, честь и должности, а взаимные обвинения предавались забвению².

Следующим вопросом, требовавшим немедленного разрешения, был вопрос о шведском вторжении на территорию Речи Посполитой. Король требовал от сословий объявления войны шведам, но большинство мнений склонялось к тому, чтобы прежде испытать путь посредничества нейтральной Речи Посполитой. Несмотря на довольно сильные позиции, которые занимали на сейме оппозиционные и враждебные Августу II элементы, настроение большинства было все же благоприятным для саксонского дела. Об этом настроении и о значении принятых сеймом решений мы можем судить на основании свидетельств, по крайней мере, трех хорошо осведомленных людей. Вот что говорится, например, по этому поводу в письме саксонского дипломата Кенигсека: «Ныне объявляю,— писал он в середине января 1702 г.,— что сейм еще продолжается. Однакож, земских послов маршалка еще не обрали. И намерены депутаты наперед примирение между господами Огинскими и Сапегою поставить и потом, после избрания маршалка, сейм продолжать, и посолство к королю швейскому послать, ево спрашивать — хочет ли он в Литве и Курляндии с войском своим долее пребывать. И при том бы посолство такое объявление королю швейскому учинило, что Речь Посполитая намерена войну против его объявить, естли он тотчас с войском своим из Литвы и Курляндии не выйдет и у короля нашего отнятую артиллерию, которую он Речи Посполитой подарил, сполна назад не отдаст... Но то трудно будет,— подчеркивает и сам Кенигсек,— ибо швед крепко намерен Курляндию за собою одержать. И чаю я крепко, что Речь Посполитая купно в швейскую войну вступит, хотя многие (и большая часть) сей войне противны суть, так что сие две факции (одна к войне склоняющаяся, а другая к тому противляющаяся) друг з другом неприятельски проступают»³.

Но если так оптимистически смотрел на перспективы вступления в войну Речи Посполитой саксонский дипломат, то надежды его полностью разделялись и Долгоруким и работавшим в этот момент в Варшаве совместно с ним Паткулем, перешедшим уже на русскую службу⁴. Его смущала только позиция, занятая Августом II. «Дай боже,— писал он,— не отменилось доброе намерение высокой особы. А поляки от неприятеля гораздо озлоблены»⁵. Почти теми же словами характеризует положение, сложившееся в результате сеймового решения отправить к Карлу XII польское посольство, и Паткуль. Для него очень важно, что неоднократные попытки шведских сторонников сорвать сейм не удались до сих пор и что сейм в целом расположен в пользу Августа II. «Здесь сейм,— писал он 31 января (11 февраля) 1702 г.,— хотя оной сначала весьма противно его королевского величества являлся быти, ныне же весьма иной вид восприял. Ибо зломышленные, которые швейскую сторону без опасения и явственно защищали, хотя литовские ссоры уже и усмирены были, никакого иного желания не имели, кроме того, чтоб токмо сейм разорвать и к тому привесть, чтоб о швейской войне ничего постоянного невозможно было поста-

¹ Дела польские, 1702, № 7, л. 5.

² Там же, л. 15.

³ Там же, № 8, л. 1.

⁴ «И по нынешнему их, полскому, намерению,— писал в связи с этим 23 января (3 февраля) 1702 г. русский посланник,— которые из них и не желают быть войне — чаю, и поневоле на то принуждены будут». Дела польские, 1702, № 7, л. 20.

⁵ Дела польские, 1702, № 7, л. 20.

новить»¹. Тем не менее, сейм продолжался и постановил даже отправить к Карлу посольство, «дабы ему донести, что Речь Посполитая грамоту, которую король швейцарской к Речи Посполитой писал и оной совершения с престола короля предлагал, прочитав повелела, и содержания оной со ужасом слышала. Но по должности своей быть возмнили такое объявление и ответ учинили, что Речь Посполитая от короля не отступит, но имение и кровь свою за его оборону полагати хочет»². Вмешательство Речи Посполитой в конфликт между Карлом и Августом, по мнению Паткуля, могло явиться толчком к вступлению в войну поляков. «Можете, Ваше превосходительство,— писал он Головину,— легко разсудити, возможно ль на такое предположение³, принятого ответу на сию страну чаять. Между тем же, здесь у правомышленных постановлено, что если король швейцарской на то не склонится, то б ему войну объявить и оную силою продолжать. Тако состоит вступление Речи Посполитой токмо в том, чтоб король швейцарской заупрямился и не уступил»⁴. Решение об отправлении посольства к Карлу XII было по существу последним важным решением, принятым на сейме. Тайная инструкция посольству была составлена в королевской канцелярии и утверждена примасом и маршалком посольской избы. Зато может быть самый главный вопрос — об обороне Речи Посполитой — так и не был обсужден, поскольку 8 февраля 1702 г. сейм был сорван ковенским послом Пацем⁵.

Впрочем, и после срыва сейма позиции короля продолжали оставаться довольно устойчивыми. 16 февраля 1702 г. им была созвана сенаторская рада, постановившая немедленно отправить посольство в шведский лагерь, разослать два первых воззвания (вици) посполитому рушению и созвать после возвращения посольства экстраординарный сейм. Кроме того, сошлись на том, чтобы обратиться к посредничеству держав, подписавших Оливский мирный договор⁶. Таким образом, в результате многочисленных заседаний сейма, а затем заседаний сенаторской рады, возобладала точка зрения большинства польской шляхты, принявшей план великого коронного гетмана Яблоновского, — испробовать прежде всего пути мирных переговоров с шведами при участии и посредничестве Речи Посполитой.

Несмотря на то, что вмешательство поляков открывало блестящие перспективы на вооруженное выступление их против шведов, отражая, таким образом, ту сторону плана Яблоновского, на которую он совсем не рассчитывал, когда в середине 1701 г. предлагал его, мирное посредничество Речи Посполитой на известный промежуток времени снимало с повестки дня вопрос о продолжении русско-польских союзных переговоров.

Мы уже говорили о той неудаче, которая постигла Долгорукого еще в начальной стадии этих переговоров. В период сеймовой борьбы русский посланник мог еще раз убедиться, что почва для русско-польского союза еще не созрела и что до выяснения результатов посольства к Карлу XII нет никаких оснований надеяться на удачный исход его попыток договориться

¹ Дела польские, 1702, № 17, л. 5.

² Там же.

³ Речь идет о польском требовании покинуть пределы Литвы и Курляндии и вернуть артиллерию.

⁴ Дела польские, 1702, № 17, л. 5.

⁵ Деша Долгорукого от 30 января (10 февраля) 1702 г.; Г. Шмитт. Ук. соч., стр. 149.

⁶ Г. Шмитт. Ук. соч., стр. 150.

с поляками¹. Правда, уже во время созванной в феврале 1702 г. сенатской рады, на ее заседаниях вопрос о посылке в Москву польского посольства поднимался еще раз². Но и на этот раз возобладало мнение, считавшее необходимым попытаться предварительно достичь соглашения с шведами³. Во всей этой неудаче Долгорукий придавал особое значение тому факту, что в данный момент прежде всего сам Август II оказывался противником союза с Россией и предпочитал прекратить войну, сепаратно договорившись со шведами⁴. «Истинно б все учинить в поляках возможно,— писал Долгорукий в своей депеше от 11 (21) февраля 1702 г.,— толко нет на ту войну его королевского величества охоты»⁵. Это мнение русского посланника было ошибочно. Но сам факт наличия мирных настроений в политике Августа II уловлен им верно.

После срыва сейма к Карлу XII было отправлено посольство, которому в Речи Посполитой придавалось исключительно большое значение,— с требованием покинуть территорию Речи Посполитой. С фактом этим не могли не считаться ни враги короля в Короне, ни даже Сапеги, хотя провозглашение на сейме перемирия между ними и Огинским отнюдь не повело к прекращению междоусобий в Великом княжестве. Король, правда, еще во время сейма предупреждал русского посланника относительно предложений примаса, клонившихся к союзу Речи Посполитой и шведов против России, указывая одновременно и на сотрудничество примаса с Карлом XII в проведении шведских детронизационных замыслов. Король «изволил говорить,— отмечает Долгорукий в своем донесении от 5 (16) января 1702 г.,— что кардинал с поляки ищут его корону королевичу Собескому — Якубу. Также и посол французской прилежно о том трудится, чтоб Речи Посполитой учинить с шведом союз, а войну иметь против московских войск»⁶. Тем не менее, официально примас вынужден был попрежнему настаивать перед шведами на том, чтобы они воздержались от военных действий⁷. Открытое провозглашение Карлом плана лишения Августа II польского престола теперь не на шутку испугало примаса. Дело в том, что существовало еще одно обстоятельство, которое в значительной степени ограничивало интриги примаса и его сторонников в Короне. Речь идет о той поддержке, которую оказывал Ватикан новообращенному католику Августу II, решительно осуждая деятельность в Польше примаса Радзеевского. Учитывая то влияние, которым пользовался в стране католический клир, обстоятельству этому нельзя не придавать серьезного значения. Предупреждение Рима — это понимал и русский посланник⁸ — сильно способствовало укреплению польских позиций Августа II⁹.

Появление шведов в Литве и враждебное поведение их там по отношению к сторонникам Огинского и Вишневецких также вызывало к жизни дополнительный и чрезвычайно значительный элемент, способствовавший постепенному вовлечению в войну Речи Посполитой. О тактике литовских конфедератов, еще до того предлагавших королю в обмен за помощь против Сапег свое участие в шведской войне и искавших в этих же целях сближе-

¹ Дела польские, 1702, № 7, л. 15.

² Там же, л. 34; Депеша от 8 (19) февраля 1702 г.

³ Там же, л. 46; Депеша от 15 (26) февраля 1702 г.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 33.

⁶ Там же, л. 8.

⁷ Там же, № 8, л. 65.

⁸ Там же, № 7, л. 8.

⁹ Там же, № 8, лл. 1, 2.

ния с Петром I, нам уже приходилось говорить выше. Вмешательство шведов, появление их на территории Речи Посполитой довершило начавшуюся уже политическую эволюцию литовцев и, в конце концов, должно было окончательно сблизить лагерь Огинского с Августом Саксонским, с одной стороны, и с Россией — с другой.

Русско-литовское сотрудничество началось еще в период работы сейма, когда Долгорукий оказал энергичную и успешную поддержку Вишневецкому в получении должности польного, литовского гетмана. Поддержка этой кандидатуры рассматривалась им как средство, способное укрепить единство литовских конфедератов (до этого он намеревался поддержать кандидатуру Огинского)¹. Но не только Долгорукий, сам Август II прекрасно понимал необходимость поддержать и укрепить движение литовской шляхты, вступившей в непримиримый конфликт со шведами, и в связи с этим просил русского посланника воздействовать на свое правительство в том смысле, чтобы конфедератам была оказана необходимая помощь². Так намечалось сближение между этими тремя силами. В период сейма сближение это привело к другому весьма показательному факту. Литовская шляхта обратилась к королю с просьбой ввести в страну саксонские отряды³. Король, правда, отказал ей тогда⁴. Но важен был сам факт, что часть Речи Посполитой добровольно приглашает к себе саксонцев, недавно выведенных из страны по требованию предыдущего сейма. Кроме того, литовские послы не скрывали и своего желания принять участие в войне против шведов. Это было тем более естественным для них, что война была уже навязана литовцам шведским командованием. Вот как сообщает об этом Долгорукий в депеше от 30 января (10 февраля) 1702 г.: «Ныне Речь Посполитая Литовская хочет вступить в войну скорее против неприятеля». Для него, однако, был гораздо важнее вывод, сделанный им из факта предстоящего выступления литовцев: «Также и корунные выдать их не похотят»⁵.

Оснований для уверенности в том, что литовцы действительно склонны к войне, у русского посланника было довольно много. Об этом говорили заявления самих же литовцев. Поцей, стражник литовский, например, «сказывал (Долгорукому.— В. К.), что конечно они, литовские, в войну скоро вступят, дабы на то была воля королевского величества»⁶. Еще более важным был факт переговоров представителей литовской шляхты с русским посланником относительно условий сепаратного выступления Литвы против шведов и русской помощи литовцам. «Ныне Радивил,— писал об этом 11 (22) февраля 1702 г. Долгорукий,— канцлер литовской, и Потей, стражник литовской, конференцию со мною имели. И обещают войск литовских против шведа без воли Речи Посполитой 10 тысяч, на которые желают из казны царского величества 100 тысяч ефимков»⁷.

Понимая значение выступления литовских конфедератов и считая, что соглашение с ними будет чрезвычайно выгодно для России, Долгорукий решительно высказался за союз с литовцами⁸. «Не изволте оставлять Огинского и гетмана полного Вишневецкого,— настойчиво советовал он

¹ Дела польские, 1702, № 7, лл. 6, 7.

² Там же, л. 7.

³ Там же, л. 9.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 25.

⁶ Там же, л. 26.

⁷ Там же, лл. 38, 39.

⁸ Там же, л. 39.

Головину, — могут они принудить в войну и коронных. Без самого принуждения неприятельского гораздо к войне коронных склонить трудно»¹. Так складывались те условия, при которых в значительной степени под влиянием шведского вторжения и шведских детронизационных планов не только обледчалося возвращение к войне Августа II, но и сама Речь Посполитая начинала по частям втягиваться в нее. При таких условиях становились более реальными и планы возобновления русско-саксонского и заключения русско-польского военного союза. Многие зависело теперь от того, как далеко пойдут в своей антисаксонской политике шведы.

Нерешительность и опасения за свои позиции в стране, которые начали испытывать враги короля, Яблоновский, примас и Сапеги, особенно усилились с того момента, когда Речь Посполитая на самом деле выступила в роли посредницы между Карлом и Августом, и когда начали приводиться в исполнение решения о созыве посполитого рушения². Поэтому кардинал уже 6 февраля 1702 г. вынужден был настойчиво советовать шведскому королю отступить из Литвы и не возбуждать против себя гнева Речи Посполитой³.

Наиболее сложным было положение Сапег, которые, с одной стороны, пользовались поддержкой шведских отрядов в Литве в борьбе против Огинского. А 6 марта 1702 г., как бы оправдывая свои связи с Карлом XII, они подали даже в городской суд в Бряньске манифест, в котором угрожали, что насилия, чинимые над ними, заставляют их принять любые меры для спасения своей жизни и своего состояния⁴. С другой стороны, ход событий в Литве и Польше заставлял их еще в апреле 1702 г. принимать меры к тому, чтобы приостановить дальнейшее продвижение шведов в глубь Речи Посполитой. Сведения об этом были сообщены Долгоруким в Москву. Русский посланник опирался при этом на польские источники информации: «Последнею почтою пришла ведомость, — писал он, — что господа Сапеги подговаривали короля швейского, дабы не вступать в Корону Польскую того ради, чтоб не оскорбить приятелей их сапежинских, которых там имеют»⁵.

Растерянность Сапег увеличивалась еще более в связи с наметившимся русско-литовским сближением, как свидетельствует об этом их попытка самостоятельно снестись с Москвой, предлагая ей перейти в русское подданство. Московское правительство в лице Головина выразило даже согласие ознакомиться с условиями перехода в новое подданство заносчивых литовских магнатов. Переговоры между Москвой и Сапегами окончились, однако, безрезультатно. Нам остается констатировать только сам факт попытки Сапег связаться с русским правительством⁶.

¹ Дела польские, 1702, № 7, л. 42.

² Там же, л. 66.

³ Там же, л. 54, депеша от 26 февраля (9 марта) 1702 г.

⁴ Г. Шмитт. Ук. соч., стр. 151.

⁵ Дела польские, 1702, № 8, л. 72.

⁶ Документ, приводимый нами ниже, является черновиком письма Головина к некоему Ивану Константиновичу (фамилии установить не удалось) и помечен 21 февраля (4 марта) 1702 г. В нем говорится: «Твоя ж милость изволил писать в писме к Гаврилу Ивановичю, что шляхтич, знатной человек, чашник, Михайло Рудомин, которой живет от Друмилю, а жена его родилась от Корсаков (а за тобою также Корсаковна), а взял он из дому Сапегину Сапеги свойственная, а тот Рудомин — человек разумной и крепкой, и показывает тебя на слова, обнадеясь на свойство, и уверился образом божиим, чтоб слова были крепки и никто б об них с стороны не ведал, резиденты в Белозер бы тово не ведал, а говорил, чтоб великий государь принял под свою высокую руку Сапегу и чтоб его добра не пропало, и на многие слова позывает.

Поскольку за этой первой попыткой войти в сношения с Москвой не последовало со стороны Сапег ничего более определенного, постольку судить о характере преследуемых ими целей представляется крайне затруднительным. Все же в свете тех тесных связей, которые существовали между ними и шведами, трудно было бы предполагать, что за этим эпизодом стояло действительное, хотя бы даже мимолетное, стремление искать спасения в русском подданстве. Гораздо более правдоподобным было бы другое предположение, рассматривающее этот шаг Сапег как попытку помешать русско-литовскому сближению и не допустить оказания помощи литовским конфедератам со стороны России. Именно поэтому, может быть, Сапег стремились сохранить переговоры в тайне, прежде всего, от отправившегося в Москву для переговоров с русским правительством Бялзора, посланца литовской шляхты.

XI

Но если 1702 год оказался годом серьезного перелома как в шведской внешней политике, так и в настроениях господствующего класса Речи Посполитой, ходом событий все более и более втягивавшейся в конфликт с Швецией, то не менее четкой гранью оказался он в политической деятельности Августа Саксонского, окончательно определив его внешнеполитическую ориентацию и, в конце концов, ввергнув его снова в огонь войны. Правда, в течение первых месяцев этого года все еще приходится считаться с тем фактом, что доминантой дипломатических усилий Саксонии попрежнему являлось стремление достичь сепаратного соглашения со шведами. Однако вопрос о внешнеполитической ориентации оказался решенным для Августа уже тогда. Это нашло свое отражение прежде всего в том, что Август шел за лучшее отказаться от выполнения задуманного им совместно с дю-Геро плана монархического переворота в Речи Посполитой. Известие об этом решении его было с облегчением воспринято, прежде всего, русским посланником Долгоруким, поспешившим депешей от 5 (16) января 1702 г. сообщить своему правительству, что «королевское величество мысль свою, чаю, до времени отложит, чтоб ему быть абсолютом, понеже поляки могли скоро от того устеречься»¹.

Отказ этот, надо полагать, был связан с фактом той безусловной неудачи французского посредничества при шведском дворе, с которым вынужден был столкнуться Август II в конце 1701 г. В свою очередь, неудача эта должна была повести к переориентации саксонского кабинета, поскольку в условиях борьбы с Карлом XII нечего было и думать об успешном выступлении против Австрии, на чем еще в августе 1701 г. настаивала французская дипломатия. При таких условиях гораздо более выгодным было сблизиться с Австрией, заявившей себя решительной противницей

И ты без воли великого государя говорить о таком великом деле не смеешь. А с ним де лутчие люди все готовы. И чтоб о том к тебе отписать, что он тебя в том гораздо понуждает. И я к милости твоей пишу указом великого государя—о таких доношения на доношение выслушай и изволь ему говорить секретно, чтоб он намерение Сапегино написал на пунктах, на каких он желяет в подданство прийти. А сам с ним никаких договоров не чини, толко, что станет предлагать, то все бери на доношение. И что тебе скажет или пункты отдаст, немедленно пришли к нам с нарочным курьером подлинную о том ведомость. А что пишешь, чтоб здесь секретно держать, и здесь то соблюдено и сохранено будет». Дела малороссийские. 1702, № 3, л. 101.

¹ Дела польские, 1702, № 7, л. 9.

детронизации польского короля, о чем доносил в Москву еще 5 (16) сентября 1701 г. князь Голицын¹.

В конце 1701 г. окончательно определилось намерение Августа II достичь соглашения с венским кабинетом. Судя по депеше Голицына от 21 декабря 1701 г. (1 января 1702 г.), он знал уже об этих шагах Августа II, хотя ответ австрийского правительства на саксонские предложения не был ему еще известен. «Писал из Варшавы посол цесарской,—говорилось в депеше Голицына,—к цесарю, будто король польской и вся Республика хотят учинить алианцию. И о том еще здесь неведом, что цесарь отповедь дал на то»².

Но в начале следующего 1702 г. австро-саксонское соглашение было уже совершившимся фактом. О нем довольно подробно осведомлял свое правительство Долгорукий, указывавший, что одним из условий нового договора являлась передача на австрийскую службу 8-тысячного саксонского корпуса. Вместе с тем, по сведениям Долгорукого, саксонцы обещали оказать аналогичную военную помощь Голландии в размере 12-тысячного корпуса пехоты³. Для русского посланника главное значение имел тот факт, что передача саксонских войск на австрийскую службу не совпадала с собственными государственными интересами России, в свою очередь, добивавшейся передачи ей саксонской армии, о чем нам приходилось уже говорить выше. Кроме того, не менее значителен был и тот факт, что, передавая свои войска на службу «великого союза», Август добивался, прежде всего, его посредничества в затянувшейся войне с шведами⁴. Правда, по сведениям самого же Долгорукого, соглашение Августа с Австрией предусматривало одновременно и ее посредничество между Россией и Швецией и даже предполагало возможность присоединения России к двустороннему австро-саксонскому договору⁵. Тем не менее в своих депешах русский посланник продолжал подчеркивать мирные настроения в саксонской политике и ее расчеты на австрийское посредничество в сепаратных шведско-саксонских переговорах⁶. Между прочим, мирные настроения Августа II явились причиной серьезных колебаний саксонской политики в литовском вопросе. Мы имеем в виду сопротивление короля в вопросе об оказании русской военной помощи литовским конфедератам, с которыми столкнулся в конце марта 1702 г. Долгорукий⁷, еще недавно сообщавший своему правительству о просьбе короля притти на помощь Литве⁸.

Таким образом, союз с Австрией оказывался в известной мере продолжением прежней саксонской политической линии, рассчитанной на примирение с шведами, на этот раз, однако, с помощью австрийского посредничества. Но союз с Австрией представлялся выгодным Саксонии и в случае продолжения войны, поскольку предоставлял гарантию неприкосновенности наследственным владениям саксонского курфюрста, обеспечивал их от возможного нападения шведской армии⁹. Разумеется, союз с Австрией не

¹ Дела австрийские, 1701, № 4, лл. 87—88.

² Там же, л. 169.

³ Дела польские, 1702, № 7, л. 20. Депеша от 23 января (3 февраля) 1702 г.; Дела австрийские, 1702, № 3, л. 94; Сборник РИО, т. 34, стр. VII.

⁴ Дела польские, 1702, № 7, л. 20.

⁵ Там же, № 8, л. 5—6.

⁶ Там же, № 7, л. 45; депеша от 15 (26) февраля 1702 г.

⁷ Там же, л. 91; депеша от 30 марта (10 апреля) 1702 г.

⁸ Там же, л. 7; депеша от 5 (16) января 1702 г.

⁹ См. С. Томашівський. Ук. соч. «Записки Наук. т-ва ім. Шевченка», т. 85, кн. 5, стр. 62.

мог не отразиться на ходе франко-саксонских отношений. Они частично были испорчены уже после покушения на Берчини, совершенного не без ведома Августа II¹.

Известия о заключении Августом II, действовавшим в качестве саксонского курфюрста, союзного договора с Австрией должны были окончательно определить позиции Франции по отношению к детронизационным планам Карла XII. Франция теперь безусловно выступает в их поддержку. Французскому посланнику при шведском дворе было предписано употребить все силы к тому, чтобы склонить Карла XII к идее похода на Саксонию, Австрию или Бранденбург². Соглашение Августа II с Австрией нанесло серьезное поражение французской дипломатии в Польше. Это прекрасно понимал князь Долгорукий, когда 5 (16) января 1702 г. он в следующих словах сообщал о настроении дю-Геро, получившего известие об австро-саксонском договоре: «Надежда посла французского обманула совершенно. Королевское величество с цесарским величеством в алианцу, за что и з Венклингом у него, посла, дружба разорвалась»³. Разумеется, дело не могло ограничиться одним протестом дю-Геро против подписания Августом союзного договора с Веней⁴. 11 (22) марта 1702 г., донося своему правительству, что Август решился объявить о своем вступлении в союз с Империей и об отзыве своего посланника из Франции, Долгорукий далее констатировал, что союз этот повел уже, с одной стороны, к более энергичному посредничеству Империи, Англии и Голландии при шведском дворе в пользу прекращения шведско-саксонской войны, с другой,— к открытой поддержке Францией шведских военных планов против Августа II⁵.

Характер деятельности французского посланника в Варшаве выяснился уже очень скоро. Деятельность эта была откровенно враждебной Августу II и ставила своей целью поддержку шведских детронизационных планов.

О том, насколько широкие размеры приобретала в Польше подрывная деятельность французского посланника, свидетельствует следующий чрезвычайно характерный факт. Согласно письму дю-Геро, перехваченному саксонской тайной полицией,— нужно сказать, прекрасно организованной при Августе II,— французский посланник в своих интригах не ограничивался пределами Польши и рассчитывал привлечь к делу детронизации малороссийского гетмана Мазепу и украинское казачество. Дю-Геро предполагал при этом действовать через Яблоновского, великого гетмана коронного⁶.

После того, как было перехвачено письмо дю-Геро, Август получил каким-то путем сведения и о попытках французского посланника связаться с Крымом. Он подозревал даже, что французский агент находится в свите Кенигсека, отправлявшегося с посольством в Россию, причем задачей этого агента было добраться вместе с посольством до Киева, а оттуда, отстав от него, перебраться с помощью казаков в Крым⁷.

Но признание факта сношений между Мазепой и польскими врагами Августа II не означало еще того, что между ними в это время уже суще-

¹ Там же, стр. 59, 65.

² Там же, стр. 69.

³ Дела польские, 1702, № 7, л. 10.

⁴ Там же, № 8, л. 17.

⁵ Там же, № 7, л. 71.

⁶ Там же, л. 76.

⁷ Там же, л. 101. Эти подозрения Августа II не подтвердились.

ствовало какое-то соглашение. Весь последующий, крайне осторожный, образ действий украинского гетмана свидетельствует скорее всего против подобного предположения.

Итак, новый курс Августа Саксонского привел, с одной стороны, к энергичному посредничеству при шведском дворе держав «великого союза», с другой, — к не менее энергичным действиям французской дипломатии в пользу продолжения войны, в результате которой должна была наступить детронизация Августа II. В этом направлении французские дипломатические агенты действовали как при дворе Карла XII, так и в Речи Посполитой. Зато Австрия оказывала упорное сопротивление шведским детронизационным планам. И несмотря на то, что с шведской стороны предпринимались все меры к тому, чтобы заинтересовать в этих планах Империю и осуществить их с ее благословения, попытки эти были решительно отвергнуты венским кабинетом. Вот что сообщал по этому поводу 25 апреля (6 мая) 1702 г. Голицын: «Доносил цесарскому величеству по указу своего государя посланник шведской, что его государь идет просто до Варшавы и короля польского в свой приход выгнать обещал. А просил у цесаря позволения — которого велит учинить королем из двух, брата ль цесаревина принца Карла Фалграфу Найбургского или королевича Якова Собеского. На это цесарь никакого позволения не учинил и гораздо принял противно, на что сего дня послал на почте графа Седлицкого к королевичу и к брату цесаревину, чтоб они о той короне польской не помышляли»¹.

Но если союзный договор с Австрией несомненно укрепил международное положение Августа II, особенно если учесть его постоянные опасения за Саксонию, то, с другой стороны, в новом курсе Дрездена содержался и элемент, безусловно, опасный для русских государственных интересов. Элементом этим было усиление мирных настроений у Августа, что особенно ярко сказалось в самом начале, т. е. в первые месяцы 1702 г. Прямым результатом этих мирных настроений бывшего союзника являлось продолжение той политической и военной изоляции, в которой оказалась Россия с середины 1701 г. Именно этим объясняется, повидимому, тот факт, что никто иной, как сам Долгорукий, поспешил первым осведомить дю-Геро о заключении австро-саксонского союза. Об этом своем шаге он сам сообщает в своей депеше от 23 января (3 февраля) 1702 г. «Посол французской уведал чрез меня о том алиансу, — писал он. — Ныне пребывает в великой печали: все его факции обратились ему не в потребу»². Долгорукий, правда, взял с дю-Геро слово, что до получения новых инструкций из Версаля последний не будет ничего предпринимать в Польше, что могло бы повредить интересам Августа II³. Еще более показательным является факт франко-русских переговоров в Варшаве, происходивших между дю-Геро и Долгоруким. 25 января 1702 г. русский посланник, явившись на обед к дю-Геро и сообщив ему о подписании Августом II союза с императором (о срыве этого союза еще до того хлопотал дю-Геро, пытаясь заручиться

¹ Дела австрийские, 1702, № 5, л. 112; Дела польские, 1702, № 7, л. 138. Впоследствии, как это показывает депеша Долгорукого, помеченная 27 мая (7 июня) 1702 г., эти сообщения Голицына были подтверждены и австрийским посланником в Польшу. «Зде пребывающий посол цесарской сказывал мне, — писал князь Григорий, — что посол шведской, резидучей при дворе цесарского величества, его цесарскому величеству предлагал, дабы его воля на то склонилася, чтоб быть королю польскому иному — королевичу Собескому Якубу или князю Найбургскому. За что его цесарское величество противно отказать изволил». Дела польские, 1702, № 7, л. 155.

² Дела польские, 1702, № 7, л. 20; Сб. Русск. историч. о-ва, т. 34, стр. VII.

³ Там же, л. 21; факт, не отмеченный в записке Ледрана.

для этого помощью Долгорукого), добивался одновременно от него помощи и склонении Речи Посполитой к войне против Швеции. Предложение Долгорукого не встретило, однако, сочувствия со стороны французского посланника¹. Не более успешно закончились впоследствии, в феврале 1702 г., переговоры с ним Паткуля, несмотря на то, что Паткуль выдвигал идею франко-русского союза и обещал отвлечь от войны с Францией берлинский и копенгагенский дворы².

Но, указывая на эти обстоятельства, следует учитывать, что в дальнейшем упорное стремление саксонцев договориться со шведами дважды больно отразилось на русских политических интересах. В первый раз пострадал, правда, и сам Август II. Еще до отправления сеймового посольства к шведскому двору, окончательное решение о котором было принято на февральской раде Сената, Август попытался войти в прямые сношения с Карлом XII, предложив ему раздел Польши. Сначала в шведский лагерь была отправлена графиня Аврора Кенигсмарк, королевская любовница, не удостоенная, однако, аудиенции ни Карлом, ни Пипером. Следующий за ней королевский посланец и ловкий царедворец Фитцтум был просто арестован шведами сразу же после того, как появился в их главной квартире³. Эти тайные сношения короля со шведами вызвали большое возбуждение в широких шляхетских слоях, что немедленно попытался использовать в своих интересах шведский король.

Не менее серьезные подозрения вызвали они, однако, и у Паткуля, только что окончившего в Варшаве переговоры с Августом II, в которых он участвовал в качестве русского представителя. «Король польской его (царя.— В. К.) оставил,— сообщал Паткуль в связи с поездкой Фитцтума в шведский лагерь.— И что, бог весть, иногда какие многие замыслы тайные еще вскрыты лежат». Он предупреждал, что может сложиться такая ситуация, при которой Россия останется полностью изолированной перед лицом шведского вторжения. «Единым словом,— писал он,— его царское величество да изволит готовиться всю свейскую силу и тако благоустроенного войска 30 000 против себя имети». Особенно тревожила его тайна, которой была покрыта шведская миссия Фитцтума. «Как я из Варшавы поехал,— сообщает он,— тогда сказывал мне король, что будто Фитцтум в датскую землю едет. Ныне же вышло наружу, что он весьма с верующею грамотою к королю свейскому послан был. Но тамо он, како мне кажетца, токмо притворно за арештом держитца. Из того невозможно отнюдь ничего доброго разсудить»⁴. Так писал он 9 (20) мая 1702 г.

Основанием для подозрения могла явиться не только миссия Фитцтума, но и неудача тех русско-саксонских переговоров, которые велись им в Варшаве. В пунктах, поданных Паткулем в феврале 1702 г. Августу, речь шла о передаче саксонских войск на службу царю на тот случай, если шведы примут посредничество Речи Посполитой и покинут литовскую территорию. Всего имелось в виду получить от Саксонии 4 полка драгун и 10 000 пехоты⁵. Предусматривалась, правда, в них и другая возможность, при которой Россия была согласна снять свое требование о передаче ей саксонской армии. Таким условием было вступление в Польшу королевских саксонских

¹ Сб. Русск. историч. о-ва, т. 34, стр. VII—VIII.

² Там же, стр. 8, 9.

³ Jagoschowski, Ук. соч., стр. 32.

⁴ Дела польские. 1702, № 17, л. 24.

⁵ Там же, л. 27.

войск и продолжением Августом II войны против Швеции¹. Разумеется, ни первый, ни второй варианты не были приняты Августом II, все еще не терявшим надежды договориться со шведами. Между тем, оба варианта, предложенные Паткулем, фактически ликвидировали всякую возможность мирного соглашения с Карлом, и принятие любого из них Августом II неминуемо повело бы к возобновлению шведско-саксонской войны.

Любопытна сама мотивировка отказа, выдвинутая Августом II и сохранившаяся в депеше Паткуля. «Понеже,— говорил король русскому представителю,— при несчастливом прошлого году отправленном походе мы против воли Речи Посполитой наши войска против наступающего на нас силою неприятеля в Полше содержать не возмогли, и хотя мы себе похлебствовали, что естли мы Речи Посполитой ради отъятия от нас подозрения в том благоволение покажем, а швед, како учинилось, в Полшу далее вступати будет, то иногда Речь Посполитая инако обмыслится и к отпору на неприятеля войски наши паки пожелают. Но то однакж не учинилось. И от его царского величества не доволно рано указ прислан поляков на вступление чрез сильные способы наговаривать. И того ради нам при всех сих противных обстоятельствах невозможно становится от царского величества желанию удоволство учинить. Но уповаю, что изволит нам в том (понеже мы, как ради вышеявленных причин, також де и в разсуждении, что мы единой из знатнейших у Святого Римского Государства есмы, которое в великом воинском преуготовлении противу француза обретается, иные намерения воспряти и в великой союз вступитьи принуждены есмы), то толь же мало за зло воспрятить, якоже и мы короне датцкой ради учиненного сначала войны травентальского миру ничего противного не нарекали. Между тем будем у цесаря, Англии и Голандии всякие добрые труды полагати, дабы его царское величество, либо при продолжении войны или заключении перемирья или миру (о чем ближайшего открытия требует) по желайшему крепчайшее вспоможение получить мог»².

Ссылки на Вену побудили Паткуля обратиться к Шафирову с советом выступить перед австрийским кабинетом с протестом против переманивания союзника, угрожая разрывом союзных переговоров³.

Итак, Август II категорически отказался принять русские предложения, оставляя своего бывшего союзника попрежнему в состоянии изоляции. Между тем, когда в мае 1702 г. Паткуль писал эти строки, отчетываясь в результатах своей миссии в Польшу, там происходили такие серьезные события, которые в будущем должны были коренным образом изменить положение дел. Именно в это время, в течение марта — апреля 1702 г., выяснились конечные цели шведской политики, вызвавшие широкое возмущение польского шляхетства. Карл не только отказывался от сепаратных переговоров с Августом, но фактически игнорировал посредничество Речи Посполитой. С другой стороны, в Великом княжестве Литовском шла уже настоящая война между шведами, поддерживавшими Сапег, и литовскими конфедератами. Сеймовое посольство, отправленное к Карлу, вынуждено было просить у него аудиенции в условиях, когда шведская агрессия против Речи Посполитой была уже совершившимся фактом. Шведам удалось овладеть Вильной, войска их находились уже по ту сторону Гродно, когда Карл решил, наконец, принять сеймовых послов.

¹ Дела польские, 1702, № 17, л. 28.

² Там же.

³ Там же, л. 30.

Нужно сказать, что и по отношению к сеймовому посольству Карл действовал крайне неосторожно. Посольство было принято 4 мая 1702 г. лишь под давлением Бенедикта Сапеги¹, очевидно, прекрасно понимавшего, какой неблагоприятный для его покровителя резонанс мог получить в Польше категорический отказ шведов вести переговоры с сеймом. Первоначальная же отрицательная позиция, занятая шведским королем в этом вопросе, объясняется, как полагает Яроховский, подозрениями, существовавшими у короля, что вся затея с посредничеством поляков используется Августом только для того, чтобы выиграть время, водворить снова в стране саксонцев и повести дальнейшую войну против шведов².

Но и переговоры с посольством в Долгой Вси не означали еще, разумеется, что в шведском политическом курсе возможны какие-либо существенные изменения. Категорические требования поляков вывести шведские войска с территории Речи Посполитой, чтобы не нарушать мирных отношений с ними, были сразу же отклонены Карлом, который прямо заявил о своем намерении изгнать Августа из страны и отказывался входить в какие-либо переговоры до его дегронизации. В свою очередь, ответ сеймового посольства, отвергавший возможность принятия сеймом подобных условий, противоречащих основным законам Республики, повел к прекращению переговоров, вслед за чем Карл, не дав полякам прощальной аудиенции, приказал начать поход на Варшаву³.

Но еще до того, как Карл XII отказался от переговоров с сеймом, в настроении польского правящего лагеря и в политике самого Августа II совершился целый ряд перемен. Столкнувшись с фактом нежелания шведов идти на мирные переговоры, в условиях развивающейся шведской агрессии против Речи Посполитой, король и Речь Посполитая оказались перед необходимостью принять целый ряд превентивных оборонительных мероприятий, направленных против Швеции. Перемена в настроении Августа Саксонского очень скоро была разгадана русским посланником в Варшаве, лучше понимавшим короля, чем Паткуль, и видевшим, что основной причиной проявления воинственных настроений у короля явилось разочарование в возможности мирной ликвидации конфликта со шведами⁴.

Правда, Август не рискнул пойти на возобновление русско-саксонского союза, предвидя, что возобновление его означало бы полный разрыв со всеми расчетами на примирение с Карлом. Однако в распоряжении русского посланника были важные сведения, свидетельствовавшие о попытках короля заручиться помощью Крыма на случай продолжения войны⁵. Кроме того, свидетельством перемены в настроении короля и сената, находившихся под постоянным давлением шляхетского общественного мнения, явилась созванная 2 мая, следовательно, еще до переговоров Карла с польским посольством, сенатская рада. На решения ее, несомненно, повлияло то обстоятельство, что не было никаких оснований рассчитывать на успех сеймовых представлений при шведском дворе и нужно было заранее предпринимать необходимые оборонительные мероприятия.

Прежде всего собравшиеся на раду сенаторы согласились о том, что необходимо перебросить к театру военных действий бездействовавшее до сих пор коронное войско, с которым должна была соединиться и королев-

¹ Jarochowski. Ук. соч., стр. 42.

² Там же.

³ Там же, стр. 45.

⁴ Дела польские, 1702, № 7, л. 97, депеша от 10 (21) апреля 1702 г.

⁵ Там же, л. 110, депеша от 22 апреля (2 мая) 1702 г.

ская саксонская армия. Но для этого необходимо было разрешить Августу II снова ввести ее на территорию Речи Посполитой. Разрешение это и было получено им теперь, причем саксонцы попрежнему должны были получать жалование из личной казны короля, но находиться под командой великого коронного гетмана. На крайний случай планировался созыв посполитого рушения¹. Практически такая резолюция означала, что в случае продолжения шведского наступления в глубь Польши польская и саксонская армии должны будут совместно выступить против шведов. Иными словами, возникла перспектива реального военного выступления Речи Посполитой в защиту короля против нарушения ее нейтралитета и ее основных законов Карлом XII. Так, продолжавшаяся шведская агрессия, вопреки воле польского господствующего сословия, ставила его перед необходимостью оказать шведам вооруженное сопротивление. Карл сам навязывал войну Речи Посполитой.

Правда, в течение всего этого времени в распоряжении шведского короля был другой вариант, предусматривающий удар с тыла по Саксонии, что неминуемо повело бы к полному разгрому Августа II, лишив его всех самостоятельных источников и средств для продолжения борьбы. Но здесь шведам загрозили дорогу державы «великого союза», опасавшиеся появления шведского войска в тылу Вены. Карл не решался действовать вопреки их ясно выраженной воле и нарушать их жизненные интересы.

Между тем, упорное стремление Карла довести дело до детронизации Августа II и уничтожить узы личной унии, связывавшей Саксонию с Речью Посполитой, неизбежно толкало его на войну, поскольку мирным путем добиться этого от Августа было совершенно невозможно. Среди таких обстоятельств, в надежде на энергичное содействие могущественной антисаксонской оппозиции среди польской шляхты и магнатства, был избран польский вариант. Но, выполняя намеченную им программу действий, Карл XII силой вещей приходил в столкновение с самой Речью Посполитой, а шведская агрессия, в свою очередь, заставляла ее занять оборонительные позиции, что сказалось уже в решениях майской рады Сената. Последняя не ограничилась вопросами военного характера. В резолюции ее были и пункты, касавшиеся внешней политики Речи Посполитой. Прежде всего это относится к спорному вопросу о прусском королевском титуле, которого до сих пор не хотели признавать поляки. События последнего времени побудили их теперь предложить Пруссии признание королевского титула при условии согласия Берлина прислать на помощь Речи Посполитой вспомогательный корпус против шведов². Поводом для такого предложения явилось, по свидетельству Долгорукого, аналогичное предложение полякам, исходившее из прусских правящих кругов, за которое сразу же ухватился русский посланник, решивший энергично поддержать его³, поскольку благодаря этому предложению представлялась удобная возможность вовлечь в Северную войну Пруссию.

С другой стороны, шведская агрессия натолкнула Долгорукого на мысль возобновить русско-польские переговоры о союзе. В связи с оборонительными мероприятиями, предпринятыми королем и Речью Посполитой, у него снова появилась надежда на успешный исход таких переговоров⁴. Перед

¹ Jagoschowski. Ук. соч., стр. 46—47. Дела польские, 1702, № 7, лл. 117, 118.

² Г. Шмитт. Ук. соч., стр. 152.

³ Дела польские, 1702, № 7, лл. 108—109.

⁴ Там же, л. 118.

нами его собственная оценка перспектив соглашения с поляками: «Сенату консилиум, — писал он, — положено со мною быть на конференции и учинить трактаты, только ожидаю назначенного часу. И естли какой препоны не будет, то трактаты будут подписаны руками кардинала и сенаторскими, которые в то время прилучатца в Варшаве»¹.

Сенат на самом деле согласился принять его в торжественной аудиенции. Результаты этих переговоров были сообщены Долгоруким своему правительству в депеше от 1 (12) мая 1702 г. Поляки прежде всего настаивали перед ним на необходимости усилить русские удары в Прибалтике, чтобы отвлечь таким образом часть шведских вооруженных сил от Речи Посполитой². Разногласия наступили, однако, сразу же, как только был поднят вопрос об условиях русско-польского союза. Долгорукий от имени царя предлагал полякам Инфлянты и заем в 200 тыс. ефимков³. Условия эти не удовлетворяли сенаторов. Присоединение Инфлянт не рассматривалось ими как русская уступка. По их мнению, оно должно было явиться в результате военных действий самих поляков, которые помогут царю овладеть портами на Балтике⁴. Что же касается обещанного Долгоруким займа, то поляки не согласны были идти на союз даже в том случае, если сумма эта была бы просто подарена Польше. Они требовали также от русского правительства передачи им вспомогательного корпуса в 20 тыс. человек с оружием и провиантом⁵. Серьезным препятствием, как это явствует из депеши от 1(12) мая 1702 г., явились территориальные претензии польского сената к России, решительно отклоненные Долгоруким. «Упоминали, — пишет посланник, — о Киеву и Смоленску. Или б его царское величество изволил от тех провинции для склонения Речи Посполитой, хотя мало что уступить. О чем им довольно со многих разговоров отказано»⁶. Последний вопрос был наиболее сложным, поскольку на уступке Речи Посполитой части пограничного пустынного пояса земель настаивал даже такой тесно связанный уже с Россией магнат, как литовский польный гетман Вишневецкий⁷. Все это сильно осложнило ход русско-польских переговоров. Кроме того, поскольку сейм не был созван, а сенат сам по себе не имел права на заключение подобного союза, утрачивалась и ценность ведущихся Долгоруким переговоров, тем более что в ходе их поляки, ничего не теряя, получали прекрасную возможность добиться улучшения русских условий и, таким образом, создать выгодный для себя прецедент на будущее⁸.

Правда, было еще одно обстоятельство, которое не могло способствовать заключению русско-польского союза. Коренилось оно в том, что ни сенаторы, ни сам король не пришли еще к окончательному выводу о необходимости и о неизбежности войны со шведами. Объективно оборонительные мероприятия, предпринятые майской сенатской радой, клонились к вооруженному столкновению с ними; субъективно избежать этого столкновения стремились всеми силами. Обстоятельство это сказалось в дальнейшем во внешней политике Августа Саксонского, пытавшегося нащупать мирное соглашение со Швецией.

¹ Дела польские, 1702, № 8, л. 84.

² Там же, № 7, л. 121.

³ Там же, лл. 121—123.

⁴ Там же, л. 121.

⁵ Там же, лл. 122—123.

⁶ Там же, л. 122.

⁷ Там же, л. 141.

⁸ Там же, лл. 143—144.

Шведская армия быстро продвигалась к Варшаве. Узнав об этом, Август оставил столицу врагу и выехал в Краков, где он намеревался дожидаться прибытия коронных и саксонских войск. Между тем, еще до вступления на территорию собственно Польши Карл XII обратился к полякам с двумя манифестами, в которых призывал их присоединиться к его армии и помочь ей свергнуть с польского престола вероломного Августа II, покушавшегося на польские права и вольности, и объявлял о своем намерении сохранить нерушимыми польские права, помочь Польше возвратить от России захваченные ею восточные провинции и утвердить на польском престоле более достойного правителя¹. Таким образом, провозглашалась целая программа действий, безусловно враждебная как интересам Августа II, так и интересам России. Одновременно потерпела полную неудачу новая попытка примаса приостановить поход Карла и убедить его возобновить переговоры с сеймовым посольством². В то время, как Карл открыто демонстрировал свои детронизационные планы и призывал примаса прибыть в Варшаву для созыва польских сословий и организации новой элекции³, сам Август II, прекращая колебания примаса (Радзеевский не решался самостоятельно принять шведское предложение), соглашался на его отъезд в столицу и поручал ему и Лещинскому охранять свои интересы при дворе Карла XII и вести с ним мирные переговоры⁴. Об этом свидетельствуют и сообщения Долгорукого⁵. Даже и в этом случае Август не решился на созыв посполитого рушения⁶.

* * *

Собранные выше факты с полной очевидностью свидетельствуют о том, что на протяжении всей второй половины 1701 г. и в первую половину 1702 г., вплоть до оккупации шведами Варшавы, основным направлением как саксонской политики, так и настроений подавляющего большинства польского шляхетского общества было стремление достичь примирения с Швецией. Именно этим объясняется неудача всех предпринятых в течение этого периода попыток восстановить русско-саксонский военный союз и достичь русско-польского военного соглашения против шведов.

Однако если мирные настроения продолжали все еще преобладать в саксонском внешнеполитическом курсе, то неудача французского посредничества и стремление оградить Саксонию от шведского удара побудили Августа II пойти на резкую перемену своих отношений с Версалем и Веной. Результатом этой перемены явился, с одной стороны, оборонительный союзный трактат с Австрией, подписанный Августом II в качестве саксонского курфюрста, с другой — решительное франко-шведское политическое сближение на условиях поддержки французской дипломатией шведских детронизационных планов в Польше.

Вместе с тем, однако, нельзя не учитывать в выводах и того обстоятельства, что неудача сначала французского, а затем австрийского посредничества создавала необходимую предпосылку для продолжения войны Августом Саксонским.

¹ Jagochowski. Ук. соч., стр. 48—49. Г. Шмитт. Ук. соч., стр. 152.

² Г. Шмитт. Ук. соч., стр. 152; Jagochowski. Ук. соч., стр. 52. Письмо примаса от 10 июля 1702 г.

³ Jagochowski. Ук. соч., стр. 55.

⁴ Там же, стр. 53—55, 56.

⁵ Дела польские. 1702, № 7, лл. 137—138, депеша от 18 (29) мая 1702 г.

⁶ Там же, л. 142.

В то время, как вывод войск и принятие им посредничества Речи Посполитой значительно укрепили польские позиции Августа II, шведские детронизационные планы, а затем и прямая агрессия шведских феодалов против Речи Посполитой неизбежно должны были привести к вступлению Польши в Северную войну на стороне России. Шведская оккупационная политика, разорявшая все слои польского общества и, прежде всего, крестьян и ремесленников, поднимала на борьбу с вторгшимся в страну неприятелем широкие народные массы. Против шведской агрессии выступила значительная часть польско-литовского господствующего класса, ибо даже недалеким дипломатам Речи Посполитой становилось очевидным, что осуществление шведских агрессивных планов в Восточной Европе несовместимо с государственной самостоятельностью Речи Посполитой.

Поэтому не случайно, что в условиях открытой агрессии шведских феодалов враждебная Августу II деятельность польской оппозиции, планировавшей союз со шведами против России, была крайне затруднена, а оборонительные мероприятия, предпринятые сенатской радой в мае 1702 г., приблизили срок вступления Речи Посполитой в войну.

Главным фактором, который определял внешнюю политику Речи Посполитой с конца 1701 — начала 1702 г., была шведская агрессия. Успешная борьба с агрессивной феодальной Швецией для Речи Посполитой была возможна только в союзе с крепнувшей Россией. Восстановление в 1703 г. русско-саксонского союзного договора и подписание в 1704 г. союза между Россией и Речью Посполитой было полным признанием со стороны саксонской и польско-литовской дипломатии этого неопровержимого факта.

Однако вступление Речи Посполитой в Северную войну произошло не сразу. Она медленно и по частям вползала в нее. Целые три года продолжался этот процесс вползания ее в войну даже в условиях открытой шведской агрессии. Два обстоятельства определили такое развитие событий. С одной стороны, сказывались пороки общественного и государственного строя страны, о котором Ф. Энгельс писал: «...Польша, дворянская республика, основанная на эксплуатации и угнетении крестьян, неспособная по своей конституции ни к какому общенациональному действию и обреченная тем самым стать легкой добычей своих соседей»¹.

С другой стороны, отрицательное влияние на ход польско-русских отношений оказывал факт неразрешенности польско-русских противоречий, точнее, тот факт, что известные круги польско-литовских феодалов все еще продолжали мечтать о восстановлении своей власти над присоединившимися к России украинскими землями.

Характеризуя ход польско-русских отношений в прошлом, И. В. Сталин указывал: «Отношения между нашими странами в течение последних пяти веков, как известно, изобиловали элементами взаимной отчужденности, недружелюбия и нередко открытых военных конфликтов. Такие отношения ослабляли обе наши страны и усиливали немецкий империализм»².

В условиях Северной войны противоречия между Речью Посполитой и Россией постоянно стремились использовать агрессивная Швеция. Эти противоречия затрудняли военное сотрудничество обеих стран в борьбе с захватнической империей Карла XII. Активно использовала их и хищная Пруссия, постоянно стремившаяся усилиться за счет ограбления и ослабления Речи Посполитой.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 10.

² И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5, М., 1949, стр. 182.

О. Е. Иванова

К ВОПРОСУ ОБ УПАДКЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ПОЛЬШЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Со второй половины XV в. в экономике Польши происходят значительные изменения. Растут помещичьи фольварки, оброчная система эксплуатации крестьян заменяется барщиной. Эта перестройка сельского хозяйства, основанная на расширении панской запашки и непрерывно растущей эксплуатации крестьян, приводит крестьянские хозяйства в конце XVII и начале XVIII в. к упадку. При рассмотрении причин этого упадка необходимо учитывать влияние, которое оказали на крестьянское хозяйство многочисленные войны этого периода, приносившие крестьянам почти на протяжении 70 лет новые бедствия, а местами полное разорение. Крестьяне разорялись и непосредственно военными операциями, и грабежом неприятельских войск, и особенно реквизициями и захватами со стороны польских армий. Крестьяне несли бремя также военных налогов и контрибуций.

Многие польские буржуазные историки считают войны основной причиной экономического упадка Польши вообще и крестьянского хозяйства в частности. С этим нельзя согласиться. Основной причиной, приводившей страну к экономическому кризису и к упадку хозяйства основного производителя польского общества — крестьянина, являлось сохранение барщинно-фольварочной системы, усиление хищнической крепостной эксплуатации. Войны только усиливали и ускоряли процесс упадка, который проявлялся уже во второй четверти XVII в. В рассматриваемое время ведущее место в экономике страны попрежнему принадлежало земледелию. Крупная земельная собственность продолжала сохранять свое доминирующее значение в хозяйстве и находилась в руках шляхты, короля и духовенства. Часть земли оставалась во владении мелкой шляхты, которая хозяйничала на небольших участках, имела незначительное число крепостных крестьян или не имела их совсем и своими силами обрабатывала пашню. Такие мелкие владения находились во всех областях Польши, но главным образом они, как и прежде, были сосредоточены в Мазовии, Подлясье и украинском Полесье.

Точных данных о количестве земель среднего слоя шляхты в первой половине XVIII в. нет, но известно, что в конце этого столетия оно состав-

ляло 49% всех земель. Типичным размером имений средней шляхты были одна или две деревни¹.

Крупными земельными собственниками были магнаты, владевшие десятками, а в некоторых случаях даже сотнями деревень². Эти крупнейшие латифундии находились преимущественно на окраинах Польши — в Белоруссии и на Украине, так как именно здесь после Люблинской унии польские паны получили в свое распоряжение огромные земельные фонды. Яркими представителями высшего слоя шляхетства уже в XVI в. были Ян Замойский, латифундии которого составляли 17,4 тыс. кв. км и включали 23 города и 811 деревень, позже — Радзивиллы, Конецпольские, Потоцкие, Калиновские, Бранцкие, Сенявские, Чарторыйские, сосредоточившие в своих руках громаднейшие земельные владения. В середине XVIII в. князь К. Радзивилл, или, как его называли, «пане Коханку», помимо поместий, перешедших к нему по наследству, владел огромным количеством «королевщин», в которых было расположено 16 городов, 583 деревни и 25 войтовств. Радзивилл содержал свое собственное войско в количестве 5 тыс. человек. Пан Калиновский владел всей Уманьщиной и огромной территорией на юго-запад от Киева.

Во второй половине XVII и первой половине XVIII вв. магнатские владения растут, тогда как земли средней шляхты сокращаются. Так, процент помещиков, имевших меньше 100 крестьянских ланов, составлял в половине XV в. 44,9%, в половине XVII в. — 16,9% и в конце XVIII в. — 9,8%. Процент поместий в Люблинском повете, насчитывавших 100—500 ланов, составлял в половине XV в. 24,3%, в половине XVII в. — 26,3% и к концу XVIII в. — 33,2%. В то же время процент крупных владений, имевших более 500 ланов, все время рос: в XV в. их насчитывалось 13,3%, в XVII в. — 30,7%, в XVIII в. — 41,9%³.

Значительно сокращается количество пахотной земли, находившейся в пользовании крестьян. Крупные крестьянские хозяйства, имевшие в XVI в. и даже первой половине XVII в. полные наделы, а иногда и больше, теперь почти не встречаются. Преобладают мелкие крестьянские хозяйства, растет число заградников, каморников и халупников, количество которых было уже в первой половине XVII в. очень значительно.

В 132 королевских деревнях в землях Хельминской, Львовской и Саноцкой процент каморников вырос с 0,1 до 2,1%, халупников и заградников — с 18,9 до 29,2%, крестьян, имевших меньше $\frac{1}{4}$ лана, — с 16,0 до 32,1%; в то же время процент крестьян, имевших четвертные наделы, сократился с 27,0 до 20,3%, а имевших надел в половину лана — с 28,9 до 13,9%, крестьян же, имевших наделы в $\frac{3}{4}$ лана, — с 9,1 до 2,4%⁴. Крестьянских хозяйств, владевших земельным участком в $\frac{1}{2}$ лана, с половины XVII в. в Великой Польше оставалось 34%, в Малой Польше — 11%, в Червоной Руси — 11%⁵. Большинство крестьян в этих областях имело еще значительно меньшие наделы. Раздробление крестьянских хозяйств доходит до такой степени, что наряду с заградниками и халупниками появляются владельцы половины загоды, половины халупы. Преобладание малоземельных и безземельных крестьян приводит к тому, что постепенно

¹ I. Rutkowski, Historia gospodarcza. Polski, Poznań, 1947, str. 265—267.

² Там же, стр. 266.

³ Там же, стр. 266—267.

⁴ Там же, стр. 252.

⁵ Там же, стр. 278—279.

уменьшается разница в экономическом положении между кметами, заградниками и халупниками.

Размеры крестьянских хозяйств находились в тесной связи с распространением фольварочного хозяйства. Поэтому в Малой Польше и русских землях, где фольварки были развиты больше, обезземеливание крестьян было сильнее. Наглядное представление об этом дает сводная таблица наделения крестьян землею, приведенная в работе Рутковского¹.

Области	На 100 хозяйств (в %)				всего
	безземельных	малоземельных	крестьян с землей, (до 1/4 лана)	невьясенных	
Королевская Пруссия	12,0	37,6	49,6	0,8	100,0
Великая Польша	25,4	35,6	33,5	5,5	100,0
Малая Польша	18,1	68,9	11,3	1,7	100,0
Русские земли	9,9	76,5	11,4	2,2	100,0

На юго-восточных окраинах Речи Посполитой до XVIII в. крестьянская пахотная земля распределялась между отдельными семьями по решению громады и подлежала переделу через 4—12 лет. Усадебная земля и огороды находились в индивидуальном пользовании. Каморники, халупники и заградники в переделах земли не принимали участия, так как они пахотной земли не имели. В XVIII в. это распределение земли громадой постепенно исчезает².

Огромное большинство крестьянства находилось в крепостной зависимости, которая в первой половине XVIII в. достигает наибольшего развития. Пан остается неограниченным господином по отношению к своим подданным. Он попрежнему пользуется правом продавать хлопа, распорядиться его имуществом и даже его жизнью и смертью. На это указывают многие документы, сохранившиеся в областных архивах, Акты гродские и земские, а также свидетельства современников. Известно, что шляхта продавала крестьян с землей и без земли; продавала поодиночке, а иногда и целыми семьями. Характерно, что при продаже крестьяне обычно перечисляются наравне с имуществом и скотом. Так, когда Балтазар Белхоцкий продал деревню Великую Паренбу, то наряду с перечислением хозяйских дворов он указал, что продает эти земли и усадьбы «с подданными и... скотом... волами, лошадыми и крепостными»³.

В 1741 г. Ян Велепольский дарит своего крепостного Станислава Коваля Богуславу Сераковскому⁴; помещик Флориан отдает своего крестьянина одному из родственников⁵. В актах гродских и земских часто встречаются указания и на продажу хлопов и на побегі проданных или подаренных крестьян⁶.

Видные представители польской буржуазной историографии Кутшеба, Барановский и другие стремились доказать, что польский хлоп не был

¹ См. J. Rutkowski. *Studia nad położeniem włosci w Polsce XVIII w.*, t. II, «Ekonomist», 1914, str. 97—106.

² S. Rutkowski. *Historia gospodarcza Polski*, t. I, str. 279—280.

³ L. Rafacz. *Ustrój wsi samorządnej w XVIII w.*, str. 95, Lublin, 1922.

⁴ Там же, стр. 96; Rkp. Bibl. Yag. 909, fol. 69.

⁵ L. Rafacz. *Ук. соч.*, стр. 96.

⁶ Там же.

рабом, а поэтому и продажа его была явлением исключительным. Даже Рафач, который считает, что продажа хлопа с землей является фактом, «не требующим доказательств», и что продажа хлопа «без земли» также, несомненно, имела место, все же оговаривается, что упоминания о продаже хлопков без земли «немногочисленны, и свидетельствуют об этом не в достаточно ясной форме»¹. В подобных рассуждениях буржуазных польских историков ясно выражено стремление показать в смягченной форме феодально-крепостнический гнет, тяготевший над польским крестьянством.

Крепостные крестьяне в Польше прикреплены к земле. Уже с конца XV в. они не имели права уходить от своего помещика, а убежавших хлопков пан мог разыскивать «без срока» и найденных возвращать себе.

Крестьянам запрещалось не только продавать, но и закладывать землю, передавать самостоятельно без воли пана по наследству². Но сам помещик, как собственник земли и владелец крепостного, мог согнать крестьян с земли, если ему это было угодно. Движимое имущество принадлежало крестьянину и он имел право им распоряжаться, но и это право было сильно ограничено. Помещик запрещал крестьянину продажу его живого и мертвого инвентаря. За продажу рабочего скота без ведома монастыря управление монастыря кармелитов в Черной устанавливает наказание в 50 ударов плетью продающему крестьянину и конфискацию скота³.

Крестьянам запрещалось продавать скот, а за нарушение этого они подвергались строгому наказанию. «Некоторые подданные наши,— указывает один из монастырских уставов,— ...к убытку монастыря и своему собственному разорению, скот, согласно желанию своему, кому хотят продают, поэтому постановляем, чтобы ни один подданный наш не осмеливался бы никакого скота, как рогатого, так и не рогатого, никому без ведома монастыря продавать, хотя бы этот скот был приплодом от собственного крестьянского скота или куплен им; тем более помещичьего скота нельзя продавать под угрозой наказания 50 ударами плетью и отобрания скота у купленного»⁴.

Таким образом, польское феодальное законодательство приравнивает скот к недвижимому имуществу — земле. Зависимость крестьянина выражалась в его обязанности выполнять многочисленные работы в поместье. Пан мог принудить крепостного нести дворовую службу в усадьбе и фольварке, заставить его заниматься тем или иным ремеслом, работать, кроме барщинных дней, на фольварке за плату, установленную помещиком⁵. Крестьяне очень тяготились этими принудительными работами и часто протестовали против них. Крестьяне, принудительно вызванные на работу, не могли назначить цену за нее и вынуждены были получать ту плату, которую им назначал сам пан или его управляющий. Загородники, с утра работавшие по панскому приказу, получали десять грошей, «а если кто взять их не хотел, то [приказчик] клал деньги на порог и уходил, а хлоп, хотя уже и отработал надлежащую барщину, под угрозой наказания должен был снова становиться на работу»⁶.

¹ L. Rafacz. Ук. соч., стр. 97—98.

² S. Kutrzeba i A. Mańkowski. Polskie Ustawy wiejskie XVI—XVII w. (Archiwum komisji prawniczej, t. XI), Krakow, 1938, str. 344.

³ L. Rafacz. Ук. соч., стр. 99—100.

⁴ Starodawnego Prawa, Polskiego Pomniki (в дальнейшем — SPPP), t. XII, str. 401, Krakow, 1921.

⁵ L. Rafacz. Ук. соч., стр. 135; S. Kutrzeba i A. Mańkowski. Ук. соч., str. 162—165.

⁶ Popiel. Wieś dawna a dzisiejsza, str. 175.

К принудительной работе на пана привлекались также деревенские ремесленники, которые, выполнив барщину, должны были снова отдавать помещику свой труд. За выработку одного локтя полотна ему платили по 3 гроша в зависимости от его качества, за выделку телячьей шкуры — 6 грошей, за выделку же воловьей шкуры — золотый¹. Иногда дополнительный труд ремесленников совсем не оплачивался, на что особенно жаловались кузнецы.

Такого рода принудительный наем характеризует чисто крепостнические отношения между крестьянином и феодалом. Характеризуя обременительность и кабальный характер принудительного найма для крестьянина, В. И. Ленин подчеркивает: «Данные из различных источников единогласно свидетельствуют о том, что оплата труда при отработочном и кабальном найме бывает всегда более низкая, чем при капиталистическом «вольном» найме»².

Связь крестьянского хозяйства с рынком, а также все крестьянские промыслы находились под контролем поместья. Об этом свидетельствуют выдаваемые поместьями уставы. Так, отцы доминикане в своем уставе, выданном для Великой Косины, указывают: «Если бы кто захотел заниматься торговлей, должен двор известить и с разрешения двора, показав деньги, купечеством заниматься... Когда кто получает разрешение от двора, то позволение должно быть на карте написано, а без карты никто не должен осмелиться торговать под угрозой наказания гривнами и плетью»³.

В 1747 г. те же отцы доминикане выдали устав для других деревень, расположенных около Косины, и в нем требовали, «чтобы никто из подданных не осмеливался бы в долг торговлю вести, как рогатым скотом, так и лошадьми, так как это вызывает сильное беспокойство двора, а также монастыря...»⁴

Торговля крестьян продуктами своего хозяйства и, таким образом, его связь с внутренним рынком сильно ограничивались произволом феодала, требовавшего от подданных, чтобы они продавали свои продукты только поместью и покупали бы только у своего пана⁵.

Правовое положение хлопов было исключительно тяжелым. Пан попрежнему вмешивался в личную жизнь своих крепостных и стремился регулировать ее, исходя из своих хозяйственных соображений. Не желая терять рабочую силу, паны запрещали выход замуж крестьянским девушкам за чужих крепостных. Помещик часто приказывал своему хлопам жениться в определенный срок и угрожал, что в случае невыполнения приказа он будет изгнан из поместья и лишен земли⁶. Крестьяне были обязаны молоть хлеб только на панских мельницах. Монопольное право пропинации сохранилось и в XVIII в. и очень затрудняло хозяйственную жизнь крестьянского двора. Тяжесть этих повинностей тем более ощущалась подданными, что пан не только запрещал покупать напитки в другом месте, но и принудительно приказывал каждому крестьянину покупать у него определенное их количество⁷. Часто это превращалось в спаивание крестьян, которое особенно широко практиковалось на Украине, где помещики, опасаясь открыто повы-

¹ Czacki. O litewskich i polskich prawach, Warszawa, 1880—1881, str. 186.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 166.

³ SPPP, t. XI, str. 421, Krakow, 1921. (2). L. Rafacz. Ук. соч., стр. 159.

⁴ Polskie Ustawy wiejskie, стр. 97, 172.

⁵ L. Rafacz. Ук. соч., стр. 130.

⁶ Там же, стр. 162.

⁷ SPPP, t. XII, стр. 648, Ruszta. Wies i karczma. Warszawa, 1950, str. 92.

сить барщину, увеличивали свои доходы другими средствами. Сдавая в аренду корчму, паны определяли точно количество водки, которое должен покупать крестьянин на свадьбу, крестины и похороны. Пан нередко продавал напитки своим крепостным в долг, и если последние не погашали в срок эту задолженность, то у них отбиралось имущество. В Корсунском старостве, как это указывает С. Ф. Иваницкий, помещик ухитрился получить через корчму с каждого «хлопа» по 30 золотых и 18 грошей, считая по 6 грошей за рабочий день, составляло дополнительно к барщине 153 рабочих дня¹.

Слабость развития крестьянского хозяйства объяснялась также почти полным отсутствием у крестьян кредитов, в которых они нуждались для приобретения сельскохозяйственных орудий или рабочего скота. На это требовались большие деньги, которые крестьянин не в силах был уплатить без соответствующего займа. Так, подданные деревни Нешковой для приобретения хозяйственных орудий заняли в соседней деревне 118 золотых, за что и понесли соответствующую кару². Заем давался обычно под обеспечение землей; поэтому, чтобы земля не вышла из владений пана, заем разрешалось производить только в той же деревне, где жил крестьянин. Кроме того, занимать деньги «под землю» можно было только с разрешения пана, и строго запрещалось делать займы у чужих. Процент, уплачиваемый по займу, назначался паном.

Опасаясь «бунтовщиков», помещик строго-настрого приказывал своим крепостным не принимать кого-либо из других мест без разрешения двора. «В каждом местечке, в каждой деревне,— говорится в одном из таких приказов,— следует соблюдать порядок, а для этого «гулящих людей» под страхом сурового наказания принимать запрещено»³. Патримониальная судебная власть помещика продолжала тяготеть над крепостными. Паны сами или их слуги судили крестьян, составляли свои судебные кодексы, приговаривали крестьян к судебным штрафам, избиению, тюрьме и даже смертной казни⁴. В своих приказах они требовали, чтобы в каждом селе были установлены орудия пытки для устрашения хлопов⁵. Любомирский в своей работе «*Rollnicza ludność*» приводит много приговоров, которые присуждали «виновного», т. е. непокорного пану хлопа, к отнятию ушей и носа, к повешению, отсечению головы, четвертованию и т. п.

Почти два столетия пользовался помещик «правом меча», т. е. правом распоряжаться жизнью и смертью своих подданных. Только в 1768 г. это право было отобрано у шляхты, но патримониальный суд оставался в панских руках.

Прикрепление крестьян к земле, право мертвой руки, отсутствие свободы брака, судебная зависимость и т. д.— все это создавало невыносимые условия для их труда и неизбежно вело к подрыву крестьянского хозяйства. Но особо тяжелы были крестьянские повинности, необычайно выросшие в первой половине XVIII в., приводившие крестьян к полному разорению. Барщина была основным бичом для крестьян. Феодал стремится увеличить прибавочный труд крестьян. Он организует, выражаясь словами К. Маркса, непосредственную погоню за барщинными днями⁶.

¹ Ученые записки Ленингр. гос. ун-та, 1941, вып. 7, стр. 122

² Филиал Львовского Архива при Г. А. У. СССР, *Castr. San.*, t. 152, 32341—2353.

³ *Nauz. Oekonomika zemiańska generalna*, Kraków, 1675, s. 257.

⁴ *Kutrzeba i Mankowski*. Ук. соч., стр. 194—197, 362—365; 370—371.

⁵ Там же, стр. 371.

⁶ См. К. Маркс. Капитал, т. I, М., 1949, стр. 242.

В XVIII в. значительно выросло количество обрабатываемых дней. В среднем барщина уже в XVII в. иногда равнялась 8—12 дням в неделю, а в XVIII в. она достигала даже 16 дней с лана¹. Невыгодность барщины, ее слабая продуктивность уже явно ощущаются в это время, и чтобы поднять производительность крепостного труда, помещики прибегают к точной фиксации всех видов барщины. В панских уставах XVIII в. требуется точное определение количества всей порученной крепостному работы; ежедневно указывается, какое количество загонов крестьянин должен вспахать, какое количество снопов сжать, какое количество хлеба намолотить и т. д.² В помещичьих уставах часто определялось то количество часов, которое необходимо крестьянину отработать за день. Обыкновенно нормой считался 12-часовой рабочий день зимой и 19-часовой рабочий день летом³. Эта регламентация барщины приводила к усиленной эксплуатации крестьянства.

Тяжесть барщины увеличивалась также тем, что паны обычно неравномерно распределяли барщинные дни в течение года. Они не требовали отработки всех полагающихся дней зимой, но переносили их на лето, когда особенно нуждались в рабочей силе. В поместьях Мегдшцырских подданные в XVIII в. отработывали по 16 дней в неделю от св. Войтеха до св. Мартина (летом) и по 12 дней от св. Мартина до св. Войтеха (зимой). Иногда помещики накапливали за зиму большое количество задолженных крестьянами барщинных дней, которые записывались в особые реестры, и во время летних полевых работ требовали их отработки. В инвентаре староста Сандомирского в 1753 г. указывалось, что 25 хозяев деревни Сабавы не отработали 226 дней, крестьяне деревни Сталь — 173 дня, деревни Гренбова — 245 дней. Всего же 76 крестьян задолжали 1078 дней. Здесь же давалось указание привлекать их к работе, пока «полностью не отработают»⁴.

Однако зафиксированными нормами барщины не ограничивались крестьянские повинности в пользу своих господ. Хотя в XVIII в. паны и увеличили барщину до предела, все же они не отказались ни от натуральных даней, ни от денежного чинша.

Крестьяне должны были выполнять без всякого вознаграждения много других работ для пана. Они несли повозную повинность, охраняли поместье, должны были являться на шарварки (работы по починке дорог и мостов), гвалты и толоки (обязательные работы во время горячей летней поры), прясть на панский двор, работать на панских огородах, приносить пану грибы и орехи, а в случае их неурожая должны были уплачивать деньгами. Об этом прямо говорилось в инвентарях: «орехи, когда уродятся, должен каждый дать по мере, а если не уродятся, то по 2 гроша за меру»⁵. Кроме того, в крестьянские обязанности входило снабжение помещичьего двора курами, яйцами, гусями и другие натуральные дани, а также уплата денежного чинша; крестьяне должны были также выполнять дармохи, т. е. работать в неуказанные дни, когда нужно было мочить, трепать и чесать лен и коноплю; их заставляли также ловить рыбу, стеречь овец, щипать кур и гусей.

Все перечисленные работы на помещиков крестьянин обязан был выполнять при помощи своего рабочего скота и своим инвентарем.

¹ Kutrzeba. Historia ustroju Polski, 1920, s. 176—177; D. Bardach, W 300 rocznicę powstania chłopskiego pod wodzą Kostki Napierskiego, Nowe drogi, t. III, 1951, s. 97.

² Rutkowski. Ук. соч., s. 284.

³ Мякотин. Крестьянский вопрос в Польше в период ее разделов, стр. 68.

⁴ Rutkowski. Ук. соч., стр. 197—198.

⁵ Inventory wsi Kruszenicy 1729, изд. 1905 г.

В общем повинности крестьян были так велики, что составляли в XVIII в. от 90 до 140 золотых с лана. Так было в поместьях Пулавских, принадлежавших Чарторыйским, которые не считались «злыми помещиками».

Тяжелое положение польского крестьянина в XVIII в. ярко вырисовывается при рассмотрении его бюджета.

Бохенский на архивных материалах поместья Коцк (Коск), относящихся к XVII и XVIII вв., выясняет бюджет крестьянина этого помещика. Крестьянин, проживавший в деревне Талчыне, принадлежавшей Анне Велепольской, имел 12 моргов пашни, 2 морга луга, 1 морт огорода. Он засеивал 4 морга жита, 2 морга гречи, $1\frac{1}{2}$ морга овса, $\frac{1}{2}$ морга гороха, 4 морга оставлял под паром. При благоприятных условиях после уплаты всех повинностей, десятины и выделения определенного количества зерна на засеивание у него оставалось 4,49 корца жита, 0,77 овса, 0,9 гречи, 0,75 гороха; кроме того, с огорода он собирал немного хмеля, 0,85 корца ячменя, 0,35 гречи и немного овощей. Весь этот урожай крестьянин не мог использовать для себя и своей семьи (в среднем 4—5 человек): ему необходимо было продать часть его, чтобы получить деньги, минимум 43 золотых, часть которых шла на уплату податей, часть — на одежду. Расход этих 43 золотых распределялся следующим образом: 2 золотых шли на уплату податей, 5 золотых — на уплату чинша, 4 золотых — на соль, 8 золотых — на солонину, 24 золотых — на одежду, обувь и водку. Получить 43 золотых крестьянин мог от продажи 4 корцов жита за 38 золотых и от продажи хмеля и мелкой птицы за 5 золотых. Таким образом, на пропитание всей семьи в 4 человека у крестьянина оставалось 0,49 корца жита, 0,76 корца ячменя, 0,76 корца овса, 1,22 корца гречи, немного солонины и 400 кварт молока¹.

Бохенский не располагал размерами посевов хлеба в крестьянском хозяйстве и основывался по этому на размерах посева в фольварочном хозяйстве. В своих вычислениях он учитывал, в основном, урожай зерновых культур и совсем не учитывал дохода от скота и от огорода (он ограничивался лишь неясным указанием, что крестьянин получает немного овощей).

В крестьянский надел в 15 моргов земли включалась и «неудобная земля», непригодная для пашни. Но вывод, который делает Бохенский о том, что доход крестьянина был невелик, в основном правилен, хотя, возможно, подсчеты его не точны. Если учесть, что люблинский корец равнялся 36 кг, то весь паек крестьянской семьи составлял около 116 кг. Это был сверхгодовалый паек, и можно допустить, что Бохенский несколько сгустил краски. В целом данные о скудном доходе крестьянина, приводимые Бохенским, верны. Их подтверждают современники. О бедности, постоянном недоедании «хлопов», о полной крестьянской нищете говорят все польские публицисты XVIII в. — Мартин Куженецкий в «Разговоре надворного теолога с отечественным паном», С. Гарчиньский в «Анатомии Польской республики» (1753 г.), У. Выбицкий в «Патриотических письмах к эксканцлеру Андрею Замойскому» (1777 г.) и другие.

Таково было положение барщинного крестьянина. Но в Польше в XVIII в., наряду с селами, принадлежавшими фольваркам, были чиншевые деревни. Они были разбросаны по всей Польше и встречались в Королевской Пруссии, в Великой Польше, в Краковском воеводстве и Червонной Руси. Чиншевые хозяйства характерны для Карпат и Южного Подгорья, где благодаря климатическим особенностям и трудностям сбыта хлеба помещикам невыгодно было организовывать барщинные хозяйства. Несомненно,

¹ См. Bergerówna, Księżna Pani na Kocku i Siemiatyczach, s. 262.

что чиншевые села встречались и среди фольварочных деревень, так как различные формы земельной ренты всегда сосуществуют вместе.

Повинности чиншевиков были, правда, менее обременительны по сравнению с повинностями барщинных крестьян. Однако и они были очень тяжелы для крестьян. В зависимости от качества земли крестьянин вынужден был уплачивать от 25 до 100 золотых с лана. Многие чиншевики, кроме уплаты денежного оброка, вносили натуральные дани, а некоторые даже вынуждены были обрабатывать барщину в господских имениях.

Большинство чиншевиков было сосредоточено в Великой Польше, в Познанском воеводстве. Это были колонисты, или, как их называли, олендры, часть которых некогда вышла из Голландии. Впоследствии к ним присоединились немецкие колонисты, а также польские переселенцы из других частей страны¹. Селились олендры на основе заключенных контрактов, в которых оговаривались условия держания земли. Они считались вольными поселенцами, лично свободными, но их «вольность» была сильно ограничена. Во-первых, они подлежали патримониальному суду пана. Право олендров распоряжаться землей также было ограничено, так как они являлись только держателями земли. Олендры могли оставить землю, передать ее другому держателю только при том условии, что эта земля попадет в руки зажиточного крестьянина².

Очень часто передача хозяйства требовала согласия пана.

Пан мог возводить хозяйственные постройки на земле олендров³. При передаче земли по наследству дети олендров получали ее равными участками. Передача всей земли одному из наследников не только не практиковалась, но и считалась недопустимой⁴.

Положение чиншевиков, как уже отмечалось, было несколько лучше положения барщинного крестьянства. Их заинтересованность в хозяйстве была выше, и их чиншевые взносы давали более надежные доходы фольваркам. Ряд помещиков, не получая желаемых доходов со своих поместий, где работали крепостные, начинают переводить крестьян на чинш. Это имело место в Великой Польше и отчасти на Украине. Однако большинство помещиков прочно держалось за фольварочную систему, как это, например, наблюдается в Малой Польше.

Что же представлял собою в XVIII в. фольварк, который оставался главной формой организации земельной собственности шляхты? Размеры фольварков различны и наряду с крупными магнатскими фольварочными хозяйствами сохраняются небольшие фольварки мелкой шляхты и мелкого духовенства. Хозяйство фольварка основывается на эксплуатации крепостного крестьянства, но уже во второй половине XVII в. и в первой половине XVIII в., наряду с барщиной, в нем применяется наемный труд. Наемная сила привлекалась главным образом для полевых работ. Малоземельные и безземельные крестьяне составляли те резервы, из которых шляхта черпала необходимые ей дополнительные рабочие руки.

На применение наемной силы указывают следующие факты. В старосте Сандомирском осенью 1730 г. некоторым громадам было выплачено за работу почти 500 золотых, а в следующем году им было уплачено свыше

¹ W. Rusiński, Osady tak zwanych ołędrow w dawnym woj. poznańskim. Poznań, 1939, Kraków, 1947, s. 3—6.

² Там же, стр. 9, 43—45.

³ Там же, стр. 46—47.

⁴ Там же, стр. 48.

1500 злотых¹. Применение наемной силы возрастало с увеличением числа загородников, халупников, каморников и вообще малоземельных крестьян, в связи с увеличением раздробленности крестьянских хозяйств. Все возрастающее число крестьян, не имеющих своего хозяйства, находит средства к существованию в панских поместьях в качестве батраков. Это один из симптомов, указывающий на кризис феодальной системы земельных отношений в Польше.

Высота оплаты наемного труда была различна. Если это был принудительный наем, оплата была очень невелика. Наоборот, если работник нанимался к чужому пану, то оплата была несколько выше.

Так, оплата хлопа в XVIII в. около Городли за день работы с парой волов равнялась одному злотому, а иногда даже и больше; такую же сумму получал «хлоп, работающий пешо около Дубиенки»². Оплата же крестьянина, принудительно работающего по найму, составляла только несколько грошей. Кроме панских повинностей крестьяне обязаны были платить еще и государственные налоги; особенно велики они были во второй половине XVII в. и первой половине XVIII в., когда почти непрерывные войны требовали огромных денежных сумм и государство переживало бюджетный кризис. Значительная часть налогов уплачивалась крестьянами. В 1650 г. было проведено 20 поборов, в 1651 г.—25 поборов, в 1658 г.—30 поборов, в 1661 г.—50 поборов и 2 подымных сбора³.

В 1662 г. был проведен единовременный поголовный сбор, который должна была платить и шляхта (этот сбор известен под названием *subsidiūm rogowłowne generale*), но паны, конечно, переложили его на крестьянство. Королевские крестьяне платили «гиберну» — военный налог, уплачиваемый деньгами, который во второй половине XVII в. непрерывно возрастал. С земель духовенства уплачивался вместо гиберны так называемый «*subsidiūm charitatiwum*», этот налог вносили также крестьяне. В 1677 г. он составил 304 тыс. польских злотых⁴. Фактически же крестьяне платили значительно больше из-за постоянных злоупотреблений сборщиков налогов.

Так государство увеличивало крепостнический гнет по отношению к крестьянам. Часто у последних отбирался не только прибавочный продукт, но даже необходимый. Положение крестьян еще более ухудшилось в связи с войнами, которые вело польское государство во второй половине XVII и в XVIII в. Многие территории государства, служившие ареной военных действий, были опустошены. Часто постои и грабежи королевского войска приносили крестьянам больший ущерб, чем неприятельская армия. Рутковский в своей статье «*Przebudowa wsi w Polsce*» приводит много примеров «записей убытков», нанесенных крестьянам реквизициями проходящих или стоящих на постое польских войск. Так, кроме панского гнета, на плечи крестьянина тяжелым дополнительным грузом ложились тяготы войн⁵.

Процесс упадка крестьянского хозяйства наблюдается во всей Речи Посполитой. Он ясно выражен не только в коренной Польше, но и в Белоруссии и Украине. После Люблинской унии польскому королю принадлежали огромные владения в Белоруссии — Могилевское и Гродненское староства, города и замки — Речица, Мозырь, Бобруйск, Кобрин, Чергек, Орша и др.

¹ L. Rutkowski. Ук. соч., стр. 79.

² Там же, стр. 79.

³ Там же, стр. 258.

⁴ Там же, стр. 260.

⁵ *Kwartalnik historyczny*, XXX, 1916, s. 314—315.

Эти земли большей частью были розданы королем вместе с крестьянами польским панам. Проведенная Сигизмундом Августом после Люблинской унии земельная реформа («Устава на волоки») создала необходимые условия для развития панских фольварков в Белоруссии, усилила обезземеливание крестьян, безгранично увеличила их крепостническую эксплуатацию. Под фольварки отводились лучшие земли, часто раньше возделывавшиеся крестьянами. Согласно этой реформе крестьяне должны были работать на барщине 2 дня в неделю, но для помещиков, пользовавшихся правом внеэкономического принуждения, эти нормы не являлись обязательными и фактически в значительной части имений уже с середины XVII в. барщина колеблется от 3 дней в неделю зимой до 8 дней летом. Такой вывод делает Д. Л. Похилевич на основании анализа «Ординации пуш» 1641 г.¹

Кроме барщины, над крестьянином в Белоруссии, так же как и в Польше, тяготели и другие повинности: чинш, который вносился деньгами и натурой (рожью, овсом); гвалты, подводная повинность, стража и т. п. Дворовые баналитеты, торговые монополии и пропинация составляли один из важных источников дохода поместного хозяйства за счет крестьянского. Десятины в пользу церкви, государственные налоги, пошлыны и штрафы, уплата гиберны и военные постой в королевских землях², — все эти многочисленные повинности крестьянин должен был нести со своего небольшого хозяйства и небольшого надела. Все эти повинности типичны для феодальной деревни любой части Короны, но многие исследователи иначе оценивали путь социально-экономического развития Литвы и Белоруссии, неверно понимали значение «Устава на волоки» и ее исторические последствия. Многие историки как шляхетского, так и буржуазного направления (Чацкий, Ярошевич, Любавский, Добнар-Запольский, Колянковский и др.) не понимали социальной сущности реформы, не видели ее отрицательных последствий для крестьянства.

С середины XVII в. в Литве и Белоруссии крестьяне начинают переводиться на чинш. Это особенно характерно для государственных поместий, которые обычно сдавались в аренду. Арендаторы самым хищническим образом эксплуатировали «хлопов». Они не были собственниками поместий и не были заинтересованы в поддержании на известном экономическом уровне крестьянского хозяйства. Арендаторы стремились получить от арендуемой земли как можно больше доходов, до предела выжимали повинности из крестьян. Государство, устанавливая чинш, стремилось защитить крестьян от разорения, чтобы обеспечить себе определенный доход.

Перевод крестьян на чинш вызывался и другими обстоятельствами. В результате войн второй половины XVII и первой половины XVIII в. сократилось сельское население, а поместья нуждались в рабочих руках для восстановления хозяйства. Все это заставляло создавать более льготные условия для крестьян, которые всегда могли убежать к другому помещику в поисках лучшей доли. Государственные поместья находились в исключительно тяжелом положении. В результате войны они были разорены не только войнами, но и разгромом коронных и литовских войск и сбором налогов на содержание войска, и не имели возможности оказать хозяйственную помощь своим крестьянам для восстановления их хозяйств. Перевод крестьян на чинш и предоставление им некоторых льгот было для ко-

¹ Д. Л. Похилевич. Государственные крестьяне западных воеводств Великого княжества Литовского в XVI—XVIII вв. (Автореферат диссертации), Львов, 1950, стр. 12.

² Акты Виленской комиссии, 1870, т. III, стр. 328.

ролевской власти единственным средством удержать крестьян. Королевские декреты узаконивали и определяли чиншевые обязательства крестьянства, но старосты и держатели королевских поместий не считались с королевскими декретами и произвольно вводили барщинные повинности. Это вызывало со стороны крестьянства резкий протест, который очень часто принимал самые острые формы классовой борьбы.

Такая же безрадостная картина положения крестьян наблюдается и на правобережной Украине, которая после «Хмельничины» оставалась за Польшей. С. Ф. Иваницкий в статье «Основные вопросы крестьянского восстановления на Украине в 1768 г.»¹ на основании большого количества инвентарей и люстраций дал характеристику жестокой эксплуатации крестьянства в различных районах Украины. Так, на Волыни, менее разоренной, был силен крепостной гнет и хотя и имела место только трехдневная барщина, но благодаря различным дополнительным работам, так называемым заоркам, оборкам, закоскам, обкоскам, зажинкам, обжинкам, толокам, шарваркам и пр. количество барщинных дней доходило до 321 в год². В северной Киевщине нужда в рабочих руках была значительно больше. Поэтому помещики вынуждены были привлекать крестьян разного рода льготами; барщина здесь была несколько уменьшена: она равнялась 1—2 дням в неделю с 1/2 лана. Вся сумма повинностей выражалась от 68 дней в очиншованных селах до 118 дней в год в остальных³.

В Брацлавщине и южной Киевщине особенно остро ощущалась потребность в рабочей силе и поэтому здесь крестьянам обещались большие льготы, а иногда они и совсем освобождались на время от повинностей. Но, конечно, эти льготы действовали только на первых порах, они давались, как приманка, привлекающая крестьян на земли того или другого помещика.

Заключая с селившимися крестьянами условия, паны обычно всегда отоваривали, что даваемые льготы будут действовать только определенный срок (от 15 до 30 лет), но затем обычно нарушали эти условия и очень скоро отбирали у крестьян обещанную «волю» и переходили к беспощадному угнетению⁴. Эксплуатация крестьянства на Украине увеличивалась еще и тем, что 40 магнатских семейств держали большую часть земли в своих руках и управляли своими латифундиями посредством управляющих, которые не только получали с крестьян повинности в пользу пана, но и сами обогащались за их счет, произвольно увеличивая их барщинные повинности.

На Украине также имела место система аренды, система держаний старостами и посессорами, которые до конца разоряли крестьян. Этот рост эксплуатации вызвал противодействие крестьян, стимулировал классовую борьбу на Украине, принимавшую, как и во всей Польше, различные формы. Часто она велась под лозунгом борьбы за национальную независимость и православную веру.

Крестьяне пользовались и другими средствами противодействия безграничной эксплуатации шляхтой. Выходя на барщину, они небрежно работают на господской пашне и на господском дворе; они скрывают доходы своего хозяйства, чтобы платить меньше даней; в своих жалобах в судебные инстанции оспаривают увеличение повинностей или захват земли. Крестьяне постоянно угрожают помещику уходом или бегут от него. Несмотря на то,

¹ Ученые записки Ленингр. гос. ун-та. Серия исторических наук, вып. 7, Изд. Лен. гос. ун-та, 1941, стр. 117—138.

² АЮЗР, т. II, ч. 6, стр. 45, 63, 64, 83.

³ Там же, стр. 31—32, 49, 50.

⁴ Там же, стр. 32 (предисловие 4).

что в руках шляхты находится наемная сила, аппарат принуждения, часто вспыхивают стихийные крестьянские восстания. Панские уставы очень ярко отражают столкновения крестьянских и помещичьих интересов в рассматриваемое время. Эти уставы составлялись «для лучшего порядка», для охраны панского хозяйства¹. Огромное внимание уделяют эти уставы панщине, малейшее нарушение которой каралось большим денежным штрафом (в 2 гривны)², наказанием плетьюми и сидением в гонсиоре³.

Особое внимание уставы уделяют заградникам, халупникам и коморникам, которые часто, не имея земли, должны были нести высокую барщину — до 4—5 дней в неделю и выполнять много других дополнительных работ, за отказ от которых они также подвергались наказанию⁴. Естественно, что они особенно упорно отказывались выполнять свои повинности. Из этих же уставов мы узнаем, что крестьяне опустошают панские леса, не желают давать пану свои подводы, не хотят покупать у пана спиртные напитки и т. д.⁵

Особенно строго преследуется уставами оскорбление пана или даже его управляющего, за что полагалась избияние плетьюми часто до смерти или смертная казнь⁶. Всякое «своеволие» крестьян влекло за собой суровое наказание⁷.

Помещичьи архивы и акты гродские и земские сохранили много сведений о крестьянском сопротивлении. Из них нам становится известно, что крестьяне в тех случаях, когда панские приказы становились невыносимыми, объединялись и действовали против своих угнетателей. Так, подданные ключа Лонцкого в 1710 г. по постановлению громады не подчинились панскому приказу, который устанавливал неделимость крестьянских и заградничьих хозяйств⁸. Крестьяне собираются для обсуждения совместных действий против пана, хотя панские уставы строго обязывают своих приказчиков, войтов и присяжных тщательно следить за «хлопами» и не допускать таких сборищ⁹.

Одной из форм классовой борьбы польских крестьян было их бегство от своих угнетателей. Так, когда у крестьян забиралась земля и их хозяйство обращалось «в ничто», крестьяне угрожали пану побегом и нередко действительно убегали от него целыми семьями или в одиночку. Несмотря на стремление пана замкнуть подданных в своих владениях, крестьяне оставляли свое хозяйство и уходили к другим помещикам, уходили в города, в горы, на Украину, в Россию¹⁰. Бегство крестьян не уменьшалось и в XVIII в. Ни самые строгие постановления против беглых, ни тюрьма, ни заковывание в кандалы, ни угроза виселицы, чем наказывали бежавших и пойманных хлопов, не удерживали крестьян. Паны также продолжали переманивать хлопов, о чем говорят жалобы шляхты на сейме в 1748 г.¹¹

Особый характер носят побег крестьян, уходивших в горы, к збуйникам — народным мстителям, в лице которых народ видел своих защитников

¹ SPPP, t. XI, Kraków, 1921, str. 375.

² Там же, стр. 375.

³ Там же, стр. 374.

⁴ Там же, стр. 375—377.

⁵ Там же, стр. 384, 361, 371, 349.

⁶ Там же, стр. 389.

⁷ Там же, стр. 379; Kutrzeba i Mańkowski. Ук. соч., стр. 181.

⁸ L. Rafacz. Ук. соч., стр. 38.

⁹ Там же.

¹⁰ Volumina legum, t. III, s. 24. Diariusz Sejmu 1748 r., s. 236, 247, 248.

¹¹ SPPP, t. XI, s. 318.

от панского гнета. Это движение носило характер активного выступления народных масс против своих угнетателей. Недаром шляхта боялась и ненавидела збуйников, или опришков, как их называли на Украине. Она на протяжении столетий ведет с ними самую решительную и жестокую борьбу. Их главные опорные пункты — на Карпатах, в Подгалье, в Саноцкой земле. Сюда шли крестьяне из различных мест Польши. Здесь в горах они становились свободными людьми, сбросившими зависимость от пана, и это ощущение свободы выражали своей «збуйницкой» песней: «Паны, паны, вы были панами, но уже не будете командовать нами».

Отсюда совершали «збуйники» свои налеты на панские усадьбы. Они были грозными мстителями за крестьянские обиды. Здесь в горах вырабатывался тип «збуйницкого» атамана, защитника хлопов и беспощадного врага шляхты, каким был знаменитый Яносек, воспетый народом в многочисленных, сложенных в его честь песнях.

Шляхта не жалела средств для ликвидации «опришков» и «збуйников». Она установила на сеймиках специальные поборы для рекрутирования солдат с целью борьбы с народными мстителями. Под влиянием страха, после разгрома ряда помещичьих усадеб (Николая Боровского, панны Гроховской и др.), после многих нападений збуйников в Саноцкой земле, саноцкая шляхта охотно жертвует деньги для организации борьбы против них и одновременно просит маршалка о помощи¹. Против «збуйников» направляют пехоту, пытаются ликвидировать их военной силой, по деревням и местечкам проводится розыск «збуйников» и их сторонников, пойманных подвергают смертной казни. Но все эти средства оказываются безрезультатными, остановить народный протест невозможно. Снова и снова нападают «опришки» и «збуйники» на панов, убивают помещиков, сжигают усадьбы, забирают в плен и уходят в горы или за венгерскую границу².

По официальным данным, шляхетские усадьбы терпели значительные убытки от «опришков» и «збуйников». Убытки, нанесенные нападениями в 1694, 1696, 1698 и 1791 гг. на поместье Марковица, принадлежавшее иезуитам, составляли 10 тыс. золотых. Иногда убытки были гораздо более значительны. Так, в 1701 г. пан Владислав Дзвонковский пострадал на 20 тыс. золотых, пан Турецкий — на 150 тыс. золотых, пан Вислоцкий — на 400 тыс. золотых, пани Варвара Ромерова — на 600 тыс. золотых и т. д.³ Можно было бы значительно увеличить количество подобных примеров, но и приведенных достаточно, чтобы убедиться в том, что движение «збуйников» и «опришков» имело большой размах. Широко развивается крестьянское движение на Украине, где панский произвол усиливается религиозным и национальным угнетением. В правобережной части Украины в начале XVIII в. крестьянское движение приняло характер повстанческой борьбы, так называемого гайдамачества.

Уже в начале XVIII в. универсал 1717 г. отмечает появление «подозрительных» людей⁴. В этом универсале явно выражен шляхетский страх перед гайдамаками, которых шляхта называла смутьянами и бунтарями. Украинское же и польское крестьянство считало гайдамаков борцами за народное дело, так как сами крестьяне организовывали эти отряды, выступавшие против безграничного панского произвола. Наряду с крестьянами в

¹ Prochaska. Samorząd wojewodstwa zaskiego w walce z opryszkami, Kraków, 1907, s. 20—21.

² Там же.

³ Там же, стр. 42.

⁴ АЮЗР, т. III, ч. III. Вводная статья. Киев, 1876, стр. 10.

гайдамацких отрядах встречаются также городские ремесленники, мещане, разоренные, совсем обнищавшие и вынужденные покинуть город вследствие упадка торговли и промышленности. Руководящую роль в движении гайдамаков играют запорожцы — запорожская гольгтьба, состоявшая из беглых крестьян (с Украины, из Белоруссии, Польши) — обычно выдвигавшие руководителей отрядов, которые назывались ватажками.

Количество гайдамацких отрядов быстро росло, в их походах участвовало большое число оседлых крестьян. Достаточно было призыва ватажка, чтобы из крестьян составилась значительный по размерам отряд¹. Гайдамацкое движение проявляется в различных формах, но всегда выражает активное сопротивление шляхте. Крестьяне изгоняли помещиков и их управляющих, грабили панские усадьбы, уничтожали документы, избивали и убивали панов. Иногда крестьяне нападали на города и замки, убивали панов, ксендзов и ростовщиков. Особенно усилилось движение в 1734 г., когда в Польшу были направлены русские войска для борьбы с конфедератами, выступившими в защиту Лещинского.

Крестьяне же объяснили задачи русских войск сообразно своим классовым интересам. Среди них распространялись слухи, что русские военные начальники выдают грамоты от имени императрицы, разрешающие грабить и истреблять панов. Началось восстание, охватившее все Киевское воеводство и Брацлавщину. О том, что движение приняло широкие размеры, свидетельствует универсал Киевского воеводы Стецкого. В нем смертельно напуганный воевода писал следующее: «Наши подданные в Киевском воеводстве все сильнее и сильнее примыкают к мятежу... Они подняли руки на Речь Посполитую и на панов... забыли страх божий, святые заповеди, законы Речи Посполитой, христианскую веру и любовь к ближнему; они нападают на дворы, грабят, мучат, проливают невинную кровь, совершают убийства, предаются разбою и грабежу, попирая не только законы Речи Посполитой, но и божественные»².

В Брацлавском воеводстве движение приняло еще более широкие размеры. Во главе восставших встал начальник надворных казаков Верлан, объявивший себя полковником. Всех примкнувших к движению крестьян и казаков он разделил на сотни и десятки, которые заносились в регистры казацкого войска. Верлан захватил города Броды и Жванец, очистил от польских войск почти всю Подолию и двинул свои отряды по направлению к Львову³. Когда шляхта приняла кандидатуру Августа III, поддерживаемую Россией, русские правительственные войска помогли ликвидировать движение. Крестьянские отряды были вскоре рассеяны. Многие руководители движения были казнены, значительная часть крестьянского населения этих районов, спасаясь от панской мести, вынуждена была бежать в Запорожские степи. Но среди русской армии было много солдат и казаков, сочувствовавших хлопам и, очевидно, даже помогавшим движению. Об этом говорит манифест ландграфа Гессен-Гамбургского, кровавого усмирителя восставших крестьян, который разрешал панам убивать всякого русского солдата или казака, не имеющего отпуска от своего начальства: «За это они не только не должны опасаться ответственности перед русскими властями, но, напротив, могут ожидать полной его признательности».

Движение 1734 г. было подавлено, но очень скоро организуются новые отряды, действующие под предводительством Гривы, Медвидя, Жилы,

¹ АЮЗР, т. III, ч. III, Вводная статья, Киев, 1876, стр. 19, 160—162, 371, 388.

² Там же, стр. 82—83.

³ Там же, стр. 67—76.

Руди и др. Уже в 1734 г. Грива захватил город Винницу, разорил иезуитский и доминиканский монастыри и наwerbвал крестьян, совершая нападения на дворянские усадьбы, причем главное внимание он уделял уничтожению шляхетских документов¹.

В 1736 г. гайдамаки захватили местечко Паволочи и замок, принадлежавшие князьям Любомирским, перебили захваченную в замке шляхту и удалились за границу². Шляхта была смертельно напугана этим движением. Она снова мобилизовала все силы для его подавления, обратилась за помощью к королю и русскому правительству, но крестьянские выступления прекратить ей не удалось. И акты, и газета «Kurier Polski» выражают ненависть польской шляхты к «крестьянским бунтам», но и они отмечают, что эти «разбойники ни одной деревни не трогают», т. е. этим подчеркивается враждебность крестьян только по отношению к шляхте и ее слугам³.

В 1750 г. движение принимает снова широкие масштабы. Тысячи гайдамаков действуют на Украине при полном сочувствии и поддержке крестьянства⁴.

Около пяти лет продолжаются волнения в Кросненском старостве Саноцкой земли. Они были вызваны беспощадным грабежом старост (вначале Сигизмунда Фредро, а затем его сына, Кароля Фредро), которые совершенно разорили своих подданных. Представители хоругвей, направленных в староство для сбора гиберны, вынуждены были сообщить королю о неплатежеспособности подданных. «Подобно тому, как отец Фредры это делал, — жаловались депутаты, — так и сын, новый староста, опустошил староство до такой степени, что подданные налогов на войско уплачивать не в состоянии»⁵. Но так как внести налог со староства было необходимо, то Кароль Фредро в 1664 г. решил собрать его силой и приказал забрать у крестьян, не уплативших налог, скот. Когда с этой целью в село Команчи явились слуги старосты, вооруженные топорами и оружием, крестьяне напали на них, отняли уведенный скот и угрожали расправой⁶.

Король приказал строго пресекать бунты, сурово судить и наказывать бунтовщиков⁷. Наряду с этим в королевском декрете предписывалось старосте «невыносимых повинностей на крестьян, слишком высоких чиншей и непосильной барщины на подданных не налагать».

Прохаска объясняет это указание короля его сочувствием к хлопам: «король, как справедливый судья, вступился за обиженных крестьян»⁸. На самом же деле эти королевские указания старосте объяснялись тем, что непосильные повинности и дани разоряли королевских крестьян, подрывали хозяйство королевских поместий и таким образом сокращали доходы казны.

Как обычно бывало, Фредро второй части королевского декрета не выполнил и, договорившись с солдатами, собирал государственный налог с подданных, не выдавая им квитанций об его уплате.

В деревнях Щавной и Оджеховой, где, очевидно, крестьяне не в состоянии были уплатить требуемую сумму, слуги старосты нападали на крестьян и избивали их. Тогда крестьяне снова с оружием в руках выступили против

¹ АЮЗР, т. III, ч. III, стр. 120—123, 257, 258, 259.

² Там же, стр. 227—228.

³ Там же, стр. 289—290.

⁴ Там же, стр. 427.

⁵ Prochaska. Starostwo Krosnieńskie Przewodnik naukowy i literacki, 1921, s. 92.

⁶ Там же. Ук. соч., стр. 93.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

старосты, как сообщал об этом подстароста Пташицкий в Саноцком городском суде¹, и напали на дом, в котором находилась контора старосты. В свою очередь, староста ответил на открытую вооруженную борьбу крестьян жестокими репрессиями. Между тем, король требовал от специально посланных в староство хоругвей сбора налогов. Когда депутаты хоругвей снова приступили к сбору налога, крестьяне напали на сборщиков и «опять обильно лилась кровь», были убиты начальники хоругвей, было много тяжело раненых. Когда же представители хоругвей все же попытались собрать хлеб, крестьяне не только не дали хлеба, но снова выступили с оружием в руках, некоторых делегатов убили, других ранили².

Волнения в Кросненском старостве продолжались несколько лет; сюда было направлено несколько комиссий, расследования которых не давали желательных результатов. Тогда король назначил особую комиссию, преимущественно из духовенства, рассчитывая на его влияние на крестьян.

22 сентября 1666 г. король особым мандатом вызвал старосту Фредро на суд, но так как и последняя комиссия не дала никаких результатов, столкновения между Фредро, подданными и хоругвью продолжались вплоть до 1678 г., когда умер Фредро. Дальнейшее развитие событий документы не освещают, но и указанных фактов достаточно, чтобы проследить развитие острой классовой борьбы в деревне, которая нередко перерастала в вооруженное выступление крестьян.

Мощное крестьянское движение, также носившее ярко выраженный антикрепостнический, антифеодальный характер, охватило Литву и Белоруссию. Так, известны восстание в 1671 г. в селе Плотницы, в 1692 г. около Могилева, в 1770—1771 г. восстания крестьян Слонимского староства и в 1740—1744 гг. — крестьян Кричевского староства³. Непрерывно происходили крестьянские выступления не только на окраинах, но и в центральной Польше, хотя они до сих пор мало изучены. В 1670 г. не в первый раз с оружием в руках защищают свои права хлопы в Подгалии.

В 1669 г. на зимовку в Новый Тарг прибыла хоругвь старосты генерала Яна Малопольского и старосты Новатаргского Яна Валепольского⁴. Сразу, по принятому обычаю, были высланы по селам депутаты для сбора гиберны⁵. Крестьяне, отягощенные панскими повинностями и даями, раздраженные злоупотреблениями при сборе военного налога и дерзким обращением солдат с их женами и дочерьми, напали на сборщиков налогов и сильно избили их, забрав у них одежду и коней⁶. Затем, как указывает один из членов хоругви пан Жадковский, горцы с оружием в руках окружили местечко Новый Тарг, отряд коронного войска отступил перед восставшими, к которым присоединились «опришки» и «збуйники» с венгерской границы и число которых достигло нескольких тысяч. Король Ян Собеский направил 7 отрядов к Новому Таргу. «Бунтовщики, — рассказывает Жадковский, — дошли до такой дерзости, что выступили против королевского войска с оружием в руках, имея деревянные пушки и другое оружие: ружья, косы, топоры и заостренные палки». Рассеянные королевскими отрядами, повстанцы ушли в густые леса и горы.

¹ Prochaska, Ук. соч., стр. 96.

² Там же, стр. 99, 160.

³ Д. Похилевич, Селянский дух против феодального наступка, Наукове записки Львовского ун-та, 1946, стр. 32—33.

⁴ Rocznik Podhalański, 1914—1921 г., s. 89.

⁵ Там же, стр. 89. «Manifest Nowotargski», док. III, прилож., стр. 99—100.

⁶ Там же.

Известны и другие крестьянские движения в Польше. В 1702 г. восстали крестьяне под предводительством Палея и Самуся. В пуше Курпировской движения не прекращались всю первую половину XVIII в. Население упорно защищало свои права от королевских державцев¹.

Большинство польской шляхты и магнатов, крайне напуганное движением, считало, что эту «язву» нужно было выжечь каленым железом, и требовало для «бунтовщиков» самых жестоких наказаний. Считалось также необходимым занять хлопа работой, чтобы у него не было времени для «гультайства», чтобы сделать из хлопа покорное животное. Только отдельные представители шляхты считали целесообразным стать на путь некоторых, очень осторожных хозяйственных реформ. В первой половине XVIII в. еще не был поставлен вопрос об отмене крепостного права, но невыгодность барщинного труда указывала на целесообразность замены барщины чиншом. На чинш переводит своих крестьян кн. Понятовский в Велюнском старостве, Андрей Замойский в поместьях бежуньских, кн. Павел Бжостовский в поместьях Мереч. Иногда все же, наряду с чиншом, частично сохранялась и барщина. Иохим Четвертович, хотя и перевел крестьян на чинш, но сохранил шарварки. Староста Красинский в своем завещании указал, что крестьяне могут добровольно выбирать повинности и по своему желанию отрабатывать барщину или платить чинш. Даже такая убежденная крепостница, как кн. Анна Яблоновская, в своих «Уставах для управляющих» некоторые натуральные дани переводит на чинш и незначительно сокращает барщину.

Но только часть шляхты, более связанная с рынком, понимала необходимость реформ. Огромное большинство шляхетства не видело и не понимало перспектив экономического развития Польши и крепко держалось за старые формы земельных отношений и барщину. Феодалы не хотели идти ни на какие реформы даже под угрозой крестьянского восстания.

Однако классовая борьба крестьян отчетливо показывала, насколько глубок был переживаемый Польшей в первой половине XVIII в. кризис, который неуклонно вел государство к полному упадку. «Страна, которая упорно сохраняла нерушимым феодальный строй общества, в то время, как все ее соседи прогрессировали, формировали буржуазию, развили торговлю и промышленность и создали большие города,— такая страна была обречена на гибель»,— указывал Энгельс².

¹ Baranowski. Chłopskie Ruchy społeczne w Polsce końca XVIII w. «Wiadomości historyczne», 1950, N 1, str. 12.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. 1, стр. 159.

С О О Б Щ Е Н И Я

Ю. А. Писарев

КРЕСТЬЯНСКИЕ ОТХОЖИЕ ПРОМЫСЛЫ В СЕРБИИ И ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ОБЛАСТЯХ АВСТРО-ВЕНГРИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Вопрос о крестьянских отхожих промыслах в конце XIX — начале XX в. в Сербии и южнославянских районах Австро-Венгрии не изучен в исторической литературе. Не исследована также и более общая проблема развития капитализма в Сербии, Хорватии, Боснии, Герцеговине, Македонии, Словении и других южнославянских областях, вошедших в 1918 г. в состав Сербо-хорвато-словенского государства. В особенности мало изучен вопрос о развитии капитализма в деревне, о разложении крестьянства в результате этого развития, о распадении семейных общин — задруг, о процессе пролетаризации и пауперизации крестьянства и всех других процессах, сопутствующих развитию капитализма.

В буржуазной исторической литературе — сербской и иностранной — нет ни одного сколько-нибудь серьезного научного исследования, посвященного этой важной проблеме. Почти нет работ и по более узкому вопросу, рассматриваемому в настоящей статье — о крестьянских отходах. На сербском языке имеется всего три работы о крестьянских отходах: книга Еленко Петровича «Печалбары»¹, монография того же автора о мерах по консервации земельных отношений² и небольшая статья Л. Биелича о крестьянах-переселенцах³.

Книга Еленко Петровича «Печалбары» посвящена крестьянским отходам в Сербии в 90-х годах XIX в. В ней приводятся некоторые фактические материалы о положении крестьян-отходников, их заработках и их работе в городах и имениях крупных румынских и венгерских помещиков и сербских кулаков. Известный интерес представляют содержащиеся в книге данные о числе отходников, цене на землю и другой фактический материал, нуждающийся, однако, в очень серьезной проверке и требующий значительных поправок. Самым примечательным в работе является документация, к сожалению, весьма немногочисленная и также требующая к себе

¹ J. Петровић. Печалбари, Београд, 1920.

² J. Петровић. Окућје или заштита земљорадничког минимума, Београд, 1930.

³ Л. Бјелић. О печалбарима. Статья, опубликованная в органе социал-демократической партии Сербии — журнале «Борба» от 1 марта 1914 г.

критического отношения. Но этим достоинства книги и ограничиваются. Прежде всего совершенно несостоятельной в научном отношении является сама концепция автора. Более того, вряд ли вообще можно говорить о научной концепции применительно к этой работе, в которой приводятся лишь отдельные разрозненные факты и даже не делаются попытки их обоснования.

Еленко Петрович не показывает ни причин крестьянских отходов, ни их характера, ни их последствий. Автор неправильно утверждает, что отход крестьян из деревни в город на приработки объясняется будто бы «ростом народонаселения» и «нехваткой в связи с этим продовольствия»¹. Утверждая это, автор скатывается в этом вопросе на реакционные мальтузианские позиции.

Другой причиной крестьянских отходов Петрович считает постоянную неурожайность, не объясняя при этом, что сама неурожайность является следствием экстенсивности, отсталости сельского хозяйства. Вместо этого автор делает антинаучный вывод о том, что неурожайность объясняется будто бы «стихийными бедствиями»².

Во второй книге — «Окучье или защита земледельческого минимума» — Петрович, приводя довольно обширный (но далеко не достаточный!) материал о тяжелом положении крестьянства, делает столь же неверный вывод о причинах такого тяжелого положения. Автор игнорирует факт все усиливающейся эксплуатации трудящегося крестьянина помещиком и сельской буржуазией и даже обвиняет самих крестьян в «отсутствии бережливости», в «недостаточной хозяйственности» и т. д., и т. п.³

Спасение от крестьянской нужды — неизбежной спутницы капитализма — Петрович видит в осуществлении ряда мероприятий либерального толка — в организации различного рода сельскохозяйственных, агротехнических курсов, развитии более рентабельного виноградарства, масличных и технических культур вместо зерновых, в создании государственных кредитных учреждений и т. д.

Все эти требования автора типичны для буржуазного либерала, к числу которых принадлежал и Петрович. И как всякий буржуазный либерал, Петрович смертельно боялся решительной ломки старых аграрных отношений — аграрной революции, в результате которой только и возможно коренное улучшение положения трудящегося крестьянина.

Петрович утверждал, что отходничество — кабальный наем гонимых нуждой и голодом батраков к помещику и кулаку — не такое уже зло, что оно даже «выгодно» (?!) крестьянину и должно быть сохранено⁴.

Мало чем отличается от Петровича в оценке причин и характера развития крестьянских отходов и другой буржуазный исследователь этой проблемы — Биелич⁵. Так же как Петрович, Биелич видит причину ухода крестьян на приработки в систематической неурожайности, неплодородности почвы, в стихийных бедствиях, которые, по Биеличу, суть явления постоянные, в отличие от Петровича, считающего стихийные бедствия эпизодическим явлением⁶. К числу других причин появления крестьянских отходов Биелич

¹ И. Петровић. Печалбари, стр. 19.

² Там же, стр. 30.

³ И. Петровић. Окучје или заштита земљорадничког минимума, стр. 42.

⁴ И. Петровић. Печалбари, стр. 39.

⁵ Л. Биелић. См. Ук. соч.

⁶ Там же, стр. 30.

относит налоговый гнет. Однако он не раскрывает грабительского, классового характера налоговой политики правительства.

Главным злом в деревне автор считает ростовщичество, ликвидация которого, по его мнению, вполне возможна в условиях капитализма. Надо только, говорит он, создать «биржи труда», и всякое ростовщичество будет подорвано.

Точку зрения Биелича по поводу роли сельского ростовщичества разделяют и другие буржуазные исследователи аграрных отношений — М. Аврамович¹, Ст. Косиер², Ст. Данилович³, Д. Байкич⁴, Н. Беловучич⁵, Ф. Шпиллер-Муиз⁶, Б. Никосавич⁷ и др., специально историей крестьянских отхождений не занимавшиеся, но частично поднявшие этот вопрос в своих исследованиях. В их работах содержится ряд важных для нас данных о крайне тяжелом положении крестьянства, сообщаются факты, свидетельствующие о разорении и пауперизации деревни⁸.

Однако буржуазные исследователи не анализируют эти данные, ограничиваются лишь самым общим выводом о том, что деревня катастрофически быстро разоряется и нищает.

М. Аврамович, Л. Прохазка, М. Тодич и др. исследователи аграрных отношений и истории кооперативного движения в Сербо-хорвато-словенском государстве утверждают, что единственная причина такого быстрого разорения деревни заключается в отсутствии в Сербии и южнославянских землях Австро-Венгерской империи государственных и кооперативных кредитных учреждений, которые могли бы, по их мнению, предоставлять крестьянам ссуду и тем спасти деревню от кабалы сельского ростовщика.

Ни один из этих авторов не решает существа проблемы, не говорит об исторической причине появления крестьянских отхождений и сельского ростовщичества, не показывает, что и уход крестьян на приработки в город и проникновение в деревню финансового капитала являются следствием одного и того же процесса развития капитализма, представляют собой две стороны проявления этого процесса.

В настоящей статье не ставится задача исследования процесса развития капитализма в Сербии и южнославянских землях Австро-Венгрии. Они в рассматриваемый период не составляли еще единого государства⁹ и в каждой из них это развитие имело свою специфику, что делает вообще невозможным освещение этого вопроса в рамках одной статьи. Автор поста-

¹ М. Аврамовић. Наше сельчко газдинство, Београд, 1928.

² S. Kosijer. Bosnai, Herzegowina, Zagreb, 1926.

³ С. Даниловић. Економски проблеми Црне Горе. Альманах Цетиње, 1926, стр. 43—52.

⁴ Д-р Байкић. Сельчки кредит, Београд, 1928.

⁵ N. Z. Bjelovučić. Riješenje dubrovačkog kmetstva i polovništva, Dubrovnik, 1924.

⁶ Fran Spiller, Muys. Agrarno vprašanje v Sloveni. Ljubijana, 1924.

⁷ Blagoje Nikosavić. Die Agrarverfassung und der landwirtschaftliche Kredit Jugoslawiens, Berlin, 1935. Todi Milan, Die landwirtschaftliche Eigentums und Betriebsverhältnisse in Bosnien und der Herzegovina. Wien, 1913.

⁸ В книге «Kako živi narod?», Zagreb, 1936, приведены, в частности, данные анкеты, проведенной в 1914 г. и после войны «Главным кооперативным союзом Сербии».

⁹ Хорватия, Словения, Далмация, Босния и Герцеговина до 1918 г. входили в состав многонациональной Австро-Венгерской империи. 1 декабря 1918 г., после распада Австро-Венгрии было создано Сербо-хорвато-словенское государство, включившее в свой состав, помимо южнославянских земель бывшей Австро-Венгрии, Черногорию, которая после присоединения к Сербскому королевству потеряла свою самостоятельность, и часть Македонии (Вардарская Македония), доставшейся Сербии в результате Балканских войн.

вил перед собой задачу — осветить вопрос о крестьянских отходах, дав характеристику этого интересного явления в самом общем виде. Проблема же развития капитализма в городе и проникновения капитализма в деревню еще ждет своего исследования, важность которого трудно переоценить.

* * *

В конце XIX — начале XX в. в Сербии и южнославянских районах Австро-Венгрии усилился процесс капиталистического развития. Это развитие, особенно в области промышленности, проходило с наибольшей интенсивностью в северных районах страны — в Словении, Северной Хорватии, Воеводине и Северной Сербии, т. е. в тех районах, которые были теснее всего связаны с международным рынком и где раньше всего были нанесены первые удары феодализму.

В Сербии еще в первой половине XIX в. в ходе народно-освободительной войны были изгнаны турецкие помещики — аги и беги, закабалявшие и угнетавшие сербских крестьян.

В Хорватии, Воеводине и Словении крупное помещичье землевладение не было ликвидировано. Однако развивавшиеся в этих странах товарно-денежные отношения придали этому землевладению капиталистический характер. Революция 1848 г. отменила здесь некоторые феодальные повинности и пробила первую брешь в феодализме.

Большое значение для промышленного развития этих стран имела близость водных торговых путей (Адриатическое море, Дунай и другие судоходные реки) и широкое железнодорожное строительство, развернувшееся в 60—90-х годах XIX в.

В 1854 г. была проложена первая в южнославянских землях железная дорога Врачева Гайя — Яме (Воеводина). В том же году было начато строительство железнодорожной линии Зирани Мост — Сисак и Карловац — Загреб (Хорватия). В 1858 г. Бачку и Банат пересекла магистраль Будапешт — Сегедин — Темешвар. В 1872 г. была построена железная дорога в Боснии, в 1874 г. — железнодорожная линия Риека — Карловац, связывавшая Адриатическое побережье с внутренними районами Хорватии¹. В 1884 г. завершилось строительство первой сербской железнодорожной магистрали Белград — Ниш, протяженностью в 234 км². В 90-х годах были сданы в эксплуатацию линии между Марковичем, Свилайнцем, Деспотовцем, Жагубицем и Бора, в котором находятся медные рудники³.

Строительство железных дорог привело к резкому увеличению потребности в каменном угле и железе, которую едва успевали покрывать развивающиеся горно-промышленные районы Заечара, Тимок, Алексинаца и Княжеваца. К 1910 г. число рудников в одной только Сербии достигло 55 (все эти рудники были очень небольшие по своей величине), а общее число промышленных предприятий — 465⁴.

В 70—80-е годы XIX в. усилилось промышленное строительство в Хорватии и Словении. Начали быстро расти и превращаться в промышленные

¹ См. Москављевић. Наша отаџбина, Београд, 1929, стр. 115.

² «Борба». Полумесечни спис социјалне демократије. Орган СДП Сербии. Статја «Источне железнице», 1/XII 1913, стр. 189.

³ «Statistisches Jahrbuch des Königreichs Serbiens». Bd. XI. «Berichte über den Stand und Arbeit der serbische Industrie», 1910.

⁴ «Народна енциклопедија Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца», т. II, Београд, стр. 51.

центры такие города, как Загреб, Сисак, Вараждин, Риека (Фиуме), Карловац, Беловар, Любляна, Марибор и др.¹

За 10 лет — с 1880 по 1890 г. — число жителей в городах Хорватии выросло на 19%, а число жителей Хорватской столицы города Загреба почти на 80%. В Словении перед первой мировой войной в городах проживало уже до 60% всего населения², которое было занято главным образом в промышленности.

В Словении, наряду с промышленностью по переработке сельскохозяйственного сырья, значительно развились и другие отрасли промышленности, в том числе — металлургия, угольная, химическая, деревообделочная, электротехническая промышленность. Трбовльский угольный бассейн (бурый уголь) вследствие своей близости к Триесту и таким промышленным центрам, как Любляна и Марибор, очень скоро приобрел важное значение³. В Словении добывали также сурьму, ртуть, свинец, серебро⁴.

В Воеводине в конце XIX — начале XX в. развивается промышленность по переработке продуктов сельского хозяйства, которое само приобретает все более товарный характер. На примере Воеводины особенно наглядно можно проиллюстрировать ленинское положение о соединении землевладения с промышленностью в период образования внутреннего рынка.

«...От земледелия, — указывает В. И. Ленин, — отделяются один за другим различные виды обработки сырья (и различные операции по этой обработке) и образуются самостоятельные отрасли промышленности, обменивающие свои продукты (теперь уже *товары*) на продукты земледелия. Земледелие таким образом само становится промышленностью (т. е. производством товаров), и в нем происходит тот же процесс специализации»⁵.

В Воеводине, как, впрочем, и в Сербии, и в Хорватии, и в Словении, от земледелия, прежде всего, отделилась мукомольная промышленность, которая развивалась в связи со значительной торговлей хлебом внутри страны и все усиливающимся вывозом зерна и муки за границу⁶.

Вслед за мукомольной промышленностью на основе переработки сельскохозяйственных продуктов были созданы сахарная, пивоваренная, винокуренная, кожевенная, сыроваренная, молочная, крахмалопаточная промышленности, промышленность по производству спирта, консервов, растительного масла, табака и т. д.⁷

Однако в подавляющей части эти предприятия были еще настолько мелкими, что мало чем отличались от домашней промышленности и могли быть названы «предприятиями» лишь в самом условном смысле этого слова. Да и

¹ См. Березин. Хорватия, Славония, Далмация и военная граница, т. 1, СПб., 1879, стр. 90—96.

² Врбанић. «Једно столеће у развоју броја живљенства Хрватске и Славоније, 1898, стр. 55.

³ См. Статистически годишњак, Београд, 1923.

⁴ Пријател. Јанко Кероник и јего доба, т. 1, Љублана, 1910, стр. 65.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 45.

⁶ Наибольшее количество мукомольных предприятий в 1923 г., т. е. уже после образования Сербо-хорвато-словенского государства было в Воеводине, — 270 (из них 30 работало на экспорт). Годовая продукция воеводинских мельниц превышала 2 млн. центнеров муки. На втором месте по количеству мельниц стояла Хорватия — Славония, мукомольные предприятия которой давали 1 млн. центнеров муки в год (Статистический сборник «Jugoslovenska privreda», Zagreb, 1933, стр. 234. См. также А. Станојевић и М. Дамњановић. *Industria Vojvodine*, Zagreb, 1924, «Wirtschaftsdienst», N 48, 28/XI 1924, S. 1659).

⁷ «Jugoslovenska privreda», Zagreb, 1933, s. 236; «Die Wirtschaft Jugoslawiens». Belgrad, 1937.

металлургические предприятия северных районов в это время были еще счень небольшими, с числом рабочих в среднем не превышающим 25 чел. Предприятия, насчитывавшие свыше 50 рабочих, считались уже крупными, но их было крайне мало¹. Несмотря на промышленное и железнодорожное строительство, развитие капитализма шло все же довольно медленно, значительно медленнее, чем в других странах Европы, что объясняется засильем неликвидированных остатков феодализма, отсутствием единого рынка, который еще только начинал складываться, колониальной политикой Австро-Венгерской империи.

Еще более медленно, чем на севере, шло развитие капитализма в южных районах — в Боснии, Герцеговине, Далмации, Македонии, не говоря уже о Черногории, Косовой Метохии, где феодальный способ производства в рассматриваемое время оставался фактически незбылемым² и крайне слабо были развиты товарно-денежные отношения. Все эти районы на протяжении своей истории находились под чьим-нибудь иноземным господством, что являлось серьезным фактором, тормозившим развитие производительных сил.

Босния и Герцеговина до 1879 г., а Македония до 1911—1913 гг. находились под игом турецких феодалов, жесточайшим образом угнетавших и подавлявших славянские народы.

«Турецкие ассимиляторы,— указывает И. В. Сталин,— наиболее жестокие из всех ассимиляторов,— сотни лет терзали и калечили балканские нации...»³.

Окупиравшая в 1879 г. и аннексировавшая в 1908 г. Боснию и Герцеговину Австро-Венгерская империя продолжала политику турецких ассимиляторов, рассматривая южнославянские страны как свою сырьевую базу и полностью игнорируя народнохозяйственные интересы этих стран.

Особенно наглядно проявилась колониальная политика Габсбургской империи в железнодорожном строительстве. Все железные дороги Австро-Венгрии были связаны только с Веной или Будапештом, куда доставлялось сельскохозяйственное и промышленное сырье. В то же время большие территории Хорватии, Воеводины или Боснии и Герцеговины оказывались разобщенными между собой. Например, Банат не имел ни одной железной дороги, связывавшей его с соседними Бачкой и Сремом, и, чтобы проехать из Баната в Бачку или Срем, надо было ехать через Будапешт. Центральная часть Хорватии и Боснии была связана с Адриатическим морем только одной узкоколейной железной дорогой. Целый ряд территорий совсем не имел железных дорог. Так, территория между рекой Неретвой и западной и южной Моравой, по своей площади превышающая Швейцарию, Голландию и Бельгию вместе взятые, не имела ни одной железной дороги⁴.

Не имело железных дорог и самостоятельное Черногорское государство. В Черногорию можно было попасть только по шоссе из Бока Которской и

¹ Даже в 1928 г., когда количество предприятий значительно увеличилось, в Сербско-хорватско-словенском государстве насчитывалось лишь 76 предприятий (6,3% от общего количества) с числом рабочих свыше 500 чел. Подавляющая часть предприятий (66,9%) были мелкими, с числом рабочих в 25—60 чел. («Revue économique de Belgrade», Mai 1928, p. 146).

² Крепостнические отношения: колонат в Далмации, чифчийство в Македонии и Косовой Метохии были формально отменены только в 1931—1934 гг., кметчина в Боснии — Герцеговине — в 1919—1925 гг.

³ И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 347.

⁴ Сб. «Наша домаћа привреда», Београд, 1929, стр. 369—370.

Требинья, а с соседними территориями (Санджак, Македония, Герцеговина) Черногория не была связана даже грунтовыми дорогами¹.

Капиталистическое развитие в Черногории еще только начиналось. К Черногории может быть вполне применима следующая характеристика В. И. Ленина: «Население страны с слабо развитым (или вовсе неразвитым) товарным хозяйством представляется почти исключительно земледельческим... население, занятое земледелием, само обрабатывает продукты земледелия, ...обмен и разделение труда почти отсутствуют»².

Отсталыми странами были также Далмация, Косовая Метохия и Македония. Македония лишь в 1913 г. освободилась от господства турецких феодалов. Однако и после этого македонский народ не стал свободным: турецких помещиков сменили сербские колонизаторы. В итоге балканских войн Македония была искусственно расчленена на три части: Вардарскую (Сербия), Пиринскую (Болгария) и Эгейскую (Греция), каждая из которых была лишена всякой национальной самостоятельности. Балканские войны, подорвав господство феодализма в Македонии и создав более или менее свободный класс крестьян-землевладельцев, все же не разрешили до конца аграрного вопроса, не ликвидировали остатков феодализма — чифчийских отношений, не устранили тем самым тормоза на пути капиталистического развития.

Сильнейшие остатки феодализма сохранились и в находящейся под властью Австрии Далмации — стране карликового землевладения и крепостнического колоната, что также задерживало экономическое развитие в этом районе.

* * *

Такова самая общая картина развития капитализма в южнославянских областях Австро-Венгрии и Сербии конца XIX — начала XX в. Она свидетельствует о неравномерности этого развития, о наличии наряду со сравнительно передовыми в экономическом отношении районами, находящимися преимущественно на севере, районов крайне отсталых, с засильем феодально-крепостнических пережитков.

В связи с этим определилось и направление основного потока крестьянских отходов: крестьяне в поисках заработков шли главным образом из «внутренних», южных районов в северные, где в это время постепенно начинали строить промышленные предприятия, прокладывать железные дороги, воздвигать городские здания и где ощущалась потребность в рабочей силе. Однако спрос на рабочую силу в общем сильно отставал от ее предложения. Строительство промышленности шло значительно более медленными темпами, чем разорение деревни, которое приняло в конце XIX — начале XX в. катастрофический характер и которое явилось основной причиной все возрастающих крестьянских отходов.

«...Факт растущего бегства не только сельских рабочих, но и крестьян из деревень в города, — говорит В. И. Ленин, — наглядно свидетельствует о росте пролетаризации. Но бегству крестьянина в город неизбежно предшествует его разорение»³.

¹ См. З. Васковић. План будуће железничке мрежа у Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца, Београд, 1924.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 18.

³ Там же, т. 5, стр. 171.

Об усилении разорения деревни в Сербии и южнославянских районах Австро-Венгрии в конце XIX — начале XX в. свидетельствует ряд данных.

Накануне первой мировой войны «Главным кооперативным союзом Сербии» в 14 округах Сербского королевства была проведена анкета, выявившая (далеко не полно!) тяжелое экономическое положение трудящегося крестьянства¹. Согласно анкете, больше 20% крестьян обследованных сел совсем не имели земли и были вынуждены работать на чужих участках, как половники и наемники-поденщики. Более чем у половины всех опрошенных анкетой крестьян ощущалась острая нехватка земли, мало-земелье, вынуждавшее их искать дополнительные заработки для поддержания своего существования. Около 30% крестьян вообще не имели рабочего и крупного рогатого скота, а 28% крестьян прибегали к займу скота на стороне.

Еще хуже обстояло дело с сельскохозяйственным инвентарем. До 41% крестьянских хозяйств не имели плугов и борон и свыше 90% крестьян — более сложных сельскохозяйственных машин — веялок, молотилок, жаток и т. д. Только 28% крестьянских хозяйств владели рабочими упряжками для пахоты, остальные крестьяне должны были занимать упряжки у кулаков, попадая к ним в кабальную зависимость².

До 18% крестьян не имели своего дома³, а те, которые имели, проживали в плохих полуразвалившихся, негодных для жилья помещениях; в каждом четвертом доме не имелось стекол и окна закрывались фанерой или заклеивались бумагой. В 58% домов не было кроватей и столов⁴.

¹ М. Аврамовић. Село у Србији пре рата. Друштвени живот. Год. II, књига IV, Београд, 1921, а также «Zadružni Glasnik», 1921, № 7—12, s. 268—274.

² «Zadružni Glasnik», 1921, № 7—12, s. 268—274.

Согласно переписи 1905 г., в Сербии на 100 га обрабатываемой площади приходилось в среднем по 3 лошади и по 19 волов, а на каждых 100 крестьян — 7 лошадей и 8 волов.

Накануне войны 1914—1918 гг. в значительной части сербских деревень была проведена анкета, установившая дальнейшее ухудшение положения с сельскохозяйственным инвентарем (см. статью Економски и културни њиво нашег села. «Наше село», Београд, 1929, стр. 519).

В книге Дубича приведены следующие данные о количестве лошадей в кулацких и бедняцких хозяйствах:

Размер хозяйства	На одно хозяйство в среднем приходится лошадей
0—2 га	0,4
2—5 »	0,7
5—10 »	1,9
10—15 »	2,9
Больше 15 »	3,6

В той же книге приведены данные о капиталовложениях в динарах на приобретение сельскохозяйственных орудий. Согласно этим данным, в среднем крестьянин, имеющий меньше 2 га земли, в лучшем случае мог затратить на приобретение сельскохозяйственных орудий только 1663 динара, а крестьянин, владеющий участком больше 15 га — 14 990 динаров. Плуги, бороны, не говоря уже о сложных сельскохозяйственных машинах, стоили очень дорого, и крестьянин-бедняк не имел практической возможности их купить. (Dubič, Prilog istraživanju seljačkoga gospodarstva. Krizevci, 1933, s. 24).

³ М. Аврамовић. Ук. соч., стр. 268—274.

⁴ Там же.

Анкета установила, что более 60% крестьян вынуждены были брать в долг семена, хлеб и другие продукты питания и более 30% крестьян круглый год не ели мяса¹.

Чрезвычайно тяжелое положение сербского трудящегося крестьянина вынуждена признать даже буржуазная историческая литература, которую вряд ли можно заподозрить в стремлении сгустить краски.

«В большинстве случаев, — констатирует «Наше село», — наш мелкий сельский хозяин едва сводит концы с концами в лучшие урожайные годы. При малейшем же недороде и плохой экономической ситуации резко возрастает дефицит в его хозяйстве, который покрывается задолженностью»².

Не менее катастрофическим было положение крестьянства и в южнославянских районах Австро-Венгрии.

В Словении, например, за 24 года — с 1868 по 1892 г. — были проданы за долги дома и имущество 10 190 крестьянских семей (из общего числа 105 000 крестьянских хозяйств³, т. е. разорена была каждая десятая крестьянская семья.

В Воеводине число безземельных и малоземельных крестьян уже в 1910 г. составляло 93,7% всего сельского населения. В том числе 38,3% крестьян совершенно не имело земли⁴.

В Хорватии в 1895 г., согласно статистическим данным, насчитывалось 20 077 крестьянских хозяйств, или около 100 000 крестьян, не имевших своей земли и вынужденных батрачить у кулаков⁵. В 1913 г. число безземельных крестьян в Хорватии достигло 118 000 человек⁶.

В журнале «Selo i seljaštvo» приведены данные о положении крестьян в производящих сельскохозяйственных районах Шумадии и Среме. Даже и в этих районах положение крестьянской бедноты было очень тяжелым. В селе Война (Срем), например, из 1000 домохозяйств лишь 100 дворов (10%) имели достаточное количество земли.

Все остальные крестьяне (900 дворов) остро нуждались в земле, сельскохозяйственном инвентаре и рабочем скоте и были вынуждены покупать зерно и другие продукты питания до нового урожая. Такая же картина наблюдалась в селе Бански Дучановац (Воеводина), Мали Поповач (Шумадия) и других деревнях⁷.

Особенно тяжелым было положение крестьян в потребляющих, несельскохозяйственных, так называемых пассивных, районах — Герцеговине, Лике, горной Хорватии, Приморье, Западной Боснии, горной части Далмации и южной Сербии.

Здесь крестьянин-бедняк страдал не только от малоземелья, но очень часто и от недостатка воды, которая превращалась в дополнительный источник обогащения кулачества. В целом ряде засушливых и горных местностей вода ценилась дороже хлеба. Так, в селе Раслина Шибеникского котара имелся всего один колодец, принадлежавший кулаку, который продавал воду за деньги, продукты или за работу. В селе Затона имелось только 3 колодца. Были села, в которых воду надо было привозить за несколько

¹ «Земљорадничка задруга», № 4, 1924, стр. 124.

² «Наше село», Београд, 1929.

³ Командинић. Problem seljačkih dugova, 1934, s. 56.

⁴ Сб. «Аграрный вопрос и крестьянское движение», М., 1932, стр. 87.

⁵ «Статистический ежегодник по мировому сельскому хозяйству», V, М., 1923, стр. 36.

⁶ Чија је земља у Југославији? Загреб, 1920, стр. 25.

⁷ См. «Selo i seljaštvo», 1933, стр. 158.

километров. На острове Жирье Шибеникского котара бочки для воды имели только 30 богатеев, а все остальные 140 дворов покупали у них воду, которая привозилась из Шибеника за 18 км морем. В селе Каочине Книнского котара было всего 10 колодцев, да и те наполнялись водой только после дождей. Обычно же вода возилась в село за 7 км, а иногда и за 24 км. В Северной Далмации в селах Стариград и Трибани Бенковачкого котара часто вообще не было воды и ее надо было возить издалека¹. Крестьянин должен был покупать здесь все: хлеб, воду, одежду, сельскохозяйственный инвентарь. За один только хлеб крестьянин платил до 100 динаров в месяц².

В Лике и Далмации не было ни одного села, в котором хватало бы хлеба на круглый год³. Несмотря на это, многие крестьяне были вынуждены продавать зерно осенью по дешевой цене, чтобы уплатить многочисленные налоги. Весной за тот же хлеб крестьяне платили втридорога спекулянтам, торговцам и перекупщикам.

То же самое происходило и в Боснии-Герцеговине, а также в других несельскохозяйственных районах страны.

Нищета крестьян потребляющих районов была колоссальна. В одном из писем крестьян острова Пага в редакцию журнала «Господарска слога» говорится: «Наглядным доказательством нашего исключительно тяжелого положения является тот факт, что не менее половины жителей острова едят только баланду (мучную похлебку.— Ю. П.) без приправы, а соль заменяют морской водой. В этом каждый может убедиться лично»⁴.

На всю деревню Подпролог Хорватского Загорья в 1890 г. имелись только 9 коров и 29 плугов, из которых лишь 13 были железные⁵.

В деревне Дузина из 150 дворов только в 60 домохозяйствах имелись плуги (из них 2 железных) и лишь в 6 хозяйствах имелись коровы⁶.

В деревнях Маочи-Орах, Козица, Макарска положение со скотом и сельскохозяйственным инвентарем было еще хуже: обработка земли здесь шла вручную, устаревшим мотыжным способом.

Всюду в непродвижных районах господствовало мелкое землевладение и экстенсивный способ ведения хозяйства. Чаще всего земельный участок не превышал 100—200 кв. м, а имелись парцеллы и в 30—50 кв. м. Земельные наделы были расположены, как правило, чересполосно. Обычным явлением была разделенность участка на 20—25 частей, которые нередко оказывались удаленными друг от друга на 4—5 км. Здесь землю обрабатывали обычно вручную и только у кулаков имелись сельскохозяйственные орудия и рабочий скот.

В силу мелкокрестьянского характера землевладения, крайней парцелляции наделов и общей экономической отсталости в этих районах, а также и в других районах южнославянских областей Австро-Венгрии и Сербии, развитие капитализма в сельском хозяйстве проявилось прежде всего в форме ростовщичества, которое В. И. Ленин называет низшей и худшей формой капитала⁷.

«Немногочисленные зажиточные крестьяне,— говорит В. И. Ленин,— находясь среди массы «маломощных» крестьян, ведущих полуголодное су-

¹ По данным анкеты «Главного кооперативного союза Сербии». Београд, 1914.

² Там же.

³ См. D ub i ě. Prilog istraživanju seljačkoga gospodarstva, Križevci, 1933.

⁴ Анкета «Главного кооперативного союза Сербия» за 1914 г.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ См. В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 53—54.

ществование на их ничтожных наделах, неизбежно превращаются в эксплуататоров худшего вида, закабаляющих бедноту раздачей денег в долг, зимней наемкой и пр. и пр. Устарелые учреждения, задерживая рост капитализма и в земледелии, и в промышленности, суживают тем самым спрос на рабочую силу, нисколько не гарантируя в то же время крестьян от самой беззащитной и безграничной эксплуатации и даже голодной смерти»¹.

Эти устарелые учреждения — наличие разлагающейся под влиянием развития капитализма, но все еще существующей крестьянской общины, прикрепленности крестьянина к своему наделу, не обеспечивающему ему существования, но создающему видимость его собственности, неликвидированность феодально-сословных пережитков — все эти остатки старого, уходящего в прошлое, но еще не побежденного и потому очень сильного феодального способа производства задерживали развитие капитализма, но в то же время не предохраняли крестьян от капиталистической эксплуатации все более крепнущей сельской буржуазии.

Эта эксплуатация была самой беззащитной и безграничной.

Сельские ростовщики брали огромные проценты, доходившие в некоторых местах даже до 250—300 годовых. В случае неуплаты в срок дело передавалось в суд, который выносил решение о продаже крестьянского имущества с молотка. Правительственные чиновники были заодно с ростовщиками. Они оценивали крестьянское имущество в 5—10 раз дешевле, чем оно стоило на самом деле, покупая его при распродаже и обогащаясь таким образом за счет крестьян².

В 1891 г. в Сербии было зарегистрировано 4 328 случаев продажи крестьянского имущества за долги³, в 1893 г. — уже 6 051 (на общую сумму в 613 356 динаров), а в 1900 г. — 14 581 (на общую сумму в 1 903 040 динаров)⁴.

О том, что наибольшее количество распродаж за долги приходилось на деревню, свидетельствуют данные о среднегодовых публичных продажах (аукционах) за 1891—1895 гг.⁵

	В городе	В деревне	Всего
Среднее число жителей, имущество которых продается с аукциона за долги	291 644	1 962 561	2 254 205
Среднее число распродаж	684	3 959	4 643

Свыше 70% всего продаваемого за долги имущества беднейшего сербского крестьянства составляла земля, которая переходила, таким образом, в руки кулака или сельского ростовщика⁶.

В протоколах Народной скупщины Сербии за 1873 г. содержатся данные, свидетельствующие о колоссальной задолженности крестьянства.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 54.

² См. Евреинов. Статистические очерки Сербского королевства, СПб., 1903, стр. 52.

³ Петровић. Окућје или заштита земљорадничког минимума, Београд, 1930, стр. 111.

Должники, имущество которых было продано за долги в тот же период, распределяются следующим образом: крестьян — 86,5%, ремесленников — 3,4%, мелких торговцев, потерпевших банкротство, — 3,68%, прочих — 6,9%.

⁴ Евреинов. Статистические очерки Сербского королевства, СПб., 1903, стр. 52.

⁵ Петровић. Ук. соч., стр. 111.

⁶ Там же, стр. 112.

Согласно этим данным, не менее 100 000 крестьянских семей, или 500 000 крестьян, находилось в лапах сельских ростовщиков¹.

То же самое наблюдалось в южнославянских районах Австро-Венгрии и в Македонии. В Македонии и Косовой Метохии было очень распространено так называемое зеленочарство — продажа или залог посевов на корню или продуктов животноводства. Ростовщики скупали у крестьян-скотоводов по самым дешевым ценам шерсть, молоко и т. д. и затем перерабатывали молоко в сыр, изготовляли из шерсти ткани и пр. и продавали в 5—6 раз дороже. Нередко «договоры» заключались вперед на лето или зиму. Наблюдались случаи, когда попавшие в долговую кабалу к ростовщику крестьяне-скотоводы вынуждены были даже прикупать молочные продукты для собственного потребления².

В Хорватии в 80-е годы XIX в. было сильно развито ростовщичество. Государственный «Хорвато-словенский ипотечный банк» предоставлял кредиты только сельской буржуазии (кредит могли получить лишь лица, недвижимое имущество которых оценивалось на сумму, превышающую 1 000 крон). Крестьяне не имели возможности получить кредит в Государственном банке и должны были обращаться к сельским ростовщикам, назначавшим огромные проценты.

В Боснии и Герцеговине, Далмации, Хорватии, Приморье, Лике и других несельскохозяйственных районах имелись различные виды крестьянской задолженности. Здесь наряду с сельскими ростовщиками и «лихварями» (кулаки, торговцы) в ограблении трудящегося населения участвовали и государственные кредитные учреждения, созданные под флагом оказания «помощи» непроизводящим районам. Эти государственные, а также кооперативные кредитные учреждения назначали высокие ростовщические проценты, не уступая в этом отношении сельским ростовщикам³.

Государственные кредитные учреждения выступали здесь и в качестве «посредника» между крестьянином и сельским торговцем или ростовщиком.

При такого рода посредничестве долговые обязательства крестьянина по отношению к торговцу или ростовщику передавались в государственное кредитное учреждение и последнее выдавало крестьянину ссуду только в случае погашения им долга. Банк требовал визирования векселя торговцем или частным ростовщиком, у которого крестьянин взял деньги в долг. Пользуясь этим, торговцы и сельские ростовщики принуждали крестьянина заключить новый, еще более кабальный договор или требовали немед-

¹ Протоколы Народной скупщины Сербии. Београд, 1873 (Цитировано по книге: С. Јовановић. Светозар Марковић. Београд, 1920, стр. 53).

² См. Команданић. Аграрно-правни односи у Новој Србији, Београд, 1914.

³ Нижеприведенная таблица наглядно показывает задолженность крестьян государственным и кооперативным организациям:

Задолженность	Котары					
	Сисак	Глина	Банья Лука	Бугайна	Дувно	Ливно
Задолженность государственным и кооперативным организациям	48%	36%	27%	22%	16%	46%
Частным лицам	34%	51%	45%	63%	77%	41%

ленной уплаты долга с процентами. Торговец от посредничества банка, таким образом, извлекал двойную пользу: он не только всегда имел в своем распоряжении деньги, но и ставил между собой и кредитором государственное или финансово-кооперативное учреждение.

Наряду с такими «вполне современными» капиталистическими формами кредита, во внутренних районах южнославянских земель Австро-Венгрии в конце XIX — начале XX в. сохранились и крайне примитивные, почти средневековые формы кредита.

В герцеговинском селе Посушье, например, крестьяне брали в долг зерно на следующих кабальных условиях: за 1 квинтал кукурузы они должны были вернуть 1 квинтал пшеницы, которая стоила в полтора раза дороже, чем кукуруза, и кроме того 1 квинтал сена. В том же селе существовал и такой расчет: за взятые во время уплаты налогов (осень) в долг деньги крестьянин должен был вернуть в Юрьев день не только все деньги сполна, но «подарить» овцу с ягненком. В котарах Бугойна и Дувно крестьянин платил часть долга деньгами, в счет остального должен был отработать на поле заимодавца. В окрестностях Мркониц-града, Купреза, Шуйцы, в Дуванском поле и ряде других мест сохранились уничижительные феодальные повинности.

Особенно возросла задолженность боснийского и герцеговинского крестьянства после повсеместного перехода в 80—90-е годы XIX в. от натурального оброка к денежному¹. Возникшими в связи с этим переходом трудностями широко воспользовались сельские ростовщики, безраздельно господствовавшие в боснийских и герцеговинских селах². Трудящееся крестьянство Боснии и Герцеговины, Хорватии, Словении, Далмации, Македонии, Сербии находилось в долговой кабале у кулаков, ростовщиков, торговцев, спекулянтов, прозябало в нищете, стонало от непосильных налогов, размер которых непрерывно увеличивался. В этом отношении весьма показательны Босния и Герцеговина, где в конце XIX — начале XX в. население было обложено многочисленными налогами. Самым тяжелым налогом была десятина, введенная в Боснии и Герцеговине в 1879 г. Десятина взималась деньгами по существующим рыночным ценам и уплачивалась в течение октября — декабря каждого года.

В 1905 г. в этот вид налогообложения была внесена реформа, еще более ухудшившая положение налогоплательщика: с этого года было введено исчисление десятинной подати по средним данным на 10 лет вперед. Размер этой подати не уменьшался даже в случае неурожая или стихийного бедствия.

Десятинному обложению подлежали все продукты сельского хозяйства, кроме овощей, второго и третьего покоса сена и винограда на виноградниках моложе 10 лет. Десятина взималась с крестьян-кметов³ раньше, чем производились остальные расчеты, в том числе и расчеты за аренду. Сначала вычиталась $\frac{1}{10}$ часть урожая в пользу государства, потом условенная между

¹ «Bericht über die Verwaltung von Bosnien und der Herzegowina, Wien, 1906, стр. 423 и сл.

² Крестьяне Боснии и Герцеговины и других южнославянских земель Австро-Венгрии, а также Сербии были должны главным образом сельским ростовщикам. Об этом свидетельствуют следующие данные, приведенные Петровичем в книге «Окућје, или защита земљорадничког минимума» (Београд, 1930, стр. 111): в 1891—1895 гг. в Сербии 15,6% всех долгов крестьянства приходилось на долю государственных кредитных учреждений, 28,4% — управы фондов, 2,4% — кооперативных организаций и 53,45% — частных лиц.

³ Кмет — зависимый, фактически крепостной крестьянин в Боснии и Герцеговине.

арендатором и землевладельцем часть из оставшегося, и лишь только после этих вычетов крестьянин мог забрать оставшуюся часть урожая себе¹.

Другим разорительным налогом был так называемый налог с имущества — «sulus verghia», существующий в Боснии и Герцеговине с давних времен (о чем свидетельствует название налога)². Этим налогом облагалась земля, занятая под постройки. В 80—90-е годы налог с имущества был заменен налогом в 0,4% со стоимости земли и усадебных построек³.

Третьим видом налога, который вынужден был платить крестьянин, являлся подоходный налог, составлявший 3% от дохода крестьянина. К четвертому виду налога относится налог на мелкий скот. С каждой овцы крестьянин платил по 24 гелера (9,6 коп.), с козы — 44 гелера (17,6 коп.), с каждой свиньи — 60 гелеров (24 коп.) в год⁴.

До 1892 г. в Боснии и Герцеговине кроме того существовала дорожная повинность, по которой каждый мужчина в возрасте от 16 до 60 лет должен был отработать от 6 до 30 дней в году на строительстве дорог, мостов и пр.⁵ В 1892 г. дорожная повинность была заменена денежной.

Наконец, уплачивался еще «квартирный налог», взимавшийся с каждого дома и каждой квартиры⁶.

Кроме прямых налогов⁷, население уплачивало много косвенных — на соль, спички, керосин, сахар, табак, гербовые сборы и т. д., и т. п. Косвенные налоги были особенно тяжелыми. При этом они имели непрерывную тенденцию к росту, что приводило к еще большему вздорожанию жизни.

Трудовое крестьянство, задавленное налогами и поборами, не имеющее средств к существованию, вынуждено было искать дополнительных заработков для поддержания своей жизни.

Разорившиеся крестьяне шли в батраки к кулаку и помещику, уходили на отхожие промыслы. Часть крестьян, выполняя заказы торговцев, работала у себя на дому, изготавливая различные предметы кустарного производства.

В гениальной работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин показал, какую важную роль в процессе обострения и углубления классового расслоения крестьянства играет крестьянская кустарная промышленность, соединение промысла с земледелием «...Зажиточные и состоятельные хозяева, — пишет В. И. Ленин, — открывают мастерские, нанимают рабочих из среды сельского пролетариата, скапливают денежные средства для операций торговых и ростовщических. Наоборот, представители крестьянской

¹ «Архив за правне и друштвене науке», Београд, 1921, књига прва (XVIII), другог кола, свеске 1—6, стр. 140.

² «Sulus» — арабское слово, означающее «треть». Повидимому, во времена турецкого владычества население Боснии и Герцеговины должно было платить $\frac{1}{3}$ урожая турецким помещикам.

«Verghia» — турецкое слово, означающее «оброк».

³ См. «Архив а правне и друштвене науке», Београд, 1921, књига права (XVIII), другог кола, свеске 1—6, стр. 140.

⁴ Н. Крюков. Славянские земли, СПб., 1898, стр. 71.

⁵ Там же, стр. 75.

⁶ «Собрание законов и распоряжений для Боснии и Герцеговины», 1878—1880 гг., т. III, стр. 398.

⁷ О налогах в Боснии и Герцеговине см. «Die Landwirtschaft in Bosnien und der Herzegowina», Sarajewo, 1899. В «Бюлетене Управления сельского хозяйства» (Сараево, 1892) упоминается еще налог на землю. Однако этот налог в дальнейшем превратился в десятину (Die directen Steuern Bosniens und der Herzegowina, Sarajewo, 1899); Department of Overseas Trade, Report on the Economic and Industrial Conditions in the Serb-Croate-Slovene Kingdom, London, 1922; Поповић и Мишић. Наша домаћа привреда. Београд, 1929, стр. 16—19.

бедноты поставляют наемных рабочих, кустарей, работающих на скупщиков, и низшие группы кустарей-хозяйчиков, наиболее подавленных властью торгового капитала. Таким образом, соединение промысла с земледелием упрочивает и развивает капиталистические отношения, распространяя их с промышленности на земледелие и обратно»¹.

История крестьянских промыслов в сербской, хорватской, словенской деревне полностью подтверждает это ленинское положение. Об этом свидетельствует, в частности, соединение основного занятия крестьян — рыбаков далматинских островов — рыболовства с приобретенным торгово-промышленный характер рыболовецким промыслом в Хорватском Приморье, Истрии и Далмации.

На острове Вис крестьяне-рыболовы попали в зависимость к двум оптовым торговцам рыбой, которые имели для производства консервов и засола рыбы небольшие консервные заводы. Сначала крестьяне острова продавали этим торговцам рыбу без всяких зафиксированных обязательств, потом стали заключать сделки и «выполнять договор» и, наконец, превратились фактически в наемных рабочих консервных заводов². Часть рыбаков работала на заводах, часть выезжала на хозяйских лодках в море, отдавая весь улов хозяевам.

На острове Раб в селах Лопар, Барбат, Баньол, Кампор и Супетарска кулаки сосредоточили в своих руках почти все лодки и рыболовецкие сети, захватив и всю торговлю рыбой. Рыба перерабатывалась на мелких консервных предприятиях. Ежегодно продавалось 60—100 вагонов рыбы, т. е. почти весь улов³.

На острове Хвар хозяйничали пять крупных кулаков-торговцев, которые скупали за бесценок всю рыбу и перепродавали ее за границей⁴.

То же самое происходило и на других островах Приморья, а также на Скадарском (Скутари), Дойранском, Охридском, Преспанском озерах, Дунае, Драве, Саве, Тисе и других реках.

В Сербии и южнославянских землях Австро-Венгрии были развиты, главным образом, следующие четыре формы проявления торгового капитала в крестьянских кустарных промыслах: непосредственная покупка торговцем или хозяином крупной мастерской у мелких товаропроизводителей их продукции, переход продукции в те же руки в качестве погашения предварительно взятой крестьянином у торговца-ростовщика ссуды, расплата готовой продукцией домашней промышленности за фабричные изделия и расплата необходимым кустарю сырьем и вспомогательными материалами.

Домашняя крестьянская промышленность имела в Сербии, Хорватии, Славонии и Македонии довольно широкое распространение. Достаточно сказать, что в одном только Лескавацком срезе (Сербия) изготовлением пеньковых изделий занималось 10 тыс. крестьян, в Македонии этим же видом домашней промышленности занимались крестьяне 7 сел (2000 чел.)⁵. В сербских селах Рожанство, Сирагойна, Крива Реца, Чайетина, Любиш, Николевичи, Скружити и других было развито ремесленное производство деревянных вещей и утвари. Эта промышленность имеет столетнюю давность. Однако только в начале XX в. она стала обслуживать рынок. Отдельные торговцы и целые кооперативные организации продавали

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 327.

² Савић. Наша индустрија и занати, део V. Београд, 1922, стр. 86—102.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 179.

топоры, вилы, лопаты, кадушки, сундуки и пр. по всей Сербии¹. До 50% крестьян трех сел Ужицкого среза (Сербия) — Злакус, Потпеч и Рогам — занималось гончарным ремеслом, продукция которого поступала даже на отдаленные рынки Хорватии.

В районах Сува Планина и Бранье (Сербия) была развита домашняя промышленность по изготовлению телег, а также мешков и различных вещей из козьей шерсти; в других районах — по изготовлению веревок, кож, корзин. Продажа веревок и веревочных изделий приносила владельцам крупных мастерских ежегодно около 1 300 000 динаров прибыли. Торговля веревочными изделиями производилась как внутри страны, так и за границей — в Турции, Греции, Болгарии и Румынии.

В районе Битоля, Нови Пазара, Призрена большое распространение получила крестьянская промышленность по переработке кожи и ткачеству. В селах близ Тетова, Пирота, Куманова производились сукно и полотно, расходившиеся по всей стране. Домашнее ткачество было также развито во многих селах Боснии: в деревнях Ковашин, Раповины, Мрачлине и др.².

Большое распространение получило изготовление жестяных и скобяных изделий, обуви, различных предметов домашнего обихода, кузнечное ремесло и отчасти слесарное, бондарное и ремонтное дело.

Всего в крестьянской кустарной промышленности Сербии было занято около 200 000 чел., или 1,5% населения страны³.

Развитие крестьянской кустарной промышленности и четырех первых форм проявления торгового капитала в крестьянских промыслах свидетельствует о далеко зашедшем процессе классового расслоения крестьянства и о развитии капитализма в деревне.

От четвертой формы проявления торгового капитала, говорит В. И. Ленин, т. е. от расплаты с кустарем необходимым ему сырьем и вспомогательными материалами, «...остается уже один только шаг до той высшей формы торгового капитала, когда скупщик прямо раздает материал «кустарям» на выработку за определенную плату. Кустарь становится *de facto* наемным рабочим, работающим у себя дома на капиталиста; торговый капитал скупщика переходит здесь в промышленный капитал»⁴.

Однако наличие лишь первых четырех форм проявления торгового капитала в крестьянских промыслах, а в некоторых районах только первых двух (Черногория, Далмация, Босния и Герцеговина), т. е. по определению В. И. Ленина, самых простых⁵, так же как и недостаточная специализация сельскохозяйственных районов, слабая товарность крестьянских хозяйств, экстенсивность земледелия свидетельствовали о недостаточном развитии капитализма в сельском хозяйстве.

Сельская кустарная промышленность не обеспечивала и не могла обеспечить прожиточного минимума крестьянина. Она не поглощала всей избыточной армии ищущих работы разорившихся крестьян. При помощи домашних кустарных промыслов трудовое крестьянство попадало лишь еще в большую кабалу к сельской буржуазии, обогащавшейся за счет беспощадной эксплуатации беднейшего крестьянства.

¹ Савић. Ук. соч., стр. 88—92.

² Там же, стр. 290—294.

³ Поповић и Мишић. Наша домаћа привреда, Београд, 1929, стр. 472.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 320.

⁵ См. там же.

* * *

Разорившиеся крестьяне искали спасения от голода и нужды в отхожих промыслах в городах и в далеких «хлебных районах». Часть крестьян в поисках дополнительных заработков отправлялась даже за границу — в ближайшие страны — Румынию, Болгарию, Грецию. Немало было и эмигрантов, покидавших свои насиженные места и отправлявшихся в отдаленные европейские страны и в Америку.

Крестьяне-отходники, идущие из деревень на заработки, назывались в Сербии «печалбарами», т. е. людьми, покинувшими свой дом по «печали» (по нужде)¹.

Особого размаха крестьянское отходничество достигло в конце XIX—начале XX в.

К сожалению, статистика Сербии не вела учета числа отходников внутри страны. Единственное, что учитывалось, это — число лиц, отправлявшихся за границу. При этом печалбары не выделялись из общего числа отъезжающих из Сербии граждан. Однако сопоставление статистических данных по месяцам² позволяет примерно определить число крестьян-отходников за границу³.

Согласно статистическим данным, в период с 1889 по 1908 г. через сербскую границу ежегодно выезжало и возвращалось обратно в среднем 82,700 чел.⁴ Подавляющее большинство этих людей — печалбары.

Каждый год, начиная с января — февраля, из отдаленных и бесплодных горных районов страны в хлебные районы Воеводины, в большие города Сербии, Словении и Хорватии, а также в Румынию и Болгарию по всем сельским дорогам двигался поток печалбаров — «котомщиков», ищущих работу, а по пути выполняющих за кусок хлеба и ночлег какую-нибудь работу.

Нередко в дальние странствования отправлялось почти все мужское население деревни — от юношей до стариков.

Из одного только Пиротского округа Восточной Сербии на отхожие промыслы в конце XIX — начале XX в. каждый год отправлялось в среднем 2 тыс. крестьян, из Нишского и Враньского округов — до 2,5 тыс.

¹ В Македонии крестьяне-отходники назывались «губертлук».

² Об увеличении потока крестьян-отходников в период весенних сельскохозяйственных работ говорит следующая таблица, составленная на основе данных по одной только Сербии:

Месяц	1907 г.	1908 г.
январь	7 242 чел.	8 884 чел.
февраль	10 933 "	10 654 "
март	15 689 "	17 858 "
апрель	21 184 "	19 759 "
май	20 434 "	15 701 "
июнь	13 231 "	12 807 "

(«Статистически годишњак за 1907—1908 годину», Београд, 1908, стр. 229).

³ После 1918 г. отход крестьян за границу (в Румынию, Болгарию, Венгрию) был запрещен правительством Королевства сербов, хорватов и словенцев, в связи с чем резко возросло количество избыточной рабочей силы, которую не мог полностью поглотить внутренний рынок.

⁴ Статистически годишњак за 1907—1908 годину, Београд, 1908, стр. 229, 233.

Из Тиможского округа в 1914 г. в отход в Румынию и близлежащие сербские города Княжевац и Заечар ушло 5244 чел.¹ Из Мачвы за реку Саву отправлялось ежегодно 1500—2000 крестьян².

Из Македонии крестьяне уходили «по печали» на приработки главным образом в Софию, Константинополь, Салоники и другие города³. Всего из Македонии в отход отправлялось до 100 000 крестьян⁴.

Из некоторых деревень уходило почти все разорившееся население. Так, из села Яньева в отход и эмиграцию ежегодно отправлялась вся молодежь. Из района Охрида и Велеса на заработки в Австрию, Румынию, Болгарию, Россию (в Одессу) каждый год уходило в среднем по 3000 чел.⁵

О росте крестьянских отходов говорит пример трех сел Пиротского среза: Польской Ржаны, Великого Яноваца и Трньяны. До 90-х годов XIX в. в этих трех селах на отхожие промыслы отправлялся в среднем только каждый десятый крестьянин. После же 1898 г. в отход ушло все взрослое мужское население и многие подростки. Такое резкое увеличение крестьянских отходов этих трех сел явилось следствием разорения крестьян и их закабаления кулаками. По тем же данным, до 1898 г. почти каждый крестьянский двор имел вола для обработки земли.

После 1898 г., который, как и предыдущий год, был неурожайным, весь крупный рогатый скот указанных деревень оказался сосредоточенным в руках 10 кулаков⁶.

Разорение крестьян, попадавших в кабалу к кулачеству, было причиной роста крестьянских отходов и в других районах.

До развития Тиможско-Моравского железнорудного бассейна отходники из Пиротского района уходили на заработки в Румынию. После открытия рудников в Алексинаце и Княжеваце, а также после начала железнодорожного строительства в Деспотовцах, Жагубице, Боре поток крестьян-отходников направился в эти районы⁷.

Крестьянская беднота непродовольственных районов Боснии отходила на лето в богатые «хлебные» области Воеводины. Из одной только общины Баймоки Сомборского котара на уборку кукурузы в Воеводину ежегодно отходило 1500 чел., т. е. фактически все способное к труду население об-

¹ Журнал «Борба», Полумесечни спис социјалне демократије, № 8, 1/XII 1914, стр. 28.

² П а н и ћ. Мачвански печалбари, Београд, 1912, стр. 11—12. В Мачве наблюдалось интересное явление. Здесь имел место отъезд за границу (главным образом в Америку и западноевропейские страны) не только бедноты, но и членов семей зажиточных крестьян, которые посылали своих сыновей за границу «для науки» и обогащения. Нередко дети кулаков отправлялись в путешествие с каким-нибудь товаром, но всегда с деньгами. Вместо уехавших кулаки за бесценок нанимали крестьян и эксплуатировали их. В Мачве оплата труда наемных сельскохозяйственных рабочих была самой низкой.

³ См. Петровић. Окућје или заштита земљ, орадничког минимума, Београд, 1930, стр. 220 и сл.

⁴ С а в и ћ. Ук. соч., стр. 225—234. Сербский буржуазный экономист Савич считает, что количество крестьян-отходников (печалбаров) в Сербо-хорватско-словенском государстве составляло около 600 000 чел., а если считать членов их семей, то около 3 млн. чел. В эту цифру входят эмигранты, общее число которых, по данным Савича, превышает 700 000 чел., или вместе с семьями — 3,5 млн. чел. (См. С а в и ћ. Наша индустрија и занати, део VI, Београд, 1928, стр. 8).

⁵ Там же, стр. 225—234.

⁶ Петровић. Печалбари, Београд, 1920, стр. 18 и сл.

⁷ С а в и ћ. Ук. соч., ч. VI, стр. 8.

щины¹. Часть боснийских крестьян отправлялась даже во Францию, Бельгию и Голландию².

Крестьяне-отходники предлагали свои услуги в качестве каменщиков-строителей, подсобных рабочих, грузчиков, плотников, черепичников, горшечников и др.

Так, отходники Прокуплевского и Пожегского срезов, Васютинского и Враньского округов работали в качестве каменщиков и чернорабочих в Белграде и других городах, а также строителей железных дорог, мостов, шоссе и дорог. Много крестьян этих районов отправлялись на приработки в Венгрию.

Отходники Пиротского и Тимоцкого округов (Сербия) шли в кабалу к румынским помещикам-боярам, герцеговинские и боснийские крестьяне — к владельцам рудников, цементных заводов и лесопильных промыслов Боснии и Герцеговины; крестьянская беднота Словении — к немецким и австрийским феодалам и кулакам. Разорившиеся крестьяне Истрии и Приморья работали в Триесте и других портовых городах Адриатического моря, а также на шахтах Трбовльского угольного бассейна³.

Нередко отходники представляли собой большинство рабочего класса в данной отрасли промышленности.

Вся промышленность крупного сербского города Лесковаца, например, держалась на сезонных рабочих. В строительной промышленности Боснии и Герцеговины крестьяне-отходники в конце XIX — начале XX в. составляли 69% рабочих, в цементной — 73%, лесопильной — 78%.

Крестьяне-сезонники, — указывал Маркс, — «это — легкая инфантерия капитала, перебрасываемая с места на место, смотря по его надобностям... Бродячие рабочие употребляются для различных строительных работ, для дренажа, для производства кирпича, обжигания извести, для железнодорожных работ и т. д.»⁴.

За нищенскую плату, а нередко и просто за кусок хлеба от зари до зари трудился печалбар на полях румынских бояр и воеводинских кулаков и помещиков, в шахтах Словении и на лесных промыслах Боснии и Герцеговины.

«В печалбу, — пишет один из исследователей вопроса о крестьянских отходах Билич в статье «О печалбарах», — шли даже дети 12—13 лет и старики 50—60-летнего возраста. Случаи, когда родители, вместо того, чтобы посылать своих детей в школу, берут их с собой в далекий путь, становятся все более и более частым явлением. Мне нередко приходилось видеть, как на базарной площади в городах Заечар и Княжевац скапливалось до 200—300 печалбаров, целыми днями простаивавших с мотыгами в руках в ожидании спроса на труд»⁵.

«Картина найма, — продолжает автор, — вызывает чувство отвращения — так напоминает она покупку негров-рабов на невольничьих рынках. Богатый землевладелец или его уполномоченный, спекулируя на голоде пришедших издалика крестьян, нанимает их буквально за гроши»⁶.

¹ Анкета «Главного кооперативного союза Сербии». Београд, 1914.

² Там же.

³ См. Савић. Наша индустрија и занати, део VII, Београд, 1929.

⁴ К. Маркс. Капитал, т. I, Партиздат, М., 1935, стр. 530.

⁵ «Борба». Полумесечни спис социјалне демократије, 1/XII 1914.

⁶ Там же.

В Румынии сербские печалбары попадали в лапы к румынским ростовщикам-«драгоманам», которые обычно заключали с ними договор, ссужая вперед деньги и вычитая их с огромными процентами при расчете.

Вот как описывает положение пришедших на приработки в Болгарию сербских и македонских крестьян буржуазный исследователь крестьянских отходов Еленко Петрович. В работе «Печалбары»: «Обычно жилье печалбара — небольшая комната 4×3 метра и высотой в 2 метра. В этой комнате прямо на полу валяется 5—10 человек. Комната страшно сырая и почти всегда темная. И за нее хозяин получает 10—20 левов или по 2—3 лева с человека в месяц! Почти единственной пищей печалбара является кукурузный хлеб, похлебка и луковица. Мясо бывает крайне редко, только по праздникам. Да и то покупается оно самими печалбарами из расчета 1 килограмм на 5—6 человек. За питание тоже взимается плата...»¹.

Кроме того, крестьяне-отходники платили особый налог «на доход» — так называемый «патент» в размере от 8 до 18 левов в год.

Не лучше были условия и в Сербии, как видно из следующей таблицы² средних заработков сезонников в 1910—1912 гг.

Вид работы	Средний заработок (в динарах)	
	в день	за сезон (6 мес.)
Пахарь	1,2—1,4	216—252
Жнец	1,6—1,8	284—324
Косарь	2,5—3	450—540

Особенно низки были заработки печалбаров в Воеводине, где сельскохозяйственный рабочий и крестьянин-отходник в те же годы получал в среднем от 10 до 15 динаров в день без еды³. Стоимость же жизни (кров, пища) составляла в среднем 11—25 динаров в день⁴.

Такая же картина наблюдалась и в Среме, где наем на работу нередко производился за одно только питание без какой-либо дополнительной оплаты и где в случае, если сельскохозяйственный рабочий или крестьянин-отходник требовал денег, он лишался крова и стола⁵.

Большинство крестьян Загорья (Хорватия) занимались отходами в город Загреб или нанимались к проживающим в окрестностях хорватской столицы богатым помещикам. Приток крестьян-отходников в этот район был так велик, что предложения превышали спрос. Поэтому и цена на рабочие руки была здесь очень низка. Предприниматели и помещики нанимали пришедшего сюда разорившегося крестьянина буквально за гроши. Средний заработок сезонника в конце XIX в. не превышал здесь 3 динаров в день, в то время как раньше (в 70—80-е годы) он равнялся 6 динарам. Нередки были случаи, когда крестьянина-отходника вместо денег заставляли брать вино по цене 5 динаров за 1 литр и он, следовательно, должен был

¹ J. Петровић, Печалбари, Београд, 1920, стр. 28.

² См. там же.

³ См. «Годишњак, министарства социјалне политике», 1918—1921, Београд, 1923.

⁴ Газ «Slovenec», 8.IX 1925.

⁵ Dubič, Prilog istraživanju seljačkoga gospodarstva. Kriševski, 1935, стр. 55.

проработать почти 2 дня за 1 литр вина. При расчете в зерне хозяин платил сезоннику или сельскохозяйственному рабочему кукурузой, оценивая ее в 1,5 раза дороже, чем она стоила на рынке¹. За покос лугов в Хорватии платили обычно сеном из расчета $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{4}$ часть урожая, причем за то, что крестьянин доставлял это сено на телеге хозяина (а своей у сезонника не было!), последний вычитал определенную сумму из заработка сезонника².

Все это приводило к тому, что заработки печалбаров в Хорватии оказывались совершенно мизерными.

Крестьяне-отходники Мачвы, уходившие на заработки за реку Саву, получали по 0,70 динара в день³.

Исключительно низки были заработки тех крестьян-отходников, которые попадали в города и работали на предприятиях, на строительстве, в ремонтных и ремесленных мастерских и т. д. Особенно мало получали неквалифицированные рабочие — так называемые «чираки». Их заработок исчислялся в лучшем случае в 60—70 динаров за 6 месяцев, или по 0,3 динара в день⁴.

Еще меньше, чем «печалбар» (сезонник), получал так называемый «момак» (слуга, батрак), постоянно работавший у помещика или кулака. Заработки «момака», как правило, составляли лишь половину или даже четвертую часть заработка печалбара. Об этом свидетельствует следующая таблица средних заработков «момаков» (батраков).

Время года	Заработок (в динарах)	
	в день	за сезон
От Юрьева до Митрова дня	0,5—0,6	200—220
От Митрова до Юрьева дня	0,27—0,3	100—120

¹ Анкета «Главного кооперативного союза Сербии» за 1914 г.

² Там же, стр. 15.

³ Панић. Мачвански печалбари, Београд, 1912, стр. 11—12.

⁴ Петровић. Ук. соч., стр. 29.

Таблица средних заработков неквалифицированных рабочих-сезонников, уходивших на работу в Болгарию и Румынию:

Квалификация рабочего	Средний размер заработка за сезон (в месяц)	
	в Добрудже (1860—1865 гг.)	в Валахии и Болгарии (1890—1895 гг.)
Мастер, руководящий 5—6-ю подсобными рабочими («чираками»)	180—200 динаров	400—500 динаров
Самостоятельный рабочий	60— 70 "	80—120 "
Подсобный рабочий («чирак»)	30— 40 "	60— 70 "

Приведенные данные показывают, насколько низки были заработки подсобных рабочих, т. е. подавляющего числа крестьян-отходников.

Таблица показывает (данные приведены за 1910—1912 гг.), что батраки зарабатывали в среднем вдвое меньше, чем сезонники в период сельскохозяйственных работ (от Юрьева до Митрова дня), а в зимнее время (от Митрова до Юрьева дня) — в 4 раза меньше¹.

То же самое можно сказать и о заработках крестьян-лесорубов в Словении.

«Квалифицированные пильщики, — сообщает орган коммунистической партии Сербо-хорватско-словенского государства, газета «Новый свет», — получают за свою работу 30—50 крон в день, неквалифицированные 15—30 крон. В то же время одно только питание обходится рабочим в среднем в 55 крон в день. Предприниматели не хотят увеличивать платы, так как в соседних деревнях имеется большое количество «охотников» заработать².

Однако часто не было и этих заработков. Дело в том, что процесс разорения крестьянства в Сербии и южнославянских землях Австро-Венгрии шел значительно быстрее развития промышленности.

Габсбургская империя, рассматривая южнославянские земли как свою колонию, препятствовала развитию здесь промышленности, стремилась сохранить аграрный характер страны. Поэтому в Боснии — Герцеговине, Хорватии, Далмации создавались только мелкие промышленные предприятия, полукустарного типа, на которых было занято мало рабочих. В Словении и Боснии — Герцеговине имелось несколько рудников и шахт по добыче медной руды, каменного угля и других полезных ископаемых, но и эти предприятия были небольшими по своему масштабу и работали главным образом за счет сезонников и квалифицированных рабочих из Австрии, Чехии и Венгрии. Отсталой в промышленном отношении была и Сербия, подавляющее большинство предприятий которой составляли мелкие фабрики и заводы по переработке сельскохозяйственных продуктов или мастерские кустарно-ремесленного типа³. В среднем число рабочих на

¹ Петровић. Ук. соч., стр. 30.

² «Novi Svijet», 16.IX 1920.

³ О состоянии промышленности в Сербии и в южнославянских землях бывшей Австро-Венгрии свидетельствуют следующие данные за 1926 г. (За предыдущие годы имеются данные по отдельным южнославянским областям Австро-Венгрии и по Сербии, но нет сводных общих данных.)

Национальная область	Число предприятий	В том числе		
		по переработке сельскохозяйственной продукции	добывающей промышленности (шахты, рудники, лесные промыслы)	прочие (мелкие предприятия, мастерские)
Сербия (вместе с Македонией)	756	318	55	373
Словения	431	56	57	318
Хорватия	1346	491	96	759
Воеводина	751	286	63	402
Босния и Герцеговина	478	98	17	363
Далмация	269	138	1 (цементный завод)	130
Черногория	0	0	0	0
Итого	4031	1387	289	2355

В конце XIX — начале XX в. крупных предприятий было еще меньше (Поповић и Мишић. Наша домаћа привреда, Београд, 1929, стр. 369—390).

подавляющем количестве предприятий Сербии, Хорватии, Далмации, Македонии, Боснии — Герцеговины и Воеводины не превышало 20—25 человек на одно предприятие¹.

Избыточная рабочая сила не могла найти применения в собственной стране. Отсюда — усиленная эмиграция в другие страны.

Являясь следствием процесса разложения крестьянства, эмиграция в свою очередь ускорила это разложение.

«...Развитие переселенческого движения, — указывает В. И. Ленин, — дает громадный толчок разложению крестьянства и особенно земледельческого крестьянства»².

С 1908 по 1913 г. из южнославянских районов Австро-Венгрии и Сербии в другие страны выехало³:

Годы	Хорватия и Словения	Сербия и Черногория	Босния — Герцеговина	Всего
1908	20472	2736	3 746	26 955
1910	39462	2269	4 911	46 742
1911	20385	1638	4 577	26 600
1913	42499	1363	4 520	48 382

Обнищание крестьянства в конце XIX — начале XX в. зашло так далеко, что нередко разорялись почти целые села, все беднейшее население которых, попав в долговую кабалу к кулаку или ростовщику, отдавало в «заклад» свою землю и дом и, покинув насиженные места, уходило в город или эмигрировало за границу⁴.

Из Хорватии — Славонии в 1905 г. за границу эмигрировало 16 413 чел.⁵, в 1907 г. — около 60 тыс. чел.⁶.

Уехавшие в США и другие страны крестьяне-переселенцы подвергались там жесточайшей эксплуатации на шахтах, рудниках, на железных дорогах и плантациях, что заставляло их оставить навсегда надежду поправить свои дела на чужбине и, бросив все, возвращаться в свои голодные края.

¹ «Revue économique de Belgrade», mai 1928, p. 146.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 149.

³ В 1920—1929 гг. из Сербо-хорвато-словенского государства ежегодно эмигрировало в среднем 30 000—45 000 чел. В одну только Америку, согласно данным Петрови-ча, уехало около 600 000 человек. (Петровић. Печалбари, стр. 7). П. Слепешкић («Срби у Америци») называет цифру 470 000 эмигрантов.

⁴ В пограничной с Италией словенской области Кочевье-Чобар в 1927 г. в одном из сел крестьянами было покинуто 394 дома (около 30% всех дворов) и все семьи выехали в города Сербо-хорвато-словенского государства или за границу в поисках заработков. Кроме того, в этом же районе ежегодно в течение нескольких месяцев пустовало в среднем 605 домов (L. Kosier, Grossdeutschland und Jugoslawien, Wien, 1939, S. 31).

⁵ Число эмигрантов из Кочевья, — пишет журнал «Deutsche Arbeit», — чрезвычайно велико. Так, в 1930 г. в стране находилось 14 462 жителя Кочевья и почти столько же — 13 017 — за границей («Deutsche Arbeit», Berlin, 1938, I).

⁶ М. Ivšič. Les problèmes agraires en Yougoslavie, Paris, 1926, стр. 123; Н. Крюков (Славянские страны, т. 1, Пгр., 1914, стр. 119) утверждает, что в 1905 г. из Хорватии выехало за границу 25 515 чел., а в 1910—1914 гг. — 148 395 чел. Повидимому, Крюков преувеличивает размер эмиграции, а Ившич, наоборот, преуменьшает его.

⁷ Врбанић. Jedno stoleće u razvoju broja žiteljstva Хрватске и Славоније, 1898, стр. 53—55.

А Градо, Тричврт века нашега прско океански смена. «Обзор», Спомен књига, 1935, стр. 10—100.

«Нет сомнения,— писал в 1913 г. в своей статье «Капитализм и иммиграция рабочих» В. И. Ленин,— что только крайняя нищета заставляет людей покидать родину, что капиталисты эксплуатируют самым бессовестным образом рабочих-переселенцев»¹.

В исторической литературе не дается правильного объяснения причин реэмиграции хорватов, словенцев и сербов из Соединенных Штатов Америки и других стран в Сербию и южнославянские области Австро-Венгрии. Буржуазными исследователями вопрос обратного переселения или не освещается вовсе, или освещается неправильно.

Ряд авторов — С. Косиер², М. Ившич³, И. Матль⁴ и др. — причину реэмиграции объясняют просто «тягой на родину», а также «неприспособленностью к новым неизученным условиям» и даже «неуживчивостью» славян с англо-саксами (Матль). Буржуазные исследователи этого вопроса не видят основной причины реэмиграции — жесточайшей эксплуатации славян-переселенцев в Америке, эксплуатации, которая заставила этих переселенцев отправиться в обратный путь. Только этим и может быть объяснено наличие двух переселенческих потоков: из Сербии, Хорватии, Словении и других районов за границу и из-за границы в южнославянские области Австро-Венгрии и Сербию. Второй поток в количественном отношении уступал первому, но тоже был достаточно велик, а в некоторые годы даже превышал первый⁵.

Об этом говорят следующие данные: в 1908 г. эмигрировало из южнославянских земель Австро-Венгрии и из Сербии в Америку и другие страны 26 965 чел., вернулось 30 529 чел.; в 1910 г. эмигрировало 46 742 чел., вернулось 7973 чел.; в 1911 — соответственно: 26 600 чел. и 20 291 чел.; в 1913—48 382 чел. и 13 086 чел.

Всего за 5 лет — с 1908 по 1913 г. — из США в Сербию, Хорватию, Словению и Боснию — Герцеговину вернулось 71 679 чел.⁶ В 1908, 1919, 1922 и в особенности 1920 г. количество реэмигрантов превышало количество переселенцев. В эти годы из Америки в южнославянские области вернулось 18 980 чел., а эмигрировало в Америку и другие страны только 5988 чел.⁷.

* * *

Приведенные материалы позволяют сделать общий вывод о развитии крестьянских отхожих промыслов в Сербии и южнославянских областях Австро-Венгрии в конце XIX—начале XX в. Это был период развития капитализма в городе и деревне, распада крестьянских семейных общин — задруг и сельских общин, разложения самого крестьянства, усиления его классовой дифференциации.

Однако, наряду с этим в южнославянских землях и Сербии оставались неликвидированными значительные пережитки феодализма, препятствовавшие развитию капитализма в деревне. Крестьянство испытывало двойной гнет — феодалов-помещиков и сельской буржуазии, подвергавших трудовое

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 411.

² Ст. Косијер. Босна и Херцеговина, Београд, 1926, стр. 284 и сл.

³ М. Ivšič. Les problèmes agraires en Jugoslavie, Paris, 1926.

⁴ I. Matl. Die Agrarreform in Jugoslawien, Berlin, 1927.

⁵ См. ст. Косијер. Ук. соч., стр. 283. За период 1923—1928 гг. см. Nesaposlenost u Jugoslaviji. Anketa Centralnog sekretariata radničkih komora, Beograd, 1934, 10.

⁶ Ст. Косијер. Ук. соч., стр. 283.

⁷ Там же, стр. 284.

крестьянство беспощадной эксплуатации. Разорение крестьянства в рассматриваемый период приняло небывалые размеры. Деревня, превратившись в мачеху для крестьянской бедноты, не создавала и не могла создать возможностей для дополнительных приработков. В поисках средств к существованию крестьянин шел в город, на шахты, рудники, лесные промыслы, но и там не находил их. Не находил средств к существованию крестьянин-переселенец и за океаном, на чужбине, где он подвергался еще более жестокой, бесчеловечной эксплуатации.

Положение крестьянства становилось все более тяжелым, все сильнее обострялись классовые противоречия. В порядок дня самым ходом исторических событий ставился вопрос об аграрной революции.

Первым крупным выступлением крестьян в предвоенные годы было восстание, вспыхнувшее летом 1910 г. в Басанской Крайне и Пасавине. Восстание охватило почти всю Боснию и Герцеговину, и перебросилось в другие районы¹.

Начало этому движению было положено в Градишском и Баньялукском котарах выступлением крестьян сел Шишмичи, Радосавска, Славияна и Пискавица. Крестьяне этих сел отказались платить помещикам оброк («хак») и выполнять феодально-крепостнические повинности². Примеру восставших деревень последовали крестьяне сел Борковичи, Бистрица, Прньвор, Иолаши, Горни Перевал, Мелина, Вегуси, Радманичи, Павичи, Добринья, Шливно, Зеленци, Стричичи, Лугичи, Лонвери и Дуяновци.

Крестьянское восстание, с первых же дней охватившее больше 20 деревень, приняло настолько массовый характер, что правительство было вынуждено пойти на некоторые уступки, объявить о подготовке аграрной реформы.

Однако дальше пустых обещаний дело не пошло. Стоило крестьянскому движению пойти на убыль, как все обещания были забыты и аграрная реформа отложена на неопределенный срок³.

В конце лета 1910 г. вспыхнули новые восстания в том же Баньялукском котаре в селах Маховляни, Маглайни, Каботовце, Петшовце, Екутовце, Крнере, Чардачане, Милошевце, Давиче, Велико Блашке, Мало Блашке, Гламочане, Алекиче, Бошковиче, Шушнятиче⁴.

Выступление крестьян осенью 1910 г. приняло еще более острый характер; в ряде мест были сожжены помещичьи имения, помещики изгнаны, а их земли захвачены крестьянами⁵. Против феодально-помещичьего гнета выступили как крестьяне-православные, так и крестьяне, придерживающиеся мусульманского и католического вероисповедания, чем были сорваны попытки помещиков и властей сыграть на религиозных противоречиях⁶.

¹ См. В. Скар и Н. Нури Хаџић и Н. Стојановић. Босна и Херцеговина под аустро-угорском управом, Београд, без года, стр. 140—141.

² См. журн. «Борба», Полумесечни спис социјалне демократије, 1.XII 1910.

³ Закон об аграрной реформе был принят в Сербо-хорвато-словенском государстве только в 1919 г. под давлением нового подъема крестьянского движения. Кметчина в Боснии фактически сохранялась до 30-х годов XX в.

⁴ Журн. «Борба», 1.XII 1910.

⁵ Там же.

⁶ В Боснии и Герцеговине помещиками до оккупации страны Австро-Венгрией были турки, крестьяне же придерживались православного или католического (меньший процент) вероисповедания. После оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в 1878 г. феодальный строй не был ликвидирован. Господствующие классы Австро-Венгерской империи, стремясь ослабить борьбу славянского населения за национальную независимость, разжигали религиозную вражду между мусульманами, православными и католиками.

В некоторых районах произошли вооруженные столкновения с жандармами и прибывшими для подавления восстания регулярными войсками¹. Восстание крестьян в Боснии и Герцеговине в 1910 г. было началом крестьянского движения, которое приняло особенно широкий характер после окончания первой мировой войны 1914—1918 гг., когда под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России на революционную борьбу поднялись народы всего мира, когда в результате революционного взрыва произошел распад реакционной империи Габсбургов и когда в южнославянских странах началась аграрная революция.

¹ В. Скаринь. Нури Хаџић и Н. Стојановић. Ук. соч., стр. 141—142.

А. И. Озолин

ГУСИТЫ В ТУРНЭ

(К вопросу об откликах на чешскую крестьянскую войну в Европе)

Вопрос о влиянии учения и деятельности национального чешского героя Яна Гуса и таборитских идей на Европу неоднократно привлекал внимание буржуазных исследователей. Для них было характерно стремление сузить масштабы распространения гуситских идей и при анализе существа крестьянской войны в Чехии выдвинуть на первый план элементы религиозные, затушевать ее социальные мотивы. Крестьянская война в Чехии XV в. буржуазными историками толковалась как движение в пользу реформ римско-католической церкви. Лишь в нескольких работах ставился вопрос о социальном содержании движения, причем и в них фальсифицировалась роль народных масс, их вождей и революционно-демократический характер этого движения, особенно деятельность левого таборитского крыла (Томек, Палацкий, Пекарж и др.).

Большой интерес для исследователя представляют те материалы, которые показывают, что идеи Гуса и таборитов были связаны с растущим классовым антагонизмом в европейском феодальном обществе и выходили далеко за рамки реформы церкви. Выступление Гуса и крестьянская война в Чехии получили почти повсюду в Европе значительный отклик. Это объясняется прежде всего тем, что это движение носило не только ярко выраженный антикатолический характер, но было направлено также против социального гнета. Наиболее широко распространялись гуситские идеи в годы крестьянской войны в Чехии, когда, наряду с идеями реформации церкви и защиты национальной независимости, на первый план начинают выступать социальные мотивы, когда чешское крестьянство и плебс выдвинули требование коренных социальных преобразований. В противоположность буржуазной историографии Маркс и Энгельс высоко оценивали содержание гуситских войн. «...Гуситские войны,— указывали они,— это национально-чешская крестьянская война религиозного характера против немецкого дворянства и верховной власти германского императора»¹. Как движение антифеодальное, антикатолическое, как борьба за национальную независимость славянских народов оно встречало в Европе не только широкое сочувствие, но и неоднократные попытки подражания. Об этом свидетельствуют многочисленные сообщения современников, письма кардинала Юлиана Чезарини, хроники

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 275.

немецких городов, письма Владислава и Витовта, Мартина V, императора Сигизмунда и другие документы. Гуситские идеи проникали в белорусские, украинские, литовские, польские, словацкие, венгерские, германские, французские земли и далее, вплоть до Испании, Англии и Шотландии. Пример чешских таборитов возбуждающе действовал на городскую бедноту и крестьянство других стран. Разумеется, что в различных странах феодальной Европы отклики на чешскую крестьянскую войну были неодинаковы по своему характеру и глубине, зависели от социально-экономического уровня развития той или иной страны, соотношения классовых сил и задач, которые стояли перед ними в данный момент. Поэтому в одних странах мы встречаем попытку или призыв к прямому подражанию гуситам, прежде всего таборитскому их крылу, в других — дело ограничивалось информацией о событиях в гуситской Чехии и оценкой их и менее значительными непосредственными откликами на гуситское движение.

Пути распространения гуситских идей за пределами Чехии были весьма разнообразны. Эти идеи проникали в Европу путем пропаганды, организованной самими гуситами. Здесь особо большое место занимают гуситские манифесты, деятельность гуситских посольств в Польше и Литве, посылка агитаторов в различные страны, наличие гуситских гарнизонов в феодальных княжествах Европы. Очень часто в армию крестоносцев насильственно мобилизовали крестьян и ремесленников, которые нередко сочувствовали гуситам. Возвращаясь на родину, они рассказывали обо всем, что видели и слышали в гуситской Чехии. Тайные сторонники чехов-гуситов переводили на родной язык сочинения Гуса, гуситские манифесты, четыре пражские статьи. Наконец, по заданию императора Сигизмунда или папы Мартина V, или даже по собственной инициативе, католические богословы выступали с трактатами, направленными против гуситов. Подобными действиями лагерь реакции, независимо от своих целей, способствовал ознакомлению населения Европы с революционными идеями гусизма. На синодах во Франции, Германии, Польше и других западноевропейских странах, на сеймах в Германии и на церковных соборах неоднократно обсуждались вопросы, связанные с распространением гусизма и разрабатывались мероприятия по его ликвидации. Все это также способствовало проникновению гуситских идей в различные слои европейского общества. Позднее, когда таборитские войска перешли в наступление и вторглись в феодальные княжества Германии, Венгрии и другие страны, главным путем распространения революционных идей становится непосредственное сближение населения с таборитами, с жителями таборитских посадов-гарнизонов, которые ставились ими в захваченных землях.

На примере одного из западноевропейских городов — Турнэ, мы хотим показать, какое большое распространение имели в Европе идеи левого таборитского, плебейско-крестьянского революционного лагеря.

Среди тех стран, в которых гуситские идеи нашли весьма сочувственный отклик и широкое распространение, находились Нидерланды, в частности Фландрия. История города Турнэ тесно связана с историей Фландрии. В XIII—XIV вв. Фландрия принадлежала к числу наиболее развитых в экономическом отношении районов Европы. Пиренн отмечал, что в бассейне р. Шельды было сильно развито производство шерстяных изделий и сукна¹. Процесс развития и укрепления феодализма, сопровождавшийся резким ухудшением положения народа, вызвал там ожесточенное сопротивление со

¹ Пиренн. Средневековые города Бельгии, стр. 175.

стороны трудящихся масс, в частности со стороны многочисленного ремесленного населения городов. Оппозиция против феодализма принимала самые разнообразные формы. Энгельс писал, что «революционная оппозиция против феодализма проходит через все средневековье. В зависимости от условий времени она выступает то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания»¹. В Нидерландах были известны все эти формы. Именно там была исключительно бурной вооруженная борьба городов против городской верхушки. Но наряду с этой формой оппозиции феодализму в этой стране существовали и другие, еретические движения². Значительный рост церковных богатств, усиление эксплуатации населения со стороны церкви, рост влияния духовенства в политической и экономической жизни, его паразитическая жизнь вызывали крайнее недовольство народа. Поэтому в различных районах Нидерландов гуситские идеи пользовались большой популярностью. Этому способствовало также участие нидерландских послов в деятельности Констанцского собора.

Между Чехией и Фландрией издавна существовали экономические связи. В половине XIII в. чешские купцы ездили в торговых целях во Фландрию. В это время в Брюгге, например, встречалось чешское золото, продавались воск и олово³. В XIV в. заметно возросла роль прирейнских городов Германии как транзитных пунктов в чешско-фландрской торговле. Через Кельн, Франкфурт, затем Нюрнберг, Дрезден в чешские земли проникала продукция сукноделия из Брюсселя, Ипра, Брабанта, Турнэ⁴.

В то время в Бельгии была известна также и чешская монета. О наличии систематических связей между Чехией и Бельгией свидетельствует такой факт, что в 1396 г. герцогиня брабантская разрешила обращение на рынке чешских дукатов, в то время как иностранная валюта других стран на бельгийский рынок не допускалась⁵.

Среди жителей Праги в XIV в. упоминаются отдельные пришельцы из Бельгии. В 1321 г. в Прагу через Дрезден поступило сукно из Турнэ. За период XIV в. по неполным данным отмечено 9 случаев поступления продукции из Турнэ в Прагу (обычно через посредников — немецкие города)⁶.

В XIV в. между Чехией и Фландрией установились более тесные связи. Особенно укрепились эти связи с приходом к власти в Чехии династии Люксембургов. Чешский король Карл I всемерно способствовал расширению торговли Чехии с прирейнскими землями, так как он прежде всего сам был заинтересован в укреплении своих позиций в этой области. В свою очередь он даровал широкие привилегии и купцам прирейнских городов.

В XIV в. чешские студенты-дворяне ездили учиться в Парижский университет и здесь могли встречаться со студентами из Турнэ. Общение их с чешскими студентами в Парижском университете было, таким образом, вполне возможно.

События в Чехии — выступления Яна Гуса и особенно развернувшаяся

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 128—129.

² I. Greven. Die Anfänge der Beginnen, Münster, 1912; Greger. Beiträge zur Geschichte der religiösen Bewegung in den Niederlanden in der 2. Hälfte des 14. Jahrhunderts в Abhandlungen der Histor. Class. der Hön. Bayer. Akad. der Wissenschaft, t. 25, München, 1898; L. Vandernindere. Le siècle de Artevelde, Bruxelles, 1879, p. 360—363.

³ G. Graus. Český obchod se sukнем ve 14 a počátku 15 st. (k otázce významu středověkého obchodu), Melantrich, 1950, p. 15.

⁴ Г. Граус. Ук. соч., стр. 23—24 и 94—95.

⁵ Там же, стр. 23.

⁶ Там же, стр. 95.

вскоре крестьянская война — привлекли внимание жителей Фландрии. Фландрийские хроники, хотя и кратко, останавливались на этих событиях и указывали на общность антикатолического движения в Англии и Чехии¹. В хрониках сообщалось о восстании в Чехии, о призывах императора Сигизмунда выступить против чехов-гуситов и других событиях, происходивших в этот период в стране. Гуситское движение нашло широкий отклик в различных районах Нидерландов. Решение Констанцского собора вызвало резкую критику со стороны приверженцев реформы церкви, которых в Нидерландах оказалось немало. В Турнэ в течение всего начала XV в. развертывалась деятельность инквизиции. В 1416—1417 гг. инквизитор Петер Флор, получив сведения о деятельности еретиков в городе, выступил публично против ереси на площади города. Во время этого выступления на площади было арестовано три человека за выступления против римской католической церкви. Позднее они были сожжены там же на костре². К сожалению, о характере выступлений этих еретиков нет сведений. Известно, что в числе трех сожженных был ремесленник, изготовитель драпа.

В 1418 г. в письме из Констанца сообщалось о ереси Иоганна Алькмаара из Утрехтского епископства. Иоганн Алькмаар был магистром свободных искусств и бакалавром теологии. В 30 статьях он подверг критике нравы духовенства, его борьбу за светскую собственность. Рассматривая вопрос относительно осуждения Яна Гуса Констанцским собором, автор становился на сторону Гуса и заявлял, что нравы и жизнь духовенства противоречат установлениям апостолов. Проповеди Иоганна Алькмаара пользовались большой популярностью. После ареста Иоганн Алькмаар, будучи убежден в своей правоте, послал свои статьи императору Сигизмунду и королю Англии Генриху IV в надежде на их поддержку. В конце концов под давлением инквизиции он отступил, отрекся от ереси и публично осудил учение Виклефа и Гуса³.

Значительно энергичнее и последовательнее действовал в Турнэ и в диоцезе доктор богословия августинский монах одного из монастырей Турнэ — Николай Серрьер. Он выступал в 1412—1414 гг. в турнейском и камераценском диоцезах с проповедями на родном языке, сформулировав свои основные положения в 28 тетрадах. Парижский епископ уже тогда отлучил его на десять лет от церкви. Но Серрьер не примирился с католической церковью и тайно продолжал свою деятельность. В протоколах инквизиции, посвященных делу Серрьерера, сообщалось, что в его учении видны элементы вальденства и, с другой стороны, сказывалось влияние бегардов. Против Серрьерера и его единомышленников, как и сектантов других направлений, епископ Турнэ организовал всех католических магистров и докторов. В связи с осуждением учения Виклефа и Гуса Серрьер в мае 1416 г. был схвачен инквизицией. В акте инквизиции указывалось, что Серрьер публично проповедывал еретические статьи, причем очень часто «во многих местах и особенно в городах турнейского и касераценского диоцезов». Вследствие его проповедей были распри среди духовенства и народа, «против духовенства города и диоцеза Турнэ и близлежащих мест»⁴.

Инквизитор пришел к выводу, что еретические статьи Серрьерера возбуждают народ в Турнэ против духовенства, так что последнее находится в опасности, подвергается «поруганию, насмешкам и ненависти народа».

¹ Annales, p. 302.

² Corpus Inquisitionis Neerlandicul, изд. Frederique, t. I, № 250, 253.

³ Corpus..., t. 3, p. 51—55.

⁴ В Констанце проклинали 31 статью учения Серрьерера.

В заключение инквизитор вспоминал Виклефа и Гуса и подчеркивал общность учения Серрьера с их учением¹. Выступление и процесс Николая Серрьера еще долгие годы находили отклик в деятельности папской курии. Мартин V вспоминал о нем в булле от 6 января 1420 г., перечисляя статьи, которые проповедывал Серрьер, и также устанавливал связь его учения с учением Виклефа и Гуса и требовал конфискации имущества сторонников Серрьера. В это время Серрьер был уже в Швейцарии и искал защиты против преследований со стороны папской курии у епископа лозанского. Ненависть к нему со стороны деятелей папской курии была столь велика, что Мартин V не давал ему покоя и в лозанском епископстве. В 1423—1424 гг. он написал ряд писем епископу лозанскому, герцогу савойскому и епископу безансонскому, в которых обвинял Николая Серрьера в пропаганде учения Виклефа и Гуса и прямо указывал на угрозу распространения в Европе ереси из восставшей Чехии².

Все эти выступления в Турнэ — крупном текстильном центре того времени — под влиянием революционного таборитского движения происходили в обстановке острой политической и социальной борьбы.

Источники сообщают о частых волнениях городских ремесленников против властей, их борьбе за возвращение привилегий цехов, которые были отняты у них еще в 1366—1367 гг. Фландрские хроники отмечают, что в 1422 г. в городе происходит новое волнение ремесленников³.

В такой напряженный момент и выступил в городе со своим манифестом, написанным в гуситском духе, житель Турнэ — городской писарь Жиль Мерсо.

Этот манифест, выпущенный Турнэ в 1423 г., имеет большое значение для исследования откликов на крестьянскую войну в Чехии. Манифест опубликован Ф. Бартошем в 1933 г. вместе с краткой вводной статьей, посвященной формальному анализу документа. Развернутого же анализа манифеста в этой статье не дается⁴.

Манифест обращен ко всем горожанам Турнэ. Вначале автор сообщает о себе краткие сведения. В 1420 г. он был захвачен насильственно сторонниками Сигизмунда и зачислен в ряды крестоносцев, которые в то время усиленно вербовались с помощью агентов папы римского в Западной Европе. В Турнэ такой представитель папы прибыл в 1420 г. и подстрекал жителей города выступить против чехов и особенно против восставшей Праги. С войсками Сигизмунда Жиль Мерсо попал в Чехию и побывал в Праге. Каким путем он попал в Прагу, неизвестно, так как отряды Сигизмунда были отбиты под Прагой и в чешскую столицу им не удалось ворваться. Большой интерес представляет сообщение о том, как его вынудили принять участие в крестовом походе против гуситской Чехии, вопреки его воле. Это одно из немногочисленных свидетельств участника крестовых походов, в котором видно нежелание крестьян и ремесленников, насильственно мобилизованных в качестве вспомогательных войск всякого рода, воевать против восставших чехов. В этом заключается один из элементов внутренней слабости войск крестоносцев.

В манифесте автор останавливается на причинах восстания чешского народа и видит их прежде всего в состоянии церкви. Тут же попутно он

¹ Corpus Inquisitionis Neerlandicæ, t. II, p. 132.

² Corpus..., t. II, № 148—150, 152, 153.

³ Annales, kn. 15, стр. 304.

⁴ F. M. Bartoš, Manifesty města Prahy z doby Husitské. Sbornik příspěvků k dějinám Hlavního města Prahy. Díl. VII, v. Praze, 1933.

дает характеристику положения римско-католической церкви в Западной Европе вообще и, в частности, в турнэйском диоцезе. Он отмечал глубокое разложение церкви почти во всех странах. Манифест Ж. Мерсо не был единственным документом, с которым он выступал перед своими согражданами. Он сам указывал на несколько своих более ранних обращений, о которых, к сожалению, мы ничего не знаем. По его сообщению, известен и предмет его ранних выступлений. Это также был вопрос о римско-католической церкви и ее действиях, ее богатствах в Турнэ и о путях ликвидации существующего ненормального положения в церкви. Трудно сказать, какой след оставили эти прежние послания Мерсо. Однако известно, что в других городах — в Лилле и Турнэ — еще до выступления Мерсо с манифестом были уже преследования горожан за ересь (1420—1423 гг.). Мерсо указывал в предисловии к манифесту на процесс, который инквизиция вела против еретиков в этих городах в 1421 г. Жиль Мерсо гневно спрашивал своих сограждан, сколько они еще будут терпеть притеснения духовенства, уклоняться от дела тех, кто нашел указания о пути к спасению в священном писании и не побоялся духовенства или какого-либо другого господина? (Здесь он имел ввиду тот путь, на который встал уже тогда восставший чешский народ.) После этого Мерсо со всей решительностью подчеркивал, что источник силы для конкретных действий чешский народ получил в своих четырех пражских статьях, сформулированных на основе священного писания. Затем автор переходил к подробному изложению этих статей.

Для определения классовых позиций автора манифеста важно знать, как он толковал эти статьи. Четыре пражские статьи принимали оба лагеря восставших чехов, как плебейско-крестьянский революционный лагерь (табориты), так и рыцарско-бюргерский умеренный лагерь сторонников реформации (чашники). Однако, признавая эти статьи, чашники и табориты понимали и толковали их по-разному. Табориты особое внимание уделяли третьей и четвертой статьям — о наказании смертных грехов, о церковной собственности и светской власти римской церкви, имея в виду, что огромные церковные богатства в Чехии должны быть отданы тем, кто работал на земле, поливая ее своим потом и кровью, т. е. крестьянству. Табориты полностью и категорически отвергали право церкви на земельную собственность, а она была в то время главным видом собственности. Табориты требовали отнять у церкви светскую власть — должности наместников, государственных советников, отнять у попов светскую власть и захваченное ими право собирать съезды, участвовать в решении светских вопросов вместе со светскими князьями и т. д. Они требовали ликвидации роскоши духовенства и патрициата в его повседневной жизни, например, ношения роскошных одежд, ликвидации насилий, разврата.

Чашники же думали лишь прибрать церковные земли к своим рукам и практически так и действовали во время крестьянской войны. Они вовсе не думали об ограничении роскоши, так как стремились занять место панов в поместьях, патрициев в городах. Толкование чашниками пражских статей лишало их антифеодальной направленности.

Какую же позицию занял Жиль Мерсо и какую трактовку четырех пражских статей дал он своим согражданам в манифесте? В его манифесте совершенно отчетливо проявляются таборитские симпатии и, больше того, склонность к хилиазму крайних радикальных таборитских сект. Автор представляет статьи не в обычном, уже принятом у чехов, порядке, а располагает их по своему усмотрению. Вкратце излагается содержание первой

статьи в духе той редакции, которая была принята жителями Праги в манифестах от 3—20 июля 1420 г. Мерсо делает здесь подробное примечание о том, что во время своего пребывания в Праге он лично убедился в том, что статья действительно соблюдается (это статья о свободной проповеди христианского учения). «Поэтому я вас истинно уверяю, что во время моего пребывания в названном городе без всякого препятствия публично проповедывалось слово божие и не возбранялось кому-либо иметь библию на его языке. Совсем не то у нас»,— восклицает автор, говоря о Турнэ. Симпатии автора целиком на стороне отважных гуситов, добившихся большой свободы и самостоятельности. После первой статьи Мерсо характеризует четвертую, говорящую о том, что смертные грехи должны быть наказуемы и ликвидированы. За кратким изложением статьи следует более развернутый комментарий. «И что это было верно и не является выдуманным в их названном городе и владениях их, об этом свидетельствует тот факт, что задолго до моего приезда,— сообщал Мерсо,— и во время моего пребывания в городе не было публичных домов, игроков в кости или других бесполезных игр». «И не слышно светских щегольских (т. е. дворянских — светских.— А. О.) песен где-либо, но поют духовные песни, т. е. Отче наш, Верую, десять заповедей и тому подобные».

Манифест Ж. Мерсо — свидетельство очевидца, лишний раз подтверждает высокую мораль и аскетизм таборитов.

В своеобразной редакции, но с большими комментариями дана третья статья — о собственности и светской власти духовенства. Мерсо заявляет, что у церкви должны быть отобраны все богатства. В комментариях к статье автор резко критикует папу, кардиналов, высшее духовенство.

Папы и кардиналы, архиепископы и епископы, и каноники,— пишет Мерсо,— имеют не только то, что им необходимо для одного человека или для их семьи, но имеют владения и высшую власть, т. е. землю, села, замки и укрепления, что вы можете видеть и в настоящее время. Отсюда вы можете видеть, что они не являются учениками Христа, но есть ученики дьявола и антихриста и противники Христа.

Автор далее указывает, что приход папы к власти — это дело сатаны и в интересах последнего. Совсем не то в Праге, где гуситы провели в жизнь эту статью: «...Знайте, что в самом городе Праге и во владениях его горожане имеют в своих руках все владения, которые обычно принадлежали их священникам... и эти священники при таком общинном управлении названного города ничего собственного [не имеют]». Чего-либо принципиально нового в вопросе о том, как гуситы осуществляли свою третью пражскую статью, здесь для нас нет. Текст декрета пражской общины от 1420 г. о конфискации имущества врагов истинной церкви (т. е. врагов гуситов.— А. О.) сохранился, так же как и инструкции гуситов своим послан в Польшу, где гуситы сами рассказывали о том, что они отняли у церкви богатства и советовали полякам поступить так же. Однако Мерсо не дает ответа на вопрос о том, кому же должны отойти конфискованные церковные земли.

Наконец, в манифесте излагается статья о причащении под двумя видами. Автор обвиняет папу в том, что тот, нарушая это право народа, осуждает «таким образом сотни людей не только на смерть телесную, но и вечную».

В манифесте поставлены также и некоторые вопросы, касающиеся церковного ритуала. Опровергается необходимость поклоняться иконам. Не обойден автором и такой вопрос, привлекавший в то время внимание

различных сект и гуситов, как вопрос о чистилище и загробной жизни. По учению католической церкви, душа умершего должна была освободиться от всех грехов в чистилище и затем попадала в рай, где существование этой души продолжалось бесконечно. На учение о загробной жизни и признание чистилища, как необходимого звена в нем, опирался весь заупокойный культ христианской церкви. Католическая церковь учила, что духовенство здесь на земле вело борьбу за спасение души умершего, за очищение ее от грехов и переход в рай. Все это достигалось будто бы целым рядом мероприятий церкви — обеднями в память умершего, повседневными молитвами за упокой и т. д. Отрицание чистилища влекло за собою ликвидацию очень важной доходной статьи духовенства. В то время это означало бы подрыв авторитета духовенства как особого сословия, как посредника между богом и людьми. Эта же статья у гуситов носила явно таборитский характер и чашниками отвергалась. Как же писал об этом Мерсо?

В загробной жизни существует только два пути для умершего — рай или ад. «...знайте, что это ложь (т. е. наличие чистилища.— А. О.),— писал Мерсо.— Не верьте тем, кто берет с вас серебро и золото за организацию заупокойных молитв». Чрезвычайно интересен мотив, по которому Мерсо ставит под сомнение существование чистилища: «Бедняки не могут иметь справедливой доли от бога, потому что не могут вырвать своих друзей из чистилища в связи с отсутствием серебра», т. е. денег на заупокойные молитвы по умершим. Бросается в глаза демократический характер мотивировки отрицания чистилища.

Но Мерсо не ограничивался только резкой критикой римско-католической церкви. Он — сторонник активных действий, вплоть до восстания в целях уничтожения церковных богатств. Он заявлял, что в ночь, когда манифест будет распространен среди населения, для истинно верующих жителей города будет производиться тайно причащение обоих видов. Он призывал сограждан внедрять в богослужение родной язык. Отныне, писал он, говорите «Отче наш» только на родном, а не на латинском языке. Затем он напоминал имена горожан Турнэ, погибших в борьбе за реформированную церковь, и особенно горячо одобрял деятельность чешских гуситов: «Знайте, что за эти настоящие истины те в названном королевстве Чехии и в Праге сражаются и сжигают настоящую церковь антихристову и восстанавливают и укрепляют церковь апостольскую».

В заключение автор призывал всех верующих (т. е. противников римско-католической церкви.— А. О.) объединиться в общество, которое с божьей помощью будет защищать христианскую истину против нарушителей. Что имел он в виду, когда говорил об обществе, какие элементы общества, какие формы борьбы,— это осталось неизвестным. Жиль Мерсо имел, по видимому, помощников, так как 10 марта 1423 г. инквизиция обнаружила в различных районах города 80 списков его манифеста. Сам Мерсо попал в лапы инквизиции и 22 июля 1423 г. был сожжен на костре как еретик и сторонник гусизма.

Выступление Жиль Мерсо имеет для нас интерес также потому, что оно оказалось связанным с борьбой массы городских ремесленников за свои права, хотя недостаток материалов не позволяет проследить эту связь в деталях. Отдельные факты, однако, достаточно убедительно свидетельствуют, о том, что такая связь была. Арест Мерсо послужил, по видимому, поводом для выступления городских ремесленников против магистрата. Жиль Мерсо, бывший клерком магистрата, временно исполнял свои обязанности на рынке сукон, что давало ему возможность постоянного общения с сукно-

делами и, повидимому, проведения среди них пропаганды в гуситском духе. Вместе с Мерсо оказался арестованным и заключенным в епископскую тюрьму сын мелкого торговца сукнами Жак Блари. К этому времени в городской тюрьме были уже и другие арестованные и некоторые горожане были уже высланы из города по неизвестным нам причинам. Руководители 36 городских цехов просили освободить Жюля Мерсо после его первого ареста в 1423 г., и он был первоначально освобожден. Но вскоре представители цеховой верхушки увидели свою ошибку и сами просили городские власти наказать Мерсо. Мерсо был вторично арестован и приговорен к смерти. Ж. Блари удалось привлечь на свою сторону цехи. Ремесленники цехов выступили против магистрата и простояли всю ночь с оружием в руках по требованию Жана Каве и большого числа валяльщиков шерсти. На другой день цехи потребовали, чтобы Блари не был наказан и чтобы другие арестованные были освобождены, а высланные прежде — возвращены в город. Городской магистрат считал необходимым уничтожить цеховые знамена, которые были в руках ремесленников символом их независимости, но такая попытка не удалась. Собравшиеся ремесленники различных цехов с большим шумом потребовали возвращения им знамен, что магистрат и вынужден был сделать. Ободренные успехом ремесленники объединились для того, чтобы добиться некоторых политических прав. Эта борьба окончилась тем, что им в конечном счете удалось получить право иметь своих представителей в магистрате.

Позднее, 16 марта 1423 г., Карл VII утвердил эту новую конституцию города, убедившись в том, что отказ от нее повлек бы за собою сопротивление ремесленников¹.

Вернемся к судьбе Жюля Мерсо.

22 июня 1423 г., в день кровавой расправы над Мерсо, из папской канцелярии за подписью папы в Турнэ были направлены письма епископу, капитулу городского собора и городскому магистрату. Сам факт одновременной отправки нескольких писем по поводу процесса Мерсо показывает, что этому процессу придавалось исключительное значение. В письме епископу Турнэ папа прежде всего одобрял его усердие в борьбе с еретиками. В то же время он указывал, что нужно уничтожить не только плоды дурных деревьев, т. е. ереси, но и корни их.

Для расправы с опасным еретиком на площадь, где происходила казнь, приехал сам епископ. В этот же день Мерсо был сожжен на костре. В городском архиве сохранилось описание зверской расправы над ним с подробнейшими данными магистрата о том, сколько они потратили денег на дрова и прочее для осуществления своего злодеяния, для ликвидации опасного противника римско-католической церкви и городской знати. Материалы процесса Жюля Мерсо показывают, что римско-католическая церковь являлась кровавым палачом чешской крестьянской войны, душителем национально-освободительного движения славянских народов и прогрессивных народных движений, передовой мысли лучших умов человечества.

Как мы уже отмечали, расправа с Жилем Мерсо не приостановила борьбы ремесленников против магистрата, а даже способствовала ее усилению. Борьба против высшего католического духовенства также продолжалась. Когда в 1425 г. Филипп Бургундский отнял вольности у нидерландских городов, в том числе и у Турнэ, все ремесленники поднялись в защиту

¹ Сообщение о волнениях ремесленников отмечено в источниках. См. *Corpus Inquisitionis Neerlandiculae*, t. II, p. 304—307, а также А. С. Хотин. *Histoire de Tournai et de Tournésis*, Tournai, 1840, t. II, p. 13—15.

городских привилегий. В том же году папа Мартин V направил городскому магистрату Турнэ письмо, в котором указывал на необходимость постоянной борьбы с еретиками в связи с неблагоприятным положением в этом отношении, отказом некоторых жителей города платить церкви десятину и выполнять для нее другие повинности, о чем ему сообщал епископ. С января и по декабрь 1427 г. в ряде писем, сохранившихся в городском архиве Турнэ, упоминается имя Жака Блехари, как упорного еретика, выступавшего против римско-католической церкви. 21 декабря 1429 г. Жак Блехари был сожжен на костре за ересь. В феврале 1430 г. инквизитор вновь привлек к ответственности еретиков различных направлений.

Рассмотренные нами материалы позволяют сделать следующие выводы: 1) влияние гуситских идей далеко выходило за пределы Чехии, 2) в ряде случаев гуситские эмиссары или сторонники гусизма стремились перенести в свои страны гуситский опыт, 3) крестьянская война в Чехии оказала огромное влияние на революционное движение народных масс соседних стран, 4) влияние таборитских идей в Европе и распространение их способствовало усилению народного движения против феодалов.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЫ

	Стр.
<i>И. Н. Мельникова.</i> Из истории революционного движения на Закарпатской Украине в 1921—1924 гг. : : :	5
<i>В. Г. Карасев.</i> Революционно-демократическая программа Светозара Марковича.	60
<i>С. А. Никитин.</i> Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX века	89
<i>И. С. Достян.</i> Социально-экономические отношения в сербской деревне накануне восстания 1804 года	123
<i>В. Д. Королюк.</i> Начало шведской агрессии против Речи Посполитой в ходе Северной войны	208
<i>О. Е. Иванова.</i> К вопросу об упадке крестьянского хозяйства в Польше во второй половине XVII—первой половине XVIII в.	284

СООБЩЕНИЯ

<i>Ю. А. Писарев.</i> Крестьянские отхожие промыслы в Сербии и южнославянских землях Австро-Венгрии в конце XIX—начале XX в.	305
<i>А. И. Озолин.</i> Гуситы в Турнэ. (К вопросу об откликах на чешскую крестьянскую войну в Европе)	331

БИБЛИОТЕКА
ИСТОРИКО-ЯЗЫКОВЕДЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА РАН И ВАСИ
УЛ. ПУШКИНА, 125

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *В. И. Зуев*
Технический редактор *Н. А. Неграева*
Корректор *В. К. Гарди*

*

РИСО АН СССР № 51⁵⁶. Т-07704. Издат. № 3656
Тип. заказ № 570. Подписано к печати 24/IX 1952 г.
Формат бумаги 70×108 ¹/₁₆. Бум. лист. 10,87
Печатн. лист. 29,45. Уч.-изд. лист. 30,7. Тираж 2500.

Цена по прейскуранту 1952 г. 20 руб.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

20 руб.

УЧЕНЫЕ
ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНО-
ВЕДЕНИЯ

VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ
НАУК
С С С Р

1952